

ББК 84
О 74

Редакторы
Е.С. Зотова, Т.Г. Трубицына

Дизайн
А.А. Барыкина

Вёрстка, оригинал-макет
С.С. Нипа

О 74 **Осипов Ю.М.**

Наедине с Софией. Метафизические реалии. — М.:
ТЕИС, 2014. — 602 с.

Для всматривающихся в реальность и видящих в ней
иное.

ISBN 978-5-7218-1343-6

(С) Осипов Ю.М., 2014

Мыслящий человек не может не мыслить, не задавать себе коварных вопросов, не находя ответов, лишь получая возможность навсегда остаться наедине с самим собою, если и не утешенным, то изрядно укрепившимся. Мышление — удел сильных, способных не утрашиться вынужденного одиночества, которое и есть главная награда за дерзостные откровения.

София недолюбливает пытливых исследователей и не терпит самоуверенных теоретиков, предпочитая не слишком уверенных в себе и не очень благонамеренных в познавательном отношении мыслителей, только и способных войти в контакт с Софией — как раз по причине своего умственного и поведенческого несовершенства.

Предвосхищение

В жизни университетски образованного человека, вставшего на путь размыслительной учёности, можно выделить три этапа: 1) *становления*, включая ученичество, когда идут освоение накопленного в человечестве знания, овладение навыками интеллект-труда и нащупывания собственного интеллект-места в большом учёном мире; 2) *новаторства*, когда являются первые и следующие за ними самостоятельные решения, но по преимуществу в русле принятого в учёном сообществе понятийно-дискурсивного аппарата и в рамках господствующего воззренческого контекста; 3) собственно *творчества*, когда обгоняющий время мыслитель выходит за пределы устоявшихся парадигм и доминирующих воззрений, идёт отличным от оных путём, пользуясь уже иным — во многом и своим собственным — понятийно-дискурсивным аппаратом, приходя и к совершенно неожиданным воззренческим итогам.

Ничего вроде бы особенного, за исключением разве лишь того, что третий (и решающий!) этап случается у совсем немногих, а по большому счёту — у единиц!

Большинство из очень образованных и чуть ли не всё на свете усвоивших интеллектуалов так и не выходит за пределы первого этапа, становясь и оставаясь на всю жизнь добротными профессионалами, нередко с обширными познаниями и большой эрудицией, достигая даже разряда крупных знатоков какой-либо приоритетной для них сферы знания, даже её эффективных усовершенствователей.

Не очень многие, скорее даже — немногие, но весьма всё-таки заметные числом персоны выходят во второй этап своего трудо-подвижнического бытия, реализуя себя в развитии уже возникшего и существующего знания, в особенности ежели таковое не достигло ещё полной зрелости и стопорящей его движение законченности. Сколько тут новаторов, открывателей, оригинальных разработчиков, обычно составляющих славу той или иной отрасли знания (науки), получающих заслуженное признание, чувствительные почести и весомые награды (лауреаты премий, члены академий, носители почётных званий, орденосцы)!

И уж совсем немногим — единицам — посчастлививается войти в третий этап мыслительного бытия, одаривая себя и онаученный мир чем-то настолько необычным и заметно противоречащим всему уже вполне воспринятому, статусному и как бы истинному, что вместо понимания и приветствий со стороны учёного сообщества, якобы заинтересованного в новизне, получают от него прямо наоборотное — непонимание, критику, а то и осуждение, в особенности ежели позволяют себе выйти за пределы не то что привычных познавательных-размыслительных подходов, а и самогó доминирующего в умах и закреплённого в учёных сердцах мировоззрения.

Учёный мир такой дерзости никому из третьеступников не прощает!

История человеческого мыслиезъявления полна примеров такого рода третьеступных выходов (выходок!) с сопровождающими их конфликтами «выходного» субъекта с массовой «невыходной» средой. Разумеется, предлагаемое первопрородцем разрешение вовсе не обязательно должно приветствоваться учёным сообществом, тем более, что вероятность ошибочности предложенного на суд человеческий дерзкого признания бывает поначалу весьма высокой. Для полной выверки, причём не экспертной, а бытийственной, требуется время, — и ежели «первоотступнику» повезёт, то он может вдруг и дож-

даться широкого внимания к его неожиданно-невозможному творческому плоду, но... это если повезёт, что бывает не то что редко, а в порядке очень уж большого исключения, что в общем-то для первопроходца не очень-то и нужно: он-то и так *знает!*

И остаётся «первопреступнику» одно: не обращать внимания на особое внешнее мнение и никакого позитивного отклика со стороны учёного сообщества вообще не дожидаться! Причём поступать так вовсе не только от осознания невозможности публичного одобрения своего непосильного труда, мало того — от осознания и ненужности подобного труда для окружающей учёной среды, даже и его большой для неё опасности, а от субъективной уверенности в вещи правоте внезапно первопроходцем достигнутого, но не вследствие психоневротической самоуверенности «первоеретика», а по причине невыразимого словами чувствования им высшей — уже надчеловеческой! — критериальности, доступной лишь не просто вышедшему за пределы окосневшего общепринятого знания, но и непременно вошедшему в *иное* познавательное-размыслительное пространство!

И совершенно не имеет значения, кто и как из эрудированных профессионалов-знатоков относится к всамделишному новому, ибо скорого адекватного приятия тут по преимуществу быть вообще не может, а потому остаётся только виновнику потрясшего затвердевшие каноны учёного казуса защитительно воскликнуть, предвосхищая свой неудобоваримый и никому из уже всё знающих не нужный текст: «*Quod scripsi, scripsi!*»¹.

¹ Что написал, то написал! — *лат.*

1

Базис мира — *тайна!*

2

Не Вселенная объемлет тайну, а тайна объемлет Вселенную, которая вся вышла из тайны (из пустоты, из *ничто*), в ней пребывает (в полноте, как уже *нечто*) и в неё непрерывно уходит (в пустоту, в *ничто*).

3

Сознание, присущее человеку и делающее человека человеком, эта Вселенная внутри Вселенной, как и за её пределами, — тайна, хоть при этом и знание: и не только тайна охватывает и теснит сознание, но и сознание ухватывает и держит тайну, обжигая себя самодостаточным знанием — знанием тайны.

4

Знание — раскрытая тайна, но ровно настолько, чтобы тайна оставалась тайной, а сознание было знанием, а потому и *со-*знанием.

5

Сознание из тайны, или знание о знании тайны, а потому тайна внутри себя и для себя.

6

Мир — тайна, он весь пронизан тайной, но он пронизан и сознанием — этим знанием тайны, что делает мир тайным знанием, а знание — тайным миром.

7

Сознание и мир, мир и сознание, — и ничего другого... кроме всеобщей тайны!

8

Всеобщая тайна — *Великая Неизвестность*, способная становиться известной, но лишь вновь и вновь себя подтверждая — в исходной и возрождающейся неизвестности.

9

Знание — известная неизвестность, как и неизвестная известность, но лишь в окаёмном итоге, даруемом окаёмной же неизвестностью.

10

Неизвестность на грани известности, рядом с нею, в спайке с известностью, во взаимодействии с нею — *трансцендентность* (она же запредельность).

11

Мир трансцендентен, он имеет предел и запределье, ибо уходит в неизвестность, сопряжён с тайной, а также в силу присутствия неизвестного и сугубо тайного в самом транслируемом через известность мире, мало того — по причине и непрерывного и неустанного действия неизвестного и тайного в мире.

12

Действующая в мире трансцендентность — *трансценденция*! Это мощная управляющая сила, субъективно — человеком — ведома, но субъектно — от человека — не ведома.

13

Мир — тайна, следственно — ничто, а ежели всё-таки нечто, то — *Дух*, который не пустота вовсе, а субстанция, которой вроде бы нет, но которая всё-таки есть — как возможность прихода *Нечто* из *Ничто*. Возможная субстанция и субстанциальная возможность! *Дух* — возможность становления и становящаяся возможность! Это ничто, переходящее в нечто, но при этом и ничто в уже существующем нечто.

14

Нечто — мир, мироздание, Вселенная, как раз то самое нечто из ничто, как и ничто в нечто, что доступно знанию, что сознание может осознавать, мало того — *осознаивать*! Реальность — нечто и ничто вместе, в связке, вкупе, во взаимодействии. А вот ирреальность, сидя в реальности, свободна от реальности, ибо способна уходить в ничто, в неизвестность, в тайну, таща за собой при случае и реальность.

15

Самое нечто в нечто, самое реальное в реальном, самое доступное из доступного сознанию — *материя*, воплощённая в вещах, предметах, объектах, в упругости, тяжести, тверди, в единицах, числах, мерах, в частицах, комбинациях частиц, массах частиц, в элементах, органах, организмах, но также и в пространственно-временном континууме, в структурах, в движении, взаимодействии, процессе, в причинно-следственном бытии. Материя — материал мира, явившийся из ниоткуда, от ничто, от бездны, из тьмы. Мать — тьма, а тьма — мать! Выворот тьмы в мать, материю, материал, а потому и выворот мира, мироздания, Вселенной, а затем и человека с сознанием или же сознания с человеком.

Материя — не материя как таковая, не мир и не Вселенная, а всего лишь знание о материи, как и о мире, о Вселенной, как раз то самое известное (сознанию!) посреди неизвестного, как и известное о неизвестном, что будучи от неизвестного, вполне и неизвестно. Материя — известное неизвестное, как и неизвестное известное, что известно по факту, но не по сути, ибо суть трансцендентна и трансцендентно сокрыта.

Мир материи, и он же материальный мир, вкупе со всей своей трансцендентностью — *физический мир*, он же *мир физики* (как продукта и части сознания, как знания). Это — *физис мира*, или же *мировой физис*. Вне физиса нет мира — *мира природы*, или рождённого из тьмы мира, нет жизни, нет человека, нет и сознания, хотя сознание по сути своей вовсе... не физично, ибо само по себе не материально, хоть и имеет материального, с телом и кровью, вполне природного и вполне животного носителя.

Сознание не физично по сути, а *метафизично*, как метафизичен сам Дух, который из ничто с нечто. В обосновании мира не физис, а *метафизис*, хотя физис прямо в основании мира — этого мира. Сознание — продукт, достояние и символ метафизиса, но по преимуществу не физического метафизиса (парафизического метафизиса, сопряжённого непосредственно с физисом), а свободного от физиса метафизиса, как раз того, который прямо из запределья.

Сознание — особый мир в мире, в обосновании и основании которого не физис вовсе, а непосредственно метафизис, прямо восходящий не к материи, а к Духу, а потому не так фи-

зису имманентный, как ему трансцендентный. Сознание — неприрода в природе, ей — природе — прямой антипод, хотя от неё — от природы — и неотвязный (хотя бы до поры). Сознание — бытующий в физисе нефизический феномен, ибо в сознании, не имеющем ни пространства ни времени, — по крайней мере в физическом смысле, — нет ничего вообще физического: слово, язык, речь, текст, смысл, мысль — никакой не физис, это, наоборот, сплошной метафизис, обладающий духовной субстанцией и, как сам Дух, непрерывно восходящей к возможности (или виртуальности). Сознание всегда в возможности, а возможность вовсе не реальность, а ирреальность, а потому сознание, хоть и реально по факту, но по сути своей всё-таки ирреально. Относительно физиса сознание вполне трансцендентно, оно в целом за пределами физиса, хотя и организменно сопряжено с ним. Мир сознания — мир более всего *метафизики* — как знания и осознания мира, а мир знания — не более чем *осознаниенный мир*.

20

Объяснить и обосновать феномен сознания лишь в материальном ключе невозможно. Как и в сугубо природном тоже. Не природа сама по себе породила (произвела на свет) сознание, хотя она и приняла в себя сознание, его как-то и оприродив. Сознание по сути и по преимуществу — за пределами материи и природы. Сознание *вне*-материально и *вне*-природно, оно прямо от трансценденции, от вселенского Духа. Сознание не так из природной реальности, как из и от *вне*-природной реальности, как раз той самой — *образной*, которая по сути самая что ни на есть *ирреальность*.

21

Образ как феномен вполне реален, но реален он лишь в сознании, да и только потому, что сам по себе он ирреален, как и само сознание. Образ, он же и *миф* — чистый продукт соз-

нания, хотя и часто имеющий отношение по своей идее ко внесознаниевой реальности, к тому же физису. Сознание *образно*, и никаким иным оно быть не может. Следственно, и *мифо*-творно. Оно всё из образов и мифов, из идей, из галлюцинаций, из ничто, можно сказать даже — из небытия! Хотя оно и в бытии, ради бытия, даже из бытия.

22

Сознание — присутствие *иного* в *этом*, или же *иного мира* в *этом мире*, хотя, быть может, и в *ином мире* тоже; сознанию известен только осознанный мир, а он, этот осознанный мир, тоже *иной мир* и тоже в *ином мире*.

23

Сознание — не более чем воображение: как реальности, так и ирреальности, как всего *этого*, так и всего *иного*. Сознание — мир в мире, и настолько отличный от мира-материи, что он вовсе не часть мира-материи, а мир-спутник, мир-сосед, мир-противник. Сознание как таковое вовсе не полагает мир-материю, хоть и вынужденно его предполагает, будучи в нём заключённым; сознание более всего отрицает мир-материю, будучи само феноменом нематериальным, духовным, идеальным. Сознание не из частиц, а из идей, что вовсе не одно и то же.

24

Знаем, что есть *мысль* — как феномен сознания, а почему она и что она по сути своей, кроме разве того, что она ничто — не знаем. Мысль от *смысла*, это идеально запечатлённый молчащий (м-м... м) смысл, правда, уже обнаруженный... сознанием. Где и в чём материя смысла или той же мысли? Такой материи нет и быть не должно. Можно, конечно, предположить существование каких-нибудь нематериальных ДНК, обращённых к смыслам, мыслям, идеям, словам, речи, тек-

стам, но всё равно остаётся вопрос, характерный и для материальных ДНК — а почему именно этот набор генов даёт именно этот образ материи, даруя ей именно этот концепт, замысел, идею, смысл, наконец — конструкцию?

25

Сознание — сплошная трансценденция, лишь частично представленная в знании, принимаемом, добываемом и удерживаемом трансцендентным сознанием. Знаем, но... *что...* знаем? Знание не просто относительно, условно, предположительно, «подобно», оно есть непременно и... незнание. Да, позволяет жить, действовать, хозяйствовать, творить, переделывать (ту же природу), созидать неприродное, но... о *чём* же в самом-то деле всё это знание, которое как раз в связи с этим и незнание?

26

Осознание сознания. Что это? Если сознание есть отстранение от мира-бытия, то осознание сознания — уже двойное отстранение. Тогда что есть на самом деле сознание и в какие дали оно заходит? Какова начинка сознания и каковы его размеры? Да, сознание безразмерно, это что-то выходящее за пределы мира, мироздания, Вселенной. Исходя из неизвестного, сознание к неизвестности и приходит. Смычка! Сознание свободно, это не мир-материя, это Дух, а потому сознание ограничено только... сознанием. Сознание — самобытие, но... в теснинах бытия — мира-материи, природы, мироздания, Вселенной. Утеснённое самобытие, когда ирреальность вынуждена считаться с реальностью, а реальность есть не что иное, как утеснённая ирреальность, а точнее — неизвестность!

27

Осознание сознания позволяет распознать сознание, его «обведомить», разумеется, в неограниченных пределах самого

сознания. Бросается в ум прежде всего *сознание сознания*, когда сознание изливается вовне в виде понятных слов, ясной речи, стройного текста. Тут господствует *Логос*, или *знание знания* («овнешневлённое» внутреннее знание, являющееся от необходимости передачи знания от одного субъекта знания к другому, возможности понимания одного знания другим знанием, движение знания от одного субъекта знания к другому). Логос — порядок, а сознание сознания — упорядоченное сознание, тесно сопряжённое с упорядоченным же знанием. Это сознание (его часть, доля, сфера), обращённое более всего к осознанной и упорядоченной деятельности, точнее — к ведению осознанной деятельности посредством её осознанного ведения (с предварительным воображительным видением). Тут доминирует Ratio (ум, разум), окормляемое бытовой и социальной логикой. Бытовое, опытное, непосредственно ради жизни (и смерти тоже) знание, но так же и мифология, философия, наука, инженерия, информатика — всё это орудийный ресурс упорядоченного сознания, как раз того самого сознания, которое сознанием обычно и называется, или же, говоря иначе, *сознательного сознания*.

28

Сознание не сводится в силу своей иномирной генетики, особой субстанциальной природы и неоднозначного положения в земном мире к собственно сознательному сознанию, весьма эффективно проявляющемуся и легко замечаемому. Сознание включает в себя, помимо сферы упорядоченного («логизированного») сознания, ещё две сферы (подсферы), относительно сферы (подсферы) упорядоченного сознания как бы крайних: низшую сферу, или сферу *субсознания*, обычно называемого подсознанием (параматериальную, околоприродную, параземную, квазиживотную), где доминируют стихия, воля и страсти, без которых ни сознанию не справиться со своим единением с животностью (телесностью, организменно-

стью), ни животности не устоять перед материальной природностью мира, а также высшую сферу, или сферу *сверхсознания* (ультрадуховную, ультраидеальную, паратрансцендентную, прииномирную), для которой более всего характерен контакт с иномирьем, не позволяющий сознанию падать до животного низа, оскотиниваться, как и впадать в полную неприродную изменчивость.

29

В фундаментальной середине сознания, или всей сознаниевой сферы, располагается собственно сознание, или *осознанное сознание*, оно же и *сознательное сознание*, которое непосредственно обслуживает вполне осознанные решения, ведущие к столь же осознанным действиям. К чему бы это срединное сознание, или «сердце» сознания, в итоге ни приводило, оно всегда в основе своей конструктивно, архитектурно, созидательно. Это непосредственно хозяйствующая часть сознания, делательская, работная. Здесь царство *ума, разума, интеллекта, культуры*. Целеположенный труд, как и столь же целеположенное творчество — функция именно этого — «логизированного» — сознания — производительного, продуктивного, эманационного. Всё жизнеотправление человека зависит от срединного сознания, оперирующего словом, речью, языком, счётом, проектами, моделями, системами, правом, законами, принципами, устоями, обычаями, нормами — всем тем, посредством чего строится идеальное жизнездание человека, его остов и весь его организм, и из чего это идеальное жизнездание состоит. Что бы ни говорили о сознании и жизни, никакое реальное жизнеотправление осознаниенного извне земного существа в осознаниенном этим существом земном мире невозможно без совершенно сознательного сознания, способного рационально самоуправляться и рационально же управлять, причём вполне адекватно как самому себе, так и всему контексту. Именно с этой срединной частью сознания

связаны познание и именование, утверждение и хранение добываемого знания, его эффективное использование.

30

В нижней части сознания, его подвале, располагается субсознание, отличительной особенностью которого является угнездившееся в среде сознания... *бессознание*, т. е. нечто такое, что само по себе сознанием не является, но с сознанием плотно взаимодействует, влияя на текущее состояние и текущую реализацию сознания, что и позволяет ему быть отрицательным ингредиентом сознания. Здесь царство природности: чувств, воли, переживаний, страстей, стихий, но и *инстинкта* (не осознаваемого вполне водителя). Тут нет идей, но зато есть реагирующее и устремляющееся тело. Можно сказать, что тут бытует и *душа*, если под душой понимать неосознанного в полной мере действителя. *Отелесненная душа и одушевлённое тело!* Субсознание — животное чрево сознания, природная почва, на которой произрастает сознание, как и его корневая система. Без сознания нет субсознания, ибо последнее просто не создавалось бы, но и без субсознания нет сознания, ибо нет тогда интеграции сознания в природный мир, в тело, в организм. Субсознание — поле духов, а не значений, энергий, а не символов, сил, а не знаков. Здесь нет слов, чисел, понятий — они приходят сверху, из срединного сознания, но лишь для сколько-нибудь возможного понимания сознанием верхом ощущений, воли, стремлений, страстей, переживаний, свойственных сознанию низу — субсознанию, а точнее — его бессознанию. *Бесовство и безумие* как раз оттуда — из субсознания, от бессознания, его неукротимой стихии. Здесь потёмки, темень, тьма. Духовная плотность. И личный ад там же, который как раз и есть безумство и беснование, как и беспричинное страдание. Разумеется, и рай тоже там, ежели на месте выматывающего страдания поощрительное удовлетворение, отрадное наслаждение, невыразимый восторг. А рай и

ад при этом почему-то легко взаимозаменяемы и даже взаимопричинны — и порою трудно бывает понять, где и в чём рай, а где и в чём ад, как невозможно принять и уяснить внезапный переход от рая к аду, как и наоборот. От качества субсознания, этого животворного и в то же время вполне смертоносного ло-на сознания вообще, от его состава, его устойчивости и его динамики очень сильно зависят качество состояния и реализация сознания в целом, а соответственно — всей человеческой экзистенции — от сути и характера до способа течения и конечных результатов.

31

Верхнее положение в системе, или в кластере, *сознания вообще* занимает, естественно, *сверхсознание*, та самая часть сознания, которая непосредственно восходит к *иному*, к тонкому миру, к чистой трансценденции, к Духу, к Абсолюту, со всем этим контактирует, от этого питается, на это так или иначе ориентируется. Здесь царство чистой, неоощущаемой, определённо не выраженной и в общем-то неосознаваемой информации, воспринимаемой как неожиданное откровение, как внезапный дар свыше, как чуть ли не случайное обретение. Дух здесь прозрачен и светел, чувства аннигилированы, ум-разум в замирании. Тут чистое знание, но в силу прямого сопряжения с Великим Неизвестным — неопределённое, неточное, неясное, даже и смутное, по преимуществу молчаливое, неговорливое, немотное, крайне метафизическое, полное загадок и мифов, как и творческих ниш. Оно без явных слов, без чёткой речи, без ясно выраженного текста. Но это не чувственность, не переживание, не безумная страда. Здесь именно знание, как раз вполне чистое, но требующее для обыденного сознания перевода, комментария, транскрипции, даже аранжировки, а потому, как правило, *ино*-сказательное. Даётся такое знание не только не каждому индивиду, но вообще редкому сознанию, которое просто так не найти, не выставить, заранее

не обезвредить, иной раз и вроде бы вполне случайному, но чаще всего соответствующему сей воспринимательно-трактовочной миссии, вовсе не лёгкой, никак не развлекательной и крайне ответственной, а соответствие это, или же контакт, достигается через ту или иную подготовку сознания — как осознанную и специальную, так и «самособойную» и непринуждённую. Однако и тут не всякого вовсе сознания, а лишь заранее приуроченного — провидением, природой, игрой случая. Тут трансцендентный выбор, провоцируемый, конечно, вольно или невольно земным сознанием, но делаемый всё-таки откуда-то извне и свыше — через обнаружение этого самого соответствия между нашениским миром и миром «ихневским».

32

Сознание, таким образом, трёхчленно: тут и собственно сознание (словесно-числовое) — середина, центр, сердце, и два как бы вспомогательных сознания, крайних и периферийных — высшее, или сверхсознание, и низшее, или подсознание. Вся эта троица составляет сознание как целое, как систему, как кластер. Один член не реализуется без другого, все совершенно друг для друга необходимы, хотя и в разной мере их практического (текущего) участия. Практический опыт, традиция и наука любят срединное сознание; философия и религия тяготеют к сверхсознанию, базируясь, конечно, на срединном; быт очень чувствителен к подсознанию, от которого заходятся в восторге и психология с психоанализом, не порывающие, разумеется, со срединным сознанием, ни даже со сверхсознанием. Предпочтения — это одно, а фактическая реализация — совсем другое. Адекватная мировому физису наука — *физика*, увлечена точным, верифицируемым, доказательным знанием, а потому она с удовольствием закрывает глаза на *метафизис* и *метафизику*, почитая это всё за мифотворный бред философии, или же бредовое философское ми-

фотворчество, хотя сама, практически исполняясь, вынуждена прибегать не к чему-нибудь, а к... метафизике, хотя бы при первом же не самом «точном» определении чего-либо не столь уж в физисе очевидного. Физика, вообще говоря, насквозь метафизична, хотя сама физика это и отрицает. Легче всего физике отвергать, конечно, Господа Бога (даже как идею) и религию (как идеологию), ибо физика убедила себя, что в основе своей она исключительно материалистична, а в самой материи ничего божественного никак не усматривает. Но физика почему-то не склонна замечать в самом физическом знании, которое тоже ведь есть идеология, а во многом и мифология, отсутствия... материи, а следственно — присутствия чего-то изначально неприродного, ненашенского, иного. То ли сознание для физики сплошь материально, как, видно, и те же слово, число, речь, то ли физика сама есть всего лишь... магия, пусть и материалистическая — не метафизика даже, а именно *магия*. Или, к примеру, абсолютно метафизические по своей природе и мотивам человеческие психопорывы — алогичные, безрассудные, странные, явно относящиеся к подвальному сознанию — субсознанию, находят кое-какие срединного разряда объяснения, но... ровно такие, которые ложатся на субсознание, ему «адекватятся», т. е. в той или иной мере *мета*-логические объяснения (когда-то, что-то, где-то, почему-то... и вот теперь отчего-то, без всякого ясного зачем-то... одна человеческая особь убивает вдруг другую... в общем, выходит, что психоанализ совсем не физический анализ, ибо объективное поле тут для субъектного аналитика совсем другое — не физическое, а психическое, где мало или совсем нет физики, но зато много, чуть ли не в полном объёме, как раз метафизики). Срединная логика тут служит лишь обнаружению и восприятию нормальным сознанием бессознаниевой *металогики*, подчеркивая тем самым, что бессознание тоже в сфере общего сознания, а металогика — тоже логика. *Добрая* религия исходит более всего не из логики и даже нередко не из металогики,

а из неожиданных и необъяснимых откровений, не говоря уже о чуде, что требует более всего веры, а не доказательств, хотя совсем религия и церковь без логики, не говоря о металогике, не обходятся, ибо воспринимает-то религию сознание в целом, ведомое по преимуществу срединным сознанием, а потому потребность в каком-то осознанном обосновании религиозных представлений и установлений всегда есть и она так или иначе реализуется. Всё это говорит о том, что сознание работает целиком, или в целом, лишь попеременно напрягая те или иные свои центры и придавая себя решению тех или иных задач — как при явном осознании реально-ирреального процесса, так и при неявном его неосознании.

33

Сознание — это ещё и *бессознание*, или контрсознание, или противосознание. Тут явное и неперенное единство прямых противоположностей. Что-то и для чего-то включено, что-то и для чего-то выключено. Чёрно-белая клетчатка. Свет рядом с тьмой, чередование тьмы со светом. Сознание полно бессознания, которое не есть отсутствие сознания, а есть лишь присутствие в сознании бессознания. Не всё в сознании осознаётся, как и не всё осознаваемое лишено бессознательного. Сложно тут всё, запутанно и совсем не весело, в особенности ежели велика патология да всюю торжествует аномалия.

34

Сознание — великий дар, но это и великое бремя. Осознавать — может, для кого-то и в какой-то момент и удовольствие, но при этом и вполне возможное отчаяние, причём вовсе не малое и не мимолётное, а очень даже въедливое и вполне ядовитое. Нести в себе неизвестное ради какой-то известности, не зная ничего достоверно, а лишь утешая себя условным и относительным знанием — никакая не радость! Знание, как хорошо известно, умножает скорбь, но непременно через

осознание как самого знания, так и скорби, а потому не просто знание приносит скорбь, а само сознание в основании и начале своём скорбно. Отсюда потребно не что-нибудь, а *сознаниевая стойкость*, держащая норму и гасящая аномалию. Сознание — постоянная борьба... за... сознание! Прекращение борьбы — перерыв в сознании, его остановка, если не погибель.

35

Сознание — множество взаимодействующих сознаний, его образов и концептов. Здесь иерархия сознаний — высшего, среднего, низшего сознаний, как и, можно сказать, ряда сознаниевых очагов. Здесь и разные сознаниевые конструкции и реализации, обусловленные природой, звёздами, тонким миром, Духом, происхождением, кровью, памятью, воспитанием, образованием, житейской ролью, положением особи в людском мире, движением по жизни, бытийственными свершениями: то одно сознание, то другое, то третье, и все они при этом вместе, гурьбой, кучей, сонмищем. Сознание детское, потом юное, потом зрелое, а дальше уже либо всю мудрое, либо всю дегенеративное, хотя таковым — мудрым либо дегенеративным — оно может стать в любом возрастном периоде, как и посетить вдруг человека на весь срок его брэнного существования. Наличие и действие сознания со всеми его адово-райскими «прибамбасами» — суровое, жёсткое и даже жестокое испытание, назначенное почему-то человеку Великим Неизвестным, а может, просто от Его имени — то ли по великой чести, то ли по лукавой иронии, то ли в заслуженное наказание, а то и попросту по какой-то сакральной ошибке. Сознание соборно, но оно и рассредоточено, а частенько и расколото; сознание непрерывно работает, но работает сразу множеством работ — как согласующихся между собой, так и вполне рассогласованных; сознание собирает, консолидирует, центрирует, но с неменьшим азартом и успехом разбивает,

рассыпает, децентрирует. Сознание — никакой не монолит, даже не стройная система, вообще никакой не строй, это что-то вроде калейдоскопа, вполне и стохастического. В сознании есть некое сознаниевое ядро, — как бы *самое сознаниевое сознание*, или *сознание сознания*, — которое, собственно, и удерживает сознание на базисе и в рамках... сознания, чуть ли не его эффективной системности, но, разумеется, при наличии, сохранении и воспроизведении какой-то необходимой и достаточной для эффективного бытия сознания *нормы*. Это ядрышко и служит сознанию вообще главным его управителем, корректором и врачевателем.

36

Сознание — мир («целый мир»), но мир совершенно особый, не имеющий никакой протяженности — ни во времени, ни в пространстве, чуть ли не мир-точка и не мир-мгновение, хотя вполне заметный и вполне никуда не исчезающий — безмерный, безграничный, бескрайний, но при этом и богато насыщенный (память), и громоздко «зданиевый» (от миро-здания), и не в меру напыщенный (гордыня вкупе с самообманом). Сознание индивидно и индивидуально — сколько людей, столько и сознаний! И каждое из таких *инд-сознаний* — *микросознаний* — необъятный мир, он же и *микромир* (причём дело тут не в том, что мир этот очень большой, он может быть и совсем маленьким, а в том, что он априорно безмерен — вроде пустоты). Все микросознания взаимодействуют с другими микросознаниями (в группах, коллективах, семьях, общностях, социумах, культурах, цивилизациях, государствах, как и в трудах, войнах и досугах, видя друг друга и удивительным образом не замечая, слыша и не слыша, «ре-чась», погружаясь в тексты), и это взаимодействие обязательно и неотменимо, — разве лишь на срок, по принуду или желанию одиночества, но при уже вставшем сознании, а встать сознание может только по воле другого сознания — как раз

родительского. *Сознание производит сознание!* Но и вставшее сознание, уже по жизни само идущее, нуждается в стабильном взаимодействии с другими сознаниями (если говорить о норме), без чего нет эффективной, а главное — полноценной, реализации сознания — хоть взглядом, хоть писком, хоть словечком, а надо, надо-таки обменяться сознаниями! *Сознание служит сознанию!* Что не мешает сознаниям и препятствовать друг другу, и противоречить, и угнетать одним другое, и... умерщвлять. *Сознание — противник сознанию!* Да, не только друг и вспомогатель, но и враг, и утеснитель, и даже убийца. Тут всё очень не просто! Любовь и ненависть, дружба и вражда, вспомоществование и тяжба. И, однако — мир, но не только сознание-мир — *микромир*, но и мир сознаний — *макромир*, или же коллективное сознание, общественное сознание, которые и совокупность, и целокупность, и единство, хотя и не однообразие, не монолитность, не массовидность. А раз так, то наряду с сознанием-миром есть и *мир-сознание*, а всё это вместе составляет сферу сознания, или, как принято более всего говорить — *ноосферу*.

31

Ноосфера — сознаниевое облако Земли, распростёртое в Космос. Что тут первично: человек со своим сознанием или же трансцендентное *пра-сознание* без всякого человека, сказать трудно, но вполне возможен и такой ответ: раз одно без другого не существует, то и оба относительно друг друга... первичны! Вроде бы паллиатив, но паллиатив не умственный, а бытийный, хотя любой верящий в трансцендентного креатора посчитает первичным высшее для человека прасознание, а убеждённый в имманентности человека окружающей природе выступит за первичность собственно человеческого сознания. Однако что есть ноосфера без человека и его сознания, кроме трансцендентной пустоты? Точнее, есть она или нет — уже не имеет никакого значения для осознаниеенного существа. Глав-

ное — не наличие вообще какой-то там ноосферы (пусть лишь космической), а осознание человеком феномена ноосферы, его наличия. Литосфера, биосфера, атмосфера, социосфера, ноосфера, когнитосфера, спиритосфера (сфера Духа, или духо-сфера), инкогнитосфера (сфера Абсолюта, великой неизвестности, полной трансцендентности) — целый набор сфер: от вполне ощущаемой тверди до лишь воображаемой «ничегоше-сти». *Многосферность мироздания!*

38

Ноосферы нет вне социума, вне того же общественного сознания, но ни к социуму, ни даже к общественному сознанию ноосфера не сводится, а точнее бы сказать — ноосфера как ноосфера всё-таки ни само по себе общественное сознание, так сказать — сознание всех, ни сам по себе социум. Тут всё значительно сложнее и гораздо тоньше. Ноосфера восходит к особому рода... *ноосферному сознанию*, к как бы сознанию самой ноосферы, лучшим подтверждением чему служат, с одной стороны, такие вроде бы бытующие вне отдельного человека (как бы в околоземном космосе) явления-вещи (от вещать), как слова, запечатлённые образы, тексты, застывшие идеи, суждения, факты, в общем — весь идео-культурный арсенал сознания, а с другой — сам ход бытия, выраженный в так называемом ходе вещей (от вещать), и им, этим ходом вещей, так или иначе управляемый и определяемый. Ноосфера как бы умственно работает и работает сама по себе, вне контроля любого сознания — хоть индивидуального, хоть коллективного, даже и общественного. Ноосфера — сознаниевое, умственное, интеллектуальное поле, не видимое, но замечаемое, не механическое, но работающее, вроде бы вполне имманентное человеческому миру, но в то же время и ему довольно-таки трансцендентное. Так что человеку ничего не остаётся, как, обогащая ноосферу прозрачным знанием и тонкими культурными атрибутами, стараться влиять на качество (начинку) ноосферы,

сознавая при этом, что ноосфера способна самоуправляться и весьма управлять самим человеком (человечеством). А вот оснащается и управляется ли ноосфера извне — оттуда, из Ничто — это, конечно, никому из смертных доподлинно неизвестно, хотя, кое-кому и кажется, что всё это не просто допустимо, но и вполне реально.

39

Физика ноосферы насквозь метафизична, настолько, что в ноосфере, как и в сознании вообще, нет ничего собственно физического. И ежели в ноосфере есть какая-то физика, то... совершенно метафизическая физика, или духовная физика, или прозрачная физика, а потому работа ноосферы, в отличие от работы того же мозга или того же инд-сознания, никак вообще не уловима, хотя человеку доступны в целом ресурсы ноосферы, кое-какие вводы в неё и достигаемые ею результаты, иной раз и неплохо предвиденные. Те же этнокультурные коды в чём-то непременно ноосферны, а сама практическая ноосфера столь же непременно этнокультурна. *Эгрегоры ноосферны, а ноосфера вовсю эгрегорна!* Радикальные этнокультурные перемены (смена кодов и эгрегорных наполнений) — перемены в ноосфере, но и ноосферные перемены. Что-то здесь управляемо со стороны субъектно-человеческого сознания (тот же, к примеру, ренессансный переворот в нововременской Европе), а что-то идёт от ноосферы, его собственного сознания-бессознания. Человек влияет на ноосферу, в особенности через своих созидательных титанов и творческих гениев, как, собственно, и через гигантов-разрушителей и гениев-уродцев, а ноосфера, изменяясь, влияет в том или ином направлении на текущее сознание человека. Решение, которое принимает ноосфера, можно сравнить по аналогии с тем же рыночным решением в экономике — цена есть, а почему именно такая цена, никто вполне и не знает! Так и с ноосферой, откуда выскакивают решения, а как это происходит и по-

чему именно такие решения, а не другие, покрыто мраком, остаётся в глубокой тайне. Ноосфера, хотя она не социум и не общественное сознание как таковые, везде и всегда, там и тогда, где и когда есть человек со всеми своими сознаниями, как и вкупе с Природой, Землёй и Космосом, а потому ноосферные решения не где-то там — в небесах или в недрах, и являются они не в какие-то острые моменты разверзнутого бытия, а прямо здесь и сейчас, во вполне земном и вполне актуальном течении всей человеческой экзистенции.

40

Определённость состояний и перемен в сознании и в ноосфере есть, но это определённость не физическая, а метафизическая, причём формируемая... самим же человеческим сознанием, не могущим мириться с бесконечной и бесформенной сознаниево-ноосферной метафизикой и загоняющим её в свою собственную... э-э... физику — идеальную, тонкую, прозрачную. Слова, тексты, числа, правила, обычаи, законы, конституции, инструкции, уставы, учебники, справочники, энциклопедии — всё это так или иначе обустроенная и умирная сознанием метафизическая реальность. Тут важна память — что в головах людей, что в людском межголовье (тому служит, к примеру, та же письменность). Жизнеотправительная организация сознания, как и всей сферы сознания вообще, сопровождаемая гашением неопределённости, её частично-относительным упорядочением — важнейшая задача сознания, причём совершенно витальная, что не мешает ей при случае стать иной раз и летальной. Тут как раз и сказывается пресловутое *домостроительство* (сначала в головах, в душах и сердцах, в сознании, в замыслах и проектах, а потом уже во вне, в житейском поле, в бытовом пространстве, в делах и свершениях); тут имеет место *хозяйствование* — сначала идеальное, ирреальное, образное, воображительное, виртуальное, а затем уже материальное, вещное, предметное, телесное. Сооб-

разование сознания самим сознанием ради выживания сознания и его, как вдруг открылось человеку, исторической реализации — через сохранение и обновление, консервацию и перемены, устройство и ломку, подъёмы и спады, поступательность и цикличность, толерантную эволюцию и нетерпеливые (и нестерпимые) революции.

41

Сознание — созидатель, как и, соответственно, разрушитель, самого себя, но себя текущего, действующего, воспроизводящегося. Иметь сознание — не просто что-то сознавать (знать), как и не только пользоваться сознанием ради того же жизнеотправления, но и непрерывно работать с сознанием — как объектом... на основе и в рамках сознания, но уже как субъекта, полагаясь на сложность сознания, его внутреннее разнообразие, не игнорируя его взаимосвязи с трансценденцией, не забывая и его привязанности к... бессознанию. *Иметь сознание — неустанно творить сознание!* Видеть его, знать, понимать, упорядочивать, строить, созидать (что не мешает и разрушению с ликвидацией), превращать (что не мешает и извращению, и уродованию), в общем — работать осознанно с сознанием, окультуривая его (внося элементы *культы* — слова, образы, тексты, сентенции, правила, законы — в силу *культы* в сознании человеческого задерживающиеся и составляющие его *культурное*, то бишь *культурное*, здание — *храм*), обогащая и превращая в действенное орудие бытия. *Сознание — творец сознания!* Иначе бы сознание не было сознанием. Даруя человеку сознание, Создатель даровал человеку и способность творить сознание. И это очень важно, серьёзно и ответственно, мало того — тяжело, страдно и мучительно. Что нужно человеку со всем его кластерным сознанием, включающим и бессознание? Как сознанию достичь им же для себя желаемого? Опять же какому сознанию что-либо нужно и какое сознание сможет это достичь? А где критерий нужности задуманного и

пределы его достижения? Такого рода вопросов великое множество, и они являются по преимуществу из-за метафизической природы сознания — ни в чём себе вообразительно не отказывающего и ни в чём в себе и из себя не уверенного. Отсюда и *культ* — культ всего наработанного и выверенного сознанием, в нём устойчиво сидящего, как и авансовый культ создаваемых сознанием новшеств, а также вследствие всего этого и культ самого сознания — творческого, креативного, демиургического, антиэнтропийного, как, разумеется, и культ оборотного сознания — инертного, деструктивного, разрушительного, энтропийного.

42

Культ сознания! Вполне осознанный культ, ибо человек, будучи существом наполовину природным — телесно-организменным, а наполовину неприродным — как раз из-за сознания, им обладания и им пользования, обязан не только принять сознание, его факт, не только пользоваться сознанием, его наличием, но и, смиряясь с сознанием и им пользуясь, оправдать сознание, возвысить его, чем оправдать и возвысить себя (в аспекте природы к тому же и немалого уroda!), наконец, осознавая сознание, терпеть и беречь его, обогащать, обновлять, совершенствовать, хотя это и сопровождается срывами, падениями, кризисами и катастрофами, всегда уповать на сознание, на него опираться. Ничего другого столь же ценного, хотя и при этом амбивалентного, если не фундаментально сомнительного, чем сознание, у человека ведь нет! Сознание — орудие, орудие жизни, как раз той самой — с сознанием, в сознании и через сознание. Отсюда и *экзистенция* как сознательное движение по жизни, когда сознание не только вспомогатель, но и управитель, при этом ничего, кроме драмы жизни, надёжно не гарантирующий. И, однако, культ сознания, а отсюда и культ самого человека — как вынужденно осознанный, так и непринуждённо измышленный. В жизнеот-

правлении человека сознание всегда впереди, в начале, в исходе! Почему же не отдать культового должного сознанию — самим же этим сознанием?

43

Что значит вообще сознание? Это прежде всего обнаружение и узнавание человеком самого себя с выделением себя из природного контекста, но непременно через явление другого себя в себе же самом, того самого *другого*, который, будучи всего лишь имманентным отражением человека в человеке, оказывается способным — в силу как раз отражения в себе человека — сообщить человеку знание о самом себе. Не сразу, но человек узнал, или узрел, себя как человека, или же узнал, как и узрел, в себе человека, отличного, или же отвлечённого, от контекста, а контекст узнал себя при этом отличным, или же отвлечённым, от человека — нечеловеческим. Для всего этого потребовалось, надо полагать, что-то вроде галлюцинации, увязанной с открытием, откровением, постижением, той самой галлюцинации, которая дала образ, заживший собственной галлюциногенной жизнью, укрепившийся и лёгший в основание *первознания*, а соответственно, *протосознания*. Становление сознания произошло посредством уловления образов, их отпечатывания в памяти, что вполне уже случилось через их «словление» и «обословление» — перевод в слово — в этот уже вполне рассудочный *образ образа*, с которым сознание могло уже быть, действовать, работать. Так, наверное, родилось сознание — вполне и шизогонически (развоенчески, противодейственно, отталкивательно): Я и другой (без другого нет никакого Я), Я и мир, организм и образ, образ и слово (образ образа). И тут вопрос: само по себе всё это родилось или же нет? Природа дала лоно, материю, организм, стала матерью сознания, его, можно сказать, родительницей. Но не сама же по себе! Вряд ли бы природа смогла сама родить нечто явно неприродное, ей противоположное, её даже отрицающее.

Здесь, похоже, есть участие чего-то неприродного, во всяком случае внеземного. Отец сознания, будучи сам аналогом сознания, явно оттуда — из *иномирья*, а природа при этом лишь выполнила предложенный ей извне неприродно-природный проект. Можно, конечно, говорить о длительной эволюции материи, явившейся из ничто, о работе заложенной в ней энергии-информации, о частицах и их совокуплениях, о неживых и живых молекулах, о простых и сложных организмах, о животных и высших приматах, об обезьянах и... человеках, о человеке и... сознании, но идеи, идеи-то откуда, как и смыслы, а вместе и наряду со всеми ними весь сознаниевый мир человека? Либо сама материя, она же материал, идеальна, идейна, умна, «смысловита» и осознаниенна, либо всё-таки есть она — нематериальная субстанция, полная идеального, идейного, умного и даже сознаниевого, которая, хоть и сопряжена с материей, но генетикой своей не от неё, а от чего-то относительно материи всё-таки внешнего. Действительность сознания, конечно, от природы, или в природе, это так, а вот возможность, пожалуй, всё же не от природы, а от чего-то внешнего относительно природы — от Великого Неизвестного, а ежели уж в чём-то и известного, то лишь по аналогии с сознанием, которое для человека есть как известная неизвестность, так и неизвестная известность, ибо сознание при любом подходе тут более неразрешимая тайна, чем доступное откровение.

44

Сознание обычно воспринимается человеком как внутреннее свойство-принадлежность организма, что в принципе верно, но явно недостаточно, ибо сознание не орган в организме, а идеальное поле, с организмом лишь сопряжённое, мало того, от него даже исходящее, но одним только организмом, его целым, никак не довольствующеся. Сознание выходит за пределы организма, оно в организме и вне его, а в случае с обществом — в обществе и вне его. Сознание питается как

внутренними идейно-духовными побуждениями, так и внешними интенциями, реагируя при этом на состояние как организма, так и физического контекста. Сознание — посредник между физическим и метафизическим мирами, между внутренним и внешним, имманентным и трансцендентным, известным и неизвестным, откровенным и тайным. Именно через сознание человеку удаётся сопрягать в себе природу и неприроду, здешнее и потустороннее, земное и небесное, временное и вечное, бренное и сакральное. Сознание — сгусток информации, но и её активный очаг, вбирающий в себя информацию, её перерабатывающий и выдающий вовне. Это открыто-закрытый очаг с открыто-закрытой информацией — «тёмное сгущение», которое темно не только для внешнего наблюдателя, но и для непосредственного носителя сознания, мало того — и для самого сознания тоже. Сознанию всего ближе такие научно-физические метафоры, как «чёрный ящик», «чёрная дыра», «тёмная материя», а также не столь уже метафорические философско-метафизические понятия, как *ничто* и *нечто*, «работающая трансценденция», «наличная тайна», *инородье* и *иномирье*.

45

Сознание — субъект! Субъект в субъекте, другой в другом, существо (душа) в существе (теле), причём такой субъект в субъекте, который, поместившись один в одном, не просто дополняет одного другим, а замещает, «аки тать», этого одного этим другим. Человек в основе своей физичен и животен, а в исторической реализации своей всё более метафизичен и духовен. Физика, конечно, влияет на сознание и в чём-то его определяет, но сознание всё более ведёт физику, а соответственно — человека вообще, социум, весь мир человеческий. Сознание — не средство вовсе, а именно субъект — активный, самонадеянный и напористый. *От природе к неприроде — через сознание!* И становясь всё более неприродным (знания, навы-

ки, словеса, письмо, печать, механизмы, техника, информатика), человек становится всё более осознанным, зависимым от сознания, ему подчиняющимся. Сознание способно жить своей жизнью — неприродной, духовной, призрачной, тайной. И не человек всё более с сознанием и перед ним, а сознание с человеком и перед ним. Это не просто очень важно, а и очень для человека судьбоносно!

46

Физиологическая чувствительность свойственна любому животному организму. Есть реакции на внешнее воздействие, есть и какие-то внутренние физические побуждения. Но у животного чувствительность не переходит в чувственность — в осознанный отзыв на чувствительность. Чувственность с составляющими её чувствами животному не свойственна. Чувство — прерогатива осознанного существа — человека. Однако вследствие наличия сознания человек испытывает не только чисто организменного происхождения чувства (осознаваемым физис), но и чувства спиритогенного порядка, восходящие уже к метафизису. Эти последние вроде бы схожи с первыми, но они совсем другие. Чувство голода, к примеру, пусть и осознанное — совсем не чувство преданности Родине, хотя нередко и менее осознаваемое, чем то же чувство голода. Сознание рождает совершенно иные чувства, чем организм, среди которых могут случиться и такие, как чувство собственного достоинства или, наоборот, чувство собственного ничтожества.

47

Чувственная сфера, или же сфера чувств, имеет прямое отношение к тому, что обычно называется *характером* человека, или же, по-русски, — *норовом, нравом*, как раз тем, что определяет со стороны организма и сознания образ, или манеру, поведения человека, причём не только видимого, овнеш-

невлѐнного, проявляемого в действиях, но и скрытого, «нутряного», выражающегося уже по преимуществу в переживаниях. Владея словом и логикой, ими заслуженно гордясь, сознание не только считается с чувствами и чувственными стихиями, но и, набрасывая на них слова и логику, не препятствует свойственным им бессловесью и алогичности, мало того, вынуждено немало им и подчиняться. Есть, таким образом, чувственная часть сознания (иррациональная, нижняя) и, скажем так, умственная часть сознания (рациональная, верхняя). Учитывая генезис индосознания (зов крови), его воспитание и провокационное на него воздействие контекста, можно составить представление о характере человека, свойственном ему нравственном (от норова, нрава) укладе, а также о его сознаниевых (и бессознаниевых) возможностях. Всё это так или иначе можно отнести к коллективному и общественному сознанию, в том числе к этническому, национальному, культуро-цивилизационному, государственному, включая и ноосферу.

48

Сознание — причудливая в силу своей невозможной возможности и крайней противоречивости смесь чувственного и умственного начал, природного и неприродного, тутошнего и тамошнего, известного и неизвестного, а иначе — *физиса* и *метафизиса*, тьмы и света, причѐм смесь настолько смешанная, что каждое из начал получает такое же невозможное сочетание адекватных себе противоположностей, мало того что сосуществующих, но находящихся в непрерывной и весьма жѐсткой (даже жестокой и беспощадной) схватке — не то за жизнь, не то на смерть! Раздираемое и смущаемое изнутри, как и теснимое извне (природой, её стихиями, средой обитания, животностью человека, враждебным человеку животным миром), сознание, обогащённое осознанием смертности человека, его временности, относительности и ненужности окружающему миру, вполне человеку и враждебному, не могло не сфор-

мироваться как сознание в принципе аномальное, неблагополучное, болезненное, кризисное — как *пато*-сознание (патологическое и при этом безысходное — от «пато» и «пата» сразу). Темень природная, физическая, тутошняя, или организменная, дополненная сообразной ей тьмой неприродной, тамошней, метафизической — как чувственной, так и умственной, заставила сознание осознать не просто животноеобразие человека, но и его особого рода — не совсем уже животную, а, скорее, сверхживотную — звероподобность. Человек обнаружил в себе *зверя* (именно как сверхживотного), и это было первым из обобщающих фундаментальных открытий человека о самом себе. *Человек-зверь!* Мало того, что человек животен и плотояден, что он, выражаясь сносно, хищник, он ещё и хищник, вооружённый сознанием, причём в то же время и патосознанием — неустойчивым, волнующимся, турбулентным, калейдоскопическим, а потому нет ничего поразительного в том, что человек в исходе своём более всего... *зверь*, как раз тот самый, который инаковее и выше любого природного зверя, соответственно — зверее любого зверя! И сознание, полагая в человеке зверя, старательно этого зверя обслуживает, нисколько по этому поводу не смущаясь. Зверь в человеке был, есть и... вполне продолжает быть! И это несмотря на другое фундаментальное открытие обобщающего свойства, сделанное в какой-то момент сознанием — открытие... *человека*. Таковое состоялось, по-видимому, с внедрением неживотной (не совсем уже природной) способности пользоваться орудием труда и, главное, огнём, что резко отличило человека от обычного животного (того же примата) и позволило человеку осознать себя для начала особым животным, а потом уже — с учётом и открывшейся *речи* — человеком (с прозванием себя таковым или нет — не существенно). Пришёл момент и третьего обобщающего фундаментального открытия, окончательно и закрепившего человека в его же сознании, но обусловленного открытием сознанием в самом себе чего-то не

просто сверхживотного, но и, скажем так, сверхчеловеческого — неприродного, сверхприродного, духовного, небесного, космического, т. е. того, что утвердилось затем в человеческом сознании как сакральное в отличие от всего естественно-бытового, то бишь открытием человеком в себе самом, кратко и пока условно говоря — *бога!*

49

Человек, конечно — человек, но с тем важнейшим уточнением, что в нижней зоне своего существа он безусловный зверь, в высшей — чуть ли не бог, и лишь в срединной — собственно человек, или говорящее, думающее, размышляющее живое существо, обладающее весьма изощрённым, но в то же время не очень-то стройным сознанием, при этом существо, которое обязательно ещё и зверь, и бог. Се человек — в своей триединой сущности, в трёх вполне и враждебных друг другу ипостасях, которые тем не менее все вместе, рядышком, во взаимодействии, в общей целостности. Хорошо сказать: говорящее, думающее, размышляющее — обословленное и обосмысленное — существо, но ведь говорящее, думающее, размышляющее и как человек, и как бог, и как зверь, а то и сразу в каком-нибудь запутанном кентаврическом образе, когда и не поймёшь, что в этом существе от бога, а что от зверя, а что собственно от человека. Сознание — феномен сложный, очень сложный, вовсе не стройный, а, скорее, путанный, не так явленный, как скрытый, в котором важнейшее, если не решающее место принадлежит *трансценденции*, которая вовсе не пресловутая неизвестность или непознаваемость, а работающая всю «субстанция», никакая не мёртвая пустота. Трансценденция здесь во всём, она присутствует (реализуется) во всех сознаниевых ипостасях (зонах) — где-то больше, где-то меньше, — но она есть, действует, работает, решает, будучи не локальным, периферийным и вспомогательным феноменом, а всеобщим, центральным и основополагающим. Аналитиче-

скому учёному сознанию трудно смириться с подобным заключением, но это именно так: сознание в организме (внутреннее сознание), при организме (внешнее сознание), между организмами (общественное сознание) и даже над организмами (ноосферное сознание), но сознание — совсем не организм, — и уж ежели организм как таковой во многом, если не во всём, трансцендентен, то что говорить о сознании, которое сплошь трансцендентно и реализуется в непосредственном единении с трансценденцией.

50

Есть сознание, а есть осознание сознания самим собою, его себя осознание. Когда говорится: человек, зверь, бог, как и та же трансценденция, то здесь не что иное, как явление плодов осознания сознания самим собою, его себя осознания. Но осознание не есть лишь распознавание сознания, это ещё и его образование или осознаниевание. Осознание и осознаниевание (в аспекте формирования) — если и не совсем единый, то очень взаимосвязанный процесс, а может, и не процесс вовсе, а попросту момент, а скорее всего — момент-процесс, ибо всё это не физика, а метафизика, а в метафизике всё совсем не так, как в физике. В метафизике, где нет времени и пространства, где нет никаких веществ, вещей, предметов, объектов, систем, организмов, механизмов, всё и в самом деле иначе — там царство разве лишь чуд и чудес! Вот почему в физикалистской реминисценции, которую может себе позволить человеческое рацию, осознание выглядит процессом, или на крайний случай — моментом, а лучше — моментом-процессом, а по метафизической интерпретации это есть мгновение, а может, и не мгновение вовсе, а какое-то событие вне времени и пространства, адекватное не эволюции и даже не развитию в привычном понимании, а всего лишь... самому себе. Здесь не самостоятельная эволюция под влиянием обстоятельств и не растянутое во времени и пространстве само-

развитие — от простого к сложному, хотя на физическом уровне что-то подобное, надо полагать, есть, а как бы вакуумное исполнение потусторонних (иномирных) «вещей» вроде замысла, задания, программы — разумеется, вполне и криптогенных.

51

Человек — кентавр, соединивший в себе зверя и бога. Зверь более от материи, от плоти, от организма, от природы, а бог — от идеи, от духа, от неосязаемой субстанции, от иномира. В итоге выходит странное зверо-божественное существо из плоти и с сознанием, а лучше бы сказать — из сознания, когда ни плоть — не сознание, ни сознание — не плоть, отчего человек — объединение не просто противоположностей, а самых настоящих невозможностей, причём само объединение тоже совершенно невозможное, однако реально бытующее: два в одном — третьем, два мира в третьем мире, а мир третий — как раз то, что человек называет *человеком!*

52

Сознание — вовсе не животная инстинктность. Тут в центре и во главе *знание*, и прежде всего знание о знании, или сознание знания, как и знание сознания, следственно, знание человеком самого себя, причём от начала себя до себя же конца, в движении от одного ничто, или явления на свет из тьмы — рождения, до другого ничто, или схождения со света во тьму — смерти, через осознанное нечто — жизнь, со всеми её трудами, созиданиями, разрушениями, спариваниями, рождениями, воспитаниями, образованиями, бдениями, отдохновениями, досугами, тяготами, болезнями, угасаниями, возрождениями, продолжениями, завершениями и... концами. Из животного бытия (посредством животных родов) через осознанное (с пробуждаемым, обретаемым и используемым сознанием) бытие (а потому уже не только животное, но и сверхжи-

вотное) во вполне неживотное небытие. Мало того, что тут сплошная знаниево-незнаниевая загадка (знание, открывающее не знание как таковое, а лишь загадку, а потому не знание вовсе, а лишь знаниевое незнание), мало того, что это вызывает устойчивое недоумение, знаменующее умственный, он же и сознаниевый, тупик, но ещё и провоцирует у человека, всё это так или иначе осознающего, вполне сознаниевое, хотя при этом и чувственное, беспокойство, переходящее по мере полного осознания этого чуждого тупика в непреходящее чувство досады, доставляя человеку вполне обоснованное и вполне неугасимое чувство осознанного *страдания*. Рождение — страдание; бытие — по преимуществу тоже страдание; осознание животных, природных, физических границ — страдание; осознание смерти — тем более страдание! Смерть — непреходящее достояние животного организма, вроде бы по жизни изношенного, но имеющее место и при совершенно ещё живом, так сказать, сознании, хотя, из животной милости, в момент отхода сознания в небытийную темень, достаточно уже по обыкновению помрачённого.

53

Жизнь — некое *ничто* между двумя некими *ничто*, а потому... тоже... *ничто*! А тут ещё постоянно наблюдаемая, совершаемая и возникающая смерть, причём ладно бы неминуемая объективная — по болезни или старости, а то ведь и вполне сознательно человеком практикуемая — тех же людей, не говоря уже о животных. Смерть всегда и везде рядом: при родах, по болезни, по старости, по чьему-либо желанию, по приговору, по случаю, по коварству. Жизнь — она же и *смерть*! И хотя смерть сама по себе не жизнь, но она вовсе не только кончает жизнь, но и опосредует её, обуславливает, так или иначе... питает. Так что ничто — тоже жизнь, ибо нет жизни без ничто, а жизнь, не оснащённая ничто, не может быть этим

ничто, а потому она всё-таки не ничто, а нечто, правда, сопряжённое накрепко с ничто.

54

Бытие человека — взаимодействие жизни и смерти, когда жизнь — смерть, а смерть — жизнь, но при этом взаимодействие осознание и осознанное, оснащённое не одним только жизнеотправительным (как и смертоносным) трудом, но и соответствующим обеспокоенному на века сознанию неугасимым страданием (не от физической боли, допустим, как у тех же животных и того же человеческого организма, а от знания своего незнания, вследствие этого и своей ущербности, потерянности и обречённости, неперенной конечности). Бытие человека — не просто страда, труд, борьба, забота, нужда, ошибки, неудачи, срывы, а и нескончаемое *страдание*, которое есть не только переживание страдания, но и осознание его как непреодолимого (выразимся по-современному изящно) экзистенциального атрибута. И у человека не могло не возникнуть чувства органического неприятия столь тягостной и страдательной жизни, переходящего в осознание её отрицания, а вследствие неизбежного продолжения человеческого бытия — чувства *страха*, да ладно бы перед смертью, а то ведь и перед жизнью тоже, как вполне чувственно и инстинктивно переживаемого, так и достаточно осознанного и умственно осмысливаемого. Человеческий страх, о котором идёт речь — особого класса феномен, порождаемый знанием незнания, окружающей неизвестностью, животной ограниченностью, тяжкой страдой, организменной уязвимостью, телесной тлетворностью, неизбежным страданием, ну и, конечно же, смертью, разумеется, хорошо осознанными и выражающимися в вынужденном и неизбежном отталкивании сознания от бытия, в бегстве от него, в замирании чувственности и сознания, если не в их отключении, в переводе сознания в бессознательное ничто, но при этом и в явлении эффекта противодействия все-

му этому, пусть ясно и не выраженное, не оформленное словами, но уже защищающего человека, сознание, жизнь, переходящего затем в открытое сопротивление, преодоление, борьбу.

SS

Жизнь человека — страда, борьба, испытание (пытка). Жизнь прежде всего животная, но и сверхживотная тоже. Полная трудностей и труда, опасности и риска, ошибок и промахов, боли и болезней, страданий и смертей. Но зато копится опыт, воплощающийся в культуре, и идёт отбор — как естественно-стихийный, никем не придумываемый, так и искусственный, осознанный, организованный. В итоге выстаивали, сохраняли себя и потомство, проживали и выживали, наконец — побеждали наиболее приспособленные, сильные, ловкие, чувственные, но и умные, гибкие, изворотливые, созидательные, то бишь наиболее осознанные и сознательные. Отбор жёсткий — от обстоятельств, природы, стихий, зверей, как и жестокий — от самого человека, не гнушавшегося, пусть нередко и вынужденно, насилия над себе вроде бы подобными, но... увы... отчего-то неправильными (нарушителями табу, к примеру), их преследования, избиения и даже убиения. Индивиды, возможно, где-то и как-то и выживали сами по себе, бытуя иной раз и подолгу, но в итоге победил всё-таки *социум* — стадо, община, семья, общество. Тут имели место и значение не только коллективная защита с гарантией общего выживания и надёжного возделывания общего потомства, как и возможность общих хозяйственных действий, включая охоту, рыболовство, собирательство и ту же войну, но и наращивание сознания, его совершенствование — через посредство языка, навыков, общей памяти, совместной культуры.

Эволюция шла в жёсткой и чаще всего жестокой и беспощадной борьбе за жизнь и выживание в ходе и посредством бескомпромиссного отбора, не преминувшего выйти на предпочтении социума с его социальной кооперацией и хозяйственным сотрудничеством в ущерб индивидууму с его изоляцией и рассеянием. Эволюция шла по линии от природы (животности) к неприроде (сверхживотности), от изначального звероподобия к производному *ино*-подобию, что по сути означало движение от зверя к богу с неизбежной остановкой на собственно человеке.

Зверь не стал богом, но зато он стал... *человеком*, но... ни зверь не исчез насовсем из кентаврического человекообразного существа, ни бог не завладел полностью этим составленным из явных противоположностей смешанным *mixte*-субъектом. Однако зверь был заметно всё-таки придавлен, а бог явственно и всё более значимо допускаем. И сделало это всё сознание, отпрянувшее от звероподобия и кинувшееся к богоподобию. Ценою этому стал великий компромисс между звероподобием и богоподобием, свершившийся в человеческом сознании, но при этом компромисс хоть и весьма жёсткий, но не слишком стабильный, а как раз вполне и подвижный: то к зверю, то к богу! Распределение по миру и явление в миру разных сознаний, различных их образов — то с преобладанием в человеке зверообразия, то — богообразия, как и соответствующие колебания внутри любого индивидуального и общественного сознания, включая и ноосферу: то в сторону зверя, то в сторону бога. Бытие человека — бытие не просто противоречивое, как сочетание, например, бытия и небытия, а бытие совершенно борческое — как борьба зверя и бога, а потому не противоречивое всего лишь, а противоборственное — с раздорами, схватками, сражениями, в общем — насильст-

венное, а потому не только с внутрисознаниевой и межчеловековой страдой, но и с обильной кровью.

58

Насилие. Это не случайность, не отклонение, не что-то «изрядавонное». Насилие человека над природой, животным миром, себе подобными существами. Сильного над слабым, изошрённого над простецом, умного над глупым, знающего над незнающим, учителя над учащимся, лидера над ведомым, а в итоге — высшего над низшим, хотя, разумеется, и наоборот тоже, при всяком удобном случае, с явлением у низшего столь соблазнительной возможности адекватно ответить высшему, став хотя бы на мгновение выше самого себя. Всесторонняя и неизбывная борьба за существование и жизнеотправление с применением разного рода насилия. Бытие во многом ещё вполне животного строя, но... всё-таки уже и человеческого — с сознанием, через его посредство, вполне и осознанно. Хотело того первичное сознание или нет, но пришлось ему поначалу обслуживать всего более животность человека, его звероподобие, а потому и было первосознание в основе своей, скажем так, звериным. Но рано или поздно сознанию пришлось-таки осознать, что зверство (как образ бытия) и зверинство (как образ самого человекоподобного существа) не очень-то подходят человеку — этому всё-таки сверхживотному, обладающему сознанием и на него так или иначе всё более ориентирующемуся. И хотя борьба и насилие никуда насовсем не исчезли, но подверглись под угрозой животной деградации и полного исчезновения собственно человеческого вида какому-то урегулированию, даже частичному преодолению... посредством всё того же насилия и во всё той же борьбе, но уже реализовавшихся вполне умственно, осознанно и целенаправленно. Так или иначе, но настало-таки время сознательно устанавливаемых идеальных *норм* и *правил* человеческого общежития, хозяйствования и поведения, а также вводимых ради

соблюдения этих институций *запретов* и *наказаний*. Пенитенциарность тут была простой и суровой: за каннибализм или то же совокупление с матерью или дочерью, к примеру — неминуемая смерть! Смертью награждали и за гораздо менее серьёзные деяния. И дело тут было не в самой по себе строгости наказания, хотя и это имело место, а в необходимости жёсткого отбора, когда смерть устраняла ненужных — звероподобных и своевольных, и оставляла нужных — сознательных и покорных. Отбор затрагивал не только особей, но и людские совокупности, а если принять во внимание ещё и общую борьбу за существование и жизнеспособный мир, то и целые племена и даже расы (проторасы) — как родовые образования, так и человеческие (проточеловеческие) типы. Так через навязываемый насильственно внешний (общественный) кодекс жития и поведения вбивалась в сознание человека *позитивная нравственность*, а негативной нравственности оставалось лишь произрастать в людском обществе уже вопреки этому кодексу и по вполне частным инициативам.

59

Институционализованный — внедрённый и закреплённый — нравственный кодекс служил нарастанию человека в человеке, хотя и в человеке-звере, отводя человека от звероподобия и приближая к богоподобию. Чтобы кодекс был принят к постоянному употреблению в качестве неоспоримой истины, потребовалась его, как сейчас принято говорить, *сакрализация*, а эта последняя могла иметь место лишь с признанием иной, уже непременно внечеловеческой, но зато и более могущественной и неоспоримой, чем человеческая, силы, причём силы обязательно невидимой, но при этом вполне сознательной, решающей, действующей. Человек уже знал о наличии могучих внечеловеческих сил — тех же природных, он уже научился их сакрализовывать, нарекая их духами и представляя невидимыми существами, но теперь человеку потре-

бывалось сакрализовать... само сознание — как собственное, так и потустороннее. Отсюда идея *бога*, или идеальный божественный конструкт (в широком смысле — от лучезарных божеств до единого личностного Бога через обращение к сонму персонифицированных богов), причём идея бога-создателя, бога-наставника, бога-судии, вполне уже годного для безоговорочной сакрализации, а также сакрализация человеческих посредников между богом и человеком, либо дополнявшая сакрализацию знахарей и колдунов, посредничавших с земными духами и внутприродными невидимыми существами, либо заменявшая одну человеческую сакрализацию на другую. На помощь нравственному устройству пришли и соответствующие речи и тексты — *мифы*, которые объясняли, учили, обращали внимание, укоряли, нацеливали. Возник мифологический мир сознания, обогащавший сознание и превращавший его само в мифологическое. Появились и мифы, трактовавшие само сознание, человека, жизнь, природу, ну и Бога (божеств, богов) тоже. Сложилось в конце концов мифологическое мировоззрение: человек стал воспринимать мир через мифы, почитая мифы за реальность и придавая им первенствующее значение в культуре.

60

Нравственный кодекс, подкреплённый нравственной же сакрализацией и проясняемый нравственной же мифологией, требовал от человека не только внешнего согласия на безусловный приоритет кодекса и ему неукоснительного следования (не убий, не кради, не лги, не прелюбодействуй, не нарушай слова, не изменяй, не трусь и т. д.), но и адекватного внутреннего облика, вполне и автоматического, на уровне уже инстинкта, не столько в виде умственной реакции на что-либо внешнее, а сколько в виде чувственного зова, служащего человеку собственным («нутряным») критерием нравственности. Так в человеческом «нутре», где-то в глубинах сознания,

включая сверхсознание (исток) и подсознание (итог), зародилось нечто воистину необыкновенное, можно сказать, *ультра*-человеческое, ежели брать человеческий позитив, а именно — *совесть*, что то же самое — внутренний контролирующий сознаниевый «орган», подающий человеку особого рода *весть* (не словом при этом, а тревожащим переживанием, ощущением внутреннего дискомфорта, осознанием какого-то в душе неблагополучия). Человек обрёл своеобразный внутрисознаниевый «кодекс», который, не будучи никаким кодексом, прекрасно справлялся с ролью внутреннего судьи, прокурора и даже палача. Для совестного человека внешний кодекс не был уже безоговорочно нужен, ибо такой человек был уже сам для себя кодекс, сам для себя нравственность и, разумеется, совесть, а за ней и *честь*. Получив полное осознание, совесть, а за ней и честь, тоже получили, как и кодекс с нравственностью, культурную аккредитацию и внечеловеческую сакрализацию — как необходимое требование откуда-то свыше. Тут уж пришлось потрудиться *религии*.

61

Обретение нравственного кодекса (совсем не обязательно, что «хорошего») и явление в сознании человеческого совести (опять же совсем не обязательно, что очень действенной) позволили человеку, бьющемуся за выживание сознания и его очеловечивание (даже и обожение), вывести в конце концов два абстрактных понятия, ознаменовавших наличие и двух соответствующих им нравственных инстанций-начал — *добра* и *зла*, а лучше бы сказать — *зла* и *добра*, ибо добро явилось не просто в борьбе со злом, а и ради его преодоления (не было бы зла, восходящего к внутренне конфликтному природно-неприродному происхождению человека и поощряемого сидящим в человеке зверским началом, не было бы и добра, злу противостоящего и противоборствующего). Зло в человеке первичнее добра, что связано изначально с природным, орга-

низменным, телесным, плотским содержанием человека, вынужденного бороться в первую очередь за физическое выживание, сражаясь с враждебным контекстом и конкурируя с иными животными существами, мало того, идя на кровь, убийство, смерть. Альтруизм, конечно, был, но он никогда не мог одолеть исходного натурального зла, скорее, он с ним попросту считался и сочетался. Но и царство этого натурального зла не могло быть вечным и всепоглощающим — выживание и развитие сознания через культуру потребовали наличия не просто вспомогательного добра, а добра, явно и решительно противопоставленного злу, способного если и не одолеть навсегда зло, то хотя бы его осудить, обложить, подвергнуть гонению, зажать, ограничить. С различием добра и зла, причём непременно в абстрактной интерпретации, а не только в феноменальном восприятии, и возник, по-видимому, собственно человек, который хоть и сохранял в себе зверство, но уже имел возможность его достаточно контролировать, чтобы совсем не впадать в зверя и, культивируя в себе человека, всё же тянуться к богу.

62

Но тут человека поджидало страшное открытие: зло не просто оказалось неистребимым, даже по-своему и необходимым — животность, борьба за существование, страда, насилие, боль, кровь, смерть — и с этим приходилось мириться, обустривая соответственно мифологию и религии, но зло очень здорово осозналилось — как в плане привлечения на свою сторону сознания, принявшегося работать на пользу злу, так и в аспекте интерпретации зла, получившего весьма сложное идейное трактование. *Зло осозналилось, но и сознание обобщиелось!* Восходившее изначально к зверству, зло не преминуло овладеть и сознанием. Не только дуальность и животность оказались источниками зла, но и само сознание тоже, — и одной из зловредных эманаций сознания стало обоснование

непреодолимой относительности добра и зла, их охотных друг в друга переходов и непреходящей взаимозаменяемости. Тогда человеку пришлось овнешнить и сакрализовать оба противоположных начала, связав добро с богом, а зло с противником бога, с ним — богом — постоянно борющимся — *дьяволом*, или в иной номинации *сатаной*, заключив при этом, что дьявол, он же и сатана — не бог вовсе, а лишь его имитация. Выходило, что в человеке заключалось не только два в одном: зверь и бог, а три в одном: зверь, дьявол (сатана) и бог. Человек был вынужден считаться не только со своей животностью («плотскостью», «ядностью», смертностью), но и со своим как бы недостаточным, если не прямо ущербным, сознанием, смогшим обнаружить наличие зла, но никак при этом не могшим обеспечить над ним победу. И дело тут было не столько в слабости человека сравнительно со всемогуществом бога, сколько в принципиальной невозможности полного избавления человека от зла и полного в человеке триумфа добра в пределах имманентного (что природного, что человеческого) мира, зиждущегося вовсе не на равновесии, стройности, благополучии, как и той же справедливости, а, наоборот, на неравновесии, стихийности, неблагополучии, как и на той же несправедливости. Мир динамичен, изменчив, а не статичен и постоянен. Ведомое животностью и ищущее соревновательно лучшей жизненной доли на земле и под небесами разрозненное человеческое сознание не могло не устремляться отдельными своими частями в более доступные ему ниши — как раз ниши зла, избегая при этом трудноосваиваемые ниши добра, убедительно решая стоящие перед выживательным сознанием острые экзистенциальные задачи. Лгать, предавать, презирать, насиловать, развращать, захватывать, воровать, присваивать, господствовать, возвышаться, властвовать, эксплуатировать было куда как проще, эффективнее, надёжнее, чем делать что-либо обратное, тем более, что сознание человеческое не только разрозненно, но и неоднородно, причём неоднородно и по крите-

рию добра и зла — есть среди людей собственно *люди*, склонные в целом к добру, а есть и *нелюди*, но уже склонные по преимуществу ко злу, а деление это обусловлено фундаментальной неоднозначностью самого феномена человека и самого феномена сознания, восходящей к их природно-неприродной двойственности. А где двойственность, там и раздвоенность, могущая иметь любое число разных конкретных воплощений (фрактальный эффект). Тот же зверь в человеке поначалу раздваивался, допустим, на зверя дикого и зверя окультуренного, а зверь окультуренный — на зверя-деспота и зверя-либерала, а... и т. д. Вот и зло с добром тоже раздваиваются, множась и множась в своих конкретных парных проявлениях, вплоть до каких-нибудь «доброе зла» и «злого добра». По поводу добра и зла раздвоилось и само сознание, да что раздвоилось, скорее, раздвоенно размножилось, трактуя добро и зло и так, и этак, опять же усваивая то и другое и охотно или нехотя по-разному то и другое применяя — от чего-то явно наслаждаясь, а вот от другого почему-то откровенно ужасаясь. Пришлось раздробленному сознанию, спохватившись, собраться воедино в исключительном порядке и искать выхода в опоре на крайности: что-то уже непосредственно от дьявола, а что-то... вроде бы... прямо от бога, что позволяло хоть как-то определиться в этом сложном и запутанном для двоящегося, как минимум, человеческого сознания нравственном вопросе — до конца так и неразрешимого. Требовался внешний и явно высший авторитет — и он был найден и отработан религией: от дьявола — так от дьявола, а ежели от бога — так от бога — и всё тут!

63

Мир, человек, социум, как и само сознание, в реальности так или иначе упорядочены, структурированы, по-своему даже и стройны, кое-где и кое в чём равновесны, местами благополучны, а моментами и справедливы. Куда ни глянь, везде по-

рядок, пусть не абсолютный, но ведь не такой уж и относительный — негэнтропия делает своё дело, борясь с энтропией и обеспечивая триумф порядка над хаосом. Однако триумф этот всё-таки никогда не полный, не окончательный, а всего лишь частичный, временный и относительный, что становится если не очевидным, то хотя бы понятным при учёте того факта, что всё в мире из ничто, из бездны, посредством хаоса и из хаоса, а потому не порядок случайно, местами и моментами нарушается в мире, а первозданный хаос, будируемый бездной и ничто, прорывается на мировую арену, минуя крышующий его — этот хаос — порядок. Ну а сознание — это порядок или же тот ещё «порядочек»? Это, конечно, порядок, хотя и «порядочек» тоже, напрямую сопряжённый с хаосом (бездной и ничто), что выражается и в дружбе-вражде сознания с бессознанием, и в наличии страстно-стихийного подсознания и выходящего прямо на мировую трансценденцию сверхсознания, наконец, в субстанциальной тонкости сознания, его эфирности и прозрачности, хрупкости и изменчивости, а главное — сплошной недетерминированности, неопределённости и даже необязательности. Удерживать сознание в каком-либо порядке можно только негэнтропийной силой, исходящей как от самого сознания, так и от граничащего с ним иномирья. Сознание держит в порядке сознание, но, разумеется, с относительным и переменным успехом, ибо сознание зиждется на произволе, его в себе прочно удерживает и им же местами и временами вовсе не бесстрастно утешивается.

64

Сознание, конечно — рацию, слово, смыслы, но... лишь на основе иррацио, безсловности, бессмыслия, всему этому последнему вопреки, в борьбе с ним, а в итоге — бесконечное мельтешение вовсе не калиброванных и даже не очень-то ловко скреплённых сознаний, которые не то что разные, а... убийственно... разные, а если ещё принять во внимание, что среди

мириад индсознаний какая-либо норма практически отсутствует, то поражает цена, которую приходится платить сознанию вообще за своё насильственное «содружество» с неосознанной природой, как и за свою нарочитую отдалённость от иномирья.

65

Нормы нет; даже идеальная, вполне продуманная норма имеет достаточно размытые границы и полна множества разных допусков; а что говорить о фактической норме; да и что это — нормальное сознание, ежели его попросту нет? Зато есть крайности: на одном конце, к примеру, роскошный гедонизм со всякого рода гламурными излишествами, а на другом — унылый аскетизм того же монаха-отшельника, как и, тоже к примеру, на одной стороне коварный бандит-убийца, а на другой — его справедливый палач, или, если увлечься примерами, на одном краю добрая и заботливая многодетная мать-праведница, а на другом — ласковая и развратная путана — тоже по-своему... праведница. А ведь тут не просто жребии и судьбы — тут, знаете ли, натуры, то бишь атрибутивные сознания, складывающиеся, конечно, не без влияния среды, но и под присмотром разного рода генетик — физической, культурной, личностной, социальной, метафизической, но и, конечно же — звериной, бесовской, демонической, человеческой, ангельской, божеской — какой там ещё?

66

Сознание надобно умеривать... посредством всё того же сознания, но с непременным пособлением со стороны внешней и высшей нравственной критериальности — безоговорочной и вовсе справедливой. Надо всё время находить и культивировать *меру*, разумеется, гибкую, не всегда и ясную, весьма иной раз и неопределённую. Поиск и поддержание общей (желательно, общепринятой) меры — деяние поначалу высокого,

подвижнического и самоотверженного сознания — элитного, ну а затем уже и сознания обыкновенного. *Элитное сознание — великое достояние человеческого сознания вообще!* Обращённое к нуждам и потребностям человека, элитное сознание ведёт сознание вообще, его формирует и культивирует, обеспечивая не одно только физическое и даже культурное выживание, но и совершенствование сознания, его обогащение и развитие. Элитное сознание — сознание творческое, созидательное, демиургическое, что не значит, что оно непременно доброе, справедливое, альтруистическое. Нет, конечно, тут всё так же сложно и туманно, как сложно и туманно с самим феноменом человека. И, однако, лидерская и креативная роль элитного сознания (вожди, старцы, учителя, знахари, жрецы, волхвы, ну и великие посвящённые — основатели религий, как и те же философы, учёные, интеллектуалы, ещё и литераторы, художники, вообще разного рода искусники) неоспорима, хотя и критически оцениваема и нередко нелюбезно судима.

Бешенство, безумие, сумасшествие — если и не нормальные, то во всяком случае обычные для осознанного человека явления. Это уже не отклонения от нормы, не сбои в работе сознаниевого механизма, не искривления в сознаниевом строе — это уже отказы, раздоры, взрывы, когда на месте сознания оказывается даже не бессознание как таковое, а некое производное от обычного сознания обратное сознание — *пато*-сознание, в какой-то мере и *пара*-сознание, в общем — производный от порядка (сорвавшегося порядка) хаос в сознании, зияющая в мире сознания бездна. Это тоже трансцендентная цена за обладание сознанием — этим полномочным представителем иномирья в природном мире.

Доминанция сознания над сознанием. Явление! Одно сознание ведёт другое сознание; одно формирует (образует) другое; одно подчиняет себе другое; одно пользуется другим; одно господствует над другим; одно насилует другое; одно эксплуатирует другое; одно паразитирует на другом. А как же иначе, ежели сознания (индсознания) *разные*, причём есть сильные сознания, а есть слабые; есть нравственные, а есть безнравственные; есть эгоистические, а есть альтруистические; есть прогрессивные, а есть отсталые; есть энергичные, а есть инертные; есть окултуренные, а есть дикие; есть высокомерные, а есть скромные; есть агрессивные, а есть мирные; есть экспансивные, а есть спокойные?! При этом сознания бытуют сообща, системно, домами, а следственно — во взаимозависимости, — и взаимозависимость эта не может быть при разности сознаний иной, чем *иерархической* (сказки о том, что в первобытных общинах все особи были равны между собой и не имели иерархического взаиморасположения, полезно оставить в туне научных библиотек, ибо везде и всегда были старшие и младшие, начальствующиеся и подчиняющиеся, знающие и незнающие; иное дело, что иерархия эта не носила явно деспотического и эксплуататорского характера, а потому и была особенной — как раз общинной).

Иерархия. Тут и вожди с их управлением, и качественное превосходство одного сознания над другим, и насильственное доминирование одних сознаний над другими: так или иначе, а неперемные *верхи* и обязательные *низы*, а ежели сверху донизу, то вертикальная стратификация, а с учётом разных специальных специализаций и верховного управления — *пирамида*. Так было, так есть и, надо полагать, так будет, по крайней мере, в пределах человечества (всё-ещё-человечества). В любом случае всегда и всюду есть управляющие и управляемые, власти-

тели и подвластные, творцы и просто трудящиеся, хозяйствующие и хозяйствуемые, одарённые и обыкновенные, умники и простецы, лучшие и худшие и т. д. В любом варианте есть межлюдское неравенство («не-одно-и-тожесть»), есть разность функций, ролей и положений, а потому есть и разделение человеческого сообщества, причём не только по горизонтали (по специализациям), но и по вертикали (в аспекте субординации). А вот кто и где конкретно располагается по иерархоспецификационной матрице, или, по-другому, какой получается в том или ином месте и в тот или иной момент пирамидально-стратификативная структура человеческого общества и с какими конкретно горизонтальными и вертикальными отношениями, решается самым жизнеотправительным процессом, не пренебрегающим ни раздорами и расколами, ни войнами и разорениями, ни насилиями и покорениями, ни захватами и присвоениями, ни уничтожениями и смертоубийствами, ни довериями и согласиями, ни обманами и предательствами, ни страшилками и страхами, ни надеждами и тщетами, в общем — всем, всем, всем! И во всём этом участвует сознание — промыслительное, проектирующее, действующее, но при этом разрушительное и созидательное, беспощадное и сострадательное, гиблое и животворящее, мракобесное и чудодейственное, лживое и правдивое, злобное и доброносное, в общем — любое, как явно негэнтропийное, так и явно энтропийное, но по преимуществу всё-таки негэнтропийное — упорядочивающее, домостроительное, жизнеутверждающее (что во все не значит, что во всём справедливое, вполне положительно нравственное, всем и вся подходящее, всех удовлетворяющее). Иерархия — феномен весьма лукавый, ибо он, исходя из неравенства и базируясь на субординации, не может не быть предостаточно и непременно погруженным в несправедливость, что не мешает ему, конечно, прибегать к кое-какой справедливости и соблюдать кое-какие позитивные нормы.

Не только физическое выживание в природе и среди всяких контекстных опасностей, как и предотвращение внутренних раздоров и ведение тех же военных действий, вынуждает человека идти на иерархическое и идейно-иерархическое обустройство социума, обеспечивая тем самым наиболее эффективную форму организации общества, им управления и его в случае необходимости мобилизации, как и не только бесовское желание одних людей брать вверх над другими, пользуя и эксплуатируя этих последних, ими из доминационного центра управляя — здесь есть и кое-что более глубокое, чем бытовые потребности и материальные выгоды, а именно — само сознание человеческое, не могущее избежать ни в себе самом, ни в особи человеческой, ни в осознаниенном социуме иерархического и центрo-периферийного обустройства. Мало того, что само по себе сознание внутри себя иерархично, имеет центр(ы) и периферию(и), но, выходя в межчеловеческую сферу (за пределы особи и собственно индсознания) и вступая в межсознаниевые отношения, оно оказывается перед необходимостью какого-то дополнительного, вполне и доминационного, внешнего упорядочения, как раз того самого, которое бывает следствием упорядочивающего воздействия со стороны другого сознания или же уже ставшей устойчивой внешней организации, произведённой и закреплённой предшествующим сознанием (те же правила, нормы, запреты, культурные ориентиры и правовые императивы). Хорошо известно, что два человека, то бишь два индсознания, представляющие иногда содержательно богатые, а по преимуществу же весьма скудные человеческие микромиры, с трудом договариваются между собой и могут успешно сотрудничать, причём даже при наличии внешних направителей и поощрителей, а что говорить о совершенно вольных, да ещё и диких, сознаниях, полных неуправляемой внутренней стихии, необузданных страстей и дерзких порывов. Сознание требует для своей жизнеотправи-

тельной реализации как в индивидуальной, так и в межчеловеческой сферах выживательной упорядоченности, которую может дать только сознаниевая и вполне осознаниевая иерархия, сочетающаяся с центр-периферийной организацией, причём возникнуть и поддерживаться эта упорядоченность может только принудительно и мало когда лицеприятно (что не означает ни обязательно мерзко, ни непременно умопомрачительно, ни неминуемо кроваво, хотя ни одного, ни другого, ни третьего миновать человечеству в полной мере всё-таки не удаётся). Одно сознание должно если не подавить другое, то хотя бы его вразумительно урегулировать, а то и «плотно» подчинить. Так вот и являются *управленческая иерархия*, *управляющий центр* и *управляемая периферия*! Бытие человеческое ведь более всего наземный ад, а сознание — ад внутричеловеческий, переходящий в ад межчеловеческий, — АД! — а не что-нибудь другое, — и чтобы выстоять в этом сложном и тотальном аду, сознанию приходится идти на внешнюю и достаточно принудительную себя же упорядоченность, а потому и на иерархию, и на центр-периферию, и на единоначалие, и на беспрекословность подчинения, и на добровольное самопожертвование, и на принудительные жертвы.

71

Выжили, выживают и будут выживать те социальные образования, учреждения и организмы, которые признают иерархию, соподчинённость, центр и периферию, единоначалие, но, разумеется, в сочетании с известным уважением входящих в иерархию индивидов, групп, коллективов, общин, социума в целом. Здесь воистину хороша середина, а вот крайности тут неуютны, а ежели и бывают иной раз уютными, то на срок, временно — как неизбежные исторические этюды-эпизоды. На одной стороне, допустим, мобилизация, дисциплина, требовательность, понуждение, беспрекословность, исполнительность, неотвратимость суда и наказаний, в общем — армей-

щина, как раз то, что подходит для войн и любых чрезвычайных ситуаций, а на другой — смута, анархия, стихия, произвол, неразбериха, как раз всё то, что возникает в момент социальных неурядиц, потрясений, переворотов, революций. И то, и другое — не для живоносной и эффективной социальной нормы, а тем более не для развития. Норма, о которой идёт речь, конечно, хороша, в особенности ежели «золотая», но... из нормы никто и ничто в сфере сознания не исходит, ибо сознание — не норма вовсе, тем более устойчивая, а лишь упорное желание нормы, её и вечный поиск, никогда к собственно норме не приводящий, ибо норма как таковая, или абсолютная норма, — не жизнь вовсе, а... смерть... и сознания тоже, а потому дело тут по большому счёту не в норме, а лишь в приближении к норме, причём приближении вполне колебательном: то в сторону одной крайности, то в направлении другой. Лучший вариант тут не норма сама по себе, а допустимые под её прицелом подвижные и возвратные аномалии — нормативные, так сказать, аномалии.

72

Иерархия сама по себе — не обязательно отчётливое и закреплённое на века межуровневое и межфункциональное неравенство (непроницаемые относительно друг друга касты, несмешивающиеся между собой классы, закрытые друг от друга сословия, когда одни — высшие — имеют привилегию на свободу, пусть и относительную, и возможность эксплуатации низовых страт, а другие — низшие — обладают лишь привилегией быть несвободными и всюю верхом эксплуатируемыми). Иерархия — это по сути своей особый строй организации и управления, когда на высшем уровне, как и в центрах, принимаются решения, невозможные на низших уровнях, на той же периферии (то бишь решения общие, объёмные, масштабные, «сверхние»). Наиболее признаны иерархии в армии, в чиновничестве и в... церкви, хотя они есть, конечно,

повсюду: на предприятиях, в семьях, в школах, в тех же театрах, и, несмотря на разного рода не самые приятные издержки, не только сами выживают, но и обеспечивают выживание великого множества институций, систем и сред. Анархизм, как известно, против иерархий, управляющих центров и единоначалия, а потому и непременно и скоропалительно захлёбывается от стихий, бессилия и тщеты. Либерализм не отрицает иерархий и их неизбежных спутников в виде управляющих центров и того же единоначалия, но делает систему управления более гибкой, подвижной, приспособительной, хотя и рискует при этом расслабить социальную структуру и вызвать её недееспособность. Тут опять же замечательна середина, когда либеральное начало эффективно сочетается с директивным, а дирижизм — с либерализмом.

73

Кто же обычно берёт верх в иерархии? Да, более сильные и удачливые в том или другом аспекте или же случае, — и хотя они, эти успешники, водрузившись на вершине или же попросту забравшись выше других, считают, а то и прямо называют себя лучшими, действительно лучшими бывают не только не всегда, но и частенько в порядке о-очень большого исключения. Сильные и удачливые, ловкие и изобретательные, как и активные, деятельные, креативные, при этом и авантюрные, и горделивые, и нетерпеливые, но вовсе не факт, что при этом все они добропорядочные, высоконравственные, альтруистические, — тут скорее, наоборот: беспардонные, наглые, жестокие, эгоистичные, хваткие, мерзкие, хоть и прикрытые частенько благопристойным этико-эстетическим флёром. Нет, им не откажешь в мужественности, смелости, отважности, как и в уме-разуме, в той же писательно-ораторской изощрённости. Но ведь по преимуществу всё это... *бесы*, как раз те самые *люди-нелюди*, всегда поджидающие своего часа, его никогда не пропускающие и достигающие нахраписто сво-

их присвоительно-захватнических целей: что посредством военных завоеваний, что через революционные скачки наверх, что ползучим экономическим (торгово-финансовым) проникновением в верха, что деспотическим насилием, что в ходе демократических игр, что с помощью лукавого политчародейства, но всегда с применением разнообразных продвиженческих талантов. Бывает ли всё-таки наоборот? Бывает, конечно: либо в крайне опасные для существования социума критические моменты, требующие самоотверженного вождизма, неукоснительной честности или действительного героизма; либо в случае особого спроса на знания, всякого рода умельцев и создателей; либо в относительно мирной и благополучной обстановке, когда выход наверх бывает возможен, как принято говорить, по способностям, по труду, по творческому рвению. Вообще же тут всё достаточно сложно и неоднозначно: иерархии нужны, но вот хороши ли бывают при этом иерархии, они же и монархи, и олигархи, и депутаты, и партократы, и бюрократы, и идеократы, и клирократы, и капиталократы, и монетарократы, и плутократы, и интеллектократы, и спиритократы, и, разумеется, криптократы, в общем... все, кто держит власть, кто властвует, кто управляет, определяя всё и вся, поддерживая иерархию, эксплуатируя низы и обогащая верхи, не забывая при этом и о серединке — разного рода управленцах, службистах и спецах, их в меру, а иной раз и без меры прикармливая, поощряя и «любя»? Всё тут по-разному: где-то открытый и откровенный деспотизм (с пришибленным, хотя и не до смерти, подданством, с тягловым рабством, с той же неукоснительной кастовостью, как и безоговорочным служением снизу доверху); где-то либеральная иерархичность, избегающая вроде бы открытого межчеловеческого деспотизма, но прибегающая зато к деспотической помощи вещей и институтов — тех же денег и тех же законов: делай деньги, соблюдая законы стаи, и будь наверху, а ежели большие деньги и подолгу, то и будь наверху подолгу — при той же или уже своей

стае, как и, наоборот, трудись, трудись в поте лица, соблюдая ретиво спущенные сверху законы, и будь внизу, в лучшем случае — в серединке, а денег имей столько, сколько... даётся... властей, денег и самого законопорядка реально и помногу предержажшими; где-то, конечно же, устраиваются смешанного типа иерархии, как и всё, что с иерархиями непосредственно связано.

74

Крупные бесы непременно наверху и на командных пунктах; часть из легиона бесов впереди — ломать, захватывать, провоцировать, идти вперёд, выискивая объекты захвата; другая часть сзади — подгонять, инквизировать, наказывать, стирать с лица земли; третья — в подполье — вынюхивать, всё знать, выхватывать, ловить, устранять, вредить; четвёртая — на виду — развлекать, информировать, запутывать, улавливать, соблазнять, прельщать, развращать; пятая — в криминале: разбойники, бандиты, пираты, воры, мошенники, авантюристы; шестая уже из явно обезумевших — буйных и тихих, но там же и всякого рода извращенцы, отщепенцы, предатели, изменники, изуверы, изгои; наконец, уже в самом низу те из бесов, которых принято называть маргиналами: нищие, бездомные, попрошайки, воришки. Бесов много, они всюду и везде! Это, конечно, человеки, но особого типа человеки, которые как бы не дотягивают до собственно людей, но зато упорно стараются — в силу определённой ущербности, не позволяющей им дотянуться до собственно людей — переодолеть людей, стать выше их или хотя бы особее, подчинить себе людей, под себя их обустроить, вести за собой, ими командовать, определять их бытие, эксплуатировать их и на них же паразитировать. Тут, как и везде и во всём, есть крайности (чистые экземпляры), есть и середины (смеси). Отличительные особенности беса — нарочитая нечувствительность, пренебрежение к другому и к контексту, игнорирование совести и невнимание к

страху высшего порядка (Божиему), неосознанное и осознанное к ним презрение, отчего открываются возможности зверя и закрываются доступы к Богу, а в итоге в человеке не так собственно человек, как бес, со всем своим оружейным скарбом: ложью, беззаконием, имитацией, симуляцией, стяжательством. Бес не где-то там — в иномирье, хотя, быть может, в невидимых тонких мирах бесов тоже хватает, а прямо в человеке, — и не так даже в бесе-человеке, как в человеке-бесе. Трансцендентный бес, возможно, и есть какой-нибудь прачеловек, парачеловек или даже постчеловек (некое параллельное человекообразное, то ли недосотворённое, то ли неудачно сотворённое, то ли пересотворённое, в общем — либо претендент, либо споспешествователь, либо противник), — и он, этот «трансцендент», не то что рядом с человеком, но вместе с ним, мало того — в нём! Вовсе не исключено, что бес явился вместе с человеком, прямо в человеке, как его органичный двойник, а задачей человека доброго стало, не без влияния высших столь же добрых сил, этого беса в человеке преодоление, даже и его из человека изгнание, что, увы, не только оказалось непросто, но, кажется, и невозможно. Бес необходим, он имеет свой резон быть — как ядовитый, но нужный фермент, а потому бытующему в собственном аду и идущему через собственный ад человечеству остаётся быть одновременно и *бесовечеством!*

75

Не каждый человек заслуживает почётной квалификации беса — в большинстве своём люди вовсе никакие не бесы, а... именно люди, человеки, обожённые сакралом и обожжённые природой существа, но в каждом, или же почти в каждом из них, гнездится-таки бесовская энтелехия, обычно пребывая в потенции, но с почти обязательным вырывом на простор — ра-а-з, и выскочил бес из глубины организма наружу, — и неловко бывает от того человеку, и стыдно, и погано! Но как вообще человеку обойтись без бесовской заразы, идя по жизни

неоднозначным, тяжким, извилистым путём, когда кругом опасности, помехи, риски, ну и бесовские же обманы, лжи, подставы, несправедливости, предательства, соблазны... э-эх... столько всего злого, гадкого и отвратительного, но при этом неотступного, клейкого, неотрывного?!

76

Одно дело — бес в человеке, совсем другое — человек как бес, и уж совсем другое — человек-бес, или же прямо бес-человек. Целое тут, понимаешь, *бесовечество*!

77

Человек слаб, уязвим, податлив, а потому, видно, и обречён — на гадость, на мелочь и низость, на всяческий грех, на зло. Быть человеком — не просто страда и страдание, не одно лишь тяжёлое и долгое испытание, но и... великий подвиг, даже и без какого-либо высокого деяния и самоотверженного поступка. Прожить — уже достижение, а уж прожить достойно — подвиг, а без греха... так это разве ж возможно?! Греховен человек, ох как греховен! Вся история его как раз по преимуществу о грехе и греховности. История, правда, и о борьбе человека с грехом и греховностью — небезрезультатной, но всё-таки... не победной. Да и сама по себе история, увы, небезгреховна. Греховность не в одном лишь человеке, но и в истории, как и, если хотите, в самом человеческом бытии. Бытие с историей — продукты человека, но они и сами для себя продукты, мало того, они и продукты... иномирья, абсолюта, трансцендента. Человек, выходит, крепко виноват... э-э... но вот перед кем же, кроме себя самого? И бытие с историей, надо полагать, не безвинны. Поди-ка поиграй с ними в прятки, укройся от них, побудь в них и с ними таким чистеньким и правильным паинькой — ничего ни от кого не утаивая, вполне откровенничая, не лгя и не обманывая, ничего из среды не присваивая, ото всего лишнего отказываясь, никому не досаж-

дая и никого не умерщвляя, всех и вся любя, приголубливая, жалея и привечая! Бытие — не милый лжец, а история вовсе не дом призрения! Бытие и история столь же ущербны, больны и греховны, как и человек, соответственно — столь же и... бесноваты, мало того, в них уже даже не бес сидит, а сам... *дьявол*, он же и *сатана*, что, собственно, более всего лишь злой дух, этакий невидимый вельзевул, чем какая-то отчётливая персона, но зато дух активный, суетный, въедливый, способный не то что человеком-особью овладеть (был бы отклик), но и массами особей, и целыми племенами, народами, нациями, а то и... да-да... всем человечеством! В междумирье нет и не может быть ни мира, ни согласия, ни равновесия, хоть и есть там натужное единение, а потому и трение там, и несварение, и напряг, а где нелады, там и враги, — вот и дьявол тоже, которого, если б не человек, и не было бы вовсе, по крайней мере, в связке с человеком. Бесовство человеческое, конечно же, в союзе с дьяволом, а дьявол в таком разе — прямой бесовский топ-менеджер и есть! Вот и кружатся они вместе — дьявол в центре своего лукавого мироздания и бесы по всей его периферии, исполняя вдохновенно свой бесконечный инфернальный карнавал. А люди где? Да там же — прямо в этом великолепном карнавале!

78

Дьявол вовсе не обязательно только мерзкий враг рода человеческого, коварный соблазнитель человека и беззащитный менеджер человеческого жизнеотравления. Тут всё гораздо сложнее. Дьявол более всего ментальный союзник бесовского человека, его поведенческий побудитель и замысловатый созидатель его бытия. Дьявол — и учитель, и мыслитель, и конструктор, и архитектор. Опять же вполне симпатичный, благообразный, участливый. Ничего страшного и ничего страдательного! Умён, ловок, деликатен, тонок. Сам перед глазами особенно не является, но с бесовечеством впол-

не солидарен — тайно, располагая по всему роду человеческому своей великолепной агентурой.

79

Пришло время человеку всё это осознать: человек, дьявол, бог! Вроде бы и триединство — в сознании, в коллективном сознании, в ноосфере. Жутко, но факт! Великий познавательно-осознавательный подвиг, он же и сдвиг, он же и скачок. И спасительный вырыв — в сторону бога, неизбежно становящегося в глазах человека *Богом*! Иначе ни истины, ни пути, ни достоинства! Сам по себе человек — не ничто, конечно, но и не великое самодостояние. Не сто́ит, не дотягивает, а потому и не сто́ит! Если он не в свете Божиим, то непременно в сети дьявольской. Бог — маяк, критерий, опора! Дьявол же — соблазн, соблазн и ещё раз соблазн! До Бога далеко, ибо трудно, больно, страдательно, а дьявол всегда рядом, с ним легко, занимательно и приятно. Страшно всё это, очень страшно, но... факт!

80

Осознание Бога — величайшее достижение думающего, переживающего, хозяйствующего человека. Не менее значимо и осознание противника Бога — дьявола. И несть человека без Бога, но несть человека и вне дьявола! Ежели человек (который уже не всего лишь говорящее животное), то он непременно между Богом и дьяволом, с божественным в себе, но и с бесовским в себе, с положением в себе как Бога, так и дьявола, так и с их отрицанием. Непрестанная борьба! С природой и природностью, с материей и материальностью, с жизнью и животностью, с неизбывным патосознанием и вообще с неопределённым самим собою. А где борьба, там и успехи с неудачами, победы с поражениями, возвышения с падениями, устроения с крахами. И тяжко человеку, и занимательно, и тягостно ему, и радостно, но и... невозможно!

81

И на споспешествовании тут, конечно, прежде всего, дьявол: делай человек, что хочешь и что можешь, будь свободен и милостив к себе, ничего не страшись и полагайся вполне на самого себя! Без некоторых условностей, порядка и культуры, разумеется, тебе не обойтись, но зато возможно и с ними превосходно устроиться — когда *один за счёт другого!*

82

И обустроился человек, и оправдался сам перед собою, пригибая, понуждая и гнобя один другого. Существо, пожирающее самого себя: то буквально (каннибализм), то занимательно (эксплуатационно), то иносказательно (морально, словесно, поступочно). Человек человеку... враг! Последовательный, разнообразный, непрерывный. Ну и друг, конечно, но... всё-таки более вынужденный друг, чем добровольный — изначально! Враг даже без обязательной на то ненависти, как и друг без той же неременной к другому любви. Се человек — и это звучит... э-эх... гордо!

83

Вся история человечества — история непрерывной и жесточайшей межлюдской борьбы, история покорений и унижений, взаимных пожираний, непрерывного кровопускания и неодолимого до конца смертоубийства. Театр на крови! Но ведь и войны имеют свои театры. А есть ещё военное искусство, вовсе не такое уж театральное. Так что самые крупные исторические герои со стороны человека — герои борьбы, войны, крови и смерти, в общем — расправы человека с человеком. И проходят века, угасая в вечности, и исчезают там же с глаз долой, погружаясь в изнаночное небытие, а борьба среди человекoв всё идёт, подбадривая их брeнное существование, меняя жизнь на смерть и смертью же обновляя жизнь. Любопытная, знаете ли, картина, отражённая преданием, литерату-

рой, искусством, воплощаемая наяву фотографией, «кином», телевидением. Культура по большей части на стороне зверя, в угоду бесу, на службе у дьявола! Но ведь и ради человека тоже, его обожения, вытаскивания за волосы из трясины мерзости и порока, одаривания светом, стойкостью, любовью. Тут даже не пресловутая (и спасительная для ловкого ума) диалектика — вполне и шизоидная! — а и самая что ни на есть потаённая неразбериха: ведь и сама Библия полна кровавых сцен и смертоносных эпизодов, не говоря уже о жуткой гибели на кресте самого Господа Бога — причём от ума и рук человеческих!

84

Унять в себе зверя, преодолеть засевшего в сознании беса, отогнать от себя приставучего дьявола — чем не транс-сторическая задача для человека, им болезненно осознанная и пред собою жертвенно поставленная! И удаётся кое-что человеку, и проваливается он, и мучается, и карабкается старательно вверх, и который раз срывается, и... воет: от тщеты, от усталости, от досады, от скорби, от невозможности! И ничего человеку не остаётся, как продолжать сие неблагодарное и бесперспективное занятие — выковыривать из себя человека, переделывая сознание, всё более его осознанивая и возвышая перед самим собою — и всё это на основе и через посредство *сверхсознания*, уходящего в неведомую трансцендентную даль!

85

И выходит, что истина где-то там — в небесах, в выси, в запределье и в иномирье. Она не в человеке, не в сознании, а вне человека, вне сознания. И что вообще значит *истина*, ежели сам Христос не ответил, а лишь досадливо и уклончиво на себя указал? Да, истины, кроме некоторой феноменологической и фактологической, по большей части материально-

вещественной, нет — в этом мире нет, а вот есть ли она в мире *ином*, кто знает? Никакой *истинной истины* в недрах сознания, в уме-разуме, в человеческой идеальности нет и быть не может, ибо иначе не было бы ни этого сознания, ни этого ума-разума, ни этой человеческой идеальности, хотя там и гнездятся *вовсю неистинные истины* — неполные и неконечные. Любая человеческая истина в той или иной мере трансцендентна, что означает, что где-то *там* — в выси и в дали есть какая-то вполне верная истина-маячок, а здесь — на земле — лишь возможна истина-*блуд* (этакая блуждающая истина), которая в лучшем случае — приближение к истине, опять же к какой в действительности, ежели всё вокруг трансцендентно, даже и всё имманентное по высшей мере тоже. И чтобы человеку не сойти с ума и не растерять насовсем сознания, он и придумал то, что обычно называется *культурой* — в её наиболее строгой, «незыблемой», установочной и инквизиционной части.

86

Культура при всей своей относительности, подвижности и изменчивости — *культ*, она наделена человеком свойством абсолюта — пусть *вовсе* и не абсолютного, *вовсю* переливчатого и вполне временного. Обычаи, запреты, нормы, незыблемые нравы, непреходящие обязанности, вообще *порядок* — противник хаоса, стихии, своеволия, произвола — всё это культура, причём культовая культура, насильственно, кроваво и смертоносно выработанная и с тем же «ужасным» тщанием поддерживаемая (если не совсем «ужасно», то всё равно через внушение, повеление, понуждение, наказание, изгнание, отрешение, отчуждение, да мало ли ещё как — вполне и гуманно!). Без культа — признания, уважения, преклонения, соблюдения — нет и не может быть никакой культуры — культуры сознания, поведения, социальной организации, выживания, развития. Культура — крепь (крепость) сознания, ума-разума, человеческой идеальности. Письмо, живопись или музыка —

строго говоря, никакая не культура, а вот строй письма, живописи или той же музыки — культура. Лишь только в случае, ежели письмо, живопись и музыка служат объектом или средством культа, то да — тогда это культура, а так... это не более, чем текущие продукты человека, его обычного труда и незатейливого творчества, вполне и примитивно-хозяйственные.

87

Истинная истина вне сознания, вне ума-разума, вне человека. Страшное фундаментальное открытие... сознания, ума-разума, человека. И никуда от этой эмоционально худой, но при этом и гносеологически сильной истины человеку не деться! Разве лишь в стойкость уйти вместе с культурным (культовым) стоицизмом. Но вне сознания не одни бездонные выси, голубые небеса и светлые дали, вне сознания и столь же бездонные земные глубины, чёрные тверди и тёмные доли. Сознание связано и общается как с верхом, так и с низом. Сверху вроде бы жизнь, интеллект, мысль, а снизу... снизу, увы, тоже жизнь — материальная, никак не духовная... впрочем, почему же не духовная, если оттуда и информация, и замысел, и проект (зерно произрастает в почве, в тверди, в темени; как и любое растение прямиком из Нави... в Явь; да и сам-то человек откуда? ...э-эх... мать-тьма!). Да, Дух, конечно, сверху, от света, от иномирья, а вот духи, знаете ли, прямо снизу, от темени — и всё это вокруг человека, через человека, в человеке, ну и, разумеется, в культуре, в культе — культово и культурно! Культ жизни и... культ смерти! А что остаётся? Ведь это руководство к бытию... через небытие, а может... к небытию через бытие. Кто знает? И так можно и этак. А вот без двусторонней — к жизни и к смерти — культуры никак нельзя. И без культа никак нельзя. Кльта в отношении высшего, иного, трансцендентного (опять же как жизнеутверждающего, так и смертоносного), но и в отношении культа местного, здешнего, имманентного. Ничего человек не знает —

из необычного, а ежели и знает, то лишь с культом, культово и культурно, через посредство окультуренного (и «окультурного») знания. Если знание не культ, то и делать человеку в этом мире нечего! Вот почему не одни только мифы с религией суть культ, что вроде бы понятно, но и философия с наукой, что менее бросается в глаза, но тоже понять можно: Гомер, Сократ, Платон, Аристотель, Христос, Лютер, Лейбниц, Ломоносов, Пушкин, Толстой, Гегель, Гюго, Маркс, Эйнштейн, теперь вот и Вернадский — всё культы, по крайней мере, у европейцев. Ку-ль-ты — и ничего другого!

88

Культ природы и присущих ей духов, культ богов и приданных им историй, культ царей и присвоенных ими деяний, культ Бога и Божественной Троицы, культ демократии и демократического мифа, ну и культ денег, золота, бриллиантов. Есть культ текста, письма, песни, цифры, числа, формулы, знания, умения, мудрости... молчания... — чего только нет под знаком и опекой культа! Даже сам культ... под культом! Культ — надёжный гарант знания и верный признак незнания, а вместе с этим и сознания с бессознанием. *Нет культа — нет человека!*

89

И сам человек объект культа, да ещё какой! Не царь и не полководец только, не святой и не учёный какой-нибудь, а именно *человек* — сам по себе, пусть и из элиты. Как этакую тварь природо-божескую, животную, зверскую хотя бы чуть-чуть облагородить, осверхприродить, обожить? Только через культ, пусть и обманный, но только через культ! Сам по себе человек — нет, не ничтожество, конечно, но... зверь, даже и окультуренный! Культ превращает зверя в человека: то ли в зверя-человека, то ли в человека-зверя, а иногда и в... *человека-человека*, но, увы, со звериным, бесовским, дьявольским всё

же душком. Нет, речь тут не о дегенератах, коих вокруг великое множество, и не идиотах, коими пруд пруди, как и вообще не о клинических типах, а прямо о человеках — вполне окультуренных и немало облагороженных, когда каждый — миф, сам себе культ, сам себе и... человек! Конечно, всё это не в лесах дремучих, не в просторных степях, не в белёсой тундре, как, собственно, и не в деревнях с аулами, а по преимуществу в городах, в чадущих цивилизациях, вкупе с отчуждёнными культурами и изысканными культурами. И не опровергнуть личностный миф, не пробиться через чей-то собственный культ, не узнать, что за человек прячется за лицедейным ликом своим, а то и за личной образиной. Сознание — вуаль, сеть, тряпина, в общем — туалет-вуалет, в котором и за которым лишь одно — *тайна!*

90

Подспудная мотивация любого культа за неизвестностью, незнанием, трансцендентностью, но и за конспирацией тоже, а вот операторами культа служат знание, известность, имманентность, явность. Но и сами эти последние требуют культа — как от неуверенности сознания, так и от его самоуверенности. Даже такое замечательное понятие для человека, как *человек*, требует постоянного культового подтверждения. Человек, человек, человек... и страшно подумать, что это-то самое как раз и есть... *человек?!*

91

Культ в прямом родстве со *страхом*: не было бы страха, не было бы культа. А без культа не было бы человека. Культура — осознанный и осознаниенный страх! Человек полон страха, от которого вся его самоуверенность, вся гордыня, вся кажущаяся твёрдость. Жить — утверждать и твердить культ. Выживание — реализация культа. Культура — условие и средство выживания. Возведение культа — прогресс; поддер-

жание культа — бытие; опровержение культа — революция; разрушение культа — смерть. Ничего без культа, всё в культуре и через неё, всё с тем или иным культом. Человек-культ, человек-культура!

92

Культура от сознания и для сознания. Сознание творит культуру, а культура образует сознание. Есть сознание — есть культура, есть культура — есть сознание! Важна культура сознания, чтобы сознание оставалось в пределах культуры, а человек — в пределах человека. Смена культуры — смена сознания, смена человека. Крушение культуры — крушение сознания, крушение и человека.

93

Есть культура, а есть и *антикультура*. Последняя вовсе не только отсутствие культуры: это может быть либо задник культуры (отхожее место, помойка), либо негативная по духу и отвратительная по форме культура (скорее даже — «культура»). Чаще всего переплетение, когда антикультура не без успеха выдаёт себя за культуру либо же этой последней опрометчиво за культуру принимается. Добротна сделанная, выверенная временем, возвышенная и возвышающая культура — классика; отрицательная, она же ниспровергательная, культура — антиклассика; обратная культура, или культура-оборотень, — дерьмо! Человек способен любить всё, а потому он сам тоже ведь антикультурное ничто, или же попросту — зверь! Однако тут не всё так просто: зверь, рядясь в человека, создаёт свою антикультурную культуру, выдавая её за культурную культуру. Отсюда есть культура культурного человека, или человека выси, неба, объёма, а заодно и фасада, а есть культура антикультурного человека, или человека низа, темени, плоскости, что то же самое — задника. И человек-зверь устраивает всё так ловко, что и не разобрать часто где тут что,

тем более, что работают всюду невежество, внушение, самовнушение, животные инстинкты, а также слабость, страх, отчаяние, ненависть, как и прелесть, милость, сладость. Сброс культуры не менее загадочен, чем её сотворение. Культ разрушения и культ безобразия не менее могучи, чем культ созидания и культ красоты. Человеческое всегда соседствует с античеловеческим — и импульс человеческого всегда сменяется импульсом античеловеческого. Долгое созидание и мгновенное разрушение. Культ созидания и культ разрушения — и оба они от человека, того самого, который звучит либо очень гордо, либо же очень пошло. Святой и хам! Но бывает, что и хам становится святым, а святой... ну, на то он и святой, чтобы оставаться святым, даже ежели и из хамов.

94

Материально-физический мир феноменален, фактичен и более или менее фиксируем, но и в нём хватает неопределённости, вероятности, стихийности. А что говорить об идейно-метафизическом мире — мире сознания, ноосферы, иного, в котором тоже есть свои феномены, свои факты и свои фиксации, но... явно (слышите, явно!) неопределённые, расплывчатые, вуальные, мерцающие, ускользающие?. Если физик может себе позволить хотя бы половину из увиденного и ощупанного посчитать за истину — экспериментально подтверждённую и логически обоснованную, то метафизик ничего подобного сделать не может, ибо имеет дело не с истиной, которую лишь надо обнаружить и «фиксировать», а с её зеркальным отражением, ещё и по большей части весьма кривоватым, если не вообще косым. Физик ищет и находит свою правду, отгоняя не свою кривду, а метафизик, тоже как и физик, разыскивая правды, находит лишь одну кривду, внутри которой, конечно, и правда, но... очень уж разная правда — многоликая, переменчивая, ускользающая. Если уж физик не может избежать куль-

та знания, его догматизации, то метафизик просто обязан быть *культ*-истом, мало того, по преимуществу и *лже*-культистом.

95

Ист-культы и *лже*-культы — поди-ка различи! Ложь — величайшее достояние сознания. Ложь от незнания, от недознания, от большого знания, от перезнания. Ложь ради выживания, благоугодия, удовлетворения и восторга, наконец — *во спасение*! Ложь как ложь, ложь вместо правды, ложь как правда. Человеку, его сознанию более всего доступна и понятна как раз ложь, а вовсе не правда, ибо где она — правда, а ложь-то всегда тут как тут. И самое поразительное — сознание умеет при желании и необходимости увидеть во лжи и различить через ложь правду, но... общего объёма лжи от этого не уменьшается, наоборот — ложь нарастает, ибо операциональна не правда вовсе, а ложь, а правда-то как раз вполне себе и препятственна. Точная экзистенциальная правда у человека одна — *смерть*, причём не так вообще смерть, как своя собственная, личная, да и то... смерть это смерть или ещё что, о чём говорить вроде бы можно, но... без всякого достоверного успеха (опять ложь!). Как не осуждай ложь, но она всегда и везде в наличии, в действии, в триумфе. Ложь — что-то вроде кислорода или той же воды: подышал, умылся, напился и... хорошо! А правда... о-о!.. правда мешает, гнобит, убивает... Да и как, к примеру, выказать правду, ежели она попросту не известна? Отсюда и устные мифы, философские трактаты, священные писания, научные определения, литературные тексты, театральные пьесы, киношная продукция, весь телевизионный балаган. Кругом ложь и ложь, при этом ещё и во спасение: предания, философии, религии, науки, искусства, информация, причём преподносимая как правда, мало того, правдой вольноневольно и становящаяся. О политике и социальной организации мы уже помолчим: тут, может, и сплошная ложь, но вовсе и не ложь, а *лжа* — вроде смазки.

Конспирация! Иномирье — тайна, природа — тайна, человек — тайна, сознание — тайна, социум — тайна. Кругом — *Навь!* Разумеется, и *Явь* тоже, но *Явь* — та же *Навь*, только с *Явью* в единении. *Навь* же по-своему тоже *Явь*, только неявная. Мир целостно конспиративен. Человеческий мир тоже. Кругом сокрытость, вуаль, дрёма. Конспирация — норма! От неё и в связи с ней зато и интерес, и выдумки, и загадки с разгадками. Сокрытая природа, которую раскрывают человеческие наблюдения, умения, эксперименты, исследования, заключения, в общем — опыт и наука, кое в чём и философия с религией. От природы скрывается человек — на деревьях, за кустами, в пещерах, на воде, на суше, в лодках, телегах, экипажах, в жилищах, в особенности по ночам и в ненастье; но более всего человек прячется от человека — частоколы, стены, крепости, дома, семьи, общины, города, страны, государства, идеологии, религии, церкви; охраняет себя упорно одно сознание от другого — в молчании, в говорении, с ложью ли, правдиво ли. Чужое сознание — потёмки! Не всё удаётся человеку сокрыть и сохранить, но что-то всё-таки удаётся. *Конспирация!*

Человек — общественное животное, мало того — общающееся животное, а раз так, то уже не-совсем-животное, более-чем-животное — осознанный зверь. Но при этом и общающееся... *конспиративно!* Очень любопытная деталь! А если добавить, что ещё и лживо — тогда уж совсем великолепно: *конспиратор* и *лжец!* Вот тебе и общественное существо?! А ещё и трус, изменник, предатель, мерзавец, поганец, мошенник, сквалыга, насильник, убивец... о-ох... и в самом деле общественное животное, социальный зверь — коммуникатор и ретранслятор!

Мир для человека скорее тёмн, чем светел, лукав, чем прям, угрюм, чем благостен. Вот и живи, и твори, и благоденствуй! Продирка через мир! Жизнь как продирка! И на каждом шагу угроза и риск, обманка и западня, подстава и смертельная (!) опасность. Спасает умелое, отборное, стойкое сознание — матери и отца, родных и близких, знахарей (знатоков) и жрецов (зрящих), каких-то умниц и изобретателей, интеллектуалов и творцов, защитников и победителей. Спасает *социум* — это коллективное сознание, упорядоченная ноосфера, община, город, государство. И ценой такому спасению — *свобода*! Человек — существо осознаниенно несвободное: правило, порядок, строй, матрица. И ежели есть свобода, то как локальность и временность, как исключение, наконец, как... произвол. Но зато есть и внутренняя свобода — переживания, умозрения, веры, умирения.

Единственно верное, но при этом и не бесспорное, достояние любого человека — *вера*, которая вовсе не так реальная реальность, как реальность виртуальная, ментальная, эмоциональная, мнимая, даже и мистическая... но при всём при этом непременно признаваемая, осознаваемая, утверждаемая. Вера в Мать-Природу, в родную Мать и родного Отца, в Человека, в сонм богов и единого Бога, во Христа Сына Божиего, ну и, конечно, в знание, информацию, науку и технику, философию, религию, просвещение, нравственность, как и, разумеется, вера в Веру, в Надежду, в Любовь, как и в Ничто, в Иное, в Великую Неизвестность. Жить значит верить, хотя бы в самую жизнь, её необходимость и возможность, в дар жизни, её счастливый конец. Верить — жить! Без веры (не как религиозного отправления, а как веры вообще) нет жизни, нет бытия. Никто из смертных не знает, отчего и откуда, зачем и для чего, с какой целью и куда он идёт, благоденствуя и страдая, борясь и

погибая, падая и вставая, озираясь и мучаясь от вселенского непонимания, идёт он — *человек* — этот осознаниенный зверь, преодолевающий вроде бы в себе зверя и не могущий его на-совсем преодолеть, обрамлённый конспирацией, ложью, безумием и недоверием, стремящийся к правде и любви, но не улавливающий сполна ни того, ни другого, но зато прихватывающий ненароком их галлюциногенные призраки.

100

Призрак! О-о, это факт, великий факт, ибо что вообще-то видится человеку его внутренним зрением, его самосознанием, если не... *призраки* — то ли образы вещей и событий, то ли образы образов, то ли же сами по себе призраки, их — уже призраковые — образы. Сознание, не говоря о подсознании и сверхсознании, — скопище призраков. Оно и само призрак! Та же мысль, что это такое, если не призрак? Для мысли призрак, пожалуй, что-то слишком даже определённое и чересчур заметное. Мысль — метапризрак, когда призрак лишь опорное, совершенно и невидимое — только предполагаемое, ядрышко. Если же в физике полно призраков — вроде сил, энергий, тяготений, частиц, волн и т. п. «научной чепухи», то что говорить о метафизическом сознании, где всё и вся уже по-настоящему «чепуха». Работа сознания — оперирование с призраками, война с ними и с ними же любовь. Призрачный мир подчас — самый для сознания милый мир и есть, хотя от милого до ужасного — один миг! А сколько в сознании дыр — что белых, что чёрных, и все они тоже элементы сознания, его своеобразная «плоть». Дыра как плоть — плоть как дыра! Замечательно, а главное — очень и очень вдохновляюще!

101

И, однако, сознание есть, оно работает, таща человека как существо и человека как феномена неведомо куда. Это-то и самое интересное, ибо... в *никуда!* Но человек обращает

своим ловким сознанием это никуда в кое-какое *куда* — не известное, но почему-то очень даже привлекательное!

102

Человека как феномена, да и как существо, даже как особь, можно более или менее понять только при допущении, что он — человек — одновременно ещё и... *нечеловек*. Да, да, именно так — *нечеловек*! И не только животное или даже зверь, нет, не это тут самое интересное: человек — это призрак, бытующий в *призрачном мире* (сознания, ноосферы) и реализующий *призрачное бытие*, а может — и *призрачное небытие*. Не человек всё делает, а сидящий в нём призрак, он же призрак-сознание, или сознание-призрак, подверженный разного рода призрачным влияниям — изнутри и извне, от мира и от иномирья, а в итоге, знаете ли — из *Ничто*!

103

Ничто! Это вовсе не абсолютная пустота, не ничто как таковое, а ничто, всегда беременное каким-то *Нечто*, которое и возникает в сознании человека — сначала как призрак призрака, а потом и действенный призрак, он же идея, замысел, проект. Приходит и момент перевода этого призрачного нечто в реальное нечто, хотя призрачность никогда не покидает ничего из содеянного человеком. Ничто всегда рядом с нечто, а нечто не может не благоволить ничто!

104

Человек не мог не обратить внимания на призрачность своего сознания и всего с ним связанного, как и не мог эту призрачность по-своему осмыслить (осознать). Так родились в воображении человека духи, ангелы, демоны, бесы, черти, а потом и инстинкты, либидо, архетипы, неврозы, психозы, как и свойства характера, наследные изъяны, благоприятные психотравмы, не говоря уже о кармах, судьбах, предо-

пределениях и иных подобных вещах. Чего только нет в сознании, в его сфере, какие только призрачные феномены и даже чуть ли не существа в нём не обитают. Мы уж помолчим о сновидениях — этих зеркалах сознаниевого тыла. И всё это из ничто, посредством ничто, хотя и для какого-то часто совершенно неожиданного нечто. И сознание со всем этим имеет дело, производя как себя самого, так и свои что призрачные, что и вполне реальные продукты, они же и плоды.

105

Человеку не позавидуешь! Да, есть светлые, приятные, достойные, значительные, торжественные, даже и обильные восторгами, моменты, есть какое-то удовлетворение от общего течения жизни, от труда, от творчества, от взаимного общения, от дружбы, от любви; и всего подобного бывает иной раз совсем и не мало; случаются даже по жизни и в людском понимании счастливики. Но... но сколько же у человека всяких проблем, нелепостей, неурядиц, бессмыслиц, тяжестей, безобразий, неблагоприятностей, ошибок, пороков... стоит ли продолжать... и так ясно: жизнь вовсе не сплошное удовольствие, а по преимуществу тяжкое испытание, пусть для каждой особи, каждого людского типа и социального класса разное, иногда и не очень тяжкое, даже не особенно и испытание, но в целом... э-эх... в целом всё-таки именно оно — *тяжкое испытание*, где не только антижизнь всякая рядом, но и смерть всегда вблизи в своём незабвенном бдении!

106

И какая всё-таки жажда жизни! И не в раю вовсе, а в самом что ни на есть аду — среди опасностей и угроз, зла, ненависти, каверз и подстав, ловушек и безысходностей, холода и бездомья, жажды и голода, болезней и смертей — и в постоянной борьбе со всей этой прелестной атрибутикой, через её познание и выработку ей противоядий, посредством упорного

приспособления к неоднозначным обстоятельствам, но и не менее упорного — сознательного, волевого, самоотверженного — переделывания всего экзистенциального контекста. Великий подвиг то ли недоделанного, то ли переделанного, то ли неудачно сделанного, то ли вопреки чему-то и кому-то «деланного», то ли в чём-то сильно перед кем-то за что-то виноватого, то ли с избытком самонадеянного, то ли очень уж гордого, то ли слишком уж подлого, то ли... не так уж это и важно, какого именно... но настроенного всё-таки на непрерывное выживание и экзистенциальную экспансию *существа-феномена*.

107

Человек, конечно, — существо, но это существо-феномен: особи явно смертны, а феномен... быть может, тоже в конце концов смертен... но всё-таки с немалой себя бытийственной пролонгацией. Человек — всегда особь, но он всегда и элемент-момент феномена, — и это очень важно — осознание себя элементом-моментом феномена, существующего в особях, через них, но и вне каждой отдельной особи, рядом с нею. Отсюда иллюзия кое-какой вечности: предки — «живчики» — потомки, прошлое — настоящее — будущее, а там, глядишь, и бессмертие, хотя бы души (чуть ли не самого сознания?), как и какая-нибудь внезапная реинкарнация. Вот и выходит, что сознание... *бессмертно*, ибо оно не от мира сего, хотя и в мире сем непрерывно пребывает.

108

Сознание противостоит и противоречит сему миру — и помимо животного к жизни инстинкта, оно имеет и сознание-вый (и осознаниенный) инстинкт ко всё той же... впрочем, не совсем к той же... жизни. Одно дело инстинкт физический, совсем другое — метафизический. Первый задаётся природой, второй — иномирьем. Человек — сын природы-Матери, но

при этом... явная жертва иномирья-Отца. Тут проблема не так Матери, как Отца! Зачем, для чего, с какой целью? И хотел того Отец или нет, даруя человеку сознание или же наделяя человека сознанием, но сознание человеческое воспротивилось природности и физичности человека (за исключением разве академ-университетских ученых, признающих полную сеомирность, природность и физичность... не так даже сознания, как попросту разума), поведя себя... как иномирное нечто, оно же и ничто, поставив перед собой задачу не только выжить в природе и физисе, но и переделать природу и физис — даже, как кажется, чуть ли не ценой самоубийства?!

109

Труд от природы-Матери (на радость экономистов-классицистов!), а вот творчество... о-о!.. творчество прямо от иномирья-Отца. Если для труда и инстинкта достаточно, то для творчества, увы, и разума не хватает. Тут уже сознание работает, да ещё и на верхних своих «этажах», как раз там — поближе к сверхсознанию. А сверхсознание, заметим, в контакте с иномирьем, чтобы не только сверхсознанием быть, но ещё и кое-что из себя творить — *нечто* из *ничего*, причём не миражи из миражей — как во сне, а нечто вполне реальное, хотя и из ирреального.

110

Откуда эта жажда творчества? Нет, не от одной потребности выживания, да и вообще не от потребительных потребностей как таковых, ибо человек вытворяет не просто не имеющееся в природе, но прямо неприродное, мало того — сверхприродное, причём вытворяет в таких громадных масштабах, качественном разнообразии и количественном многообразии, что ни о каком выживании или обычных потребностях речи тут совсем не идёт. Человек не просто переделывает данный ему мир, превращая его в мир взятый, но ещё и пере-

сотворяет данный ему мир, построив даже не мир созданный — им созданный, а мир непосредственно неприродный, искусственный, совершенно уже человеческий. Выходит, что либо человек задуман Создателем как *творец* — то ли продолжателем дела Отца, то ли его соратником по общему делу, либо человек перехватил каким-то образом способность и желание быть творцом, став то ли альтернативщиком Отцу, то ли его прямым противником. Так или иначе, но способность и желание творить имеют явно антиприродную и явно иномирную мотивацию. Природа не могла сама по себе родить своего противника и погубителя, — либо это прямое нарушение закона природы, либо какой-то невероятный с её стороны сбой; только иномирье могло произвести на свет посреди природы столь ни к кому и ни к чему неблагодарное существо-феномен, мстящее природе-Матери за свою природность и смертность и иномирию-Отцу за свою недо-ино-мирность и недо-бессмертность; приятно, наверное, человеку сознавать, что он как феномен чуть ли не бессмертен, но зато никакой приятности от осознания смертности человека как особи, надо полагать, человек не испытывает. Творчество вроде бы самый воистину и единственно свободный пункт бытия захваченного природой человека, но, и это очень важно подчеркнуть, пункт невольно, если не насильно... выдвинутый, — разумеется, трансцендентный. Раз сознание, то и творчество; творчества нет без сознания; но и сознания нет без творчества. *Сознание — творчество, творчество — сознание!*

111

Творчество — это прежде всего сотворение идеальной и материальной культур, всего того, что изобретается и создаётся человеком в идеальной и материальной сферах, что рядом с человеком, ему служит, чем человек пользуется и управляет и что... властвует над человеком, его ведёт, им непременно попускает, ибо всё созданное сознанием непременно оборачивает-

ся на сознание и даже бывает очень уж сильно настроено против этого последнего. Восстаёт же человек против природы-Матери и иномирья-Отца — своих создателей, то почему же какому-нибудь колесу или тому же праву не восставать против своего же создателя? Тут действует любопытный закон обязательного противодействия, или же закон разбуженной проблемы, или же закон вынужденного непослушания, или же закон обратной свободы, или... не так уж и важно, как обозвать этот лукавый закон, но он, увы, есть, всюду действует и прекращать своё действие не собирается. И дело тут не в недостаточном со стороны человека знании, а в том, что знание, внедряясь в мир, порождает (оживляет) противное ему знание, идущее прямо от мира. Мир ведь тоже знание, но закрытое, покойное, спящее. Вторжение человеческого знания в среду «мирного» мирознания не может не вызвать реактивно действующего противознания, разбуженного знанием-агрессором. Так что вышеупомянутый закон можно посчитать и за закон трансцендентной мести — почему нет?

112

Творчество — совершенно хозяйственное деяние. Творить — трудиться, но трудиться — не всегда творить. Творчество связано с новизной, её открытием, созиданием и утверждением. Производство культуры — важнейший показатель и итог творчества. Как и созидание любого культа. Но так же и выделывание образа жизни, социума, институций, селений и городов, цивилизаций — тоже творчество, и при этом совершенно по функции и цели хозяйственное.

113

Сознание не только творит, но и *творится*. Сознание пополняется знанием, обогащается, изменяется, совершенствуется. Творение сознания — важнейшее творческое и хозяйственное деяние человека. Куда движется сознание? К непро-

глядным высотам, сверхприроде, иномирью? Творение передового сознания посредством самого же сознания. Сознание... впереди... сознания! Но всякое творение есть всегда и чего-нибудь разрушение, вытеснение, обнуление. Сознание бесконечно, но не безмерно. Оно очищается само, или же его насильно очищают; что-то непременно всегда сбрасывается, освобождая место чему-то другому — так или иначе новому. Сознание — процесс. Оно переменно. Это не значит, что сознание не консервативно, не бывает у особей закрытым, инертным, заскорузлым. Далеко не всегда перемены идут гладко, совсем не редко они трудны, мучительны и даже смертоносны. И вовсе не обязательно, что возвышающи; случается и наоборот — является и незабвенная деградация. Тут всё между бесконечностью и нулём, причём бесконечность расходится от нуля во все стороны — в никуда! Тяжко быть человеком — носителем сознания, в особенности ежели сознание более или менее открыто, гибко, созидающе. Ещё тяжелее, при этом и гораздо рискованнее, быть осмысленным творцом — не так знатоком, как понимаемым. Разлад в сознании и ниспадение в бессознание — законная плата за взятие обезоруженных высот. Отлично скомпонованное любой добротной школой сознание ничего особенного не творит, да и не хочет. Творение — деяние динамичного сознания, не так здорово скомпонованного, как особым образом скоординированного — где-то в своей крайней глубине. Полёт сознания — деяние очень рискованное! От умства до безумства — один даже не шаг, а миг. Однако не всё тут плохо: есть в человечестве недурно скоординированные динамичные сознания, способные много и оригинально творить, не попадая сходу в услужливо заготовленную для них бессознательную бездну.

114

С явлением человека на планете Земля много неясного, точнее — *всё* тут не ясно! Какая-то зверушка должна была

взять на себя функцию рождения человека (не по своей, конечно, воле). Да не просто человека, а парного человека — в мужском и женском образах. Так что зверушке надо было родить как мужскую особь, так и женскую, а уж потом... пошло животное воспроизводство человека, уже от человеков — *мужчины* и *женщины*. Случилось и наделение человеков сознанием (не по их собственной воле). На первых порах, когда новое животное — это самое человекообразное существо — нуждалось в становлении (ясельный период), главную роль играла, надо полагать, женщина, занимавшая и первую в коллективах позицию. Люди-дети знали прежде всего и наверняка людь-мать и вокруг неё вольно и невольно группировались. В центре первочеловеческого мира была, несомненно, женщина-*мать*, обеспечивавшая воспроизводство люда, накопление домоводческого знания и формирование приochaгового сознания. Но когда человекообразное существо обрело соответствующее своему необычному феномену сознание — как бы полное сознание, явно уже творческое, то на первый план стал выходить мужчина, а соответственно и *отец*, способный отрываться от очага и дома, осваивать пространство и иметь с ним постоянный деловой контакт, иными словами — творить уже не дом как таковой, а и окружающий этот дом мир. Дом-очаг — одно, а вот пространство-дом — кое-что уже другое (не территория-дом, что при доме-очаге, а именно пространство-дом, что как раз принципиально противостоит дому-очагу и территории-дому). Так женско-материальное хозяйство в виде по преимуществу домоводства уступило лидерство в хозяйственном бытии человека, его каждодневном жизнеотправлении, хозяйству в виде пространствоведения. В итоге на место родовых общин пришли территориальные общины, а потом и разнообразные неродовые поселения — вплоть до городов, а вместе с этим и сверхприродные цивилизации — на берегах морей, крупных рек и озёр, более всего там, где шёл большой и оживлённый товарообмен, возникала *экономика*, рождались *деньги*. Эпоха,

как принято говорить в науке, *матриархата*, а лучше бы сказать — *матрианомики*, сменилась в конце концов на эпоху *патриархата* с его *патрианомикой*.

115

Не просто разум и труд создали патриархатную и патрианомную цивилизацию, заменив тем самым род, родину и природу как таковые на люд, отчизну и неприроду, а сделали всё это *сознание* и *творчество*. Вместе с этим случился и переворот от лидерства женщины-родительницы и женщины-домоправительницы к лидерству мужчины-родителя и мужчины-пространствоуправителя. Выходит, что женское сознание более ориентировано на животное воспроизводство человека, а мужское — на собственно человеческое (сознаниевое); женское сознание более направлено на сохранение, воспроизведение, консервацию, а мужское — на обновление, риск, конструирование; женское сознание более интравертно и инстинктивно, мужское же — более экстравертно и осознаниеенно; женщина хорошо осознаёт свою жизненную задачу-функцию, будучи сызмальства ей преданной и с юности приданной, ибо тут уверенно давит природа, а мужчина вынужден искать свою главную жизненную задачу-функцию, выходящую за пределы природной предопределённости и возникающую в сфере сверхприродного предпринимательства (в широком смысле этого слова — как любого, в основе творческого, деяния-предприятия).

116

Выходит, что мужчина — более творец, а женщина — более воспроизводительница. Так оно испокон веку и повелось, отражённое в мифах, сказаниях, идеологиях, религиях, бытовых установках. Нет, никто и нигде не отказывал женщине в уме и мудрости, как и не отрицал выдающейся роли отдельных женщин на в общем-то мужских поприщах, но... в

целом женщине отводилось домоводческое, внутрисемейное, сугубо родо-родительское место. На то были разные причины, среди которых, помимо выполнения женщиной определенной физической и первичной воспитательной функций, и такие, как охранение женщины от половых посягательств со стороны мужчин-чужаков; необходимость ведения и поддержания изнутри дома, семейного очага, домашнего хозяйства, семьи, рода, всей родообусловленной жизни; потребность в обширном домашнем и ближнетерриториальном труде, наиболее подходящем для женского организма и вообще женской натуры. Символ мужчины — вертикаль, символ женщины — круг, а символ семьи — вертикаль, упирающаяся в центр круга, но и из него исходящая. Реализация женщины — внутри круга (дома, семьи, рода) и по кругу (воспроизводство, сбережение, консервация); реализация мужчины — более всего за пределами круга, во внешнем пространстве (страна, общество, город, цивилизация, мифология, философия, наука, литература, искусство, религия, политика, война), в стремлении к новому и в постижении неизвестного — вплоть до рискованного трансцендентного. Женщина оберегает (берегиня) и врачует (знахарка), она занята продлением рода человеческого как в первую очередь природного (животного) феномена, что заставляет её формировать соответствующим образом как своё сознание, так и сознание потомства, в особенности женского; мужчина охраняет, добывает что-то вовне, уходит в пространство, его организует, создаёт всю инфраструктуру бытия, разбойничает, воюет, рискует жизнью, погибает, он занят наряду с физическим выживанием сверхприродным аспектом бытия, созданием неприроды, формированием институтов, выделкой и обновлением сознания. Женское сознание ходит по кругу, замыкая на себя ведомое ею жизнеотправление, мужское же сознание идёт по вектору, размыкая жизнеотправление, но лишь с тем, чтобы замкнуть его на осваиваемое мужским сознанием пространство. Мужское и женское сознания — разные

сознания, — и они ищут для реализации себя и общего для них жизнеотправления эффективной гармонии, то бишь правильного сочетания мужской вертикали и женского круга. Эффективное единение двух половин рода человеческого — или мужского и женского *полов* — вполне возможно, но невозможно их слияние в одно целое: андрогин — это или аномалия с патологией, или же очень вредный миф.

117

Различий между мужчиной и женщиной гораздо больше, чем просто между противоположными половинами одного и того же существа-феномена: по сути это два разных существа в одном существе, два разных феномена в одном феномене. Два в одном, когда один — всего лишь суммарная совокупность, а не одно целое. Сколько существует род человеческий, столько и идёт поиск межполовой гармонии, ибо тут вовсе не механические разности, даже не организменные, а феноменально-трансцендентные. Между полами, в особенности внутри семейных пар — постоянное в той или иной форме соперничество — за личное лидерство и манеру общего бытия, за понимание и ход жизнеотправления, за суть, характер и стиль воспитания потомства, за способ формирования и тип сознания и т. д. Да, есть, конечно, приязнь, взаимопонимание и даже любовь (?!), но... но более всего всё-таки... э-э... пусть и не буквальной вражды, но перманентного противостояния, не брезгующего зачастую и открытой борьбой, питаемой нередко и откровенной ненавистью. Двое в одном — и этим всё сказано!

118

Во времена матриархата командный приоритет был, надо полагать, за женщиной — женщиной-Матерью, женщиной-Родительницей, женщиной-Ведуньей; при патриархате всё изменилось в пользу мужчины, что и было соответствующим

образом ментально, текстуально и институционально закреплено. Культуры и цивилизации предлагали в условиях патриархата разные решения, но все они (или почти все) исходили из ведущей роли мужчины. Женщинам отводилась вторичная роль — важная, но вторичная. Дело доходило не только до прямого подчинения женщины мужчине, но и до самого настоящего закабаления женщины, её вполне откровенной эксплуатации. Кое-где «мужская вертикаль» отказывала «женскому кругу» в наличии души и сознания, сводя женщину к уровню обыкновенного животного. Имманентный человеку зверь ведь никогда не покидал рода человеческого, а потому ему ничто не стоило проявить себя и в порабощении женщины со стороны мужчины и ему в угоду. *Мужская раса* оказалась способной не просто лидировать в жизнеотправлении рода человеческого, но и нещадно доминировать над *женской расой*, местами и временами брошенной в рабский, почти что и скотский, разряд. Такое доминирование никогда не было и не является признаком величия мужчины, хотя это служило и служит демонстрацией его грубой силы, но зато было и остаётся признаком скотства самого мужчины, его первостатейного звероподобия. Идеал тут — гармония между человеческими полами при неприродном лидерстве мужчины-творца и природном приоритете женщины-воспроизводительницы, но никак не при андрогинном равенстве полов и нарочитом смешении их трансцендентно обусловленных различных социальных функций!

119

Раса — любого качества подвид. Есть расы явные, а есть неявные, которые ещё надо заметить и охарактеризовать. К явным относятся те же «цветовые», или «обликовые», расы: белая, чёрная, жёлтая, красная, или же арийцы, негроиды, монголоиды, индейцы. Никто не знает, почему и зачем они, ибо это вне человеческого сознания и не имеет человеческого

объяснения, кроме совершенно неудачного природообусловленного (белые-де на Севере, где холодно; черные на Юге, где жара; жёлтые на Востоке, где пески; индейцы же на Западе, где... непонятно что?). Да, все эти «цветы» и «образы» относятся к роду человеческому — как его подвиды, но... различия физические здесь менее существенны, чем различия культурные — то бишь и сознаниевые. Хочешь, не хочешь, а европеец — не азиат, а азиат с европейцем — не чёрные африканцы, а все они совсем и не американские индейцы. Разные ли у всех сознания? В исходе и в основании вроде бы нет, а вот в содержании и итогах... разве скажешь, что одинаковые? Всё-таки это феномены — *расы*, пусть и субфеномены, но не «фотокарточки» же! Вот и выходит, что реализация человека в разных расах разная, хотя отдельные особи и даже значительные массы особей могут, находясь в гуще другой расы, неплохо приспособляться к этой другой расе. Наибольшей приспособляемостью здесь отличается срединная часть человеческого сознания, напрямую связанная с умом-разумом, интеллектом, а наиболее консервативными оказываются опосредованное физикой подсознание — с его чувственностью, инстинктом, темпераментом, как бы телесным характером — *кровью*, и сверхсознание, отягощённое метафизической памятью. Кровь, которая не буквально, конечно, кровь, а некая природная предопределённость вкупе с иррациональной генетической памятью, причём скорее образной, чем фактической, но весьма фиксирующей ещё и неприродную предопределённость, не позволяя расовым свойствам и признакам принятой расы вчистую исчезать в чреве приёмной расы. Человек — единообразен, но не однообразен, и очень при этом разнообразен. Расовое разнообразие — вещь загадочная, она от предыстории, от начала, от зачатия, от иномирья. Разной, так сказать, породы человек, если не разной природы — предприроды. Вроде бы один источник, да вот разветвлённый, разнорусловый, многоструйный.

Есть расы как расы, которые вполне заметны и различимы. Их между собой не спутаешь, хотя сами они и стремятся иной раз весьма перепутаться. Есть и подрасы, или субрасы, которые гнездятся внутри рас. Те же европеоиды — и северные (норманнские, варяжские, свейские), и западные (англосакские, германские), и южные (романские), и юго-восточные (славянские). В любой великой расе хватает разного рода подрас. Каждая раса — кластер из подрас. Да и подрасы не избегают разнообразия, причём не только собственно этнического, что понятно, а именно расового — не лингво-культурного, и даже не племенного, а глубоко и щедро генетического. Расогенез — не этногенез вовсе, это кое-что другое, явно этногенезу предшествующее. Цыгане, к примеру — народ, этнос, но и, как кажется, какое-то расовое (подрасовое) образование. И дело тут не в оригинальном образе жизни цыган, даже не в их особом темпераменте, а в чём-то более глубинном, что заставляет цыган оставаться цыганами, несмотря на всё их бытие в иных расовых и этнических средах. Что-то аналогичное можно сказать и о евреях, которые, относясь вроде бы к семитской расе, способны сохранять себя в инорасовых средах именно в расовом, а не этнокультурном плане, причём пребывая в инородных средах с гораздо большей органичностью, чем те же цыгане. Раса — не достоинство и не недостаток, это — факт, восходящий к предысторическому хомогенезу и указывающий, помимо разнообразия человеческого рода, либо на какой-то ненужный уже истории атавизм, либо на какое-то нужное ещё истории достояние.

Раса — не столько физика (цвет кожи и волос, черты лица, особенности телосложения), сколько метафизика (образ жизни, темперамент, особенности мышления, сакральные установки, но и нечто трансцендентное, что можно почувство-

вать, но нельзя словесно выразить). В первую очередь различаются расы по сгущению физических свойств, но расы различаются и по сгущению метафизических характеристик, причём бывает и так, что эти последние выходят на первый план, и тогда речь заходит не столько о физиологических расах, сколько о социальных (нередко и этносоциальных). Тут важны так называемые врождённые качества: вождизма, дирижизма (управленчества), доминации, владительства, агрессии, экспансии, лидерства, предприимчивости, милитарности, творчества, инициативности, зверскости, ну и противоположного разряда — покорности, управляемости, ведóмости, послушности, трудолюбия, миролюбия, животности, обычности (обыденности), нестяжательства, консервативности. Да, тут вроде бы являются классы, страты, касты, джусы и т. п. вещи, но... отчего же люди одного типа обязательно наверху, будучи властителями, эксплуататорами и цивилизаторами, а люди другого типа непременно внизу, составляя тягловое и обычно всюю эксплуатируемое население, чуть ли не рабочий скот — рабы, крестьяне, рабочие? Вот и выходит, что и тут как бы разные людские расы (подрасы) с разным людским материалом. Всюду так или иначе наличествуют *раса господ* и *раса рабов*, формирующиеся как путём завоевания и освоения одних народов другими, так и посредством выделения в одном вроде бы народе (расе) двух субнародов (субрас) — верхнего(ей) и нижнего(ей), высшего(ей) и низшего(ей), успешного(ой) и неудачливого(ой), господствующего(ей) и покорённо-покорного(ой), творящего(ей) историю и историю лишь оплачивающего(ей) (окропляющего(ей), удобряющего(ей), питающего(ей)). Между высшей господствующей расой (часто воистину инородной) и низшей покорённой (обычно из традиционных насельников, но иной раз и завезённого люда) всегда находит себе место срединная полураса (а то и псевдораса), занятая покорным служением высшей расе и снисходящим обслуживанием низшей расы, однако по преимуществу не столь-

ко в пользу этих низов, сколько ради своих высших хозяев и по возможности ради самих себя.

122

А вот творцы — раса это или нет? Непростой вопрос, ибо по качеству своему это, конечно, раса — *раса творцов*, а по расположению в пространстве — нечто диссипативное, распределённое, разбросанное, а потому на расу как бы и не тянущее. Но ведь это не какой-то особенный этнос, не специфика какой-то одной страны, даже и не одной из рас, хотя белая европейская раса и оказалась исторически как-то взрывчато и последовательно творческой, но на то были разные причины, и не столько, наверное, расовые, сколько идейно-культурные. Возможное заключение: творцы — не раса вроде бы, но без расы творцов, судя по всему, никак всё-таки не обойтись!

123

Человечество — нагромождение всяких рас, если, конечно, под расой понимать то, что идёт *оттуда* — из предыстории, из неизвестности, из иномирья. Раса — это что-то от рода, кровности, колена (круга), но в аспекте не фигур, а свойств, не так рождаемых природой, как производимых Духом. Имменентная мать способна родить всякого по качеству фигуранта бытия, а вот бытующие в фигурантах различия, наверное, всё-таки от трансцендентного отца. Родина — место, где человек рождается, появляется на свет, его личный «кружочек», а Отчизна — метафизическая полнота, где человек формируется, действует, живёт. Отсюда не так измена Родине страшна, как измена Отчизне; не столь измена месту, сколь измена смыслу; не так измена сородичам, как измена самому себе! И ежели Родине и Отчизне изменить всегда возможно, хотя это и очень предосудительно (вплоть до смертной казни!), то изменить расе не так уж просто, ибо раса — не Родина

с Отчизной, а кое-что другое, что сидит в человеке прочно и независимо от обстоятельств и институтов, что у него, как принято говорить — в крови, а на самом-то деле — в кровном духе. Человечество хоть и нагромождение рас, чуть ли не случайное, но, если хорошенько приглядеться, нагромождение хоть и не строго системное, то всё-таки какое-то очень уж матричное, а потому и не такое уж случайное — чуть ли не кем-то вольно предвосхищённое или же чем-то невольно предопределённое.

124

Началось всё это тогда — испокон веку, с изначалья, с нуля. Ничего не оставалось зверю-человеку, а потом и человеку-зверю, как ввести в дело важнейший животно-сознаниевый критерий: «свой — чужой». *Свой* — родной, близкий, приближённый, подотчётный, управляемый, ведомый, признательный, но и ведущий, опекающий, управляющий, высший, главный, центральный, ответственный, как и знающий, умеющий, делающий, вершащий, хозяйствующий; *чужой* — ясно, кто чужой — это попросту не свой! Своего надо признавать, защищать, опекать, формировать, питать, образовывать, вести, а чужого — избегать, гнать, покорять, эксплуатировать, избивать, пытаться, убивать, при случае даже и съедать. Великое это разделение: «свой — чужой», вовсе и не умирающее, хоть и весьма по текущим смыслам и представлениям изменяющееся. И вот выходит, что *свой* это прежде всего по крови, по генезису, по расе, по этносу, соответственно и по языку, а потом уже по культуре, цивилизации, месту обитания, хотя за первое место тут всюду соперничает та же религия, которая и кровь перешивает, ибо религия — как словами и жестами выраженная трансценденция — всего ближе к тому, что называется кровью — тоже ведь своеобразной трансценденции. «Убить русского», а не православного, «убить немца», а не протестанта, хотя возможно и такое: «убить христианина», как и «убить му-

сульманина», но реже, гораздо реже. За этим-то «убить» всё и скрывается: «свой — чужой»! *Свой* и *чужой* — метки, да ещё какие! Свой — всегда в законе, чужой же — всегда вне закона! Свой вроде бы всё, чужой — явное ничто. Семьи, роды, кланы, «общаки», народы, нации, государства — свои и из своих, чужие и из чужих. В чём же тут дело? Помимо борьбы за пространство и потребление, за обитание и жизнь, за физическое самосохранение, за *быть или не быть*, есть ещё и борьба за себя, за своё сознание, за свой образ жизни, за всё своё вообще, выражающее особенность всей своей экзистенции, всей реализации своего духа. Это не просто борьба за существование, это борьба за само существо — себя и своего бытия. Борьба за суть! Родной сути с сутью чуждой. И эта борьба, пожалуй, посильнее и по-своему поужаснее, чем борьба за простое физическое выживание.

125

Но и среди «своих» не так уж всё просто, ибо и там — в «своём мире» — обнаруживаются, скажем так, «наши» и «не наши», а точнее — «близкие» и «дальние», «высшие» и «низшие», «горние» и «дольные». Вроде бы свои и как будто бы не чужие, но... как раз те самые — отверженные, лишённые, отчуждённые, которые внизу и по периферии, которые не собственники или почти не собственники не только условий и средств бытия, но даже и самого своего бытия. Кое-какая гармония здесь возможна, но непременно тут и борьба — даже и при относительной гармонии, видимой тишине и слышимом мире.

126

Что же это такое — жизнь человека? Да, конечно, — это сплошная по всему экзистенциальному кругу *борьба*, не включающая ни совместности, ни кооперации, ни взаимопомощи, ни приязни, ни даже любви. Помимо своих и чужих есть

ещё и *другие*, которые не как свои и не как чужие, а как попросту... не такие, но при этом весьма признаваемые и вполне приемлемые, дополняющие и отражающие. Я и другой, мы и другие; я в другом, другой во мне; мы в других, другие в нас; я с другим, другой со мной; мы с другими, другие с нами. Человек не может быть сам по себе, он обязательно в той или иной степени и в той или иной мере с другим: другом, товарищем, союзником, сотрудником, соратником, сомышленником, соучастником, сокамерником. Своих не выбирают, чужие сами являются, а вот другие чуть ли не трансцендентно назначаются, хотя и сознательно утверждаются, а потому *другие* — особая ценность, спасающая как от чужих, так и от своих. С другими нет войны, а ежели что-то такое возникает, то... уже и не с другими, а с *иными*, может, своими, но *иными*. Другой — это другое я, вполне и моё, а вот иной — это, хотя и не прямоком чужой, но вполне уже отчуждённый — чуждое я, совсем уже и не моё. Любое индивидуальное сознание, которое «Я», одновременно и вполне обязательно «Мы», и в этом «Мы» особенно сильна роль именно другого — такого, как и «Я», хоть и вовсе не одинакового с «Я». Одно сознание спасает другое, а вместе они, будучи «Мы», спасают и сознание вообще. Дружба — не любовь, хотя дружба бывает и с любовью; дружба проще, честнее и фундаментальнее любви; это нечто вроде бы более обывательское, но зато насколько более мерное, рассудительное, эффективное; дружба, в отличие от любви, диалогична, она предполагает не слиянность, как в любви, а взаимодействие; дружба зряча, ответственна и требовательна, она — кодекс, а не влечение; дружба — всё, а любовь... э-эх... любовь, увы — ничто; дружба теплится, но зато и длится, а любовь лишь горит, сгорая; дружба надёжнее и сильнее любви, хотя любовь куда как ярче и жарче; дружба выручает, а любовь... лишь вдохновляет... губя. А человеку-то жить надо, причём среди опасностей, невзгод, напастей, лжи, обмана, унижений, вражды, смертоубийства, в общем — нежизни! И

не на что сознанию всерьёз и спасительно опереться, как только на... другое сознание, а, точнее сказать — на сознание другого. Именно так: *другое сознание* и *сознание другого!*

127

Другой человек, другое сознание, сознание другого — это хорошо, конечно, но... у ближнего другого вполне сходное сознание с таким же ближним другим, не намного лучше обстоит дело с сознанием дальнего другого — везде оно человеческое и только человеческое, а вокруг-то сколько всего... нечеловеческого: природного — наземного, подземного, надземного (небесного), бездонно-космического; стихийного, своевольного, неизвестного; молчащего, говорящего, таящегося. И тут-то уже собственно человеческой опоры в другом человеческом сознании человеку осознанию явно оказывается недостаточно, хотя и опыт накапливается, и знания умножаются, и понятия совершенствуются. Находясь в отнюдь не благостном мире, всесторонне им теснимый, даже и уничтожаемый, человек, борющийся с себе подобными и с ними же вынужденный кооперироваться, общежительствовать и сожительствовать, ищет мало-мальски понимающей опоры не в одном только человеческом другом, а и в совершенно другом другом — в нечеловеческом другом, находя этого нечеловеческого другого не только в пределах природы — видимого мира, но и за рамками природы — уже в мире невидимом. И ничего человеку не остаётся, как признать наличие... безличного — сокрытого в мире — другого, мало того — и попросту иномирного другого. Но и это не всё: человек вынужден признать вышесть и силу этого безличного другого, его над собой авторитет, что, разумеется, никак не мешает человеку горделивому, надменному и самоуверенному этот высший авторитет нещадно и отрицать.

Люди разные, и сознания разные. Факт! Но фактом является и то, что среди людей и сознаний есть такие, которые явно выделяются уровнем, качеством и силой своего сознания, причём не столько по причине воспитания, сколько из-за врождённой, генетически обусловленной, восходящей к какому-то сознаниевому изначально особой *меры сознания* — высокой, уникальной и неповторимой. Обычно таких людей называют *гениями*, а их исключительность рассматривают как дар свыше или извне — не так благоприобретённый, как predetermined — игрой генов, сочетанием звёзд или влиянием каких-то иномирных стихий (хотя гений, согласно сакрализованному творчеству тех же гениев, не человек вовсе, а некий витающий над человеком дух-эгрегор — что-то вроде личного демона; и делать тут нечего, ибо гений не просто сходит на человека, но и с ним плотно сливается, превращая самого человека в гения, а вместе с тем в той или иной мере в... демона). Так или иначе, но есть люди и в самом деле по-особому одарённые, причём как творчески, так и антитворчески: есть гении добра и гении зла, гении созидания и гении разрушения, гении жизни и гении смерти, а частенько те и другие в одной личности сразу. Гении — экстраординарное достояние человечества, его изощрённое богатство и его исключительный восторг, но при этом и немалая беда, и большая боль, и неуклюжее смертоносие!

Человеки-гении всегда впереди, на острие, в новизне. Их задача — обнаружить то, чего не замечают, не находят, даже и не предполагают мириады обычных людей. Именно гении открывают и создают всё для текущей жизни необыкновенное, совершенно новое, передовое, что в итоге споспешествует переменам в сознании и бытии человека, его хозяйстве, истории, судьбе. Формирующийся более всего сам по себе язык не из-

бегают, конечно, участия гениев, а вот изобретение алфавита, письма, цифири и счёта — дело, наверняка, уже гениев. Не одно только колесо, как и та же металлоплавка с металлообработкой, не говоря уже о многом другом из материальной культуры, обязано своим появлением гениям, но и такие замечательные вещи, как деньги, капитал и банки, как те же самодержавие, парламент, конституция, гражданство, брак, нотариальное дело, судопроизводство и т. д. и т. п. . . . в общем, вся цивилизационная атрибутика. Об искусстве и литературе мы уж не говорим — тут в особенности значима роль гениев, хотя в большинстве своём писатели, поэты, музыканты, живописцы, скульпторы и архитекторы никакие не гении, а в лучшем случае *мастера*, идущие вослед гениям.

130

Мастер — не всегда гений, хотя гений всегда мастер. На мастерах всё в человечестве и держится. Они — знатоки и умельцы. У них всегда хорошо и даже превосходно работающее сознание, утверждающее, совершенствующее и множачее. Большое практическое сознание! Специалисты и профессионалы. Именно они есть почва для гения, хотя и почва консервативная, именно они осознают и улавливают гения, хотя и не без борьбы с ним и привносимой им новизной. Именно они продолжают удачливого гения, нередко его и намеренно забывая. Гений, если остаётся в истории, живёт мастерами, а мастера, ежели следуют гению, живут гением! Гений — понятие зыбкое, неопределённое, колеблющееся. То ли гений он, то ли нет, а то и попросту какой-нибудь сумасшедший. Мастер же — понятие прочное, стойкое, фундаментальное. История, возможно, и выдумка гениев, а вот дело-то всё в истории как раз от мастеров. Мастер — восприимчив и корректор гения, за него и ответчик. Гений где-то там — в вышине и вдали, а мастер всегда тут — среди людей, в социуме, в текущем бытии. Гений в той или иной мере виртуал, фантазёр, иллюзионист, а

мастер — всегда реалист, ежели, конечно, не копировщик гениевских иллюзий. Гений — неоднозначное, нередко и роковое, наименование, мастер же — почётное звание! Гении бывают отрицательными, отвратительными, плохими, мастера же — никогда! Опираясь на мастеров, можно и гениями повосхищаться, а следуя гениям, полезно не забывать о мастерах. За гением восторг, а за мастером — опора!

131

Есть особого рода мастера — *мастера сознания*. Это прежде всего наставники, учителя, гуру, ведуны, все те, кто формирует сознание человека. К ним относятся, конечно, и сказители, и летописцы, и поэты с писателями, и философы, и даже журналисты с телевизионщиками. В этой же категории волхвы, жрецы, священники. Но есть среди мастеров сознания особая категория, способная проявиться в любой внешней функции, но имеющая и своё особое воплощение — это категория *мудрецов*. Мудрец — это не звучит гордо, как гений, хотя высокого рода мудрец всегда гениален, как не звучит столь же почётно, как мастер, хотя мудрец, конечно же, тоже мастер, но мастер особенный — не публичный, не суетный, не яркий. И гений он, и мастер, но... всё-таки... он — *мудрец* — носитель и производитель мудрости, которая не терпит суеты, разглагольствований, споров. Мудрость всегда в союзе с тишиной, укромностью, молчанием, ибо непосредственно граничит с тайным, трансцендентным, иномирным. Далекое не всякий мастер сознания — мудрец, хотя им может быть или стать любой из вышеперечисленных фигурантов сознаниевого мастерства. Мудрецу вовсе не обязательно быть затворником, сидеть в неподвижности у старого древа или большого одинокого камня, обитать в пещере, возлежать в бочке, ютиться на высоком столпе. Отличительность мудреца не в оригинальности поведения и в экстремальной внешности, а в знании незнаемого, в вестничестве от неизвестного, в понимании непонимае-

мого, в донесении невысказываемого. Отсюда мудрёные мифы, аллегории, метафоры, но и намёки, недоговорённости, неясности. Мудрец всегда в зоне сверхсознания, хотя ему подвластны и все остальные сознаниевые сферы. Находясь обычно в зоне сверхсознания, мудрец способен и выходить за его пределы, «гуляя» уже по пространству *вне*- или *мета*-сознания. Мудрец — не фигурант бытия, и даже не фигура среди фигур, ибо он — именно как мудрец! — как бы вне бытия, за его пределами, в царстве инобытия, разумеется, в меру своего *посвящения*. А посвящение это приходит и само собой — по какому-то предопределению; и по большому желанию или установке — своим или наставническим; и по неожиданному повороту судьбы, ведомой, надо полагать, и свыше. Мудрость — не столько заманчивый дар, сколько тяжкая ноша. Мудрец — удручённый знаток и вынужденный вещун. Мудрец — не экстрасенс и не маг, даже и не звездочёт, но он безусловный герменевтик, эзотерик и метафизик. Сама по себе мудрость — не зло, как, возможно, и не добро, но зло и добро хорошо различающая. Мудрецу нет места среди занятого собой и бытовой текучестью люда, он почти всегда невпопад, наперекор, вопреки. Мудрец — не так порхающая в вышине исключительность, как тот же гений, как и не так знаток и умелец, как тот же мастер, а... стойкий страдалец и вынужденный самоизгой. Мудрец не в гуще жизни, как мастер, не над нею, как гений, а... *вне* её, ибо он наблюдатель, откровенщик и пониматель, но как раз всего того, что нередко бывает противно гению и часто неприемлемо для мастера. Мудрец — свидетель тщеты и сторонник невозможности, он же опровергатель благоразумия и ниспровергатель возможности. Мудрец во всех отношениях аскет и безусловный стоик. Носитель невысказанного и невысказываемого. Молчун. Посланец богов. Тайна! И ежели гения нередко превозносят, им обильно восхищаясь, на него чрезмерно умиляясь, хотя и с неменьшим энтузиазмом его могут и поносить, и осуждать, и гнобить, а мас-

тера обычно ценят и уважают, то мудрецу достаётся по преимуществу... лишь молчание — от непонимания, безразличия или оторопи, ибо ни эффекта явного от мудреца, ни полезного деяния, ни внятного поступка. Не очарованный он вовсе странник — мудрец, а всего лишь неочарованный сиделец, вмещающий в себя весь мир и мир этот весь пронизывающий. Нет, конечно, совсем не как Бог, но зато как бы Богом к этому призванный!

132

Есть ещё изыскатели, исследователи, испытатели, экспериментаторы, научники, учёные, в общем — *любознаты*, которые добывают всякие полезные и бесполезные знания, потребную и непотребную информацию, заходя в феноменально-фактический слой мирового бытия, не особенно задумываясь над существом всего мирового дела, не заморачиваясь тайной бытия и его метафизикой и уж тем более не утруждаясь общением с трансценденцией. Им вполне хватает внешнего окружающего (материально-вещественно-предметного) мира, который они награждают своей грубовато-простоватой, но зато весьма точной идеальностью, а полученная ими конечная отобразительная идеальность даёт возможность успешно вникать в мировой контекст с целью его почти что вольной перекомпоновки. Мир не во всём известен такому учёному человеку, но он достаточно для него познаваем, чтобы не только переделывать уже вокруг имеющееся, но и создавать то, чего отродясь в мире никогда не было. Учёный мир в прочном союзе с гениями и мастерами, а вот во мнениях мудрецов он просто не нуждается. Любознаты уважают конструкторов, инженеров, технологов, всех тех, кто созидает, строит, изготавливает, меняя окружающую среду, бытие человека, а во многом и самого человека. Точное знание, точный расчёт, точное попадание! И мир внешне-материальный раскрывает перед ними свои неизменные тайны, становится узанным (как бы и раздетым!)

и не противится пересотворению, мало того, он позволяет построить и совсем иной мир — *искусственный*, по происхождению своему совершенно уже человеческий, а вот с позиции мироздания — совершенно невероятный и практически невозможный. Однако... существующий!

133

Есть ещё, конечно же, и такая деятельная категория, как *художники* — виртуозы искусственной красоты и искусственного же безобразия: живописцы, графики, иконописцы, скульпторы, архитекторы, музыканты, композиторы, театралы, киношники, телевизионщики, которые напрямую касаются чувств человека, вонзаясь через них в его отверзшееся сознание. Они с одинаковым успехом несут человеку и добро, и зло, часто сами их плохо между собой различая. Несут они и кое-какую мысль, но более завуалированно и условно, чем прямо и открыто. В этом плане эффективнее *литераторы* и *журналисты*, способные не только крутить образами, но и прокручивать кое-какие идеи. Очень не простой весь этот художнический и литературный контингент, совсем не простой — вёрткий, ранимый, неуверенный в себе, гордынный, дерзкий, беспардонный — и он не только есть, но и весьма деятелен, ибо человек всё-таки хоть и осознаниенное, но очень уж чувствительное в плане аффектации и ловкое в аспекте воображения животное, жаждущее сильных впечатлений, верных иллюзий, действенных мифов, выдуманных историй, невероятных образов, невозможных происшествий, как и притоков адреналина, всплесков воодушевления, возбуждения, восторга, а также смеха и гнева, слёз и любви, в общем — всякого эмоционального напряжения и череды вроде бы умственных разрешений! Вся вышеуказанная творческая братия — безусловные инженеры человеческих душ! А врачевателями тут являются, помимо прямых врачей, сказочников и музыкантов, а также психотерапевтов, сексологов и визажистов, ещё и священники,

поклонники и отправители разных культов, как и старосты, парторги и полисмены, ну и, конечно же, экстрасенсы, магики, колдуны, сектанты и т. п. паутиноогенные виртуозы. И все они лезут человеку в душу, стремясь её непременно раскрыть, наполнить раздражителем или успокоителем, вылечить, исправить, спеленать, а иной раз и намеренно покалечить, но... все они управляют так или иначе людским сознанием, его перестраивают, немало определяя и человеческие судьбы. И всё это у них привлекательно, и всё это у них эффективно, и всё это... э-эх... страшно... ежели человек во всём этом всё-таки нуждается — в интериорном помешательстве и экстериорном в себя кармирующем вмешательстве!

134

Среди человеков-личностей нельзя не отметить разного рода *управленцев (менеджеров)*: от вождей и президентов до директоров и комиссаров. Человек, социум, город, страна, регион, государство, предприятие, рынок, секта, церковь, любой вообще институт — всё это нуждается в управлении, для чего и существует в людском мире особый мир — *управленческий*, включающий в себя как по-особому организованных и особым образом действующих персон, так и разного рода введения и образования — *институты*. Пирамидально выстроенный мир, централизованный и иерархический. Всякие вокруг есть люди, всякие они имеют занятия, всякие играют роли, а вот управленцы... управляют, вроде как даже правят, наводя порядок, обеспечивая организацию, прокладывая путь, выдерживая курс, как, разумеется, и мешая, и запутывая, и вгоняя в тупик, и создавая проблемы, и притягивая беды. Без управленцев никак нельзя, но с ними совсем и не просто: суетность, близорукость, равнодушие, пустословие, чванство, гордыня, гнусность, леность, да мало ли ещё что, что в изобилии соседствует с не столь уж изобилующими умелостью, дальновидностью, гуманностью, деловитостью, ответственностью, даже и скром-

ностью, управленцами-менеджерами. Однако управляют — и всё тут!

135

Совсем нельзя обойти и такую людскую категорию, как *интеллектуалы* (умники, знатоки, энциклопедисты), среди которых и действительные интеллектуалы — слуги высокого интеллекта, и так-себе-интеллектуалы, занятые вроде бы интеллектуальным трудом-процессом, но более в нём второстепенные «образованцы», чем первостепенные — движущие — лица. Интеллект — работающее через ум-разум сознание, добывающее интеллектуальный продукт — знание. *Ознаниенное сознание*, способное к выработке нового знания, обогащающего и возвышающего сознание. Это уже не просто интеллект, а высокий интеллект, хотя, как водится, и с разным знаком — как позитивным, так и негативным. Интеллект и злодейство вполне совместимы, как, собственно, и гений со злодейством. Гений обычно не враг интеллекту, хотя интеллект может с гением и не «дружиться». Гений не обязан быть интеллектуалом, а вот интеллектуалы — совсем не обязательно гении. Интеллект — великое достояние человека, и человек всем достигнутым обязан прежде всего интеллекту, в особенности всем новым, передовым, как бы и сверхисторическим. Интеллект — прежде всего рацию, расчёт, логос, но не только: интеллект взаимодействует и с интуицией, проникновением, озарением. Здесь в общем-то сплошная метафизика: интеллект — работающее сознание, полное не одних знако-смысловых моментов, но и предсмысловых, как и вовсе не обозначаемых, вполне и трансцендентных, стихий.

136

Гений хорош как первооткрыватель, если не прорыватель, как создатель нового, неожиданного, невозможного, причём более всего прямо из себя и в значительной мере для

себя. Гений весьма эгоистичен и социально обычно мало вразумителен. Он более в борьбе с социальным контекстом и исторической традицией, чем в союзе с ними. Обычно среда вовсе не столь уж благосклонна к гению, его в себя допусшению, хотя иной раз невольно и споспешествует появлению и утверждению гения. Гений и общество с трудом совместимы. Гений — феномен более всего вне-, пара- и антиобщественный. К тому же гений обычно очень уж странен, он слишком не такой, как все, и нередко физически, морально и метафизически аномален, даже и уродлив. Гений — намеренная исключительность, сдабриваемая часто добровольным и своевольным аутизмом. Однако сознание человеческое демонстрирует и другую исключительность — *исторического действия*. Здесь уже речь идёт не столько об оригинальной личности, сколько о личностно-оригинальном субъекте — *субъекте исторического действия*. Такая личность-субъект вовсе не лишена гениальности, но уже не столько самоцельной, сколько, скорее, служебной. В главной позиции здесь оказывается не гениальное открытие, произведение или эффект, а обслуженное гениальностью большое, исторического значения и уверенной перспективы, *историко-хозяйственное деяние*, причём как явно позитивной, созидательной, жизнеутверждающей направленности, так и в немалой степени негативной, разрушительной, даже и смертоносной. Такая личность-субъект — безусловный *титан* (не гений, как таковой, а именно титан, хотя и, как правило, вполне или в меру гениальный). В ряду титанов вожди, правители, государи, полководцы, но и основатели культур, идеологий, различных цивилизаций, государств. Особое место тут принадлежит *великим посвящённым*, от которых всё самое важное, фундаментальное и судьбоносное исходит и расходится по свету через посредство тех же гениев, мастеров, художников, литераторов, интеллектуалов, разного рода управителей, бывает, что и мудрецов. Сознание титанов осознанивает сознание человеков, формируя его, им управляя и его обнов-

ляя. Гении обычно являются вразброс и в любое время, хотя и нередко кое-какими заметными локальными совокупностями (сосредоточениями), а вот титаны всегда там, где бывает надо, как и тогда, когда бывает нужно, что вовсе не значит, что по заказу. Титан — средоточие больших энергий и высокоточных информации, их центральной очаг и первичный источник. Он обычно во главе, вверху и впереди, как бы даже откуда-то оттуда — из иномирья! Гениев охотно отвергают, с ними иной раз и беспощадно расправляются, затем вдруг признают, ими даже без меры восхищаясь, вполне культурно им поклоняясь, а вот титанов, хоть и тоже поначалу отрицают, но в итоге непременно признают, мало того, уже культово им поклоняются, прямо-таки их обожествляя, ибо титанам вольно или невольно следуют, им служат, ими живут. Титаны — боги, это вовсе не демоны, как те же гении, ибо они воистину конструкторы мира и вершители истории, хотя и с разными векторными знаками.

137

Сознания людские не просто разные, но... *разновеликие* и *разностепенные*. Сколько бы доброхоты от людского племени ни толковали (а лучше сказать — ни токовали) об изначальном и даже последующем равенстве сознаний, ничего подобного нет и быть в людском мире не может. Не может быть никакого равносознаниевого сообщества, или же, точнее, сообщества равносознаниевых людских особей, как не может быть и того, что обычно, походя, называется демократией, разумеется, не того реального феномена демократии, что осуществляется в так называемых «демократических» странах, а собственно демократии — власти народа, ибо любой народ, в особенности цивилизованный, как раз и остаётся народом вследствие отсутствия в его политической жизни всамделишной демократии и присутствия вместо неё самой обыкновенной иерархократии. Везде правит не низшее большинство, а

высшее меньшинство, хотя частично и учитывающее потребности, настроения и мнения большинства, но в основе всё-таки исходящее из интересов, убеждений и установок меньшинства, мало того — малой управляющей (удерживающей и отправляющей власть) группы. Не только разность индосознаний, как, собственно, и разнообразие ноосферы, но и разновеликость и разностепенность сознаний, как и иерархическая структурированность ноосферы, имеют место в феномене человеческого сознания, во всей его пространственной сфере. Это сознаниевое неравенство, включая и его разноуровневость — величайшее достояние человечества, дарованное человеку Господом!

138

Однако есть при всём при этом и *феномен свободы сознания*, порождающий и *феномен свободного сознания*. Разумеется, здесь не идёт речь о какой-то абсолютной свободе, которая человеку не дана и не может быть дана в силу его природного бытия и производности от иномирья. Относительная же свобода вполне возможна, к ней как раз и тянется то или иное индивидуальное сознание, по преимуществу высшего порядка, с включённой пронизательной интуицией и с задействованным откровенческим даром, то самое сознание, которое присуще как раз гениям, мудрецам, титанам, всем тем, кто волею Провидения попадает на роль посредников между имманентным и трансцендентным мирами, между физисом и метафизисом, между природой и внеприродой, между человеком и Богом, как и, само собой, между человеком и противником Бога — дьяволом, а главное — между человеком-зверем и человеком-богом, то бишь между человеком природным и человеком сверхприродным — сыном Божиим. Да, титаны, гении и мудрецы впереди и наверху, они у творческих изначалий, от них многое по жизни исходит и очень многое в жизни от них зависит. Их большая сознаниевая свобода непременно оборачивается той или иной несвободой для других: меньшей для

самостоящих творческих сознаний и весьма большой несвободой для массового («массовочного») люда. Но это не всё: сама их сознаниевая исключительность непременно оборачивается... несвободой, становясь тяжким для её носителей бременем. Те же мудрецы многое знают, но умножающееся знание их, пусть и всё более утончённое, лишь умножает сознаниевую и хорошо осознаваемую скорбь, ибо приближает мудреца не к разрешению вечных вопросов, а лишь к их упрочению. Вот почему свобода мудреца ещё и свобода печали, ибо мудрец лучше кого-либо сознаёт тщету любых людских начинаний, кроме, пожалуй, одного — продолжения жизни и сознания, даже ежели продолжение это идёт если и не совсем в кромешном, но всё-таки в аду. Гению бывает легче, чем мудрецу, ибо он не боится разнообразить, изменять и совершенствовать земной ад, поскольку сам обычно вполне родствен этому аду — непеременимый ад гению попросту скучен. Титан активно и тяжело пересотворяет земной ад, выдвигая и реализуя разные гигантские проекты, не исключая даже и приближения ада к раю, если бы... не мешающие ему гении со своими неожиданными творческими выпадами и... не смущающие его мудрецы, от ада намеренно бегущие, но непременно попадающие в его самую огненную зону.

139

Свобода сознания и свободное сознание — органические атрибуты сознания вообще, на свободе как раз и основанного, пусть и вынужденно, пусть и нарочно, но в любом случае непременно и обязательно. Осознавать что-либо вообще можно только с долей свободы, пусть и небольшой, не говоря уже об осознании самого сознания, — вот и выходит, что явно не свободное внешне сознание всё-таки неявно свободно внутренне — оттого и осознанное бытие, оттого и сознательное творчество, оттого и осознание история!

Человек с его сложным, противоречивым и прямо-таки «кудрявым» сознанием — исключительное творение Бога, немалый продукт дьявола и очень большое следствие самого себя. Человек имеет возможность — пусть и укрощаемую извне и смущаемую собственной неуверенностью — выбора своего сознаниевого направителя — то ли в лице Бога, то ли дьявола, то ли же... самого себя. Осознанный человек способен не только к некоторому самостоянию и известной самостоятельности, но и к относительно свободному само-себя-созиданию. Человек — *творец*, в том числе и *творец самого себя*, и в таком разе он один из трёх действующих в мире лиц: двух явно трансцендентных — Господа Бога и дьявола, и одного по преимуществу уже имманентного — человека, если, конечно, все три лица не достояние самого по себе человека и только человека!

Человек для человека — реальность, хотя и в значительной мере реальность ирреальная, если вообще не иллюзорная; ирреальность человека, его сознания, корреспондирует с ирреальной реальностью Бога и иллюзорной реальностью дьявола; без последних реальностей целостной картины человека и сознания никак не выходит!

Сверхестественное, метафизическое, иномирное прямо здесь — среди естества и физиса, среди всего *этого* мира. Бог даровал человеку сознание, дьявол старается это сознание присвоить, человек пытается своё сознание утвердить за собой. Вот и всевременная коллизия: борьба за человека, его сознание, однако через человека и его сознание. А почему всё-таки борьба? Господь Бог, видно, чего-то ожидает от человека, последний ему нужен, и нужен именно как творец; дьявол ис-

полняет через человека какую-то антибожескую альтернативу, соблазняя человека и побуждая его разрушать божественное и созидать потребное дьяволу; человек мечется между двумя трансцендентными проектами, пытаясь — как творец — выстроить и кое-что своё, но уже более всего ему самому имманентное. При всём при этом всюду тайна, неизвестность, недосказанность, даже и во вроде бы открывающейся человеку имманентности.

143

Человек — высокое, чуть ли не небесное творение, но при этом и на удивление низкая земная тварь. Человек противостоит человеку, сознание противоречит сознанию, воля противоборствует воле. В чём же дело? А в том, что каждый человек — целостное, хотя и не одинокое и не закрытое, сознание; человек — целостность, осознанный мир (микромир); человек всегда сам в себе, хотя и не сам по себе. Это-то и тяжело человеку — сам и не сам; сам, но вкупе с другими; сам и супротив других. Другой — вовсе и не такой же, как любой... другой. Сам на сам! Я и он, Я и они, но ещё при этом Я с ним и Я с ними. По каждому поводу разное мнение, к каждой вещи разный подход, в каждом намерении своя правда. Творец перед творцом, и оба со своим сознанием, внутренним уставом, внешним проектом. Хочешь, не хочешь, а... столкновение, соперничество, борьба. Кто-то побеждает, кто-то проигрывает, а в итоге... либо уничтожение проигравшего, либо его подчинение, либо «добровольное» следование проигравшего за победителем. Вольная ли, принудительная ли, но иерархия. Вождь и им ведомые, властитель и подвластные, элита и народ, аристократия и быдло. Но при этом вождь и вождь, властитель и властитель, элита и элита. Альтернативы, разборки, кровь. А ежели не кровь, то изгнание, изоляция, отчуждение. Право для сильного, умного, ловкого, хитрого, коварного, изобретательного; тягло для неуспешного и неуспевшего; справедли-

вость... ни для кого, ибо для всех тут лишь одна цитадель — *кривда*. Ничего другого тут — при фундаментальной разности сознаний — быть просто не может! Борьба, насилие, несправедливость. Никакого равенства и братства! Зато сколько безразличия, неприятия и ненависти!

144

Добровольная кооперация сознаний, или тот же «охочий» коммунизм, конечно, возможна, но... лишь местами и на мгновения и уж никак не в больших объёмах и подолгу. Отсюда ведущая роль более сильных сознаний и подчинение им сознаний более слабых. *Сознание ведёт сознание!* Творцы ведут за собой нетворцов, а вместе они теснят ни на что негодных маргиналов, от них и охотно избавляясь. Так или иначе, но непременно складывается *иерархическое общество*, без которого нет, не могло и не может быть ни хозяйства, ни жизни, ни собственно человека. Вовсю работают соответствующие идейные установки, создаются подходящие идеальные учреждения (институции), разрабатываются удерживающие иерархическую конструкцию идеологии. Трудятся лукавые по своей правдивости мифы! Коллективное сознательное, ведомое элитными сознаниями (что не значит, что непременно и положительно моральными), ведёт коллективное сознание, отстаиваясь в меру необходимого и возможного в коллективном подсознательном, и ведёт, преодолевая никуда не исчезающие стихию и хаос, достигая и удерживая жизнеутвердительный и жизнеотправительный порядок (что вовсе не значит, что порядок непременно хороший).

145

Зверь-человек, ставший человеком-зверем, а потом во множестве, но не в тотальности, даже человеком-человеком, не самоуничтожился окончательно и бесповоротно в кровавой междуусобице, а выжил, сохранился, усовершенствовался,

окультурился (культура — коллективное сознательное, переходящее в коллективное подсознательное, а то и в коллективное бессознательное, но в них не замыкающееся, как и не прерывающее связи с индсознаниями — как производящими культуру, так и производными от неё) — и в итоге зверочеловек научился, не прекращая кровавых междуусобиц, жить-поживать, да ещё и добра наживать! Грабежи, войны, каннибализм, несправедливости, издевательства, насилия, смертоубийства не уничтожили человеческий род-феномен, который нашёл-таки возможность, не прекращая своих диких и оцивилизованных зверств, существовать и, упорно хозяйствуя, продолжать развиваться, усложняться, идти вперёд. Сему виною здесь, конечно, не физика человека, а его *метафизика*, которая, произведя и обогатив сознание, вывела проточеловека из животного состояния, заставила его стать осознаниенным животным и побудила вполне осознанно создать условия и механизмы родовой самозащиты. Люди везде и всюду гибли, а род человеческий всегда и повсюду оставался!

146

Преодоление смерти, нежизни, небытия! Великий, совершаемый непрерывно подвиг человеческого рода, вынужденного постоянно жертвовать индсознаниями, но сохранять при этом сознание коллективное, витающее над человечеством оживляющей ноосферной субстанцией. Здесь же и великая историческая миссия культуры, в первую очередь идеальной, сознаниевой, которой прежде всего и обязана *история*, которая не есть только прошлое, а представляет собой само течение жизни, реализацию сознания, осуществление ноосферы. История — история сознания, но это и осознаниенное бытие человека, как и осознанное совершение жизни.

Человеческая жажда жизни, подкрепляемая волей к жизни и переходящая в обеспечение жизни вопреки смерти. *Экзистенция сознания* и *осознание экзистенция*! Здесь вовсе не один физиологический инстинкт к жизни, как то есть у обычных животных, здесь ещё и особого рода жизненная потенция самого сознания, вовсе не желающего погаснуть и раствориться в бездне небытия, из которой, собственно, оно и явилось. Сознание — уникальное достояние человека, хотя и тяжкая ноша, — и сознание, подчиняясь и инстинкту собственного самосохранения, характерному вообще для бытия, нашло возможность осознать не одну свою исключительность, но и исключительность своего непрерывного бытия в роде человеческом, что позволило сознанию осознать через головы своих великих посвящённых присутствие в человеческом экзистенциальном феномене какой-то исключительной для сего мира *миссии*. Человек — осознание и осознанный миссионер, а лучше бы сказать — *миссионер*!

В этой-то *миссии*, совершенно странной от присутствующей в ней *тайны*, и состоит, надо полагать, главный смысл всего человеческого бытия! Смысл, который, будучи вроде бы на поверку совершенно бессмысленным, лежит как бы... вне смысла, во всяком случае, вне достоверно известного смысла. И это опять же уникальная способность сознания: находить смысл... вне смысла или даже в самом бессмыслии, по крайней мере, вне и без явного смысла, ибо само-то по себе сознание разве не вне смысла и не посреди бессмыслия? Сознание способно с помощью ума-разума ответить на многие вопросы, но... кроме вопросов о первично-конечных смыслах бытия и прежде всего смысла бытия самого сознания. Но зато сознание способно признать тайну сознаниевого и вообще мирозданческого смыслов за... *смысл* — как свой собственный,

так и мирозданческий. Смысл... в тайне, а не в её отсутствии, ибо отсутствие тайны есть и... отсутствие смысла! Пока есть тайна, пока и есть смысл, разумеется, не в пределах имманентности, а на границе с трансцендентным. Вот почему отрицание трансцендентной (неразгадываемой) тайны мира — ниже глупости, а признание тайны и её учёт — гораздо выше... нет, не глупости, что понятно, а... и даже самого ума человеческого!

149

Не воевать надо с метафизикой, а, признавая её, с ней конструктивно взаимодействовать. Самоуверенная наука, отпрянув от метафизики, бросилась в омут... нет, не физики, что само собой разумеется и что совсем даже не так уж плохо, а... *псевдо*-физики, стыдливо замещая воистину трансцендентное дурно понимаемым имманентным, а идеальное (особенно в гуманитарной сфере) совсем уж несуразным в таком разе материальным.

150

Осознание трансцендентной тайны мира и тайны собственно сознания — величайшее завоевание сознания! Попытка отстраниться от этой тайны — роковое заблуждение! С тайной человек не одинок, смысловит и стоек, а без оной как раз всё наоборот: покинут, обесмыслен и бестолково суетен. Схема вроде бы человеческая как бы есть, а человека-то и нет. Тайна! — звучит весомо, многозначно, перспективно, а вот бес-тайность... о-о!.. что можно сказать о тверди или той же пустоте, ежели они всего лишь твердь и пустота?

151

Сознание — прежде всего знание — как идеальный мир, но наряду со знанием как знанием есть в сознании и *знание как незнание*, или же как *знание незнания*, что, собственно, и есть

знание тайны, но непременно *знание тайны как тайны*. Познать тайну нельзя, но осознать можно, мало того, можно и с тайной взаимодействовать, полагая трансценденцию, которая всю работу, прямо в сознании и в осваиваемом им знании. Сознание с тайной и вместе с ней — высшее сознание, как бы из себя выходящее, но не в сумасшествие вовсе, а всего лишь в *метасознание*. Сознание с тайной и с трансценденцией — как бы умноженное сознание, полное сверхчувствительности, ультрапроницательности и экстраобразительности. Примером тут служат великие посвящённые, они же и великие создатели великих идеальных миров, однако, как ни странно, вполне реалистических и человеку весьма потребных. Мирноосфер, миров-спиритосфер, миров-эфиросфер. Разъясняющих, удерживающих, руководящих. Тут и сентенции, и мифы, и религии, и философии, и идеологии, и науки. И мораль тут же, хотя и «амораль» тоже. Есть и обычаи, правила, законы. Словари есть, и энциклопедии, и справочники. Книги! А теперь и всякая электроника есть. И повсюду мусор, грязь, нечистоты, хоть и посверкивают там и сям кое-какие случайно-неслучайные бриллианты. Безбрежно сознание, ни во что графлёное не вмещающееся, никаких граней не признающее. Тайна мира перетекла в тайну сознания, а сознание, располагая тайной, переплетает себя с бессознанием — одновременно угрожающим и спасительным. Даже молчание служит сознанию, будучи, наверное, самым удивительным из возможных проявлений знания. Верно служит сознанию и дозволяемое им для самого себя... искажение, оно же и камуфляж, оно же и защита. Сознание — *сплошной хаос*, в котором непрерывно рождается и столь же непрерывно умирает *порядок*, отменяющий предшествующий порядок и уступающий место последующему порядку, столь же хаосному. Не оторвать сознаниевый порядок от сознаниевого же хаоса, ибо хаос — нужная потребность и неременная принадлежность сознания. Хаос сам по себе ничего не творит, но никакое упорядочивающее творче-

ство невозможно без и вне хаоса. Хаос не менее ценен и необходим, чем порядок, причём как начальный хаос (бульон), так и конечный (отвар). Преодоление хаоса — не отмена вообще хаоса, а лишь его временная и не абсолютная кристаллизация. Порядок не уничтожает насовсем хаос, он лишь его на время отменяет. Хаос — это энтропийная данность, но и негэнтропийная потенциальность. Порядок выходит вовсе не из хаоса как такового, а лишь в хаосе и через него, и задаётся порядок не хаосом, а... порядком же, но либо насильственно внешним, либо притаившимся внутренним, но в любом случае как-то хаосу предшествующим — потенциально, проективно, «замысленно». Порядок создается упорядочивающим духом, вразумляющей идеей, конструктивной программой. Тут тебе и энергия, и информация, но так же и знание со смыслом. Сознание — непрерывно возникающий и перевозникающий текст, отображаемый словом и межсловьем, ведомый смыслом, но и допускающий бессмыслие. Нигде в попущенном мироздании нет такого текста, что как раз и предопределяет не просто уникальность сознания, но и его иномирность.

152

Иномирность сознания! Важнейший фундаментальный вывод. И это при том, что сознание вроде бы сеюмирно, оно, де, от сего мира, а вовсе не от того — *иного!* Но где, кроме сознания, есть мир, адекватный сознанию? Если не в самом по себе сознании, то только там — в... иномирье, в иномирном же сознании. Есть человеческое сознание (вовсе не животное, хоть и обязанное своим бытием животному миру), а есть сознание... *вне-человеческое* (хоть и по подобию), бытующее, надо полагать, без соприкосновения с животностью — чисто духовое сознание. Можно отрицать это *иное сознание*, довольствуясь сеюмирным сознанием, но насовсем отвергнуть его нельзя, ибо тогда у человека уже никакой трансцендентной

прародины и никакой трансцендентной перспективы, а одна лишь имманентная — сеюмирная — одинокость!

153

Жизнь — загадка, а смерть... разве не загадка? Что это такое: приход в мир и уход из мира; явление на свет из тьмы и погружение во тьму из света; тяжкое обретение сознания и его мгновенная утрата? Что это? Можно сказать, что всё это парадоксы. Но тогда зачем эти парадоксы? Если даже ради издевательства, то зачем же и для кого потребно такое издевательство? В общем, как ни раскидывай тут людским умишком, а остаётся одно: есть оно — *иномирное сознание*, от которого сеюмирное сознание лишь попросту производно!

154

Вполне возможно заключить, что это-то иномирное сознание как раз и производно от сеюмирного — в качестве той же фантазии. Но откуда тогда сама способность человеческого сознания вершить фантазию, воображать то, чего нет и даже в принципе быть не может? Бога нет, согласно физикалистам, и быть не может, но он почему-то есть — как результат при этом не исследования, а откровения, причём откровения сеюмирного сознания, следственно, не такого уж и сеюмирного, а в чём-то и иного. Да, здесь тайна, но тайна-то сама отчего вдруг и откуда, ведь у обычного животного никаких тайн нет? Тайна — принадлежность человека, его сознания, но не от того, что человек чего-то не знает, а оттого, что сам человек для себя и есть тайна. Вполне и несокрушимая!

155

Тайна — *величие неизвестного*! Но и *неизвестное величие* тоже! Как ни крути, а всё одно выходит — *Великая Неизвестность*!

Осознание тайны, равно как и наличие Великого Неизвестного — великое, если не величайшее, достижение человеческого сознания, а может, и не достижение вовсе, а попросту дар, вполне и извнешний. Кто знает? Замечательное это достояние — не знать всего, но зато *всё* осознавать. Есть сознание, есть осознание, которое как бы больше и выше сознания, в особенности ежели от гения, мудреца, титана. Сознание дано человеку для осознания не только факта сеюмирного сознания, но и факта иномирного сознания, а также факта связи этих двух сознаний, причём связи неразрывной, мало того — целостной (прямо как в кварке, составленном из двух нераздельных частиц). Одно сознание неотделимо от другого. И ежели осознать, что тайна не может не быть первичнее разгадки (которая, правда... тоже тайна!), то легко удостовериться, что иномирное сознание, сидящее в тайне, первее сеюмирного, из тайны выходящего. Не человек произвёл тайну, а тайна произвела человека, вовсе человека вне тайны не оставив. Знание — не только вещь в себе и для себя, но и вещь в тайне и для тайны!

Мистика! Разумеется, да. А что вокруг не мистика? Материя, вещество, предмет, организм, природа, всё мироздание — разве это не мистика? А что говорить о сознании, слове, речи, тексте, душе, ноосфере? Мистика — всё, а не то, что принято считать мистикой: религию, оккультизм, магию. Просто есть мистика как онтология и есть мистика как гносеология, а есть попросту как мистика мистики, или *мистицизм*. Разве математика не мистика, а вся естественная наука? Только одна философия что ли мистика? А вся экономика с её игрой в ценности и ценностные обманы, не говоря о лукавой политической экономии и подёрнутой призрачным мраком экономической теории — это что, не мистика? Есть мистика и

мистика: мистика как тайна, мистика как оперирование с тайной и мистика как заигрывание с тайной. А есть и мистика как обыкновенное шулерство. Сакральная мистика вовсе не земная мистика, а бесовская мистика совсем не то, что божественная мистика. Так что не в мистике как таковой дело, а в суждениях и заблуждениях относительно мистики, как и по её поводу намеренных спекуляциях. Беспутный мистицизм и неразборчивая магия — одно, а ответственная мистикология и умный эзотеризм — совсем другое! Не отвергать надо мистику, а осознавать и, осознавая, приобщать к познавательному и созидательному делу.

158

Созидание. Одно дело — созидать дом-жилище, или материально-физический дом, совсем другое — созидать дом-сознание, или духовно-метафизический дом. И ежели для выживания организма бывают потребны пещера, землянка или шалаш, не говоря уже об избе или какой-нибудь мызе, то для выживания феномена потребны уже культура, цивилизация, государство. Материально-физические потребности человека как животного вполне можно признать за начальные, даже и первичные, но только не за приоритетные, ибо несть человека вне духовно-метафизических (сознаниевых, умственных, интеллектуальных, нравственных) оснований, а вместе с тем и потребностей. Отсюда не просто важность, а и явная приоритетность духовно-метафизической работы, могущей быть выполненной только обогащённым тайной и подкреплённым мистикой (знанием тайны) сознанием. Важна роль мастеров физического дела — гениев и титанов, но ещё важнее роль мастеров метафизического дела, среди которых и гении, и титаны, а главное — *великие посвящённые!*

Строительство идеальных, сознаниевых, ноосферных, метафизических миров. Дело знахарей, жрецов, мудрецов, философов, учёных, поэтов, писателей, художников, вождей, властителей, законодателей. Вроде бы из себя, с учётом контекста, на основе опыта, но и... посредством *откровений*, являющихся вдруг, внезапно, отчего-то и откуда-то, из какого-то *вне-сознания*, а может, и *не-сознания*, во всяком случае, из какого-то *ничто*. И ежели утверждается всё-таки нечто, то непременно посреди этого ничто, которое вовсе не пустота, а насыщенность, но не в полноте, тем более телесной, а всего лишь в возможности, причём чисто духовной.

Сознание — не тело, не организм, не мозг, а дух, вселённый в тело, сплетённый с организмом и слитый с мозгом. Тело, организм и мозг — механизмы, дух же — потенция, способность, эманация, превращающие сознание в действующий метафизический орган.

Нет сознания без ничто, а ничто нет без иносознания!
Ничто как бы между сознанием (сеюмирным сознанием) и иносознанием (иномирным сознанием). Ничто поэтому вполне созидательно, но не само по себе, а при участии иносознания и через сознание (сеюсознание). Иносознание щедро даёт — в ничто, а сознание охотно берёт — из ничто, — и ничто тут не более чем посредник, а вовсе не передатчик. Иносознание даёт одно — через тайну, а сознание берёт уже другое — тоже через тайну. Вот почему сознание творит и творит прямо из ничего, но при этом улавливая месседжи от иносознания, опять же через ничто. Понять сознание — признать ничто, понять ничто — признать иносознание, а признавая иносознание и ничто — понять сознание!

Сознание — сила! Но и *бессознание*, сопутствующее непременно сознанию, тоже сила. Сила на силу! Бессознание — вовсе не то, что обычно называется сумасшествием или тем же безумием. Бессознание вполне сознательно. Бессознание — это сознание, но как бы отключённое от самого себя, а потому и способное вытворять то, что, будучи сделанным вроде бы сознательно, имеет сумасшедше-безумные результаты. И это сплошь и рядом, — и всё по науке, по благим намерениям, вполне и расчётливо. Ладно бы по лженауке, лжефилософии, лжерелигии, а то ведь по мановению «истинных» наук, философий, религий. Сознательное бессознание (*бес-сознание*) — сила!

Бессознания не избежать, ибо человек со своим сознанием подвижен, гибок и разнен, он одновременно здесь и там, там и сям, в себе и не в себе, в себе и в другом, как и силён и слаб, велик и низок, самонадеян и растерян, горделив и... «ниже плитуса». Бессознание — контролёр, корректор и спаситель сознания. Человек всё делает сознательно, за исключением крайних патологических случаев, когда сознание бывает доведено до полного бессознания, до отсутствия вообще сознания, но обычно получается, что человек вполне сознательно идёт по, так сказать, бессознательному варианту. Бессознание — не отклонение, чуждое сознанию, а поддерживающая его норма. Сознание постоянно взаимодействует с бессознанием, а бессознание никогда непрочь пойти навстречу сознанию.

Сознание человека не может замыкаться в самом себе, рассчитывая только на самого себя. Оно нуждается во внешнем подкреплении. Сознание человека должно быть масштаб-

нее самого себя, а потому включать в себя внешнее сознание, что превращает сознание человека в *метасознание*. Такое возможно только при взаимодействии сеюмирного сознания с иномирным, но при условии признания сеюмирным сознанием своей производности от иномирного сознания и своей исходной по отношению к нему вторичности. Самодовлеющему сознанию метасознание не даётся, как и метасознание не обретается рядом с самоограниченным сознанием. Если факты и их поверхностные связки как-то фиксируются и утилитарно трактуются сознанием, то смыслы и их глубинные взаимозависимости открываются и осмысливаются уже метасознанием.

165

Метасознание — обогащённое иномирным сознанием сеюмирное сознание. Да, гении, мудрецы, титаны — это они оказываются носителями и агентами метасознания, это им человечество обязано выживательным обустройством и движением вперёд по возвышающей траектории. А всё почему? Да потому, что они — эти посвящённые — живут, мыслят и действуют сразу в *этом* и *том* мирах, не только признавая иносознание, но и от него обогащаясь, как и ему споспешествуя. Разумеется, и этих уникальных персон настигают соблазны, прелести, каверзы, подставы, ловушки, они совершают ошибки и проявляют слабости, не избегают греха и преступлений, но... они не просто герои — этого для них маловато, они... вроде богов, во всяком случае, неких посланцев Бога, его избранных, хотя при этом, возможно, и... любимцев дьявола, его приоритетных назначенцев и расторопных порученцев. Метасознание, как и сознание вообще, всегда в перекрестье — и не только этого и того миров, но и света и тьмы, правды и кривды, чести и подлости. Но важнее всего тут сам переход (или вхождение) сознания в метасознание, а уже потом вектор и алгоритмы его реализации.

Вся жизнь, всё её течение — то или иное *творчество*. Но есть творчество и творчество. Одно не выходит за рамки текущих забот и возобновляющегося труда, а другое... другое как раз выходит за пределы навязанной обыденности и чисто воспроизводственного жизнеотправления. Но и вне обыкновенности творчество бывает разное: одно отличается лишь исключительностью, зато другое... ещё и фундаментальностью; одно лишь вносит в бытие какую-то новизну, а другое — обновляет само бытие; одно лишь искрит, зато другое — пламенеет! И если для одного творчества достаточно трескучего контакта с ничто, то для другого потребен огненный выход через ничто в иномирье. Метасознание, будучи в контакте с иномирьем, вершит уже не творчество, а... *метатворчество*, что, собственно, и изменяет мир, его немало и изматывая — от необходимого до возможного!

История человека — история его сознания и бессознания, ума и безумия, мысли и бессмыслия. Всё сколько-нибудь суразное вынужденно проламывается через несуразицу, а несуразица охотно запутывает суразицу. Сознание — непрерывно преодолеваемый хаос, который вовсе не склонен к угасанию, поражению и исчезновению. Там и когда хаос в приоритете — сознание легко переходит в бессознание, которое тоже сознание, но обратное, inferнальное, бесовское. Ум тогда служит безумию, а мысль — бессмыслию! Нет, тут вовсе не клиническое сумасшествие и не патологическое безумие, это всего-навсего... *перевёрнутое сознание*, когда дворцовый фасад замещается дворовым задником, а задниковая помойка властвует над домовою обителью.

История — выявление порядка из хаоса при непогашении хаоса и неутверждении порядка; борьба хаоса и порядка, когда порядок всего лишь отрицательный момент хаоса, а хаос — положительное основание порядка; нескончаемое утверждение порядка среди хаоса — всегда потенциального порядка, а попеременно и локально — фактического. Но история — это и переходы от порядка к порядку — через хаос, с его участием и его помощью; выбор порядка; полагание порядка и его отрицание; поиск порядка, его отбор. *Вымучивание порядка через заигрывание с хаосом!*

Есть хаотический порядок и упорядоченный хаос, как есть и управление хаосом и хаотизация порядка. Войны, революции, реформы. Всё это так или иначе выпущение, или даже вынуждение, хаоса, сочетающееся с импровизированным (неустойчивым) порядком, а затем неперемное вытаскивание порядка, сопровождаемое угнетением хаоса, его сковыванием. Порядок предпочтительнее хаоса, что не значит, что порядок лучше хаоса! За порядком всегда сила, но никак не правота. И хаос способен на правоту, хотя и чаще всего негативную. Ни полного хаоса, ни окончательного порядка, а нескончаемая хаосно-порядковая игра. Таковой является история — в полном соответствии феномену сознания, а пожалуй что, и всего бытия.

Неблагополучие, дисгармония, суета — фундаментальные принципы бытия, причём любого: материального, природного, животного, осознаниенного, идеального, духовного, всего вообще мирозданческого. Всё противоположное — не более чем моменты, приостановки, срезы, но и, конечно, мечты. Почему же так? А вследствие... бытия, которое ведь не

бездна какая-нибудь, а... насыщенная жизнь, не пустота, а он-тос, не немота, а говор, не твердь, а гнозис. Как получить энергию, информацию, вещь, жизнь, сознание, знание, творчество, как и всё мироздание, без всей этой фундаментальной «неурядоченности» (от неурядицы), стихийности, несбалансированности? И сам же порядок как без всего этого создать, из чего, да и зачем?

111

Порядок в осознаниенном мире создаётся... сознанием... причём не очень-то и упорядоченным. По меньшей мере это занимательно, а по большей — восхитительно! Сознание — хаос, постоянный хаос, но зато постоянно беременный порядком. И не хаос сам по себе рождает порядок, а порядок рождается в хаосе и через него. Тут прямая аналогия с природой и действиями женского и мужского начал, когда хаос — женское основание сознания, а порядок — его мужское струнное натяжение. Порядок производится не хаосом, а... порядком, его потенцией, замыслом, проектом, хотя вне и без хаоса ни о каком производстве порядка не может быть и речи. Аттрактор (тяготение, напряжение, притяжение), вытягивающий (творящий) порядок, никогда не появляется из хаоса как такового, а в хаос... вводится. В мироздании всегда и везде можно обнаружить упорядочивающий чего-либо аттрактор — как «извнюю» для этого чего-либо силу, а вот для самого мироздания, как и для сопутствующего его сознания, которое тоже есть по своему мирозданию — только уже идеальное, аттрактор приходит не откуда-нибудь, а из иномирья. Вот почему Господь Бог, будучи триипостасным, лишён женской ипостаси, хотя и не пренебрегает женским началом ни при сотворении мира, ни при сотворении того же человека. Аттракция — деяние мужское! Как женщина сама по себе ничего родить, кроме восторга, каприза и гнева, не может, так и хаос ничего, кроме хаоса,

родить не способен. Тут потребна синергия (единение) с упорядочивающим аттрактором, происходящим как раз извне.

112

Порядок в сознании обязан, конечно, *Логосу*. Ничто, кроме *Слова*, не может здесь выполнить роль упорядочивающего аттрактора. Только слово, пусть частенько и неопределённое, и многозначное, и даже лживое, способно утвердить что-то в сознании, его имманентно сообразуя и связывая одно сознание с другим, а все индсознания — в безграничное общественное (мировое) сознание. Слово — опора сознаниевого порядка, его конструктивный элемент, а реализуемый сознанием *язык* и образуемый с его помощью *текст* — порядковые конструкции сознания.

113

Слово не от природы, не от материи, ибо слово вовсе не звук, а *смысл* — *слов-ленный* смысл, а смысл, или *со-мысль* — невысказанная мысль, что то же самое — молчащее слово. Слово — смысл — мысль — слово! Тут и предисловие, и словесность, и засловие. Всё тут вертится так или иначе вокруг слова, перед ним и за ним. Выходит, что сознание — не просто духовно-идеальная субстанция, но и словесно-смысловая конструкция, рождающая мысли, наполняющие собой эту самую идеальную субстанцию. Сознание — производитель слова, мыслей, смыслов, но, и это особенно важно, производитель производный — от иномирья, ибо природа сознания вовсе не природа тела: сознание относительно наличной природы само ведь иномирье. Тут взаимодействие двух иномирьев — сеюсознания и иносознания. А в итоге — упорядочение сознаниевого (бессознаниевого) хаоса и явление собственно сознания, которое на поверку не может не быть упорядоченным, разумеется, в единении со стихией, но непременно всё-таки упорядоченным.

Тут важно заметить, что сознание не может быть воспроизводственно упорядоченным без и вне, скажем так, внешнего, как раз вполне и земного, упорядочения — *культуры*. Какой может быть сознаниевый порядок без обычаев, норм, мер, установок, лимитов, принятых и утверждённых в социуме, бытующих в его ноосфере? Ясно, что никакой. И здесь особенно значим и эффективен не столько силовой фактор, сколько сакральный (хотя иной раз и сакрально-силовой), представляющий высший, небесный, потусторонний авторитет, только и способный надёжно укротить сознаниевый (бес-сознаниевый) хаос, питаемый анахронической зверскостью и оправдываемый дарованной свыше свободой мысли и действий.

Культура — духовно-идейное прежде всего достояние человечества. Рамочный наставитель, настойчивый структурактор и бескорыстный удерживатель сознания. В случае, конечно, ежели культура на высоте и с высоты — хотя бы по критериям высокой сознательности и добротной осознанности. Культура способна поражать некультурие (дикость, зверскость, животность), но и вынуждена считаться с наличием и сопровождающим её и в чём-то даже от неё производным *антикультурием*. Тут, как и везде в этом мире, соревнование, соперничество, борьба. Антикультура — не отсутствие культуры, как та же дикость, а самая настоящая оборотка, солидарная с деградацией, порождаемая внешне окультуренным бесовством. Антикультура может быть по-своему и изысканной, и привлекательной, и чуть ли не светлой. Она не так даже разрушает сознание, как его запутывает, принижает, обедняет, лишает иммунитета, нивелирует.

Человек сам для себя и есть главная опасность, в особенности как производитель антикультуры, хотя здесь он бывает не так заметен и отчётлив, как в облике и функции того же одичавшего зверя. Антикультуру, эту изнанку культуры, плодят отнюдь не только явные звери, глупцы и бездарности, да и не просто откровенные бесы, её творят и мастера, и мыслители, и гении, даже и титаны, не говоря о вождях, правителях и властителях, но... всё же не мудрецы, хотя, быть может, на это бывают способны какие-нибудь интеллектуалы, оккультисты, эзотерики. Подчас трудно отличить антикультуру от культуры, особенно при едва уловимых характерологических нюансах. Вот почему необходимы твёрдые акценты на культуре и ясные указания на антикультуру, но... там и там свои преувеличения, свои избыточности, свои интересы, свои культы. Культура вроде бы, но лёгкий поворот в сторону и... кажется... уже и антикультура, как и наоборот. Сознание окультуривает, само окультуриваясь, но оно и раскультурирует, не пренебрегая и собственным себя раскультурированием. То вверх и вверху — к культуре и среди культуры, то вниз и внизу — к антикультуре и среди антикультуры. Двуликий это янус — сознание, как и любой из его плодов-продуктов!

Сознание — творец самого себя. Высокое сознание, дополненное, или же оснащённое, высшим относительно человека сознанием — творец высокого сознания. Удерживающих высокое сознание с соответствующей высокой культурой немного, но они всегда есть, хотя и не всегда ведут за собой, нередко проигрывая, отстраняясь и даже погибая. Ежели любая жизнь — подвиг, то высокое творчество — особый подвиг, как правило, душевно затратный и просто так неповторимый. Здесь особая сила духа, большой интеллект, редкая чувствительность, острая проницательность, дальняя прозорливость,

настойчивая созидательность, но и, непременно, сверхбытийная мудрость. Творя из себя и само творясь, высокое сознание созидает образцы-маяки, имеющие многовековое хождение и со временем не только не гаснущие, но время от времени даже возгорающиеся. В высших творениях присутствует сама вечность, но не пустотная вовсе, а вполне и сущая. Сознание способно не только к функциональности, но и к сущности, щедро вливая постигаемое нутром сущее в высокую культуру и пряча его понадёжнее в самом себе.

118

Мудрость — не свод знаний, хотя без знаний нет никакой мудрости. Мудрость — по-особому усвоенное, переработанное (переваренное) и бытующее в снятом виде знание, которое уже даже не знание, а некое *после*-знание, или же *вместо*-знание, способное продуцировать даже не мысли, как это обычно бывает, а некие *пред*-мысли или же *вместо*-мысли. Сказать, что мудрец мыслит — ничего не сказать, ибо мыслит, к примеру, тот же интеллектуал, который мудрецом быть вовсе не обязан. У мудреца в ходу не ум с чувствами, не знание с мыслями, а некая на всё это потенция, однако возникающая не из ума и чувствования, не из знания и мыслиеизъявления, а из послеумия и предчувствия, из послезнания и предмыслия, что означает, что потенция эта как раз и есть не что иное, как... *Грааль*, из которого можно черпать и черпать, но при этом вовсе не то, что ожидает цепкая интеллектуальная обыденность, а совсем другое — что граничит с вечностью и противно всякой суете, в том числе и совершенно интеллектуальной.

119

Гений и злодейство вполне совместимы, а вот мудрость к злодейству отношения не имеет, хотя к злодейству может вполне примыкать псевдо- или пара-мудрость, тот или иной симулякр мудрости. Мудрость на то и мудрость, чтобы сопря-

гаться с высшими силами, с небесами, но никак не с подлыми и едкими испарениями из преисподней, ибо мудрость предназначена прежде всего для просветления сознания и мышления на стороне и со стороны света. Мудрость — достояние, как и особого рода достоинство, вызывающее психоумственное раздражение у законченных интеллектуалов и всегда бодрых антикультурников. Мудрец никогда не во тьме, хотя он почти всегда в тени, как бы за светом, что вызывается не пристрастием к сокрытию, а невозможностью быть совершенно открытым. Грааль всегда вне посторонних глаз, он никогда не на амвоне, не говоря уже о трибуне!

180

Обычный профессиональный философ — вовсе не мудрец, хотя и может им стать, преодолев теснящий его профессионализм. Философ, возможно, и любит мудрость, но любит её более всего в застывшем (письменном) виде и как интеллектуал. Философ всегда большой знаток, но менее всего он соискатель мудрости. Быть мудрецом — быть страдальцем и настойчивым молчуном, а не любимчиком резвых муз или блистательным говоруном. Чистая логика, как и чистый разум, как и любой совершенный интеллект — вне мудрости, а сама мудрость — этот чудодейственный Грааль! — вне строгой логики, утончённого разума и блестящего интеллекта. Мудрость — ноша, груз, бремя, а главное — огромная ответственность и деловая непосильность. Мудрец не на просторе, а в нише, не среди людей, а на безлюдье, не в шуме бытоотправления, а в тиши духотворения, что вовсе не значит, что мудрец вне течения жизни и вне реализации человека, но не здесь, не в гуще житейского контекста, а там, над контекстом и за ним, где парят образы и обитают сущности, где просматриваются горизонты и просвечиваются глубины. Гениев много, мастеров — великое множество, философов и интеллектуалов — легионы, а вот мудрецов, увы — раз, два и обчёлся... их как

бы и нет, хотя они и есть — и именно там — в прикровенности!

181

Мудрость — сгущение метафизики! Редкому человеку дано соприкоснуться с этим сгущением, ещё более редкому — войти в него, ещё более редкому — впустить его в себя, а может, и образовать его в себе. Такое сгущение — очаг мудрости, и быть хозяином такого очага — почти что непосильное испытание. И защита владельца тут обусловлена тем же, что и опасность — выходом мудреца за пределы не то что обыденности, а и самого текущего мира, что как раз и даёт возможность особого его обзора и исключительного в него проникновения. Мудрец живёт в *ином* и *иным*, что, в общем-то, есть в мире, но что как бы и не от мира, вне его. Мудрость — край метафизики!

182

Мудрость — эманация мудреца, его сознания, хотя и в единении с иносознанием. Изливаясь вовне, она растекается по экзистенциальному человеческому пространству, обогащая общественное (коллективное) сознание, оседая со временем в общественном (коллективном) инстинктивном (архетипическом) анклав, споспешествуя текущему бытию человека. Мифы, сказки, пословицы, поговорки — лучшие примеры быто-жизненной мудрости. Но есть не запечатлённая в слове и в жесте мудрость, а вполне живая мудрость — источная. Она не сводится к готовому знанию, да вряд ли и сама по себе есть знание — это, скорее, некое *пред-*знание, для которого характерно не знание как таковое, а всего лишь предварение знания, его извлечение из *ничто*.

Действующий мудрец всегда на границе нечего и ничто, сеюмирья и иномирья, имманентного и трансцендентного. Он не знает ничего досконально, в отличие от того же учёного, превосходно знающего-де свой предмет; он не верит безоглядно ни во что, а ежели верит во что-нибудь, то вовсе не так, как верит во что-нибудь сверхъестественное какой-нибудь чувственный обыватель; мудрец всегда не так здесь, как *там*: и видит, и слышит, и чувствует, и... понимает. А пересказывая вынужденно что-либо из им открытого, он... нет, конечно, не лжёт... но и не говорит всей правды, ибо нет в его распоряжении ни полной уверенности в действительной ценности им постигнутого, ни потребного для отображения им постигнутого реального слова, как и нет у его слушателей возможности адекватного восприятия им проговариваемого. Отсюда метафоры, намёки, иносказания, что уличает мудреца в незнании и в той же косноязычности, а его умных-де слушателей убеждает в тупости мудреца, если не в лукавстве. Нет и не может быть никакой гармонии между мудростью и знанием, как и между мудрецами и интеллектуалами, не говоря уже о знатоках, учёных-профессионалах, исследователях, испытателях, конструкторах, архитекторах, инженерах. В интеллект-мире нет места мудрецам, как и нечего делать в мире мудрости любым крайне остроумным и очень самоуверенным интеллектуалам.

Когда-то мудрецами на земле были жрецы, волхвы, звездочёты, философы, отцы церкви, алхимики. Теперь же никакого особого наименования у мудреца нет (мыслитель — не имя вовсе, да и не обязательно мыслитель при этом ещё и мудрец). Мудрец — *никто!* *Мистер никто!* А уж ныне — в эпоху Постмодерна — мудрец в полном презрении и чуть ли не в подполье. Он маргинал и в сердцевине внешнего экзистенциального процесса никак не зиждется. Отверженный! Это как буд-

то бы унижает мудреца, но на самом-то деле... возвышает, но вовсе не в собственных его глазах, а всего лишь перед... высшим иномирьем, которое ведь никуда не делось от высокомерного отрицания его «современным образованством». И если когда-то иномирье как бы назначало мудрецов, то теперь потенциальный мудрец сам идёт навстречу иномирию, превращаясь в мудреца фактического, разумеется, лишь для самого себя, да, может, очень узкого круга кое-чего понимателей. Ныне время не мудрецов, а знатоков — уверенных в себе, невероятно находчивых и необъяснимо весёлых!

185

Мудрец сегодня не нужен, он всем мешает, подвергая сомнению и отрицанию многое из добытого активным и изобретательным интеллектом, признавая исходную ограниченность физического познания и необходимость обращения к трансцендентной метафизике. Мудрец — бесспорный метафизик, но не знаток её, как тот же оккультист или какой-нибудь известный «соф» (теософ, антропософ), а всего лишь с нею взаимодействователь. Метафизика не терпит не только суеты, но и никакой догматики (теории, концепции), довольствуясь живым творчеством открыто взаимодействующего с ней мудреца. Назовись такой мудрец каким-либо «софом» — и... конец его живой мудрости, место которой заступает какое-нибудь очередное «самое верное учение». Мудрец там — за знаниями и вне учений, он даже за пределами вещей книг, ибо он не магик и не мистик, а именно — *метафизик*, следовательно — *никто*! Признание метафизики (вполне, конечно, осознанное) — первый и самый важный шаг к мудрости, а погружение в неё — уже духовно-провиденциальный подвиг, совершаемый вовсе не одними скрывшимися с глаз людских монахами и светскими анахоретами, а и персонами из вполне житейского контекста, но нашедшими силы и возможность уйти в себя и сойтись с метафизикой. Мудрецами не рождаются, а

становятся — не героически вовсе и не обязательно мученически, но зато подвижнически, вполне и страдательно.

186

Мудрец не логик, не аналитик, не обсуждатель, не конструктор. Он — открыватель, проникатель, сопереживатель, вследствие чего ведатель и пророк. Он прозревает матрицу бытия и просматривает бытийные векторы. Его главное оружие — молчание, но молчание, обрамлённое прикровенной мыслью и увенчивающееся редким, но веским словом. Слово мудреца — не привычное всем слово из обыденного, в том числе и научно-философского, лексикона, это более всего слово без слов, бессловесное слово. Достояние мудреца не в слове как таковом, а в засловии, а последнее всего ближе к смыслам, тем более потаённым и в слове вообще не выразимым. Так что сила мудреца не в логосе, хотя он им вовсе не пренебрегает, а в смыслах, точнее, в оперирующей смыслами *метасмыслологии*, что как раз вполне корреспондирует с *метафизикой*.

187

Это для научных философов, или же мыслителей-физикалистов, слово всего лишь полезный знак, работающий на отражение, обозначение и коммуникацию (в рамках языка, призванного быть средством общения и увязывания людей в семиотические сети). На самом-то деле слово, будучи внешне как будто бы знаком, не только указывает на смыслы, не только их улавливает, не только их в себе хранит, но и их — смыслы — порождает, что связано не с внешней отобразительной функцией слова, а с его внутренней, при этом и вполне уже трансцендентной, творческой потенцией. Слово — знак, но знак не просто работающий, а и творящий, причём не одни только поверхностные семиотические сети, но и объёмные семантические поля. Ничуть не пренебрегая словом, прежде всего в его сокрытой смысловой части, а не в открытой звуковой

(журчащей) речи, мудрец, гуляя молча и мысленно по пространству засловия (дословия и послесловия), решает сверхсловесные задачи, по минимуму прибегая к словесной интерпретации творческого процесса и его всегда неоднозначных результатов, а потому он и более нацелен на бессловесное постижение непостижимого, чем на словесное описание постигнутого. Для мудреца слово не так средство познания и отображения, не говоря уже об общении, как средство проникновения, но не куда-нибудь, а в засловье, в зону невыразимого словами ничто и уж тем более словами никак не созидаемого.

188

Ничто, о котором здесь так или иначе речь — вовсе... не такое уж ничто, хотя и не нечто. Явное нечто лишь в этом мире-сеюмирье, а в ничто если и есть какое-то нечто, то лишь потенциальное, возбуждаемое иномирьем и влекомое сеюмирьем. Причём возбуждаемое потенциальное нечто и влекомое потенциальное ничто вовсе не одно и то же, хотя они и взаимообусловлены. Одно потенциальное нечто тут переходит через ничто в другое потенциальное нечто. Ничто — зона смысловой, а не словесной трансгрессии. Здесь слова ещё не работают; их миссия сказывается позже — в сфере сеюмирья, действующего сознания, практического языка.

189

Ничто — место схождения мудрости сеюмирной, или человеческой, с мудростью иномирной, или сверхчеловеческой. Первая мудрость относительная и в основе своей вторичная, производная; вторая абсолютная и по сути своей первичная, исходная. И если первая всего лишь мудрость, то вторая уже *мудрость мудрости*, или *пре-мудрость*, а с признанием феномена Бога — *Премудрость Божия*, или *София*.

София — тайна! Но тайна раскрывающаяся, являющаяся, воплощающаяся. Будучи иномирной, потусторонней, трансцендентной, София присутствует в метафизике и физике мира, ибо она, помимо своей принадлежности Господу Богу и возможности быть Его эманацией, есть ещё и замысел Божий о мире, Его на мир смыслоизвержение, а потому и смысловая начинка мира. София-замысел, София-деяние, София-творение! Вот поэтому-то человек и осознаниен, ибо *софиен*, поэтому-то он знает, мыслит, творит!

Нет никакого резона доказывать бытие Бога, ибо его бытие... в небытии! Бытие у мироздания, у природы, у человека, но не у Бога, у которого если и есть бытие, то лишь метабытие, которое за пределами того феномена, которого человек почитает за бытие. Отсюда и София по своему исходу вне бытия, ибо это имманентное Богу и только Богу свойство, Его и только Его атрибуция. Но коль скоро мировое бытие есть Божие творение, то в творении этом непременно присутствует София — как благодатное изъяснение Божие. София отвечает за смысл бытия, будучи его предсмыслом, или же смыслом предбытия. София связана с мыслью Бога о бытии, а мысль Божия и есть Его бытие. София в единении с Божиим проектом бытия, она вполне концептуальна. София — ещё не выраженная Словом, хотя и могущая быть в нём выраженной и непременно выражающаяся, мысль Бога, это — предслово, дослово, хотя и не протослово. Логос в единении с Софией, хотя София не Логос, а Логос — не София. София — идея мира, а Логос — передаточный носитель (механизм) этой идеи.

Признание Софии — не вопрос веры и не проблема убеждения. София не нуждается ни в том, ни в другом. Но ни в

чём подобном не нуждается и сознание, правда, при полном погружении в самоё себя, при полном себя осознании. До тех пор, пока сознание прикрито умом-разумом и ориентируется на интеллект, никакая София в пределах сознания не обнаруживается, хотя и непрерывно в нём работает, ибо сознание и есть София, разумеется, в её воплощении в тварном мире. Только откровенческое осознание сознания самим же сознанием позволяет установить факт Софии — как присутствия её в творении, так и наличия её в трансцендентной потенции. Не вера в Софию и не убеждение в ней тут в приоритете у человека мыслящего, а факт осознания Софии самим же сознанием — и пока такого осознания нет, то в действительном приоритете, но уже более всего у ума-разума, оказываются вера в отсутствие Софии и убеждение в несостоятельности Софии даже как идеи.

193

Мудрец не сомневается в бытии-небытии Софии, ибо он с ней, в ней и под её опекой. Мудрец соприкасается с ничто, он за горизонтом обыденного знания, он всегда на краю этого мира и перед краем иного. Он отдаёт отчёт в слабости своего сознания и достойно признаёт силу иного сознания, которое, собственно, и не сознание как таковое, а... — разве же возможно смертному определить абсолютное?! Мудрец не высокомерничает перед тайной, как и не страшится её, а мужественно с ней взаимодействует. Трансценденция для него не глупая выдумка, как и не повод для животного страха, — это его надёжная союзница, а он — её верный товарищ.

194

София, несмотря на свой женский лингво-род, не имеет пола, хотя бы потому, что это просто принадлежность-достояние Бога, не имеющая никакой необходимости нести в себе или выражать собою какое-либо родо-половое начало.

Можно, конечно, вообразить, что Логос — начало созидательное, волевое, а потому и мужское, а София — начало контекстное, податливое, вспомоществовательное, а потому и женское, но что из всего этого следует для понимания феномена Премудрости Божией и её воплощения — не без участия Логоса — в тварном мире? Вроде бы Логос активен, а потому и мужествен, а София-де пассивна, отчего и женственна. Возможно, это и так, но ведь Логос и София всего лишь проявления Бога, причём в Его отношении к тварному миру, как Им же — Богом — созданному. У обоих проявлений разные функция и роли, пусть и схожие с мужскими и женскими, но разве от этого следует заключать, что Бог имеет мужскую и женскую выраженности — то ли ликовые, то ли ипостасные, то ли прямо-таки половые? Бог на то и Бог, чтобы быть вне тварного мира, быть абсолютно сущим и для самого себя вполне единым и неделимым. Это для человека Бог триипостасен, ибо в противном случае ни Христа тебе, ни христианства. С выделением же в Боге мужского и женского начал Бог попросту оказывается и не Богом вовсе, а некой божественной-де парой, чуть ли не супружеской: что-то вроде Зевса с Герой. Но это уже не Бог, а боги, ещё и с непременными разногласиями, ссорами и захватывающей людское воображение непрерывной между собой борьбой! Божественный антропоморфизм — давно пройденный, во всяком случае, вполне уже превзойдённый, феномен. Похожесть — не довод для полных и окончательных квалификационных суждений о предмете, вызвавшем в рассуждающей и воображающей голове внешне подходящий идентификационный образ. Судить по подобию, конечно, можно, но до определённой всё-таки степени! Вот и Логос с Софией можно преподнести с половым, так сказать, различием, ибо София более кладезь, а Логос — им пользователь, но что от всего этого, ежели то и другое сопряжено со смыслами и отличается друг от друга только операциональным отношением к этим смыслам: София более соотносится с

потенциальной и воплощённой смысловостью, а Логос с утилитарной, деятельной? Мудрец проходит сквозь Логос, им пользуясь, и приходит он к Софии, вступая с ней в духовное взаимодействие, но лишь для того, чтобы, обогатившись невыраженными смыслами, вновь войти в Логос и представить в нём и через него воспринятые от Софии новые смыслы. Так мудрец взаимодействует с Богом — с участием Софии и посредством Логоса. От любого другого творческого субъекта-человека, тоже не остающегося без опеки Бога, посредничества Логоса и участия Софии, мудрец отличается тем, что действует вполне осознанно и недоступным для обычного интеллектуала образом — через погружение в зону уже не одного лишь интеллекта, а и собственно мудрости.

195

Так ли уж нужен человеку контакт с Софией? Сомнение тут вполне возможно, оно даже немало оправдывается самоуверенным интеллектуализмом. Сотворённого мира с воплощённой в нём софийностью вроде бы уже достаточно для человека познающего и творящего. А всё неизвестное, которое наличествует в мире, либо частично становится человеку известным, либо так навсегда и остаётся неизвестным. Довольно уже Софии раскрывающейся и познанной, так зачем же ещё София неизвестная, сокрытая, тайная? Нет, конечно, контакт с Софией потребен вовсе не для того, чтобы человеку стать вровень с Богом, а лишь для того, чтобы быть достойным Бога, лучше его понимать, соответственно и иначе строить своё бытие — по-божески! И здесь София, софийность и та же софиология — посредники и помощники, тем более, что помимо Софии, вотворённой в мир, всегда есть София исходная, начальная, потенциальная с заложенным в неё или рождающимся в ней замыслом, проектом, программой — София провиденциальная! Да и вотворённая София не слишком-то открывается познающему человеку, ибо она по преимуществу мета-

физична и круто переплетена с трансценденцией. Обнаружение тех же смыслов, в особенности смыслов смыслов, или метасмыслов — совершенно софийная задача, решаемая, да и то без всякой твёрдой уверенности в конечном победном результате, по линии и в рамках совершенно софийной метасмысологии.

196

София, если так можно выразиться, в субстанциальном плане вполне духовна, идеальна, эфирна, но она при этом и идейно насыщена, смыслодержательна, можно сказать, и информационна, но либо в сакральном прикровении и божественной потенции, либо в земном откровении, логосно не всегда и берущемся. Это либо непроявленный потусторонний предтекст, либо как-то проявляющийся, нередко и очень неохотно, уже воплощённый в чём-то земном, но неземного происхождения текст, причём непременно со включённым в него подтекстом, частично логосно и прочитываемый. Сама по себе София, конечно, не текст, а всего лишь предтекст, но любой текст, улавливаемый сознанием, непременно софиен. Логос в связи с этим всегда софиен, а вот София вовсе не всегда логосна. София — Грааль, причём совсем и неявленный, а Логос — организованная в явленности растрата Грааля. София и Логос — не только не одно и то же, хотя они и имеют много общего, но и достаточно разделённые относительно друг друга начала-феномены, вовсе не являющиеся двумя — и противоположными — сторонами чего-то одного и того же, а два самостоятельных начала-феномена, лишь принадлежащих и служащих одному и тому же относительно них универсальному и для них высшему началу-феномену — Богу!

197

Сознание, как и вообще знание, как и любая идеология, — софийно, хотя бы потому, что уже сама их бытийная

возможность софийна. Но это вовсе не значит, что все эти феномены и по качеству своему софийны, ибо ничто не мешает им быть и антисофийными, порождёнными человеком не в соответствии с Софией, а вопреки и даже в противовес ей, не ради Бога, а ради либо противника Бога, либо человека как человека. София, как и сам Бог, безусловно нравственна, и никакой другой она быть не может. Это аксиома, принимаемая вовсе не на веру, а как непреложный факт. Но человек достаточно свободен в своих сознаниевых намерениях и деятельских интенциях, чтобы поступать по-своему и вовсе не обязательно по-софийному, что не значит, что всегда безнравственно или позверски, но непременно в той или иной мере в сторону от Бога и Софии. И это тем более для человека возможно, чем более он полагается в своём жизнеотправлении на самого себя, а не на внешний — и крайне для него требовательный — абсолютный авторитет. София ведь не просто мудрость, а мудрость божеская — Премудрость Божия, а потому обнаружение её, а тем более следование ей — либо тяжкое для слишком слабого духом, но зато интеллектуально-горделивого человека тщетное испытание, либо явная для него невозможность. Вот почему человек, живущий и творящий в *этом мире*, вовсе и не райском, предпочитает, мудрствуя, в основном опираться на себя и руководствоваться собственным миропониманием, не останавливаясь перед забвением Бога и Софии и... весьма активно при этом прибегая к напористой и изощрённой *антисофийности*, всё более при этом своего собственного, а не какого-то там дьявольского-де разлива.

198

Есть София, но, увы, есть и... *антисофия*! Антисофия в принципе противоположна Софии, но это не значит, что она по-своему не мудра. Антисофия тоже ведь мудрость, но не мудрая мудрость — безбрежная и стойкая, как мудрость того же мудреца, а как бы урезанная и совсем иначе ориентирован-

ная мудрость, которая не возвышает человека, а всего лишь его обслуживает, хотя это вовсе и не упадочная мудрость, не примитивная, не худая, а весьма и могучая, и дерзкая, и действенная, но... тем не менее какая-то сторонняя, обходная, беглая. Противоположность антисофии относительно Софии не в том, что антисофия совсем вне мудрости, а в том, что с ней связана *другая* мудрость — чисто и слишком человеческая, от человека исходящая и на человека замкнутая. Антисофия вовсе не вся целиком отрицательна, всюду безнравственна или совершенно симулятивна, в ней находят себе место и вполне приличные по заложенной сути и способу ментального разрешения образчики «мудрости». Можно, конечно, квалифицировать антисофию как псевдософию, квазисофию или парасофию, как и суррогатную софию, что вполне допустимо, но не замечать весьма приемлемой для самодовлеющего человеческого сознания и даже функционально полезной для него антисофии, не без удачи замещающей собою действительную Софию, нечестно, глупо и близоруко. Да, можно, наверное, принять антисофию за софию-наоборот, что и будет недалеко от истины, но лишать антисофию своей, пусть и наоборотной, мудрости вовсе не обязательно.

199

Человек — существо, бесспорно, *софийное* и, столь же бесспорно, *антисофийное*. Тут можно порассуждать и о диалектике софийности и антисофийности, выраженной, конечно, не в простом взаимодействии противоположных начал, а в их сложном, нередко едва различимом и с трудом трактуемом динамичном переплетении. Тут важно заметить, что человек, обладающий свободно-несвободным сознанием, отвечает на свою исходную софийность как обращением к возвышающей его Софии, так и признанием укрепляющей его в деловой и творческой самодостаточности антисофии. София настойчиво требует, антисофия же снисходительно позволяет! Перед Со-

фией человек осознаёт свою земную немощь, но, вступая в творческий контакт с Софией, наливается небесной силой; поощряя антисофию, человек утверждает в своей земной силе, не осознавая при этом конечной мнимости как этой силы, так и самой антисофии. Человеческая мудрость, не обращённая к Софии и ею не обогащённая, не только не заменяет собою Софии, но и с роковой неизбежностью оборачивается антисофией. Любой мудрец, даже осознающий необходимость контакта с Софией и к нему уверенно прибегающий, нисколько не застрахован от попадания в притягательную зону антисофии. Тут всё тонко, переливчато и переменчиво! И лучшей гарантией от непреднамеренного уклонения от Софии и вынужденного сцепления с антисофией служит для мудреца убеждённость его в предназначении Софии, её величии и стойкости, как и признании человеческой производности антисофии, её служебности и изменчивости. Вот откуда сакральное утверждение, что София — *Страх Божий!* — что означает не чувство боязни Софии со стороны человека, а великую со стороны человека ответственность перед Софией и Богом, которые милостивы, но отнюдь не всепрощающи!

200

Логос говорит, София молчит! София молчит ради Логоса, а Логос глаголет от Софии. Мудрец тяготеет к невысказываемому, вовсе не пренебрегая словом, а когда говорит, то говорит очень скупое и всю иную сказательно. Тут больше непосредственного, как бы межсловесного, восприятия Софии, ибо *тайна тайну извещает!* Это потом приходит слово, ибо *тайна тайну берегает!* И вовсе не всё на свете суега и тлен, ибо есть на свете *Великая Тайна*, которая как раз всё и вершит. А вкуче с тайной и София Премудрость Божия, *тайну тайной разрешающая!*

201

Да, слово изречённое есть ложь, но, во-первых, не всякое слово, а во-вторых, не всякая изсловная ложь есть и в самом деле ложь, как и не всякая изсловная правда — всамделишная правда. Зыбко тут всё, колебательно, вихреватое и прерывисто, а потому помимо слова есть ещё дословие, и межсловие есть, и послесловие, где не только предмысль с послемыслью обретаются, но и сама мудрость находит себе достойный приют, не увлекаясь бодрым речением и тщательно подбирая слова. Слово и мудрость не отделены друг от друга непереходимо, но и не слиты воедино. Изречённая мудрость — уже вовсе не та мудрость, которая вдруг посетила немого мудреца, это уже немало искажённая мудрость, в чём-то уже и не совсем мудрость, а чаще всего — лишь её мудрый симулякр. Поэтому-то мудрец обычно и помалкивает, совсем не торопясь непременно высказаться, не без сакральной иронии посматривая на спешащий вокруг него куда-то — скорее всего в никуда! — суетный и суетливый мир.

202

Нет, мудрость совсем не против текста, что речённого, что писанного, но с тем важным условием, что она не столько в самом по себе тексте, сколько в подтексте (*за-тексте*), а также подлежит не прямому при слушании или чтении восприятию, а размыслительному. Тут в приоритете не столько передача смыслов, сколько их улавливание, мало того, *со-произведения*. Малая мудрость, к тому же и не самая глубокая — более всего житейская, если не попросту обыденная, годится и к простой трансляции, а вот большая мудрость, которая куда как теснее сопряжена с тайной бытия и Абсолютом, требует даже не размышлений и переживаний, а самоотверженных погружений в сакральное ничто, где ничего вроде бы нет, но где как раз всё и есть!

Мудрец много знает и, много думая, обладает уникально «большим» (насыщенным и масштабным) сознанием, далеко превосходящим границы и возможности обычного, даже и высоко интеллектуального, сознания. Но в момент погружения в ничто, контакта с иномирьем, сознание мудреца настолько сосредоточивается, что как бы сжимается в точку, становясь каким-то «наносознанием», а может, и не сознанием уже вовсе, а чем-то другим, не отягчённым в тот момент знанием и способным к восприятию... нет, не неизвестного, что понятно а... незнания — этого полномочного представителя трансцендентной тайны. *Точечное сознание в точке внесознаниевого постижения!* Исключительно духовное, в то же время и первично софийное, постижение — в духе! Это потом, по возвращении в свою размыслительную обыденность, сознание мудреца, расширяясь и восстанавливаясь, оказывается в зоне обратной перспективы, когда мудрецу видится всё сразу и всё сразу же таинственным образом осознаётся — вполне ещё невыразительно, без-образно, не говоря уже о словах. Всё остальное — образы, слова, речи, тексты — приходит позже, при полном возвращении сознания к самому себе и к окружающему контексту. Так совершаются у мудреца выход сознания из себя и возвращение сознания к себе, что делается мудрецом если и не непрерывно, то с непременным постоянством. И не само это сокрытое движение сознания делает мудреца мудрецом, а уже ставший мудрец располагает возможностью для подобной «миграции» своего сознания, что как раз и свидетельствует о приоритете обретаемой мудрости над сознанием, а тем более — над всезнающим интеллектом. Не сознание тут на первом месте, не говоря уже о какой-то осознанной сознаниевой процедуре, которой нет, а работа сознания с самим собою — в направлении и на поле мудрости. Мудрецами не рождаются, ими становятся — в порядке большого исключения, — и исключение это зависит не только от Бога, его выбо-

ра, но и от личной судьбы человека, его внутреннего — трансцендентного и, пожалуй, чудесного — устремления. Школа знатоков вполне возможна, даже и крупных интеллектуалов, хотя и не столь уже определённно, а вот школы мудрецов, увы, быть попросту не может, что и доказано историей Христа и его последователей, ставших мудрецами не так по причине Христовой школы, как по велению Христа — как уже воскресшего Бога! — и благодаря посетившим после этого учеников-апостолов их уже личным прозрениям и откровениям.

204

София, конечно, снисходит в подготовленное для взаимодействия с нею земное сознание, как раз то самое, которое, не удовольствовавшись благоприобретённым знанием, выходит за его пределы — в сферу незнания, — и не просто признавая при этом тайну мира, Софию, как и, само собой разумеется, Бога, а вступая с Софией в творческий контакт, однако вполне и бессловесный. Это никакой не умозрительный контакт, а контакт, скорее, с отключённым умом, точнее, с трансцендентно работающим умом, то бишь фактически и отключённым. Действует тут молитва или нет, но молитва намеренно молчаливая, можно сказать — конспиративная. Контакт с Софией — закрытый процесс, если это действие вообще можно назвать процессом, как, собственно, и контактом. И никакого тут требовательного, ещё и самонадеянного, обращения к Софии — вполне достаточно и озарения, однако дающегося не без могучих организменных затрат и духовных извержений, а нередко и попросту адских мучений. И никакой тут заданности, никакой априорной целеположенности: всё как-то происходит само собой, а вот с кем, когда и почему — кому же из смертных это известно?

Мудрец видит внутренним, а потому и как бы не видящим, зрением, он вчувствуется в самого себя, погружаясь в глубины своего собственного сознания, сканируя в покое, тиши и молчании окаёмы своего личного мира. Мир этот, безусловно, богатый мир — объёмный и бесконечный, имеющий шанс творческого контакта с Софией. Мудрец ничего и ниоткуда не считывает, он лишь, имея корреспонденцию с Софией, созидает своё собственное видение и сам открывает понимание в нём самом бытующего и вокруг него происходящего, будучи в той или иной мере софийно оплодотворённым. Не получение особой информации тут играет роль, даже не обретение иностранного знания, а выработка мудрецом своего собственного представления, не так сообщённого, как вдохновлённого Софией. Мудрец — вовсе не пассивный восприимчивик софийских истин, а деятельный сотрудник Софии, её вполне сознательный адепт и вполне созидательный агент.

Вдумываясь инициационно в самого себя и вглядываясь пронизательно в окружающее бытие, мудрец замечает, что любое нечто есть при этом и ничто, но не то ничто — Ничто, что в замирье, или в междумирье, а которое прямо здесь, в этом мире, в этом нечто и среди него, причём вовсе не как исключение и не как какая-то малость, а, что называется, в больших объёмах, можно сказать, и сплошь. Всё это относится вовсе не к одному сознанию или той же ноосфере, а ко всему бытию, включая и человека как такового. В бытии бытует небытие, а в человеке что-то вроде... нечеловека, — и когда человек наблюдает за той же природой или трактует жизнь и поведение человека, то он имеет дело более всего не с самими по себе природой и человеком, а как раз с неприродой и нечеловеком. Можно сказать, что в мире нашем лидирует... *антимир*, и что антимир этот определяет всё самое неожиданное,

невероятное и непотребное в мире как таковом. Именно оттуда все стихии, коллизии и катастрофы, как и страхи, болезни и смерти, вообще всё неблагополучие сеюстороннего мира. А этот последний не более чем какая-нибудь десятая, а то и сотая, а то и... не будем идти дальше, ибо и так ясно, что не ясно... часть мира вообще — мира и антимира вместе (девять долей из десяти или девяносто девять из ста — антимир, одна доля — собственно мир). И ежели человек думающий пытается что-то понять в вокруг бытующем и происходящем, как и в самом человеке, то он должен принять во внимание, что самое непонятное и при этом самое главное исходит как раз из антимира — из *Ничто!*

207

Ответствен ли человек в таком разе за своё бытие, своё сознание, свои решения, своё поведение, наконец, за свои познания и требования, предъявляемые к самому себе как осознаниенному существу (животному, зверю, человекообразному), ежели он напрямую зависит от распостёртого вокруг антимира и сидящего в нём самом античеловека? Наверное, нет — не ответствен! Но... ведь ответствен же, и важнейшим критерием такой ответственности является не что иное, как подавление человека, изгойство, изоляция, самоубийство, смертная казнь, смерть!

208

Выходит, что София, как осознаваемая снизу человеком, так и исходящая сверху от Бога, — вещи (от вещать) совсем не праздные, как это обычно кажется всем очень университетски образованным и страшно поэтому просвещённым насельникам Земли. Вот поэтому-то и бытует религия, и наличествует вера в небесные, а не земные, истины, ибо то и другое — Премудрость Божия, даруемая человеку ищущему и человеком страждущим обретаемая. Мудрствование — не порок вовсе и не

пустое занятие, как это представляется шибко учёному люду, а вынужденное хождение по потаённым смысловым полям — насколько спасительное, настолько и рискованное! София ведь... э-э... — *Страх Божий!*

209

Человек бытует со своим сознанием не просто в неопределённом, беспокойном и неблагополучном мире, полном хаоса, отрицания и опасностей, а в мире, вышедшем из бездны, но и над бездной этой постоянно пребывающем. Инферно — вовсе не досужая выдумка мудрецов, а присутствующая в мире и настойчиво о себе заявляющая *обратная реальность*, охотно и прочно удерживаемая антимиром. И поди-ка разберись, что от чего в бытии, как и что чего там в нём выражает? Не надо думать, что все эти ничто, антимир и даже инферно — какая-то сплошная «плохость», вовсе нет, это просто что-то не такое, как в *лицевой реальности*, что-то всего лишь не этакое, что-то с той стороны, что-то обратное, но, заметим, столь же необходимое для бытия, как и всё явленное де правильное.

210

Вот поэтому-то у человека думающего и являются непрошенные мысли о «чёрных дырах» в космосе, «большом взрыве» при рождении Вселенной и о «тёмной материи» в бескрайнем (как это — бескрайнем?), ещё и искривлённом, ещё и замкнутом на себя пространстве, равно как и мысли об относительности всего мироустройства, одномоментных частицах-волнах, гуляющих по микромиру, о вовсе не пустом вакууме, сходящихся параллельных прямых, многомерных мирах и многовекторной реальности.

211

Всё это не более чем о физическом мироустройстве, его материально-механической обоснованности, а ведь есть ещё и

смысловая сторона бытия, требующая уже обоснованности метафизической. И ежели наука физика уже не может обойтись без учёта неизвестности и опоры на непонятное, то метафизика как раз и стоит на трансцендентном, признавая его не просто имеющемся в бытии, а абсолютно бытию необходимым. Без трансцендентного начала нет и не может быть никакого вообще бытия, не говоря о бытии имманентном — природном, естественном, мировом! Ну и, конечно же, о каких вообще смыслах, являющихся достоянием не головы и не мозга как таковых, а сознания и только сознания, можно вообще говорить, не прибегая к его и их иномирным истокам?

212

Мысль, на то и мысль, чтобы не быть принадлежностью только имманентного мира. Мысль, это прежде всего метафизис с метафизикой, — и только мысль может уловить смысл, осознать его и обозначить словом, внедрив в ноосферное пространство. Мысль вообще не отделить от смысла, а смысл — от мысли, а потому-то это и есть собственно сознание, как раз держащееся на мысли-смысле, что не исключает великой разности в качествах мыслей и смыслов, соответственно и в качествах самого сознания.

213

Сознание вообще-то не сводимо лишь к улавливанию смыслов — с помощью мыслей и слов, сознанию свойственно и производство смыслов — с той же помощью, разумеется, ежели не отрицать насовсем феномена улавливания — но уже улавливания из самого по себе сознания, из его собственной смысловой сокровищницы, хотя при этом не без сокровенной работы имманентной сознанию смыслопроизводительной фабрики. Улавливание и производство здесь — хоть и не одно и то же, но одно от другого настолько неотделимо, что оба представляются единым процессом. Сознание не просто при-

сваивает иномирные смыслы, но и производит свои смыслы, идя при необходимости и по возможности навстречу иномирию, вступая в контакт с трансценденцией и Софией, что никак не исключает творческой самостоятельности сознания, совсем не редко питаемой болезненным самомнением и слишком уж суетной гордыней.

214

Бытие человека обусловлено материально-природными и идеально-трансцендентными обстоятельствами, среди которых животность человека и его социальность, воздействующие на человека внешние и внутренние стихии, а также сама неизвестность, действующая на человека то угнетающе, то вдохновляющее, то отрезвляюще. Но делается бытие человека (именно человека как человека) всё-таки не так инстинктами, как сознанием. Да, есть обыденное, обыкновенное, массовое, а попросту низшее сознание, которое принято в умственных кругах называть даже *вербализированной психикой*, а не собственно сознанием, а есть, конечно же, сознание особенное, исключительное, элитное, что то же самое — высшее, что как раз интеллектуалы и почитают за собственно сознание. Однако человека вообще нет без или вне сознания; самое человеческое в человеке как раз *сознание* — и не очень-то важно в данном случае, каково качество этого самого сознания, за которым, кстати, стоит и психика.

215

Человек, даже ежели и не очень свободный, — *творец бытия* — как своего собственного, так и не очень своего, скорее — чужого, как и, всего вероятнее, общего. И поскольку сознания у всех людей разные, как и условия их практической реализации, то и творения бытия бывают разные. У позитивной особи по большей части позитивное, у негативной — негативное. Зверочеловек творит одно бытие, человекозверь —

другое, а человекочеловек — третье. Но главное тут то, что бытие человеческое при всей его зависимости от обстоятельств — непосредственно от сознания, из сознания, ну и, конечно же, ради сознания. И никакого вполне реального и действенного источника человеческого бытия, кроме сознания, нет и быть не может. Иное дело, что сознание многое учитывает из контекста — как природного, так и неприродного, включая и внеприродное, а потому бытие человеческое, вытекающая из сознания, оказывается вовсе не таким уж... человеческим, во всяком случае, не сугубо человеческим, что ни умаляет человека, ни возвышает, а всего лишь определяет его творческую инициацию (эманацию).

216

История человечества была, есть и будет, пока есть человек и есть его бытие. История творится сознанием — как индосознаниями, так и социосознаниями, творится в ноосфере и ноосферой. Однако у истории, или течения бытия, есть та особенность, что история творится и... самой историей, как и самим бытием. Ход истории — не только совокупность разных локальных ходов, ходок и ходовок, но и сложное, во многом и не очень-то явное и фиксируемое, сочетание трёх хóдовых потоков: 1) *хода человека*, его решений и деяний; 2) *хода вещей*, или развёртывания своевольных суммарных процессов, не слишком зависимых от намерений, поведения и действий людей; 3) *хода неизвестности*, что вообще никак не моделируется человеком и им осознанно не предусматривается, но совершается не то чтобы само собой, а попросту вопреки деяниям людей и даже не в соответствии с ходом вещей. Не только будущая история мало предугадываема человеком, а текущая история вовсе и не полностью им обозреваема и понимаема, но и прошлая история не поддаётся его полному освоению и достоверному восприятию. Онтологическая неизвестность, гносеологическая неуловимость (несхватываемость) и непол-

нота сознаниевого представления — реальные атрибуты бытия и истории, как и ментального их восприятия. История вроде бы физична, ибо есть факты, но история в то же время и более всего метафизична, а потому факты в истории ещё не вся история, да и сами факты многозначны и разноинтерпретируемы. История конспиративна и протекает во многом вне фактологии. Факты — не основание истории, а её следствие, причём далеко не всегда достоверное. История всегда загадка, не подлежащая полному разрешению. Отсюда сказания, былины, мифы, которые бывают ближе к истине (в её метафизическом понимании и представлении), чем самые вроде бы бесспорные факты. Историография хороша, а *историософия* — всё-таки лучше, разумеется, не без участия историографии, но как всего лишь первичного — и проходного! — материала. История фиксируется, пишется, компонуется, но и... осмысливается, причём не так уж физически, как метафизически. Вот тогда-то что-нибудь и получается, но не у историков-фиксаторов, а у философов-размыслителей, однако не физических (физикалистских), а метафизических.

217

История создается — и активно, основательно, со знанием дела, — она всегда и сама происходит, как бы сама собой получается, если попросту не случается. И никто из смертных не знает, почему и для чего творится история, как, и отчего, и зачем она сама себя творит, включая даже и творение самой что ни на есть обыденности.

218

И что же остаётся человеку? Только погружение в зону софийного, ещё и в контакте с самой Софией, которая ничего открыто не говорит, но зато даёт возможность понимания, да вот не в словах и даже не в смыслах, а в некоем предсловии и предмыслии, которые, став послесловием и послемыслием,

прячутся не в тексте человеческого, а в подтексте или затексте, ожидая восприятия и понимания. Не тот понимает, который читает, а тот, который при этом ещё и думает. Хочешь знать — размышляй!

219

Тут вскрывается ещё один хóдовый поток истории, имеющий отношение к каждому из трёх представленных ранее — *промыслительный*. Промысел Божий — он же и София, а, будучи сама промыслительной, София питает и промышленное человеческое, которое ведь тоже есть!

220

Начало истории — как раз с момента явления на свет сознания, и, соответственно... *конец истории*, обозначенный то ли выходом сознания из физического тела («лучистое человечество»), то ли переходом (вселением) сознания в какие-то иные тела, вероятно, искусственные, то ли полным погружением сознания в инфермальную тьму, его там аннигиляцией, полным исчезновением. Имея начало, история имеет и историю, а имея конец, история, переходя либо в постисторию, либо попросту в ничто, истории уже не имеет.

221

История — история движения *хаоса* и *космоса*, их взаимоположения и взаимоотрицания, их постоянной друг с другом борьбы, нескончаемого между собой сражения. Не было бы хаоса, не было бы космоса; не возникал бы космос, не являлся бы хаос; хаос и космос — две стороны-половины бытия; стихия и порядок, женское и мужское начала; раствор и кристалл; предтекст и текст; до и после; пред и при, но и при и после. То космос берёт верх, созидая и удерживая порядок, то хаос преобладает, распуская стихию и наводя беспорядок. В наличном бытии не бывает ни полного хаоса, ни абсолютного

космоса, но зато имеет место бесконечная хаосно-космическая пульсация, утверждающая бытийную ритмику и оправдывающая историческую цикличность.

222

Хаос и космос — характеристики прежде всего материально-вещественного мира, включая его животную и социальную части. Не только литосфера (твердосфера), но и биосфера с социосферой подвержены началам-состояниям-проявлениям хаоса и космоса, стихии и порядка. Иным образом обстоят дела в сфере сознания, ибо сознание как таковое (как феномен) вне времени и пространства и, как будто бы, вне хаоса и космоса, ибо последние суть феномены, обусловленные пространством и временем. Та же изначальная бездна, которая сама по себе ничто — вне пространства и времени, чего уже не скажешь о хаосе и космосе. И всё-таки в сфере сознания тоже есть свои хаос и космос, однако иные — совершенно воображительные, идеальные, духовные. Отсюда как раз сознание и бессознание, умство и безумство, культура (нематериальная) и антикультура, бытие (идеальное, духовное) и антибытие. «Хаос-космос» сознания сочетается с «хаосом-космосом» бытия, соответственно и с «хаосом-космосом» истории. Обстоятельства (причины) космогенеза (дехаотизации) и хаотизации (де-космотизации) бытия и истории могут быть разные (внешние и внутренние относительно человека и социума), но среди них особое место принадлежит, конечно же, сознанию и ноосфере, ибо что-то происходит в бытии и истории вроде бы само собой, а что-то всё-таки из сознания и ноосферы, не менее, а даже более подверженным космогенезу и хаотизации, чем человек и социум, природа и мироздание. Специфика сознания и ноосферы здесь в том, что они особенно способны на самопроизвольное — без всяких на то явных, а иной раз и скрытых причин. И если произвольная автокосмотизация ещё под во-

просом, то уж произвольная автохаотизация — вполне общее место, не подлежащее уже никакому сомнению.

223

Хаос человеку насовсем не преодолеть и из своего бытия и своей истории не выкинуть, хотя хаос можно ограничивать и хаосом можно управлять. Посредством космоса и космолизации. Искусство осознаниенной истории, как и, к примеру, той же войны, состоит в осознанном созидании и утверждении космоса, в сознательной космолизации бытия, но при этом и в не менее осознанном допущении хаоса, в сознательной хаотизации бытия. К искусству истории относится и сознательное реагирование на внешние обстоятельства, но гораздо важнее всё-таки не реагирование на что-то, а из себя извлечение, субъектная инициация, вытекающие из себя деяния. Эндогенность тут интереснее экзогенности, хотя последняя имеет своё значение и не подлежит никакому умалению. Человек — творец своего бытия и своей истории, пусть поначалу более реактивный, чем инициативный, но со временем всё более и более творческий, пока не оказывается вовсю инициативным — из себя — творцом бытия и истории, что особенно важно для понимания феномена человека вообще.

224

Человек, будучи владельцем активного и созидательного сознания, берёт на себя миссию творения своего бытия и своей истории, осознавая и не очень, а то и вовсе не осознавая, всей за это великой ответственности — перед Миром, перед Богом, перед Неизвестностью, ну и, конечно же, перед самим собой, как и перед своим бытием и своей историей. Человек действует в условиях неизвестности, неопределённости и при недостатке информации, не говоря о сопротивлении ему различных обстоятельств, того же хода вещей, но он всё равно действует, причём вполне и архитекторски, полагаясь на себя, своё соз-

вание, свой беспредельный и безмерный идеальный мир, свою уникальную способность воображать, достраивать, конструировать, но так же и свою столь же уникальную неприродно-антиприродную амбициозность. Человек действует рационально и иррационально, расчётливо и интуитивно, обдуманно и наобум, совершая пробы и делая ошибки, как достигая поставленных целей, так и проскакивая мимо них, встречая сюрпризы, неожиданности, внезапности, получая непредвиденные результаты, выгребая на твёрдые берега и утопая в вязких трясилах. Ничего конечного, устойчивого, покойного! Только движение — сознания, воображения, труда, творчества, контекста, обстоятельств, создаваемого, утрачиваемого, являющегося, исчезающего. Не вслепую, но и не в полноте обозрения; не во тьме, но и не на полном свету; не в бессознании, но, увы, и не без оного; в сознании, но, увы, не только с ним. И жертвы, жертвы, жертвы!

225

Бытие человека — нескончаемое *жертвоприношение!* Сознания, ума, мыслей; труда, работы, творчества; таланта, гениальности, изобретательности; здоровья, тела, жизни; но и духа, и тайны, и даже самой смерти. Бытие есть переработка... бытия! Переработка в небытие, в ничто, в нуль. Но переработка как раз через... бытие, его реализацию человеком, причём небытие здесь не позади только, а везде — и впереди, и рядом, и внутри бытия. Бытие неотделимо от небытия, как космос неотделим от хаоса. Бытие — усилие, как раз антиэнтропийное, бытийное, космогенное, но в силу постоянного присутствия небытия, хаоса и энтропии — нескончаемое и в немалой степени тщетное. Бытие человека — непрерывная тщета, перемежаемая прерывными достижениям, не могущими в силу своей временности и имманентной ограниченности преодолеть навсегда тщету, которая есть так или иначе фундаментальное, если не императивное, свойство человеческого бытия.

История — история нескончаемой *тщеты*, как, собственно, и срочно-локальных и непременно являющихся *достижений*. На этих последних всё в бытии человеческом и держится, а потому история человеческая есть ещё и история *достиженческая*. И многого, очень многого уже достиг человек — посреди всей этой неуёмной тщеты, несмотря на неё и ей вопреки. А может — и назло! Выходит, что в человеке сидит, то ли в него заложенный, то ли им самим зачем-то обрётённый, экзистенциально-антиэнтропийный энергийный заряд, предназначенный обязательно разряжаться и способный непременно восстанавливаться, чтобы вновь разряжаться и вновь накапливаться, — и всё это могло случиться и имеет шанс быть только в эволюирующей мировой среде, испытавшей когда-то и испытывающей по сей день вдохновляющее и направляющее влияние иномирья. История, как и само бытие человеческое — импульсивна, ритмична, колебательна, волнительна, даже и по-своему прерывиста (при всей своей глубинной непрерывности), во всяком случае — дискретна. А вследствие наличия хаоса (потенции к хаосу), стихийности и тщеты, способных прорываться как бы наверх — в текучую действительность — и брать на себя бытийную инициативу, бытие с историей имеют безусловный *циклический характер*, обозначаемый то временем (ситуацией, процессом) созидания и достижений, то временем разрушения и потерь. Возникают и исчезают разные человеческие продукты и образования — что материальные, что идеальные, а среди последних: общины, общества, этносы, культуры, цивилизации, государства, империи. Если материальные вещи превращаются со временем в пыль, в ничто, то идеальные, частично исчезая насовсем, трансформируются или уходят компонентами в другие образования, а также погружаются в глубины бытия, в Навь, в память, в резерв, иной раз и выходя снова в Явь, в действитель-

ность, на поверхность, опять же элементами, гранями, моментами, как и тенями, образами, призраками.

227

Цикличность — движение от чего-либо к тому же самому или чему-то схожему, но непременно через другое — противоположное. Отсюда и неизбежная круговерть, движение по кругу, круговое движение, выраженные в чередовании чего-то одного и чего-то другого, что не значит, что неизменных. Всё не только меняется местами, но и изменяется, являясь в очередной раз в той или иной мере другим. Что-то непременно сохраняется, — как раз то, что и делает одно этим одним, а что-то неизбежно добавляется — из того же противоположного предшествовавшего либо совсем уж нового. Наматывая циклические круги, как и постоянно с разной скоростью вращаясь вокруг собственной оси, выворачиваясь, бытие-история набирает новизну, сохраняя при этом и что-то необходимое из бывшего. Кружение с чередованием переменных качественных характеристик сочетается с движением по прямой, пусть и идеальной (самим бытием-историей как бы воображаемой), при этом прямой, направленной вверх (антиэнтропийной), и прямой, направленной вниз (энтропийной). Возвышение бытия либо его деградация, идущие в итоге как бы по спиралевидному (тоже бытием-историей вполне воображаемому) пути. И выходит, что то, что было когда-то в прошлом, непременно присутствует и в настоящем, хотя настоящее всегда совсем не то же самое, что было когда-то прошлым. Циклы циклами, сопровождаемые циклическими возвратами и столь же циклическими обновлениями, а перемены по прямой есть перемены по прямой, как бы сменяющие циклы, их как будто бы не замечающие, но зато выпячивающие наружу лишь вполне на вид линейные перемены. XXI век — вовсе не первый век Новой Эры, хотя в XXI веке немало всего сидит от первого века, но сидит уже весьма иным и в совершенно другой среде.

История сдает историю! Как реальности, во всяком случае живой реальности — бытийственной, истории нет, если не почитать за историю каждый миг того, что именуется настоящим. История — сплошь воображаемая сознанием ирреальность, лишь выдаваемая тем же сознанием за реальность. История — ушедшая либо уходящая в небытие реальность. История более память, чем реальные события, ибо события всегда преходящи. Миг настоящего — момент истории, но не сама по себе история. Что касается материально-вещественных предметов, тел, организмов, то и у них нет истории, в есть только миги, а каждый сам по себе миг — не история как таковая, а лишь её момент. История мироздания — в сознании, в воображении, в знании. Сознаниевая ирреальность замещает какую бы то ни было реальность, что не значит, что ирреальная история сплошь ложна, но это значит, что история не сплошь правдива. Уж какая выходит!

История всегда та или иная сознаниевая версия, гипотеза, миф, что не значит, что история сплошь выдумана, но что значит, что она в основе своей условна и что с условностью этой необходимо считаться, как сомневаясь в её допустимости, так и признавая её за истину. Условность — вовсе не обязательно ложь, хотя и может быть таковой, и хотя это не полная достоверность, она имеет право на истинность. Факт — великая вещь (от вести), но и не подкрепляемые прямыми фактами соображения бывают не менее, а иной раз и более значимы, чем факты. Факт — упрямая вещь, но способная вызвать сомнения, а соображение, не отвергающее вовсе сомнения, может привести к стойкому убеждению. Есть фактические факты, а есть факты, так сказать, соображенческие, и какие из них правдивее, загодя оценить невозможно. Учитывая, что история всегда есть версия, гипотеза, миф, нет никаких оснований от-

носиться к ирреальной истории как к выдумке, ещё и ложной, хотя в ней хватает и выдумки, и лжи. Но что важно: фактологическая, или историографическая, или физическая история, не более правдива, чем историософская, или метафизическая, или даже мифологическая. А потому ирреальная история, продуцируемая сознанием, зиждется сразу на том и другом потоках — фактологическом и исторософском, не отводя ни одному из них явного приоритета, хотя фактология, конечно, первична, а историософия... нет, не вторична вовсе, а как это ни странно... главна. *Миф!* Который не для лжи, а для правды, и который бывает истиннее любой фактографии, ибо в фактах явленный разброс и явная недосказанность, а в суждениях сущая цельность и познавательная стройность.

230

Бытие идёт из небытия, а история из неистории. В исходе тут Ничто, Великая Неизвестность, Иномирье. В начале же Хаос, который уже предбытие и предистория. За Хаосом идёт Космос, которые есть Бытие и есть История. Однако Хаос никуда не девается. Он в подоснове, он рядом, он вместе с Космосом. И небытие с неисторией никуда не исчезают, хранимые Ничто, Великой Неизвестностью, Иномирьем. Бытие уходит в небытие, а история — в неисторию. Непрерывное рождение и непрерывное умирание. Однако *эволюционно-телеологические* — ради какой-то великой трансцендентной цели!

231

И коли так, то при всех попытках, срывах, случайностях, тщетах, коллизиях, безумиях и катастрофах бытие-история движется, по-видимому, в нужном направлении: от ничто через разные нечто к чему-то *иному*, а на уровне и в гуще тварного (видимого) мира *от природы к неприроде*, — и орудием этого движения служит природообусловленное, но внеприродно (сверхестественно) вызванное сознание, окончательно

вовсе не завершённое, но имеющее возможность совершенствоваться — самостоятельно (раз сознание) и под опекой иномирья (коли уж сознание).

232

Сознание — свет, но свет из тьмы; причём не выход только из тьмы, а долгосрочный из тьмы вырыв; и вырыв вовсе не только победный, более того, мало когда победный; тьма не отпускает сознание, в нём сидит, ибо что же тогда свет, ежели нет вокруг тьмы? Где свет, там и тьма, а где тьма, там, возможно, и свет. Просветление сознания, его обезземливание. Сначала у единиц, потом у некоторых, затем у множеств, но только не у всех. Никогда у всех! Тьма не сдаётся, ибо весома и обыденна, поверхностна и вязка, — отчего и особенно привязчива. Без сознания человеку нельзя, но удобнее всего ему с первым сознанием — простым, примитивным, тёмным. Сознание — свет, но свет во тьме, и сила света зависит от степени, уровня и качества сознания. Тьма не смущает, не бередит, не тревожит, всё это делает свет, который волнует, тербит, раздражает. На тьму достаточно желания, а на свет недостаточно и воли. Сознание просветляется, но в борьбе с тьмою, с тёмным сознанием, с тёмной ноосферой. Тьма сопротивляется, тянет назад, искажает свет и сознание, ими там и сям в той или иной момент овладевает. Света ведь мало, очень мало, а тьмы-то много, очень много! Всё, что препятствует просветлению сознания (и ноосферы) в союзе с тьмою — серое, похотливое, аморальное, незаконное, жадное, халявное, кровососное, тупое, безумное. Нет, свет не побеждает тьму, но и тьма не покоряет свет, зато свет несёт свет, распространяясь, а тьма лишь обогащает тьму, судорожно густея и сжимаясь.

233

Бытие есть сцепление бытия и небытия, жизни и смерти, сроков и вечности, окаёмов и безграничья. Иначе нет движе-

ния, перемен, эволюции, как и нет никаких движущих сил, энергичных импульсов и настигаемых, хоть и не слишком при этом постигаемых, целей. История есть движение бытия, однако всегда бывшего и всегда ещё не бывшего, менее всего — настоящего. Настоящее — условная, ментальная, почти что иллюзорная задержка бытия — в сознании! Это некий приостановленный кусок (миг) прошлого и не означенный ещё кусок (миг) будущего. Человек живёт не прошлым, которое было, и не настоящим, которого попросту нет, а будущим, как раз тем, чего ещё нет, но которое, возможно, будет, хотя вовсе не всегда будет таким, каким представляет и ожидает его виртуально (ирреально, воображительно) реализующееся сознание. Вот почему сознание никакая не физическая, а совершенно метафизическая, мало того, вполне и иномирная, данность. И оттого, каково по содержанию текущее сознание, зависит и содержание притекающего будущего. Человек — воистину творец своего бытия и своей истории, хотя творчество его зависит и от разного рода придирчивых и неотступных обстоятельств. Да, сказывается опыт, заявляют о себе знания, влияют обретенные представления, но при этом действуют и внутренние сознаниевые инновации, идущие из ничто, из неизвестности, из бездны, — и в итоге творение бытия, истории, но вовсе не в таком образе-варианте, каким хотел бы человек, а всегда в каком-то другом, ибо бытие творится и самим бытием, а история — и самой историей, мало того — небытием и неисторией тоже, ещё и антибытием и антиисторией впридачу. Человек, не зная будущего, не слишком разбираясь в прошлом и не особенно замечая настоящее, творит, тем не менее, своё бытие, свою историю, находясь в непрерывном взаимодействии с окружающей его неизвестностью, роднясь с нею и с ней же конфликтуя, обогащая своё сознание, но его же и обедняя, очаровываясь им и в нём же разочаровываясь, испытывая окультуренную самоуверенность и переживая всамделишный дикий страх.

История — история обретения сознания, но она же и история его непрерывной жертвы и нескончаемых трат. Сознание — не слишком законное дитя осознаваемого сознанием мироздания, это, скорее, не очень-то законнорожденный бастард, имеющий наглость не только осознавать мироздание, но ещё и его осознаниевать. Сознание в мироздании, но не от него, а от иномирья, а потому и конфликт между сознанием и мирозданием, неприродой и природой, иным и этим, как, собственно, и наоборот, — и конфликт этот ведёт бытие-историю, выводя его-её из-под полного подчинения мирозданию, его физическим законам. Ничего нет удивительного в обращении сознания к иномирью, законным сыном которого оно как раз и является!

История — принадлежность сознания, она вся в сознании. Нет сознания — нет и истории, ибо история не только реальный процесс, но и его ирреальное отражение в сознании. История делается, как и всё человеческое бытие, сознанием; она из сознания; но она и в сознании. История — история сознания, его бытия, но и сознание есть продукт истории, делаемой сознанием. Сознание не свободно от истории, хоть и делается история сознанием. Есть действующее сознание, но в нём сидит и предшествующее сознание, как наличествует — вполне таинственно — и потенциальное сознание — последующее. Сознание всегда итог сознания, его истории. Есть феномен наследования сознания, что не исключает ни феномена обретения сознания, ни его производства... сознанием же. Любое бытующее сознание — сознание историческое, наполненное историей и отжатое современностью. Можно даже предположить, что сознание не только перевоплощается — из бывшей плоти в плоть настоящую, но и переосознаниевается, или иначе — воспроизводится, — для чего же тогда память, наследст-

венность с наследованием, сама история? — но понимать всё это нужно не буквально, не механически, не обыкновенно. Сознание воспроизводится не жёстко, не обязательно, не приговорно. Никакого решающего предопределения нет, ибо сознание достаточно свободно, чтобы оставаться всегда уникальным. Но уникальность не отвергает ни опыта, ни накопленного, ни общего. Сознание не выскакивает в жизнь готовым продуктом прошлого, а всегда формируется заново, и только при вольно-невольном формировании себя оно как-то учитывает и прошлое, в том числе и таинственно наследственное.

236

Есть ли она — *карма*? Наверное, есть, но... в сочетании всё-таки с возможностью и делания судьбы. Карма — не безусловная предопределённость, хотя и весьма навязчивое предложение из ниоткуда, которому можно покориться — прикармиться! — но можно и выслать навстречу иное предложение, уже своё, посредством которого и весьма откармиться. Да, наверное, не полностью, но... в известной мере всё-таки можно, а при большом осознанном желании и в достаточно удовлетворительной полноте. Сознание на то и сознание, чтобы, во-первых, не быть клоновым, а во-вторых, не быть и пустым (не наполненным). Дело тут не столько в карме, сколько в невозможностях, ибо и условия нужны, и воля, и удача. Сознание рождает сознание — в бытии, и никакое сознание не свободно от сознания, но сознание всегда и самостоящий момент сознания, а потому оно всегда имеет шанс быть (стать) своеобразным. Наследие и обретение, традиция и новшество, несвобода и свобода, а в итоге — вибрирующее сознание, его поступательное, хоть при этом и возвратное, и выворотное движение, его сознательно-бессознательная история.

Притяжение к бывшему, прошлому, действительному и тяготение к ещё не бывшему, будущему, лишь возможному. Обременение сознания, его обуздывание, его формирование, но и обеспечение сознания, его освобождение, его самонастройка. Стеснение и своеволие. Индсознание, коллективное сознание, общечеловеческое сознание, но лучше бы, пожалуй, наоборот: общечеловеческое сознание, коллективное сознание, индсознание. Общечеловеческое сознание — предположенное, изначальное, фундаментальное, без которого просто нет человека; коллективное сознание — общежитейское, домоводческое, очаговое; индсознание — сугубо субъектное, элементное, точечное. Первое сознание — данное, атрибутивное, необходимое, закономерностное, несомненно-неоспоримое; второе — благоприобретённое, воображительное, конструктивное, средовое, своеобразное, преемственное, консервативное, закрытое, но при этом и проницаемое, и подвергаемое сомнению, и восприимчивое, и переменное, и разрушаемое; третье же сознание — предположенное, обретённое, случайное, делаемое, деятельное, своевольное, уникальное. Тут всё как в матрёшке — одно в другом. Первое сознание, безусловно, основополагающее, второе — средообразующее, а вот третье — обитательное. Можно и иначе: первое — остов, каркас, второе — содержание, начинка, третье — делатель и пользователь, агент. Нетрудно заключить, что человека нет без всех этих трёх сознаниевых компонентов, но, и что особенно важно, решающая роль здесь принадлежит, видно... как раз второму сознанию.

Первое сознание — общая возможность человеческого сознания, его исходное открытие, начальный посыл. Третье — субъектная реализация сознания, пользование им человеком. А вот второе сознание — фабрика сознания, его генератор и

шлифовщик, его кладовая. Первое — сознаниевый ковчег (планета, страна, место); второе — дом (семья, племя, община, народ, село, город, государство, нация, цивилизация, пронизанные, конечно же, культурой); третье — человек (особь, индивид, субъект, лицо). И что интересно: без второго сознания нет ни первого, ни третьего, поскольку общее сознание всего лишь предпосылка сознания, ещё не заполненная пустота, а собственно субъектное сознание само по себе тоже не более чем пустышка. Оба, попросту говоря, — *невозможности!* Первое — бездна, а третье — идиотство. И выручает их как раз второе — срединное — сознание, которое-то и наполняет сознанием как предсознаниевое земно-космическое пространство (предноосферу), так и самих носителей и действующих лиц сознания — человекoв. Да, вне первого и вне третьего второе не реализуется, но, единожды реализовавшись, оно становится *главным* — что для третьего, что для первого. Каким бывает второе, таким бывают и первое, и третье, а не наоборот. Второе — центр сознаниевого притяжения, его магнит, но и основной содержательный источник, его пламенный очаг.

239

Без этого сознаниевого источника, очага, сердца нет ни конкретного человека, ни общечеловека — нет! Только кажется, что есть человек вообще, как и есть человек сам по себе. Ничего подобного! Без родителей (кровных или благоприобретённых), без семьи или хотя бы её подобия, без рода или хотя бы соседства, без своего народа (*на-рода*), без малого и большого своих же — родных — социумов, а потом и без государства, нации, цивилизации, без свойственных родной среде языка и культуры, включая предания, ходячие суждения, религию, житейскую философию, а потом уже и кое-какие высокие познания, короче — без окружающего человека сознания, совершенно житейского, бытового, бытийственного, со-

вершенно и неотрывного, нет человека как особи, индивида, лица и личности, как и нет человека вообще, а есть лишь идиотические пустышки либо бездна пустота — нет практически ничего!

240

Коллективное сознание, а не коллективное бессознание! Никакого коллективного бессознания (бессознательного) самого по себе нет и быть не может, а есть лишь *коллективное сознание*, которое для взаимодействующего с ним человека-особи или же в нём попросту барахтающегося человека-индивида может и казаться каким-то бессознанием (чем-то бессознательным), или же как-то бессознательно воспринимаемым, но лишь казаться, а не быть и в самом деле таковым. Коллективное сознание создаётся сознанием, а не бессознанием — и оно само есть сознание, а не бессознание, да и действует оно как сознание, так же и воспринимается. Иное дело, что человек не отдаёт во всём этом соответствующего отчёта, что ему кажется, что он сам по себе, уже в силу своего появления на свет, обладает сознанием и сам его, лично бытуя, насыщает собственным содержанием, получая лишь полезную информацию от окружающего — как бы «раньше» — социума. Здесь сказывается великое эгозаблуждение самодовольного (но вовсе не самодостаточного!) человека-индивида, который, располагая индсознанием, очень сильно преувеличивает его самостоятельность, ибо оно вовсе не особь, а элемент — коллективного сознания, хотя и элемент весьма эгоистичный, самовольный и вполне бунташный.

241

Бытующее в человеке и человечестве сознание — *мир-сознание*, или *сознание-мир*, и как мир оно протяжённо в пространстве и во времени. И ни одно индсознание не свободно от этого мира, соответственно и от пространства (страны) и от

времени (истории), более того, оно есть элемент мира-сознания, или сознания-мира, зависимый от пространства и подверженный времени. И элемент этот является в среде коллективного сознания в какой-то момент его бытия, а затем либо в этом коллективном сознании бытует, причём и бессознательно тоже, переменяясь сам и вместе с этим коллективным сознанием, либо перемещается в другое коллективное сознание, к нему приспособляясь — удачно, сносно или же совсем ни к чёрту. Но миновать родное или же по ходу жизни обретаемое коллективное сознание никакой человек не может!

242

История — история прежде всего коллективных сознаний, а потом уже индсознаний, хотя зачинщиками (провокаторами, подстрекателями) нередко здесь служат индсознания: либо конструирующие коллективные сознания, либо их превращающие (обращающие), либо ведущие за собой, либо отталкивающие, либо разрушающие и даже тянущие к гибели. Тут важны прежде всего гении, титаны, мудрецы, ну и мастера тоже, в общем — интеллектуально-духовная и функционально-управленческая элита. История творится человеком, прежде всего, элитой, и творится через коллективное сознание, хотя и при участии индсознаний, но и история творит человека, опять же посредством коллективного сознания, хотя и не без споспешествования индсознаний. История вытекает из человека (человечества), эманурует, но и втекает в человека (человечество), «инманирует». В итоге получают историю от человека и история в человеке: *история-человек* и *человек-история*. И там и там в основе коллективное сознание, внутри которого хватает и много напрямую и непрерывно неосознаваемого, следственно — *как бы* и бессознательного!

Образуюсь, растекаясь, изменяясь и перевоплощаясь, коллективное сознание занимает бытийное пространство и течёт в бытийном времени. Оно существует до любого конкретного человека, вокруг него и в нём, а затем и после конкретного человека. Если оно и подверглось когда-то рождению, то оно не подлежит урочной смерти. Это не индсознание, привязанное к физическому организму. Коллективное сознание вроде эгрегора, может, и не вечного, но и не кратковременного. Здесь схожесть с языком, который, хоть и реализуется через индсознания, но бытует и независимо от них: до, рядом, после.

Тут невольно встаёт *вопрос крови*. Если кровь понимать чисто физически, то через кровь, как и посредством генного механизма, передаются или же заново нарождаются физические свойства организма, возникает физический носитель сознания. И физический аспект тут вовсе не нейтральный в аспекте формирования и реализации сознания (физическое уродство здесь бывает весьма красноречивым). Но к физису человека тут всё не сводится: кровь, как и ген, можно понимать и метафизически, отчего наследственность и рождение имеют отношение к сознанию и на метафизическом уровне. На передний план здесь выходит коллективное сознание, как раз то самое — родное, своё, ближнее. И хотя физис и метафизис находятся в человеке в сложном и весьма гибком, если не попросту неопределённом соотношении, феномен крови, как того же генома, обязан, видно, тому и другому. Можно оспаривать такие вещи, как народ, можно глумиться над понятием нации, но отрицать связь физиса и метафизиса в таком феномене, как этнос, вряд ли возможно. И дело тут не только в том, что этнос идёт от рода, а род от прародителей, но и в том, что этническая специфика даёт о себе знать, причём не только физическая, организменная, но и метафизическая (сознаниевая), и в более

крупных, чем конкретный этнос, образованиях — полиэтнических, суперэтнических, причём как нечто держащееся, воспроизводящееся, практически и неистребимое. То, что обычно относится к характеру, поведению, образу жизни, оказывается особенно устойчивым, наследуемым, воспроизводимым, хотя здесь ведь не одна физика, а и психика, и сердце, и сознание, и то, что обычно называется культурой, пусть и бытовой. Да — воспитание, да — образование, да — благоприобретение, но ведь и... врождённость, наследственность, генетика, наконец — рождение. *Natura rerum* — природа вещей! А ведь человек, его организм и его сознание тоже ведь вещи (вещающие вещи), и они из природы, от рода, благодаря рождению. А что при рождении? Перелив крови, сообразование генов, но и... вливание сознания (сначала подсознания, а потом и сознания), да не каких-нибудь, а этнородовых, родных, своих. Есть кровь и гены материальные, а есть, видно, и духовые. Помимо организма есть ведь и душа. И она тоже рождается, тоже завязывается, тоже наследуется, тоже воспроизводится, что не мешает ей, как и организму, реализоваться вполне и уникально, но при этом либо полноценно, либо уродливо, либо никак. Да, есть англичанин, француз, немец, итальянец, грек, турок, русский, китаец, индус... и все это вроде бы собирательно, сверхэтнично, вроде бы и не кровно, не геногенно, но... вдруг... выглядывает типичный англичанин, типичный турок, типичный китаец... ага!.. выходит, что вполне и адекватный своему этническому очагу, физическим генам и культурному архетипу, источниковой крови, а может, и самому изначальному эгрегору. Да, есть русский вообще, культурообусловленный русский, образуемый русским коллективным сознанием, а есть, знаете ли, и русский по крови, по генетике, по рождению. Русский суперэтнос не ликвидирует русский этнос, а русский этнос при всём желании не покрывает весь русский суперэтнос. Вот и соседствуют, переливаясь друг в друга: кровь и культура, гены и обретения, этносы и суперэтносы. В той же современной

Испании нет никаких испанцев, кроме, разумеется, короля, но зато для внешнего мира все эти кастильцы, андалузцы, каталонцы... не кто иные, как испанцы: культура, коллективное сознание, дух перебивают тут местные кровь, природу, генетику, и... испанцы есть испанцы, а не те же, к примеру, итальянцы, хоть и одной они — южноевропейской (латинской) — расы. И выходит, что и кровь срабатывает, и природа, и генетика, и вообще... много чего, не говоря о трансценденции.

245

История — реализация сознания, его течение и истечение. Но вовсе не плавное течение-истечение и совсем не такая уж последовательная реализация. Импульсы, накатывания, волны, вращения, вывороты, подъемы и спады, возвраты, циклы, вихри, покои, застои, упадки, разрывы, провалы, смены, перемены, конвульсии, судороги, процветания, катастрофы. И утраты, утраты, утраты!.. Всё есть в истории, кроме полного и бесконечного покоя, стойкой и верной упорядоченности, плавной и безмятежной переменности. Да, кое-где и кое-когда что-то подобное и случается, но локально, временно, относительно. История, как и само бытие человеческое, изобилует дисгармонией, нестыковками, несообразностями, это вовсе не мирозданческий космос, а то, что можно было бы назвать *хаосмос*, когда хаос и космос вместе и одно не уступает места другому — ни энтропия, ни негэнтропия, ибо все эти противоположности взаимно друг в друге нуждаются. Нет хаосмоса, нет и бытия человеческого, нет реализации сознания, которое как раз и более всего хаосмотично.

246

Тут велика роль *насилия* — что негэнтропийного (порядкового), что энтропийного (стихийного). Сознание и насилие — неизбежные спутники, вполне даже и такие неистребимые родственнички. Вряд ли сознание возникло и сформиро-

ровалось бы без и вне насилия, а уж реализуется оно явно с насилием — во всех аспектах, во все стороны, на всех уровнях, во всех имманентных пунктах, на всём пространстве распространения, во все бытийные времена. И развитие сознания идёт не без насилия — что эндогенного, что экзогенного, что воздействующего на сознание со стороны, что от самого сознания исходящего. Удерживать сознание в сознании, да ещё и изменять его, может только насилие, разумеется, сознаниевое и вполне осознанное, как и вовсе не обязательно жёсткое и жестокое. Насилие может быть и мягким, культурным, даже и сладостным! Насилие тут более вынуждение, чем какое-то там издевательство, хотя как же гуманоиду обойтись без силовых и боевых приёмов? Сознание способно впасть в бессознание, нередко и без видимого повода, оно охотно деградирует, разжижается, дробится, расползается, инфернализуется. Реализация сознания — неустанная борьба за сознание, его поддержание и обогащение, но и... борьба против сознания, за его ослабление, снижение и даже ликвидацию. *Нет сознания без насилия!* Явление сознания на свет божий — насилие, воспитание — то же самое, окультуривание, упорядочение, переделывание — тем более! Это только кажется, что в благополучных житейских ситуациях нет насилия над сознанием, пусть всего более со стороны самого же бытующего сознания — сколько угодно! Насилие бывает не только дома, в семье, на работе, в школе или в армии, но и на театре, на телевидении, в литературе, в прессе — повсюду! В любом коллективе, в любом обществе, в любом социуме, а что говорить о том же государстве, которое по сути и режиму бытия своего есть то или иное насилие. Полиция, суд, тюрьма — всюду насилие. О бандитизме и тех же войнах можно и помолчать. Но ведь и вся культура — насилие, та же этика, а во многом и совершенно безобидная-де эстетика. Даже любовь вовсе не чужда насилию! Где сознание, там и насилие, разумеется, разного знака, разной направленности и разной миссии. Есть насилие ради какой-то

цели, совсем и не плохой, а есть насилие... ради самого насилия, причём вполне и осознанное. Ох, насилие от ума, от сердца, от души, даже и от самой что ни на есть любви!

247

Насилие — повивальная бабка истории! Хорошо сказано, точно! Но всё здесь не так просто, ибо насилие не только повивальная бабка истории, но и её, извините... родитель — что мать, что отец. И дело тут не в исходной зверскости человека, не в аномальных отклонениях его натуры, психики, сознания, а в самом феномене сознания, не могущего вообще бытовать в этом мире без насилия, причём в первую очередь над самим собою. Самонасилие! Это не девиация какая-то, а органика, как и самое что ни на есть здоровье! Ну и патология тоже! Что такое вообще воля, стойкость, устремлённость, если не насилие? И разве сознание способно пробыть хотя бы денёк без насилия над собой, без самодиктата, без себя силового упорядочения? Многие из вполне насильственно происходящего человеку часто не кажется таковым — в силу (в силу!) воспитания, привычки, автоматизма. Вся обыденность — сплошное над человеком насилие, хотя для большинства людей, может, и не очень замечаемое, но для многих весьма и тяжкое, а для кого-то прямо-таки невыносимое. Насильничая над собой, сознание скручивает сознание, стреножит его, связывает, ужимает, сдерживает, толкает, плющит, формует, гнобит. Разве всего этого нет и разве всё это всего лишь исключение? Нет, это, увы, правило, всеобщая практика, как и само сознаниевое бытие.

248

Где насилие, там и *покорность*. Что бы было, если б сознание не обладало свойством покорности? Ничего бы из сознаниевого просто не было бы. Самонасилие, но и самопокорность! Сознание не просто насилует, но и покоряет сознание,

чем и занимаются родители, старшие братья и сёстры, дворовые друзья, учителя, полицейские, контролёры, прокуроры, но и начальники всех мастей, чиновники, командиры... кто там ещё... мужа, жёны, дети, больные, инвалиды... э-эх... даже и священники, писатели, журналисты, шоумены... о-о!.. сослуживцы, сотрудники, коллеги, друзья, родственники, любимые... надо ли продолжать? Сознание, его реализация — иерархичны, центричны, метропольно-колониальны, а где всё это, там и насилие с покорностью. И хотя имеют место и свобода со своеволием, но... но в рамках, задаваемых насилием и покорностью. Тогда-то у человека что-то и получается — и бытие, и история, и деяния, и достижения, и развитие с прогрессом, хотя, конечно же, не без свободы и своеволия, не без добровольной кооперации, не без равноправия и взаимного уважения, как, собственно, и не без сопротивления насилию, не без борьбы, бунтов и буйства, бьющих насилием по насилию и приводящим лишь к иному насилию с иной покорностью, а иной раз и к новому насильственно-покорностному обустройству бытия и сознания.

249

Так вот и складывается бытие, так вот и разворачивается история — в борьбе, в вибрациях и волнениях, импульсивно и вихрево, вращательно и выворотнo, круговоротнo и циклически, изменчиво и переменчиво, кризисно и катастрофно, хотя и не без минут покоя и годов застоя, не без набивающих оскомину повторений, не без затяжных торможений, почти что и без истории. Сознание сочетается с бессознанием, бытие сопряжено с небытием, история сопровождается антиисторией. Но осознаниенная экзистенция всего сильнее, ибо она не от мира сего и в противовес миру сему. Что бы ни происходило в мире сем, бытие человеческое всё равно имеет место, сознание работает (реализуется), история вершится и свершается, поражая человека проблемами, происшествиями, внезапностями,

невозможностями, мнимостями, курьёзами, а главное — непрерывной войной, войной всех против всех, одновременно жуткой и... спасительной! *Мир и война, война и мир!* Война разноплановая и разнообразная, неустранимая и неугасимая, для бытия человеческого и истории попросту тотальная. Война бѣдовая — с оружием, бойней, грабежами и разрушениями, смертями, но и война «ѣдовая» — словами, мыслями, идеями, мнениями, заключениями, взглядами, ухмылками, гримасками, ну и, конечно, — рожам! Можно, конечно, и войну почитать за мир, ничего особенно войновского вокруг не замечая, как, к примеру, не видя тягостной и непрекращающейся войны полов (гендеров-де), но можно и среди мира узреть войну, как, к примеру, ту же войну поколений. Бытие — всеохватная, бесконечная и неустанная война, а история во многом есть история как раз этой бытийной войны. *Бытие — война, история — война!* Разумеется, мира как такового в бытии и в истории хватает, но... более всего местами и моментами, чем полными пространствами и долгими временами. О чём тут говорить, ежели вокруг, к примеру, не миролюбивое хозяйство, а конкурентная экономика, а ведь это самая настоящая «мирная» война, как и не миролюбивое совместное общежитие людей и народов, а та же взаимовыгодная политика с её беспощадной внутренней и внешней борьбой — что тоже по сути война, даже и отправление миролюбивых-де религий — разве не без борьбы и войн?!

250

Жизнь и смерть, прибытие и убытие, возвышение и падение, консолидация и распад — всё это о сознании, его бытии и его эволюции, его единении с иномирьем и его противостоянии с бессознанием. Где же экзистенциальная опора для сознания вообще? Ясно где — в коллективном сознании, трактуемом почему-то более всего как коллективное бессознательное. Коллективность здесь — не одно воспроизводящееся

эфирное (эгрегорное) сознание, но и переменчивая совокупность сознаний, относящихся к индивидам, объединённым так или иначе в коллективы. Самым надёжным образованием является тут этнос — как в пространстве (структура, система, комплекс), так и во времени (смена поколений, удержание традиций, возможность перемен). Но реальны и иные коллективные сознания, в том числе и массовые, пространные, гигантские. И история есть прежде всего история этих коллективных сознаний, их возникновений, формирований, развития, экспансии, самозащиты, консервации, их взаимной борьбы, а также взлётов и падений, побед и поражений, кризисов и катастроф, агрессий и исчезновений. Да, на исторической поверхности это выглядит как этно-популяционная динамика — в пространстве и во времени, как народно-международная эволюция, сопровождаемая рождением коллективных сознаний, их становлением и волнительным бытием, а также превращениями, разделениями, разбеганиями и слияниями, между собой столкновениями, выживаниями и перемещениями, вырождениями и диссипациями, а иной раз и возрождениями. Это, безусловно, история стран, государств, империй в единении с культурой (в широком понимании) и цивилизацией (тоже не в узком понимании), всем образом бытия, как и всем его историческим ходом.

251

Есть индивидуальные и даже коллективные сознания, оказывающиеся в роли лидеров, конструкторов бытия и делателей истории, как и инноваторов, передовиков, авангардистов, а есть всего лишь ведомые, следственные, подражательные, как правило, зависимые от первых, хотя возможны и анахореты, отшельники, маргиналы. Тут следует различать массовое, обычно инертное, консервативное и оберегательное сознание народов, этих сообразованных внутри себя насельников земли, составляющих крепкое почвенное основание; эли-

тарное сознание управленцев, знатоков, духовников, мастеров, учёных, предпринимателей, командиров, более склонное к переменам и нововведениям, чем массовое народное сознание; исключительное сознание отцов-основателей, отцов-первопроходцев, а также лидеров, вождей, правителей, властителей, выполняющее функцию «всевидающего ока» и наделённое крайней ответственностью за бытие всего подопечного и подотчётного ему мира. Все сознания между собой взаимодействуют — сознательно, осознанно, бессознательно, неосознанно образуя жизнеспособную иерархическую целостность, обладающую как воспроизводственным упорством, так и допускающей — вольно или невольно — эндогенные или экзогенные перемены. В реализации любого целостного социума велика роль духовно-интеллектуальной элиты, чьё незаурядное сознание либо благоприятствует социуму, его развитию, либо ему зловредствует, ведя к деградации и самоликвидации.

252

Изо всех коллективных сознаний особого внимания заслуживают идейно-духовные, культурные, этические сознания, в основании которых не общины, этносы и государства, а *идеологии* — в виде преданий, наставлений, учений, философий, религий. Возникают такие идеологии как стихийно, благодаря работе лично не представленного коллективного сознания (вроде народной мудрости), так и инициативно, когда идеология зачинается одной или группой персон, а потом уже дорабатывается коллективным сознанием. Но как в безымянном, так и в «оперсоненном» вариантах идеология оказывается продуктом особо чувствительных к духовности, идеальности и идейности, соответственно и к метафизике, эзотерике (скрытому) и экзотерике (иномирному) человек — проницателей, провидцев, просвещённых и посвящённых, одним словом — *мудрецов* (гениев, титанов). Это, конечно, если речь идёт о позитивных — созидательно-укрепительных — идеологиях, ну а

ежели об обратных, то тут тоже могут быть гении, даже и титаны, но никак уже не мудрецы — демонизм с мудростью никак не сочетаются.

253

Идеология — идейно-духовная организация сознания, его концептуальное осознание и словесно-смысловое (категориально-понятийное) осознание. Идеология есть некое сознание сознания, его собственная для себя конструкция, принятая или утвердившаяся парадигма. Каждый человек идеологичен и может исповедовать свою идеологию, что, собственно, и делает. Но есть идеологии, присущие коллективным сознаниям — общие, общественные, коллективные, каждая из которых рано или поздно закрепляется в людском сознании как объективная реальность, подлежащая признанию и уважению и не подлежащая вольным переменам и интерпретациям. Закрепившаяся идеология получает непременно свою долю сакрализации, а иной раз и во всей полноте. Успешная идеология с неизбежностью догматизируется и непременно объявляется истинной. Если для поддержания авторитета и дееспособности идеологии не хватает объективных фактов и бесспорных доказательств, то включаются вера и вероисповедательный принцип обоснования и утверждения идеологии. Идеология дополняется её поддерживающими и претворяющими в действительность сказаниями, текстами, мифами, ритуалами и разного рода функциональными институциями — вплоть до материальных, вещественных, предметных. Каждая закрепляющаяся идеология строит себе *дом*, он же и *храм* — как идейно-сознаниевый, так и институциональный (учрежденческий), нередко вполне и «домовитый» (капища, моленные дома, церкви, монастыри, клубы, дома культуры, библиотеки, дома призрения). Идеология в головах, конечно, но и не только, ибо без её обитания вне голов (в печатных текстах, художественных изображениях, сакрализованных предметах, символике,

одеждах, жестах, музыке, ритуалах, пении, танцах, в коллективных организациях и в укромных местах — пещерах, лужайках, вершинах, островах, жилищах, домах) она не очень закрепляется и бывает не слишком действенной. Сознание требует непрерывного практического за собой ухода, а идеология, этому служащая, нуждается в разнообразном обиходе. Речи, проповеди, чтение текстов, особая жестикуляция, регулярные собрания, душевные общения, закодированные спектакли, душещипательная обстановка, чудодейственная атмосфера, в общем — весь арсенал воздействия на сознание, на психику, на сердце, даже и на ум. Суггестия! И всё это в условиях борьбы идеологий, их между собой соперничества, ибо идеология на то и идеология, чтобы быть особенной и отличной от других себе подобно-неподобных вещей, а также претендовать на влияние, распространение, воспроизведение и... окончательную победу, пусть иной раз и призрачную.

254

Каждое индсознание — та или иная идеология, обычно увязанная с какой-либо коллективной идеологией, в гуще которой бытует конкретное индсознание. В человеческом мире всюду и всюду реализуются личные идеологии — *инд*-идеологии. Случается, что чья-либо личная идеология получает распространение в социуме, ежели бывает им добровольно принятой либо ему успешно навязанной. Тогда личная идеология перетекает, в той или иной мере с неизбежностью трансформируясь, в коллективную идеологию, которая, оставшись, укрепившись и отстоявшись, определяет в той или иной степени попавшие в её цепкое лоно индидеологии. Получается и так, что коллективные идеологии вполне господствуют над личными, а потом и последние оказываются более реализаторами коллективной идеологии, чем собственных идеологий. Но бывает и так, что влияние коллективной идеологии ослабевает настолько, что индидеологии бытуют более сами по себе,

но... до появления новой доминирующей коллективной идеологии. Вне какой-либо общей идеологии человеческое существо не может реализоваться, хотя это не исключает наличия личных авторитарных идеологий, но, как правило, не полностью изолированных от общего идеологически оснащённого общественного сознания.

255

В любой сколько-нибудь эффективной идеологии, не говоря о явно надуманных, фантазийных, нелепых, всегда присутствует мощная мифотворческая составляющая. *Миф* — во все не противник, а вполне адекватный союзник идеологии. И дело здесь не только и не столько в свободе идеального — вполне уже метафизического — мира, которой, естественно, пользуется любой идеологотворец, сколько в неизбежном обращении возможного идеологотворчества ко всякого рода невозможности, питаемой неизвестностью, трансцендентностью, потусторонностью, иномирьем. Идеология хороша бывает не столько житейщиной, сколько... небывальщиной, ибо только в этом случае она бывает особенно привлекательной: человек жаждет более *иного*, чем вокруг бытующего, и это *иное* вполне доступно, а главное — оправданно, закладывается в идеологические конструкции, тем более, что идеологии просто обязаны откликаться на эзотеризм и экзотеризм непостигаемого обычным практическим образом бытия-небытия. Идеологотворец, хочет он того или нет, обязан отреагировать на факт непостижимости бытия, его причастности к инобытию и тесного переплетения с небытием, на факт временности и неустойчивости бытия, его относительно человека измен, если не предательств, на факт хрупкости жизни и её непременного сочетания со смертью, на факт страдательности и жертвенности человеческого бытия, а также на факт непременной эксплуатации человека человеком, как и взаимного среди людей уничтожения. Такого рода «милых» фактов-феноменов можно

привести сколько угодно. Короче, адекватная бытию идеология обязана так или иначе разбираться с тайной бытия, с непонятностью бытия, с враждебностью бытия, с его прямо-таки бессмысленностью. Либо идеология как-то, пусть и косвенно, даже и что-то умалчивая, отвечает на проклятые вопросы бытия, либо она не достойна быть идеологией. Отсюда и потребность в мифотворчестве, но, разумеется... вполне приемлемом для того или иного сознания и для самой экзистенциальной реальности, в которую как раз и внедряется та или иная идеология. Не само по себе мифотворчество противно идеологотворчеству, а создаваемые мифы могут оказаться по своему содержанию и знаку противными идеологии и воспринимающему её сознанию.

256

Не только пересказываемая и переписываемая история оказывается тщательно и с выдумкой мифологизированной, но и само сознание человеческое вольно или невольно мифологизировано, мало того — таковым оказывается и само бытие человеческое, ибо оно полно тайны, не спешащей перед человеком доверительно раскрываться.

257

Коллективное сознание, ведомое деловитыми и даже бойкими индсознаниями-лидерами, включающее в себя и стихийную, как бы уже инстинктивную, составляющую, обычно называемую почему-то бессознательной, творит текущее бытие и свершающуюся историю. Именно это сознание создает социумы и социальных субъектов, продуцирует культуры и цивилизации, вершит бытийно-исторические процессы — хозяйственные, переселенческие, завоевательные, охранительные, консервационные, переходные, обновленческие, животворящие, смертоносные. И заглавная роль здесь принадлежит, конечно, идеологиям, хотя своё значение имеют и по-

требности, и обстоятельства, и необходимости, а внутри идеологий ведущее, особенно на первых порах, значение имеют сотворяемые сознанием *мифы*, испечь которые куда как легче и скорее, чем раскрыть и обосновать полную неразрешимых тайн реальность. Мифы — ложь во спасение, но такая ложь, которая по функции своей всё-таки... правда, во всяком случае — более правда, чем ложь, не так, конечно, истину какую-то представляющая, как вводимая вместо... вполне возможной-де истины.

258

Обладающий сознанием человек живет в *совокупности парных миров* — реального и ирреального, физического и метафизического, природного и неприродного, этого и того, личного и иного. И хотя первый ряд парных миров относится, скажем так, к первичному бытию, а второй ряд — ко вторичному, реализация человеческого бытия — именно человеческого, а не того же животного — более происходит во вторичном мировом ряде, чем в первичном. Жизнь человека не просто частью воображаемая, а как раз по преимуществу воображаемая, разумеется, по выходе человека из животного — проточеловеческого — состояния. Не умаляя непреходящего значения физического начала в бытии человека, следует всё-таки признать, что метафизическое начало в человеке как человеке, а не в человеке как животном, явно доминирует. А где метафизика и воображение, там и мифы и мифотворчество, сдабривающие действенные идеологии и обогащающие практикующее сознание.

259

Бытие человека (человечества) — *борьба*, но не только борьба человека с физикой мира и с физикой самого человека, как и не только физического человека с физическим человеком — за то же существование, а борьба сознания с сознанием,

идеологии с идеологией, мифа с мифом. Первостроителя ведёт вперёд уверенность (то бишь вера!) в правильности придуманной им идейно-концептуальной конструкции, следственно — миф; вождя-основателя социума — всё та же вера в правильность намеченного им проекта и предпринимаемых для проведения его в жизнь действий, — опять же миф; агрессивного воителя, как и волевого от него оборонителя, вдохновляет вера в собственные силы и в возможность победы, — всё тот же миф! То же самое можно сказать о любом первопроходце, первоисследователе, первоноваторе, первомыслителе. Сначала миф, а потом, глядишь, и реальность! А реформы, перевороты, революции разве не зачинаются идейными мифами? А всякого рода переделки бытия, его осознанные преобразования, в особенности эпохальные, не бывают ли они обязаны утопическим проектам, т. е. всё тем же мифам? Нет, миф вовсе не отражает только бытие и не сопровождает лишь историю, миф вполне творит бытие и весьма вершит историю, — и экзистенциальное значение мифа, его созидательно-разрушительную, то бишь вполне хозяйственную, функцию никак нельзя переоценить. Бытие мифоустроено, а история мифосотворяема — таков вердикт человеческой экзистенции, имеющей дело с неизвестным, непостижимым, непонимаемым, но... осознаваемым и осознаниваемым — *мифотворчески!*

260

Созидание конструктивных идеологий и сопутствующих им мифов, как и выдвижение позитивных намерений и жизнеутверждающих проектов вместе с соответствующими им мифами — деяния, безусловно, софийные, восходящие так или иначе к Софии Премудрости Божией. Иного и быть тут не может, хотя степень приближения к Софии изначальной, конечно же, бывает очень разной, мало того, возможны и искажения, и ошибки, и отклонения, даже и нелепости, ибо делает это всё, как и воспринимает, всё-таки человек, пусть иной раз и Богом

призванный и Софией признанный, а человеку ведь ничто человеческое не чуждо: слабости, ограниченность, неуверенность, страхи. Здесь работают ум, сердце, знания, интуиция, психика, мораль, в общем — всё сознание, но... способное к откровениям, погружениям во внутрь бытия и выходам за его пределы, т. е. взаимодействующее с тайной, с трансцендентией, с иным. Обыденное сознание здесь не подойдёт и не пройдёт, тут потребны высокие исключения, а потому гении, титаны, мудрецы, а главное — *посвящённые!*

261

История человечества, его сознания — история поиска, выработки и применения тех или иных идеологий, среди которых главное и первенствующее значение имели так или иначе *софиологические*, а то и *софиасофские* идеологии, хотя они так никогда и не назывались, но... мудростью-то были непременно пронизаны, причём не столько житейской, сколько... иномирной, хотя бы просто желательной, воображительной, мифической, во всяком случае — внежитейской, сверхбытийственной, метамирной. Разумеется, история есть и история идеологий, их возникновения и применения, их побед, кризисов и исчезновений, как она есть и история борьбы идеологий, причём борьбы вовсе не любезной и мирной, а более всего не на жизнь, а на смерть — с отвержениями, проклятиями, гонениями, с умерщвлением как последовательных адептов, так и простых почитателей, с насильственной деидеологизацией, эвапоризацией проигравшей идеологии, переидеологизацией всего социума. А ведь это не что иное, как борьба за сознание, за его переделку, а соответственно — борьба за бытие в целом, за жизненное пространство, за трактовку и ход истории, за будущее, за телеологию и эсхатологию, за сам феномен *этого мира* и за образ *мира иного*.

Идеологическая борьба, она же и война, посерьёзнее любой «войновской» войны, ибо это борьба за концепт и тип человека, за образ его поведения, за взаимоотношения человека с человеком, за отношение человека к природе и положение человека в мироздании, а также за деяния человека, его хозяйство, его мирозданческую и мирсотворенческую, демиургическую роль.

Идеологическая борьба неизбежна хотя бы потому, что человек способен на неоднозначность, на разность понимания, на разные варианты своего жизнеотправления; что любой человек, обособленный коллектив или конкретный социум, хотя и того или нет, неприменные конкуренты друг другу; что человеку, как и конкретному социуму, бывает невыносимо и тесно как в ареале обитания, так и в образе своего бытования; что человеку свойственно стремление к иному, не такому, как уже есть, а к чему-то новому, конечно же, лучшему, хотя и не факт, что возможному; что человек со своим сознанием есть великий виртуальный выдумщик, мифотворец и утопист, способный порождать несуществующие образы, картины, ситуации, что заставляет человека, или же попросту даёт ему возможность, не только созидать новые идеологии, но и ожесточённо за них бороться. Даже самое простенькое личное мненье, как и самый пустяковый житейский предмет, настолько бывают дороги человеку, что он оказывается способен кинуться на другого не с одними лишь грубыми оскорблениями, а и с молотящими противника-де кулаками, даже со смертоносным оружием в руках, готовый в порыве негодования не то что унижить, но и уничтожить своего... э-э... обидчика, да-да, не более и не менее — именно обидчика, стереть с лица земли этого другого — друга-де, вдруг ставшего для кого-то отъявленным врагом. А что говорить о взглядах, воззре-

ниях, концептах, теориях, идеологиях?! И разве цивилизованная-де борьба с инакомыслием посредством тех же диалогов, дискуссий, споров не приводит к непрерывным стрессам, психическим увечьям, подрыву здоровья, тяжёлым заболеваниям, смертельным исходам? Убивают не только предметным оружием, но и невидимым словом, не только физически, но и метафизически. Идеологическая борьба — вовсе не спортивное соревнование, хотя и в спортивном состязании хватает подстав, каверз, несправедливостей и гонений; идеологическая борьба — борьба без правил, а цель её — как недопущение к пьедесталу идеологии-конкурента, так и смещение царственной идеологии с её пьедестала, если не полное отбрасывание в небытие.

264

Идеологии бывают не просто разные, но и принципиально разные, мало того, с противоположными векторными знаками: ввысь и вниз, к свету и в темень, к жизни и к смерти, к Софии и от неё, к Богу и в сторону от него, к иномирию и к посясторонности, к человеку и против него. «Совершенно совершенных» идеологий, надо полагать, нет, хотя «серьёзные» идеологии обычно претендуют на сакральную чистоту, правоту и убедительность. Любая идеология всегда в той или иной мере не то что несовершенна, что понятно, но и, знаете ли... весьма бывает... порочна, что уже не так бывает понятно, как фактически попросту явлено. Всякая вышедшая на действительную арену идеология имеет наряду с аксиоматическим основанием и концептуальной начинкой какую-то главную цель и ведущую функцию, — и ежели преследуемая цель и заложенная функция адекватны бытующему человеку и текущей исторической ситуации, или же успешно им навязаны, то идеология работает, принося свои плоды, вовсе не обязательно и добрые, а если не соответствуют, то зарождается новая идеология — более адекватная текущему моменту и изменившемуся

человеку, стремящаяся вытеснить устаревшую, обычно без боя при всём при этом не сдающуюся.

265

Обращает на себя внимание факт *не-софийности* многих идеологий, их *контр-софийности*, а то и *анти-софийности*. Такие идеологии вдохновляются как бы обратной, перевёрнутой, вывернутой, искажённой, затемнённой мудростью, которую и мудростью-то бывает трудно назвать, скорее — *анти-мудростью*, хотя и в умственности ей не откажешь, и в обоснованности, и даже в известной правдивости. *Высокая мудрость* и *низкая антимудрость*! То и другое есть, то и другое работает, — и вовсе не факт, что первое всюду первенствует и всюду преобладает, ибо человек, склонный к тому и другому, вовсе не редко более нуждается в низшем, чем в высшем, а высшее, надобно особо заметить, не только бывает не лишённым низшего, но и частенько ему вольно или невольно отдаётся. Да, есть вроде бы хорошее и плохое, доброе и злое, высшее и низшее, но... критерии тут зыбки, доводы относительны, а вот всякие житейские потребности... могущественны. Ввысь вообще трудно идти, это более всего исключение, а вниз-то как раз легко, а потому и сход случается вполне массовым. Человек — это не просто разнообразие, это прежде всего низкое (от зверя) разнообразие, а потому частота и плотность тут за низшим, а не за высшим, — наверху лишь совершенство, гармония, красота, то бишь совсем или почти нереальное, невозможное, несбыточное, а потому не очень-то и... жизненное!

266

Любая вроде бы совершенная идеология, несмотря на всю свою красоту, гармонию, положительность, любовь к любви, человеколюбие, боголюбие и, возможно, даже самолюбие — не очень-то бывает жизнеспособна, ибо вполне

губительно для себя противоречит реальной жизни, текущему бытию, всему этому замечательному миру, его живучей проблематике, исходящему от него и коварно гнездящемуся в человеческом сознании неразрешимому вопроснику, не говоря уже о хворях, кровопусканиях, жертвах, убийствах, смертях. Такая идеология, по большей части, увы... фальшива, если попросту не лжива, несмотря на все добрые намерения и прекрасные мотивы, заложенные в её основание. Она не менее антисофийна, чем какая-нибудь откровенно человеконенавистническая идеология, которая тоже имеет место в разных вариантах посреди мечущегося по бытию-небытию человека, но антисофийна она уже не столько за антилюдскую «чернуху», сколько за неадекватность реальному человеку и его реально страдательному бытию. Так что не совершенства чаят добрые люди от той или иной идеологии, а... *реалистичности*, хотя бы и горькой, и горестной, пусть даже и почти отвратительной, но всё-таки... *позитивно-переживательной!*

267

Комплексные, или же системные, может быть, матричные, идеологии раскрывают — в общих, конечно, чертах — всю (или почти всю) картину человеческого бытия, воздействуя на весь (или почти весь) объём сознания. Это более или менее под силу а) развитым житейским, или же народным, идеологиям, пусть и поддерживаемым контингентом знахарей, друидов, волхвов, колдунов, шаманов, тем самым идеологиям, которые почему-то принято считать примитивными и называть полупрезрительно языческими, хотя ни теми, ни другими они не являются, а являются не более и не менее как органическими, т. е. выросшими (или же возвращенными) в гуще обыденной, но полной ума, сердца и мудрости жизни, замешанной на выживании, осмотрительности и остойчивости, на круговой — полноценной и разветвлённой — вере во вполне органичные земному бытию сверхъестественное начало и потусто-

ронный мир; б) выработанным творческой и этически сознательной духовно-интеллектуальной элитой «цивилизованных» обществ тайным и явным мировоззренческим и этическим учениям (жреческим, философским, «мудрецовским»), подтверждаемым опытом и подкрепляемым верой в трансцендентное и иномирное; в) религиям, признанным мировыми, признающим высшее, божественное, потустороннее, иномирное, абсолютное; г) научно-гуманитарным — антропологическим и обществоведческим — учениям, не признающим иного мира, кроме земно-человеческого и космического, но весьма увлекающим образованного по нововременским канонам и, так сказать, по-современному просвещённого человека; д) научно-философским мировоззренческим учениям, не признающим метафизики и претендующим заменить собою любые сакрально-религиозные идеологии; е) не признанным в качестве мировых религий целостным метафизическим учениям вроде оккультизма, теософии или антропософии; ж) обращённым к древности, к истокам человеческого бытия, к традиции и первородной мудрости, признающим тайну мира и бытия, рождающим в новейшее время воззренческим и деятельским метафизическим учениям в духе того же национал-фашизма; з) опирающейся на человека деятельного, творящего, строящего, а также просвещённой светом эзотерического и экзотерического знаний, но конспиративной по манере разработки и реализации идеологии, характерной, к примеру, для масонства.

268

Наличие всех вышеперечисленных, а также множества иных, не столь уже масштабных идеологий говорит об идейно-идеологическом богатстве человечества, его глобального сознания, всесветской ноосферы, но не позволяет сделать *конечного вывода* об истинности и действительной нужности той или иной идеологии, хотя все вместе эти идеологии отражают

какую-то скрытую во всей их совокупности... *истину*, о которой можно сказать лишь, что она, кажется, как раз и есть та самая *Великая Неизвестность*, вызывающая у человека великое сомнение и порождающая у него великое ожидание, побуждающее человека думающего и пишущего к обжигающему контакту с... *Великим Ничто*, столь надёжно прячущимся в текущей человеческой экзистенции. Выходит, что лишь сама имманентно-трансцендентная человеческая экзистенция и есть истина! Что как раз красноречиво и свидетельствует, что никакой истины как *истинной истины* для человека нет... и быть не может!

269

А что же тогда человеку остаётся? А остаются ему прерывисто-непрерывная жизнь и её непрестанно-пунктирное проектирование, то бишь осознанное, всё более осознание и всё лучше осознаваемое хозяйство. С какой целью? Вовсе не с никакой, а непременно с *какой-то*, что означает, что цель-то есть, хотя она человеку и неизвестна — и эта-то неизвестность цели, которую можно, конечно, разгадывать, фантазируя и мифологизируя, и является главным достоянием феномена человека, его мира и его сознания, это как раз и есть его — человека — *главная тайна!*

270

А пока у человека лишь борьба — с природой и натурализмом, с «людьми» и их сознаниями, с проектами и достижениями, со своей судьбою, с самим собою — и это ведь тоже тайна, если не *Великая Конспирация!* Да, трудно, страдательно, нелепо, бессмысленно, а как же иначе? И если когда-то бессмыслие первочеловека было залогом наплывавшего на человека смысла, то теперь смысле стало надёжным предвестником уже собственного — отчеловеческого — бессмыслия, — и смысл бытия человеческого надо обнаруживать ныне

уже не через преодоление изначального бессмыслия, а в изощрённой борьбе с легко порождаемым самим же человеком бессмыслием. Выходит, что есть борьба предположенная, а есть борьба положенная — самим же человеком, так что пенять тут уже приходится человеку более всего на самого себя, хоть это современному образованцу не очень-то и нравится.

211

Хозяйство — *непрерывное проектирование!* И человек, бытуя и хозяйствуя, воздвигает *проекты* — от мириад личных и коллективных проектов до некоторого числа *мега*-проектов (мировых, космических), очень даже сочетающихся с доминирующими идеологиями, лидирующими коллективными сознаниями, выбегающими вперёд демиургическими инициативами. Проекты разные, по всему контуру бытия. Те же идеологии тоже ведь проекты, и государства, и цивилизации, не говоря уже о городах, промыслах, инфраструктурах. И каждая война начинается как проект, переходя частенько в не столь уж проектируемое, вполне уже и стохастическое происшествие. Что только не проектируется в бытии человеческом, даже сознание проектируется, как и сам человек. Проектируется всё, но наибольшее внимание привлекают всё-таки исторического значения *мегапроекты*, в рамки и под влияние которых попадают масса меньших и тьма всё более мелких проектов. Рождение и исполнение мегапроекта — дела, конечно, коллективного, вполне и элитарного, сознания, хотя оно бывает выразительно представлено лишь некоторым числом индосознаний, а иной раз и вообще одним, но очень значимым и важным сознанием, дающим даже имя своё грешное совершаемому на Земле мегапроекту. Не все мегапроектные попытки увенчиваются успехом, но те из них, что удаются фактической реализации, входят в бытие и историю в качестве не просто их великих достижений, но и фундаментальных, можно сказать — и несущих, конструкций.

Бытие человеческое и сеюмирная история замечают и признают более всего именно мегапроекты, как и соответствующие им *мегасвершения*: великие идеологии и учения, мировые религии, крупномасштабные завоевания и мощные государства-империи, высокие культуры и совершенные цивилизации, обширные абстрактные познания и массы прикладных нововведений, тонкие искусства и превосходные технические достижения, а главное — сложный, организованный, добротн сколоченный целостный социум, этот большой человеческий универсум, безмерное людское мироздание. Бытие как история мегапроектов и мегасвершений, закрывающих собою все меньшие и ещё более мелкие проекты и деяния, а история в свою очередь как бытие прежде всего этих выдающихся мегапроектов и мегасвершений. Понятно, законно, привлекательно! И неважно, что всё крупное и великое начиналось с чего-то малого, весьма и неопределённого, частенько и утопического, но соблазнительный миф срабатывал и проективная виртуальность превращалась в текущую реальность. Проект, конечно, ширился, укреплялся, развивался, усложнялся, становясь воистину мегасвершающимся мегапроектом, нередко и забывающим о своих скромных истоках, стирающим из памяти лица, деяния, события, первые достижения, победы и восторги, тем более, что мегапроект и его мегаисполнение всегда есть дела великого множества активных субъектов и ряда опорных поколений, результаты не одного лишь благопристойного сотрудничества тысяч и миллионов, но и ожесточённой борьбы персон, кланов, партий, классов, любых иных социальных образований и людских скоплений, не говоря о концепциях, формулах и формулировках, разного рода практических начинаниях и идейно-духовных выплесках. Мегапроект всегда *мир-проект*, как и *проект-мир*, и в таком феномене-событии всего хватает — из свойственного человеку и его ясно-загадочному бытию.

Мегапроект, как и всё в этом мире, имеет при своём исполнении ту или иную пространственную протяжённость и ту или иную временную длительность, он испытывает расширения, сжатия, подъёмы и спады, функциональные кризисы и качественные превращения, проходит периоды становления, расцвета и упадка, доживает, как и всё живое, до своей естественной или принудительной кончины. Мегапроект — мега-судьба, которая отличается от обычной судьбы лишь своими огромными масштабами и богатейшей насыщенностью. А так всё одно: от рождения до смерти, достигая своего акме и его непременно минуя, а потом с неизбежностью спадая и сладостно-скверно агонизируя!

Как любой оригинальный живой организм, мегапроект с неизбежностью умирает, но как своеобразный виртуальный феномен, он насовсем, как правило, не исчезает, а остаётся где-то в ноосферной кладовой и воспроизводится вдруг, хотя бы контурно, в новых реалиях, иной раз и с историческим перескоком через что-нибудь уже явленное и вроде бы покойно и дляще бытующее.

Бытие меняется, но меняется, сохраняясь, а сохранение требует и кое-какого кое-чего воспроизведения. Перемены нужны, и они всегда имеют место, причём вполне и поступательного характера, — и вершатся они в рамках вполне и инертного бытия, имеющего свой резон быть... как бы и помимо перемен. Бытие ведь прежде всего в самом по себе бытии, а не в его переменах, хотя без перемен бытия тоже нет, но перемен всё-таки бытийственных. Идя на перемены, бытие в них вовсе не тонет, а лишь на себя их как бы натаскивает. Перемены никак не исключают основополагающего *бес-*

переменного бытия, а самодостаточное бытие, допуская перемены, их себе подчиняет и в себе поглощает, меняя при этом и себя. Бытие, самосохраняясь, не может не быть консервативным, не очень-то на перемены податливым и непременно к себе возвратным, хотя при этом бытие не может не быть и в меру изменчивым — ради себя же продолжения!

276

Много чего свершилось в сложной, запутанной и весьма тёмной истории человечества: одни формы бытия и формулы сознания сменялись другими, а бытие, как и сознание тоже, в некоторых своих константах оставались, да и остаются всё теми же — если не совсем зверскими, то весьма бесовскими, если не очень кровожадными, то достаточно насильническими, если не такими уж смертоносными, то ощутимо карательными, если не безмерно тяжкими, то едва переносимыми, в общем — изрядно всегда страдательными. Без страды, конечно, нет ни бытия, ни жизни, ни сознания, ни истории, но какой же всё-таки страды? Одно дело труд, испытание, подвижничество, совсем другое — насилие, подчинение, неволя. Счастье на несчастьях вроде бы не построить, а ведь строят, строят... и, ох, как строят! Башня Вавилонская вовсе не только монстроподобное каменное сооружение, а вполне достоверная идейно-социальная данность, пусть и именуемая метафорически по-каменному, но зато непрерывно и упорно реализуемая человечеством, причём не без успеха, посредством созидания иерархических — господско-рабских — структур. Необходимость управленческих иерархий как-то неизбежно сочетается со вполне дьявольскими константами — паразитизмом и эксплуатизмом, когда одним положено вроде бы всё, другим — весьма многое, а третьим — самая малость. И тут же выплывают сопровождающие вавилонскую пирамидальную иерархию инварианты: насилие и покорность, владение и несправедливость, услада и неблагополучие, удача и тщета, успех и

ненависть. И рушится очередная Вавилонская башня и воспроизводится она непременно в другой — уже новой, и ожидает эта очередная Вавилония своего неминуемого конца, но... чтобы уступить место другой — еще более новой. Круговорот *мега*-башен в бытии-истории!

277

Случаются и иные проектные варианты, уже не *мега*-масштабные, а *микро*- и *мезо*-размерные, приносящие и немалые позитивные результаты, пусть и тоже противоречивые, но достаточно всё-таки жизненные, нередко даже вполне добровольческие и чуть ли не справедливые. Но не эти замечательные феномены доминируют в бытии-истории, ибо бытие с историей устремлены к чему-то воистину великому, подтверждаемому и питаемому чем-то иным, не очень-то и земным, скорее —запредельным и сверхреальным. Вавилонские гигантизм с глобализмом сильнее и перспективнее партикулярного межлюдского добротолубия! Никуда человечеству, видно, не уйти от неукротимого тяготения к Великой Неизвестности и неизбежного альянса с неумолимой Великой Тщетой?

278

Выходит, что страдания, жертвы, несчастья никак в целостной исторической перспективе не напрасны, ибо это не более чем необходимая цена за безостановочное движение к *чему-то* — к тому же иномирию, а может, в случае уже глобального провала, попросту и в... никуда, в бездну, из которой всё вдруг и пошло, всё бытие и вся история? Не закрепить во мгновение бытие, не остановить насовсем историю, не закристаллизовать в полноте жизнь, не заформализовать в целостности человека! И задумываются, и навязываются, и реализуются тем не менее *мегапроекты*, и торжествуют, и устаревают, и падают, как вавилонские башни, но лишь для того, чтобы... воскреснуть... в новых проектах, столь же и вавилон-

ских... и так вот до какого-то *конца*, который никому из смертных не известен, но который самых вездесущих и беспокойных смертных почему-то очень и очень привлекает!

279

Не очень-то нравится скорбному сознанию этот суесветный мир, но другого мира у человека нет, как нет в этом мире и другого осознаниенного существа, кроме блудливого человека, так что смиришь, гордый человек, смиришь, но ровно настолько, чтобы не утратить способности думать, решать, действовать, одним словом — жить! И не просто жить ради жизни, как любят утверждать разные доморощенные утешители, а жить ради... иножизни, а может, и ради какой-то нежизни, как и чего-то вообще совсем другого, но всё-таки жить, творя свою и будущую, вполне и неизвестную, экзистенцию. Смиришь, не смиряясь, живи, не живя, умирай, не умирая, а вот понимание себя и своей неясной судьбы непременно обеспечить!

280

Да, бытие человеческое и сам человек в своём сознании меняются, и всё это благодаря прорывным проектам, по преимуществу *мегапроектам* — мировым, глобальным, имперским. Мир человеческий эволюционирует, подгоняемый людскими деяниями и направляемый своевольным ходом вещей, поражаемый и неизвестностью, выскакивающей из небытия, из ничто, из иномирья. Поди-ка, разберись тут! Великие учения образуют человеческий мир, стараясь его гармонизировать и облагородить, пуская в ход непререкаемые сентенции и недостигаемые искусства, опираясь на авторитет высших сил, сонмы могучих богов и россыпь отважных героев, на авторитет исходящей свыше Софии, самого Господа Бога. А человек всё более полагается на себя — не на природу с её духами и стихиями, не на иномирье с его сакральными намёками и установками, а именно на *себя* — любимого и нелюбимого,

желанного и ненавистного! Время зависимости человека творящего от Природы и Сакрала прошло, — и посредством в высшей степени амбициозного и особенно демиургически дерзкого европейского — христианско-антихристианского — мегапроекта человек вышел на стезю не просто житейского самообеспечения, а самого что ни на есть действительного *пересотворения мира* с достижением *мира искусственного*, уже сотворённого, пусть и не без участия природы и влияния сакрала, самим человеком. Человек стал не просто что-то творящим, как и вытворяющим, а самым что ни на есть убедительным *творцом* — вроде самого Бога Творца! Предполагал ли Господь Бог такую метаморфозу в человеке или нет, но это случилось, — и бытие с историей пошли по избранному человеком, и только человеком, пути. И все реализовавшиеся и реализующиеся в мире мегапроекты лишь послужат вехами на этом пути, составляя в совокупности своеобразные исторические чётки, перебор которых на спиралевидно развёрнутой нити и отображает ход мировой эволюции, обозванной человеком-творцом, в силу его и её устремлённости к неизвестному, *прогрессом*.

281

Но дело тут всё-таки не в одних отчётливо явленных мегапроектах — идеологических, социальных, институциональных, культурных, цивилизационных, имперских, но и в том, что можно было бы назвать проективно-стихийными тенденциями-процессами, захватывающими весь человеческий мир, происходящими как благодаря явленным мегапроектам, так и помимо них, то бишь в самой по себе бытийной среде и по самому ходу самой по себе истории.

282

К подобным трансмондиальным тенденциям-процессам можно в первую очередь отнести следующие: от незнания к

знанию; от физиса к метафизису и обратно; от сего мира к миру иному; от природы к неприроде; от человека к иному человеку, а может, и иносуществу. Однако есть и другие, не столь глубинные и сущностные, но зато более определённо в феноменальном отношении выраженные тенденции-процессы, из которых заслуживают быть отмеченными такие: от натуральности к искусственности, включая то, что называется искусством; от опытной практики к исследовательской науке; от организма к механизму (технике); от натурального домоводства к экономике (обменно-однеженному хозяйству); от экономики к *техномике* (постэкономическому хозяйству, *киберхозяйству*).

283

Не по всему вовсе «пространству-времени» человеческого «бытия-истории» шло и идёт *развитие*, что то же самое — возвышающая переменность. По большей части бытие, его образ, как бы застывает, неустанно повторяясь и расхаживая не без житейского удовольствия по кругу (не по спирали вовсе), что прекрасно доказывают первичные (или, как принято говорить, примитивные) социумы (аборигены Африки, Австралии, Америки, океанских архипелагов и островов, северных территорий), а также некоторые на себя замкнутые и даже в себе замкнувшиеся цивилизации (недавние Китай, Индия, Япония, как и те же недавние арабские страны, докемалевская Турция). Консервация бытия вместе с достигнутой культурой и отчётливое торможение развития — вполне обычные для истории человечества феномены. И дело тут не в какой-то там заведомой ментально-деловой и психо-сознаниевой ограниченности, хотя, возможно, и в некотором исчерпании внутренней энергии (психеи) развития, а в желании социума, его элиты, отгородить себя от обусловленных развитием роковых неопределённостей и неизвестностей, приближение к которым грозит обычно не только нежелательными пертурбациями, но и воз-

можностью полной гибели. В данном случае человек полагается на принцип сохранения для себя вроде бы доброго и в целом себя оправдавшего, пренебрегая возможностью достичь новых победных высот или же... пораженческих долов — для чего, куда, с какой целью? Консерватизм оказывается доступнее, милее и достойнее любого рода прогрессизма, попадающего под осуждение и запрет. Любая вообще инаковость, а не только прогрессная, непременно и частенько жестоко преследуется — вплоть до истребления её адептов-носителей. Так древние, совсем и недавние, а в некоторых аспектах и некоторые нынешние социумы отвечали и отвечают на свой контакт с трансценденцией, с иномирьем, с Софией — остановкой на месте, замиранием в моменте, застыванием в достигнутом однажды образе. Так ими трактуются совершенство и красота, гармония и норма, как и само Царство Божие на Земле, в котором, хотя и нет развития, но нет и движения в никуда — зато есть жизнеутверждающая форма, достаточно натуральная и вполне сакрализованная.

284

И всё было бы в мире ничего — ничего вопросного, если бы не *Европа!* Европа в понимании современного образованца, конечно, континент, или, точнее сказать, часть Света, но в историю человечества Европа вошла более всего как многоликий и многозначный метафизический феномен, ввергший в судороги кардинальных мобильных перемен и пламенного неудержимого развития не только себя самую, но и весь планетарный мир — что физический, что метафизический; что человеческий, что природный; что земельный, что космический, — разумеется, в кооперации со своим замечательным геостратегическим сыном — Соединёнными Штатами Америки, или Новой Европой, или, как более принято — Новым Светом. Внимание: *Старый Свет*, рождённый *Новой Эрой*, и *Новый Свет*, рождённый уже *Новым Временем!* Ох, знали

ведь чудодейственные европеиды-умницы, чего хотели, о чём говорили, что и как называли, чего вбивали в сознание всех насельников Земли, очень хорошо знали, используя для пущей демиургической важности и интеллектуальной убедительности заглавные буквы, знали! А ведь простодушное человечество, усыпленное сей благоприобретённой на века мудростью, всё это в конце концов и проглотило, замеря ныне текущее время по Гринвичу, отсчитывая историческое время вовсе не от Сотворения Мира, а от Рождества Христова, как и суммируя годы своего пребывания на Земле в обратную человеческой истории сторону (от Новой Эры), то бишь *вспять!* Вот вам и *Европа* — лидер *Нового Мира!*

285

Что же на самом деле произошло в один прекрасный момент в Европе, не очень-то склонявшейся в долгие древние времена — как и куда более тогда развитой, чем Европа, Восток, — к остросюжетным переменам в пользу пламенеющего развития? Конечно, надо бы вспомнить для начала легендарную допотопную Атлантиду, древние деспотические царства вроде Египта и Вавилона, непременно Древнюю Грецию — Элладу, ну и обязательно древний Рим, начавший своё брэнное существование ещё до Новой Эры, то бишь в обратные, или повёрнутые почему-то назад — в предысторию, времена, но переваливший и в Новую Эру, весьма обновившись и став мощной авторитарной империей — наследницей древней средиземноморской культуры, как и канувших в Лету средиземноморских и малоазийских государств и цивилизаций, а также покорительницей почти всей Европы, северной Африки и Малой Азии. Всё европейское, а лучше бы сказать — протоевропейское, сошлось тогда — на рубеже двух великих эр — в этом могучем, воинственном и глобальном Риме, чуждом морально-политических сантиментов в международных отношениях и склонном к иерархически им обустроенному господ-

ству над известным ему и им покорённым миром, что на русском наречии выливается в чеканную эзотерическую формулу «РИМ — МИР», а потому и — «МИР — РИМ»! Да, вышло так, что евро-азиатский Рим не просто захватил и подчинил себе мир, но и мир стал тогда восприниматься, за исключением далёкого Востока и близлежащих свободных от Рима и в основном нецивилизованных (диких, варварских) окраин, ничем иным, как Римом. Именно Рим, просуществовавший, хоть и расколотый на два враждебных друг другу Рима — Западный и Восточный, полтора тысячелетия только в Новую Эру, лёг в основание Европы, в особенности Западной, оказавшись связующим мостом между миром Старым и миром Новым, между протоЕвропой и уже собственно Европой, той самой, что наделала столько прогрессивно-трансгрессивного шума не только в родном европейском, но и во всём планетарном пространстве.

286

Да-а, Рим оказался исключительным для тогдашней истории *мегапроектом*, хотя поначалу таковым никем из чело- веков вроде бы не рассматривался, увенчавшимся в момент наивысшей своей реализации столь же исключительным — мировым, глобальным, можно сказать, и титаническим — *мегаобразованием* — *Великой Империей*, великолепно организованной, цивилизационно обустроенной, культурно оснащённой, жёстко гармонизированной, насквозь военизированной, сильной и стойкой, плотоядной и беспощадной. Если Марс почитался в те времена за бога войны, то Рим был, бесспорно, самым могучим и успешным детищем Марса, самым удачливым объектом его громоподобного опекунства. Рим не просто постоянно воевал, ведя захватнические, колониальные, оборонительные, карательные и гражданские войны, Рим был по- просту сама *Война!*

Рим, безусловно, — одна из мегазагадок истории! Ясно, что необыкновенное сгущение людской энергии и её волевое коллективное изъяснение; создание уникального социально-политического организма (от демократии до личной диктатуры); разумное и тонкое использование сакрального (религиозного) фактора; поддержание письменности, образования, интеллекта, творчества, искусств, той же философии; многовековое стремление к господству над миром; неустанная милитарность, повышенное внимание к армии, воинам и ветеранам; толковая реализация имперской государственности; овладение стройной обыденностью и высокой культурой; формирование целостной мировой цивилизации; развитое по тем временам сельское, ремесленное, городское, дорожное, транспортное, морское хозяйство; совершенная (финикийская, греческая, иудейская) экономика; высокая архитектура с большим вообще строительством; развитой инженеринг; обладание большой имперской (городской, культовой, культуровой, территориальной, коммуникационной, домовой) инфраструктурой. Всё это было и бытовало не без проблем и противоречий, в коллизиях и с потрясениями, но всё-таки было и бытовало, распластавшись на целый мир, растянувшись на века, меняя облик, форму, идеи и механизмы, но оставляя в неизблемости основополагающие принципы имперского, вполне и чудесного, мегасооружения. Пусть на практике многое свершалось весьма турбулентно, а в главном и по сути-то всё текло весьма гармонично. Империя умела сочетать всё: материю и дух, предметность и идеальность, свободу и несвободу, порядок и стихию, власть и подданство, инициативу и дисциплину, насилие и восстание, долг и непокорность, центр и периферию, метрополию и колонии, целостность и партикулярность, мужское и женское, старое и молодое, традицию и новшества, ум и... безумие. Жестоким, кровожадным, хищным проявлял себя Рим,

но... по-своему — по титаническому — он смотрелся весьма и весьма ладным и даже красивым!

288

Построенный на ударной силе, на непререкаемой силовой иерархии, на непрестанном насилии и силовом подавлении контекста, Рим, выйдя, судя по всему, прямо из бездны, а может, и попросту из преисподней, воплотил в себе — презрев слабость, животный страх и смерть, хоть и не первый в истории и не единственный, — всё то из земного метафизиса, что можно было бы назвать тёмным сверхчеловеческим героизмом — зверским, эгоистическим, корыстным, но в то же время и мужественным, горделивым, даже и высоким! Да, тут явно случилась победа Зверя, как раз того самого стоголового чудища, которому хватало не одной только силы, но и стойкости, храбрости, ловкости, выносливости, немалого ума, большой сообразительности и изобретательности, в общем — целого набора свойств и качеств, столь необходимых для построения... нет, нет, не Общего Дома вовсе, не даже Большого Общезжития, а всего лишь... *Царства Земного* — в угоду, конечно, высшим властителям — государям и иерархам, на пользу избранной военно-гражданской, служиво-управленческой и профессионально-интеллектуальной середине и за счёт подотчётных и подвластных, покорённых и подневольных, как свободно, так и принудительно трудившихся, низовых масс. Ничего вроде бы сверхъестественного, но зато какая метафизическая классика! Империя зла, творившая при этом и замешанное на зле добро, конечно же, творившая не для всех, а лишь для части человечества, для сильного и свободного меньшинства, но творившая целенаправленно, неустанно и страшно до поры эффективно!

Почему же всё-таки Рим, почему именно римляне? Трудно определённо ответить: тут ведь больше метафизической тайны, чем физикалистской ясности. Так сплелись вдруг воедино подспудные и явленные процессы, так, возможно, сработала преисподняя, так распорядилось мироздание, этого, может, захотели боги, за это высказалось, ничего не говоря, иномирье, так сыграл его величество случай, так сложились явные и неявные обстоятельства. Разные тут ответы... без всякого ответа! Внезапно возникший, но вполне исторически подготовленный и даже оправданный — после взлёта Персидской державы и имперских деяний Александра Македонского, очаг силового действия и созидания, источник боевой конструктивной воли, фабрика по принудительному обустройству мирового пространства. Римляне — первые римляне — выполнили роль ударного исторического спецназа, за которым последовали концентрическими кругами волны древних конкистадоров, сделавших ставку на организованность, бесстрашие и силу, освятивших войну, кровь и смерть, сакрализовавших жёсткую, центрированную и беспощадную иерархию, уверовавших в апартеид, расизм и законное господство сверхчеловеческого (богоподобного) меньшинства над недочеловеческим (скотоподобным) большинством. Рим — концентрация и активная реализация *сверх-*, но при этом и *анти-*человеческого духа, бытующего обыкновенно в человеке, но вдруг взлетевшего ввысь, объяввшего натуру и сознание перво-римлян и увлёкшего их на захват под себя жизненного пространства и порабощение изрядной доли ни в чём перед ними не повинного человечества. Разумеется, это был прогресс — социальный, хозяйственный, государственный, культурный, цивилизационный, ещё и личностный, но прогресс мало что насильственный, но ещё и человеконенавистнический, людоедский, жертвоприносительный. Миллионы жертв, реки крови, никем не учтённые страдания, плотное и неустанное дыхание

смерти! Но при всём при этом демократия с парламентом, богopodobные императоры, просвещённая знать, блестящие ораторы и недюжинные поэты, глубокомысленные философы и ловкие инженеры, завлекательные театры и привлекательные библиотеки, прельстительно-сладолюбивые термы, они же бани; изобразительные искусства и декоративные интерьеры, прекрасная архитектура, физический спорт и конные состязания, праздный народ, утончённый разврат и бесконечно-неустанные зрелища, зрелища и зрелища, включая и главный символ свободно-рабского Рима — гладиаторские бои! Что ж, зверь-насилльник, который не какой-нибудь степной разбойник или придорожный бандит, а воин, полководец, цезарь, император, патриций, сенатор, трибун, писатель, историк, философ, купец, ростовщик, латифундист, архитектор, инженер, механик, врач, жрец, авгур — то ли неизбежная, то ли необходимая принадлежность бесовеческого бытия, а ежели ещё и мощный дух, да ещё и в благоприятных обстоятельствах, то почему же тогда не получится могучей, страшной, бесчеловечной Римской империи, этой вполне цивилизованной и одновременно весьма звероподобной *пред-Европы*?

290

Зверьё, конечно, но зато какая мощь, какая высота, какое совершенство! Ну и какой интеллект, какая изошрённость ума, какая творческая энергия! И хотя Элладу в культуре и в мысли римлянам превзойти так и не удалось, но зато удалось превзойти древних греков в имперо-государственной организации, включая воинскую, в публичном праве, во всяческой инфраструктуре и сухопутных путях сообщения, ну и, разумеется, в масштабнейшем рабовладении. Римская философия не более чем ученическое подражание греческой, как, собственно, и вся остальная культура, хоть и у Рима случались превосходные образчики античных искусств. Дух римский всё-таки не греческий дух, хотя и приближавшийся к спартанскому и

тому же македонскому. Милитарная, основанная на откровенном насилии и безудержной эксплуатации человека человеком империя не могла полноценно воспроизвести, несмотря на всё безграничное честолюбие, гуманитарного сознания Эллады, так и оставшись в области чистой культуры его по большей части формальной и слишком уж грубоватой копировщицей.

291

Удивляет не то, что Римская империя была всесторонне силовой, по-своему и героической, а то, что она довольно-таки долго продержалась в истории, переживая при этом глубокую и многошаговую системную и идейно-духовную трансформацию. С самого своего выхода на историческую арену Древний Рим был весьма завидно оснащён метафизически, ибо вполне доверительно и эффективно воспринял идейно-духовное наследие Эллады, лишь переименовав древнегреческих богов на свой — уже латинский — манер. Главное, Рим явился в свет под явной опекой... иномирья, а также располагая вполне развитым, даже доведённым до совершенства, идейно-духовным, интеллектуальным, ментальным, даже категориально-концептуальным багажом. Рим был культурным продолжением Эллады, хотя сам он не поднялся до уровня Эллады, но, чувствуя себя преемником Александра Македонского, Рим смог под эллинской культурной формой выварить своё собственное — как раз очень уже *римское!* — содержание. Рим шёл своим путём, но в общем-то хорошо ранее уже проверенным, — и шёл он вполне оснащённым как раз тем, что было до него и чуть ли не для него чудесным образом создано. Это-то идейно-духовное оснащение, доставшееся Риму в основном от Эллады, хотя от Египта и Персии тоже, и позволило Риму, ставшему по сути на тот же путь, что и Александр Великий, продлиться, завоевывая, теряя и отвоёвывая пространства, немалое историческое время, подвергаясь при этом острым

внутренним кризисам и переживая неожиданные радикальные перемены.

292

Не сразу, конечно, но со временем стало ясно, что Рим — безусловный *мегапроект*, подкреплённый мощным коллективным сознанием, титаническими амбициями и глубокой стратегической перспективой. Проект вполне реалистичский, хотя и не без некоторой доли неразлучного с историей утопизма. Рим стал могучей мировой империей, но не овладел полностью и окончательно всем покорённым им миром, как и не смог пребывать длительное время в адекватном своей начальной парадигме состоянии. Пришлось Риму отказаться сначала от своего демократизма, потом от олигархизма, перейти и к откровенному авторитаризму, если не полному самодержавию, а со временем и изменить своим поначалу столь благосклонно к Риму настроенным богам. Так что это был вполне переменчивый проект, что, кстати, и явилось залогом долгожительства вовсе не такого уж благодетельного, но чрезвычайно грозного для людских масс и любых иерархий римского Левиафана.

293

В беспокойной римской провинции Иудее, что располагалась в Малой Азии, на востоке Медитеррании, у берегов Средиземного моря, исповедовавшей древнюю самобытную религию, полагававшую, в отличие от многобожеской римской религии, единобожие, вдруг явилась новая, тоже единобожеская, религия, преодолевшая древнюю иудейскую, отчего ставшая называться Новым Заветом в противовес Старому Завету, не отвергнутому насовсем молодой религией, даже сохранным в качестве наставнического священного писания, но всё-таки отставленного несколько в сторону и немало замещённого новым учением. Поводом для возникновения по-

следнего стало явление в Иудее во времена правления римского императора Тиберия — наследника знаменитого Октавиана Августа — некоего учителя, проповедника и пророка Иисуса Христа, умерщвлённого в беспокойном и лицемерном Иерусалиме — по желанию иудейского Синедриона и по приказу римского правителя Иудеи прокуратора Понтия Пилата — посредством мучительного после тяжких истязаний распятия на кресте — аки разбойника! Не оформленное поначалу никак, учение Христа, как и его короткая подвижническая жизнь, увенчанная страдательной смертью за идею, послужило основанием для введения через полвека после случившегося в Иудее чрезвычайно знаменательного идейно-духовного события — культа Христа и созидания в связи с этим новой религии, прозванной затем *христианством*. Последователи нового культа и адепты новой религии нашли возможным и верным называть себя *христианами*. По текущим житейским масштабам и обыденному восприятию эти события — как явление Христа и возникновение его культа — не были ни крупными, ни особенно заметными, ни как-то проективно значимыми. Однако реальность превзошла все возможные, а лучше бы сказать — невозможные, ожидания — новая религия, наталкиваясь на непонимание, враждебное отношение и сопротивление со стороны предшествовавших культов и учений, имперской власти и почти всей народонаселенческой среды, не только заявила о себе и выжила, но и, завладевая постепенно людским сознанием и пробивая бреши в империльной ноосфере, смогла, вполне и концептуально оформившись, утвердиться и вступить на путь неуклонно расширявшегося влияния. И это несмотря на гонения христиан, их жестокие преследования, не останавливавшиеся перед мучительными пытками и ужасными публичными умерщвлениями.

Секрет успеха христианства — если, конечно, это можно называть успехом — восходит, безусловно, к тайне мироздания, как, примерно, и секрет имперского успеха того же Рима. А ведь христианство предложило по преимуществу антиримскую и антиимперскую идеологию, провозгласив равенство всех людей перед единым Богом, причём Богом всепонимающим и милосердным; межлюдскую и межплеменную терпимость, или мир миру; твёрдый и вполне позитивный моральный кодекс, совершенно не языческий, не римский и не имперский; достойную меру человечности перед Богом, природой и человеком, что то же самое — скромность, сдержанность, аскетичность; приоритет любви всех ко всем, уважения себе подобных; идею чуть ли не случайной греховности человека, но и необходимость и возможность её земного преодоления; силу морального духа человека, необходимость и возможность покаяния, катарсиса (очищения) и самосовершенствования; необходимость и возможность личной связи с Богом и молитвенного обращения к Богу Вседержителю. В общем, в покорённой Римом, но всегда духовно чувствительной и политически беспокойной Иудее — провинции великого Рима — вдруг возникла прямо противоположная общепринятой и официальной идеологии новая религия, оформленная в виде Нового Завета Божиего и прозванная *христианством*. И возгорелась, и пошла светлым призраком по империи, и дошла до столицы, и заняла имперский центр, и завладела императорским штандартом, и завоевала затем весь римский мир!

А сам Рим этому завоеванию... весьма споспешествовал, но не так вольно и конструктивно, как более всего невольно и деструктивно. Прежде всего Рим, прошедший тогда уже апогей своего исходного — героического, эпического, возвышательного — бытия, — а это было как раз к моменту рождения

Христа, — вступил в период, если не в эпоху, своего уже более всего инерционного бытия — обывательского, потребительского, эвдемонического, а затем и попросту деградиционного, разложенческого, самоубийственного, можно сказать — агониального. Да, Империя, обретя вместо демократии и олигархата самовластных императоров, начиная с Октавиана Августа, правившего по нынешним меркам аккуратно на сломе исторического времени — как раз, как стало потом известно, на рубеже Старой и Новой эр, введённых позднее по случаю полной победы в Европе христианства, была ещё длительное время сильна, крепка, ловка, дееспособна и даже весьма успешна, но бытие её становилось всё более и более проблемным, аномальным, болезненным, патогенным, — и переход сначала к авторитарному, а затем и самодержавному правлению лишь замедлил, но не предотвратил рокового самоуничтожительного процесса, завладевшего всем римским идеосоциополитическим феноменом. Великий имперский проект был реализован, он продолжался во времени, изрядно трансформируясь, но... попал-таки в состояние глобальной внутренней эрозии: падение нравов, рост гражданской безответственности, пороколюбие, лень, торжество праздности, паразитарности, гедонизма и гламуризма — это стало присуще всему римскому народу, независимо от социальных страт; нескончаемые интриги, заговоры, схватки за власть, жестокие преследования, междуусобия, гражданские боины — это более всего для иерархов, управленцев и воителей всех уровней, положений и ролей; кризис римского гражданства, убывание, совращение и разжижение исконного этноса, катастрофическое сокращение удельного веса «своих» и неуклонное нарастание доли «чужих», наплыв инородцев и иноплеменников, нецивилизованных провинциалов, откат интеллекта, профессионализма, творческого начала, упрощение и понижение сознания, культуры, цивилизованности, неустанная во всех направлениях, по-римски выделанная, варваризация; кризис рабского труда,

убывание производства, нехватка потребительных благ, нарастание социальных неравенств, рост экономической эксплуатации и ростовщичества, усиление социальной напряжённости, наличие массового недовольства, умножение народных бунтов и восстаний; растущее сопротивление провинций и окраин, нарастание внешних угроз; нагнетание властного диктата, правительственного произвола, государственной репрессивности; деспотизм, остросюжетная карнавализация обыденности, инфернализация текущего бытия, нарастание глобального безумия... и кровь, кровь, кровь!

296

Явный упадок Рима наступил, конечно, не сразу — прощание империи с самою собою растянулось на века. Опасный для имперского организма хаос весьма настойчиво, хоть и не так уж и торопливо, подступал к его упорядоченным производственным системам. Главными здесь были, конечно, идейно-духовная дезориентация римлян, ослабление и окончание веры во всемогущество римских богов и народных героев, помутнение и опустошение общественного и личных сознаний, наплыв на римскую ноосферу метафизического мрака, причудливо сочетавшегося с пустотными лакунами, неспешная, но уверенная утрата великой predeterminedности Рима, его вселенского миссионизма. Поражённый причудливыми, но стойкими недугами Рим долго ещё боролся за себя, пытаясь и подправиться, и укрепиться, и поздороветь, управляемый и ведомый время от времени самоотверженными, деловитыми и весьма удачливыми императорами, среди которых случались и вполне мужественные, умные и просвещённые, чуть ли не образцовые правители, сдерживавшие уже весьма укрепившиеся в римской ноосфере наслажденческое безумие и настырно наступавший на римскую обыденность асоциальный хаос, но, разумеется, в напряжённой борьбе, через насилие и кровь, не достигая, конечно, ни прочного мира, ни глобального благора-

зумия, ни повсеместного благополучия. Однако империя упорно продолжалась, весьма и свыкшись со своим перманентно-кризисным состоянием — общим, так сказать, кризисом, уже принимая никак не исчезающую, хотя время от времени и ослабевавшую, общую кризисность за вполне нормальное состояние.

297

Общий кризис Рима, прежде всего идейно-духовный, не мог не выдвинуть в каком-нибудь особенно напряжённом пункте римского пространства какой-нибудь отрицательной для Рима и его мира идейно-духовной альтернативы, что, собственно, и произошло в Иудее, этой политически неуравновешенной и весьма экзальтированной по части метафизики, богоискательства и веры маленькой римской провинции. Иудея дала миру *христианство* — как последовательно антиримскую идеологию — и сделала это от имени порабощённых, подавленных и отверженных в угоду, правда, справедливости и человечности, отвечая на насилие — ненасилием, на презрение — терпимостью, на ненависть — любовью! Иудея дала тогда не систему, не догмат, а, скорее, подход, но подход чрезвычайно привлекательный для всех униженных и оскорблённых, страдающих и страждущих в невыносимой имперской и... иудейской тоже... атмосфере, уверенно полнившейся тщеславием, несправедливостью и тленом. Возникнув посреди бескрайнего римского пространства, христианство чудесным образом не растворилось в нём, а, наоборот, устремилось настойчиво, терпеливо, вполне и мирно, но зато верно, его осваивать, дойдя в своём миссианском рвении и до великой имперской столицы — вселенского города Рима, проникнув, идя на страдания и жертвы, и в самые верхние римские страты, не погнушавшись завладеть и августейшим сознанием самих императоров.

Пройдя апогей своего исторического бытия, мегапроект (мегафеномен, мегапроцесс) под грозным названием *Рим* сопрягся в один прекрасный, хоть и растянутый во времени, момент с другим мегапроектом (мегафеноменом, мегапроцессом), ещё только вступившим на историческую арену — *христианством*. Отвергая, как это ещё было с иудаизмом, язычество и ведя диссидентскую разработку римской идейно-духовной сферы, христианство, первоначально катакомбное и вроде бы совершенно аполитичное, стало, институционализовавшись в легальную церковь, открывавшую свои дома-церкви и завладевавшую языческими храмами, превращаться в римской обстановке в самую что ни на есть социально-политическую силу, определяя самочувствие и поведение не одних только простых римских граждан, но и значительной части римской элиты, в том числе и самой что ни на есть высшей. Рим переживал в той или иной мере *христианизацию*, что происходило, конечно, сложно, путанно, неоднозначно, но всё-таки происходило. В имперском кризисном пространстве возник некий преображенческий очаг, в метафизическом лоне которого свершались весьма знаменательные трансмутации, затронувшие не только разносный Рим, но и консолидированное христианство. Вышло так, что исторический контакт Рима и христианства привёл как к существенным качественным переменам в обоих мирах — римском и христианском, так и к их вынужденному между собой синтезу, возымевшему самые серьёзные последствия для Европы, части Евразии и всего планетарного мира.

Любой реальный социо-хозяйственный феномен, а уж тем более мегафеномен, имеет а) явленную форму и механизм реализации, украшенные легальными именами; б) менее явленное смысловое (качественное) содержание, определяющее

место феномена в бытии, его главную бытийную функцию, а также придающее феномену реальный бытийный вес, и, наконец, в) не выпячивающуюся наружу и не дающуюся лёгкому постижению почвенно-корневую (из глубины) подоснову феномена, определяющую его потенцию к существованию и субстанциальную мотивацию быть и разворачивающуюся шаг за шагом в реальный бытийственный феномен (из возможности в действительность). Все три составных части феномена хоть и соответствуют системно друг другу, но вовсе не так уж однозначно и не столь уж жёстко, отличаясь как известной самостоятельностью, так и немалой вариативностью и переменчивостью. Наиболее консервативна и упряма, конечно, подоснова, наиболее вольна и изменчива поверхностная и механизменная явленность, а на долю содержательной сердцевины остаются почтенная сдержанность и гибкая умеренность в переменах.

300

Кризисный Рим хотя и натужно эволюировал, меняя форму и механизм реализации, оставаясь империей и сохраняя своё грозное имя, но, наводняясь инородцами, варваризуясь и в то же время христианизируясь, он всё более становился как бы не римским, во всяком случае, не традиционно римским (многие императоры, в том числе и Константин Великий, не любили и вовсе избегали, к примеру, сакральной столицы империи — вечного города Рима). Рим вроде бы, но уже и не совсем Рим, не римский, так сказать, Рим, а... хоть и позднеримский, но в чём-то уже и послеримский. Христианизация, которая находила на Рим не так, быть может, спешно, как уверенно, меняла идейно-духовный климат Империи, но, что особенно примечательно, более приравниваясь к Империи, чем её отвергая, а потому способствуя не столько гибели вроде бы ненавистной для христианства Империи, а, скорее, её выживанию, разумеется, в преображённом виде — антиязыческом, по крайней мере. Правилось это кому-то или нет, но Римская им-

перия становилась всё более христианской, утрачивая при этом и свою изначальную римскость, что было весьма поразительно, причём не так даже по существу, как по форме. Первоначальная римскость уходила от Империи, ей на смену шло что-то послеримское, но... опять же... имперское, ибо метафизическая подоснова Империи никуда не исчезла, более того, она склонилась на свою сторону, если не подмяла под себя, и текущее христианство, давно уже вышедшее из подполья, переставшее быть первохристианством и вполне уже ставшее социально прикладным, споспешествовав обретению христианством... э-э... *имперской*, а не какой-нибудь ещё формы (системы) собственной реализации (иерархически организованная централизованная церковь, единоначальное папство, единение церкви с имперской властью, а со временем и явление в Европе откровенного политического главенства церкви, причём — церкви Римской, в виде так называемого папоцезаризма). Христианство эволюировало примерно так же, как и имперский Рим, изменяя способ своего бытия, сохраняя имя, но обновляя кое-какое содержание, вовсе не отрицая и даже всю консервируя идейно-духовную подоснову, завещанную Христом, без чего никакого христианства и христианской церкви просто не могло бы быть. Проблемное одухотворение Римской империи христианством сочеталось с явным имперообусловленным обмирщением самого христианства. Ничего иного, по-видимому, произойти и не могло!

301

Хотело того христианство — естественно, уже персонафицированное, субъектное — или нет, но оно явно поспособствовало продлению бытия Империи, не только признавшей само по себе христианство — в ходе и по итогам ожесточённой с ним борьбы, — но и сделавшей его официальной идеологией, что позволило Империи стать через какое-то время *христианской империей* — не так в соответствии с оригиналом

учения, как согласно его церковной версии, как и более по названию и форме, чем по механизмам организации и содержанию. Подвергнувшись христианизации, имперскость осталась по сути римской, хотя и не староримской, а уже новоримской. Однако роль христианства в судьбе Империи не была столь уж однозначно спасительна и пролонгационна. Император-христианин Феодосий Великий разделил империю на две части — Западную, во главе с ещё гордым, но уверенно загнивавшим Римом, где ещё хватало языческих пережитков и прочно укоренившейся порочности, и Восточную, во главе с усиливавшимся новым столичным градом — Византией-Константинополем, где христианский дух был значительно сильнее, — и, разделив большую империю на две империи, отдал каждую из частей бывшей большой империи в управление одному из двух своих сыновей. Сыграл ли тут какую-то роль христианизм? — вполне возможно, что и сыграл, обозначив хотя бы заметное метафизическое различие между западной (наследственной) и восточной (присоединённой) частями Империи: христианство было всё-таки явно выраженнее, сильнее и интенсивнее как раз в восточной части. Заметно христианизированная, но ещё не совсем христианская, Империя всё-таки распалась, что произошло и под ударами в основе языческих, хотя и частично уже христианизированных и «обимперенных», варварских народов-армий, упорно нападавших на старевший и ослабевавший Рим и в конце концов им и всей Западной империей окончательно овладевших. В истории же осталась бытовать ещё на тысячу (!) лет лишь Восточная Римская империя, она же и Византия. Эта-то империя была уже вполне христианской, но, скорее, всё-таки по идеокультурной личине, чем по содержанию — римская имперскость, вдохновлявшаяся субстанционной имперской первоосновой, никуда не делась, определив по сути и имперское внутриорганизменное — иерархо-принужденческое — устройство и соответствующее бытование восточно-христианской импер-

ской страны. Империи, конечно, исчезают, но, во-первых, не сразу, во-вторых, они уходят с поверхности, с Яви, но при этом погружаются в глубину, в Навь, в-третьих, имеют тенденцию возрождаться — как в неуспешных попытках, так и во вполне результативных реалиях. И не идейно-духовная концепция более доминирует над имперскостью, ваяя-де её под себя, а имперскость более всего командует идейно-духовной составляющей, вполне эффективно приспособливая её под свои нужды. Как раз империи обычно признают и утверждают религии, а не религии сами по себе создают империи, хотя идеологии, безусловно, могут способствовать имперским проектам и реальным имперским достижениям.

302

Пока Восточная Римская (она же ромейская, ещё и греческая) империя, она же и Византия, продолжала не без проблем, противоречий, внутренних коллизий и внешних угроз существовать, на месте развалившейся Западной империи — римско-латинской — возникла куча всяческих государств, часть из которых попала со временем — в период так называемого Средневековья — в новое имперское образование — Священную Римскую (именно — *римскую!*) империю, созданную, а в чём-то и воссозданную, при существенной поддержке окрепшей за смутное калейдоскопическое время западной христианской церковью во главе с властолюбивым и энергичным римским (опять же — *римским!*) папством. Новая западноевропейская империя не оказалась столь же прочной, жизнеспособной и долговечной, как её древняя предшественница: Западная Европа тогда уже тяготилась общеевропейской имперскостью и тяготела к более локальным, чем единая империя, государственным образованиям, вовсе при этом не исключавшим для себя значимых и выгодных империльных атрибутов. Но главным тогда, в то как раз историческое время, стал факт полной *империализации христианства*, во всяком

случае — *христианской церкви*, в особенности, когда западной церковью был принят догмат о непогрешимости римского папы — прямого-де наместника Бога на земле. Так из малой и практически подпольной первохристианской секты не только произошла *великая мировая религия* с упорядочивающей и управляющей её мощной *иерархической церковью*, но и выросла могучая *клерикальная империя*, либо плотно сотрудничавшая со светской, но вполне уже христианизированной империей, либо поощрявшая образование вполне уже *христианской империи*, тоже вроде бы по виду ещё светской, либо полностью сливавшаяся со светской-де империей, не оставляя ей при этом никакой светской самостоятельности.

303

Имперские мегaproекты — это вовсе не только светские проекты, пусть и с религиями и культурами, но также и собственно религиозные проекты, пусть и не сразу осознанные и не скоро реализованные. *Имперскость* — мировая тенденция, имеющая метафизическое обоснование и глубинную, не лежащую на поверхности, мотивацию. Как, впрочем, и то же градостроительство, и государственность, и цивилиционность. *Империя* — властная вершина, за которой либо встаёт мегаимперия, либо маячат упадок и крах, но с сохранением где-то в небытии (не в физическом бытии) империльной потенциальности. Римская империя развалилась на две части, из которых одна вроде бы погибла, чудесно вдруг воскреснув в облике той же Священной Римской империи, не говоря уже о папстве, а другая, став окончательно христианской, ещё продолжала тысячелетие быть, пока не сгинула насовсем под ударами сначала братьев-единоверцев (западных христиан), а затем и врагов-иноверцев (аравийских магометан). Показательно, что в Западной Европе имперское дело вовсе не заглохло: эстафету приняла западная христианская церковь во главе с папством, да так напористо, что, обозначив себя вселенской,

что то же самое — католической, а затем и отделившись от восточной церкви, оставшейся в противовес католицизму ортодоксальной, не преминула пойти по пути имперских нашествий-захватов, прибегнув и к так называемым Крестовым походам в Малую Азию для отвоевания-де Святой земли с гробом Господним, находившимся тогда под властью иноверцев-магометан, упорно теснивших Византию с юга и отвоевавших у неё немалые малоазийские территории. И хотя походы не достигли задуманной цели, несмотря на то, что Иерусалим и был взят на время крестоносцами, зато вдруг предоставили папству возможность установить контроль... над Византией... через посредство... разгрома Константинополя... всё теми же, хоть уже и новыми, крестоносцами, что и позволило внедрить на время в Византию доминационное латинство. Ничего предосудительного — всё та же евроимперскость, пусть и церковная, пусть по виду и христианская, а ведь самая что ни на есть... *римская!*

304

Прошедшее через муки страдательного становления, принёсшее великие кровавые жертвы на алтарь воспринятой и разносимой по свету истины, христианство, окрепнув, развившись и обзаведясь собственным организменным институтом — Церковью, наконец, огосударствившись и империализовавшись, вовсе не отрешилось от властности, насилия, иерархии, господства верхов и эксплуатации низов, наоборот, как и всякое государственно-имперское образование, всё это воспроизвело и вполне органично восприняло — как когда-то Египет, потом какой-нибудь Вавилон, как тот же Древний Рим, в схватку с которым и его нечеловеческой атрибутикой вроде бы когда-то вступило. Выходит, что людская обыденность, полная зверскости, низости и бесчеловечности, оказалась сильнее и действеннее привлекательного во имя человека сакрального проекта, за который сам Бог пошёл, вчелове-

чившись, на в чём-то и покаянную перед человеком мученическую смерть. Людская обыденность, что вверху общества, что внизу, не только не отступила объёмно и радикально от самой себя, а, наоборот, достаточно легко и прочно овладела новой религиозной сферой, прежде всего расположившимися в ней церковью, клиром, папством. Возникнув в ужасной нехристианской империи, выжив, укрепившись и развившись, вполне и освоившись, обретя централизованную и иерархически устроенную церковь, христианство как реальное общественное движение не нашло иного для себя выхода-решения, как переплестись с этой ужасной империей и самому стать в конце концов не менее ужасной империей, — и кто тут над кем одержал победу, христианство над империей или империя над христианством — большой и очень болезненный вопрос!

305

Римская империя сначала разделилась, не без влияния христианства, более обосновавшегося на Востоке и перетянувшего на свою сторону отнюдь не добродетельного императора Константина, фактически предавшего Древний Рим и заложившего под славную империю разделительную мину, которую как раз и привёл в действие тоже ведь не самый добродетельный император Феодосий (зато, как и Константин, заслуживший звание Великого), а потом Империя была по частям завоёвана и исчезла в метафизических глубинах бытия, чтобы возродиться в полуимперском, или же недоимперском, а то и псевдоимперском, виде уже в лоне торжествовавшего победу над Европой западного — римско-папского — христианства. Внешне будто бы странно, а внутренне весьма металогически обоснованно, но христианство сыграло как против европейского (средиземноморского) имперства, так и за него, причём как подтачивая Римскую империю и обеспечивая её деление и последующее исчезновение, так и укрепляя её уже под своими идейно-духовными знамёнами, продлевая ей

жизнь, а потом и пытаюсь возродить европейскую империальность (Священная Римская империя, папоцезаризм на Западе и цезарепапизм на Востоке, крестовые походы, захват Константинополя папским Римом). Но, будучи уже институционально имперским, христианство не избегло страдательной имперской участи, разделившись, как и ранее Римская империя, сначала на две части — католическую (латинскую) и ортодоксальную (греческую), а потом и, уже на Западе, на католическую, ставшую ко времени как бы по-своему и ортодоксальной, и протестантскую, заявившую о себе как об обновлённом христианстве (англо-германском по преимуществу). Средневековье отметилось вроде бы победой и расцветом христианства, в частности — католичества, но при этом и кризисом имперски уже разыгравшегося католицизма со всеми его авторитаризмом, деспотизмом, догматизмом, а главное — монетарно-моральной развращённостью. Не помогли и гнусные инквизиционные репрессии — католицизм разлагался и никак не мог восстановить свой идейно-духовный авторитет, ибо погряз в имперскости, верховенстве, насилии, гедонизме, златолюбии, аморализме. Грянула *протестантская революция*, сопровождавшаяся ужасной межконфессиональной войной, длившейся, как минимум, целое столетие, и католичеству с папой во главе пришлось уступить, потесниться, а потом и вовсе попритихнуть. Дело в конце концов дошло и до отделения церкви от государства, хотя идейно-духовное влияние на европейское сознание и европейские дела ни папа, ни католицизм не утратили и сохранили его аж до нынешней поры.

306

Особенность империй по сравнению с целостно-монолитными государствами состоит в... безмерии, в неустанном стремлении выйти за меру, за мировые пределы, ибо где она, строго говоря, имперская мера, хотя имперское безмерие всегда налицо? Какая империя отказывалась от расшире-

ния, если оно было возможно? Имперская экспансия останавливается либо с исчерпанием имперской энергии, либо под напором внешних сил, либо каким-либо контекстным препятствием вроде моря, океана, гор или пустыни. Империя на то и империя, чтобы не слишком осознавать меру и ей добровольно поддаваться. Но выход за возможные пределы грозит империи не только стойкими проблемами, но и острым кризисом с вероятным распадом, что, собственно, обыкновенно и происходит. Империя имеет тенденцию сама себя исчерпывать, что всегда неизбежно наступает с нехваткой сил для себя же поддержания. И империю вовсе не обязательно завоевывать, она сама «погубляет» себя, а потому более эффективны даже не внешние захваты имперской территории, хотя они непременно наступают при ослаблении империи, её развале, а какое-нибудь диссидентское «постукивание» изнутри, способное дожидаться и резонансного вибрирования имперского образования, и перехода её во флаттерное состояние. Опыт раннехристианского сектанства тут очень показателен, но не менее показателен и опыт позднесредневекового антицерковного и антипапского, читай, и антиимперского, протестантского движения, поначалу бывшего всего лишь как раз и диссидентско-сектантским «постукиванием».

307

Дождалось христианство, а лучше бы сказать — дождалось *и* христианство, себя отрицания — сначала внутреннего, негромкого и даже вкрадчивого, что происходило в основном в сфере культуры, где вдруг произошёл сначала невнятный, а потом всё более выраженный разворот, как бы замыкавший многовековой исторический круг, к... *Античности*, с которой христианство когда-то целеустремлённо боролось, хотя и кое-что от неё при этом позаимствовав, а потом и «извне» отрицания, вполне уже откровенного, громогласного и даже безапелляционного, да не какого-нибудь, а... *атеистического*,

когда расхристианизированный значительно европейский интеллектуализм, взбадриваемый наукой, технологией и обезбоженной философией, повёл с христианством, как и вообще с религией, бескомпромиссную войну. Поворот к Античности был обозначен новейшим словопрением как *Ренессанс* — *Возрождение*, и происходил он поначалу даже в рамках и под опекой тогдашнего христианства, а вот полный отворот от религии получил наименование уже *Просвещения* — но уже не язычников, обращавшихся в христиан, а квазирелигиозной европублики, становившейся тогда последовательно атеистической. Не только утратив своё политическое (имперское) влияние, но и ослабив свой идейно-духовный вес, западное христианство вовсе при этом не умерло, а продолжало и продолжает быть, пережив даже бешеную атаку на себя законченных антихристианских мыслителей-«злодеев», что свидетельствует не только о живучести христианской религии, как и её экзистенциальной гибкости, но её укоренённости в европейском сознании и непреходящей идейно-духовной значимости. Как самому христианству не удалось до конца уничтожить язычество или же пришлось вынужденно считаться с тем же исламом, так и атеизму не потрало стереть с лица земли христианство с общей людской религиозностью, а довелось и доводится со всем этим так или иначе мириться. Ничто вообще не вымывается просто так из бытия и истории, что-то да обязательно задерживается, пусть иной раз и где-то в бытийно-исторических глубинах, в Нави, контурно и даже призрачно, нередко искажённо, но всегда при этом имея шанс возродиться. Метафизические колёса истории делают своё дело, вытаскивая вдруг на поверхность — в Явь — что-нибудь из вроде бы давно ушедшего и навсегда забытого, как, разумеется, отправляя вдруг куда-то вниз — в Навь, чуть ли не в преисподнюю — что-нибудь только что вознёсшееся и расцветшее. Расцвет ведь вообще первый и самый верный признак увяда-

ния — и с этим непреложным фактом надо бы умникам всех времён и народов непременно считаться!

308

Что вообще сильнее: *низкая обыденность* или *возвышенная исключительность*? Ответ, кажется, прост и точен: обыденность, разумеется, сильнее исключительности, иначе ни тебе плавного течения жизни, ни объёмного развёртывания бытия, ни тягучего непрерывного потока истории. Но вот что интересно: исключительность, безусловно, важнее обыденности: без неё нет событийной истории, ускоренной эволюции, непредсказуемого развития, то бишь нет захватывающей экзистенции и всепоглощающего интереса человечества к факту и течению своего бытия. Исключительность будоражит обыденность, толкает вперёд, ведёт к переменам, иной раз и небезуспешно; обыденность, конечно, сопротивляется, не поддаётся, а поддавшись, тянет обратно к себе, к устойчивости, к воспроизводству, чем и побеждает в итоге любую исключительность. Обыденность непременно поглощает исключительность, не даёт ей хода, ослабляет, умеривает и умиривает, а в итоге — «обыденнивает», — и для обыденности всё равно, что ей «обыденнивать» — человека, социум, сознание, ноосферу, культуру, цивилизацию, государство, империю, религию, философию, науку, идеологию. Не избегли этого ни Римская империя с её язычеством, ни христианство со своей церковью, ни христианизированные государственно-имперские образования, ни Возрождение с Просвещением. Причём обыденность, будучи вроде бы чем-то низшим, царит вовсе не только в низах общества, среди народа, на рынках и площадях, в домах и во дворах — отнюдь! — она присуща в неменьшей степени и верхам общества, правителям и аристократам, управленцам и воителям, интеллектуалам и художникам, философам и духовенству. И обыденность — это вовсе не только что-то повторяющееся, неяркое и скучное, нет, это и яркое, и бодрое, и ве-

сёлое — вполне карнавальное, иной раз и необычное, исключительное, поразительное, но при этом уж никак не возвышенное, а самое что ни на есть... *обыденное!* Обычный человек всегда и везде берёт своё, отодвигая и изничтожая героев, гениев, мудрецов, даже и титанов, в лучшем случае оставляя их в нетвёрдой памяти, в разорванных преданиях, в полузабытой истории, даже и истово поклоняясь им, верша сомнительные по их поводу культы, но в реальном бытии человеке составляет у и для себя только своё — среднее, удобное, тёплое, но зато ему понятное, доступное, для него надёжное, пусть и не без кое-какого ума и сердца, но... *своё!*

309

Нет ничего удивительного в том, что всё из ряда вон внезапно выходящее непременно и весьма быстро исчезает в пучине текущего бытия и ползучей истории, насквозь пронизанных и накрепко поражённых Преисподней, от которой, кстати, бытие с историей вовсе не склонны прочно отгораживаться и насовсем отказываться. Да, без света и тяготения к нему нет бытия с историей, но это не значит, что тьма совсем уж не мила тем же бытию с историей. Тьма ведь приглубляет, а Свет-то обжигает! Бытие — западня для Света, а история — более течение Тьмы, чем натиск Света, ну и, конечно, нескончаемая борьба Света с Тьмою, в которой Тьма выходит вполне предсказуемым победителем.

310

Обыденность — царство устойчивой меры, незыблемых пределов, неподвижных стен. Это в основном мир стабильности, повторяемости, неизменности. Никакая внезапно возникающая суетная экстравагантность этот мир в принципе не меняет, хоть иной раз его и довольно потрясает. Однако фундаментальная консервативность обыденности не означает, что обыденность вообще не изменчива — она меняется! — и не

только по прихоти настойчивых нововведений, но и по ходу собственной жизнеутверждающей инерции, — хотя меняется более всего по внешней явленности, по форме и механизмам реализации, по словам и текстам, по манерам и процедурам, по текущим состояниям, чем по весоному содержанию и глубинной сути, что не значит, что, возвращаясь к самой себе в каждый бульверсивный момент своей исторической протяжённости, обыденность качественно, системно, структурно, как и, разумеется, количественно, в целом не обновляется. Но обретая новое эпохальное лицо, обыденность непременно остаётся обыденностью, пусть в целом и новой обыденностью, но... именно *обыденностью*, превращающей всё действительно новое и в какой-то момент над ней возвышающееся, вперёд и ввысь зовущее, в тупое и унылое *обыкновенное*, служащее питательной средой, может, и не для бойкого и задиристого демонического начала, но зато для умеренного и вполне привлекательного сатанинского. И ничто не может избежать этого обращения в обыденное — тусклое, неподвижное, мнимое! Исключительное — всегда зарница, а обыденное — непоколебимый седой туман, в гуще которого любая зарница и гаснет. Но и на обыденное находится мощная управа, недалеко от обыденности отстоящая, точнее, сама тоже в общем-то обыденность, но уже динамичная, тревожная, разрушительная — война, эпидемия, большой пожар, властный и заговорщический террор, большая чистка, деятельная инквизиция, наглый и пошлый авантюризм, бандитизм и мошенничество, но и какой-нибудь природный катаклизм вроде землетрясения, вулканического выброса, цунами, тайфуна, бури, засухи, лесного пожара, наводнения, обледенения — да мало ли ещё чего из непредвиденного, но вполне возможного. Так что обыденности приходится совсем не просто, но... она обладает надёжными защитными свойствами и потрясающими способностями к возрождению. В общем — здесь плотность, густота, телес-

ность, причём умеющая хорошо стекаться, сливаться, держаться, одним словом — *быть!*

311

История — большой, вполне и космогонический, хотя при этом и хаотический, процесс. Процесс вращательный, выворотный, колебательный, волнообразный, циклический и поступательный одновременно, опять же непрерывный, но при этом и прерывный, импульсивный, неравномерный, вибрационный, турбулентный, в общем — какой угодно и кому угодно: Космосу, Хаосу, мирозданию, природе, человеку, обществу, сознанию, ноосфере, Господу Богу, Великому Неизвестному, даже и самой бездне. Ни смоделировать в полной мере такой процесс, ни целостно спроектировать, ни полнообъёмно им управлять, ни полноценно предвидеть. Только представления с догадками, только откровения с домыслами, только контуры с прикидками. Раз начавшись, может, и будучи когда-то то ли зряче, то ли вслепую запущенным, процесс идёт себе и идёт, поражая своеобразием и своеволием, самопрозорливостью и самопроизволом, а в целом — *невозможной возможностью!* Всего *этого*, кажется, ведь никак не может и не должно быть, но *это всё*, тем не менее, *есть!* И всё вокруг загадочно, конспиративно, тёмно, мало того — ещё и отвратительно! Но и всё это не только есть, но *идёт себе и идёт!*

312

Да, являются на свет и идут по свету люди, в срок и не в срок, образуются и рассыпаются общности, группировки, союзы, возникают и исчезают всякие социальные конструкции — вплоть до государств, империй и цивилизаций, но есть в истории и омывающие эти конструкции потоки — языка, мысли, знания, письменности, искусства, литературы, вообще всякой культуры, как и сознания с ноосферой, в целом же — жизни, но уже жизни не столько как жизни, а как *хозяйства*, как жиз-

ни делаемой, творимой — морально и аморально, по закону и по произволу, с тенденцией вверх и с тенденцией вниз, в угоду самой жизни, но и в пользу смерти, софийно и антисофийно, навстречу Богу и супротив Него. Всюду производство и потребление: благ, слов, идеологий, образов, орудий, механизмов, инфраструктуры, соцобразований, тех же цивилизаций, человека, сознания, ноосферы, вообще жизни, но при этом, конечно, и смерти. *Производство и потребление!* Два мощнейших глобальных потока-процесса. Где производство, там и потребление, всякому потреблению предшествует производство, а без потребления нет производства. Человек производит и потребляет, тем самым производя себя, себя же и потребляя. Кое-кто много производит и мало потребляет, а кто-то мало что производит, но зато очень много потребляет. Трудособственническая иерархия! Высшие и низшие, владеющие и не владеющие, властвующие и подвластные, эксплуатирующие и эксплуатируемые, трудящиеся и паразитирующие, а посредине всякое творчество: управленческое, речевое, письменное, художественное, идейное, научное, духовное, магическое, материальное, социальное, политическое, криминальное. Но помимо иерархических есть и одноуровневые отношения — между сходными по местоположению, функции, роли и экзистенциальной миссии субъектами, участниками нескончаемого производства и неустанного потребления, потока жизни и потока смерти, следственно — потока бытия. Есть кооперация с сотрудничеством и взаимопомощью, есть соревнования с опережениями и отставаниями, есть ожесточённая борьба с победами и поражениями. Есть во всём этом чуть ли не первородная (натуральная, естественная, природная) непосредственность: один прямо и открыто споспешествует другому; один без стеснения подчиняет себе и эксплуатирует другого; один с животным удовлетворением грабит другого; один ничтоже сумняшеся по-зверски убивает другого, но при этом есть и второродная (искусственная, изобретённая, благопри-

обретённая) опосредствованность: один взаимодействует с другим, но через обмен благами, продуктами, услугами, трудом; один эксплуатирует другого, но тоже через трудо-благовый обмен; один обирает другого, но опять же не преми-нув воспользоваться обменом, правда, уже совсем и не рав-ным; один отправляет другого в иной мир, тоже через обмен, к своей жертве даже не прикасаясь.

313

Хозяйство течёт по социуму в разных реализациях и по-разному: через прямые отношения между людьми и субъекта-ми (лоб в лоб) и через косвенные (через тот же продуктовый и трудовой обмен). Вроде бы ничего особенного, но это только на первый взгляд, ибо в действительности это два вполне раз-ных мегапотока, причём не только хозяйства как такового, но и человека тоже, его сознания и ноосферы, всего вообще люд-ского бытия и всей человеческой истории. Первый поток ре-ализует *натуральную* форму (способ) хозяйства (жизни, бытия, труда, творчества, производства, потребления), а второй — *экономическую*. И специфика *экономики* не просто в обмене благами и трудом, но и в участии в этом обмене, который есть не что иное как *товарный обмен*, или *обмен товарами* (това-рообмен), особого феномена-вещи-субстанции — *денег*, имеющих свойство быть оценёнными и обладающими способ-ностью оценивать, т. е. реализовывать себя *стоимостью*, воп-лощаясь на явленном уровне в обменных *ценах* — как на деньги, так и на товары. И тут самое важное: хозяйство, пол-ное вроде бы межлюдских отношений, реализуется через по-средничество *вещей* (предметов, сигналов, фикций, образов, цифр, чисел) — участников товарообмена, из которых совер-шенно уникальную и выдающуюся роль играют как раз *день-ги*. Нетрудно догадаться, что коль скоро деньги здесь мера всего и вся и на деньги можно приобретать всё и вся (вплоть до деяний, поступков, морали), то в *экономическом социуме*, в

отличие от *натурального*, на первую — доминационную и вполне властную — позицию выходят деньги — мало того, что вещь, даже цифра с числом, не более чем идеальная субстанция, но ещё и вдруг... первейшая ценность! Человек тут соблазняется деньгами и отдаёт себя во власть денег — вещи, субстанции, стоимости, становясь, как хозяйство в целом, всё более *однеженным человеком*, или *экономическим человеком*, что то же самое — *человеком-деньгами*. Тут происходит величайший переворот в бытии и истории человечества, когда на место отношения «человек — человек» приходит отношение «человек — деньги — человек», причём ладно бы при деньгах в роли только посредника-оценщика, а то ведь и *кумира*, дарующего человеку, в случае обладания человеком достаточным денежным богатством, полное земное благополучие, почти что райское!

314

Самая достойная сфера применения денег и их сакральной, как видно, реализации это, конечно, торговля, ростовщичество, банкирство, одним словом — капитал, капитализм, финансизм, затем уже сфера производства потребительных благ и их потребления, потом сфера государственной власти, общественных работ и забот, воинского дела, наконец, духовная сфера, она же и сфера искусств, литературы, образования, науки, философии, религии, вообще всякой идеологии, она же и собственно церковная сфера, которая без денег совсем даже никак не обходится, наоборот, очень даже бывает до них охоча.

315

Цивилизацию без экономики и денег представить себе можно, даже и найти кое-какие этому примеры, но по преимуществу цивилизации без денег не обходятся, во всяком случае, близкие современному человеку цивилизации — ев-

розийские, средиземноморские, европейские. Экономика — составная часть любой подобной цивилизации, в том числе и имперской. Наряду с богами, героями и императорами, как затем и единым Господом Богом, насельники той же Римской империи, а потом и позднеримских империй, никогда не забывали о пользе денег и им негласном поклонении, а поскольку функцию денег всего надёжнее и эффективнее исполняли драгметаллы во главе с золотом, то не забывали правители, подданные и податные имперского мира прежде всего о *золоте* — *золотом тельце*, а наряду с ним и о любых других родственных золоту ценностях (редкие камни, ювелирные изделия, роскошные вещи). Феномен Рима не отделим от экономики, развёрнутой с незапамятных времён более всего финикийцами, этими традиционными мореплавателями-экономистами — торговцами, финансистами, капиталистами, основавшими немало приморских городов-гаваней, как тот же ненавистный Риму Карфаген, с которым Риму пришлось воевать не на жизнь, а на смерть, в конце концов и стереть его с лица земли. Экономика была нужна Империи, ибо обеспечивала единство её хозяйственного мира, как и реализацию самой Империи, облегчая содержание госаппарата и армий, обеспечивая ведение войн. Не отделить и саму экономику от Рима, ибо экономике всегда импонировали строгие имперские порядки, большие пространства, хищнические войны и благоносные завоевания. Экономика и цивилизация, экономика и империя, как и империя с цивилизацией — всё это было и остаётся вполне между собой совместным, хотя и не без противоречий, противодействий и даже противоборств. Экономика могла способствовать развитию и поддержанию цивилизации, как и той же империи, обеспечивая социум товарами и деньгами, потребительными благами, услугами, но могла и препятствовать цивилизации с империей, преследуя свою торговоростовщическую корысть, вольно или невольно разлагая социум, а то и начисто разрушая. Экономика — враг всякого нату-

рального хозяйства, в том числе и рабовладельческого; она, в общем-то, противница обирающей её и мешающей ей власти; отрицательница препятствующих ей и её часто разоряющих таможенных границ; но она и не сторонница слабой административной власти, хотя и любительница благоприятных для экономики административных послаблений. Империя играла и играет разную роль по отношению к экономике, либо поощряя её, либо сдерживая, действуя как стихийно, так и вполне сознательно. Если говорить об общем знаменателе, то та же Римская империя, полагая экономику для себя безусловно нужной и ценной, в то же время не доходила до признания самоценности экономики, если и не подчиняя её себе полностью, то по крайней мере не давая ей воистину полной свободы. Экономика же, нуждаясь в империи, её упорядочивающей силе и властном отпращивании, предпочитала верноподданнический союз с империей, а не самоубийственную борьбу с ней, всю пользуясь доброкачественными имперскими монетами с заманчиво поблескивавшими на их поверхностях ужасно благопристойными императорскими ликами.

316

Экономика — образец *организации самоорганизации*. Утверждение, что экономика исключительно самоорганизуема, не более чем иллюзия, давно перешедшая в пустой миф, причём и научный-де тоже. Экономика прежде всего организуема, а потом уже в чём-то и самоорганизуема. Не рынок вообще, который, в общем-то, до сих пор для науки «незнамо что», да ещё и сам по себе, всё в экономике организует, а самая обыкновенная «управляющая экономическая сеть», состоящая из легальных агентов и нелегальных резидентур, сама при этом управляемая из *центров управления*, способных к тому же при надобности между собой успешно договариваться, а потому никакой организуемой рынком экономики — рыночной-де экономики, нет и быть не может, как нет и собственно

самого рынка, а есть лишь *движение экономического бытия*, принимаемое обычно за рынок, — и вот это-то движение экономики и отражает частично то, что называется самоорганизацией. Цены, в том числе и денежные — как и сами деньги, вменяются. Товарообмены так или иначе контролируются, товарные потоки ориентируются, экономические — «рыночные»-де — параметры создаются. Экономика — иерархически управляемая система-среда, а ежели в ней и присутствует произвол, то прежде всего со стороны самих же управленцев. Произвол при этом сталкивается с произволом, и оба они взаимно погашаются, переходя в якобы стихийно возникающий порядок. Экономика — не стихия вовсе, не анархия, а порядок, хотя порядок, допускающий в силу тотального произволения и общей потребности в изменениях как «добрую» самоорганизацию, так и «недобрую» стихию, даже и злостную анархию, что как раз и проявляется обычно в итоговых просчётах, неурядицах, потерях, провалах, выбываниях, а в развитой экономике — в кризисах. При всём акценте на волевою организацию не стоит, разумеется, недооценивать роль самотекущей самоорганизации, как и значение неугасаемой и непогашаемой неопределённости, всегда и всюду преследующей экономику, отчего экономика — образец стохастической, пульсирующей, вибрационной, переменчивой организации, не способной потянуть ни на механическую, ни даже на органическую. Не являясь аналогом мозга или того же сознания, экономика всё-таки более напоминает по способу своей организации какую-нибудь нейрофизиологическую или чисто сознаниевую организацию, как, кстати, и квантовую тоже, где всё сложно, запутанно, непонятно, но вовсе не абсолютно хаотично, а, наоборот, весьма и упорядоченно. Одним словом — *организация самоорганизации*, конечно же, с эффективной обратной связью!

Экономика вовсе не чурается власти, государства, империи, наоборот, она в них всюду нуждается, разумеется, в союзных ей формах и проявлениях. Обычно представляется, что экономика лишь обслуживает политические институты, вынужденно им угождая. Но это далеко не так: экономика в принципе не вершится без и вне *не*-экономического порядка, без и вне *не*-экономических воспроизводственных рамок, без и вне *не*-экономического принуждения. Правила, нормы, законы, контроль, административные требования и подпорки, полицейщина, прокуратура, суд, тюрьма — всё это экономике нужно, всё это и по её поводу, и ради неё. Но дело не только в этом: экономика сама имеет тенденцию обзаводиться властными, в том числе и неэкономическими, структурами, имманентно огосударствляться и стремиться к той же империальности. Какая-нибудь «Ганза» всё это хорошо в своё время продемонстрировала, не слившись напрямую ни с одним обычным государством, но обретя вполне государственническую (и даже империальную!) выраженность. Экономика совсем не прочь завладеть и обычными государствами и империями, стимулируя их становление и развитие, ставя под свой контроль. Примеры Афин, Карфагена, Венеции и Генуи, как и той же финикийской торгово-финансовой империи, не говоря о какой-нибудь британской, вполне тут показательны.

Поток экономики вкупе с экономизацией хозяйственного и всего вообще бытия человека — безусловный *мегапроцесс*, значительно подминающий под себя историю, её соответственно образующий и качественно окрашивающий. Здесь можно заговорить и о *мегапроекте*, разумеется, коллективного сознания, причём не надуманном проекте, а отвечающем несомненной потребности самой реальности. Реальность проектирует и делает реальность, — и хотя сама по себе экономика

со своими идеальными деньгами, оценками и ценами и есть сильно виртуализированный феномен-процесс, чуть ли не параллельный реальной реальности, историческое сознание тут вполне сошлось с бытийной «твердью», найдя и исключительное по своей концептуальной простоте и функциональной сложности совместное с «твердью» разрешение — *экономилу!*

319

Сознание нашло возможность реализовать и ещё кое-что из мегахозяйственного, а именно — явление и развитие сначала орудий, а затем и механизмов труда — машин, аппаратов, автоматов, в общем — *техники*, разумеется, с необходимыми для применения всего этого практическими знаниями, навыками, технологиями, что стимулировало также исследование, экспериментаторство, изобретательство, любой вообще профессиональный, а потом и специальный научно-технический конструктивизм. Это был безусловный переворот в сфере труда и творчества, повлекший за собой грандиознейшие перемены в хозяйстве и всём бытии человека, ставшие особенно сильными, влиятельными и перспективными с момента случившегося вдруг в ренессансной Европе союза технологизма с экономикой, исходно устремлённой к прибыли и накоплению, следственно, и к техническому прогрессу, как раз это самое накопление способному обеспечить, ускорить и увеличить. Технически вооружённый (механизированный) и интеллектуально оснащённый (онаученный) труд — это уже не традиционный ручной и обусловленный лишь опытом (навыками) труд, а труд, способный к неограниченной производительности и столь же неограниченному производительному разнообразию, к неограниченным качественным превращениям на основе и в ходе неограниченных технологических перемен. Мало того, что это был переворот в производительной сфере, но это ещё и был прорыв в *новую реальность* — неприродную, искусственную, техническую, созидаемую человеком

вне зависимости от родной ему натуральности, от своей животности, телесности и организменности, а также от окружающей человека природной среды. У человека вдруг появился шанс взять верх над матушкой-природой, отпавшим естеством, изначальной данностью и заполучить что-то *своё* — сверхприродное, воистину осознаниеенное, уже полностью или почти полностью человеком сотворённое. И всё это, заметим, как и подъём экономики, случилось не где-нибудь, а в Европе, но в Европе, уже пережившей Римскую империю, как и наследовавшие ей империи, вроде бы навсегда расставшейся с язычеством и ставшей чуть ли не навечно христианской, но... самое интересное... устремившейся вдруг в условиях кризиса западного (латинского, римского, папского) христианства на культурный возврат к... *Античности*, то бишь всё к тому же... ранее как раз вроде бы навсегда отвергнутому... *язычеству*.

320

В Европе вновь тогда возник, как и когда-то в древней Италии — вокруг Рима, узел *мегаперемен*, при этом тоже вокруг Рима — уже папского, разверзшийся со временем в пучок переплетённых между собой *мегапроективных мегапроцессов*, что заставило европейское сознание не только даровать человечеству *Новую эру*, но и призвать себе на помощь *Новое время*. Началось всё с идейно-культурных интенций, направленных на освежение весьма уже закосневшего в имперских потугах и деспотических судорогах католицизма, успевшего уже увлечься златолюбием и гедонизмом, весьма себя уже морально дискредитировавшего, а заодно и охотно кое-кем целенаправленно дискредитированного. Раздробившийся на независимые и соперничавшие между собой государства, послеимперский евросоциум, ведомый рядом конкурировавших между собой обновлённых элит, не желал более мириться с господством папской церкви с её давно и прочно отошедшим от первооснов христианством, и устремился так или иначе прочь от

тогдашних реалий, чая уже реалий совершенно иных. Отсюда и целый сонм европейских революций: внутрехристианской (от католицизма к протестантству), названной *Реформацией*; мировоззренческой — от религиозного фанатизма к либеральному гуманизму; экономической, или капиталистической (с отменой Христова запрета на капитал, на ссудный процент, на экономическую эксплуатацию); научно-технической, растянувшейся на века; серии политических переворотов — от монархического абсолютизма к так называемым демократиям; наконец, колониальной (по ходу Великих географических открытий). В итоге Европа уже сама по себе стала мощнейшим перспективоносным мегапроектом, втаскивавшим человечество в иное, и уже неустанно изменявшееся, бытие. Европа устремилась куда-то ввысь, вширь и вдаль, вводя небывалые ранее новшества и не преминуя за всё это, за себя, против всех и сама с собою воевать, воевать и воевать!

321

Европа принялась за созидание *Нового Мира*, отрывавшегося энергично, споро и определённо от старого мира — не только Древнего мира, что было понятно, но и христианского Средневековья, что было уже не столь понятно, но всё-таки имело место. В Европе вершилась тогда воистину *мировая революция*, обозначившая вовсе не возвращение к той же Античности с её язычеством, а поступательный рывок во что-то совершенно новое, ещё совсем не известное, но почему-то невыразимо Европой чаемое!

322

Европа не вышла тогда на путь воссоздания гигантской европейской империи — по абрису Римской, но зато насоздала немедля кучу внешнемировых — колониальных — империй, не только канализировавших имперскую энергию Европы, но и споспешествовавших посредством ограбления и экс-

плуатации колоний быстрому обогащению и развитию европейских метрополий, всё более становившихся капитало-буржуазными (финикийскими).

323

Нужно заметить, что римский дух, несмотря на вроде бы разложение и исчезновение Римской империи, никогда не покидал Европы, вселившись в христианскую Церковь, распределившись по европейским государствам, проявившись в крестовых походах, в межевропейских усобицах, в колониальных захватах. С юга Европы шло римство, с севера — викингство, по краям континента и в островной Британии, как раз на территории древнеримской империи, вызрело колониальное имперство. Европейский империализм, питаемый по преимуществу римским духом, никуда не исчез, а вновь и вновь возобновляясь, определил судьбу не одной только Европы, а и всего мира. Уже тогда планета встретила с феноменом евроимперского глобализма!

324

В чём же тут было дело? Почему именно Европа? Ведь были же другие мощные центры-очаги человеческого бытия, причём вполне и имперские, выплёскивавшие из себя немало энергий, причём не только деструктивных. Ведь Восток издревле был куда как развитее, мощнее и интереснее Европы! А вот в новый — экономико-технологический — мир ворвалась как раз Европа, а не Азия. Немало тут, конечно, всяких обстоятельств, повлиявших на застой Азии и на брожение Европы, но главное было всё-таки в идеологическом оснащении и институциональной обустроенности бытийного пространства — в житейском совершенстве (законченности, полноте) такового в цивилизованной Азии и в соответствующем несовершенстве (незаконченности, неполноте) в цивилизованной Европе. Азия, обучившись эффективному гомеостазу, всегда

предпочитала надежный покой рискованному беспокойству, а Европа, не овладев в той же степени искусством гомеостаза, всегда отличалась произвольной нестабильностью. Не только античное язычество, признававшее не одно небесное беспокойство, но и ожесточённую сакральную борьбу — войну богов, — но и христианство, исходившее из любви, но не даровавшее народам жёсткой поведенческой определённости, не обеспечили Европе, Медитеррании, Средиземноморью кристаллизующего их покоя, наоборот, они более работали на беспокойство, перемены и новизну, чем на консервацию уже так или иначе ставшего и существовавшего бытия. Экзистенция Азии — перемены по кругу, чуть-чуть по спирали, в единении с известностью, а экзистенция Европы — перемены по крутой спирали, в творческом единении с неизвестностью, и не только от старого к новому, но и от нового к... ещё более новому! Азия вразумительна, Европа авантюрна — и никогда они в единое целое не сойдутся!

325

Европа — поле экзистенциального беспокойства, тревожившего Европу с древних времён, не угасшего ни при доминировании Римской империи, ни при господстве христианства. Однако, как оказалось, беспокойства не только деляческого, авантюрного, разбойного и разрушительного, но и делового, конструктивного, консолидарного, созидательного. Самое удивительное в Европе, в евродухе и в евросознании — это потенция к созидательному обновлению, толкаемому вперёд более или менее свободными и относительно независимыми сознаниями. Античное язычество и северное ведичество испокон веку уважали личность, героя, титана, пусть и не очень последовательно, а христианство, несмотря на проповедь смирения пред Богом и благодатной любви к ближнему, не умила (или не смогла умалить) человека перед... самим собой, полагая всех людей равными перед Богом, что не могло не

сказаться на признании и утверждении *человека-личности*, соответственно — на подтверждении стремления европеоида к личной деловой свободе и обретению возможности личной инициативы. На Востоке человек — лишь элемент до и без него когда-то возникшей иерархической системы-сети, в Европе же — субъект, не просто входящий в переменчивое сообщество, но и его составляющий, пусть и сообщество иерархическое, с неравенствами, но всё-таки правовое, пусть и относительно правовое, но зато не тоталитарно «справедливое». На Востоке социальная система из элементов, ей принадлежащих (в неё встроенных), в Европе же — субъекты, образующие подвижный социум-систему. Большая тут, знаете ли, разница!

326

Но есть, видимо, что-то совсем глубинное, совершенно метафизическое, восходящее, надо полагать, прямо к иномирию. В Европе реализуется какой-то таинственный посыл к последовательным переменам, воплощающим какую-то историческую телеологию, нацеленную на земное достижение чего-то на Земле *иного*. Затвердевание человеческого бытия, конечно, возможно, даже в больших масштабах и подолгу, но вовсе не навечно и не повсюду. Европа — источник мобильности и переменчивости, столь необходимых для движения бытия вперёд, а не топтания его на месте. Вот почему Европа скорее беспокойный деятельный и неутомимый ад, чем покойный рай, да и рай-то она очень уж относительный. Достоинство Европы — в движении, а не в стоянии, а движение сопровождается накоплением не столько мудрости, сколько практического, прикладного, делового знания. Несмотря на все попытки евромудрецов — от Античности до Нового Времени через Средневековье — сообщить Европе какую-нибудь незыблемую мудрость, европеец всё-таки склонен обычно не к заумной мудрости, а более всего к умному праксису, что и позволяет ему бесподобно творить, переделывая по-своему и под

себя окружающий мир, даже его и немало пересотворяя — из природного в неприродный, из принятого в созданный, из натурального в искусственный. Откуда такая специфическая склонность европейца, разумеется, не каждого, но всё-таки очень и очень многого, к текучести бытия, к постоянным переменам и к новенькой новизне, а главное — к неограниченному *творчеству*, причём всего более к творчеству нужному, полезному, потребному, причём не для чего-нибудь, а прямо для обновляющейся и преобразующейся обыденности? В появлении на исторической арене европейского сознания со всем его динамизмом, авантюризмом, практицизмом, деловитостью, предприимчивостью, изобретательностью, «творизмом» было виновато многое, но по преимуществу видны последовательный и одновременный синтез культур и цивилизаций, идеологий и религий, а также смешение племён, народов, рас, но, возможно, здесь дала о себе знать и глубинная генетика — как кровная, так и духовная, восшедшая к какому-нибудь кроманьонцу, арийцу, атланту, гиперборейцу. Что ж, совсем это не исключено: европеец — потомок какого-нибудь солнечного «гоменоида», оказавшегося в роли атланта, вполне погрузившегося аккуратно к историческому времени во мрак земного бытия, хоть и освещавшегося Светом, но уже не расстававшегося с Тьмою. И воспроизводит европеец тягу к Свету, стремясь преодолеть и покинуть охватившую его Тьму, но, разочаровавшись в возможности духовного самосовершенствования, он увлёкся переделыванием под себя внешнего мира, обвинив его в настигшей европейца, а может, и протоевропейца, Тьмы.

321

Что из себя представляет кровно- (или расово-) культурный, или же физико-метафизический, он же попросту и сознаниево-поведенческий, *европейский геном*? Да, в нём сидит ген любознания и активной деятельности, как и предпринимательства вкупе с авантюризмом; присовокупился однажды ген

экономический (финикийский, карфагенский); попал через смешение по крайней мере античности с христианством ген — нет, не религиозности и духовности как таковых — а, скорее, идейно-духовного творчества; засел и ген личностный, индивидуалистский, эгоизменный, «гордыньевый». Но главную роль, как кажется, играет в геноме всё-таки ген имперский — войновский, агрессивный, покоренческий, господский, то бишь — *римский*. Европа прошла великую империальную школу, — и имперскость прочно вошла в сознание европейца, в его характерный геном и культурный архетип, регулярно и повсеместно проявляясь в реальности — то так, то этак, но нигде совсем не исчезая и всячески Европой по-своему помыкая. Любопытно, что дело тут не в одних явно имперских проектах и свершениях (Карл Великий с Папой римским и их Священной Римской империей, Наполеон Бонапарт со своей Французской империей, Гитлер со своим тысячелетним Третьим рейхом). Империя — это не только ширь, пространство, распространение, но и глубь, содержание, подоснова; это не только стремление ввысь, за пределы, к новизне, но так же и длительность, растянутость, воспроизведение. Есть ведь и неявная имперскость — скрытая, потенциальная, тенденциальная, сидящая внутри социума, как бы в его подсознании, вполне сводимая к метафизической субстанции и трансцендентному духу. И эта-то неявная, вроде бы даже отсутствующая имперскость находит, тем не менее, разнообразные проявления в реальности, вдохновляя и ведя вперёд своих героев и их бедовые народы, сливаясь с ними, их деяниями и историей, благоприобретая на ходу имперского бытия такие начала, как те же любознание, деловитость, предприимчивость, изобретательность, хозяйственность, творчество, выдавая на гора могучие, оригинальные, совсем и неожиданные, результаты. Казавшийся наяву вполне гетерогенным, а на самом-то деле оказавшийся внутри себя весьма гомогенным — по духу прежде всего, по общему мотиву бытия, по исторической телео-

логии — европейский мир, пережив неудовлетворившую его и, как ему казалось, стеснявшую и препятствовавшую ему в развитии христианизацию, — правда, своего же собственного исполнения христианизацию — сильно изнутри уже перегретый и перенапряжённый, крайне возбуждённый и лихорадочно искавший приемлемых для себя выходов по всему кругу бытия, пришёл неожиданно для себя и всего планетарного мира к вводу в действие нового мегапроекта — сначала вроде бы *неохристианского*, а затем уже и вполне... *пост-христианского* — *нововременского проекта Нового мира*, поставившего акцент непосредственно на человеке, его творческих и демиургических способностях, причём на человеке как раз европейского кроя — горделивом, сильном, знающем, предприимчивом, самостоятельном, способном взять на себя сверхмиссию по переустройству не устраивавшего европейца окружающего мира — даже по его *пересотворению*, причём в соответствии с запросами свободного от руководящего и начальствующего влияния Земли и Неба человека, а также по его собственному замыслу и разработанным им самим лекалам. Европейец тем самым отступил от Бога Творца, поднялся до Неба, возвысил себя над Природой и всей планетой Земля, не преминув высоко взлететь на крыльях самомнения надо всем населяющим планету человечеством!

328

Это был, безусловно, *метаисторический прорыв*, одновременно сверхисторический, трансисторический и даже внеисторический. Это было несомненным чудом — рождение в Европе новой — пусть ещё только потенциальной — Европы — *Новой Европы!* Если б только воинственной, авантюрной, агрессивной, захватнической, колониалистской, златолюбивой, доминационной, а то ведь нет, вовсе не только — ещё и созидательной, конструктивной, изобретательной, умственной, идейной, культурогенной, цивилизационной, а главное, не так

что-то повторявшей из древнего — из того же античного, как порождавшей что-то совершенно новое, ранее небывалое — науку, технику, машину, поточное производство, полнокровный капитализм, гуманитарную культуру, обширную и разнообразную печатную литературу, новую философию, — и всё это либо, скажем так, неохристианское, либо постхристианское, либо вообще уже *не-христианское*. Европа так или иначе устремилась прочь от христианства, если не как духовного учения и морального наставничества, то уж как доминирующей и руководящей силы в обыденном, прежде всего государственном, деловом и творческом, жизнеотправлении. Сначала Европа как бы отстранилась от христианства и католической церкви, или же, скорее, отстранила от себя доминировавшие религию и церковь, давно уже, кстати, не соответствовавшие ни первохристианству, ни первичной церкви, как и ставшие, особенно церковь, очень уж самодовлеющими и... обмирщенными, а затем — уже по прошествии некоторого времени — Европа вдарилась в лице части своей элиты вообще в полный атеизм, отбросив не только веру в Бога, но и любое предположение о наличии иного, потустороннего, невидимого, трансцендентного мира. Европа рассталась со всем, что мешало европейцу творить свой мир по собственному — *европейскому* — усмотрению. Это уже было даже не утверждение человеческого Я перед Богом и Природой, а возвышение человека-творца перед самим человеком — уже вне Бога и над Природой. Европа прошла путь от богочеловека — Христа — через человекобожество в лице того же папы и римской церкви к *человекочеловечеству*, когда человек-европеец становится полноправным и полноценным состязателем с Богом и Природой за самого себя, своё творчество, свой мир!

329

Очень крутая тут вышла пертурбация — превращение европейского христианина сначала чуть ли не в квазихристиа-

нина (христианина по форме и процедуре и не очень-то христианина по духу и сути), а потом и фактически в нехристианина, хотя и не в язычника как такового, а в совершенно нового персонажа истории — нерелигиозного, немистического, не-сакрального, как бы уже в чисто человеческого, телесного, организменного, химического, механического, но при этом, конечно, и умственного, и этического, и эстетического, в общем — культурного, и ежели при этом ещё и культового, то лишь относительно самого себя, своих деяний и свершений, своих материальных достижений и идейных побед. Культу подлежали наряду с человеком, его умом и его деяниями, ещё и такие вещи, как польза, потребность, выгода, рациональность, эффективность, но при этом и труд, и знание, и мастерство, и творчество, и любое предприятие. Не обошлось, само собой, и без культа денег, золота, их накоплений, культа богатства, его преумножения, культа капитала, его неперемногого возрастания. Да, кое-что от христианства или, во всяком случае, ему родственного, тут оставалось, но в целом и в главном это уже было либо не совсем христианство, либо же... самое что ни на есть *в-разум-ительное... антихристианство*. И это очень важно иметь виду: победу в нововременской Европе одержало именно то, против чего самопожертвенно выступил Христос, о чём сурово предупреждали и что несомненно предвидели апостолы и отцы церкви — *антихристианство*, как раз то самое антихристианство, ведомое и поощряемое противником Христа — *антихристом!*

330

Антихрист, конечно, не просто противник Христа, а его прямой и последовательный альтернативщик. Он способен рядиться под Христа, даже действовать от его имени, но всегда имея свою корысть — антихристанскую. Антихрист — дух, он в ноосфере, в сознании, в людях. Он был даже, субъективировавшись, рядом с Христом, учился у него, хотя, надо полагать,

лишь для того, чтобы поубедительнее отвергнуть Христа, а при случае — и предать, и умертвить, что, собственно, и было проделано. Воскресение Христа не остановило, а ещё более подзадорило антихриста, превратив его в непреклонного врага восторжествовавшего после своей мученической смерти Христа, заставив упорно искать пути возвращения христианских сердец, отворота христиан от Христа, главным образом, посредством преподнесения им лжехристианства. И антихрист оказался в своих происках весьма успешным, как это и показала реальная история вроде бы уже тотально христианизированной Европы. Антихрист проник в христианские умы и души, в народ, в светскую элиту, в клир и церковь, весьма завладел и самим папством. Он ведь не призывал, как Христос, следовать жёстким требованиям божественной истины, наоборот, он поощрял всё человеческое, мирское, плотское, умственное, гедонистическое, гламурное, весёлое, карнавальное, в общем — потребительно-насладительное, причём здесь и сейчас, но он был вовсе не против и любых, не сообразованных с учением Христовым, как и с Софией Премудростью Божией, внешне или на срок вроде бы конструктивных и для человека будто бы благоприятных инициатив, зато при этом отворачивающих человека от Бога, от Христа, от Софии, а в конечном итоге и от самого человека. Антихрист, освободив человека в человеке, высвободил вместе с тем и зверя, всегда сидящего в человеке, отчего и при христианстве пошли по Европе насилие, жестокость, страдание, полились реки крови, — и не было той гнусности, пошлости и мерзости, которую и не сотворил бы тогда многих европейец. Антихрист вызволил в конце концов неудовлетворение в Европе от христианства и от Церкви, вызвал их сначала частичное, а потом и вполне целостное неприятие, — и сделал он это не просто через человека, а и прямо из человека, из его сознания, ибо европейский люд, включая и элиту, вовсе не стал, да и никогда не был таким уж искренним и последовательным сторонником Христа и христи-

анства, несмотря на изначальную верность, стойкость и жертвенность первохристиан, а также их неукротимо искренних последователей в другие времена. Житейский перемолот и обыденность, животность и зверскость, плотскость и пошлость сделали своё дело: антихрист оказался гораздо ближе, приемлемее, понятнее многому европейцу, чем Христос. Европейец может, и не отрётся поголовно и насовсем от Христа, но явно от него отошёл, хотя, возможно, это сам Христос отпрянул в ужасе от нового европейца!

331

Как ни крути, но выходит так, что в центре христианского мира, причём с фактически имперiallyно-клерикальной властью во главе, зародился, вызрел и набрал силу *Великий Европейский Проект*, имевший целью человеческое переустройство мира под запросы и по замыслам самого человека, разумеется, в лице его активно-конструктивной элитарной части — господствующей, ведущей, стратегирующей, но при этом во многом уже антихристовой, если не попросту бесовеческой. И этот грандиозный переустроительный проект вовсе не захлебнулся на ранней стадии своей реализации, а распростёрся на века и на весь планетарный мир, став воистину мировым и, как принято говорить теперь, глобальным, причём не столько уже завоевательным, сколько преобразовательным (переустроительным, переделочным, пересотворительным).

332

Любопытно, что европейское христианство, хотело оно того или нет, поучаствовало в вызревании Великого Европейского Проекта, не так, быть может, вынашивая его, как ему... (Sic!)... сопротивляясь. Христос подтвердил значимость человека, равенство всех людей и свободу их выбора перед Богом. Христос, вовсе не снимая с человека моральной ответственности, указал на возможность богоугодного жизнеотправления

на основе всеобщего братства и в лучах взаимной любви. Так или иначе, но Христос акцентировал внимание на человеке — этом сыне Божием, на его достоинстве, сознательности, самоответственности. Это был более всего открытый призыв к человеку, чем какое-нибудь догматизированное учение, не говоря уже о неукоснительном духовно-нравственном уставе. Что касается практического христианства, то оно пошло, конечно же, по пути учения, догматики, как раз устава. В самих по себе вероисповедательных догматах нет ничего плохого, без них и веры-то нет, ибо они — истина, хотя и более принимаемая на веру, чем доказуемая. Но практическое христианство не могло не прийти в конце концов к неоправданному расширению и неизбежному окостенению всё более становившейся самодовлеющей религиозно-церковной догматики, как и ко вполне догматической, но при этом, по мере роста союзничества с антихристом, всё более насильственной и жестокой её защите. Дело дошло и до так называемой Святой инквизиции, не просто осуждавшей и преследовавшей по её мнению слушников, отступников и противников Христа и Христовой Церкви, но и попросту сжигавшей их на очистительных-де кострах. Церковь не так исправляла человеконенавистнические нравы тогдашней Европы, как сама, заразившись от зверской еврообыденности, упорно проявляла невероятное жестокосердие. Церковь расправлялась со своими противниками не менее беспощадно и даже гораздо более последовательно, чем когда-то расправлялось имперское язычество с первохристианами!

333

Своим закосневшим догматизмом, весьма уже препятствовавшим эволюции, новизне, развитию, не говоря уже о палаческой его защите, церковь, вполне подмявшая под себя христианство как идейно-духовный феномен, его законсервировавшая и поставившая себе на службу, не могла не вызвать сначала тайного, вполне и «катакомбного», а потом и всё бо-

лее явного ей сопротивления — что в рамках христианства, что уже за его пределами. Это-то сопротивление и выполнило, по-видимому, роль повивальной бабки при рождении в той или иной мере альтернативных господствовавшему оцерковлённому христианству намерений, замыслов и деяний. Ну а функцию учителей-воспитателей новоевропейского диссидентства выполнили разнообразные тайные общества и кружки, легальные аристократические салоны и августейшие дворы, разночинные школы, академии и университеты.

334

Ренессанс состоял не столько в обращении средневековой Европы к уже весьма позабытой Античности, сколько в прорыве в текущую реальность альтернативной господствовавшему христианству мысли — что когда-то оттеснённой явленным христианством, что им вполне осознанно отвергнутой уже под видом ересей, что попросту гонимой Церковью из-за враждебности такого рода мысли догматизированному христианству и её для него вредоносности. Здесь была разная мысль — и инохристианская, и антихристианская, и нехристианская, и совершенно уже сатанинская. Имели место претензии не только на реформирование христианства, что в итоге и произошло посредством Реформации, не только на новые религии, но и на идейно-духовную безрелигиозность. Однако особое значение возымела мысль, так сказать, строительная, проективно-конструкторская, архитектурная, каменщицкая, «мастеровская», одним словом — *масонская*. Под покровом христианства, в стороне от Церкви, но и не без её содействия в тиши светских и клерикальных кабинетов вызрел замысел совершенно иного, чем могли предположить наличное христианство вкупе с действовавшей Церковью, общества, да что общества — мира, в котором бы воцарилось не что иное, как освобождённый от тенет земной природы и ограничительной опеки небесного сакрала *человеческий интеллект*, сам себя

признающий, утверждающий, возвышающий и освящающий. Мировоззренческий, поведенческий и деятельский (хозяйственный) бунт против Церкви и христианства был в таком разе лишь преходящим, вполне, впрочем, и неизбежным, моментом в ходе другого — более масштабного и глубокого — бунта — против Природы и самого Господа Бога! И Европа попала на это, на явление-де Света, способного будто бы разогнать охватившую Европу и утеснявшую европейство Тьму, — и стала Европа верообновлённой (новокатолической, протестантской, атеистической, культочеловеческой), ренессансной (обновленческой, переменчивой, деятельной, творческой, созидательной) и просвещённой (свободной, секулярной, денатурализованной, интеллектной), ну и, разумеется, антихристовой, атеистической и немало уже сатанизированной!

335

Разного рода уникальные знания — как рациональные, так и мистические — дали роду человеческому разные цивилизации, хотя бы такие, как Китай и Индия, и даже в гораздо большей мере, чем те же Древняя Греция или Древний Рим. Но Европа, восприняв многое из уже добытых ранее по миру знаний, в том числе и совершенно научных, смогла, воспользовавшись Ренессансом и Просвещением, не только придать этим знаниям высокое значение, но и сообщить им ускоренное развитие. Начиналось всё с астрологии, счётно-растчётной математики, архитектуры, кустарной металлургии и металлообработки, простейшей механики, вёсельного флота, врачевания, алхимии, а перешло в астрономию, физику, высшую математику, химию, биологию, геологию, географию, физиологию и медицину, сложную механику, инженерию, парусный флот, разнообразное технотворчество, большую металлургию и сложную металлообработку, мало того, Европа разработала и приемлемую для себя *новую философию* с целым комплексом *наук о человеке и обществе*, в общем — развила и обустроила

(парадигмально, инфраструктурно и институционально) воистину гигантский феномен человеческого бытия — *феномен науки*, сочетавшийся с другим потрясающим феноменом — *феноменом техники*. Изменив и преодолев практическое христианство, немало отойдя от Христа и весьма прильнув к антихристу, не противостоя решительно сатане, а с ним, упиваясь свободой, заигрывая, Европа, напитавшись древностью, бросившись в новаторство и завладев будущим, стала чуть ли не вулканическим по энергичности и силе очагом *Нового Мира*, созревшим в хаосе европейских происшествий, пертурбаций, переворотов и войн и выплеснувшим из своего чрева вываренную из сумбурного, но в то же время и телеообусловленного, европейского коллективного сознания, вкуче, конечно, с бессознанием, особого рода разрушительно-созидательную субстанцию — *евросубстанцию*, причём выплеснувшим не только на собственно европейское, но и на всё мировое пространство, обозначив тем самым начало, а затем и неукротимый ход воистину провидческого, вполне реального и действительно удачливого глобализма — *евроглобализма*! Отныне мир человеческий «стал становиться» (да простят сие гнусное словосочетание просвещённые международным языкознанием стильные отечественные грамматики!) если и не прямо европейским, то уж по крайней мере европеизированным — и ведь стал же!

336

А сам европейский мир, пройдя через не подлежащие полной фактологической фиксации и точному всестороннему обмеру интриги, перевороты, войны, инквизиции, казни, бойни, кризисы, реформы, революции, эпидемии, вертепы, балаганы, чистки, козни, но в то же время и через чудовищную многовековую работу голов, мысли, рук, тел, а также работу орудий, денег, институтов, увенчавшуюся обильным житейским продуктом, невиданными ранее искусственными средст-

вами труда и войны, небывалыми до той поры знаниями, а также явно уже новыми людьми — *новоевропейцами*, даже и *глобоевропейцами*, новыми социумами, государствами, империями, в общем — по-новому обустроенным жизненным пространством, обновлённым сознанием и обновлённой ноосферой, то бишь вполне целостным *Новым Миром*, — так вот этот новоевропейский, он же и глобоевропейский, мир предстал по сути своей как нечто среднее, как некий микст между а) древним язычеством — диким племенным и цивилизованным античным, б) срединным по срокам, значению и роли христианством и в) новейшим гуманизмом, запущенным поначалу скрытно тайным масонством и отточенным уже легально в свободных масонских же академиях и университетах. Верх в этом миксте взял как раз *гуманизм*, сделавший акцент непосредственно на человеке — как самостоятельном, хотя и обусловленном разнообразным контекстом, феномене мироздания.

337

Европейская революция, европейский проект, европейский процесс, евроимпериализм, европеизация мира, евроглобализм! Все эти александры македонские, карлы великие, наполеоны бонапарты, вильгельмы гогенцоллерны с адольфами гитлерами в придачу бледнеют перед тем, что можно кратко именовать *глобальным европроцессом*. Да, это было в некотором роде воспроизведение Древнего Рима — Римской империи — Первого Рима, но воспроизведение на уже совершенно другой основе и с весьма иным содержанием, что и не снилось древнеримским империалистам-глобалистам, ибо в распоряжении Новой Европы были растущие и развивавшиеся производство, техника, наука; бойкая, авантюрная и плодотворная экономика (работавшие на производительный эффект деньги, капиталы, финансы, кредит); возвышающая человека-творца, а лучше бы даже сказать — *сверхчеловека*, культура.

Суть гуманизма не так в свободе, равенстве и братстве, как это принято думать, хотя в некоторой мере и в этом тоже, а в выталкивании человека перед... самим же человеком, — как раз в ущерб Природе и в противовес Господу Богу. Гуманизм — это вызов человека чуть ли не всему мирозданию: раз я осознаниен, то я и осознан — самим собою, следственно, я это Я — работник, знаток, деятель, изобретатель, творец, агрессор, захватчик — и почему бы мне тогда не взяться за... **мироустройство**, как раз то самое, что может меня в конце концов и устроить, ответив на таинственную потребность трансцендентной телеологии. Так над планетой Земля взошла вдруг совершенно вроде бы земная звезда по имени Европа, скорее даже суперзвезда, в ярких, весьма при этом и обжигающих, лучах которой засветились сначала земные, а потом и космические просторы, выставляя на кастинговый показ, колониальное освоение и проективное преобразование континенты, океаны, острова, народы, цивилизации, всю природу, даже и кое-какие планеты, весь подопечный человеку объём мироздания, ставший вдруг прямо-таки подотчётным Европе, превратившейся из скромного придатка земного мира в его всемогущего властелина!

338

Агрессивно-созидательная Европа, сама разделённая на враждующие локалии, среди которых заглавные борцовские партии играли островная и морская Англия, а также континентальные Италия, Голландия, Швеция, Испания, Франция, Дания, Австро-Венгрия, Германия, эта-то Европа, пытавшаяся так или иначе империально объединиться, хотя и безуспешно, преуспела зато в империально-кластерном захвате планетарного мира: куда ни кинуть было в один прекрасный момент любопытного взгляда на земной шарик, всюду заинтересованный глаз выхватывал те или иные европейские колонии, в особенности — английские. Да-а, Европа Европой, а Англия —

Англией, это мало что мировая тогда промышленная фабрика, как и финансовый пуп мира, но и действительная владычица мировых морей и самая могучая и успешная мировая колониальная держава! Именно Англия долгое время выполняла роль острия европейского империи-перестроечного копья, запущенного в мир. Да и не только острия копья, но и главного копьеметателя. И добилась она более всех из колониальных евромиSSIONеров, став самым что ни на есть эффективным метропольным менеджером-экспансионистом и управителем-преобразователем, — в немалой степени, наверное, из-за присутствия в Англии протестантизма, экономизма, предприимчивости, прагматизма, пиратства, господской самоуверенности и накопительской целеустремленности. Так или иначе, но Англия, в отличие от других империиальных европейских стран, смогла не просто занять и выгодно заэксплуатировать свои колонии, но и создать на месте некоторых из них такие... новые Англии, добившиеся в конце концов формальной независимости от метрополии, но не только с ней насовсем не порвавшие, но ставшие для неё самыми что ни на есть надёжными, если попросту не умело подотчётными, филиалами-сателлитами. Англия — это не только сама по себе Великобритания — как метрополия, как Британская корона, а и целый мировой кластер, состоявший из весьма замечательных и вполне жизнеспособных Англий, среди которого стал вышиться такой необычайно могущественный и дальнзоркий «филиальчик», он же и «титанчик», он же и «галиафчик», как *Соединённые Штаты Америки*. Выходило, что Англия, оказавшаяся самым выразительным полпредом Европы в мире, не просто великая мировая европейская держава, а... э-э... держава-топ-менеджер, держава-топ-магистр, держава-топ-корона! И ежели явилась признаваемая всем планетарным миром первая державная корона, то она, несомненно, угнездилась на крепкой, мудрой и непреклонной британской голове!

Европа — прежде всего, конечно, умом, энергией и руками Англии, — произвела в Северной Америке — Новом Свете — не что иное, как совершенно новенькую Европу, по преимуществу английского образца — Соединённые Штаты Америки. Да, это была поначалу еврофранкоанглийская колония, но затем, когда славная заморская территория освободилась от колониальной зависимости, став независимой от Европы-Англии страной, всё более оказывалось очевидным, что на очищенном от аборигенов месте возникла действительно *Новая Европа* — даже Ново-Новая Европа, — полностью уже современная, та самая, что отвечала проективным интенциям новоевропейского гуманизма, где освобождённый от любых традиционно-исторических уз и фактически уже постевропейский человек был предоставлен самому себе в ходе им же порожаемых трудо-экономо-творческих перемен. Североамериканский постевропеец захватил с собой, конечно, кое-что из европейской культуры, включая и кое-какое идейно-духовное наследие — в основном масонской рецептуры, но это никак не помешало ему стать чуть ли не кристально чистым *новым человеком*, способным творить действительно новый — сугубо человеческий — мир и оснащать его новой, совершенно уже гуманистической, жизнью (не так в нравственном, разумеется, плане, как в деятельском — что законном, что криминальном, что попросту произвольном). Вызревший в Европе проект не так Новой Европы, как вообще Нового Мира, получил приоритетное и почти чистое разрешение не столько в самой Европе, ставшей вдруг старушкой Европой, лишь усиленно и весьма злобно молодившейся, а в Америке, в Новом Свете, в Соединённых Штатах Америки, где были когда-то индейцы, но зато не было Античности с Римской империей, не было явления народу Христа и воссиявшего вдруг первохристианства, не было Римской Церкви с Папой во главе, не было и Святой инквизиции, как и европейских государств не было, крестовых

походов, Реформации и революций, непрерывных межвропейских войн, не было и отсталых, тупых и самодовольных коренных европейцев, в общем — ничего из того, что тянет назад и вниз, что надо со скрипом преодолевать, что не позволяет, кроме разве перевёрнутой вверх дном доброй и ужасной Англии, свободно рваться в историческую перспективу. Это был величайший скачок Европы в сторону и... в будущее, в освобождённое от любых материально-идеологических пут пространство, что и позволило Европе как бы перескочить через саму себя, совершить внезапный исторический кульбит, выйдя из умопомрачительного сальто-мортале помолодевшей, полной потенциальных сил и нераскрытых возможностей. Европа алкала богатой древности и судорожно искала Индию, а нашла в итоге... саму себя, но уже новую, как бы выплеснутую протуберанцем из старой, сделав то, что не удалось ей совершить ни в ходе христианского обновления, ни через папозезаризм, ни посредством тех же крестовых походов, ни путём захвата и покорения Византии, ни через колониально-цивилизаторское освоение восточно-европейского, а затем и сибирского, пространства. Много было привнесено в США или там возникло, но не было там ни императоров-самодержцев, ни самодовольного римского папы с самодовлеющей церковью, ни деспотической власти вообще, ни утопических идеологий и проектов, ни привилегированных условий, ни косной бюрократии, в общем, ничего из того, что непременно мешает людской инициативе, большому труду, свободному творчеству, но зато было там много простора, ресурсов, созидательного духа, проективного прагматизма, безудержной инициативности. И получился в итоге, не без чёрного рабства, белого произвола и красно-кровавых разборок, как и бесовеческой предприимчивости, очищенный от традиционного и замшелого европейства новый европейский (постевропейский) мир — *НовоСветский Мир!*

Новоевропейская Европа, возникшая из насыщенного идейно-духовного исторического контекста, в нём и сидевшая, произвела, всесторонне и ярко бытийствуя, *великую гуманистическую культуру*, не брезгуя при этом ни прозаической экономикой, ни грязным производством, ни отважными грабительскими набегами, ни кровавыми разборками, ни аморальными преступлениями. А вот новосветская Европа, она же и Америка, не так заявила о себе в высокой культуре, как в материально-техническом конструктиве, породив гигантскую промышленность, понастроив огромные города, понаделав бесконечные дороги, понасоздавав мощную инфраструктуру, понавыдумывав разнообразной техники, развернув на полную катушку экономику, истово отдавшись деньгам, финансам, капиталу, полностью индустриализовав бытие, развив прикладную науку и специализированное образование, построив в конце концов объёмный искусственный мир, снабжённый, помимо почты, телеграфа и радио, популярной культурой, незатейливым искусством, простодушной литературой, общедоступной развлекаловкой, включая пабы, кабаре и бордели, а затем и удобоваримым кинематографом, занимательным телевидением, в общем — отличившись в основном на ниве деятельского прагматизма и развлекательного «культуризма». Пришла, конечно, в Америку и высокая европейская культура, но более всего для высших и наиболее образованных слоёв пёстрого и усреднённого американского населения, но кое-что подобное европейским образцам стало являться и в самих США — от уже местных потомков самоценных европейцев или же от вновь прибывавших в США «культурных» европеоидов. Америка не слишком долго оставалась заморским филиалом Европы, а, набрав заметной мощи и собственного величия, незамедлительно превратилась сначала в партнёра-соперника Европы, а потом и её уважительного, но самовластного и даже довлеющего над ней опекуна. Освободившись од-

258

нажды от Англии как метрополии, США, однако, не порвали насовсем связи с английской прародительницей, а сохранили с ней, как минимум, доверительные отношения, допускавшие как, с одной стороны, кое-какое идейное покровительство от умудрённой старушечки Англии, так и, с другой стороны, потребный для ослабевшей «альмаматери» сыновний от Америки протекционизм. Так Европа, перелившись в США, получила не только себя продолжение, но и новый жизнеспособный образ, весьма и отличный от покрытого замшелой патинной канона, что означало обретение Европой дополнительного исторического шанса — уже в заметно более гомоморфном и целостном варианте.

341

Сама же Европа, вступившая в нововременский этап бытия, не только не отличалась единством, но оставалась прямо противоположным геополитическим феноменом — совершенно гетероморфным. И ладно бы разнообразным, причём контрастно-разнообразным, пусть и с известным межстрановым соперничеством, а то ведь с неухающей межевропейской враждой. С одной стороны, великие по всей Европе производительные, экономические и культурные достижения, а с другой — постоянная и ожесточённая борьба, легко переходившая в кровавые боины. К межстрановой вражде, восходившей к имперским и антиимперским традициям славного европейского прошлого, добавлялась и внутривосточная борьба, вдохновлявшаяся неутолимой жаждой идейно-политических и производительно-экономических перемен посреди двинувшейся в либерально-гуманистический поход мало-помалу дехристианизовавшейся и секуляризовавшейся Европы. Перевороты, революции, реформы, межстрановые, гражданские и религиозные войны, борьба за доминирование и водительство, за новую евроимперию, как и против любой общей для Европы — паневропейской — империи. В Европе сидело, само-

утверждалось и боролось за жизнь множество Европ: английская, французская, германская, италийская, испанская, голландская, шведская, австрийская, польская... какая там ещё? Заключались, конечно, союзы, возникали группировки, вызревали объединения. Кто-то кого-то покорял, кто-то от кого-то освобождался, кто-то кому-то показывал... э-э... свой подлый зад, предавая, обманывая, перебегая к врагу. Спорные территории, лакомые куски, чаемые наследства. Династические браки, добровольные и не очень межгосударственные договоры, дерзкие измены, неожиданные разрывы, вынужденные слияния, рачительные присоединения, ожидажно-неожиданные сдачи. Настоящий европейский — межстрановой, межгосударственный и межнациональный — социополитический вертеп! Единой Европы не было, хотя была некая общеевропейская подоснова, разумеется, вполне метафизическая и достаточно криптогенная. Не будучи единой геополитической институцией, Европа была зато целым особым миром. Европейский мир — сложный, разнообразный, изменчивый, дерзкий, бурливый, кровоточивый, порочный, гнусный, зверский. Мир-вулкан! Но главное: мир-продуктор, мир-творец, мир-выдумщик! Нигде на планете не было и не могло быть ничего подобного! Какая-то внутренняя, явно из какого-то подспудного источника, совершенно нечеловеческая, скорее даже титаническая, энергия, непрерывно рвавшаяся наружу — в европейский и мировой свет, а может, и в евромировую тьму, — не оставляя в покое Европу, но и задевая задиристо весь планетарный мир!

342

Когда-то дикая, вполне и варварская, а потом и вполне окультуренная, цивилизованная, гуманистическая, просвещённая, интеллектуальная, замечательно творческая, лично-либеральная, хотя при этом, конечно же, однеженная, финансово-экономическая, капиталистическая, трудо-эксплу-

таторская, накопленческая, колониалистская, немало и криминальная, паразитарная, аморальная, но... передовая, над собой и миром возвышающаяся, растущая, развивающаяся, прогрессивная, эта-то *необыкновенная Европа* отличилась перед всем миром — в уже ставшее Новое время, — немало потрясши людское воображение, тремя гигантскими общеевропейскими войнами, из которых две даже обрели официально мировой статус. Речь идёт прежде всего о так называемых наполеоновских войнах начала XIX в., а фактически о большой общеевропейской межимпериальной войне, ведшейся как бы по метафизической заданности со стороны самой Европы самозванным французским-де императором, вовсе не блестящего — провинциального — происхождения, Наполеоном Бонапартом, а также о двух столь же межимпериальных войнах, случившихся уже в XX в. и ставших официально мировыми, и ведшихся — по всё тому же негласному, даже и конспиративному, волеию со стороны хитроумной и коварной *крипто*Европы — по конкретным инициативам имперской Германии, поднявшейся на первые общеевропейские роли вслед за дважды в XIX в. разгромленной Францией и наряду с ни разу не разгромленной и всегда победительной Англией. Наличие союзников у Германии вроде Австро-Венгрии и Италии не меняет того факта, что главным агрессивным оператором этих войн была именно Германия, правда, в обеих войнах потерпевшая, как и когда-то Франция, сокрушительные поражения. Все три супервойны — не просто великие события, вошедшие в историческую явь Европы и мира, а сверхзначимые европейские прежде всего происшествия, имевшие глубинные мотивы и потаённые смыслы случиться и бросившие в текущее евромирное бытие непреходяще великие следствия. По отношению к имперским римским войнам и завоеваниям, как и последующим — уже постримским — попыткам империальных реставраций в Европе, в указанных трёх гигантских войнах Нового времени ничего особенного нет, что вполне убеди-

тельно подтвердила последняя война, ведшаяся главным образом германским фашистским режимом во главе с Адольфом Гитлером. «Бесноватый фюрер» достаточно ясно показал, что война имела, как и все предшествовавшие тотальные войны, главными целями захват власти в Европе, а соответственно и в мире, установление паневропейского и, соответственно, панмирового господства. Всё как и прежде, ничего нового! Гиганты-сверхчеловеки — будь то древние римляне, нововременские французские революционеры или убеждённые в собственном национальном величии новоевропейские немцы, как и те же вдруг вспомнившие о былой славе Рима и вдруг проснувшиеся от благоговейной мирной спячки опять же нововременские итальянцы — те самые гиганты-сверхчеловеки, единственно достойные-де быть наверху, всех вокруг покорять и надо всеми господствовать. Не надо думать, что тот же Наполеон Бонапарт, как когда-то Юлий Цезарь, Карл Великий или даже испанский король Филипп, думали намного иначе, чем ужасный и кровожадный Гитлер, — просто Гитлер довёл имперские помыслы до полного завершения, а имперIALные деяния до острой отточенности. Понимая Гитлера, возможно понять и всех его предшественников, а понимая предшественников, можно понять и вдохновлённого ими Гитлера, как и разгадать всю евроимперскую конспирологию.

343

Имперская одержимость европейского духа! Не более и не менее: *одержимость!* Ниспадающая к органичному Европе *субстанциальному безумству*, успешно сочетавшемуся при этом и с умом, и с интеллектом, и с коллективным сознанием, и с коллективным бессознательным, и с элитарной воззренческой изощрённостью. Без субстанциального безумства тут никак уж не обойтись! Ещё Александр Македонский ярко продемонстрировал, что есть *стратегическое безумие*, а тот же Наполеон Бонапарт блестяще это подтвердил. Оба блистали

умом, военными и управленческими талантами, обладали невероятной гордыней, были обаятельными баловнями судьбы, но оба были при этом... *стратегическими безумцами*, ибо в противном случае никаких тебе александров македонских, наполеонов бонапартов, ну и, само собой разумеется, адольфов гитлеров. И дело тут не столько в их личном безумии, сколько в субстанциальном безумстве порождающего их элитного социума. Нет, не столько в каком-то там коллективном бессознательном, сколько во вполне осознанном и совершенно сознательном коллективном (ноосферном) безумстве. Есть ведь и такое, — и оно непременно должно было быть, иначе ни буйной и авантюрной Европы, ни великих её свершений, ни исключительной европейской истории, ни крутых в Европе перемен, ни необыкновенных взлётов Европы и экстравагантных её падений, ни замечательных еврогероев и вызывающих восхищение евротитанов, ни авангардного прогресса, ни захватывающих проектов, ни влекущих вперёд утопий, а лишь одна подлая, скупая, серая, мертвящая обыденность. Без безумства тут никуда, но и с одним лишь безумием тоже недалеко, а потому речь может идти всё-таки лишь об *умном безумии*, как раз всё великое и порождающем. И вот когда европеец ощутил себя ЧЕЛОВЕКОМ, что не значит, что это было очень для него и мира хорошо, и вздумал переделать человеческий мир, даже его *пересотворить*, то энергия умного безумия не просто «забулькатела» в недрах Европы, а забила прямо-таки вулканическим фонтаном, — и пошло соревнование европейца с самим собою за превосходство над собой и другими, за господство в Европе, за власть Европы над миром и самой историей, — и открылась беспощадная межевропейская сеча, и вспыхнули гигантские, по своему почти что и сакральные, войны, расчищавшие путь не кому-нибудь, а сверхчеловеку-европеиду — возрождённому атланту, вавилонянину, греку, римлянину, финикийцу, викингу, но и альбигойцу тоже, как и совсем ещё недавно рождённому новомировскому масону-гуманисту.

Наполеоновская, она же и французская, империалистическая война случилась как раз на взлёте *нового европейца*, вовсе при этом не кичливого англичанина — дельца, скряги, пирата и паразита, а гордого галла — героя, подвижника, жизнелюба и весельчака, того самого европейца, только что сфабрикованного просвещённой Европой в лице постреволюционной Франции, а потому война эта казалась для Европы очистительной, освободительной, обновительной, гуманистической, по-своему и романтической, в общем — какой-то светлой, жизнеутверждающей, возвышающей! И Бонапарт, этот самолюблённый император Франции со странным именем Наполеон, безвестный вначале корсиканец, затем везучий вояка и пламенный авантюрист, тактический игрок-счастливчик, выигравший десятки сражений, но и стратегический игрок-неудачник, проигравший все до единой крупные военные кампании, включая и борьбу за свою столь же мифическую, как и он сам, империю, этот самый Бонапарт, разбивший кучу европейских армий и подчинивший целую гроздь государств-монархий, завладевший почти всей континентальной Европой, прослыл не просто героем-титаном, но и первой в Европе новременской персоной, не побрезговавшей, правда, ни убиением взрастившей его республики, ни узурпационным восставлением свергнутой революцией монархии, однако персоной, вызывавшей неподдельное восхищение у подавляющей части передовой-де европейской общественности, включая в особенности её дамскую половину. Нет, конечно, мало кому из европеоидов хотелось попасть тогда под высокий кавалерийский ботфорт победоносного «маленького капрала», но... но это был безусловный феномен, пусть и не очень-то желательный для Европы, но насколько всё-таки исключительный и блистательный! То ли сам бог войны Марс, то ли скрытый антихрист, то ли сам сатана, но ведь случился же, был, вытворял, перекраивал, проходил катком по Европе, утверждая Новый

Европейский Мир — гуманистический, просвещённый, либеральный, умственный, талантливый, творческий, изобретательный, к тому же ещё и антибританский, антикарфагенский, антиторгашеский, рыцарский, пожалуй что, и масонский.

345

Поднявшаяся, прогрессирующая, устремившаяся в будущее Европа должна была возвыситься под опекой и вождем новой Франции, уже не ренессансно, даже не просвещенчески, а как бы... фьючерсно, без оглядки на прошлое и без поклонения настоящему, а будучи обращённой в будущее, разумеется, общеимперское. Из этого великого замысла, увы, ничего не вышло! Франция проиграла от самой же Европы, правда, не без вынужденного участия в борьбе с зарвавшейся наполеоновской Францией восточноевропейской России. Кончилось тем, что Париж был взят русскими войсками и низложенный Наполеон Бонапарт был сослан антифранцузской коалицией на нелюдный остров посреди Атлантики, где и закончил свою необыкновенную жизнь полуразложившимся морально и физически, ещё и досадливо скучающим, брэнником. Вспышка, имперская вспышка — и только! Однако вспышка вполне и историческая — между взлётом нововременской Европы и её, нет, ещё не падением, но... уже наметившимся... *кризисом*. Именно после наполеоновских войн, — не так причинно-следственно, как по времени, — когда континентальная Европа подверглась антиреволюционной монархической Реставрации, чего вроде бы уже не должно было и быть, появились первые признаки общеевропейского... э-э... *концептуального кризиса*, хотя Европа, подгоняемая вперёд предпринимательской, финансовой и колониальной Англией, не остановилась в развитии, в освоении Нового времени и созидании Нового Мира, более того, устремившись вослед удачливой Англии, принялась за активное предпринимательство, финансизм, капитализм, пытаясь догнать Англию и вновь обрести

производственно-техническое и опять же военное могущество, но... опять же с акцентом на живучую, вполне и неистребимую, европейскую империальность. Помимо погружения в экономическую обыденность, разрушавшую остатки уже былой — просвещённой, романтической и полной радужных надежд Новой Европы, европейский мир, всё более капитализируясь и насыщаясь свойственными капитализму противоречиями, родил вдруг своё собственное себя отрицание в виде рабочего (трудового, пролетарского, народного) реформистского и революционного движения, энергично поддержанного частью европейской интеллектуальной элиты, объединённой в конспиративные общества и активно участвовавшей в легальных массовых движениях. Европейскому трудовому люду, жестоко тогда эксплуатируемому, захотелось-де другой Европы — не *иерархически-эксплуатационной*, а... *коммунально-солидарной*, то бишь захотелось возрождения некоего нового Рима вместе с паневропейством и даже мировым глобализмом, но... уже не *иерархического*, а *коммунального* свойства: без монархий, без государств, без авторитарной церкви, без армий, без капитала, соответственно без эксплуатации, без господ и рабов, без людского паразитизма, но зато со всеобщим братством равных и свободных тружеников. Революционный лозунг среднеклассовой революции XVIII в. — «Свобода, Равенство, Братство!» — как бы перевоплотился вдруг в XIX в. в лозунг пролетарской революции! Так в Европе нежданно-негаданно появилась очередная крутая альтернатива, увенчавшая движение Европы от Бога с его Софией к человеку с его умом и трудолюбием, от Христа к антихристу, но уже антихристу не буржуазному, а пролетарскому, вовсе не гнушавшемуся принципами первохристианской морали, но только уже без божественного Христа. Всё это означало раскол Европы на три идейно-проекционные Европы: на ту, примером которой оставалась Англия, ту, которая не удалась Бонапарту и всю подавлялась тогда Реставрацией, и ту, которая вдруг явилась от

имени покорённого первой и второй Европами и ими усилено эксплуатируемого трудового народа.

346

Чем не *кризис Европы*, причём расстройшейся Европы на 1) атланти-морскую, высшую и явно передовую Европу — английскую, 2) евро-континентальную — большую, раздробленную, всё ещё очень пёструю, но упорно и живо догоняющую Англию, и, как Англия, всё-таки верхнюю — эксплуататорскую, господскую, паразитарную; наконец, на 3) Европу нижнюю — эксплуатируемую, рабочую трудовую! Кризис, самый настоящий кризис, и как раз кризис нововременской, новомировской Европы, заматавшейся в безысходном лабиринте своей собственной метафизической парадигмы: тут тебе ещё замешкавшиеся в историческом бытии короли с императорами; тут же никуда не желающий уходить феодализм с аристократией; тут же резвое предпринимательство с лукавым и хищным финанризмом; тут и великая промышленная революция с её фабриками и заводами, полными машин и наёмных рабов; тут тебе и неумолимо повторяющиеся промышленные кризисы; тут же претенциозные нации-государства, стремившиеся в лице своих элит к общеевропейскому первенству; тут и кое-какая демократия со свободой слова и укреплявшейся гражданственностью; тут и развивавшаяся вовсю наука с техникой; тут и подрастерявшаяся церковь с остатками былой религиозности; тут же воинствующий, победный атеизм; тут никуда не девшийся милитаризм с локальными, но вполне зверскими, войнами; тут и пролетарский социализм с коммунизмом, отрицавший решительно и громко только что образовавшуюся Новую Европу; тут тебе и вдруг полезшая из всех щелей философская, литературная, художественная, одним словом — культурная, если не прямо антикультурная, безобразность, она же и безобразность, если не попросту чернуха, ознаменовавшая переход от Ренессанса с Просвещением к... де-

градансу с помрачением. Калейдоскоп, коктейль, микст! Но не в вавилонском смешении всего и вся состояла тут главная проблема, а в совершенно новоевропейской *смуте*, из которой не просматривалось никакого, кроме смутовского же, выхода. Кризис был вполне *апокалиптический*, жаждавший столь же *апокалиптического* исхода! Уже возвращены были на поэтической грядке бодлеровские «цветы зла»; уже Вагнер пропел свой могучий, ужасный, длинный и нудный музыкальный *Реквием* по Европе; уже полусумасшедший Ницше атаковал влобковую остаточное христианство, провозгласив своё отчаянно сакраментальное *«Бог умер!»*; уже прошли скверной чередой новые, никуда в общем-то не ведшие революции, восстания, перевороты; уже случилась великая и вполне кровопролитная гражданская война в Новом Свете — в США; уже прогремела Парижская Коммуна, обогрившись кровью пролетариев-коммунаров; уже проурчал мощно и злобно — в конце XIX в. — первый долговременный мировой экономический кризис, выведший на социо-хозяйственную арену могучих спасителей капитализма и самых последовательных врагов пролетариата — *монополистические корпорации*; уже повспыхивали там и сям по миру новые евроколониальные войны и империяльные захваты. *Кризис и развитие, развитие и кризис!* Но... чу: развитие и кризис в умах и делах в целом уже надприродного и вполне уже секуляризованного человека-творца, предоставленного историческим роком своей собственной инициативе, точнее, уже полностью захваченного роковой исторической, а может, уже и внеисторической, но зато явно уже бесовской инициативой!

347

История — вещь странная, лукавая, обманная! Не успела нововременская Европа вылупиться с помощью Великой Французской революции (на самом-то деле — Великой Европейской революции), как и расчистительных наполеоновских

империальных войн, то бишь произвестись на свет во всей своей красе вкупе с философией, литературой, искусством, наукой, атеизмом, гуманизмом, как и, разумеется, с капитало-экономикой, с производством и техникой, как бытие европейское обернулось вдруг своей тёмной, inferнальной, кризисной стороной. Вроде бы всё вокруг было почти то же самое, что и на совсем ещё недавнем подъёме, всё ещё вроде бы свежее, молодое, энергичное, а, подишь-ты, какое-то уже смутное, порченное, гнилостное. Только что случился новоевропейский расцвет, сопровождавшийся задорной общеевропейской дракой, как вдруг — общеевропейская темень со всеобщей дрожью и чуть ли не животным страхом! Выходит, что бытие не просто течёт, волнуясь и колеблясь, не просто движется вверх по спирали, срываясь местами и временами и вниз — уже по обратной спирали, но вдруг не очень заметно, но зато вполне для себя уверенно поворачивается вокруг своей невидимой оси, обращаясь к самому себе то лицевой, то изнаночной стороной, то себя утверждением, то себя же отрицанием. Движение при этом не останавливается, хотя может и замедлиться, а при случае и ускориться; жизнь вовсе не прекращается, хотя и идёт вдруг на какое-то время под каким-то другим приоритетным знаком; совсем не обязательно отстывает и развитие, хотя может замедлиться и изменить на срок свой текущий алгоритм; без усталости идут вереницей перемены — как обусловленные прошлым, так и вызываемые будущим, как вызывающие надежду, так и вселяющие страх. К рубежу XIX—XX вв. Европа подошла в явно кризисном состоянии; оставаться всё той же посленаполеоновской Европой она уже не могла; на арену вышла, поддерживаемая Австро-Венгрией, но, безусловно, враждебная Англии и Франции, единая Германия, обделённая при этом имперским величием, державным авторитетом и заморскими колониями. И Германия не замедлила заявить о себе как новая империя. Её сумрачный дух вполне соответствовал сумеречному состоянию Европы, а имперские

амбиции требовали немедленного разрешения. Европа, во всяком случае, континентальная, была уже обречена на новое империальное злослучие. Тень Первого Рима вновь опустилась на Европу. На континент стремительно накатывалась новая межимпериальная разборка, — и вскоре уже стало ясно, что большая общеевропейская война неизбежна, правда, как война уже не освободительная — против устаревших феодально-авторитарных режимов, как это вроде бы было при Бонапарте, а подавленческая, как это было, к примеру, при том же Карле Великом. Европа, не очень-то, наверное, желая всего этого осознанно, шла бессознательно к силовому самоподавлению: кризис уже не мог не глушиться кризисом же, если не попросту *катастрофой!*

348

И тотальная общеевропейская война, ставшая сходу и мировой, разразилась! Европа к ней хорошо подготовилась, воспользовавшись никогда ранее не бывшими научно-технико-индустриальными возможностями, предоставленными ей Новым временем, как раз тем самым, которое и было предназначено для решительного переустройства освобождённого и очищенного от религиозно-метафизических миражей реального, то бишь вполне и обыденного, мира. Борьба за новый реальный мир привела к борьбе нового, уже вполне реального, совершенно уже лишённого трансцендентальных иллюзий еврочеловека за столь же реальное в этом новом реальном мире господство: Англия ли, эта фабрика мира, как и мировая финансовая столица, владычица морей и великая колониальная держава; либо та же Франция, едва оправившаяся после бонапартовых потерь и поражений, вновь набравшая кое-какую мощь, тоже великая колониальная держава; или уже собранная из германских локалий в единую державу Германия, обнаружившая уникальную способность к всестороннему развитию и обретшая за короткий срок большую, если не гро-

мадную, силу, а главное — молодая, бодрая, пассионарная, амбициозная, наглая, устремлённая в будущее и... необычайно горделивая! Имперское божество было тогда явно на стороне этой вдруг возвысившейся Германии, её короля-императора, — и грех было консолидированным германцам не воспользоваться этим бесподобным верховным покровительством! Наконец, уже изрядно постаревшая, но всё ещё старательно молодившаяся Австро-Венгрия, грезившая расширением и приливом новой, славянской по преимуществу, крови. Все великие европейские державы-нации готовились к решающей между собой схватке за лидерство в новой индустриально-капиталистической Европе, а соответственно, пока США ещё не подросли и не окрепли, к схватке за лидерство во всём мире, конечно же, не без передела сфер колониального владычества. Заманчивой казалась новая имперская, вполне по духу и римская, перспектива — и это несмотря на вроде бы гуманистический прогресс, заявившую о себе гражданственность, несмотря на демократии и республики, социализмы и феминизмы, как и оживлённую миграцию населения, культурные взаимовлияния, подъём нового европейского «серебряного» искусства, интенсивное развитие индустриального транспорта и технических средств связи, чрезграничные потоки товаров, денег, капиталов, весь вообще *хозяйственный космополитизм*, в общем — несмотря на удивительное процветание всей Новой Европы, а, может, как раз и благодаря этому удивительному процветанию старушенции Европы, очень уж бывшей тогда беременной новым, как раз и призванным евро-старушку внезапно омолодить, *евроимпериализмом!*

349

Да, это была уже вовсе не та война, вовсе уже не наполеоновская. Та война была ещё игровая, даже театральная, состоявшая из множества разбросанных по Европе боёв, сражений, походов, биваков, постоев, зимовок, более тактическая,

чем стратегическая, вполне маневренная, дискретная, переменчивая, с подвижными войсками, тылами, обозами, магазинами, не без приармейской маркетанщины и неразлучной с армией услужливой развлекаловки. Война была, конечно, как и любая война, страдательной, кровавой, смертоносной, но и доставлявшей победы, трофеи, знамёна, шпаги от коленопреклонённых генералов, ключи от побеждённых городов, совершавшая блистательные парады и праздновавшая упоительные триумфы. Сколько было романтики, приключений, подвигов, рассказней, забав, разгильдяйства, ссор, дуэлей, безумства, в общем — мужества, доблести, славы! То была ещё традиционная война, очень схожая с войнами Македонского, Юлия Цезаря, короля Артура или того же Людовика XIV. *Война — жизнь, жизнь — война!* Начиналась французская война вовсе не как наполеоновская, а как национально-оборонительная: против отживших свой век консервативных, авторитарно-самодержавных, феодально-аристократических режимов, пытавшихся задушить тогда молодую революционную Францию; это потом она превратилась в имперскую, даже и захватническую, уже под водительством бывшего революционного, но успевшего стать и антиреволюционным, генерала-диктатора, затем и императора, Наполеона Бонапарта, следственно, оказавшись войной именно наполеоновской. От «Родина или смерть!» через «Да здравствует Франция!» до «Вив император!». Это была война не между народами, как это представляется некоторым ретивым историкам, а между управленческими элитами: новой революционной, а потом уже и новой имперской — это со стороны омоложенной революцией и почти единолично утверждённой в своём новом величии счастливым Бонапартом Франции, и старой — с революционной точки зрения европейской — элитой, представленной как задержавшимися на европейском свете континентальными монархиями, так и передовой в экономико-империальном плане удачливой Англией. Французы шли на войну в надежде на

кое-какой личный гешефт, на социальный лифт, на карьеру, на хорошенькое место под французским, европейским, ближневосточным и даже российским солнцем; континентальные европейцы сражались против назойливых французов, не отвергая ещё своих закоренелых элит и привычных для них правителей; островные британцы бились за сохранение своего в Европе и мире экономико-производительного, как и грабительского, первенства. Новейшая Европа в лице передовой-де Франции выступила против уже устаревшей, хотя и вполне постренессансной, даже и постреформационной, Европы, исключая лишь ещё не старую, но уже зрелую Англию. Ничего подобного не было в Европе начала XX в., где и когда завязалась совсем другая война — война между равноценными державами-хищниками, — и вовсе не за новую передовую Европу, а всего лишь за господство в Новой Европе, за её новое панимперское покорение. Характер войны оказался совсем не похожим на наполеоновскую войну — это была уже война не самодостаточных армий, выходивших на поле битвы как на ристалище — потягаться между собой, а бессчётных европейских орд, сошедшихся в затяжной кровообильной схватке на месте уже, скорее, не битвы как таковой, а... самой настоящей взаимной бойни.

350

Войну, как всегда, затеяли правящие круги и господствующие элиты, вели войну вроде бы армии, а непосредственно участвовали в войне народы, а лучше сказать — население земли европейской. Европа оставалась, конечно, иерархической, классовой, сословной, но она стала при этом и... *массовой*: в ней присутствовали уже не просто народы, не просто классы, не просто сословия, а... *массы* — как некий особенный физико-метафизический людской феномен, реализовавшийся как бы помимо или вне привычных структур, не субъективированно, а как именно *масса*. Вот и война оказа-

лась не какой-нибудь, а массовой, в которой сошлись даже не армии как таковые, а вооружённые массы, — и не для буйно-ожесточённой драки, а для многолетнего взаимоистребительного... даже не противоборства, а всего лишь... противостояния. Война-то войной, но ведь и... бойня, мясорубка, кровавая мельница. Миллионы, скорее, участников, чем бойцов, миллионы жертв — убитых, раненых, инвалидов, миллионы раздавленных судеб. Глупая война, бестолковая, бездарная, безысходная! Траншеи, окопы, проволочные заграждения, доты, дзоты, безрезультатные атаки, неизбежные откаты назад и трупы, трупы, трупы на одних и тех же полях, в одних и тех же лощинах, горы трупов. Не война, а истребление — этих самых новоевропейских, прежде всего немецких, австро-венгерских французских, английских, масс. И писателей с музыкантами тоже, и архитекторов с артистами, и кое-каких аристократов с интеллектуалами, ибо все тогда очутились вдруг в массе, став её крошечными частичками. Да и закончилась эта война вполне бесславно: просто одна масса, подкрепшая за счёт американцев и инородцев из колоний, задавила-таки другую массу — германо-австро-венгерскую, обескровленную, ослабевшую, не имевшую достаточных резервов и подкреплений. Не военное искусство тут взяло вверх над другим военным искусством, а самое обыкновенное энерго-силовое превосходство одной вооружённой массы над другой вооружённой массой. Как была война массовой — причём не только по количеству, а и по качеству, — так и массово завершилась: какая-то слава может быть у безликой массы?

351

Европейский возрожденческо-просвещенческий, он же гуманистический, переворот привёл не только к появлению умных сверхчеловеков-творцов, новой созидательной элиты, больших количеств предпринимателей и управленцев, профессионалов и специалистов, но и к появлению в Европе по мере

переустройства европейского бытия, подключения европейского люда к урбанистическому, техно-производительному и монетарно-финансовому прогрессу, вовлечения европеоидов в гражданскую, демократическую, политическую и социальную жизнь уже особого рода насельников земли европейской — *населенческих масс*, — и стала Европа вдруг... *массовидной!* Масса — это вроде бы население, хотя не совсем и население: либо попросту люд, либо некое обитательство, а может, пребывательство, но никак уже не популяция и даже не обывательство, а всё потому, что это что-то вроде людской взвеси, заполняющей жизненное пространство, но не столь собственно живущей, сколь всего лишь бытующей, пребывающей, присутствующей. Это хорошо видно по жителям, а точнее — обитателям-пребывателям, больших индустриальных городов, которые наполняют спальные коробки-ульи, улицы, площади, базары, магазины, предприятия, учреждения, офисы, столовки, кафе, рестораны, кинозалы, театры, стадионы, транспорт куда-то и откуда-то идущим, едущим, зачем-то передвигающимся, на что-то непременно взирающим, но ничего, как правило, не видящим: умным и глупым, знающим и пустым, изобретательным и инертным, сильным и слабым, дерзким и беспомощным, порочным и «ничего себе», в общем — масса замечательно видится по всей этой городской людской взвеси, которая помимо того, что взвесь, ещё и полная... тьма. Гигантская, вязкая, рассыпчатая массовка! Каждая особь из массовки, может, по своему и личность, кое-кто даже и гений, и герой, но все вместе, увы — масса, массовка, *масселение!* Это никак не полноценный социум, хотя он как будто бы и есть, не целостное общество, хотя оно тоже вроде бы есть, и уж, тем более, не собственно народ, хотя по традиции таковым всё ещё прозывается. Плебс, кажется, всего более подходящее тут определение, но масса, о которой речь, — всё-таки не плебс, который есть как-никак некая спецификация, вроде тех же футбольных фанатов, — здесь именно *масса*, никакой спецификации не

имеющая, но зато везде и всюду наличествующая. Как воздух, как туман, как радиация!

352

Европа, США, весь передовой гуманистический мир стали к рубежу XIX—XX вв. достаточно массовидными — вот и война гигантская в мире этом, тщательно подготовленная и с пристрастием проведённая в 1914—1918 гг., оказалась вполне массовидной. То была война масс, а сама война представляла собой большую кроваво-смертоносную массовку — серую, тупую, нудную, неповоротливую. Ничего похожего на яркие, задиристые, виртуозные наполеоновские кампании, можно даже сказать — на экстатический военно-боевой карнавал! Тут была не мобильная пространственная война, а был длинный, вытянутый от моря и до моря, долгий — аж в целых четыре года, змееподобный, массовидный фронт — крайне плотоядный — в миллионы ни в чём не повинных, очень даже приличных людских особей — здоровых, молодых, трудоспособных. Он-то и пожрал, хрустя человеческими костями, половину Европы, а уцелевшая половина славного континента либо уныло праздновала пиррову победу, либо, затаившись, угрюмо переживала невнятное, непонятое и крайне обидное поражение. Формально победителями были Англия с Францией, а пораженцами — Германия с Австро-Венгрией, но в проигрыше была вся Европа, а вот в несомненном выигрыше оказались США, помогшие Англии и Франции, но зато вдруг усилившиеся, выбившись в итоге в ранг великой державы, вполне тогда и процветавшей. Так завершилась большая внутриевропейская бойня, отбившая имперские амбиции у одних и не удовлетворившая имперские поползновения других. Панимперский вопрос для Европы не был решён, и его решение было лишь отложено — до новой большой межимперской схватки, не очень-то замедлившей и явиться.

Первая мировая война: 1914—1918 гг. Так обозвали эту вторую общеевропейскую новомировскую межимпериальную войну лукавые политики и покладистые историки. Пусть так, хотя и не совсем так, если совсем не так! Что касается внутриевропейских имперских амбиций, то эта война ничем не отличалась от наполеоновской; изменились лишь инициационные и направленческие акценты; тогда буйствовала Франция, теперь ошетинились и вздыбились Германия с Австро-Венгрией; тогда война катилась с Запада на Восток, теперь, если брать только Западную Европу, с Востока на Запад. Как тогда, так и теперь, война готовилась и разыгрывалась европейскими верхами: как национальными элитами-соперницами, так, надо особо заметить, и всей, вполне и солидарной внутри себя, общеевропейской управляющей верхушкой, заинтересованной сообща порешать свои общевластные, накопленческие и иерархические проблемы, совместно противостоя эксплуатируемому низу и поднимающимся, ещё и быстро социализирующимся, трудовым массам. Общеевропейская элита, вовсе не чуждая конспирометрической чувствительности и неафишируемой интеллектуальной проницательности, достаточно хорошо осознавала тогда, что лучшим средством остудить и укоротить новомировскую протестную массовку была война, причём большая, общеевропейская, возможно, ни к чему другому, кроме большой империально-расчистительной бойни, и не предназначенная.

Война состоялась — тяжкая, мерзкая, позорная! Это была даже не война, а какая-то большая, растянутая на годы, огненно-смертоносная бойня-судорога. Война захлебнулась в войне: ни захваченных армиями территорий, ни покорённых с боями городов, ни побеждённых в сражениях государств. В итоге один погибельный фронт — германо-австрийский —

признал себя побеждённым, а другой погибельный фронт — англо-французский — назвал себя победительным. Победителям удалось навязать побеждённым тяжкую контрибуцию и унижительную демилитаризацию. Побеждённые лишились монархического устройства и стали чуть ли не демократиями. Германия малость сузилась, а Австро-Венгрия распалась. Обе перестали значиться империями. Имперскость в Европе осталась за Англией и Францией, да и то более колониальная, чем внутриевропейская. Главный итог войны состоял в неразрешённости именно внутриевропейской империальной проблемы. Последовавшая за войной смута это лишь подтвердила, затуманив перспективу и провоцируя новое напряжение. Война не преодолела глобального европейского кризиса. Сквозь смуту всё более вырисовывался призрак имперского реваншизма — со стороны прежде всего всё той же Германии — ослабленной, униженной, недовольной. Но и Италии захотелось тогда имперскости. Несмотря на все разговоры о мире, паритетах и добрососедстве, Европа вновь стала готовиться — разумеется, более всего тайно, без шума, конспиративно — к широкомасштабной, то бишь общеевропейской, войне, которая и не замедлила разгореться через два десятилетия — первого десятилетия поражённой смуты и второго десятилетия активной реваншистской милитаризации. Энергия межимперского противоборства не была вовсе исчерпана в Европе, а энергия поднимавшихся социализировавшихся масс побуждала европейские правящие элиты искать сразу на всех азимутах подходящий силовой исход. И ничего лучше, чем новая большая европейская война, вряд ли можно было тогда придумать.

355

Европейский Ренессанс вызволил к жизни и действию освобождённого от пут Природы и опеки Сакрала человека-творца: красивого, уверенного в себе, одарённого умом, изо-

бретательного, если не равного Богу, то перед Богом дерзко и достойно восставшего. Просвещение снабдило нового европейца высшим-де относительно религии и философии знанием — *научным*, отличавшимся точностью, логичностью, прикладной эффективностью. В итоге в Европе явился и окреп в лучах промыслительного *гуманизма*, заместившего в конце концов христианство, европеоид-сверхчеловек, он же и отчаянный *демиург*, вполне уверовавший в себя, свои созидательные силы и творческие возможности, способный неограниченно познавать и переделывать природу, ею повелевать, а заодно пересотворять по своему усмотрению и весь мир, ему данный (им унаследованный), превращая его в мир, им уже создаваемый (последственный, искусственный). Такой гоменоид уже не был обязан преклоняться ни перед сакральной неизвестностью (трансцендентностью), ни перед самим Господом Богом с его Софией, объявленными умным гоменоидом мифом, иллюзией, заблуждением. Да, тут имела место гордыня — новременская, она же и модерновая, подвигшая новоевропейца не то что к большим, а прямо-таки к сказочным достижениям. Наука, техника, высокая производительность, новые и неисчислимыя блага, умножающееся богатство, насыщенная культура, широкое образование, расцвет талантов, триумф гениальной исключительности, активная миграция населения, ускоренная урбанизация, возможность социальных лифтов, небывалая динамика бытия. И вдруг... *кризис* — всего этого нового европейского мира, мира Модерна, мира победившего и расцветшего гуманизма, мира европейского сверхчеловека. Выворот наизнанку, обращение к инферно, бросок в преисподнюю! Нисхождение человека до зверя, гуманизма к примитивизму, просвещения к помрачению. И всё это как возмездие — за гордыню, как наказание — за самоуверенность, как расплата — за взлёт! Европа вдруг обернулась самоубийственной *анти*Европой, гуманизм — *анти*гуманизмом, культурное процветание — *анти*культурной деградацией. И что же

при этом европейский сверхчеловек, этот гордый человек-творец? А он взял, да и превратился в... человека-чудища, человека-монстра, человека-зверя: могучего, жестокого, беспощадного, то бишь в... *сверхантичеловека*. Таким нежданно-негаданно оказалось *новое откровение Европы*, спровоцированное не ведичеством, не язычеством, не христианством, а... *гуманизмом*: от сверхчеловека-демона к послечеловеку-скоту!

356

И разве мог породить что-либо иное, кроме сверхантичеловека, кризис европейского гуманизма? Заметим: *гуманизма*, что есть не человеколюбие вовсе, а лишь вера человека в самого себя, и *кризис* этого самого гуманизма, нашедший выражение как в кризисе гуманистического человека, так и в кризисе самой веры в человека. Всё вроде бы шло замечательно: три-четыре века гуманистического процветания, построение нового мира с новым человеком, создание разнообразной гуманистической культуры, и вдруг... кризис, да ладно бы вроде очередной войнушки или смутишки, чего не бывает, а тут явление... *мира-оборотня*, самого уже *анти-мира*, причём в ходе чуть ли не волшебного саморазворота гуманизированной Европы, её самовыверта, самопревращения, а в итоге и... *самоизвращения*. Апогей гуманизма совпал с апогеем... *антигуманизма*; эстафету от гуманизма принял не какой-нибудь совершенный, утончённый и изысканный гуманизм, а самый что ни на есть примитивный, грубый, зверский антигуманизм. Антикультурный декаданс был лишь первым звонком к явлению в Европе людоедского *антимира*. И ничего другого вне органической связи с Природой — Землёй и в отрыве от Бога — Неба получиться у человека-творца не могло. Город с промышленностью и техникой не питают человека полноценными жизнотворными энергиями, наоборот, они их лишь отбирают, а наука с урбанистической секулярной культурой лишь отгораживают человека от первосмыслов бытия и исходной духов-

ности. Ни тебе полноценного физиса — лишь его искусственный суррогат, ни тебе полноценного метафизиса — лишь его старательно искажённый и вполне высушенный остаток. Ни первооснов, ни первообразов, ни подлинников! Одна лишь симуляция! А вместо любви и братства — ненависть и вражда! И выход на европейскую арену *человека-зверя*, точнее — *сверхчеловека-сверхзверя*, берущего на себя миссию насильственно преодолеть кризис человека, — что человека-элиты, что человека-толпы, — посредством уничтожения вместе с абстрактным, слабым и вялым гуманизмом всякой гуманитарности вкупе с её отжившими свой век носителями и посредством утверждения совершенно нового земного мира — как раз звероносного, с откровенно хищнической элитой (вроде первых крестоносных рыцарей, конкистадоров, колонизаторов) и несомненно ещё более покорной (овцевидной) трудящейся массой. Образцом для проекта служили даже не джунгли с их борьбой за жизнь, не саванна с её возможностью кое-какого локального бытия, а непосредственно муравейник, пчельник, термитник, в общем — *человеиник*! И этот замечательнейший во всех отношениях проект выдала на гора гуманистическая, псевдохристианская, атеистическая, интеллектуалистская, рационалистическая, прагматическая, позитивистская, научная, математическая, физикалистская, аналитическая, исследовательская, экспериментная, архитектурная, инженерная, предприимчивая, изобретательная Европа — Европа Нового времени, Европа Нового Мира — иерархическая, эксплуататорская, работная, колониалистская, империльная, потребительская, гедонистическая, массовидная. Сверхчеловек-де вверху и у власти, недочеловеки-де внизу и под властью, ну а посредине, как водится, служащий верхам и управляющийся с низами слой получеловеков — менеджеров, специалистов, технологов, надзирателей и тому подобных фигурантов затейливого человеческого бытия, ну а рядом — под контролем верхов, конечно же, — не шибко рассуждающая армейщина и не слиш-

ком раздумывающая полицейщина. Вот тебе и весь славный ренессансно-просвещенческий гуманизм!

357

Небывалый человеичий проект рождался в Европе, в противовес и в дополнение к уже укоренившемуся либерально-плутократо-капиталистическому (финикийско-английского образца), в двух вариантах: либо 1) как *социал-коммунистический*, когда акцент делался на объединённом социально и коммунально *человеке-труде*, неотрывном и от *человека-массы*, освобождённом от страто-собственнической иерархии и властно-управленческой организации социума, включённом лишь в разветвлённую систему разного рода общинных самоуправлений: хозяйственных, социальных, культурных, но никак не политических и не милитарных; либо 2) как *социал-фашистский*, когда акцент смещался в пользу отборной национальной и корпоративно-объединённой сверхчеловеческой элиты, осуществляющей под водительством абсолютного и непогрешимого вождя (вождя-бога) отеческую опеку над социально и корпоративно организованной людской массой и реализующей текущее ею управление, разумеется, массой трудовой, покорной, исполнительской. Европа вдруг вывернулась в *анти-Европу*, а может, и не в антиЕвропу, а всего лишь в *ультра-Европу*, если вспомнить хотя бы о римском наследии, во всяком случае — в совсем новенькую Европу, фундаментально отрицавшую Новую Европу, ставшую вдруг старой — с её всё-таки ещё гуманизмом и человеческой культурой, — и устремлённую к какой-то совсем уже небывалой Европе — с предпочтением какой-то нечеловеческой — *человеичной* — организации человечества.

358

Европа XX в. не перестала быть в основе своей гуманистической, ренессансно-культурной, просвещенчески-граж-

данственной, хотя и была изрядно уже задета как декадентско-деграданским разложением, так и людо-человекой массовидностью, не говоря об империально-колониалистской интенциональности хозяйничавших в Европе управленческо-эксплуаторских элит. Схватка европейского мира с европейским же антимиром не могла не разгореться на пространстве Европы, как не могла вновь не вспыхнуть межимперская борьба за лидерство в Европе, как, собственно, и в мире, ибо только что прошедшая общеевропейская война так ничего в этом плане и не разрешила. Да и сам по себе кризис европейского мира не только продолжался, но и набирал свои драматические обороты. Обострилась борьба масс за своё место под солнцем: забастовки, демонстрации, бунты, попытки новых революций. По-новому идеологически оснащённая, новая потенциальная европеоидная элита стремилась вверх — во власть, поощряя массовые протестно-разрушительные и захватнические движения, создавая свои боевитые партии и запуская в дело свои боевые отряды. «Серебряная» антикультура, ускоренно переходившая в «железную», минуя «бронзовую», усиливала своё разлагающее влияние, сея в сознании европеоидов протест, надрыв, анархию, хаос. Европа бурлила, закипая до критического градуса, исповедуя идейные крайности и стремясь к спасительному-де насилию. Империальные элиты готовились как к ожесточённым гражданским усобицам, так и к новой межимпериальной общеевропейской войне. В европейском гуманитарном котле вываривался грандиозный апокалиптический спектакль, обозначающий силовой переход к какой-то ещё более новой Европе — то ли к утопической коммуносоциалистической, то ли к фантастической корпоративнофашистской, то ли попросту к... *никакой* — какой-то совсем ещё непонятной, никак тогда и не поименованной!

И распутать эту головоломку должна была *война* — что верхов с низами, что низов с верхами; что разных европейских проектов — как бы разных Европ; что разных европейских империльного толка государств-наций; что выходявшего на передний план человека-зверя со всё ещё остававшимся в Европе человеком-гуманистом. *Война!* И главным явным зачинщиком этой новой европейской войны, хотя среди её зачинателей были и неявные — вроде тех же Англии с Францией, не говоря о наднациональных криптоуправленческих евроамериканских кругах и том же космополитическом по сути финансовом капитале, оказалась, конечно же, реваншировавшая после позорного поражения в войне 1914—1918 гг. Германия, ставшая к началу новой войны (к 1939 г.) не только сильной в производственно-научно-военном отношении, но и идейно-духовно круто перевёрнутой — социал-*национал*-фашистской, мало того — на редкость консолидированным, высокомерным, агрессивным и вдохновенным... *человеяником* с массовидным трудо-военизированным «народным»-де фундаментом, беспрекословно исполнительной менеджериально-военизированной серединой и сверхчеловеческим милитарно-диктаторским вождизмом в высшем эшелоне властной вертикали.

Германия! Страна, конечно, и страна вполне имперская, хотя и более всего по духу и намерениям, чем по пространству и фактической реализации. Как бы потенциальная империя, неугасимый имперский очаг, действительная наследница Рима — того самого — Первого, ну и, разумеется, такого римского последыша, как Священная Римская империя. Разные обстоятельства тут играли генно-конструкторскую роль — и воинственно-агрессивный дух древних германских (тевтонских) племён, теснивших, покорявших и уничтожавших ко-

284

ренное славянское население центральной и восточной части Западной Европы, а также сражавшихся с Римом, ему же служивших и его же добивавших (вкуче с пришельцами с Востока — гуннами, вандалами, остготами, как и, надо полагать, славянами тоже); и стремление овладеть континентальной Западной Европой под скипетром Папы римского и того же Карла Великого; и избавление от собственной раздробленности и воссоздание единого германского государства под эгидой бывшей когда-то славянской Пруссии с последующей имперской борьбой за... политическое и экономическое лидерство на европейском континенте; и выкованное историей и многовековой борьбой за самосохранение, за жизненное пространство и за европейское лидерство особого рода мобилизационно-милитарное сознание, легко сочетавшееся с армейской организацией общественного бытия; и постоянное стремление германцев к выходу за пределы германской земли, к главенству в Европе, к господству над иными народами и странами, к «догонянию» ушедших вперёд и их «перегонянию», к реваншу перед победителями, в общем — к завоеванию лучшего места под европейским и мировым солнцем, причём не только агрессивно-милитарным способом, но и за счёт собственного упорного труда и разностороннего творчества, среди которого и богословие с философией, и литература с музыкой, и наука с инженерией, и предпринимательство с финанризмом, и государственность с социальной организменностью; и своеобразная культурно-идеологическая составляющая германства, сумевшая сочесть воедино древний германский дух, имперскую «римскость», деятельное христианство с его католицизмом и протестантизмом, ренессансность и просвещенчество, экономизм, сциентизм, индустриальность, даже и новейший социализм-коммунизм. И всё это, несмотря на кажущуюся сдержанность и даже инертность германского характера, с доведением до крайности, до чёткой выраженности, до полной определённости, до высшего предела, разумеется, с учётом господство-

вавшего исторического тренда и доминировавших этно-локальных интересов. Германия — это всегда, за исключением времени раздробленности, напряжение, единение, кулак, а также вершина, крайность, запределье! Трудно сыскать страну, смогшую совершить в истории столько более весомых деяний и произвести на свет столько целостного и разнообразного продукта, чем Германия, если за меру счёта принять вообразимый «кубометрочас» очеловеченного «пространства-времени»! Были и оставались, конечно, Голландия, Англия, Франция, как существовали и те же США, но... дело тут, разумеется, не в первом месте какой-либо из этих и им подобных стран, а в великой мере ими совершённого, — ясно, что Германия тут из первых, причём без огромного числом населения, без обширной и богатой ресурсами территории, без плодородных колоний, без постоянного притока извне здорового, авантюрного и трудоспособного люда, без чернокожих или каких-либо ещё импортных рабов, короче — благодаря собственной себя мобилизации и значительной себя самоэксплуатации. Что говорить: великий это феномен — *Германия!*

361

И именно в Германии, этой замечательной европейской стране, тогда упорно реваншировавшей после поражения в одной большой войне и лихорадочно готовившейся к новой большой войне, случился этот обыденно-необыкновенный феномен — возникновение *человеиника*, да не рядового вовсе, бывавшего уже в истории и всюду бытовавшего в классическом мире, а очень уж особенного — сложного, сильного, консолидированного, ещё и высокомерного, амбициозного, агрессивного, мало того, внутри и вне себя апартеидного, расистского, иквизиторского, с толпо-элитарной иерархией, реализующего внутреннее и внешнее народонаселенческое чистилище, деля людей, племена и народы на высших и низших, на полноценных и ущербных, на достойных, с одной стороны,

жить, управлять и господствовать, а с другой — предназначенных лишь прозябать, повиноваться и быть эксплуатируемыми, если не исчезнуть вовсе с лица земли. Признание в нововременской Европе суверенитета человека относительно Природы и Господа Бога, как и свободы человека от собственного бытия, или же возможность господства человека над собственным бытием, обернулось признанием свободы человека от человека, как и свободы бытия от человека, а соответственно — признанием возможности освобождения бытия (земли) от человека (части человечества) и окончательного утверждения свободы одних людей, отнесённых как раз к сверхчеловекам, доминировать над другими людьми, отнесёнными к недочеловекам, само собой, к несвободным.

362

Вот такая случилась в Германии постренессансная и постпросвещенческая инверсия, а лучше сказать — свершилось оборотничество: от гуманизма к антигуманизму, от человечности к зверскости, от культурности к дикости, но при этом, что очень примечательно, с сохранением внешних форм и образов развитой европейской цивилизации. Инверсия-оборотничество — не возврат вовсе, а, скорее, выверт, но выверт, опять же, не лица наизнанку и не изнанки на лицо, а всего лишь лица на... другое лицо, однако... уже изнаночное, лицо, если не рожу, которое обычно как раз и прячут за, скажем так... «лицевым» лицом.

363

Мысль, что германский народ попал под влияние дьявола, что он *вз-бес-ился* — верная, в общем-то, мысль, но, с учётом, во-первых, что бацилла такого вот бешенства — вполне древняя, совершенно историческая и, знаете ли, очень органично человеческая; во-вторых, бацилла эта бесовская вполне и европейская, средиземноморская, римская, нордическая (ва-

ряжская), пиратская, разбойничья, феодальная, колониалистская, абсолютистская, революционно-республиканская, капиталистическая; в-третьих, в немецком организме Новейшего времени эта гнусная бацилла лишь получила благоприятную среду для своего быстрого развития и эффективного болезнетворства. Никакого внезапного прельщения дьяволом и молниеносного бесовского одурманивания извне благочестивых германцев не было: всё, что произошло с Германией, было если не строго закономерно, то исторически вполне обусловлено, правда, более, конечно, на метафизическом, чем на физическом уровне. И дело тут было не в одной лишь Германии, как и не в той же Италии или какой-нибудь ещё внезапно-взбесившейся-де стране, а в Европе в целом, давно уже исповедовавшей насилие, рабовладение, империализм — даже и в христианские времена, а затем, уже при кризисе христианства, по его даже преодолении, увлѳкшейся гуманизмом, материализмом, прагматизмом, переустройством мира и переделыванием человека, позабыв о Христе, Софии и вообще о Боге, который для Европы попросту... умер! Человейника возжелала вся Европа — как массовая, так и элитарная, как капиталистическая, так и социалистическая, как иерархическая, так и демократическая. На Германию, как и на ту же Италию, лишь выпал коварный исторический жребий, разумеется, совсем не случайно, ибо на этих странах как раз и сошлось в наибольшей мере всё новоевропейское вожделение, ибо это были на тот момент страны-ущербницы, страны-претензищицы, страны-стремленницы, как и страны-потенциалки, страны-энергилки, страны-инициалки. Перед Германией вновь открывался великий имперский шанс, как и в некоторой степени и перед Италией, и растущая как на дрожжах Германия не могла им не воспользоваться, но не на устаревшем уже *поренессансном* пути, а на пути новом — *постренессансном*, отвергавшем уже не только христианские фантомы, но и вполне гуманистические иллюзии. Наступило время для совершенно нового по-

рядка — уже не совсем и европейского, а какого-то *сверх-, над-* или попросту *вне-*европейского, — и этот порядок было суждено воздвигнуть прежде всего Германии, ставшей к тому же его первым реальным воплощенческим полигоном.

364

Набравшись силы, могущества, имперской амбициозности («тысячелетний рейх») и геополитической наглости, Германия, фантастически мгновенно превратившаяся в блестяще организованный фашистский человеиник, развязала-таки новую евромировую бойню, предварительно самым что ни есть мирным образом овладев своими исторически якобы германскими землями. Германии удалось захватить и взять под контроль не без содействия своих союзников почти всю континентальную Западную Европу, оставив непобеждённой и от себя как бы на время свободной лишь Англию. Ринулась Германия вдруг и на Восток, в СССР, в Россию, в целях захвата для себя огромного жизненного пространства, населённого славяно-финно-татарскими «недочеловеками», предназначавшимися для уничтожения, покорения и порабощения. Несмотря на титанические усилия, умение работать и воевать, распоряжение огромными ресурсами Европы, нечеловеческую жестокость и великие собственные потери, Германия в итоге не только не одержала победы, но потерпела от ставших вдруг союзниками СССР, США и Англии сокрушительное поражение, вынужденно пойдя на безоговорочную капитуляцию. Новый германский рейх просуществовал лишь до 1945 г. — года окончания второй за XX в. евромировой войны. Вместе с Германией потерпел вроде бы поражение и «восхитительный» новоеврофашистский проект — проект *постевропейского человеиника*, мало того — проект был решительно, сурово и весьма принципиально осуждён вместе с сонмом его главных персональных реализаторов как антигуманный, дискриминационный, апартеидный, расистский, инквизиторский, диктатор-

ский, палаческий, в общем — как *человеконенавистнический*, а лучше бы сказать — как *человейный* (хотя этот термин, естественно, никогда и никем по этому поводу не употреблялся), совершенно недопустимый-де в цивилизованном человечестве, в особенности в европейском или же в любом достаточно еврообусловленном. Проект предстал в итоге как аморальный бесчеловечный эксперимент, заслуживающий лишь полного отвержения, неукоснительного осуждения, а все его активные адепты и участники — гражданского остракизма и морального презрения.

365

Но не всё тут было так уж просто — с этим вроде бы горе-проектом, перешедшим в разряд этакого отвратительного чудуища-эксперимента. Дьявольское наваждение, нечеловеческая девиация, безумная затея, ущемлённая гордыня, навязчивое избранничество, освобождённое звероподобие — всё это можно говорить применительно к состоявшемуся в Европе ужасному событию, ища ему каких-то неожиданных объяснений и вполне вздорных мотиваций. Кому из победителей над Германией и её союзниками хотелось признавать, что это было следствием не только уже как будто бы позабытого Рима, но ещё и вовсе не позабытого ренессансно-просвещенческого гуманизма с его преклонением перед человеком-творцом, наукой, техникой, всем искусственным, а также перед деньгами, капиталом, экономизмом, финансизмом, равным образом, перед богатством, накоплением, вещизмом, массовой культурой, как и непрямым допущением империализма, колониализма, безудержной эксплуатации своих и чужих, одним словом — перед *новой европейской цивилизацией!* Фашистский *человейник* — совершенно законный продукт европеизма, это всего лишь вывернутый, перелицованный, перевёрнутый еврогуманизм, причём не надо забывать, явившийся в момент острейшего кризиса всего нововременского европеизма, включая

и новомировский гуманизм. Важно иметь в виду, что ужасный проект, который долгое время и не казался европеоидам таким уж ужасным, имел не только корневую европейскую обусловленность, но и ситуационную антикризисную обоснованность, мало того, он был по-своему и антиевропейским, желавшим покончить не с одним только кризисом Европы, но и с самой — поренессансно-просвещенческой — Европой со всеми её лукавыми демократиями, финикийско-карфагено-английскими экономизмами, финансизмами, капитализмами, остаточными христианизмами, нарастающими сионизмами, социализмами, анархизмами, разнузданными и лживыми партиями, беспринципными, подлыми и пошлыми средствами массовой информации, со всякими там исключительными меньшинствами вкупе с нараставшим феминизмом, с новым уродливым искусством, вольной безответственной литературщиной, аморальной театральщиной, всякой безалаберной декаденщиной и смертоносной деграданщиной. Проект был призван очистить и оздоровить Европу, преобразовать её, создав на её месте новый Рим, восходящий к римскому первообразу — дохристианскому! Как уже Рим нового человека-победителя, сверхчеловека, возрождённого арийца, Рим науки и техники, но при этом и нового — постгуманистического — слова с новой литературой и новым искусством, новой культурой и новой цивилизацией. Египет, Вавилон, Спарта, «Александромакедония», «Цезария», «Карломания» — таковы были археобразы для проекта, но, обращаясь к прошлому, проект был более всего обращён в будущее, благославляя единение в иерархии, массовое служение с вождизмом, единоволие с общей сплочённостью, примат общего над частным, превосходство якобы высшего над якобы низшим, господство высшей расы над низшими, эксплуатацию слабых гуманоидов сильными. Проект переводил внутринациональную (внутриэтническую) эксплуатацию на международный, межэтнический, межрасовый уровень, что было очень важно для сплочения

вокруг проекта и борьбы за его исполнение избранных проектом господствующих наций — сообществ сверхчеловеков. И чистка, чистка, чистка, как и полное перевоспитание что наций-господ, что народов-рабов!

366

Под очищавший-де Европу и созидавший-де нового человека террор попали наряду с прямыми и косвенными противниками фашистского проекта — гуманистами, социалистами, коммунистами, анархистами — разного рода неприемлемые для нового рейха меньшинства вроде цыган, воровских и бандитских сообществ, гомосексуалов и т. п. представителей рода людского, а главное — во врагов нового рейха были зачислены все евреи — как вредные нечеловеки, а в ненужный рейху свалочный люд были определены по преимуществу славяне — как ненужные недочеловеки. В итоге имело место массовое истребление людей, в лучшем случае — интернирование их в трудовых лагерях — как вроде бы внешне «достойных» европеоидов из числа противников «передового» режима или ему просто политически и культурно неугодных лиц, так и недостойных европейства насельников земли вроде цыган, евреев и славян, в особенности восточных и южных. Обо всём этом можно было бы и не говорить, если бы за всем этим не пряталась реальная история Европы, всё это умело подготовившая и лишь выбравшая своим орудием Германию со товарищи, доведя до крайности давнишние чаяния как кое-каких элитарных-де верхов человечества, так и части его массовидных низов.

367

Не снимая конкретно-исторической вины с Германии и её «чистокровных» союзничков, следует обратить внимание на вину человека-вообще, реальной истории-вообще, а в частности — европеоида-вообще, средиземноморца-вообще, фини-

кийца-вообще, викинга-вообще, римлянина-вообще, а потом и короля-вообще, папы-вообще, феодала-вообще, капиталиста-вообще, не говоря уже о язычнике-вообще, иудее-вообще, христианине-вообще, католике-вообще, протестанте-вообще. Почеши хорошенько подвысохший призрак того же Гитлера со сподвижниками, и много чего гнусненького, кровавенького и смертоносненького вычешется вдруг на белый лист самой что ни на есть современности — и станет вдруг старательно чешущему праведнику, ох как, не по себе!

368

Феномен новоевропейского фашизма не отвести в дальний угол евробытия от другого новоевропейского феномена — *социализма*, включая и *коммунизм*, как в связи с их кое-какой концептуальной родственностью и функциональной похожестью, так и по поводу разгоревшейся между ними ожесточённой борьбы. Оба феномена — продукты европеизма, хотя и не одного только европеизма, но в особенности всё-таки европеизма, причём нововременского, причём в основном уже кризисного, лихорадочно искавшего выхода из постигшего его кризис-казуса, причём на путях преображенческого-де самоотрицания. Фашистский проект явно тяготел к милитарности, армейщине, силовой имперскости, замешанными на викинг-анстве, рыцарстве, героизме и титанизме, он признавал иерархию, элитарность, богоподобность вождизма, предполагал возрождение многого из вроде бы уже ушедшего или искажённого Новым временем и был в исходе своём весьма обращён к прошлому, не чурался он идеализма, метафизики, мистицизма, солидаризировался с ведичеством и язычеством, хотя и не отрицал воинствующего христианства в проявлении тех же крестonosцев или иезуитов. Социал-коммунистический же проект признавал своей опорой трудовые массы, всех униженных и оскорблённых, можно сказать — рабов, видя в них силу, способную тоже перевернуть Европу, но уже посредством по-

строения некоего общественно-корпоративного, а главное — справедливого, царства труда, лишённого эксплуатации, потребительства, эгоизма и паразитизма. Здесь присутствовало как бы выведенное из сферы идеально-трансцендентного и переведённое в сферу реально-материалистического, вполне при этом и обыденного, подобие раннего христианства — некий *пост*-первохристианизм, но уже освобождённый от Бога, всякой чудесной мистики, потусторонности, загробного мира, как и любой другой трансцендентальной феноменальности. Этакий «светский христианизм», смогший возникнуть в человеко-божеской или же прямо богоборческой атмосфере гуманизированной и просвещённой Европы — сциентистской, технотронной и прогрессной. Социализм-коммунизм был решительно против господства Бога, но был он и против господства денег и капитала. Человек и труд, труд и человек! К чему немало склонялся, надо заметить, и фашизм, но всё-таки в отличие от социал-коммунизма более упиривший на силовой имперский менеджизм и подотчётное ему капитал-предпринимательство, чем на трудолюбие простодушных масс. Фашизм вовсе не пытался отрицать государство, наоборот, ему очень импонировал тотальный этатизм, а в среде социалистов-коммунистов были поначалу сильны и антиэтатические, даже анархистского толка, настроения, хотя на практике социализму-коммунизму пришлось быть и этатическим, и армейским, и вполне полицейским. Фашизм предполагал единство корпорированной элиты с управляемым ею — корпоративно и государственно организованной — народной массой, а социал-коммунизм склонялся исходно к безэлитному и безгосударственному трудовому самоуправленческому обществу, хотя на практике этого не только не достиг, но и действовал прямо противоположно. В связи с этим идеологически социал-коммунизм был заметно утопичнее фашизма, но в текущем практическом плане социал-коммунизм, бредивший реформами и революцией, был весьма реалистичен и вполне

оправданно противостоял в тогдашней Европе не только капитализму, но и фашизму. Между социал-фашизмом и социал-коммунизмом не могла не разгореться, как между двумя фьючерсными проектантами-соперниками, ожесточённая борьба, в которой поначалу победил фашизм, отправив социалистов и коммунистов в подполье, за решётку или же прямо на тот свет, но потом, уже по завершении мировой войны, в Европе и в мире остался лишь один социализм-коммунизм, с которым либерально-демократической Европе, немало поучаствовавшей в разжигании борьбы между социал-фашизмом и социал-коммунизмом, ещё только предстояло с непременным участием США как-то справиться.

369

Триумф в Европе фашистского проекта, пусть и мгновенный по историческим меркам, но зато очень и очень громкий, не мог бы состояться, если бы сама Европа в лице влиятельных управляющих кругов, в основе конспиративных, во всяком случае, не лезших безоглядно на белый свет, не была заинтересована в таком, или ему аналогичном, в том числе и в социалистической, не говоря о коммунистической, одежке, корпоративно-созидательном деянии. Гитлер, Муссолини и им подобные деятели, как, собственно, и лидерные социалисты-коммунисты, — не более чем практические и публичные реализаторы, хотя при этом и в какой-то мере соавторы, зычно заявивших о себе проектов. Они, как и тот же Наполеон Бонапарт, никогда не относились к действительным сильным мира сего, хотя и наделялись этими последними большой властью и огромными управленческими возможностями, но зато всегда или почти всегда пытались вырваться при первой возможности из-под конспиративного контроля на вожделенный ими чуть ли не царский, королевский, императорский, а попросту — авторитарно-диктаторский, простор. Европа как уникальный геосоциальный феномен была и есть, она с грехом

пополам неплохо — по-европейски — управляется и, переживая кризисы, смуты и войны, качественно меняется, куда-то даже всё ещё стремится, а вот где все эти вожди-выскочки, обеспечивавшие решение не самых прелестных внутриевропейских задач и совершавшие весьма неллицеприятные деяния, включая и откровенные преступления, точнее — чем они все кончали и что с ними сталось? Да, в историю они входили, занимают видные места в глубокомысленных исторических сочинениях, ими восхищаются, их даже боготворят, хотя и осуждают тоже, о них вообще много говорят, их цитируют, им даже подражают, но... разве именно они и их потомки правят Европой и миром и разве остаётся в живой реальности именно то, ради чего они так усиленно трудились, принося в жертву своим проектам и миллионы человеческих жизней? И ежели Наполеону Бонапарту, запертому на Св. Елене, возможно и казалось, что он сам в чём-то крупно где-то просчитался, то приговорённые к смерти через повешение главари Третьего рейха были явно ошарашены от проявленной к ним крипто-верховой неблагодарности!

370

История есть прежде всего «ход человека», совокупность и череда человеческих деяний; история есть и «ход вещей» — стихийно возникающих событий и процессов, являющихся как бы самими по себе, прямо в гуще человеческих деяний, сквозь и через них, но и в чём-то независимо от них; история есть и «ход неизвестности», когда что-то в реальности вдруг происходящее не связано ни с действиями людей, ни с самим реальным течением жизни. И везде, даже и в «ходе человека», присутствует неременная конспиративность — от закрытости людских намерений и деяний до таинственности событий и процессов. История более неявна, чем явна, сокрыта, чем открыта, загадочна, чем ясна. Одно дело — поверхность, совсем другое — глубина. Да и поверхность вовсе не так однозначна

и характеристична, как кажется. А что говорить о глубине, темени, подполье?! Вокруг всего больше неизвестного, непонятного, странного: кто, что, зачем, почему, с какой целью? В основном ведь всё в истории «шито-крыто», всё в версиях и трактовках, сомнениях и легендах, рассказах и мифах. Хочешь — верь, хочешь — не верь, но ежели не хочешь, то... непременно верь, — и ведь выдают же кругом что-нибудь за правду, заставляют поверить, вменяя... де... истину! Отсюда и постоянное переосмысление и переписывание истории, её прямо-таки непрерывное преобразование, нередко совершенно и беззастенчивое. А сколько недосказок, недомолвок, умолчаний, белых прогалин и тёмных пятен, секретов, тайн, как и, разумеется, небылиц, выдумок, фэнтези! Тут тебе и туманы, и завесы, и тучи пыли! Бытие уходит в небытие, а история — в пустоту! Вот и тащи из пустоты и небытия какую-то там реальность, причём заведомо искажённую, сокрытую, стёртую, фальсифицированную, завуалированную, ещё и кем-то за что-то попросту проклятую! Кто, что, зачем, почему, с какой целью? Вот почему не история как реальность и не реальность как история, а реальность как конспирация, или *крипто*-реальность, и история как... конспирология, или *крипто*-история, — и всё!

311

Особенно показательны в рамках текущей истории всякие криптогенные проектно-программные инициации: кто, что, зачем, почему, с какой целью? Любые! По всей гамме бытия. Тут тебе и хозяйственные инициации, и социальные, и войновские, и захватнические, и колониальные, но и культурные с цивилизационными, включая сакральные, размыслительные, исследовательские, просветительские, развлекательные, отвлекательные, оболвательные. Иной раз всё более или менее известно, почти что и ясно: кто, что, зачем, почему, с какой целью? — а частенько вовсе и не известно, совсем и не

ясно: кто, что, зачем, почему, с какой целью? Тут всё бывает по тем или иным причинам, обстоятельствам и соображениям как раз «крипто»: интенции, идеи, планы; инициаторы, творцы, реализаторы; покровители, наблюдатели, управители; контролёры, резиденты, палачи. Недаром же повсюду тайные общества и специальные службы, родственные дома и дружеские кланы, эзотерические доктрины и герменевтические учения, закрытые клубы и тихие кружки, академии и школы, как и ушедшие в тень династии и аристократии, жрецы и мудрецы, опять же партии, союзы, движения, вовсе не стремящиеся к гласности и откровенности, да и церкви тоже, и секты, и разного рода метафизические институты и сообщества. И ежели взглядеться повнимательнее в Европу, её историю, вдуматься посерьёзнее во всё в ней происшедшее (и происходящее тоже), то можно прийти к тому замечательному заключению, что всё основное не просто является творением умов человеческих, что, в общем-то, понятно, причём умов в большей мере скрытых, неизвестных, нелегальных, что уже не так понятно, хотя это так и есть, но и творением с большой долей субъективной управляемости, разумеется, тоже скрытой, неявной, конспиративной. У Европы всегда или почти всегда было и наличествует до сих пор влиятельное управленческое покровительство, восходящее как к действующим, так и отошедшим в сторону властно-владельческим кругам, естественно, очень неоднородным, противостойным и друг-другу вовсю перечасшим. Отдельные «легалы» вроде Бонапарта, Бисмарка, Гитлера или Шарля де Голля могут завладеть немалой долей самостоятельности в своей повседневной деятельности и творить иной раз прямо-таки чудеса, но... в контролируемом не ими поле Европы, под «глазом небесным» и «взором неусыпным», *крипто*-управленческого *крипто*-ядра, а потому в меру дозволенного и не далее поставленных свыше пределов.

Европа, как и те же США, Китай, Индия, та же Россия, — сложный организм, со своим нутром и своей головой, со своим сознанием и своей ноосферой, иной раз и организм расстроенный, но... живучий, мало того — живущий в своих интересах и по своим принципам, а также... весьма и весьма управляемый — сверху и из центров, пусть и сложно — с бедами, усобицами, кризисами, войнами, через реформы, революции, бунты и катастрофы, пусть и не всегда эффективно, но всегда непременно. И горе тому из временно сильных, кто этого не понимает, этого не учитывает, с этим не считается, этому перечит, в общем — выходит за допустимые, или же просто попущенные, пределы, — и на каждого такого вроде бы очень сильного обязательно находится укрощающая его сила — уже более сильная сила, как раз реально властвующих сильных мира сего — и над миром европейским тоже!

Какой-либо проект европейского, а то и мирового значения может попросту зародиться и в отдельной евроголове, даже и не из высшего истеблишмента, но понимание и поддержку такой проект всенепременно должен получить от реально правящих кругов, вовсе и не явных, а затем и воплотиться в жизнь под какими-либо уже легальными именами и всюю ходячими обозначениями, а в случае удачи войти полноценно в европейскую, а то и мировую жизнь, даже с шансом безмерно-го возвеличивания представляющих его формально лиц, фактов, названий, как и быть вдруг радикально свёрнутым, не без дискредитации принадлежащих ему внешних атрибутов, не говоря уже об уходе в тень, если не прямо на тот свет, его ярых адептов-неудачников. Фашистский проект, как, собственно, и социал-коммунистический, был вполне европейским проектом, поддержанный и влиятельной частью сильных мира сего — реальных европейских правителей. Он потерпел, как в

своё время и наполеоновский и тот же бисмарковельгельмовский проекты, неудачу, хотя вовсе и не полную, — и от проекта пришлось отказаться, даже раздавить его военным путём вместе с его наиболее одиозными, яркими и яркими адептами (частично, правда, всё-таки спасёнными), объявить недопустимым и безвозвратным, гневно осудить его и навсегда от него отречься, но... на самом ли деле абсолютно и навечно?

374

Европа, а это по сути лишь Западная Европа (с северной, южной и центральной частями, — великий, динамичный, всю и всегда булькающий идеями и начинаниями очаг творения — человека, сознания, знания, действия, ноосферы, культуры, цивилизации, бытия, мира. Факт! Что в нынешнем мире из всего так называемого современного (модернового, постмодернового) не от Европы или же её неблагодарно-благодарного сыночка США? Что? А практически... *ничего*, хотя есть кое-что и от России-СССР, как и от той же Японии, но в их опять же европейских образах-воплощениях. Европа это Европа, маленькая да удаленькая, чего только в мире сем и для мира сего не натворившая!

375

Европа в содержательном аспекте — это прежде всего Западная Европа, но есть ещё Европа вообще — континентальная Европа, включающая в себя помимо Западной ещё и Восточную Европу вкупе с её азийскими компонентами. Восточная Европа — другая Европа, не Западная, хотя и не азиатская, с другим образом бытия и иной историей, чем Западная, хотя и связанная с Западной кое-какой алгоритмикой, или даже ею во многом обусловленная, но достаточно всё-таки своеобразная, подверженная одновременно и влиянию Востока, но не настолько, чтобы перестать быть собственно Европой. По

большому счёту Европа это две Европы — Западная и Восточная, собственно европейская и не до конца европейская, а... как бы евро-азиатская, хотя, повторяем, не настолько азиатская, чтобы оказаться собственно азиатской. Между Западной и Восточной Европами лежит Центральная Европа — некая смешанная западно-восточная Европа, тяготеющая к Западной, но испытывающая постоянное, часто во многом для неё нежелательное воздействие со стороны Восточной Европы. Если же говорить о великих бытийно-исторических очагах в Европе, то их два — западный и восточный, они же Западный, или европейский, и Восточный, или, как часто говорят, евразийский. История Европы в целом, или Большой Европы, — история сложного взаимодействия Западного и Восточного очагов-центров — как посредством и участием центральной буферной зоны, так и, скажем так, поверх неё, минуя её прямое посредничество. Центральная Европа не могла, конечно, не стать объектом геополитического интереса, влияния и вожделения со стороны двух сильных бытийно-исторических европейских очагов-центров — Западного и Восточного. В самой же Центральной Европе аналогичного по мощи, творчеству и стратегическим притязаниям очага-центра не сложилось, хотя попытки были — Речь Посполитая (Польша с Литвой), Австро-Венгрия, Югославия, и не сложилось не без влияния соперничающих между собой Западной и Восточной Европ.

376

Восточная Европа. Большое и просторное пространство, в основном равнинное, достаточно и плоское, хотя и не без возвышенностей, занятое лесами с обильными водами (реками, озёрами, болотами) и бескрайними степями с оврагами и перелесками да выжженными солнцем пустынными проплешинами, с весьма суровым континентальным климатом, долгой, снежной, тёмной и нудной зимой, как и со столь же долгой, плотной и непереносимой теменью, хотя и не без яркого

света, спасительного тепла и жуткой жары. Этакая тёмно-холодная европейская Амазония! Со славянским, угрофинским, разнообразным азиатским (ранее по преимуществу степным, кочевым) тюрко-монголоидным населением, долгое время племенным, общинным, ведическим, языческим, негосударственным, нецивилизованным. Потом, правда, с городами и первоцивилизацией, но совсем не похожими на древние города и цивилизации Средиземноморья или той же Малой Азии. Гиперборея, Ария, Скифия, Сарматия, Славяния, но никак не Египет, не Эллада, не Рим! Да, возникали на восточно-европейском пространстве, когда и климат был помягче, и природа была пообильнее, кое-какие культурные центры, но не вавилоны, не афины, не карфагены, не римы. Цивилизационная история Восточной Европы — история уже времени упадка Западной Римской империи и расцвета Восточной Римской империи. Можно считать, что на востоке Европы долго не было никакой внушительной истории, во всяком случае, заметной, ясно очерченной, хорошо документированной, хотя там и сохранялись древние предания о каких-то ушедших в небытие весьма примечательных процессах и событиях, но... без особых на то фактических подтверждений, а потому если история и была, то какая-то невыраженная, неподвижная, неизвестная, как бы и небытийная. Отсюда феномен, скажем так, задержки истории, её как бы на время пленения, спутывания, связывания. Хорошо известно, что славный Аполлон прибывал в Элладу на своей искромётной колеснице с севера — из Гипербореи; что хеттская клинопись, текст критского круга и те же этрусские надписи расшифровываются с помощью древнерусского, пусть и древнеславянского, языка; что коренной русский и арабские языки фонетически близки, а семантически взаимодополняемы и иногда взаимозаменяемы; что скифы когда-то одолели персидского царя Дария, причём примерно так же, как русские разбили Наполеона Бонапарта; что воинственные орды с востока Европы регулярно нападали на Рим-

скую империю, на сам вечный город Рим, в конце концов поучаствовав в её — Империи — и его — Вечного Города — поражении и гибели; что были у восточноевропейских народов и боги, и цари, и армейский строй, и станы, хотя цивилизации, сравнимой хотя бы с любой средиземноморской, никогда вроде бы не было. И хотя города и первые образчики цивилизации появились у тех же восточных славян ещё до прихода на Русь пресловутого варяга Рюрика со товарищи, явная и большая государственность на востоке стала складываться, наверное, лишь в конце I тысячелетия от Р. Х., как раз уже во времена и вроде бы в связи с явлением на Руси достославного варяга Рюрика (уж не родственно ли слово *варяг* таким славяно-росским словечкам, как вор, варево, то-вар, то-вар-ищ?).

377

Путь из варяг в греки. О-очень интересная «вещь», он же феномен, он же процесс, он же деяние! *Путь!* Через восточноевропейские земли, с севера на юг — Севера Европы на Юг Европы, прямо по маршруту Аполлона Гиперборейского, а далее в Азию через земли, населённые славянскими и угрофинскими племенами, общинного в основном строя, не слишком ещё цивилизованными, хотя уже с городами, но по преимуществу ещё детьми природы, духов, зверей, как и вполне натуральных богов. Трудно сказать, кто был более всего инициатором пути: варяги, греки или же славяне с теми же угрофиннами, но если судить по названию, то, скорее всего, варяги, что и понятно, ибо они явно стремились к контакту с развитой и богатой Византией — цивилизованной, высокоразвитой, культурной, производительной, изобретательной. Скорее Север тогда тяготел к Югу, чем Юг к Северу, хотя и Югу было чего домогаться от Севера. Что касается славян-аборигенов, то они могли, без сомнения, стать участниками пути, хотя, наверное, не без борьбы с варяжскими и теми же греческими пришельцами, не говоря о защитной борьбе со скифско-

сарматскими степняками и какими-нибудь хазарами, хищно зарившимися на богатую добычу, которую можно было всегда заполучить на варяжско-славяно-греческой дороге. Судя по Новгороду, а потом и Киеву, ещё дорюриковским, варяжско-славянский, как, собственно, и славяно-греческий, союз по поводу Пути мог вполне и состояться. И воинственные варяги в первую очередь не могли не претендовать на властное доминирование на Пути и вокруг него, как и вести жёсткое соревнование между собою за верховное по этому поводу лидерство. Предприимчивая часть славянства, примыкавшая к Пути и извлекавшая для себя немалую выгоду, населявшая возникавшие на Пути города, городища и крепости, в основном, надо полагать, единилась с варягами, как, собственно, и с греками-византийцами, но, наверное, и в чём-то им противостояла, не избегая и собственных межславянских противоборств. А Путь требовал крепкой организации с единой государственностью. И наступил момент решения столь насущного вопроса. У славян то ли не было достаточно военной силы, то ли, что более вероятно, между собой необходимого единства, то ли попросту собственного субъектного лидерства, но случилось так, что на Руси, а может, только ещё в Славянии, в качестве исторически явной государствообразующей силы утвердились варяги, как раз вроде бы в лице счастливчика Рюрика (не означало ли слово «рюрик» или «рурик», вроде бы переводимое как «сокол», попросту что-нибудь вроде «князь», «вождь», «глава», в общем — начальник, руководитель, командор?) и его блистательной дружины, а точнее, не очень большого, но, видно, вполне сплочённого и эффективного войска, чего, надо думать, у славян тогда по какой-то причине не было — ни эффективного центрального лидерства, ни крепкой совместности, ни общего боеспособного войска (межплеменные распри, видно, сильно мешали). Так или иначе, но явился Рюрик со варяги, но уже не как всего лишь путник на Пути из варяг в греки,

а как полновластный устроитель не только самого этого Пути, но и создатель-де восточно-славянской государственности.

378

Как же Рюрик смог вдруг явиться в страну Славянию в столь весомой и значимой исторической роли: по приглашению ли разрозненных, диких и глупых славян или же как самый обыкновенный конкистадор-колонизатор, он же и разбойник, смогший, воспользовавшись общей на тот момент разобщённостью и воинской слабостью славян-аборигенов, захватить, как какой-нибудь Кортес или Кук, власть, центр и само жизненное пространство, не бывшее тогда ни единым, ни по-настоящему государственно обустроенным? Впрочем, могло иметь место сразу и то и другое: как захват власти со стороны варягов, так и приглашение варягов к этому захвату со стороны оваряженной к тому моменту славянской верхушки, во всяком случае проявленное ею проваряжское попустительство. Всё это вполне вероятно, кроме одного — челобитной со стороны всей восточно-славянской земли: «Правьте и владейте нами!». Это уже явная прорюриковская легенда, составленная гораздо позже, по образованию и укреплению нового восточно-славянского государства со столицей, конечно же, не в Новгороде, где лучше знали всю подноготную прихода Рюрика, в том числе и её предательскую составляющую, а в Киеве, захваченном варягом Олегом не без коварного убийства им местного правителя Аскольда, судя по имени тоже варяга, но, видно, не прорюриковского. Не исключено, что между новгородцами, известными своими финикийскими (торговыми, денежными, экономическими) наклонностями и обычаем приглашать со стороны князей-воинов с дружинами для защиты себя и своего нелёгкого бизнеса, и приглашёнными-де ими варягами во главе с Рюриком был заключён «взаимовыгодный» договор, благополучно Рюриком или его ближайшими наследниками порушенный: Рюрик или какой-нибудь следующий за

ним Рюрикович скоренько вышел из договора и стал утверждать в обретенной вдруг Славянии свою и только свою власть, построив и собственное государство, заодно и его по-особенному поименовав — *Русью*, ставшее по прошествии большого времени именоваться историками Киевской Русью, вовсе не Новгородской, но почему-то не Рюриковской, какой она, несомненно, и была. Авторитарная политика в итоге взяла верх над «свободной» экономикой, а княжеская власть — над общинностью и племенной демократией, хотя для всего этого потребовались немалое время и много разнообразных, как правило, очень жёстких, если не попросту зверских, усилий.

319

Нет, не славяне как таковые и тем более не угро-финны как таковые, в общем — не аборигены, соорудили Киевскую Русь, а всё-таки варяги, которые, возможно, и были в чём-то славяне, бесспорно, сильно онорманенные, но именно варяги — *иные*, не местные, либо не славянские, либо не совсем славянские, что и соответствует упорно повторяющемуся в истории сценарию-сюжету, когда правящая элита приходит извне, как правило, посредством войны и своей победы, а тягловым населением оказывается, будто бы проигравший местный люд, принимающий так или иначе условия победителей. Первые, знаете ли, волки, а вторые, пардон, — овцы, — вот, собственно, и всё! А волки не просто инородцы, иноплеменцы и иностранцы, а прямо-таки другая раса — *раса господ*, на какое-то время непременно сплочённая, иерархически построенная, дисциплинированная, единолично и управляемая (ведь именно конунг-князь Рюрик с дружиной явился, а не какой-нибудь лихой атаман с наспех набранным разбойным сбродом), ибо только *другая* раса — для себя из своих, а для аборигенов из чужих — причём хищническая, воинственная, беспощадная, может составить господский управляющий слой в стране, в которой местное население оказывается в основном

управляемой, эксплуатируемой и жестоко подавляемой тягловой массой — для подчинивших их чужаков поначалу вовсе и не своих! Из *своих* вообще труднее выдвинуться в господа над *своими* же, да ещё и признание от *своих* же получить — *свои* не особенно пускают наверх *своих* же, а вот чужим (победителям или «приглашённым») решить властно-господскую проблему куда как проще! «Приглашение» — способ для нарождающейся местной элиты утвердиться среди своих же с помощью внешней (чужой) силы. Эксплуатируемые — всегда либо местные (захваченные, покорённые, завоёванные), либо пригнанные извне, либо впущенные со стороны, а элита, как правило, по преимуществу инородного, иноплеменного, иноземного происхождения. Разумеется, со временем верхи и низы как-то притираются друг к другу, даже образуя «единый род», но корневые различия никуда не деваются: *раса господ* и *раса трудников с менеджерально-профессиональной и интеллектуально-культурной подрасами* между основными двумя, хотя и с некоторым межрасовым взаимопроникновением. Киевская Русь — совместное деяние варягов и славян (части славян, как раз меньшей, быстрее всего слившейся с варягами, их, безусловно, поглотившей, но и оваряжившейся тоже), и это всё при том важном моменте, что на острие деяния были всё-таки варяги — недаром же их «пригласили»-де в страну Славянию «володеть и править»!

380

Явились варяги, вроде бы даже в качестве «прошенных» владетелей и управителей земли славянской, — и... пошло-поехало! Зачалась новая история Славянии, ставшей Русью, причём записанной позднейшими просвещёнными умниками в Русь почему-то «древнюю». Что ж, древняя, так древняя, во всяком случае, для Нового времени, не говоря о Новейшем, а так — первая, первичная, начальная, разумеется, лишь в плане явно оставшейся в исторической памяти государственности.

Варяжско-славянско-византийская Русь! И всё по причине Пути — пути из варяг в греки. Именно Путь стал главным государствообразующим фактором-моментом, оттого именно и варяги с греками тут как тут с их непреходящей ролью в судьбе славянских аборигенов. А дальше? Вот уже и Олег идёт на Византию, как хаживали туда издавна славяне-аборигены, вот уже и Святослав, разгромив тыловые Хазарию с Булгарией, строит что-то вроде варяжско-славянской империи и грозит захватом самой Византии; вот и Владимир не отступает от экспансионистских намерений молодого Киевского государства — владельца Пути и претендента на восточно-европейское имперство. С чем, с чем, но с амбициями у Рюриковичей было всё в порядке, тем более что резервов для их реализации хватало. Мешала, конечно, степь с её подвижными варварскими народами-армиями, но, отбиваясь от них, Русь отгоняла их в дальнюю степь, громила и покоряла. Вот и форпост удачный образовался — Тмутаракань (и плодородие там, и выход к морю с постоянным контактом с торгово-ремесленными городами по берегам Понта Эвксинского, и стратегический пункт на южном и восточном направлениях). С Крымом же дружба, в основном, торговая, сотрудничество, чуть ли не кооперация — оттуда товары заморские, а туда северные, в том числе и людские: служба или работа в Византии вообще из деяний приглядных, а торговля людьми-рабами — дело исключительной выгоды, так почему бы и Рюриковичам с рюриковичанцами, как и хазарам, и тем же степнякам, не поторговать «людьми», не гнушаясь выгодно сбывать за рубеж и своих, так сказать, «единоплеменцев»?

381

А Византия подрагивала, страшась Рюриковичей с рюриковичанцами, откупалась от них, отбивалась, как могла, но и дружила с ними, заигрывала. И искала путь к умам и сердцам русской элиты, князей, вообще справных людей — торговцев,

ремесленников, горожан. И не одну невиданную роскошь предлагала высокоразвитая Византия, не только хитроумную экономику вкупе с взаимовыгодной-де политикой, не только сильно привлекательную обиходную культуру, но и передовую идеологию — *христианскую* — с её единобожием, Церковью, священством, иерархией, патриархатом, церквями, церковными общинами, монастырями с монахами, людской пастырской, централизацией и контролем сверху донизу, иконами, красочными росписями, мудро-таинственными текстами, праздниками, постами, Библией, ну и, разумеется, Христом с апостолами, непорочным зачатием, рождением, распятием и воскресением Христа, с грехами и их отпущением, покаянием, очищением, признанием власти, богатства и рабства, самопожертвованием здесь — в бренном мире — и воздаянием там — в неземном мире, с Раем и Адом, с бессмертием души. Что говорить, мощная идеология, влекущая и действенная, а главное — от *своих* же — от греков, от ромеев, от византийцев, ненавидимых, быть может, но... признаваемых, не любимых, но... уважаемых, как раз от тех самых — передовых, развитых, примерных, обходительных, не отчуждавшихся вовсе, а стремившихся к контакту, взаимности, чуть ли не к дружбе. И Византия добилась своего, уничтожив руками подкупленных степняков не без содействия, видно, со стороны христианизированной киевской элиты, если не самой правящей верхушки, непокорного и непредсказуемого варяжского князя и волхва-язычника Святослава, оставшегося, в противовес христианизированной и обласканной Византией матушке своей Ольге, противником христианства и Византии, — и добилась Византия... *христианизации*, соответственно и *византизации*, Киевской Руси, но уже руками незаконнорожденного сына Святослава и внука хитроумной и беспощадной Ольги — князя Владимира, принявшего втайне христианство (в Корсуне, в Крыму), сбросившего вдруг в Днепр деревянные истуканы языческих богов во главе с Перуном и окрестившим насильст-

венно киевский люд под Перуновой горой в речушке, обозванной народом потом Крещатиком, а затем окрестившим столь же насильственно и всё подданное ему славянство. И всё это с участием греческих священников, облачённых во всё чёрное, что-то говоривших на непонятном языке и окроплявших, окроплявших, окроплявших... И стала вдруг Русь *христианской* страной (ну и варяжско-византийской тоже и меньше всего оставалась... собственно славянской), а Владимир со своей матушкой Ольгой стали христианскими святыми, хотя и прожили свою личную жизнь менее всего благочинно, но... зато осчастливившими Русь не просто новой религией, а новым мировоззрением и новым миром — иноплеменным, международным, мировым, глобальным, как и государственно-имперским. И стала Русь если не верной союзницей Византии, то явно уже более безопасной её подружкой (неприсоединённой, так сказать, провинцией), и стала открыто и всюду учиться у Византии, строя на своей земле византиеподобную Церковь и какую-то мирозначимую, впрочем, тоже византиегенную, цивилизацию. Антивизантийщина первых князей-варягов сменилась провизантийщиной последующих киевских, уже как бы и не варяжских, князей — и ежели взрастала в Восточной Европе новая империя, то она изначально была уже... пардон... *византийской* (ну хотя бы *квази-* или *пара-*византийской)!

382

Никакого выбора религии для Руси со стороны славного князя Владимира не было, — здесь не более чем поздние сказки прикрытия для вполне вынужденного неоднозначного деяния, да, собственно, лично ли князя Владимира? Христианство само пришло в Киевскую Русь — не без уместной активности его внешних агентов и не без не столь уже уместной помощи его же внутренних адептов. Ясно, что кое-какая необходимая для такой акции социо-культурно-политическая органика уже

имела место в Киеве, так что ежели и был у власти выбор, так лишь в моменте и в средствах. И не в том дело, что Владимир проникся христианством и выступил в его пользу, а в том, что он совершил в стране *прохристианскую* и *провизантийскую революцию!* Князь Владимир — бесспорный революционер, весьма и успешный, что вовсе не значит, что всю благодетельный. Страна была унижена, оболгана, потрясена, но... дело было сделано, хоть и потребовались для этого немалое насилие, внезапно-беспардонный сброс прежних кумиров и их нагло-нарочитое поругание, неумолимое преследование (вполне и очумевших) язычников и жесточайшие расправы с непокорными волхвами, вряд ли ответившими на это благолепным «Спасибо!». Не в этой ли расправной победе над изначальным природным верованием с его адептами-язычниками и лидерами-волхвами-мудрецами лежит корень всех последующих неурядиц на христианизированной и византизированной Руси? Несомненно, во всяком случае, что революции такого рода — с силовым отвержением имманентной традиции и насильным внедрением «извне» новизны — всегда дорого обходятся подвергнутым радикальным революционным переворотам странам, народам, государствам. За всеми таковыми деяниями непременно следует вешнее проклятие от отверженных, униженных, оскорблённых, раздавленных, убиенных, а что говорить о прямых носителях поруганной духовности — волхвах, пусть и низкой-де, на взгляд победителей, духовности, и неверной, и одряхлевшей, как раз тех самых её носителях, что были способны проникать в тайные духовные миры и весьма управлять витающими повсюду духовными субстанциями?!

383

Князья-варяги пришли с Севера без какой-то новой идеологии, а потому им и удалось укрепиться в Славянии, построя в целом понятную для населения традиционную госу-

дарственность. Но вскорости Рюриковичи уяснили для себя, что нужно не воевать Византию (глобализм), как и не просто с нею мирно взаимодействовать, а самим встравать в византийский мир, он же христианский, становиться его частью, воспринимая от него всё свехприродное, урбанистическое, цивилизационное, как и государственно-имперское, иерархическое, элитно-народное, управленчески-эксплуатационное. А греки были по этой части большие мастера, и было у кого варяжским киевцам поучиться — что мирскому, что духовному, хоть и пришлось пойти Рюриковичам на крутые меры, попривав, как водится, в подобных случаях своих и поощрив желанных инородцев, но зато целостно преобразив Русь, резко вдвинутую ими в евро-мировое (глобальное) цивилизационное пространство. Что ж, тут не что иное, как зависимость политико-культурная, да и экспансия такая же со стороны учителей-просветителей, и жертва со стороны Руси неизбежная и вполне окаянная, но... но... ради приобщения к более, де, высокому, содержательному и умному, как и, надо было тогда непременно полагать, более духовному, а главное, как-то более подходящему для укрепившейся на Руси правящей варяжско-греческой верхушки: и единовластие (самодержавие), и императорство, и развитая целостная властная структура с признанной иерархией, и почёт властям предержавшим и к ним всеобщее «уважение», и массовое подданство с преклонением, и стройно-строевая армия, и развитая экономика с торговлей и финансами, и рабство тож, а уж идеология (!) — гуманная-де, «вертикальная» (сверху донизу), целостная (всеобъемлющая), пространственная (распространительная), глобальная (внеплеменная, мировая). Так что ничего не было случайного в крещении Руси, ничего и выборного, а один лишь трезвый, во многом и вынужденный расчёт! Понимал ли Владимир, на что в самом деле шёл, какие последствия ожидают Русь и самих Рюриковичей, или же не понимал, не так уж и важно, ибо понимал он тогда хорошо одно: страна должна иметь не так,

быть может, правильную, как достаточно приемлемую для неё новую идеологию, с одной стороны, более подходившую для сформировавшейся и развивавшейся новой государственности, включая и отношение «верхи — низы», а с другой, позволявшую не отставать от более зрелого развитого мира, а, наоборот, примкнуть к нему, взяв от него всё необходимое для своего развития и войдя в него в качестве достойного, пусть поначалу и не вполне суверенного и равноправного соучастника. Ничего особенного: молодой, сильный, боевой, но не слишком развитой организм примыкает к более зрелому, более знающему и умеющему, но ещё и более влиятельному, хотя и весьма уже подызолившемуся, организму, — и возникает метропольно-колониальный симбиоз, выгодный в тот момент для всех сопряжённых сторон, а последствия... что последствия... кто их в тот момент знает и учитывает, да и выхода тут иного никто (или почти никто!) не видит, — не спрашивать же было Владимиру совета у ненавистных волхвов?!

384

Христианизация-византизация Руси была, конечно, передовым шагом, даже и по-своему правильным, хотя и пришлось за этот шаг, кажется, заплатить вполне неслабую цену — *проклятием страны и её будущего!* А в чём тут дело? Да именно в том, что это обновление не было ни выработано, ни выстрадано самой страной, а грубо, резко, безапелляционно извне заимствовано, причём вовсе не всей подготовившейся к этому страной, а лишь частью её элиты, которой удалось, используя верховную власть, просто навязать стране что-то, может, по каким-то соображениям и нужное ей на тот момент и на перспективу, но в то же время ей совершенно чуждое, даже и враждебное. Такого рода реформации-революции, а точнее, горе-реформации и горе-революции, вызывают не только законное неприятие населением несомой ему новизны и ей стойкое сопротивление, но и целостное и длительное, мягко выра-

жаясь, недомогание, если не апокалиптическое на этом свете перебывание (вместо бытия), изувеченной реформацией-революцией страны, к тому же без вполне верного шанса окончательного на почве новизны выздоровления. Вот какая тут обычно выходит заковыка!

385

Сначала на Славянию нахлобучились варяги-рюриковичи, для которых коренное население было лишь объектом колониального владения-управления, жизненным резервуаром-резервом, потом эти самые рюриковичи, уже частично ословяненные, не справившись военным путём с Византией, т. е. не став новыми византийцами — узурпаторами византийской вертикали, решили через женское (Ольгино) посредство присоединиться к Византии в качестве нововизантийского придатка, что вполне отвечало и имперским намерениям Византии, стремившейся раскинуть и укрепить своё влияние в Славянии-Руси, не пренебрегая возможностью не только устройства своего северного тыла, но и, на всякий случай, резервного для себя форпоста. Сначала онорманивание (вне прямой связи с происхождением варягов-рюриковичей) славянской верхушки со встречным ословяниванием варяжской элиты (конечно, более всего внешне, чем по сути — хотя бы по именам: от Рюрика с Олегом к Святославу с Владимиром), а затем и тотальная византизация Славянии-Руси (включая и имена: Иван, Василий, Андрей, Михаил, Пётр, Николай...), но уже с затянувшимся на века и не особенно глубоким откатным ослаблением пришедшего всерьёз и надолго греко-византизма.

386

Русь-то она Русь, да вот и с *не*-Русью внутри себя тоже! Великое и ставшее вечным раздвоение Руси, а потом и России, включая и СССР, и нынешнюю Российскую Федерацию, на, с одной стороны, тягловый базис страны — аборигенное насе-

ление, менявшееся, конечно, по этносоставу, но по преимуществу славянское, плюс финно-угорское, затем и плюс татарское, тюркское, кавказское, и, с другой стороны, по преимуществу пришлая, тоже менявшаяся по довлеющей этновыраженности, а в целом более всего смешанная, владетельная надстройка. И ежели коренное население всегда стойко держало на себе страну, как бы эта страна вкупе с населением ни назывались её элитами, то владетельная надстройка вела себя по-разному — то в пользу страны, то против неё, то созидая страну, то её разрушая, а главное — всегда заимствуя *что-то* извне и бескомпромиссно это *что-то* навязывая, внедряя и вдавливая, — это не считая случаев прямого или косвенного захвата страны, её властной надстройки, внешними владетельными силами. Вот и получалось всегда, как и получается, заметим, до сего дня: с одной стороны — родная Русь, она же и генотипическая органичность, а с другой — совсем и не родная не-Русь, она же и Нёрусь, то бишь инородность, а между Русью и не-Русью, или же Нёрусью, то симбиоз, то суррогат, то вражда, но никогда (заметим — никогда!) полный и продуктивный синтез.

387

Владетельная надстройка, приспособляясь, конечно, к тягловому базису, то бишь как-то ославяниваясь и обрусевая, всегда считала себя тем не менее... *заграницей* — заграницей в границах управляемой и эксплуатируемой ею *пространственности*, т. е. всегда была своеобразной а-ля колониальной надстройкой (про-хазарской, про-варяжской — если не прямо про-норманнской, про-византийской, про-татаро-монгольской, про-латинянской, про-польской, про-литовской, про-немецкой, про-голландской, про-французской, про-западной, про-коммунистической, про-глобалистской, какой угодно, но менее всего проаборигенской, прославянской, прорусской, про-российской, то бишь про-базисной), правда, чувствовавшей

себя всё-таки весьма самостоятельной относительно внешнего мира — политически, милитарно, юридически, но, увы, не культурно, не идейно, не творчески. Исторически, конечно, соотношение между «Русью» и «не-Русью» в Славянии-Руси-России всегда менялось то в пользу одного, то в пользу другого, отражая колебания прежде всего самой влиятельной элиты, но «не-Русь», она же «Нёрусь», всегда в стране наличествовала, время от времени будоража и переворачивая страну ради новых «извнеших» заимствований, разумеется, со всё того же передового-де Запада — чтоб никак от Запада не отстать и от услужения ему ни в коем случае не отойти!

388

Византизация-христианизация Киевской Руси, а точнее — *Варяжской Руси*, бывшая тогда для Рюриковичей, надо полагать, судьбоносной необходимостью, а для ромеев столь же судьбоносной и, как впоследствии оказалось, попросту заведомо выгодной акцией, принесла свои исторические плоды, превратив «дремучую» Славянию-Русь в просвещённую по тем временам и чуть ли не процветающую цивилизованную страну — полноправного члена евромирового христианского сообщества. Возникла как бы новая — уже северо-восточная — Византия, что было зафиксировано передачей из коренной, ставшей и материнской, Византии киевскому князю Владимиру (не святому Владимиру, а его потомку) венценосных атрибутов уже имперской по сути власти (коронной шапки вкупе с державой), после чего Владимир стал именоваться по своему собрату — византийскому императору — Мономахом, а Русь стала выглядеть ещё задолго до гибели Византии её не только благообретённой адептовой провинцией, но и как бы вполне законной преемницей. Так явилась на свет Русь-Византия, которая, не будучи ещё никакой империей, вновь возымела реальные — после Святослава — имперские амбиции. С этого момента Восточная Европа явно уже понесла в

своём гигантском чреве зародыш новой великой империи, которому предстояло непременно развиться и стать потрясающим любое дружеско-вражеское воображение историческим фактом.

389

До явления восточно-европейской империи было ещё далеко, а пока... а пока, как водится, христианизированные Рюриковичи бросились воевать саму подвластную им страну, деля её между собой, так сказать, районируя, а по ходу и выясняя, кто из Рюриковичей сильнее, кто из них достойнее занимать главный среди владетельных варягов-рюриковичей киевский престол. Рюриковичевский раздел страны, как и непрекращающиеся межкняжеские усобицы, фактически ликвидировал большую страну, могшую стать вскорости полноценной империей, её по-феодальному раздробили и, конечно же, резко ослабили. И страна вдруг стала жертвой завоевателей как с Востока — чингизхановских татаро-монголов, так и с Запада — литовцев и поляков. Не став империей, Русь сама подпала под имперскую власть, заполучив вполне колониальный статус, платя дань захватчикам и ими же — через собственных посредников — управляясь. Тяжелейшая, гнуснейшая, бездарнейшая ситуация! *Иго!* Не уже принятое вроде бы варяжское управленческое господство, не воспринятое как будто бы византийское идейное доминирование, а «извняя» грубая завоевательная сила — да ладно бы от близких литовцев и поляков, а то ведь и от совсем уж дальних степняков, вывалившихся из какой-то большой азиатской «чёрной дыры». Тут уж всем досталось: что князьям с их недоброкачественной властью, что народу с его безмерным тяглом. Завоёванная, попранная, подчинённая Варяжская Русь, сразу под двумя новыми игами, разделившими покорённую страну на две колониальные под-страны — Восточную, или татаро-монгольскую, и Западную, или литовско-польскую. Обычно историки говорят об одном

иге — татаро-монгольском, ордынском, азиатском, а ведь фактически это не так: Западная Русь тоже оказалась под игом, включая и Киев, и Полоцк, и Смоленск, как раз те славяно-русские земли, где под влиянием культуртрегерских захватчиков стали складываться Белая Русь и Малая Русь (уж не в качестве ли клона раннерюриковской державы, теперь, правда, в роли лишь вполне колониальной провинции?). Освобождение Белороссии и Малороссии от западного ига случилось уже заметно позже падения восточного ордынского ига, и пришло оно уже от новой Руси — Московской, ставшей со временем по её освобождению от азиатского ига Великой Русью. Но всё это было потом, а пока христианизированная кое-как Варяжская Русь пала под ударами сначала диких азиатских орд, а затем и культурных-де западных, может, и не орд, но вполне себе агрессивных сил.

310

Двести лет продолжалось ордынское иго, а литовско-польское и того больше. Вообще, *иго* — понятие сложное, неоднозначное, многосмысловое. Не надо думать, что это что-то обязательно грубое, тяжкое, откровенно силовое, беспощадное, причём непременно приходящее извне, из-за границы, с чужбины. Это далеко не так: иго может быть и мягким, чуть ли не благолепным, иной раз и незаметным, как и вполне эндогенным, так сказать, от своих же игодержателей, от «родненьких». Возможны всякие ига — и о них следует говорить по мере необходимости, а не в соответствии с установленным непреклонной и непререкаемой наукой расписанием. То же варяжское правление на Руси очень близко к иговому, хотя оно вовсе не каждый час проявлялось как правление захватчиков-колониалистов. И Руси пришлось пережить не одно только татаро-монгольское иго, но и литовско-польское, хотя это были разные по характеру и манере исполнения ига: азиатам было достаточно дани и общей покорности, европейцам же

нужны были идейно-культурная переделка русичей, их феодальное закрепощение, внедрение «загранцев» в русскую элиту в качестве прямых властителей — княжеских, коронных, феодальных. Так что Варяжская Русь, раздробленная и ослабленная, подпала под два ига сразу, не считая и своего внутреннего, отличавшегося удивительно долгим постоянством ига — как раз *рюриковичевского*. Иго ведь — не одно лишь само по себе господство одних над другими, но и управление, и хозяйство, и культура, в общем — весь способ бытия раздвоенного на владетельных господ и подневольный трудовой люд социума.

391

Была попытка установления и ещё одного ига — северо-западного, от, обобщённо говоря, немцев-латинян, тевтонцев, как и новых варягов — шведов. Тут Руси не без помощи своих хозяев-покровителей с Ордынщины удалось отбиться под водительством князя Александра Невского от двух внешних иг, не считая, конечно, своего, родного, рюриковичевского.

392

Дальнейшая история Руси определялась на её северо-востоке, по большей части подпавшим под татаро-монголов, но частично и свободном, а главное — самоуправлявшимся, хоть и под гнусно-разделенческим силовым контролем ордынцев, и оставшимся христианским, ибо культуртрегерство не входило в задачу свободных от цивилизационных уз степняков. Так получилось, что русо-рюриковичевская пассионарность во времена рокового раздробления Руси ушла из Киева на северо-восток, в финно-угорские и вятичевские земли, где возникли сильные Владимир, Суздаль, Рязань, Ростов, а потом и благословенная Москва. Именно там — на северо-востоке — возник, несмотря на разгром Руси и жёсткую колониальную власть татаро-монголов, очаг... нет, не лобового или же парти-

занского (террористического) сопротивления захватчикам, а всего лишь... русо-рюриковичевской пассионарности, сориентированной на выживание Руси и её возрождение, когда Русь выступала не как прямой противник Орды, а как ей подвластный её союзник, скорее, пожалуй, наоборот, когда Русь рассматривала Орду как её союзного её же властителя. Такую линию стал проводить в жизнь Александр Невский, а наиболее хитроумным её реализатором стал московский князь Иван Калита. Любопытно, что последовательно русским центром в подордынской Руси стала именно *Москва* со своей московской, рюриковичевского происхождения, поддинастией, хотя ярлык на правление Орда вручала помимо Москвы то Владимиру, то Твери, то Рязани. Но победила в итоге всё-таки Москва — и здесь таится величайшая загадка отечественной, да и мировой тоже, истории!

393

Да, *Москва*! Этот маленький поначалу городок-крепостца, чуть ли не основанный, кстати, самим тогдашним собирателем земель русских владимирским князем Юрием Долгоруким, взявшим даже под свою «долгую» руку и первопрестольный Киев. Нет, конечно, не удалось тогда ни одному исторически дальнозоркому князю-рюриковичу объединить русские земли в единое государство, междуусобица оказалась сильнее, а потому и пала Киевская Русь, она же Варяжская, точнее — Рюриковичевская, под натиском иноземных врагов. Пала, но не исчезли насовсем ни русичи, ни рюриковичи, не рюриковичанцы. Князьям-рюриковичам, надо особо заметить, удалось не только уцелеть, ибо ордынцы были не против сохранения в чуждой им христианской стране органичных ей высших управленцев — как раз этих самых рюриковичей, а сами Рюриковичи обнаружили понимание и нашли в себе силы как бы переродиться, став уже совсем другой династией — центрально-государственной, а не феодально-региональ-

нической, что не могло не вызвать сочувствия и уважения к части рюриковичей со стороны разных слоёв населения. И вот поэтому-то и Москва! Не Киев, не Новгород, не Владимир, а именно никому издревле неведомая и не очень-то известная современникам Москва — захудалый удел одной из рюриковичевских ветвей. Ответ по-гумилёвски тут только один — пассионарность, причём прямо по велению Космоса, то бишь по-христиански — Господа Бога! Никто и никогда из смертных не ответит на вопрос, почему это вдруг Москву, точнее, правящих в ней её князей-рюриковичей, захватила эта самая пассионарность, да не какая-нибудь, а на соби́рание земель русских, пусть ещё и под ордынским владычеством, как говорится, в тёмную, но соби́рать же, соби́рать, хоть и обирая Русь для дани Орде, немало страну насилуя, воюя с ней, расправляясь и покоряя. Интереснейший тут феномен — Москва со своим княжеством Московским! И если ещё учесть, что состоялось же это чудо, состоялось — и от Орды Москва освободилась, и Русь освободила, и столицей сильного государства стала — Московской Руси, этого царства-империи, а потом, а потом... в одну из ведущих столиц мира превратилась, а однажды так и в триицу, наряду с Вашингтоном и Лондоном, великих мировых столиц вошла, деля и перекраивая планетарный мир. *Москва!* И прозападный имперский Петербург не перешиб Москвы, не сразил её, не отменил и не аннулировал. Москва вновь приняла от Петербурга столичную эстафету, хотя и по причине страховочного бегства узурпаторов-большевиков из революционного-де Петрограда, а со временем и эстафету уже совершенно имперскую, как раз и став в итоге победы СССР-России во Второй мировой войне и в момент подъёма альтернативного западнизму советизма-социализма одной из главных столиц планеты Земля. Москва — не просто лишь Московское княжество, не только Московская Русь, даже не просто столица России, — это, знаете ли... *большой мирового значения феномен*, ещё только подлежащий смысло-значному

раскрытию. И что же произошло в Москве и с Москвой тогда, в тёмные ордынские времена, да не где-нибудь, а в московском рюриковичевском закулисье?

394

Никто тут не ответит, кроме Софии! Да, снизошла на московских рюриковичей София Премудрость Божия, повелела действовать, подсказала и как. Откровение! То самое, что к любому великому творчеству причастно. Аналогов в истории хватает, но московское откровение вполне уникальное, как и последующее за ним всё московское деяние. Случай! Может, и случай, но случай-то какой! Это не тот случай, что с теми же Александром Македонским, Чингисханом или же Наполеоном, нет, во-первых, не искушение тут от дьявола, во-вторых, не ради имперских завоеваний и колониальных покорений, в-третьих, не в угоду яркой, харизматичной, агрессивной и честолюбивой личности, а лишь на пользу стране, люду, этносу, расе. Необыкновенный случай, он же и необыкновенное чудо, вполне и сакральное! Да, очухались поверженные Рюриковичи, хоть и не все; да, пришли в себя пассионарные русичи — что лучшие, что простецы, не захотевшие почему-то исчезать в пучине небытия — покорёнными, забитыми и забытыми; да, почувствовала себя вдруг очень нужной Церковь, учившая смирению, терпению, но и спасавшая от отчаяния, укреплявшая дух, оснащавшая трудное бытие сверхбытийным смыслом, державшая связь времён, поколений, деяний, свершений, наконец, ставшая идейным и культурным оплотом тогдашней русскости, как, собственно, и стоического и упорного сопротивления игоносцам. Однако всего, пожалуй, примечательнее, что где-то и как-то, в каком-то закрытом кругу, среди совсем немногих, родился-таки замысел-проект, пусть поначалу и сугубо ситуационный, но непременно нёсший в себе дальнбойный провиденциальный заряд, позволивший первичному замыслу превратиться во многовековой проект, да ещё и, не-

смотря на первоначально кажущуюся убогость и фантастичность, вполне исторически оправданный и реально осуществившийся. Москва окончательно и бесповоротно приняла, а лучше бы сказать — взяла, эстафету у Киева — матери городов русских, став *новым русским центром* на восточно-европейской равнине, сохранив и укрепив Русь, а затем и дав ей мощнейший импульс живого исторического бытия, лишь вынужденно отдав на время столичную эстафету заносчивому Петербургу, так им и не удержанную. Не перенеси, кстати, Пётр Великий русскую столицу в нерусский Петербург, может, и не рухнула бы романовская Российская империя в 1917 г. — кто знает?

395

Московское державное деяние вполне сравнимо не только с древним киевским, но и с гораздо более значимыми историческими деяниями-событиями вроде древнеримского, как и того же чингизхановского, но так же и христианского: везде всё творилось фактически из ничего и везде всё свелось к великому реальному свершению. Московство — не эпизод, не временное происшествие, а великое историческое деяние-событие, оно же и процесс, оно же и сооружение. И непреходящая особенность такого рода свершений состоит в их исконной трансцендентности, в тайне, которую можно почувствовать и обозначить, но до конца всё-таки не разгадать. Почему некогда Рим, почему одно из азиатских степных племён, почему та же Палестина, почему Москва? Географическое положение здесь ни при чем, как и какая-нибудь житейская потребность, ибо мотивация здесь явно за пределами обычного жизнеотправления, а разная география лишь подтверждает эзотерическую особенность события. Конечно, оставалась память о Варяжской Руси, о победах над всякими врагами, племенами и государствами, как и имело место идентифицирующее тогдашнюю Русь православие, само бывшее имперским

наследуем, но вот почему же новоросское движение замешалось именно в Москве и из Москвы стало расходиться кругами по русскому пространству? Очажки-завязи чего-то нового и необычного возникают, конечно, в разных местах, первичная удача приходит к некоторым из них, а вот окончательный успех — лишь к одному, как раз к тому самому, откуда и выходит в историческое шествие столь необходимая реальности новизна. Всякая новь вообще ведь из Нави, из ничто, из небытия — и великая новь тоже, а потому никто и не знает, кто, когда, почему, для какой цели что-то задумал, как и вследствие чего кто-то, уже, как правило, известный истории человек-исполин, это задуманное не просто уловил, но и стал воплощать в Явь, в реальность, в жизнь, да так, что воплощение это, модифицируясь и обогащаясь, шло от одного субъекта к другому, охватывая поколения и длясь немалые исторические сроки. Московское происшествие вполне сравнимо с раннехристианским, как, собственно, и с европейским ренессансно-просвещенческим, ибо это было упорное, последовательное, мучительное, непрекращающееся деяние, имеющее целью, пусть и не всегда вполне осознание, не что иное, как возрождение, высвобождение, превращение, а затем и утверждение нового социума — русо-росского, разумеется, уже московского, а в перспективе и собственно *русского*, лишь по временному и относительному прозванию *великоросского*!

396

Деяние московское достойно восхищения! По прошествии времени оно кажется и впрямь проектом, чуть ли не программой, хотя было оно, конечно же, ни тем и ни другим, а скорее всего, провиденциальным устремлением, в общем-то, и трансцендентным, хотя и довольно в узком кругу осознанным. Завелись как-то на это устремление князья да люди московские — и пошло-поехало: трудно, со скрежетом, с бедами и потерями, жертвами и победами, с периодическим сожиганием

деревянной Москвы, как и с неперменным её возрождением, в конце концов и в камне, и с красавцем Кремлём, и с крепкими неприступными стенами. Великий то был подвиг нового русо-росского народа под водительством упорствовавших в своём московитском созидательном рвении князей рюриковских и активном участии всей московской элиты: служилой, военно-административной, духовной. Пришло время московскому князю стать Великим князем всея Руси, первым среди Рюриковичей, а патриарху русо-православному занять престол в Москве, а самой Москве, уже покончившей с ордынским засилием, почувствовать себя... Римом, Новым Римом — *Третьим!* Произошло это по восприятию Москвой имперо-христианской эстафеты от Византии, от самого Константинополя, павших под ударами иноплеменных иноверцев. Первым Римом, надо полагать, был Рим, так сказать, римский, италийский, латинский, Вторым — Византия, этот малоазийский, ромейский, греческий Рим, ну а Третьим уже стала Москва — Рим славяно-росский, восточно-европейский, рюриковичевский. Что ж, с этим нельзя не согласиться — как с фактической констатацией, так и с филофеевским провиденциальным пророчеством. Всё было в соответствии с сакральной троичностью, с золотой троицей, с полной, так сказать, полнотой. Христианство с его Божественной Троицей и три христианских Рима! Протестантство хоть и обзавелось Лондоном, Берлином и Прагою, но не заполучило Рима, ибо не римское это было дело — протестантизм, выступивший как раз против Рима, против наследного христианства. Первый христианский Рим — собственно Рим, перетёк когда-то во второй — византийский, ну а византийский — в московский. Теперь в мире стало три столицы имперо-христианства: Рим, Константинополь (Византия) и Москва, а вот Париж, Лондон, Берлин или Женева с Прагой — как-то тут не в счёт. *Москва — Третий Рим, но и Третий Рим — Москва!*

Все эти геоклерикальные Римы нельзя отрывать от геополитических Римов — вполне имперских столиц, да что столиц, и самих империй тоже. Не будь геополитических империй, вряд ли случились бы геоклерикальные Римы, тоже ведь вполне имперские. Так что идея Третьего Рима работает и в плане третьей государственной империи в еврохристианском мире, но уже с учётом того исторического факта, что сначала была дохристианская Римская империя, только потом ставшая христианской. Да и Византийская империя была империей вовсе не по причине своей приверженности христианству, а по мотивам наследования всё той же Римской империи, и Москва была провозглашена Третьим Римом в момент перехода от доимперии к предимперии с последующим становлением и развитием полноценной государственной империи. Старец Филофей увидел провидчески не только новый мощный центр христианства, но и новый могущественный имперо-государственный центр, а потому Третий Рим — не одна большая веро-церковность, но и великая геополитическая данность. Первый Рим до сих пор имеет место, но уже в виде остаточного от Рима Ватикана; то же самое и Константинополь, который остаётся центром православного христианства, но не только без империи, но и посреди чуждого и даже враждебного ему мусульманского мира; а вот Москва, этот Третий Рим — столица великой империи, называемой ныне стыдливо не империей вовсе, а всего лишь... федерацией. Так что Третий Рим — не только третий мировой имперо-христианский центр, но и третья, причём всё ещё бытующая, еврохристианская империя, ибо все другие внутренние евроимперии, включая Первый и Второй Римы, приказали-таки долго жить.

Укоренение на Руси православной веры и упорное сопротивление страны разного рода иноземным игоносцам воз-

родили в Московии понятие *Святой Руси*, а освобождение страны от ордынского владычества это понятие в русо-росском сознании несказанно укрепило. Русь вышла из тяжелейшего исторического испытания государственно окрепшей и идейно-нравственно обновлённой. Орда, не желая того, заставила Русь почувствовать себя именно *Русью*, мало того — Святой Русью, то бишь не просто пространством русо-росским, а единым русо-росским этно-государственным организмом, скрепляемым единой идеологией, как и почувствовать себя одним народом, а если и не совсем одним, то уж народом с явно уже одной исторической судьбой. Понятие Святой Руси обычно связывается с торжеством в тогдашней Руси христианской религии и Православной Церкви, их позитивной ролью в деле сохранения, укрепления и освобождения Руси. И хотя так оно и было, но само переживание святости родной страны было обусловлено и глубокой исторической мотивацией, отражённой в устных и письменных преданиях, в народном эпосе. Это не верно, что русский значит то же, что христианский православный, ибо православный во Христе вовсе ещё не русский, а русский содержит в своём генотипе много чего нехристианского, хотя и тоже весьма «славного» — от того же древнего славянства, а может, и древней русскости — как и от самой по себе тогдашней Руси. Не только русичи-русские стали в один прекрасный момент православными христианами, но и греки, и сербы, и эфиопы, да и не каждый русич-русский непременно был ортодоксальным христианином или попросту православным. Да, русич-русский тогда во многом совпадал с православным, а православный — с русичем-русским, но всё это при том, что русскость и православность не сводились только к христианской ортодоксии, а потому Святая Русь — не только собственно христианская Русь, но и Русь вообще, *археоРусь*, *первоРусь*, *искониРусь*. И не христианская лишь Русь освободилась от ордынского ига, представ Святой Русью, а и Русь вообще, Русь как Русь, даже и не только рюрикови-

чевская, а как раз та самая — славянская, арийская, геперборейская, одним словом — корневая. Архетип — не просто какой-нибудь уцелевающий во времени культурный феномен, а воспроизводящийся в веках тип сознания, некий уже в целом сознаниевый архетип, вроде бы меняющийся со временем, но явно почему-то во времени и уцелевающий, что связано не с одной, увы, застаивающейся и затаивающейся культурой, как кажется образованным «передовыми» университетами «толерантным» особям, а прямо-таки с кровью, с этносом, с расой, трактуемыми, разумеется, не так физически, как метафизически. Сознаниевый архетип — совершенная, знаете ли, метафизика — такая *археометафизика*, вряд ли, наверное, подлежащая старательному диссертационному раскрытию. Ясно, что *что-то* тут есть, а вот *что же* конкретно — увидеть, увы... невозможно, ибо тут уже царство... незримой и неслышимой трансценденции!

399

Освобождение Руси от татаро-монгольского ига сопровождалось не только переходом в новое качество — свободной, независимой, самоопределяющейся страны, но и перевод Московии в более высокий «номенклатурный» разряд — из великого княжества в царство — *Московское царство*. Не империя ещё, но уже и не княжество — ЦАРСТВО! Вся эта позитивная мутация совпала с окончательной передачей исторической эстафеты от Византии к Руси, ибо Византия исчезла как раз в тот момент с лица земли, захваченная турками-мусульманами, а Русь, только-только более или менее надёжно встав на ноги, явно изготовилась к большому историческому марафону. Великий князь-рюрикович Иван III стал не только ниспровержителем ордынского ига, но и первым русским царём, к тому же женившимся на последней византийской принцессе Софии Палеолог, прибывшей на Русь в качестве связующего исторические времена идейно-политического

агента-актера. Так имперский штандарт, канувшей в Лету Византии, перешёл вместе с книжной византийской мудростью (библиотекой, привезённой Софией) в руки Московского царства, чем и было освящено нараставшее в Московской Руси новое, уже славо-христианское, или же православное, имперство. О-о, тут всё было не просто: ушедшая Византия; сохранившаяся и возродившаяся Русь со своим славством; царь Иван III, прозванный впоследствии Великим; София Премудрость Божия со своей православно-имперской на тот момент ориентацией; имперское наследство, но не только и не столько со стороны византийской империи, сколько, как стало весьма скоро ясно... ордынской империи тоже; поднимавшаяся самостоятельная Русь — Московское царство, совсем уже не чуждое великих имперских амбиций!

400

И пошло-поехало! Страна укреплялась, озираясь по сторонам, обретала могущество, развиваясь. Теперь уже Московское царство вело покорительные против остатков Орды и освободительные против тевтонцев, литовцев с поляками, ливонцев и шведов войны. Складывался новый суперэтнос — из русичей, финно-угорцев, татар, тюрок, остававшихся, с одной стороны, русичами, финно-угорцами, татарами, тюрками, но, с другой стороны, смешивающихся между собой, образуя на основе и вокруг русичей новый русо-росский этнос — будущих *великороссов*, оказавшихся в положенное время как раз собственно *русскими*. Русский и великоросс — полная органика — что физическая, что метафизическая, что кровная, что культурная, а вот малороссы и белоруссы (белорусы) — русичи, но уже не как таковые русские, а русский не всегда лишь собственно великоросс, ибо в русское племя (этнос, расу) вливалось всегда много инородцев и иноверцев, вполне обрусевавших и считавших себя уже чуть ли не в первом же поколении вполне русскими. Так что *русский мир* — это на основе и вокруг ру-

сичей сложившийся большой органический интернационал — первичный, исходный, фундаментальный, возникший в основном из русичей, финно-угорцев и татар, значительно между собою перемешавшихся, и добавленный затем что европейцами, что азиатами, что южными инородцами. Неверно, что русский — лишь культурно-собирательное наименование, нет, русский — это *великоросс*, хотя и с растворившимися в нём инородцами, и этот русский-великоросс как раз и даёт всем желающим, как свидетельствует историческая реальность, прозвание русского, но никак не великоросса. Так что культурно-собирательный момент имеет тут место, но не как главный, а как дополнительный, весьма важный, но не определяющий. Да, можно говорить, что русскость — чувство и факт причастности к русскому миру, но никак нельзя игнорировать то непреложное обстоятельство, что русскость — корневая для основного этноядра русского мира принадлежность, которой его — *русского!* — лишать никак не позволительно, да и попросту неумно.

401

Интересно всё-таки, как это вообще приходит в голову кое-каким «мыслителям» вдруг объявлять русскими чуть ли не всех населяющих пространную Россию только за то, что они говорят по-русски и владеют русской культурой, лишая при этом возможности, да что возможности — права! — коренным (корневым) русским считать себя... собственно русскими! А кто же тогда населяет десятки губерний вроде Смоленской, Тверской, Псковской, Новгородской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Рязанской, Брянской, Орловской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Белгородской, Царицынской (не Волгоградской), Саратовской и т. д. и т. д., если не русские, которые, кстати, не считают себя даже великороссами, а предпочитают говорить о себе именно как о *русских*, вполне отличая себя от тех же белорусов и украинцев и не извлекая из

этого какого-то националистического гешефта? Великорусский шовинизм — не более чем провокационная и крайне вредная придумка врагов русского народа! Национализм русских не выходит за рамки оборонительной самоидентификации, а ежели таковой и есть, то лишь как подчёркивающий этно-культурную специфику, да и то гораздо в меньшей степени, чем это как-то «само собой» получается у множества народов-соседей и даже бытующих в самой России «малых» этносов. Русские по природе своей, по археогенетике и по образу бытия никакие не националисты: они легко принимают в свою среду инородцев, хотя и не каждый раз охотно, и легко приспосабливаются к нерусской среде, нередко чуждой им и даже враждебной, как и приспосабливаются часто не очень-то и добровольно. Русское население не отвечает за ту или иную национальную политику, проводившуюся российским-де государством, которая бывала всякой, в том числе и вполне националистической и достаточно этнодискриминационной, но, во-первых, не одно лишь российское правительство на этом свете проводило такого рода политику; во-вторых, политика бывала и вполне поощрительной относительно «нетитульных» этносов; в-третьих, в целом была интернациональной и очень мало прорусской, настолько мало, что русское население никогда не чувствовало себя вполне свободным, верховным и благоденствующим, тем более в сравнении со многими инородцами. Да, русские, быть может, не наивные интернационалисты, они прекрасно знают, кто и откуда их исконные враги, с кем и как можно сотрудничать и дружить, а с кем лучше не связываться или от кого попросту отбиваться, но они и никакие не шовинистические националисты, пекущиеся лишь о собственном благе, да ещё и за счёт других этносов. Любопытно, что о русском, де, шовинизме всю талдычат представители вовсе не таких уж маленьких и «миленьких» народов и этнических сообществ. Опять же: нельзя путать политику правительств и отдельных властвующих персон, часто состоящих или проис-

ходящих из инородцев (пусть и бывших, и вроде бы даже обрусевших) с действительным характером и реальными настроениями «титульного» этноса, как и всегда нужно учитывать тот прискорбный факт, что политика «родного» правительства бывает и прямо направленной против этого самого «титула». Русским, как хорошо известно, всегда доставалось много худого от «своих» же правительств, достаётся, увы, и сейчас, и куда как поболее любого «угнетённого»-де в России этноса.

402

Русские (именно *русские!*) были, есть и будут, разумеется, ежели не забудут о себе и не сдадутся на милость как «толерантным» устроителям безэтнического глобального мира, так и вполне воинствующим (но не воинственным при всём их желании) «подневольным» внутрироссийским народам. Русские, называвшиеся также великороссами, стали формироваться на основе и вокруг северо-восточных русичей в связи с сопротивлением Орде и освобождением от ордынского ига. Русские — это те, кто выстоял посреди Орды и вышел из Орды её победителем, — не больше, не меньше! Святая Русь и русские — одно и то же, что не значит, что все русские были святыми, а Русь — только матерью собственно русских. Но недооценивать исторического взлёта русских того времени никак нельзя, тем более, что это был, безусловно, стартовый взлёт, имевший непреходящее значение для всей дальнейшей истории Руси (Славянии-Руси).

403

Рюриковичи поначалу сколотили Варяжскую Русь политически; потом переидеологизировали страну, её христианизировав, изменили духовно-идейный код, хотя и не сделали его полностью греко-византийским; затем фрагментировали Русь, поделив на уделы, увлеклись междуусобием; проморгали

внешних сильных врагов, подвергшись страшному их нашествию и признав в итоге их власть над Русью; получили затем две, как минимум, Руси — Западную, подпавшую под литовцев, поляков, литвин, тевтонов, и Восточную, захваченную Ордой; нашли возможность сохранить Русь политически, а не только духовно, идейно и этнически, а затем и освободить её по инициативе и под эгидой Москвы от ордынского плена, пользуясь при этом поддержкой — как литовско-русских, так и даже части ордынских сил; наконец, рюриковичи принялись за обустройство, укрепление, расширение и развитие нового восточно-европейского, уже собственно русского, государства — *Московского царства*. Так началась великая история великого государства, но, что любопытно, только поначалу вроде бы *русского*, и даже ещё долго именовавшегося *Русью*, но, по взгляду просветителей из Нового времени, всё-таки... *российского*, то бишь не совсем уже русского. Русское государство возникло ещё при поздних Рюриковичах и было тогда русским (уже не русичевским!), но затем вдруг стало... *российским*, то бишь вроде бы великоросским, но... нет, нет... всё-таки... *российским*. И всё это, конечно же, было не случайно!

404

Русского государства, ставшего формально Московским царством и бывшего по понятию Святой Русью, хватило лишь — как продемонстрировала реальная история — на два века — XVI-й и XVII-й. К началу XVIII в. вместо и в продолжение оно возникла уже *Российская империя*, переставшая быть рюриковичевской Русью — что Московской, что Святой. Правда, кое-что из исторически ипостасного всё-таки осталось, точнее бы сказать — окончательно укрепилось, а именно — *римскость*, как раз и в третьеримском образе, хотя уже не московском, а... петербургском, да и не особенно уже в святом, ибо православность Руси-России была уже вовсе не на подобающем для Московского Третьего Рима месте. За два

(около двух или же двух с лишком) века многое что произошло на Руси и с Русью — прямо по ленте Мёбиуса, с переворотцем и выворотцем, ну и, конечно же, не без грандиозных социально-политических пертурбаций.

405

Сначала вдруг возросшее — практически из ничего! — позднеюриковское государство — тогда Московская Русь — уже русское, даже святорусское, кинулось, как и положено ранее униженным и оскорблённым, почти затёртым на исторической арене, к геополитическому реваншу, покоряя и присоединяя к себе исторически русо-русские земли, отвоёвывая при надобности их у захватчиков, завоёвывая и земли самих бывших своих же захватчиков — тех же, к примеру, ордынских, присоединяя к себе и страны-добровольцы. В итоге успешных и не очень успешных войн государство московское заметно расширилось, представ на европейской арене весьма мощным геополитическим образованием, с которым Западу, Востоку и Югу приходилось уже весьма и весьма считаться, в особенности Западу, в сторону которого было направлено пристальное внимание москвитов, заинтересованных как в отвоевании русо-русских земель у тех же литовцев и поляков, так и в экономических, культурных и цивилизационных отношениях с Западом, ибо нехристианский Восток привлекал Русь лишь шелками, пряностями, коврами, холодным оружием и предметами роскоши, а христианизированный Запад, помимо кое-каких вещей вроде арбалетов, воинских доспехов, пушек и пищалей, привлекал ещё и идейно-духовно. Странно это было или не очень, но русская правящая верхушка тянулась-таки к латинству, не довольствуясь вполне гречеством. Третий Рим, в который будто бы превращалась Москва со всей своей Русью, имел интерес не только ко Второму Риму, от которого приняла «римскую эстафету», но и к Первому Риму, бывшему в основе католическим, но частично ставшему затем и протестант-

ским, всё ещё могучему и вполне себе действовавшему. И стали на Русь проникать вместе с купцами, ремесленниками, архитекторами, воителями, инженерами, врачами и книгоиздателями кое-какие европейские идеи, как и, разумеется, поведенческие манеры, принципы общежития, даже и кое-какие учреждения; мало того, появились и латинского пошиба антихристовые ереси, затрагивавшие умы и души не просто элитных москвитов, но даже и самих властителей-рюриковичей; эти ереси, представляя немалую опасность для Святой Руси, вызвали противодействие со стороны убеждённых православных клерикалов, ведших упорную борьбу с ересями, весьма и ожесточённую. Так или иначе, но являлись с Запада альтернативы, да мало что идейно-духовные, но и нацеленные на дальнейшее развитие страны, её прогресс, а потому и влиявшие на выбор страной исторического пути: ежели не греко-византийского, уже отходившего тогда в мир иной, то, по видимому, латино-европейского, вполне, как казалось, животворного, но при этом и... опасно *чужого*, хотя вроде бы и христианского. И вот замутилась Святая Русь — Третий Рим, ища для себя приемлемого выхода: то ли наследного второримского, то ли привлекательного перворимского, но... менее всего... собственно русского. И получалось в итоге, что не Святая-таки и таки не Русь, а что-то совсем другое: вроде бы Русь и как бы Святая, но... то ли и в самом деле Третий Рим, следовавший за Первым и Вторым, но тогда какой же — уж не первохристианский ли?; то ли уже совсем новый Рим, но опять какой же — то ли неохристианский, то ли уже постхристианский? О-о, Русь по поводу всего этого шибко тогда потряхивало, причём с угрожающе нарастающей силой!

406

Но ещё больше трясло Русь по мотивам своего внутреннего устройства, прежде всего, конечно же, устройства власти, а в связи с этим и всего русского социума. Да, тогда всё ещё

правили Рюриковичи, получившие бесспорную легитимацию в борьбе с ордынским игом и за воссоздание Рюриковичевской Руси. Рюриковичи тогда были не просто первыми среди почти равных им боярских и княжеских фамилий, а имевшими прямое кровное отношение к уже возвышавшемуся надо всей элитой в своём царственном величии московскому Великому князю — Рюриковичу, ставшему вскоре и на самом деле Царём всея Руси. Итак: либо царь-самодержец, либо ограниченная элитой монархия с номинальным царём или же боярская олигархия с первым среди равных великим князем. О республике, типа новгородской, в тогдашней Московии, как, собственно, ещё долго в Руси-России, речи, конечно же, не шло. Но зато шла, как водится, внутривидовая яростная борьба, достигшая кульминации по первой в правление Великого князя Московского, но при этом уже и Царя всея Руси — Ивана IV Грозного, когда русское государство было потрясено тяжкой внутренней междуусобицей, затеявшейся между великим князем-царём, стремившимся к полному самовластию, и родовитым боярством, отстаивавшим элитарную олигархию. Кровавая затяжная схватка завершилась как будто бы победой Ивана IV, как раз и прозванного Грозным за проявленные решительность и жестокость в борьбе с боярством, но... сам-то Иван вскоре... умер, а столь же грозного преемника после себя не оставил, мало того, на его тихом, богомольном и бездетном сыне Фёдоре Иоанновиче династия Рюриковичей, уже воссевшая было на царский престол, и оборвалась, во всяком случае формально. И стала совсем ещё недавно восставшая из небытия Русь, весьма уже возросшая и окрепшая, но ещё окончательно не созревшая, не обретшая себя идейно и устроительно, не вступившая на путь имманентного развития, ещё только готовившаяся стать империей, того особенно и не осознавая, а главное, совсем не обзаведшаяся своим собственным и достаточно мощным производительным классом с творческой элитой во главе, то бишь ещё не совсем и организменная, не слишком

ещё и внутренне созидательная, не интенсивная, не заряженная на прогресс, — эта-то уже большая, но ещё не несомненно великая, держава — Русь — стала погружаться в целостное вдруг расстройство, что то же самое — в смуту, в хаос, вроде бы лишь поверхностно, не грозно, на краткое-де время, а затем и, что называется, всерьёз и надолго — в *Великую Смуту!*

407

Век послеордынского подъёма, неуклонного и почти что блистательного, вполне и чудесного, прервался очень нехорошей, но, по-видимому, неизбежной для страны, *смутой*, во время которой вдруг стало всё и решаться: *быть или не быть Московской Руси, а ежели быть, то какой же?* Череда текущих событий тут важна, характеристична и показательна: созидательное или не очень (почти что конспиративное) отвержение рюриковской династии, а потому и конец Рюриково-Варяжской Руси; приход на царство «по плачу народному» нерюриковича Бориса Годунова, чуть ли не самозванца, пожалуй что, — и узурпатора; несчастливое годуновское царствование и страшная судьба несостоявшейся новой царской — годуновской — династии; польско-католическая агрессия, измены со стороны русских войск и казачества, взятие поляками Москвы, оккупация ими части Московии; предательская попытка посадить на русский престол польского королевича Владислава; явление в разное время из-за границы — с Запада, из Польши — трёх самозванных Дмитриев — Лжедмитриев, якобы уцелевших сынов Ивана Грозного, причём поставление первого из них московским людом прямо на царский престол, правда, ненадолго и с очень печальным для «Дмитрия» концом; недоброкачественное воцарение Василия Шуйского и отравление с его ведома выдающегося военачальника и политика Михаила Скопина-Шуйского — вполне тогда возможного освободителя страны от чужеземцев и самозванцев, а то и будущего эффективного правителя Московии; восстание (мятеж)

казаков под предводительством Болотникова и его подавление московскими войсками; борьба русского люда совместно с частью казаков за освобождение Московии и Москвы от польских оккупантов; гибель в заточении патриарха Гермогена — вдохновителя борьбы с иноземцами и смутьянами всех мастей; борьба за московский царский престол среди высшей политической элиты Московии и «ближнего зарубежья», включая, с одной стороны, непотопляемого Шуйского, как и того же князя Пожарского, а с другой — поляков, шведов и даже астраханских «ордынцев»; большая и разнообразная деятельность одного из политических гигантов Смутного времени, куда как более инициативного, проникательного, ловкого, чем те же Шуйский с Пожарским, а именно боярина Фёдора Романова — патриарха Филарета, ухитрившегося и на поляков ставить, и на Лжедмитрия II, и добиться, находясь в польском, де, плену, избрания на московский царский престол своего юного сына — Михаила Романова; Всероссийский Земский Собор и избрание им на царство Михаила Романова, того самого юнца, который незадолго перед тем, как оказаться в Костроме, да ещё и в роли «неожиданного» претендента на царский престол, вышел со своей матерью инокиней Марфой вместе с другими москвитями из пленённого поляками Кремля по договору между русскими и чужеземцами.

408

Но главное в Смуте было не в самих по себе этих и им подобных событиях, которые суть производные от вещей сущностных, эзотерических, метафизических. Обращают на себя внимание присутствие в Смуте зарубежных и вообще нерусских интересов и сил, включая латинские, польские, шведские и даже «ордынские», прямая с их стороны военная агрессия, попытки захвата иноземцами московского престола и всей страны; ясно, что всё это не без помощи части симпатизировавших тем или иным закордонным интересам и силам моско-

витов — как из элитарных, так и из других, средних по преимуществу, слоёв; многоразовое личное, групповое и массовое, вполне и народное предательство, переходы на сторону агрессоров и оккупантов, скорее всего кем-то из влиятельных москвитов попросту и призывавшихся. Тут явно была попытка захватить и подчинить страну, одним ударом её вестернизировать, покончить со Святой Русью, Русским Царством, Третьим Римом. И не в том дело, кто там был прав, а кто виноват, а в том, что Русь Московская и впрямь тогда ещё не сложилась в гармоничный жизнеспособный и развивающийся организм, не обрела сколько-нибудь ясного и достаточно перспективного пути, бродила внутри себя между византийской Русью, латинским Западом и ордынским Востоком (далее бывшей Орды Русь в своих устремлениях на Восток тогда не доходила). Заметим, что здесь нет или почти нет собственно Руси, давно уже покорённой, забитой и забытой, ушедшей в Навь и в Яви присутствовавшей фрагментарно, полустёрто, извращённо. На Руси тогда творился гласно-негласный выбор как в пользу ранее уже вроде бы выбранного византизма либо весьма на тот момент привлекательного латинства, так и вынужденного по причине военно-мобилизационной необходимости ордынства, но, особо отметим, никак не в пользу собственно *русскости*, восходившей к славянству, к русо-росскости, к корневому этногенотипу. Всем активным и якобы передовым «людям» хотелось чего угодно, но только не своего, не исконного, которое, видно, не особенно и осознавалось, а ежели и осознавалось, то лишь как некая преображённая христианством *протославность*, как простой синтез византийства и русскости, как русское, если хотите, православие, во всяком случае не строго уже греческое.

409

Смута — этакий совсем не малый русский Армагеддон, война всех против всех, причём не только «свойская» (вроде

гражданской), но и с участием чужаков, пришельцев, среди которых были не одни поляки, литовцы, шведы, но и славные запорожцы (Дорошенко, Сагайдачный, Наливайко и другие донные славные герои украино-казацкого письменного и песенного эпоса), как и часть тех же родных казачков с Дона. И Армагеддон этот, конечно, дорого обошёлся Руси — как материально и народонаселенчески (с 14 млн жителей до 7), так и идейно-духовно, а главное — исторически, историко-политически, как и историко-стратегически. Да, Московское Царство уцелело, как будто бы осталась и Святая Русь, даже и Третий Рим не был навсегда отставлен, но... страна вышла из смуты уже... *другой*, не совсем тогда было ясно какой именно, но всё-таки *другой*, что и показал следующий, уже второй, век бытования Московского Царства, Святой Руси, Третьего Рима.

410

Смута — великое откровенческое событие! Что было бы известно о сути Руси, её метафизике, её эгрегоре, если бы не случилась Смута, которая хоть и шла не без сильного иноземного влияния, но была плоть от плоти совершенно своя, родная, отечественная. Любим много говорить об отечественных войнах против иноземных захватчиков, но как-то не любим говорить об отечественных смутах — уже против самих себя. И дело тут не в одном только организменном неустроении, как и не в борьбе идей, проектов, тенденций, в соперничестве кланов, в борьбе верхов и низов, а в неустроении глубоко внутреннем, корневом, изначальном, зерновом, как и, надо полагать, сущностном, эзотерическом, метафизическом. Первые Рюриковичи, такие прежде всего как Святослав, возможно, и чуяли предназначение Руси как восточно-европейской империи, могущей впоследствии подмять под себя и многие земли на юге, востоке и западе (вот он — очередной Рим, ещё и дохристианский!), но они вскоре заявили о себе как не только чужеродном управляющем племени, но и чужеродном идеологи-

чески элементе, когда сами приняли и насильно внедрили в народ то ли византийское (греческое) христианство, то ли христианский (иудео-христианский) византизм, чем породили, сами того не желая, глубинный, сущностный, эзотерический, метафизический, а потому и корневой, изначальный, зерновой... *раскол* — на нижнее и несущее на себе весь страновой организм *своё* и верхнее и несомое низом *чужое*. Ничего или почти ничего в государственном и духовном устройении страны не было или почти не было *своего*, а главное — не было никакой *своей* — всеобъемлющей, понятной и стратегически обоснованной — страновой концепции! Всё, или почти всё, во всяком случае — решающее, было так или иначе заимствованным, причём в основном уже из ушедшего в небытие геополитического тупа — Византии! Да, страна, как и сами Рюриковичи, весьма переварили византизм с христианством (от византийства к русскости, от ортодоксии к православию), но не настолько, чтобы в стране возникла дееспособная и перспективная идейная и организменная органика. Святая Русь — более мечта и символ, чем реальность и суть! Да, хотелось, очень хотелось поздним Рюриковичам такой вот органики, но почему-то она не получалась, более того, даже её, так сказать, было возникший после ордынства прообраз вдруг взял, да и взорвался, как раз после ухода (то ли же увода?!) правителей-рюриковичей с исторической арены. Не имея истинно *своего*, родного, отечественного, всё время искали чужого — чужеземного, становившегося на Руси не так *своим*, как *своечужим*, каковым оказался тот же замшелый византизм с устарелой греческой ортодоксией. Население есть, элита есть, верхи есть, структуры и институты всякие вроде бы есть, служивый и податный народ есть, а вот *своей идеи*, увы, нет! Это ли не реальная историческая трагедия?! От заимствования чужого до бесперспективного чужебесия — один шаг, который, правда, делается, как правило, внезапно, в какой-нибудь то ли подходящий, то ли совсем не подходящий момент. Смута ознамено-

валась как чужебесием, так и сопутствующим ему своебесием, бывшим на деле-то своечужебесием, — и вылилась она в драку между тем и другим, а по ходу и между многим иным, никакого отношения к поиску страной образа бытия и направления движения не имевшим. Призвание чужеземцев, хоть даже и славян — западных! — даже в немалом числе и православных (восточные поляки — потомки тех же русичей, во многом не бывшие тогда, да и сейчас не являющиеся католиками), с желанием и попытками посадить на московский престол какого-нибудь чужака-европейца, но только никак не своего, даже уже и не Рюриковича (все та же исконная... э-э... рюриковщина!). Хоть до перехода в латинство тогда дело не дошло, как и не дошло до подражания европейской Реформации, но до заметного игнорирования Церкви и православия всё-таки дошло: страна вошла-таки в безыдейную вольницу! Сохранять старину — только коснеть, идти вперёд — нужна новизна, но вот какая? Опять чужеземная? А что она может дать — уж не подчинение ли очередное иноземцам и новое прощание с рускостью? А к *своим*, к *себе* и к *своему*... доверия никакого, ну, или почти никакого — опять же у весьма разнородных и иноподобных элит!

411

Лобовое столкновение чужебесия и противного ему своебесия (своечужебесия) было неизбежным: и как только необходимые обстоятельства, персонажи и деяния продуктивно сошлись в одно время и в одном месте, столкновение это, вылившись в войну всех против всех, стало историческим фактом. Вещи тогда происходили и впрямь потрясающие: собственная разновекторная гражданская война как внутри элитарного слоя, так и между низами и верхами (единая вера не спасла тогда страну от кровавой междуусобицы, ибо Святая Русь — одно, а насущные вожеления, потребности и беды — совсем другое); нашествие всяческих иноземцев, которые не

просто грабили страну, но и в ней вполне *верховодили*; недоверие к «избранным» новым, вроде бы и своим царям (Годунов, Шуйский) и надежда народа на возврат Рюриковичей, отчего видимый успех первого Лжедмитрия (так до конца и не выясненной личности — то ли Гришки Отрепьева, то ли... и впрямь самого Дмитрия Ивановича, якобы чудом спасшегося сына Ивана Грозного), легко воссевшего по воле московитов на московском престоле и выдавшего себя вскоре с головой своим «иноземным» поведением (ведь вышел-то он из Польши!), за что и поплатился, бедолага, жизнью (сначала, видишь ли, признание и призвание, а потом досадливое разочарование и жестокая расправа — и всё это от одного и того же православного люда!); претензии на московский престол иностранцев или их ставленников (ежели «Рюрик» когда-то вышел то ли из западной Славянии, то ли из северо-западной Варягии, то почему бы западно-славянским полякам, бывшим русичам, или тем же северо-западным свеям, бывшим норманнам, как и татарам-чингизидам с Поволжья, не претендовать на московский, он же и киевский, престол, а-а?), но при этом и стремление многих русичей посадить на царский престол именно иностранца — помимо массы тех же москвичей, среди приверженцев «честных» иноземцев были и такие заметные персоны, как будущий патриарх Филарет, он же Фёдор Романов, побывавший в «плёну» то у второго Лжедмитрия, то у поляков, хаживавший к оным в составе московского посольства, активно поддерживавший что Лжедмитрия II, чуть ли не крещённого еврея и составителя текстов на русском языке у первого Лжедмитрия, что польского королевича Владислава — уже против Шуйского, а в итоге проведший на трон своего сына Михаила, будто бы «племяша», — по женской, правда, линии, — самого Фёдора Иоанновича, последнего Рюриковича на троне; якшался с чужеземцами и тот же князь Пожарский — освободитель-де Москвы от поляков, хотя в деле освобождения Москвы решающую роль сыграли не ополченцы Пожарского, а донские

казаки, не позволившие затем Пожарскому ни шведского принца пригласить на русский престол, ни самому Пожарскому, как и иным отечественным претендентам, взойти на царское место, кроме лишь Михаила Романова, — умел, наверное, Филарет Романов договариваться даже из «пленительного» закордона — с кем надо и о чём надо!; гнусная, предательская, бесславная «семибоярщина», чаявшая польского королевича Владислава и даже заставившая Москву изменнически ему присягнуть; массовые измены бояр, князей, войск, казаков, простолюдинов, целых городов, перемётывавшихся тут и там ко врагу-иноземцу, но при этом и мужественное сопротивление супостатам со стороны той же Троице-Сергиевой Лавры, многих городов и монастырей, как и, разумеется, многих знатных людей из бояр, князей, полководцев, но в особенности законного патриарха Гермогена, идейно-политически возглавлявшего от имени православия и Церкви сопротивление врагу, призвавшего к борьбе не одну Троице-Сергиеву Лавру, но и всю Русь, включая и нижегородцев под водительством Минина, и поволжских татар с мордвой, и иных насельников Московии. По одной из версий сам Козьма Минин — первый, он же и, так сказать — начальный, гражданин государства русского — был не то татарин, не то мордвин, что говорит лишь о полиэтничности русской страны и о совершенно избранныческом в ней духе патриотизма.

412

Великая Смута, эта ярчайшая вспышка издревле имманентной Славянии-Руси смутовской потенции, не завершилась вовсе по избрании Всероссийским Земским Собором царём всея Руси Михаила Романова, ибо иноземные оккупанты вовсе не ушли тогда из страны, а по-прежнему в ней пребывали, бесчинствуя, запорожские казаки продолжали свои грабительские набеги, поляки и шведы (варяги) всё ещё претендовали на русский престол, внутренняя неразбериха не сошла на нет, а раз-

новекторная война никак не затихала. Однако страна постепенно выходила из крайне кризисного, катастрофического, апокалиптического состояния. Патриарх Филарет, он же боярин Фёдор Романов, явно недооцененная молвой и наукой историческая личность, сыгравшая непреходящую роль в течении Великой Смуты, её развитии и последующем преодолении, наконец, фактический основатель новой — Романовской — династии, а может, и один из ликвидаторов на русском престоле рюриковской династии, так вот этот, так сказать, многоякой лояльности интриган и ловкий политик, фактически управляя страной при юном царе Михаиле, прилагал все усилия к возрождению русской государственности на началах, пожалуй что, и Святой Руси, во всяком случае — православности. А поляки во главе с королём Сигизмундом, у которых он побывал в посольском плену, стали тогда его злейшими врагами, и ради борьбы с ними Филарет даже шёл на действительный союз с турецким султаном. Чужебесие на время в стране улеглось, как и относительно успокоилось своебесие: страна шаг за шагом возвращалась к себе, но... хоть тогда и не очень ещё было заметно... всё-таки уже к *другой* себе, не рюриковской вовсе, а... уже... хоть и в перспективе... *романовской!*

413

Зачиналась романовская Русь как в основе ещё русо-византийская, даже и в чём-то третьеримская, но... как ни странно было после победы-де наследной своебытности... страна вновь всё более и более разворачивалась своим притихшим элитным ликом ко всё тому же... иноземью, но уже не к ближайшему — польско-литовскому, включая находящуюся под польско-литовским государством и идейным влиянием Западную Русь (Белая Русь, Украина, Запорожье), а к дальнему — европейскому, правда, не пытаясь ни отменить православия, ни перейти в другую веру, ни провести какую-нибудь

Реформацию в духе протестантской. Не было перед глазами романовцев, внешне вроде бы греко-русских, ничего из конструктивно-перспективного кроме... э-эх... опять же... прозападного, правда, не собственно западного, а именно *прозападного*, сопрягавшегося каким-то образом (полу-образом) с рускостью, византизмом и, естественно, с ордынством — бюрократо-милитарно-мобилизационным, всё более и более становившимся авторитарным, крепостническим и тоталитарным. Изгнание интервентов — корыстных учителей и наглых грабителей — долго помнилось на Руси, как и не могла не осторожничать Русь относительно всякого рода немцев-иностранцев, всегда зарившихся на Русь, на русское жизненное пространство, ища всяческого повода для подчинения Руси и любой возможности над ней метропольного опекуинства. Прозападная партия на Руси не только не исчезла, но постепенно вновь набирала силу. Поощряемая так или иначе европейцами, русская власть, подбадриваемая частью отечественной элиты, всё более допускала на Русь, уже, заметим, Русь не рюриковичевскую, а романовскую, европейское влияние: торгово-экономическое, производственное, военно-техническое, культурное, книжное, куртуазное, и, допуская всё это, грезила уже серьёзными реформами, разумеется, ориентированными против коренной русскости и не так давно благоприобретённой святорусскости, но с неременным сохранением устройственно-организационного ордынства, а в московском варианте — самодержавия, централизации, администрирования, служивости, феодализма, крепостничества. Перед явными и не очень реформаторами (или же предреформаторами — предтечами развернувшейся-таки при конце Святой Руси и самого Московского Царства кое-какой действительной реформации) стояла очень сложная, не очень-то ясная и почти невыполнимая задача: сохранить Русь со всеми её атрибутивными ипостасями и в то же время существенно эту Русь переделать... как раз под какой-нибудь проевропейский образец. И вот эта-

кое-то более скрытое, чем явное реформаторство шло витиевато, путанно, непоследовательно, с неожиданными и весьма негодными результатами, тяжело, в борьбе, в чём-то весьма и пагубно. Но всё-таки шло! Европейский соблазн никогда не покидал насовсем Руси, её элиты, её верховную власть, хоть и было этому соблазну сопротивление, достаточно упорное и моментами ожесточённое. И самым ярким примером тут стал *Великий внутрирусский раскол*, когда реформируемая царём Алексеем Михайловичем и некоторое время вполне верным ему патриархом Никоном Святая Русь раскололась вместе с самой Православной церковью на старую Святую Русь — *старообрядческую* — и новую Святую Русь — *новообрядческую*, да так раскололась, что от действительной Святой Руси почти ничего и не осталось, ибо старая оказалась в невозвратном отрицании, преследовании и бегах, а новая, увы, будучи для старой попросту еретической, хоть как будто бы и более на тот момент... греческой, так по-настоящему и не образовалась. Никоновский проект Нового Иерусалима (не очередного Рима, а... sic!.. самого уже Иерусалима), хоть и поддержанный тогда властью, к явлению обновлённой и как бы осовремененной Святой Руси так и не привёл. Итогом всего этого стала расколота православная Русь, а также резко ослабленная — ибо уподоблена была весьма уже иноземным Церквам — православная, а может, уже и не очень православная, Церковь. Чего хотели царь Алексей и патриарх Никон — кто знает? — но добились они не столько модернизации страны, сколько... всеобщей в ней мировоззренческой прострации, приведшей в конце концов к забвению и самой идеи Святой Руси. Окончательно же с «замшелой» Святой Русью расправился уже царь Пётр Алексеевич, отказав Церкви в освящённой и оправданной веками самостоятельности, упразднивший патриаршество и подчинивший Церковь напрямую государству, следственно — *самому себе!* Какая уж тут могла бытовать Святая Русь,

кроме как сокрытая, катакомбная, окаёмная, как раз *старообрядческая* — гонимая, бегущая, укрывавшаяся, сожигавшаяся!

414

Великий Раскол — несомненный рецидив Великой Смуты, её продолжение, вполне, в общем-то, неизбежное её всплытие. Русь должна была окончательно разделиться на старобытную, или же Святую, и новобытную, или же, скажем так, светско-православную Русь, а эта последняя со временем уже перестала быть не только святой, но даже и... Русью, а стала, уже при царе Петре Алексеевиче, этом великом переделовщике Руси — *Россией*. Россия — это, конечно, Русь, но уже и не совсем Русь, а может, совсем и не Русь, а скорее всего — какая-то нерусская Русь, хотя частично и русская, но более всего... увы, Нёрусь. Раскол, бывший тогда то ли отколом Руси от Нёруси, то ли, наоборот — Нёруси от Руси, но не пространственного порядка — с географическими границами, а идейно-духо-народного — вполне и метафизического. Православие, уходящее одной частью своей — древней — в неги, а другой — обновлённой-де и оставшейся — в яви, перестало быть доминирующей силой в сознании не только пребывавшей на Руси элиты, но и немалой части служивого и тяглового населения, и невольно, но неизбежно перешло в разряд не более чем культурной традиции, ещё окрашивавшей русское идейно-духовное бытие, но его уже безоговорочно не определявшей. Так завершилась двухсотлетняя история Святой Руси, оказавшейся вполне кстати для избавления Руси от иноземного ордынского ига и воссоздания вновь рюриковичевской Руси, хотя уже и иной, и оказавшейся совсем некстати для самостоятельного существования Руси, её развития и движения в будущее. Смута — не более и не менее как попытка сброса с Руси православия вместе с его Святой Русью, их, так сказать, игнорирование, неучёт и забвение, а никонианство — попытка реформировать уцелевшее в Смуту православие, да так, чтобы

оно не мешало уже всё менее православному в основе своей бытию «передовой» элиты. Но ни Смута, ни никонианская реформа не решили полностью этой задачи, хотя и весьма отдалили потребность в её решении, что и было доказано вскорости посредством третьего — уже вполне «шутейного» — захода — *петровского!*

415

Никонианство стало попыткой принять новое, не отменяя насовсем старое. Но предложенное новое-то было опять же греческим, то бишь всё-таки старым, а то старое, которое было уже родным, не увидев благотворного для себя развития, а заметив лишь для себя угрозу (недаром же ортодоксия!), кинулось в сопротивление, а под давлением жестокой силы — в бег, в Навь, даже в самоистребление. И ничего кроме Великого Раскола у Алексея с Никоном не получилось, ибо раскол уже давно сидел в эгрегоре Руси, издревле поделённой на Русь и Нёрусь, на аборигенов и пришлецов, на своих и чужих, на «своебесов» и «чужебесов», на традиционалов и вроде бы новаторов, но... не своих вовсе новаторов, не своебытных, не самотворческих, а всего лишь заимствователей чужого, агентов инородного, имитаторов стороннего. Расколота на «чужаков» — властителей, «духовников» и эксплуататоров, с одной стороны, и на «свояков» — подданных, «спелёнутых» и эксплуатируемых — с другой, Русь-Россия не рождала ничего истинно своего, ибо любое своё никак не устраивало чужебесные верхи, рассматривавшие страну как объект прежде всего и в общем-то весьма чуждого стране господства, а низы попросту не могли ничего такого сотворить, находясь под давлением навязываемых им сверху идеологий и заботясь по преимуществу об обыкновённом выживании.

Православие, судя по феномену никонианства, должно было бы сыграть необходимую в тот исторический момент новаторскую роль, как-то для этого и самопреобразовавшись, но, увы, не сыграло, ибо в силе оставались... «догма — смирение — терпение»... так что ничего воистину конструктивного на Руси тогда не случилось. Внешняя обрядовая лояльность к православию со стороны москвитов не более чем сочеталась с их поведенческой неправославностью, а то и антиправославностью. Показательно событийная, ярко феноменальная и интенсивно функциональная Смута начала XVII в. объясняется не чем иным, как глубокой, стародавней и бессрочной — можно сказать, органической и как бы намертво вмонтированной в русское сознание и в русский социальный организм *метафизической смуты*, не позволявшей Руси-России ни создать самой, ни найти на стороне потребное для явно взрослевшей страны идеологическое разрешение.

Оставив в Руси-России православие и так или иначе соответствовавшую ему Церковь, а попросту не смоги их окончательно сломить (не было соответствующих чаяний-подвижек снизу), потому и не дойдя до пределов-беспределов европейской Реформации с навязыванием стране откровенного протестантизма, Пётр I добился всё-таки необходимой для европреобразования родной-неродной страны идейно-духовной свободы — ни Церковь, ни православие, ни «глупейшая» идея «Святой Руси», да ещё и «Третьего Рима» впридачу, Петру-реформатору уже не препятствовали. Пётр-царь, оставшись формально православным и вроде бы не став формально протестантом (хотя есть предположение, что Пётр, находясь в Европе, вступил-таки в масонскую ложу Шотландского ордера), на самом-то деле проявил себя как самый что ни на есть боевитый протестант, «опротестанив» в достаточной мере хотя и

не саму Церковь с православием, а, скажем так, саму сферу веры, освободив себя и своих последователей от давления традиционных, естественно, и «замшелых», ценностей и регламентов. Не атеист, быть может, но зато уже свободный от сдерживающего инициативу ходячего «теизма» лидер-творец! И тут важно иметь в виду, что православие с Церковью, как и то же староверство, вовсе в России не обнулились, а продолжали своё, пусть и зависимое от петровской тяжёлой руки, бытие, ещё и на кое-что влияя в стране, не так, конечно, плотно, как было прежде, но всё-таки весьма ощутимо. Русь-Россия оставалась всё-таки страной с православной верой, хоть и весьма на деле утеснённой и подправленной — как раз настолько, чтобы вера эта не мешала стране и её текущей истории быть при этом заметно и... *неправославной!* Нет, вовсе не протестантской буквально, а именно православно-неправославной, а потом, по прошествии времени, и вовсе стать наполовину атеистической. Таковой оказалась *Российская Реформация* — непоследовательной, двуличной, раскольничьей, хоть и принёсшей стране большие европеремены, но Европой страну в полной мере так и не сделавшей. И хотя великая переделочная попытка тут состоялась, да что попытка — исполинское *деяние*, вполне и *революционное* — *петровское*, но Русь-Россия на то и Русь-Россия, чтобы, последовательно переживая рюриководство с Севера, христианизацию с Юга, татаро-монгольство с Востока, европеизацию с Запада, не то чтобы сохранять себя в целостности, а как бы всегда непременно к себе возвращаться, воспроизводя несмотря ни на что *своё* — нутряное, глубинное, органичное, пусть и прячась, и маскируясь, и придураясь, как и весьма непоследовательно и достаточно уродливо, но всё-таки *непременно* — вопреки всем насильно напяливаемым на Русь-Россию «передовым» инобличьям!

Трудно сказать, что сие означает — что заставляет Славянию-Русь-Россию не подчиняться полностью новизне и хранить *себя* — первородную, изначальную, прототипическую: то ли исконное гиперборейство, то ли какое-то арийство, то ли аркаимство, то ли скифство, то ли протославянство, то ли уже сама посконная проторусскость — один Бог знает! — но ведь возрождается же страна — как какая-то упорная, тягучая, неистребимая субстанция. И каждый метафизически настроенный отечественный гений, он же иной раз и кое-какой мудрец, это чувствует, осознаёт, не проходит мимо, но... всегда останавливается в необъяснимом изумлении перед страшной загадкой: что же это, отчего и откуда, и для чего?

Всегда переделка, всегда выворачивание, всегда отрешение, причём всегда насильственно, вопреки, наперерез, наоборотно, но... подишь ты... всегда и неперемный возврат приговариваемого, отчуждаемого, убиваемого, как-то умело скрывающегося, куда-то уходящего, во что-то погружающегося, чуть ли не насовсем исчезающего, но... вдруг!.. возвращающегося, почти что и внезапно. Сколько гонений, отвержений, вживлений, вменений, вдалбливаний, а всё одно — неперемно-переменный возврат всё *того* же, столь удивительно прочно сидящего то ли в этом грунте, то ли в этом воздухе, а может... попросту в сопряжённом с поразительной страной иномирье, где и небеса с искрящимся притягательным светом, и преисподняя с густым отвратительно-манящим мраком, — и чего там для удивительной страны больше, кто знает? Одно ясно: не от мира сего эта страна со всеми её «людьми» — что коренниками, что пришлецами. Коренные тянут упорно свою экзистенциальную ляжку, испокон веку привыкнув и весьма приспособившись к «своей» странной стране, а пришельцы всё стараются что-то радикально переменить... да сами либо вы-

нужденно приспособливаются к ужасной и непонятной стране, либо насовсем в её мрачных таинственных глубинах исчезают. Пассионарии пытаются менять сей жуткий контекст, обыватели же — охранять и... возвращать. Пётр I, сам фактически пришлец-пассионарий, яро страну родненькую отрицавший, попытался покончить раз и навсегда с нерадивой первобытной субстанцией, в Европу-де для этого вырвался, как и Европу в страну родимую широко впустил — и что же? — а всё одно: субстанция зловредная и насильной европеизации страны не убоялась, мало того — переварила в своей безмерной трансцендентной утробе всю эту «Европу», за что, правда, поплатилась впоследствии новыми еврореволюциями, одна из которых — интернационал-большевистская — оказалась куда как более решительной, масштабной и беспощадной, чем почти домóвая петровская. Так и бытует Русь-Россия — от революции к революции, между Европой и Азией, как и перед Севером и Югом, но и в промежутках между... самую собою — неоднозначной, многоликой и разностойной!

420

Делать из Руси-России какую-то там «Европу», причём не развивать в сторону Европы и даже при её участии, а именно *делать* (ломать, заставлять, дубить), мог решиться только по сути неадекватный народной стране правитель, как бы иноземный, её решительно отрицавший, если не ненавидевший, желавший с ней как таковой покончить и получить взамен совсем другую страну — не русо-российскую, а европодобную (как в своё время для христианизировавшихся Рюриковичей — византиеподобную), но в то же время пойти на такое мог только правитель, вполне адекватный давно уже бытовавшей на Руси власти, а именно власти не русской и не европодобной, а... *ордынской*, только ещё более ордынской, чем это было в самой Орде, ибо имела дело власть эта с оседлым, земледельческим, производительным народом, к тому же вельми

христианизированным и воспринимавшим родную страну не более и не менее как Святую Русь. Мало того, тут должен был явиться человек одержимый, неистовый, беспощадный, что вовсе не исключало в нём ни большого ума, ни желания самому много учиться и много работать, ни подчёркнуто аскетического образа личной жизни.

421

Чего же добился Пётр, нещадно раскурочивая страну, казня непокорных и гнобя неправильно-де бытовавших, гоня русопятых молодцов в армию, а остальных — от Европы-де отставших — на стройки европеизма, терпя неудачи и поражения, но и имея успехи и одерживая победы, энергично и молодецкато насаждая в России Европу и преследуя зажившуюся-де и погрязшую в невежестве русскость (и святорусскость тоже!), уча и просвещая «дикий» русский люд, выстраивая из него большую всесветскую казарму, где только один командир-самодержавец и где немногие ему безоговорочно преданные отцы-командиры, они же инквизиторы и палачи, впрягая тёмную народную массу в большое тягловое ярмо? Да, Пётр добился превращения Руси-России в *империю*, что и решительно обозначил, провозгласив себя императором, а страну поименовав *Российской империей* (заметим, не русской, а российской!). Что говорить, империю Пётр сколотил (не создал, а именно сколотил!), при этом не по-европейски вовсе (в Европе новая после Рима империя почему-то никак не сообразовывалась), а как раз по-ордынски: смело, споро, наскоком! Пётр отстроил не священный вовсе Третий Рим, а вполне в общем-то светский Рим — как раз и третий по счёту Рим (после собственно Римской империи и той же Византии). Но он принял имперскую эстафету сразу не только от двух Римов, но и от... Орды. В итоге получилась вполне петровская империя: европоподобная по внешности, ордыноподобная по внутреннему устройству и россоподобная по загнанной в нети

коренной субстанциальности. Империя вроде бы, но скорее всё-таки... подобие империи, в лучшем случае — предтеча империи, ибо не было в этой империи необходимой для неё системной органики, лишь подменённой... голой силой. На служивший непосредственно империи новый государственный класс — петровское дворянство — Пётр с удовлетворением напялил «европу», просвещая его на европейский лад и на тот же иноземный лад почему-то упорно при этом... спаивая и развращая; народ же остался народом — никакой ему «европы», кроме разве картошки, табака и водки, ну и, в дополнение к перечисленному, окончательного и бесповоротного крепостничества — что в руках государства с Петром во главе, что в руках европеизированного-де дворянства; да и дворянство оказалось вполне закрепощённым, пусть не по поводу тяжкого работного тягла, но зато по поводу безоговорочной госслужбы. Уничтожив не согласного с царём сына-наследника (не по лживому ли наущению ближайших к Петру «европеоидов»?) и не предусмотрев (не смогли почему-то предусмотреть?) законной передачи трона, Петр, вдруг неожиданно заболевший и внезапно сей мир покинувший (уж не по доброму ли желанию близлежавших соратничков?), создал возможность воцарения на Руси не просто фемины — в лице своей второй супруги (согласно православной Руси вполне и незаконной), но и фемины-иноземки (прибалтийской немки), ещё и безродной и с крайне сомнительной в «армейских кругах» репутацией (подтележной). И вот фактическая сожительница солдата, наложница фельдмаршала, любовница дружка-генералиссимуса и незаконная супруга самого Петра, ему ещё и напоследок изменившая, оказывается по воле самых верных-де почившему императору «птенцов гнезда Петрова», как и незаменимых петровских преображенцев, на российском престоле: то ли варяжка, то ли европейка, то ли просто латинянка, начав превращение династии Романовых в... немецкую, инородную, чужебную. Что действительно удалось Петру, так это покончить в

Яви со Святой Русью; поприжать крепко христианский Третий Рим вместе с Православной церковью; свести Русь-Россию с более или менее самобытного эволюционного пути; насильно европеизировать страну, хотя и частично, и внешне, и неорганично, во всяком случае — удалось развернуть Россию к Европе, причём как к старшему, более опытному и интеллектуальному, передовому и прогрессивному, культурному и цивилизованному... э-э... нет, не брату, конечно, а... скорее... опекуну, ежели не хозяину. Разумеется, Пётр не присоединил Россию к Европе — ни в качестве члена большой европейской «семьи», ни в качестве её прямого колониального придатка, но... притулился к ней в роли как бы второй, уже восточной, Европы, конечно же, интеллектуально зависимой, функционально производной, в культурном аспекте ученической. Добившись имперского величия и даже победив для этого европейских шведов (новых варягов, рассматривавших Русь как свою вотчину и не собиравшихся отдавать её Европе, следовательно — Англии с Голландией), Пётр не достиг собственно Европы, оставшись более не с развивавшейся Европой, а с почившей в бозе Ордой. То ли не понял Пётр сути тогдашней Европы, уже облачившейся в либеральный-де капитализм, то ли не смог ничего поделаться с родным «миром» — вовсе и не европейским, соответственно — никак уж не буржуазным. Свобода — гражданская, экономическая, политическая — для Европы, а для России, знаете ли — рабство, служба, подчинение. То ли не захотел Петр свободы для России, то ли просто не мог её дать, то ли... но это уже только Богу известно... а остановился неистовый и безразмерный Пётр на европоподобной ордынщине либо ордыноподобной европейщине, — вот, собственно, и всё! Чего Пётр явно добился, так это... *петровщины* — непоследовательной, противоречивой, проблемной, при этом непрерывно, подозрительно и угрожающе искрившей!

Пётр Великий — великий российский смутьян! Сначала породил смуту, потом жестоко её подавил, вроде бы сам отсмутьянился, но, уже уйдя нежданно-негаданно из этого мира в мир иной, обеспечил стране новую смуту — уже послепетровскую. Никакого органического социобаланса Пётр потомкам не оставил! А что мог *такого* оставить за собой великий реформатор-истерик, преобразователь-беспредельщик, самодержец-необузданный? Ни упорядоченной действенной власти, ни конструктивного делового класса, ни заинтересованного в собственном труде работника, ни свободного творческого интеллекта. Страна, разумеется, не исчезла, — Бог хранил Россию! — но... за Петром последовали борьба за власть, своекорыстное правление чужеземцев, дворцовые перевороты, онемечивание царско-императорской династии, опасная неудовлетворённость служивого дворянства, угрюмая ненависть крепостного населения, безмерная роскошь высшей аристократии, крайняя бедность и забитость трудового народа, разгул корыстного чиновничества, в общем — этакое *мутное бытие*, в котором, конечно, вываривалась какая-то жизнь, но не очень-то вываривалась жизнеспособная творческая органика.

Но кое-что великое всё-таки выварилось — как благодаря лихорадочным начинаниям, свершениям и недоделкам Петра I, так и в немалой степени вопреки всему Петром I содеянному. На востоке Европы и в самом деле вдруг восстала из почти что ничего Великая Империя, внешне почти европейская, а внутренне... совершенно *не-европейская*, даже *анти-европейская*, а более всего *ордынская* — милитарная, армейская, мобилизационная. Вроде бы принявшая к себе Европу и в себе её уже нёсшая, допустившая её даже во власть, Россия возымела какую-то *свою* «Европу», не так, быть может, русифицированную, как... остернизированную, вполне признав-

шую не только ордынскую подчинённость перед самодержавной властью всего владетельного класса, но и ордынское же крепостничество для класса податного, в общем — водрузившуюся весьма неуклюже над Россией какую-то совсем не европейскую «европу». Пришлось российской Европе смириться и с православием, и с греческой Церковью, — в ответ на смирение со стороны Православной церкви и православного-де народа. Органики тут никакой не было, но зато кое-какой симбиоз всё-таки получился. На этом-то симбиозе, включившем, с одной стороны, покорную власти и феодальным собственникам аборигеноговорящую трудовую массу коренного населения, а с другой — подотчётную той же власти, но владеющую землями и людьми, иноговорящую феодально-милитарную элиту — опору царско-имперской власти, как раз и покоилась новая империя — евро-азиатская, византийско-ордынская, как будто бы даже российская, но... не русская, никак не русская, хотя вроде бы и великоросская, да и то лишь более всего по нарочитому прозванию. Да, имперцы-аборигены отеснили в конце концов к середине XVIII в. от явной власти имперцев-чужеземцев, причём не без участия полуиностранцев (Елизавета, дочь Петра I и Екатерины I) и полных иностранцев (Екатерина II, бывшая немецкая принцесса София Августа Ангальт-Цербстская), приходивших на российский трон, как и незабвенная «жинка» Петра I Екатерина, в итоге гвардейских преображенско-семёновских переворотов. Империя при этом не стала органичной туземной основе — росо-русской, идущей от русичей, ну хотя бы от росо-христиан, нет, то была вполне инородная империя, смешанная, кентаврическая. Наверху империя, а внизу всего лишь подимперская людская масса, ну а посредине — субимперский менеджмент. И никакой социокультурной органики — ни у самого великого-де Петра, ни у его не столь уже великих наследников, последователей и корректоров: ведь бешеная революция — никак не рассудочная эволюция, а постреволюционная эволюция хоть и

стремилась вроде бы к органике, но... к органике... всё-таки опять же петровской, то бишь совершенно и невозможной! Так и осталась империя симбиозной: Запад — Восток, а посреди... э-э... «Россия»; христианство вроде бы в стране, а на практике то ли православие (ортодоксия), то ли скрытое протестантство, то ли неафишируемый атеизм; чужеродный в основном и по преимуществу чужебесный верхний класс, говорящий на голландском, немецком, английском, французском языках, но никак или менее всего на русском — туземном, так сказать — оставленном для «тупоголового» народа; экономика вроде бы, торговля, но без широкого свободного предпринимательства, без своих «Вест-Европейской» и «Ост-Азиатской» компаний; грамотное в той или иной мере дворянство и безграмотное в целом трудовое население; полусвободный владетельный класс и вовсе несвободный податный люд. Нет, нельзя сказать, что симбиоз совсем не работал на империю, в том числе и на её мощь, рост и даже кое-какое развитие, на укрепление и расширение страны, на покорение враждебных и не очень соседей, на отвоёвывание древнерусских земель, на присоединение к империи новых стран. Если позднерюриковская Святая Русь смогла сполна посчитаться с ордынцами, отвоевав почти весь ордынский Восток, то петровская империя смогла уже посчитаться как с кое-какими всегда зарившимися на Русь европейцами, так и с вечными противниками Руси-России с Юга, отбив окончательно турецкие притязания, отвоевав южно-русские земли и покорив извечно бесноватый Крым.

424

Сложившаяся уже во времена Елизаветы и Екатерины II Российская империя радовала имперцев своей внешней силой и красотой, хоть и не очень-то радовала своим внутренним бытием. Острые противоречия, тотальная несправедливость, масштабное воровство (казнокрадство), феодальное рабство, всеобщая несвобода, вездесущее насилие. Пришло в Империю

и время пореформенных раздумий, как и кое-каких преобразовательных действий. То ли совсем не кстати, то ли как раз очень кстати, во Франции явилась вдруг новая европейская революция со своим дивным и крайне опасным, хотя по сути и лживым, лозунгом: «Свобода, Равенство, Братство!», крахом абсолютистской монархии, установлением республики, наглым натиском низов, откровенными гонениями на аристократию. Хочешь, не хочешь, а на ум многим российским имперцам стало всё чаще приходиться сладкое слово «свобода», что и увенчалось в итоге предоставлением вольности дворянству и кое-какими послаблениями в уже укоренившемся тягловом рабстве. Нет, Империю ещё тогда не лихорадило, но кое-какую внутреннюю дрожь от самой себя она уже испытывала. А романовская династия при этом всё онемечивалась, упрочивая своё европейство через браки с немецкими принцессами. После Екатерины II, прозванной-таки, как и Пётр I, Великой, на российском престоле уже были одни немцы. Вот тебе и русская династия, вот тебе и российская-де империя!

425

Время Екатерины II, Павла I, Александра I — время безусловного расцвета Российской империи. Петровская евроордынщина всё-таки дала кое-какие позитивные результаты. Но момент расцвета — момент и апогея, а за апогеем, увы, всегда следует... нет, не обязательно упадок, до которого бывает иной раз далеко и далёко, а всего навсего... *неизбывный кризис*: либо сугубо свой — родненький, почти и незаметный, ежели не случается вдруг какая-нибудь пугачёвщина с декабрьщиной, либо, так сказать, сравнительно-показательный (там — за кордоном, движение вперёд, а тут, внутри, видишь ли — застой!), либо каким-то образом поощряемый извне — из весьма любимой обычно заграницы. В сердцевине, конечно, кризис бывает свой, имманентный, ибо расцвет на то и расцвет, чтобы уверовать в него, попытаться длить и длить его, не

замечая ни высшей его точки, ни состояния застоя, ни вкрадчиво и неумолимо подступающего системного кризиса. Первые кризисные симптомы в Российской империи проявились уже при Екатерине Великой (новые самозванцы с «пугачёвкой» чего стоят!); Павел I правил уже как кризисный император, лихорадочно искавший возможность преобразования петровского детища... э-э... неорыцарскими методами; Александр I, унаследовавший российский императорский трон от отца, поверженного «верными оруженосцами» в союзе с хитроумными англичанами, намеревался что-то изменить в отягощённой скрытым кризисом Империи, но так и не смог всерьёз приступить к делу, оставив разрешение животрепещущего вопроса на потом; Александра I и Империю выручили тогда сначала имперская агрессия Франции на Европу и вынужденное участие России в борьбе с зарвавшейся Галлией в составе антибонапартистских (как староевромонархических, так и британских) сил, потом прямое вторжение в Россию самого Наполеона Бонапарта, упорная война с ним, поход в Европу и взятие русскими войсками Парижа, а затем уже участие России в качестве главного победителя в обустройстве послевоенной Европы; казалось, что Империя не просто в расцвете, но и в великой исторической удаче; проблемы не были забыты, но о них как-то не думалось; из насущного острого в стране ничего не решалось; застой продолжался, делая своё чёрное подрывное дело.

426

Момент истины наступил, как водится, внезапно, как раз десятилетие спустя по окончании победоносного похода в Европу. Дворянский цвет Империи восстал против... самодержавия, предпочтя весьма крутые, опять же параевропейские, перемены. Поводом стало междуцарствие, когда Александр I будто бы скончался на юге России, а прямой наследник трона его брат Константин от восшествия на кризисный трон реши-

тельно отказался. За царское дело пришлось браться другому брату — Николаю, против которого и выступили то ли всерьёз восставшие, то ли просто фрондировавшие перед новоиспечённым царём «передовые» сыны отечества. Выступление «преобразованцев» было подавлено и напуганный им навсегда Николай, ставший императором Николаем I, прочно подморозил Империю, да так, что никаких существенных перемен быть уже в стране не могло. Николай I подморозил как будто бы и кризис, но... особенность кризиса такова, что подморозка тут сводится не к устранению кризиса, а к его как бы незамечанию и удержанию, что называется, в пределах — до поры до времени, ибо кризис на то и кризис, чтобы разрешаться непременно в заметно изменённом контексте, с помощью и в рамках новой парадигмы бытия. Самодержавие отказалось тогда что-либо менять по существу, ибо это слишком затрагивало интересы вовсе уже не «цветущего», а вполне уже «зачертополошенного» дворянства — главной опоры и главной проблемы Империи. Отказ от решительной социально-политической эволюции на имперском свете вызвал из тёмной имперской преисподней дух радикальной революции, тем более что вновь революционизировавшаяся не по дням, а по часам Европа всячески этот масногенный «душок» поощряла. Агрессивный, сильный и ловкий английский капитало-империализм жаждал ликвидации континентальных монархий, хотя бы их преобразования на английский манер; антибританский Наполеон Бонапарт был повержен; Германия оставалась раздробленной, а Пруссия и Австрия были недостаточно сильны, чтобы противостоять Англии; перед проницательным британским взором угрюмо маячила лишь альтернативная и всё ещё сильная Россия, — в итоге русская-де (российская) революция оказалась частью общеевропейской (и при этом английской тоже) революции, быстренько принявшей статус *Мировой Революции* (не столько пока событийно, сколько движенчески).

Декабристам, этим в общем-то праправнукам Петровым, очень хотелось окончательного водворения Европы в России, как раз той самой Европы, которую так и не допустил сполна в России великий Петр, предпочивший более всего для России... ордынщину, а не европейщину. Всамделишной Европы не счёл нужным допустить в России и Николай I, смутно или не очень осознававший, что за «новой европой» в Россию придёт самая настоящая революция, после которой не останется ни монархии с дворянством, ни Империи с православием, а, возможно, и самой России. Не надо думать, что Николай I был всего лишь ограниченным государственными заботами и геополитическими соображениями деспотом, таким немцем-азиатом, сидевшим упорно и долго на российском троне. Да, он не был либералом и прогрессистом, хотя и подумывал упорно об освобождении крестьян и всюду строил железные дороги; он был, конечно, консерватором, но страх потерять совершенную, как ему казалось, империю, а вместе с нею и Россию, останавливал его в реформистском рвении; Николай I был заложником имперского, а главное, неэкономического в основе (некапиталистического) контекста, — и вырыв из него на евродорогу ему представлялся недопустимым и попросту преступным. Он хорошо знал о судьбе Людовика XVI, помнил нашествие в Россию Европы во главе с неугомонным Бонапартом, с дрожью вспоминал выступление «декабристов» с их намерением... царубийства, с отвращением взирал на революционное брожение в Европе и не без ясного осознания своего исторического долга крушил европейские мятежи. Что поделать, силу и красоту своей аграрно-дворянской (усадебной) империи он видел хорошо, видел и её проблемы, но... надеялся, что их можно если не раздавить, то хотя бы выдавить куда-то в Навь, сохраняя всячески подотчётную ему красавицу Империю. Николай I не был ни отцом русского народа, ни проницательным строителем перемен, он был всего лишь

сыном, правителем и слугой *Империи*, которую, наверное, любил по-своему, деспотически консервируя и оберегая, но вот с ходом истории он явно разошёлся, не допустив неизбежных перемен и украв у них необходимое для них время. Трагедия! Трагедия Николая I, так и не смогшего удержать в Яви величие Империи и уныло ушедшего в подимперскую Навь под победоносный пушечный гром крымских евроинтервентов; великая трагедия имперской России, вынужденно вступившей на путь самоотрицания; трагедия русского народа и всего российского люда, попавшего в жернова предназначенной ему грубой эсхатологической развязки!

428

И опять погоня за Европой — это уже после унижительного крымского поражения, когда Европа отомстила-таки России за победу над Бонапартом, за то, что не покорилась этому европейскому супостату, а сама покорила Париж. До Петра I Европа живо интересовалась Русью, надеясь на полуколониализм в отношениях с богатой ресурсами «дикой» страной, а то и, чем европейский чёрт тогда не шутил, на самый обыкновенный колониализм; после же Петра Великого, хоть и встроилась Европа в Россию, но всё-таки побаивалась геополитического гиганта, тем более, что вхождение Европы в Россию не дало потребного Европе колониального эффекта, наоборот, российская «Европа» как-то неожиданно развернулась против реальной Европы, поставив Россию лицом к лицу с этой реальной Европой — как равную с равной; ну а в расцвет Российской империи, как раз на рубеже XVIII—XIX вв., и вовсе вдруг стало ясно, что последняя, оставаясь феодально-крепостнической, ордынской, византо-православной, некапиталистической и вполне натуральной, идёт всё-таки по какому-то... альтернативному Европе пути — вроде бы даже и прогрессному, но не очень-то и европейскому. Тут был явный парадокс: завидовавшая Европе, подражавшая ей, учившаяся у

неё, умильно по ней вздыхавшая, российская интеллектуальная элита вдруг начала вырабатывать вроде бы европообразную, но в то же время уже и не европофилиальную, а скорее даже уже и *не-европейскую* мысль-культуру, выводя Россию на какой-то собственный посреди европейского Модерна и европейского Нового времени идейно-духовный, а за ним и социально-политический путь. Взаимодействуя с Европой, по-прежнему у неё учась и широко ею пользуясь, духовно-интеллектуальная Россия, обращаясь к прошлому страны и её корневому наследию (как раз тому самому — более всего отвергнутому Петром I), стала вырабатывать своё собственное понимание бытия, мира, страны, той же Европы, как и отношения «Россия — Европа — Россия», — и это понимание не было уже ни европогенным, ни византогенным, а было уже собственно российским, почти что и... *русским!* В промежутке между Европой и Азией, между византизмом и ордынщиной, между славянством и иноземством стал выклёвываться, пусть ещё и в виртуально-проектном образе, какой-то особенный идейно-духовный мир, можно сказать — *иной мир*, которого нигде, а не только в Руси-России, ещё не бывало. Это уже был не заимствованный от Рима, Византии, Орды, Западной Европы, не привнесённый в Русь-Россию извне мир, а мир заметно более аборигенный, российский, русский. Мечтал об этом Пётр I или нет, но он так или иначе вытолкнул дух и интеллект страны именно на этот путь, а Русь-Россия, то ли в завет неистовому Петру, то ли, наоборот, в противодействие ему, взяла, да и откликнулась по-своему на скрытый зов бытия-истории, выдвинув что-то своё, особенное, Европе уже альтернативное. Если обратить внимание на те же феномены Ломоносова, Карамзина и Пушкина, то сие неожиданное заключение сразу перестанет казаться отечественным умникам таким уж невероятным!

Фактически имела место негласная и ещё никем в России всерьёз неосознанная попытка выработать идейно-духовное основание Новой России, могущее преодолеть впавший в кризис имперский симбиоз, заменив его на имперскую органику. Но для этого не нашлось тогда сильного реформатора, в чём-то важном уже и антипетровского, смогшего бы в русле не чуждебного безумства, а отечественного умства изменить страну, да и подходящего социального контекста вкупе с адекватным ему публичным настроем, увы, тоже тогда не оказалось. Отсюда невоздержанные проевропейские декабристы; напуганный ими (не в личном, конечно, плане, а в государственно-управленческом) консервативный Николай I; никем ни тогда, ни сейчас вполне не понятый, разочарованный, загнанный и внезапно трагически сгинувший Пушкин (как раз возможный идейно-духовный отец новой русскости!); досадная неудача в локальной Крымской войне; бесславный и по своему трагический уход царя Николая I. Против «пушкинианства» тогда были все: как свои — родненькие, так и чужденькие, как близкие, так и далёкие, как соплеменники, так и иноплеменники. Недаром — ох, как недаром! — сгинул Пушкин, а тело его тайком было вывезено подале от столицы и скромнейшим образом предано земле в Святых Горах (!) на Псковщине, ибо вместе с Пушкиным и была похоронена новременская *русская идея*, да так, что о её историческом возрождении приходится до сих пор только мечтать. С Ломоносова, пусть ещё и европросвещенца, зачинался новомировский *Русский орден с новорусской идеей*, Карамзин, тоже русский европеец, обосновал правомочность того и другого, а Пушкин, уже всего лишь европейский русский, поднял всё это на ноосферный пьедестал, а вот удержать в реалии не смог, но не потому, что был убит, а потому что был загодя до гибели не понят и отвергнут теми, кому вроде бы было положено стать его последователями и пособителями, как и был он зато хорошо по-

366

нят теми, кому было... тоже ведь по-своему положено... стать противниками коренной русскости, если не прямыми врагами России (что прекрасно понял гениальный юноша Лермонтов, за что потом жестоко, как, собственно, и Пушкин, поплатился). С уходом Пушкина *Русский орден* со своей новорусской идеей ушёл в тень, если не в подполье, хотя и имел, как и до сих пор имеет, кое-какие убедительные себя подтверждения, но... увы... пока без потребных для страны позитивных результатов: анти-Россия всегда умела ограничить, исказить, оболгать, ослабить, отодвинуть, как и намеренно... забыть... Россию!

430

Анти-Россия! Это, знаете ли, феномен! Да ладно бы внешний (Александр III недаром поведал сыну-наследнику: «У России только два союзника — армия и флот!»), а то ведь... внутренний, да ладно бы от бытующих в России иноплеменников, пусть и обрусевавших, а то ведь и... от самих же... пардон... русских, конечно, не ото всех, даже вовсе не ото всех, но всё-таки от весьма многих, как правило, вполне и чужебных. Анти-Россия восходит прежде всего к неудовлетворению от родного отечества, что довольно-таки понятно (трудно житье в Руси-России, что говорить!), но замешана она весьма как раз на чужебности, а точнее, на евробесии — европочитании и европофилии. Давняя тут симптоматика, всего лишь разошедшаяся вовсю (во всю, так сказать, ивановскую!) вместе с Петром Алексеевичем, а потом и привычкой неистребимой ставшая, и фактором вполне действенным, и оружием разящим. Западники, еврососийцы, чужефильцы. Норма! Говорят, что Бонапарт презирал русских офицеров (дворян, кстати) за то, что они... презирали... Россию. Любопытно! Заметил всё-таки проницательный корсиканец — где, как, когда? — но ведь заметил же! Убийственная подметочка! Ясно, что не обо всех российских офицерах тут речь, но... всё-

таки... если уж сам Пушкин в сердцах... э-эх... обрушился на отечество с гневной филиппикой (если не с бранью), хоть и защищал его решительно от всякого нарочитого поругания — что от чужеземцев, что от своеземцев. Всё тут в общем-то не просто, всё лукависто, ухмылочно, усмешисто! Одно дело критика, даже ругань, совсем другое — ненависть, хотя она временами и местами бывает вполне и оправданной. А ведь есть ещё стойкое, невыдыхаемое и несмываемое неприятие: предательское, презренное, гадкое. «Россия без русскости, да и без русских тоже!». И это вовсе не выдумка: сколько реальных было и есть гонений на русскость и русских, сколько притеснений, запрещений, презрений, незамечаний, насмешек! Быть русским в России не только не почётно, но и как бы недопустимо, чуть ли не заказано! За границей ведь русский и всё, даже и ежели по крови не очень-то русский, лишь бы из России, а вот в России... о-о... националист, шовинист, фашист! Опять же: пусть всё это вываливалось бы на русские головы не от русских, а то ведь... и от русских тоже, сознающих-де свою этническую ущербность, порочность, неполноценность, весьма склонных к самоубийственному самоотрицанию. «А что такое русскость, что есть русский?» — задаётся вопросом совсем не редкий по жизни и даже этносу русский-де бедолага. Но ведь не негр же, не китаец, не турок, не татарин, не француз, не немец, даже не чех и не поляк, а почему-то вопросом диковинным всё-таки задаётся?! Опять же А. Пушкин, Л. Толстой, М. Шолохов... твои или не твои? Или же американские, африканские, азиатские, западноевропейские? Или крестьянство вокруг совсем не русское, кстати, никак не задающееся этим коварным и глупым этновопросом? Как и солдаты с офицерами, всегда шедшие на любого врага — татарина, турка, шведа, француза, немца? И тем не менее — русский ли я, задумывается вдруг какой-нибудь городской отщепенец, а может... э-э... всего лишь отщипнутый «европеец»? Было бы смешно, ежели не было бы столь горько! Вместо органической

русскости в России давно поселилась великая раскольная двойственность, даже не симбиозность — Россия вынужденно бытует с не-Россией и даже с анти-Россией, а эти последние столь же вынужденно сосуществуют с ненужной и ненавистной им Россией. Вот тебе и суперфеномен!

431

Ломоносов, Карамзин, Пушкин и все им подобные хоть и признаны вроде бы, но в главном-то совсем и не поняты — в их утверждении... *русскости!* Всё было и есть в России: царь и дворяне, чиновники и церковники, крестьяне и ремесленники, купцы и промышленники, солдаты и офицеры, писатели и журналисты, учёные и инженеры, архитекторы и художники, артисты и музыканты, даже юристы с экономистами есть, как и славянскость есть, и европейство, и азиатство, и язычество, и православность, как и общемировость, даже социализм с коммунизмом побывали вослед ордынщине и христианству, только вот почему-то *русскости* никакой нет, хотя в России вроде бы почти все... *русские?! Русскость* — не один только русский язык, хотя это очень важно; и не одна лишь внешняя культура, называемая русской (местной, аборигенной, русскоязычной, стало быть); и не сама по себе Российская империя, хоть и обрамляет она собою феномен русскости, — *русскость* — это, безусловно, особый дух, специфическая метафизическая субстанция, самобытное сознание с ноосферой, неподражаемая трансценденция. Именно *это* чувствовали, видели и прозревали Ломоносов, Карамзин, Пушкин и иже с ними, именно об *этом* они говорили и молчали, облакая в слова, тексты, образы, как и в красноречивую немоту, именно *это* им удалось заметить, поднять и внедрить в умы и души многих русских — как «лучших», образованных по-европейски, элитарных, так и вполне «простых», довольствовавшихся малой обыденностью, не исключительных и не романтических. Да, не очень-то *всё это* тогда философски осмысливали, не слишком стремились

к бесспорным научным подтверждениям, не превращали в целостную мировоззренческую систему, в общем — не очень-то мифологизировали и догматизировали, но зато открывали, раскрывали, доставали и доставляли что-то особенное, не такое уж религиозное и совсем не научное, даже и не очень-то философское, а воистину людское, изнародное, этногенное — *своё!*

432

Фундаментальная коренная русскость пробивалась-таки в Империи, в этом вроде бы чуть ли не Третьем Риме — прямо из Нави в Явь — и пробивалась сквозь наслоения византизма, ордынства, европеизма, в общем — всего наносного, привнесённого, внедрённого, вбитого, хотя пробивалась не в простом отрицательном отрицании, а во вполне и положительном, нововременском, даже модерновом. Нет, не в «Православии, Самодержавии, Народности» выражалась русскость, хотя и в этом тоже, а в натуральности, почвенности, соборности, софийности, ну и *иномирности* тоже. И казалось, что всё идёт к торжеству как раз русскости, ибо состоялся-таки Пушкин, явились славянофилы (почему-то, кстати, не *русо*-филы!), пришёл Лев Толстой со своим уже нововременским русским эпосом — «Войной и миром», явились художники-передвижники, возникла русская историчекая школа, зазвучала вовсю «Могучая кучка» русских композиторов, зачалась и русская философия, причём как, в общем-то, *софийная философия*, наконец, и императоры показывали себя уже явными русофилами (Александр III, Николай II), в общем — русскость нарастала и чуть ли не готовилась к окончательной победе. Но не тут-то было: антирусскость вовсе не дремала, а выдавала упорно своё — антирусское, мечтая по-прежнему либо об окончательном превращении России в Европу, либо о внедрении в Россию придуманной в Европе и чуть ли не антиевропейской-де утопии (социал-коммунистической), либо попро-

сту о разрушении Российской империи и, на крайний случай, ликвидации самого этого феномена — России. И линия тут была: неистовый Белинский, разноликий Гоголь, наивные петрашевцы, одурманенные Герцен, Бакунин, Кропоткин, самоуверенные чернышевцы, едкий Салтыков-Щедрин, снова Л. Толстой (уже как богоискатель), лукавый М. Горький, анемичный сатиро-театральный Чехов, по-своему и весь безответственный Серебряный век, ищущий неизвестно чего МХТ, и все вообще недовольные, разуверившиеся, жаждущие невероятных перемен, да что перемен — самой русской-де революции, уже сомкнувшейся с европейской Мировой революцией. И не одни тут высокоидейные *западники* изнывали от воодушевления, а и доморощенная умственность — *интеллигенция*, которая и родилась-то из-за симбиозного, неорганического, раскольного состояния самой империи, её негармонизированной духовности и шизофренически расколотого интеллекта. Да, высший свет был надёжно оккупирован всякой иностранцией, а высшая власть насквозь пронизана заграничной агентурой, но в самой стране, как раз среди образованной части русского общества, неуклонно нарастал социально-политический протестантизм, принявший уродливую форму революционного-де *нигилизма*, напрочь отрицавшего всё и вся из русского и российского, желавшего не только Империи, но и всему русскому миру скорейшей гибели. Ясно обозначившийся 14 декабря 1825 г. кризис Империи, как и самого нововременского русского мира, ещё не обретшего органичной себе самоидентификации, не был преодолен ни жёстким консерватором Николаем I, ни либеральным реформатором Александром II, ни гибким консерватором Александром III, ни тем более обречённым на последнее царствование и мученический конец Николаем II. 1917 год показал, что верх в борьбе России и анти-России взяла всё-таки последняя: Российская империя, пытавшаяся даже стать напоследок чуть ли не русской, но так ею и не ставшая, потерпела в итоге отречения Ни-

колая II и неявики на освободившийся престол его брата великого князя Михаила, двух революционных переворотов и последовавшей за всем этим братоубийственной (гражданской-де!) бойни полный крах. Какая-то всё-таки «каверна» сидела в организме романовской династии, как-то странно восшедшей на русский престол, неистово передельвавшей Россию на европейский лад, покончившей с православной Московией и уклонившейся от сакральной Москвы в пользу надуманного и чужебного Петербурга, онемечившейся в стремлении обрести династическую евролегализацию и заполучить признание себя европейскими правящими домами, вынужденно остававшуюся один на один с Европой, неоднократно ею обманутой, оболганной и преданной, так и не преодолевшей роковой русско-европейской раздвоенности. Вроде и цари были неплохие, да вот какие-то всё если не аномальные, вроде Петра I, то очень уж несчастливые — наподобие того же Николая II. Не русская то была династия, не русская!

433

Российская империя возникла по воле Петра I не только не как русская империя, а как более всего, увы, империя анти-русская, в которой русский люд вовсе не был имперообразователем, а оказался всего лишь в роли тяглого импероносителя. Не *над*-имперское освобождение, инициативу и процветание принесла русскому народу империя, а *под*-имперское закабаление. Расчёт был на этносмешанное — нерусское, полурусское и частично лишь русское — дворянство, именно оно стало имперообразователем под эгидой имперского верха и за счёт эксплуатации коренного населения, подпавшего под «собственное» имперское иго. При этом имперское дворянство было призвано лишь служить имперскому верху, а не проявлять частную инициативу, а если кое-что и проявлять, так лишь в пределах своих поместий и в рамках установленного свыше имперского порядка. Да, в армии и в госаппарате дво-

ряне служили весьма исправно, хотя могли иной раз и госпереворотец какой-нибудь учудить, и помещичье сельское хозяйство вели, хотя и не без участия иностранных наёмников-управителей, и усадьбы свои обустроивали, построив прекрасные родовые гнёзда, и литературой с музыкой довольно увлекались, и разнообразную и мощную культуру создавали, и подневольных крепостных людишек опекали, как и немало над ними поизмывались, и картишками с любовными интрижками регулярно баловались. Факт! Но как далеки были дворяне, за редчайшим исключением, от упорных производительных занятий, от городской промышленности, торговли, вообще от экономики, от капиталистического предпринимательства, равным образом и от научно-исследовательских занятий, технического творчества, вообще деловых (внеусадебных) инициатив. Не в том дело, что этого всего совсем не было, а в том, что этого не было как массового явления. В гуманитарной культуре дворяне много и плодотворно творили, а в промышленности, технике, науке — нет! Кризис империи — кризис не одного самодержавия, так и не смогшего отойти от сугубо авторитарного (ордынского) правления, но также и дворянства, не смогшего включиться в инициативно-созидательную деятельность, — как раз ту самую, что ныне называется по всему миру бизнесом, а застрявшего в феодально-крепостническом паразитизме и загонявшего себя, несмотря на свои воинские, интеллектуальные и культурные достоинства, во внеисторический отстойник. Дворянство в итоге сковало Империю, а Империя, предпринимая кое-какие преобразовательные усилия, не смогла расковать надетые на себя дворянские вериги. Погубителями Империи были не крестьяне, не пролетарии, не капиталисты, даже не интеллигентствующие разночинцы-революционеры, хотя все они и внесли свою лепту в похороны Российской империи, а именно дворяне, точнее — *дворянство* — как ведущий имперский слой, как главная опора Империи, как её удерживатель и сдерживатель, как её по преимуще-

ству бессознательный и негласный приговорщик. Ту же анти-историческую роль в отношении Российской империи сыграла и подчинённая царскому самодержавию и дворянскому сословному державию Православная церковь — консервативная, неповоротливая, отсталая.

434

Возникшая было новременская русскость не сошла в плодотворном раже с новременской производительно-творческой инициативой, не ликвидировала византийщины, ордынщины и чужебности, не дала России необходимой идейно-духовной органики, не вывела страну из состояния параисторического забвения, — и имперская симбиозная Россия, многозначительно затрепав по швам, рухнула в одночасье, похоронив под своими обломками петровское (романовско-немецкое) самодержавие и петровско-екатерининское дворянство, задавив русскость и православность, а заодно и заимствованный у Запада, еле-еле поднявшийся российский капитализм. Не слишком удачная, тяжёлая и жертвообильная, хотя и вовсе не проигрышная, война 1914—1917 гг., в которую России пришлось невольно «залезть», выполнила роль катализатора имперского краха, но никак не его причины, как и то же самое проделало безэффективное правление царя-неудачника Николая II Романова, побывавшего даже главнокомандующим всей действовавшей в паневропейской войне российской армии. Дворянско-буржуазный реформатор Пётр Столыпин так ничего и не смог поделать перед самой мировой войной с уже выпадавшей из себя страной, хотя и имел немалые внутривнутриполитические успехи и хозяйственные достижения — страна в лице её правящего верха просто от Столыпина избавилась, как избавилась она ранее от генерала Скобелева — победителя турок и покорителя среднеазиатцев, как увлеклась антиимперским и антицерковноправославным учением Льва Толстого, как наслаждалась сценическим упадничеством Антона Чехова

и восхищалась босяцким революционизмом Максима Горького, как заслонила от великого провидца Дмитрия Менделеева и не услышала проницательнейшего Иоанна Кронштадтского, как с недоумением, раздражением и надеждой взирала на сомнительного «старца» Григория Распутина, вполне равнодушно отнесясь к его многозначительному умерщвлению... в общем, ничто не могло и никто не мог спасти Империю, зато могильщики её немедленно нашлись — свои и чужие, отечественные и закордонные. А ведь весьма бурное и последовательное развитие в стране уже было, русскость стала прочно соединяться с самостоятельным производительным творчеством, росла промышленность, двинулась вперёд наука, замаячила русская софийная философия. А тут — растерянный вконец царь со своим уже беспутным дворянством, Серебряный век со своим смертоносным декадансом, погибельный антихристианизм с мертвящим атеизмом, отчаянная и мракобесная распутинщина, всеобщая жажда очищающей-де революции. И — *конец!* Отречение царя (пусть и только личное, но преподнесённое доброхотами-масонами, среди которых были и высшие «царские» генералы, как именно самодержавное, что и было охотно воспринято дураками всех мастей) и горькие слова государя в дневнике: «Кругом трусость и измена». Не кто-нибудь, а сами же «имперцы» изменили Империи — и ковали они эту измену уже давно: неслужением, неделанием («обломовщиной»), анахроничностью, исторической тупостью, самоубийственной хандрой, чужебесием, антирусскостью, антихристианизмом, атеизмом, религиозным фанатизмом, духовной нищетой, душевной слабостью, настроенческой сумеречностью, ослепляющим декадансом... да мало ли ещё чем, главное — утратой веры в саму Империю — их *Империю!* — не нашедшую возможности, решимости и сил либо радикально переделать дворянство («оштольцировать»), либо вообще от него избавиться. Дворянство и Империя слились воедино, надёжно оседлав друг друга и безнадёжно друг друга опутав, от-

чего и проиграли в итоге историческое соревнование за историю и самих себя. Империя в лице самодержавия не решилась на переделку дворянства или отказ от него, а дворянство, оскудевшее исторической волей и конструктивным на перспективу умом, в конце концов предало императора, а вместе с ним и Империю. Сначала вялая и в целом бездарная фронда русского дворянства против самодержавия и империи, а потом всё более радикальная и безответственная, могла быть лишь разрушительной, антисистемной, антиимперской, а заодно и антирусской (по последствиям), в чём дворянству пришлось-таки горько убедиться по случаю явления им призывавшейся и не очень русской, а на самом-то деле мировой, революции. Даже белое постреволюционное движение не смогло выдвинуть никакого серьёзного конструктива для опрокинутого дворянством-же России: ни царя белодвиженцам не хотелось, ни республики, разве лишь одной контрреволюционной диктатуры, да и то с неизвестной целью, а потому остался для исчезающего дворянства лишь один выход, вполне по-своему для него и спасительный — исход за границу, по большей части как раз в веками возжеленную Европу, где российское дворянство либо сразу и насовсем исчезло, либо задержалось на время, но лишь в памяти прямых его потомков, либо обратилось в тихий и скромный поминальный пепел.

435

Любопытно, что бодрый саморазрушительный зуд охватил Российскую империю в то самое время, когда она стала активно развиваться производительно и готовилась одержать победу над европейским противником в Первой мировой войне. Разумеется, противник не дремал, а им были не только Германия, Австрия или та же Япония, но и такие «союзнички» России, как Англия и Североамериканские Штаты, вовсе не желавшие усиления Российской империи как геополитической, военной, экономической, научно-технической, культуро-

генной, а главное — альтернативной Западу, самостоятельной цивилизационной единицы, ещё и обладающей гигантской территорией, выходами к незамерзающим морям и громадными природными ресурсами. Антиимперский зуд российских «граждан», как и антироссийский зуд тогдашних «псевдороссиян», усиленно инъецировался и поощрялся из-за рубежа, причём не только из стран-соперниц, но и из стран-союзниц, а также международных финансовых кругов, столь же решительно не желавших иметь дело с вновь поднимавшимся над историей Третьим Римом, — для чего и была ему уготована Мировая революция, реализовавшаяся в России как вроде бы российская революция, — а ведь революции в России жаждали при этом и очень многие особи из российских элитарных слоёв (как никакой такой революции вовсе не жаждали, как обычно бывает, народные массы), и всё по причине устойчивого и нетерпимого, но при этом и очень нетерпеливого со стороны элитариев, чужебесия. Российскую элиту не очень-то устраивала приподнявшая тогда голову коренная русскость с традиционным православием, да ещё и во главе с руско-православным царём-немцем, — и ей очень хотелось побыстрее и порешительнее избавиться от тянувшей-де назад или куда-то вбок от прогрессивного мейнстрима руско-православной местечковости, встать в один ряд с передовыми-де в культурно-техническом отношении западными странами, влиться в мировую «высокоцивилизованную» общность. Оговорённая извне и приговорённая к убийственной экспортной революции, Российская империя, ещё более оговорённая изнутри и нещадно приговорённая прогрессивной-де отечественной элитой к прозападной (уже вполне и импортной) самоубийственной революции, пала, не слишком в тот момент и посопротивлявшись, под наглым натиском откуда-то вдруг взявшейся сначала антисамодержавной и антидворянской, а потом и антиимперской и антироссийской революции.

Здесь есть своя большая загадка: кто конкретно, какая действенная сила, каким всё-таки реальным образом и т. д. совершила революцию, ибо поверхностные события не говорят о главном — творчески-рабочем центре революции, вполне и непременно законсперированном. На виду лишь следствия, да и то не все: какие-то люди-людишки, входившие в историю героями, де, революционерами, много громких слов и пламенных речей, разящих лозунгов и разрушительно-губительных призывов, а вот там, где-то в глубине и вдали... э-эх... скрытые менеджеры, целый рой менеджеров, вершивший большое революционное дело. Революция — вовсе не сам по себе бунт, не только переворот, не одна лишь смена власти, а прежде всего скрытая работа закрытой *антисистемы*, потаённого разъедающего и истончающего механизма, коварной разрушительной машины, весьма и сложной, и пространной, и разнообразной. А подготовка хорошего революционного действия — деяние, бывает, не одного поколения, великого множества лиц, кучи легальных и нелегальных организаций, разных мыслительных течений — и всё это с разливом пропаганды, набором хорошо продуманных наглых провокаций, инспирированием «нехороших» процессов, подогреванием «плохих» настроений, вбросом негативистских «мнений», ложных слухов, бессовестных намёков, мерзких критик и изощрённых фальсификаций, наплывом самоотверженно-де раскрываемой «правды». Фронтальная защита от революций снизу, как и лобовая на них атака сверху, к конечному успеху не приводит; даже опережающие-де революцию реформы и любые иные преобразования по инициативе верхов не предотвращают уже из глубины стартовавшей и лишь невидимыми по забродившему социуму расходящейся волнами революции; революция снизу предотвращается, а иной раз и ликвидируется, лишь революцией, на крайний случай — репрессией, сверху, но кто и когда из управителей бывает на это способен, да ещё и вовремя? Ро-

378

мановцы на это оказались неспособными, они проиграли сражение с Революцией, а потому и были физически и символически уничтожены, причём в лице не только последнего царя Николая II и наследника престола юного и болезненного Алексея (у Петра Алексеевича ведь сына-наследника тоже звали Алексеем, и он тоже был уничтожен, правда, родным отцом), но и великого князя Михаила Александровича, брата царя, которому Николай пытался передать трон при своём личном отречении, но так и не смог передать: Михаил этого запоздалого золотого «подарка» не принял. Когда-то родоначальник романовской династии юный Михаил Романов не очень-то желал воссесть на окровавленный московский престол, не возжелал этого сделать по иронии истории и его формальный предок — тоже Романов и тоже Михаил. Так вот и случилось: от Михаила до... Михаила, Михаила Первого и Михаила Последнего! Первый из Михайлов процарствовал положенный судьбою срок, передав очищенный местами от крови московской трон своему сыну Алексею (опять Алексею!), а вот последний из Михайлов не царствовал — заместо очередного... э-э... Алексея, — ни одного дня, чем, возможно, и поспособствовал преждевременной гибели себя, Николая с Алексеем, как и самой Империи. Показательно, что царевич Алексей Алексеевич, сын Алексея Михайловича Романова, отца Петра I, следственно, один из старших братьев Петра, умер-таки в юном возрасте, хотя сам Алексей Михайлович процарствовал положенный судьбою срок. Мистический клубок обыкновенно-необыкновенных событий и столь же мистический калейдоскоп действовавших при них лиц!

437

Российская (вовсе и не русская!) революция носила антиимперский, антирусский, прозападный и, конечно же, антирусский характер, хотя и делалась вовсе не одними иностранцами, но и самыми что ни на есть русскими людьми. Вое-

вавшая к моменту революции армия, уже готовая к победоносному натиску на врага, сначала замерла на месте, потом, побратавшись частично с врагом, стала рассыпаться. Фронт перестал существовать. Россия, резко ослабев, стала на глазах разваливаться. Временное правительство, сразу же поддержанное Российской православной церковью (sic!), возможно, в отместку за навязанную Церкви Петром I «синодальность», проводило какую-то странную, нелепую, вполне и деконструктивную политику, отлично доказывая не только свою срокую, но и смысло-концептуальную временность. Трудно сказать, чего тогда было больше — слабости, глупости или тайной измены. Так или иначе, но Керенский вполне подготовил почву для *передачи* власти своему симбирскому земляку-приятелю — Владимиру Ульянову, ставшему по законам революционной конспирологии каким-то невразумительным «Лениным». Разумеется, передавал не прямо Ленину, а тем, кто был с Лениным, рядом с ним, за ним, перед ним, кто его поддерживал и выдвигал, на него и надеялся. Почему, отчего, зачем это сделал Керенский — кто знает? То ли по чьему-то извне велению, то ли по общему с Лениным проекту, то ли по своему собственному замыслу, то ли попросту «мешая карты». Тогда чьи это были карты и почему был вброшен такой козырь, как «левый переворот»? Керенский тайно исчез, уйдя за границу; Временное правительство, которое и впрямь оказалось не просто временным, но и кратковременным, было в итоге «взятия» революционным-де народом Зимнего дворца, где почему-то оно уныло и бесперспективно заседало, вроде бы даже было там арестовано, но никто из «временников» не пострадал, все желавшие быстро оказались там же, где и Керенский — за границей. В общем — дружная ретировка с товарищеской рокировкой! К власти в стране пришли «левые» (социал-демократы, левые социал-революционеры, анархисты). Пришли через народные-де советы, хотя и посредством прямого захвата власти. Знал ведь что-то Ильич, будто бы вос-

кликая в порыве негодования, что «Промедление смерти подобно!». В итоге на месте Российской империи возникла оригинальная химера — «государство рабочих, крестьян и солдат», но во главе с внешне различинно-интеллигентским, а по сути-то вполне конспиративным «революционным руководством». «Профессиональные революционеры», фантазийные теоретики и вольные утописты, подпольщики и агитаторы, заговорщики и террористы, мигранты и иммигранты, бывшие ссыльные, зеки и каторжане, наконец, «прогрессивные» иностранцы, иноверцы и иностранцы, включая и прямых закордонных агентов всех мастей и изо всех возможных весей, овладели вдруг брошенной ни с того ни с сего властью, ничейной страной, открытым будущим. И пошло-поехало! Разбой, экспроприации, захваты, грабежи, пожары, разборы и раздоры, террор, аресты и расстрелы, смерть. «Народ», почуявший полную безнаказанность и направлявшийся разбойно-мстительным указующим перстом прямо с властного верха, загулял, забуйствовал, забесился. Сразу же объявились новые, честные-де и праведные, как и обнаружили бывшие, злостные-де и недостойные. Моральная удавка и физическая резня! Многие из гонимых бежали, многие из отверженных забились по углам, но многие из бывших и опрокинутых взяли за оружие. Вспыхнула кровавая Гражданская война: красные, белые, зелёные, синие, чёрные... Армагеддон! Все против всех, каждый за себя, за своё, но никак уже не за общую для всех Родину. Смута, смятение, конец!

438

Революция! Революции придумал европейский новый мир — ренессансный, просвещенческий, антихристовый, атеистический, экономический, научно-технический, капиталистический, экспансионный, агрессивный, империалистический. Как, собственно, и мировые войны, — здесь тоже его громадная заслуга. Придумал для борьбы со старым миром, для за-

хвата территорий и их эксплуатации, для господства над всем человеческим миром. Это только внешне новый европейский мир казался благообразным, любезным и всюду привлекательным. На деле-то всё было не совсем так, ежели совсем не так: беспокоен, конечно, коварен и зол, но зато изменчив, растуш, прогрессен. И раньше — в старом мире — имели место войны, бунты и перевороты, но тогда не было проекта тотального переустройства мира, да что переустройства — *Пересотворения*, а такое супермасштабное деяние невозможно было совершить без череды заранее подготовленных революций и загодя запланированных войн, а в целом же — *Мировой революции* и *Мировой войны*! Слава Модерну, горе Премодерну, да здравствует... э-э... хорошо рассчитанное на века непрерывное насилие! Ведь задуманная и упорно вершившаяся тотальная революция — это целостная переделка человеческого мира, в объектном центре которой способ хозяйства (научно-техническая капитализация), цивилизация (демократический правовой урбанизм), культура (массовый просвещенческий гуманизм) и сам человек (гуманизированный просвещённый-де общечеловек). А война, будучи уже детищем и орудием тотальной революции — лучшее средство достижения глобальных революционных переустроительных целей: разрушение и расчистка, ликвидация неудобного и победное навязывание удобного, овладение территорией, населением, ресурсами, будущим. Лиса Алиса и Кот Базилио — Революция и Война! И всё это в рамках *Великого Европейского Проекта*, возникшего вроде бы в позднее Средневековье, в момент разложения христианства и возвышения антихриста, но воспринявшего властную методу с имперским размахом Первого Рима и питавшегося предпринимательским духом финикийского Карфагена. Вот и Ренессанс — Возрождение! Ренессанс древнегреческого логоса, древнеримской имперIALности и древнефиникийской хрематистики, но при этом и самый настоящий *нессанс* — *Рождение!* — рождение новоевропейского гумано-хремо-

империального мира с его априорно задуманным, ловко введённым и неуклонно реализовавшимся переустроечным — революционно-войновским — *ЕвроПроектом!*

439

Имперская Россия могла, возможно, но так и не смогла, вынужденно воспринимая ЕвроПроект и ему же вынужденно при этом противостоя, выйти раз и навсегда на альтернативный — допустим, ЕвроАзийский — Проект, он же, возможно, и Мегапроект. Такой проект зарождался — хотя бы как *русский* — даже кое-как претворялся в жизнь, но... внешняя антирусская Европа и внутренняя, ещё более антирусская, «европа» не дали этого сделать, втянув Россию в европейские войны и в европейский же революционный процесс. *Россия и Война! Россия и Революция!* И ежели в войнах Россия ещё и могла ловить какую-то удачу, будучи военной империей, то в революциях, не будучи глубоко модернизированной поевропротестантски (или по антихристову разряду), — нет! Россия была не субъектом, а объектом Революции, причём хорошо чувствующим революционную для себя опасность, но не способным перехватить инициативу у Революции и самому стать её субъектом — хотя бы для себя, для России. Российская альтернатива рождалась как бы сама собой, в ходе вещей и под давлением обстоятельств, и менее всего осознанно, в деяниях самого русского человека! Будучи субъектом истории, причём вовсе не последним, а одним из ведущих, Россия не стала эффективным субъектом для самой себя, своего Проекта, своей Перспективы. Явление Ломоносова, Карамзина и того же Пушкина, этих русских европейцев, или европейских русских, — более чудо, чем обыденная реальность, которая вовсе не стала в идейно-духовном и социально-политическом планах столь же творческой, как в Европе. Эскиз вроде бы нарисовался, а вот полная картина так и не взялась! Был зародыш, даже крепышом успел стать, а в зрелый организм так и не превра-

тился. Здесь проблема не только в противостоянии России и анти-России, но и в самой России, слишком затянувшей со ставкой на архаику, деспотизм и рабство, не выпустившей на волю свои собственные созидательные энергии и силы преобразования, роста и развития. Евровойна и еврореволюция оказались ловчее и сильнее России, не тяготевшей ни к Войне, ни к Революции, даже им противостоявшей, но... таки от них павшей.

440

Поначалу в Россию пришла, или же на Россию свалилась, обычная еврореволюция — гуманистическая, демократическая, экономическая, то бишь традиционно ренессансная, просвещенческая, либеральная. Все российские западники были в восторге: наконец-то в России окончательно и бесповоротно торжествовала любимая ими «Европа». Но вдруг случилось что-то совершенно несусветное: из Европы (с Запада, включая и США) в Россию впрыгнула ни с того ни с сего Революция... э-э... не то чтобы антироссийская, что более или менее понятно, но... *антиевропейская* — как левая часть (левый поток) осуществляемой всё той же Европой Мировой революции. Так что не «европу» собиралась делать (доделывать) в России Европа, а что-то совсем новое — какую-то анти-Европу! И эта «антиевропа» уже присутствовала идейно-духовно в самой Европе в виде так называвшегося социализма-коммунизма, но не находила реального воплощения. Зато «соц-ком-идеи» были подхвачены и немало развиты в России, частью её интеллигенции и разночинства, не находивших себе достойного-де места в Империи, ставших её последовательными противниками, а заодно и пророчествующими адептами совершенно нового мира — ни российского, ни европейского, вообще никакого — мира труда и всеобщего в труде и досуге общественного счастья. То была *Утопия*, но не простая там какая-нибудь мечта, как у англичанина Томаса Мора или

итальянца Томмазо Кампанеллы, а казавшийся вполне реализуемым (о-о! и научно-де обоснованным некими Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом) *Великий Солнечный Проект* — *Город Солнца, страна Солнца, мир Солнца!*

441

Кого только тогда не смутил и не завлѣк этот удивительный проект! Мир без феодалов и капиталистов, без насилия и лжи, без эксплуатации человека человеком, без паразитизма, без государства, тюрем и даже без семьи, как и без... без... многого ещё, в общем — с полной свободой трудящегося на себя и в угоду лишь себе подобным человека. Наивно, неумно, смешно, но... *всеобщее помешательство!*.. проектик сей смутил-таки и завлѣк, да не кого-нибудь, а великих вроде бы умом интеллектуалов, гениев, титанов, даже кое-кого из аристократических и даже, пардон... династических, фамилий! Невероятно, но факт! Ладно бы интеллигенция, оторванная от реальности, от жизни, или то же разночинство, деклассированное и безродное, писателишки какие-нибудь, актѣришки или журналистишки, а то ведь и родовитые дворяне, князья с «графьями», не говоря о разного рода «буржуях». Кому свободы хотелось, кому справедливости, кому настоящего гуманизма, кому всеобщего счастья, кому, возможно, просто покаяться за эксплуатационный паразитизм своего класса, кому... э-эх... трудно сказать, кому тут чего более всего хотелось, кроме, конечно, какого-то универсального добра, но ведь захватил много всякого люда в свои туманные идейные сети социализм-коммунизм, мало того, не ограничился обычным сектантским проповедничеством, а перешѣл к реальным действиям — как в Европе, где, правда, обошлось в конце концов без реальной «соц-ком-революции», так и в России, где этакая всамделишная революция таки свершилась.

Беспокойный европейский мир! Христианский вроде бы мир, с реализованным-де христианством (убедительная идеология, развёрнутое учение, Церковь как мощнейший институт, обширный клир, системный культ, великолепные обряды, большая традиция), но почему-то мир этот оказался... без Христа, или почти без Христа, но зато с активным и почти всеобщим... анти-Христом! Еврочеловек не пошёл весь за Христом, а предпочёл, делегировав совсем малую свою часть ко Христу, пойти за *антихристом* — поначалу в христианском ещё одеянии с соответствующими риторикой и жестикующей, а потом и без оных — без Христа вообще, уже совсем безбожно, как стало принято говорить — секулярно. Понять Европу, а затем и Россию, с их разворотом от Христа к антихристу, а потом и вообще к *князю мира сего* — понять и все «проделки» нововременской Европы: гуманизм, либерализм, демократизм; революционизм, реформизм, реконструктивизм; экономизм, капитализм, меркантилизм; империализм, колониализм, милитаризм; позитивизм, сциентизм, техницизм; демиургизм, модернизационизм, прогрессизм; ну и социализм, коммунизм, фашизм, а теперь вот и глобализм, монетаризм, финансизм, как и институционализм, информатизм, нетизм (сетевизм). Не Китай и не Индия, не мусульманский мир, даже не Россия всё это породили и внедрили в реальность, это делала именно Европа (Западная Европа) со своим чистой воды клоном — США. Россия, будучи вроде бы европейской страной, хотя при этом и не западноевропейской, но зато христианской, хотя и православной (ортодоксальной), а не католической или протестантской, подверглась столь значительному влиянию беспокойно-изобретательной Европы, что, вестернизируясь (хотя и витиевато и не до конца), немало внутри себя совершила... э-э... «европского», хотя и делала это весьма по-своему — по-русски, по-простому, по-глупому, а потому и наворочала много из чудно-чудного вроде бы европейского, —

и в особенности ей удалось претворить в реальность то, что было как раз обозначено в Европе «социализмом-коммунизмом». Россия стала первой из стран, «которых не жалко» (О. Бисмарк), которая то ли взяла на себя миссию исполнителя странного социального эксперимента, то ли просто оказалась этому умопомрачительному опыту «рачительно» подвергнутой, но так или иначе именно в России был осуществлён политический переворот, повлекший за собой в ходе ожесточённого и длительного междуусобия практическую реализацию придуманного в Европе нового «гуманистического» проекта. Спрашивается в связи с этим, как могли такие исторические персоналии, как Г. Плеханов или В. Ульянов (Ленин), стать безоговорочными адептами не только самой «соцком-утопии», но и её нарочитой идеологии — марксизма-энгельсизма, не взирая на явную проевропейскость всего предложенного Марксом и Энгельсом, как и их откровенное личное славянорусобие?!

443

В отличие от восточных идеологий-религий, склонявших человека к созерцательности, духовному растворению в мироздании и полному единению с природой, поклонению предкам и традиции, подчинению человеческой особи социальной среде и власти, наконец, повиновению судьбе, или же в отличие от того же ислама, требовавшего ещё и безоговорочного соблюдения буквы пророческого слова, христианство, явившееся в среде угнетённых низов, но пришедшее ко двору и у доминационных верхов, и даже у самих что ни на есть высоких властей предержащих, хоть и устанавливало весьма жёсткие правила-ограничения для человека, укрощая в нём зверя, но, признавая в человеке Сына Божиего (по подобию!), оставляло человеку возможность быть *личностью*, а всем человекам вменяло необходимость *взаимной любви*. Да, покорность перед лицом Божиим, что исключало гордыню, тем более зверопо-

добную, но при этом и давала возможность личного самоуважения, что предопределяло как возможность личного выбора на жизненном пути, так и необходимость личной за себя и за других ответственности. В христианстве присутствовал, коротко говоря, явный акцент на *человеке*. Нет, конечно, христианство не было религией какой-то полной свободы, но христианство не исключало выдающегося значения в реализации человеческого бытия как раз самого человека, не столько внешне (извне) ограничиваемого и ориентируемого, сколько внутренне (изнутри) сдерживаемого и самоуправляемого. Христос видел как порочность, ущербность и неполноценность исторического человека, так и бытовавшие в нём добрые начала, толкавшие человека к ЧЕЛОВЕКУ, а потому, укоряя нелицеприятно человека, делал ставку на человеческое в человеке, да что человеческое — и божеское тоже, то бишь делал ставку на сознание человеческое, дарованное человеку Богом и должествовавшее на призыв Бога встречно-позитивно откликнуться. Христос прекрасно понимал, насколько это всё проблематично — ставить на человека! — но всё-таки поставил, и очень сделал это как-то по-своему — через свою мученическую — от человека же! — смерть на кресте — перед человеком, кажется, тем самым — за Бога Творца — и покаявшись. Христианство в исходе своём и в сути своей — *религия совершенно человеческая*, как раз в силу своего акцента на человеке, на его сознании, на его личном выборе. В этом состояли высшая ценность и непреходящая вышесте христианства, но в этом же таились его неизбежная проблемность, сопряжённая с противоречивостью, утопичностью и уязвимостью столь уж человеколюбивого учения. Акцент на человеке — хорошо! — но ведь был ещё акцент на свободе или же несвободе человека, опять же на какой свободе и какой несвободе? — и хотя Христос указал на органичное сочетание того и другого — внешней несвободы и внутренней свободы, а главное — внутренней свободы и внутренней же несвободы — выбор на свободе и

несвободе всё-таки оставался у Христа за самим человеком, что было для человека ответственно, тяжело и... невозможно! Христос упорядочивал человека, его сознание, но воли человеческой не подавлял, сам отправившись в доказательство сего на казнь, совершенно как раз человеческую! Вот и вышло, что критерием истины стали тут *казнь* и *смерть*, то бишь самые крайние из возможно-невозможных доказательств, а не диспут какой-нибудь, не точное научное исследование или даже чьё-то метафизическое откровение... правда, казнь и смерть с последующим... *Воскрешением*, что на воистину смертных, в отличие от Бога, почему-то никак до сих пор не распространяется!

444

Христианство и христианский мир, а уж тем более христианская цивилизация — не одно и то же, как не одно и то же Христос с его собственной проповедью и христианство уже со своим учением, как не одно и то же первохристианство (добровольное, общинное, катакомбное) и развитое христианство (обязательное, институционализированное, огосударствлённое). В условно христианском пространстве всегда можно было обнаружить разное и в то же время очень разное: от собственно христианского идейно-духовного подвижничества вкупе с богоугодными деяниями до лишь внешне христианских, а по сути-то антихристианских, как и прямо и неприкрыто антихристовых, мыслеизъявлений, поступков и свершений. Не только человекозверь, но даже и человекочеловек, делали тут выбор — к Христу и от Христа, в согласии с Софией Премудростью Божией и вопреки ей, в угоду Богу и против него. И поднял в конце концов высоко голову *антихрист*, против которого как раз и было направлено христианство, и многое он в христианском мире натворил, как в образе и в среде христианства, так и вне его. А антихрист — это и разные внутриконфессиональные помешательства (секты, ордена, церкви, ин-

квизиция), и воспрянувшее вдруг в противовес христианству древнее язычество (неоязычество), и альтернативные догматическому христианству идейно-культурные разрешения, тенденции и движения, ну и, конечно, откровенный внеконфессиональный атеизм. Но всего сложнее тут квалифицировать совершённый вполне вроде бы христианизированным европейцем вырыв из-под опеки официальной церкви, настаивавшей на безоговорочном повиновении Богу и Христу через её и только её посредничество. А церковь-то вовсе уже не отличалась ни благочестием, ни святостью, ни преданностью Христу! Антихристианство самой церкви и вело прежде всего к отчуждению не только от церкви, но и от Христа. И вышло так, что условно христианская Европа оказалась не только идейно-духовно дифференцированной, но и вполне явленно фрагментированной: догматическое христианство, новое христианство, партикулярное христианство, но при этом и упорно нарастающее, — как реванширующее древнее, так и впервые возникающее новенькое, — антихристианство, — и всё это на общем европейском поле — христианское, псевдохристианское, субхристианское, парохристианское, внехристианское и антихристианское, да ещё в переплетении, мешанине, смеси. Реальный кризис официального еврохристианства породил множество противостойных ростков, некоторые из которых не упустили свой шанс закрепиться в европочве и довольно на ней возрасти. Внутрикатолический просвещённый либерализм, затронувший высший клир и даже самих римских пап, привёл к феномену *Ренессанса* — возрождения-де античных, то бишь дохристианских, начал в культуре и всей жизнедеятельности европейца с признанием особой, уже освобождённой от пут природы и опеки Господа Бога, самоценности человека и человеческой личности. Внекатолический протестантизм привёл не к одной церковно-религиозной *Реформации*, очищавшей-де и исправлявшей католицизм, но и к введению постулата о провиденциальном (предопределённом) неравен-

стве людей перед Богом и перед самими людьми, что позволяло одним людям — предприимчивым-де и успешным — не только без зазрения совести эксплуатировать других — неловких и неуспешных, но и отрицать этих последних — вплоть до их физической ликвидации. Протестантизм обеспечил быстрое развитие того, что стало впоследствии называться *капитализмом*, ибо возвысил делового человека и высвободил его денежно-созидательную (экономическую) энергию, подтвердив право делового человека на неограниченную денежную ренту-прибыль-процент. Протестантизм, возвышая делового экономического человека, капиталиста и предпринимателя, легко оправдал и любой *капитал-империализм* вкупе с *капитал-колониализмом*. А победивший атеизм привёл не только к полному торжеству гуманизма с его правом, наукой и техникой, но и к идее *социализма-коммунизма* — бессословного единения людей на почве общечеловеческой совместности и общетрудового солидаризма. И везде тут так или иначе уже мнимый Христос и уже совсем не мнимый антихрист! Итальянцы взяли от Христа идею человека — сына Божиего и, наполнив её кое-чем как бы дохристианским, а на самом-то деле антихристианским, основали и развили ренессансную культуру, подготовив тем самым и англо-германскую религиозную реформацию. Протестанты сделали акцент на человеке-индивиде, на его деловых качествах и возможностях, на его личной амбициозности и агрессивности, сняли регламентационные ограничения в хозяйственной деятельности, в экономике, поставили на экономизм-капитализм (и всё это с Христом на устах и с антихристом за пазухой). Просветители и вовсе стали обходиться без Христа, как, собственно, и без антихриста, потерявшего вроде бы всякое без Христа значение, хотя и вернулись в своих идейно-духовных исканиях к основам первохристианства: свобода, равенство, братство, даже и любовь, причём утверждали свой гуманизм, принявший в один прекрасный момент и образ социализма-коммунизма, как оказа-

лось, в форме этакого светского... sic!.. *антихристово христианства* (мнимого, конечно, самозванного и обманного: на место Христа — Маркс, на место Библии — «Капитал», на место Нового Завета — «Манифест коммунистической партии»). Наконец, европейское антихристианство породило и обратившийся прямо к доантичной древности (друизм, ведичество, жречество) фашизм, не пренебрегший совсем ни античностью, ни христианизмом, ни капитализмом, ни социализмом, ни даже гуманизмом, но зато поставивший на передний план имперско-иерархическое единение избранных сверхчеловеков в рамках большой *над*-человеческой корпорации. Выходит, что Европа, будучи уже условно-христианской, или же не более чем христианизированной, а по сути-то так и не став христианской, обрела зато непревзойдённую способность инициировать — исходя в чём-то из Христа, но опираясь, в основном, на антихриста — различные совершенно человеческие *проекты* — причём и совершенно секулярные тоже — чего не могли, да и просто не желали делать ни Азия, ни Ближний Восток, ни Северная Африка, не говоря уже о застывших в «доистории»-де культурах — вроде двух Америк (ещё доамериканских), Африки или той же Австралии.

445

Не сделав Европу подлинно христианской, но зато позволив вольно или невольно выжить и усилиться разнообразному антихристианству (в том числе и в лоне самой церкви), христианство допустило стихийно или намеренно, во всяком случае провидчески, если вспомнить те же библейские или евангелические пророчества, проективно созидательное, но при этом и проективно разрушительное бытие внешне христианизированной, а внутренне очень уж антихристианской Европы, превратившейся в очаг всевозможного социально-хозяйственного и культуро-цивилизационного проектирования, вполне уже и *масонского*. Христианский проект, который

возник скорее всего не с самим по себе явлением Христа, а позже, уже как послехристовое проективное начинание — с созданием тех же Евангелий, перешёл так или иначе при взаимодействии со сложной европейской реальностью — вовсе не тотально и весьма пассивно восприимчивой, но зато локально активной, инициативной, творческой — в сонм европейских проектов, среди которых почётное нововременское место заняли: *ренессанс* с его гуманистической культурой и правовой цивилизацией; *просвещение* с его позитивной философией, точной наукой и всеильной техникой; *экономизм* с его монетаризмом, капитализмом и финанризмом; *либерализм* с его индивидуализмом, гражданскими свободами, правом частной собственности, секуляризмом и демократией; *неоимпериализм* с его колониализмом, евроцентризмом и евроглобализмом; *социализм-коммунизм* с его секулярным возвратом к общинности (нечто вроде первохристианских общин, но без Христа, хотя с Марксом и Лениным); *фашизм* с его беспрекословным вождизмом сверхчеловеков, настоящим корпоративизмом избранных и возвысившихся, как и со столь же беспрекословным рабством обречённых, подавленных и униженных. Возникло и возникает до сих пор в Европе (теперь более уже в США) ещё много разных проектов, хотя более всего, конечно, подпроектов, парaproектов и клонопроектов, что свидетельствует о необыкновенной проективной, разрушительно-созидательной, инициационной способности Европы, переданной ей в наследство древним Средиземноморьем (Египет, Вавилон, Древняя Греция, Александрия, Рим, даже и Карфаген с Иудеей) и поощрённой так или иначе столь же средиземноморским христианством. Христианский проект захватил Европу, как бы накрыв её собою, заметно её и переформатировав, но по сути и в целом никак не преобразив по подобию Христа: Европа осталась... Европой — звероподобной в глубине своей, языческой, античной, дохристианской, финикийской, империальной, антихристианской. И объявила в конце концов,

сбросив с себя церковно-христианские путы, не что-нибудь, а *Новое время, Новый мир, Новое человечество!* Страшно всё это или не очень, но не Христос одолел Европу, а Европа, нет, не одолела — это никому не под силу, а всего лишь... обошла... Христа, впав в апостасию и очутившись... в цепких объятьях антихриста. Факт! *Христос и антихрист!* Что до Христов антихрист, против которого пришёл к людям Христос, что около-Христов, обеспечивший как бы бытовую ликвидацию Христа, что после-Христов, взявший верх, пусть и временно, над христианством и Церковью Христовой. И обо всём было уже сказано, всё это прозорливо предвидено — прямо в писаниях библейских! Странно — удручающе и вдохновляюще, волнительно и тягостно, но ведь факт же!

446

Фактом стала и *российская революция*, заявленная сначала как вроде бы гуманно-либерально-демократо-экономическая (февраль 1917 г.), а затем вдруг получившая внезапное продолжение как уже безбожно-диктато-советско-социалистическая (пролетаро-де-общинная, антиэкономическая) (октябрь того же 1917 г.). Как и любая искусственная революция, совершаемая в неготовой для ясных и эффективных перемен стране, российская революция отличалась необыкновенной химеричностью. Одна была ясность в этой революции — *конец самодержавия!* Всё остальное в революции (устройство, образ бытия, способ хозяйства, идеология, путь, перспективы) пряталось в тени, если не покоилось в темени, что и позволило не только повыскакивать на свет разным, в том числе и чисто бесовским, проектам, но и повыпрыгивать проектам-химерам — либо нереалистическим и утопичным вроде «пролетарского социализма» или того же «вольного анархизма», либо соединявшим в себе явно несоединимое (евролиберализм, к примеру, с антилиберальной — либо подданнической, либо же бунташной — евразийской средой). Не было в

русской революции ни сколько-нибудь общей — созидательной и перспективной — идеи; ни явно доминирующей, опять же созидательной и перспективной, к тому же и вполне вмещающей движущей силы; ни внятного и адекватного для огромной империи социально-политического, к тому же ещё и непременно государственного проекта. Отсюда воцарились стихия, раздраз, растерянность, взбадриваемые пустословием, пустоделием, пустоголовием, в общем — всё, кроме явного системного проекта и эффективного общего дела. Царя-то свергли, от государственности царской отказались, а вот *царь-проекта* так и не выдвинули! И большевики, эти крайние социалисты-коммунисты, ничего, кроме туманно-иноземного и плуто-антирусского марксизма и идеи «пролетарской революции» (какой-такой «пролетариат», какая-такая «пролетарская революция», какое-такое со стороны пролетариев эффективное управление, какая-такая власть пролетариата и ради чего в конечном итоге «пролетарская диктатура» вкупе с пролетарским-де террором?) не выдвинули, то бишь не выдвинули ничего воистину конструктивного, хоть и захватили власть, и установили-таки диктатуру революционного в их понимании интернационального меньшинства над архаичным-де, по преимуществу русским, большинством, и пошли на притеснение, ограбление, уничтожение либо вовсе «нетрудовых», либо «не-так-трудо-вых», либо попросту «непролетарских», ещё и «не-прогрессивных», классов, и вызволили тем самым наиболее безумнейшую и кровопролитнейшую смуту-войну, которая вовсе не была какой-то там гражданской войной, а была попросту яростной междоусобицей, очень смахивавшей на Армагеддон, на войну всех против всех. То, что февральцы стремились к Европе и всему европейскому: гуманизму, либерализму, демократизму, экономизму — это понятно, ибо представляли собой Европу в России, были откровенными западниками и устроили, будучи ещё в основном и масонами, вполне западную по задачам, манере и целям революцию — так сказать, цивилизо-

ванную революцию ради смены архаичной-де цивилизации на, де, прогрессивную. Февральцы метили в Царя и Царскую Россию, не очень-то думая о самой по себе России, которая, освободившись от царя и царской власти, быстренько и забродила архетипно, да и забунташила, покинув ненавистный российско-европейский, он же и русско-германский, фронт и принявшись за смуту, разбой и распад. Февральцы то ли забыли про Империю, то ли и в самом деле метили именно в Империю, но Империя в лице её подимперского народа от них быстренько отшатнулась и пошла во вполне естественный разнос. Отдельные и в общем-то неуверенные попытки февральцев удержать страну от смуты, разбоя и распада ни к чему позитивному не привели — начался именно *Разнос*! Большевики и явились у власти как раз в момент этого гнусного разноса, благодаря ему и вроде бы даже против него. Но... что же они предложили? Нет, не один только властный переворот, за которым могла бы последовать работа по восстановлению имперского порядка, разумеется, уже обновлённого, а гораздо большее — всеобщий, глубокий и дальнбойный *Переворот*, но не одной только властной системы, а и самой страны, всего её социума в целом, кончая не только с Российской империей и выросшими в ней сословиями и классами, но и с самой Россией, включая православность и русскость.

447

Да, февральцы были западниками, но всё-таки российским западниками, и мечтали они об окончательно европеизированной России, может, даже соединённой «по-братски» с Европой в рамках единой европейской цивилизации. Но Россия-то была вовсе не западной страной, хотя и весьма верхушечно и поверхностно вестернизированной, она была всё-таки Россией, чего и не учли февральские визионеры, возвращаясь фактически к Никону, Петру Великому и Александру II. Россия не ответила вроде бы отказом, поучаствовав в «учредилов-

ке» (выборах Всероссийского Учредительного собрания, призванного было определить государственный образ России, уже не империи, да образцово-показательно разогнанного захватившими власть «леваками» во главе с большевиками-ленинцами), но перейти к прозападному бытию Россия, полная до краёв русским в основном крестьянством и русским же нижним городским людом, не могла, да и не хотела. Страна уже не желала ни воевать за «чуждость», ни подчиняться всё тому же дворянству с чиновничеством, ни идти за «буржуями». Февральцам не удалось увлечь за собой Россию, которая чаяла всё-таки несколько *иного*: всамделишных свободы, равенства и братства, а также исконных правды, справедливости, честности, как раз всего того, что даже не пыталась дать стране февральская власть. Ни тебе земельной реформы в пользу трудового крестьянства, ни тебе собственнической справедливости, ни тебе реальной отмены привилегий, ни тебе новой действенной государственности, ни тебе смены устаревших и ненавистных в народе управленцев, ни тебе социального лифта, ни тебе ликвидации безграмотности, в общем — никаких радикальных и решительных мер навстречу чаяниям позитивно-созидательной и вполне патриотичной части российского населения. Революция сверху в интересах, скажем так, верхней части середины явно не удалась! Тогда-то и пошла революция снизу, но уже в интересах нижней части середины, разумеется, под водительством разного рода деклассированных выскочек, впрочем, изрядно для этого заранее подготовленных. Революция слева перехватила инициативу у революции справа, хотя сама Россия была не правой и не левой, а какой-то срединной, не мечтавшей ни о капитализме, ни о социализме, ни о новой России. У левых была своя сверхзадача — не только свернуть Империю с Россией, но и создать в никакой уже стране действенный очаг Мировой революции, предназначенный для перевода человечества в состояние однообразного — коммунистического-де — человеиника. Но чтобы укрепиться в

России, человеконный Интернационал, составленный из денационализованных и деклассированных революционных элементов Европы, Азии и Америки (поддерживаемый и направляемый из среды и сильных мира сего!), не мог не опереться на аборигенных революционеров, в составе которых оказалось и много (слишком даже много!) российских инородцев — антиимперцев, а заодно и антироссийцев, а эти аборигенные революционеры, далёкие от цивилизационной сентиментальности февральских правых, немедленно пошли навстречу «народу», удовлетворяя его ближайшие желания: «Декрет о мире», положивший конец войне, пусть и с последующей аннексией в пользу всего лишь недобитого Россией врага огромных территорий (по зловонному Брестскому миру); «Декрет о земле», ликвидировавший помещичьи владения и передававший бывшие дворянские земли в руки крестьянства; создание во всей стране новых органов власти — Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; национализация частных промышленных, транспортных и торговых предприятий с учреждением рабочих комитетов, наделённых правами контроля и управления; учреждение комитетов бедноты на деревне с предоставлением им немалых властных полномочий; отмена всяких имперско-феодальных привилегий с фактическим поставлением вне закона «эксплуататорских слоёв»; опора на массы с обещанием новой — счастливой — жизни, некоего воплощения «царства божиего» прямо тут — в России, а потом и по всему миру: с исключительно трудовым бытием, лишённым социальных иерархий и эксплуатации человека человеком, насилия человека над человеком, паразитизма, хищничества, криминала, войн, национализма и расизма, а затем и государства, и государственных границ, и наций, и семьи, в общем — с обществом полной свободы, всеобщего равенства и вполне прочувственного братства, да и не в лукаво-буржуазном, как это было в Европе, а в честно-пролетарском-де исполнении.

Всю Россию, конечно, такая революция не завлекла, но заметную часть — несомненно! Даже многих «раскаявшихся» и перешедших на сторону «народа» дворян, офицеров, чиновников, интеллигентов, учёных, инженеров, предпринимателей, бывших священников, «крепких» крестьян, короче — многих, очень многих из «лучших» людей — грамотных, образованных, профессиональных. Не выдавая своих истинных целей относительно России, левый Интернационал вместе со своей внутрироссийской агентурой, сумел-таки пойти навстречу... э-э... всё-таки более православно-житейским, чем каким-то там социалистическим, чаяниям трудового люда, патриотически настроенной части общества, как и нацеленного на творчество и профессионализм образованного класса. Тут была очень сложная игра — и надо отдать должное В.И. Ленину и его последователям, что они, сами ещё не вполне уверенные в утопии своего утопизма, всё-таки сумели услышать перевертываемую ими нещадно реальность и не пренебрегли адекватной на её позывы реакцией. Так и вершилась эта во всех отношениях странная, совершенно внезапная и в общем-то невозможная революция: между надуманной ирреальностью и фактической реальностью, которая, вроде бы приняв поначалу и частично долгожданные интенции, продемонстрированные левым революционерством, не могла не отреагировать на всё это жуткое в общем-то революционное варево нарастающим сопротивлением. Сначала поднялась прямая контрреволюция, как бы консервативная, за ней потянулись параревolutionные альтернативы — как сочувствовавшие текущей революции, так и ей явно противодействовавшие, наконец, поднялась и всеобщая смута: страна, распавшись на враждебные друг другу идейно-политические, собственнические и территориальные локалии, угрожающе для самой себя и вызвавшей смуту революции сперва глухо зашумела, а потом и громко забурлила, погрузившись в тотальное междуусобие. Вполне автор-

ская — вовсе не народная — революция оказалась вдруг под большим вопросом! Революцию не принимала не только ещё остававшаяся в стране предреволюционная реальность, но и реальность уже совершенно новая — революционная, а лучше бы сказать *при-* или же *под-*революционная. Революция натолкнулась на ею же самую порождённую смуту, которая, будучи вроде бы революционной, от революции возникшей и ей же служившей, несла в себе не одно лишь сопротивление революции, но и мощный стихийно-разрушительный заряд, угрожавший не одной только революции, но и самой России. Революция, мягко выражаясь, вляпалась, и вляпалась она в своё собственное произведение — в лихорадочно переделываемый ею российский мир, который как подхватил в части своей предложенное ему революционное безумство, двигая вперёд спровоцированные революцией перемены, так и ответил ожесточённым сопротивлением всем этим придуманным где-то и кем-то «преобразованиям», частично, может, и оправданным, даже и справедливым, но по большей части совершенно, знаете ли, идиотическим!

449

Революция, вдруг ставшая из белой красной, немедленно вспомнила о своей замечательной французской предшественнице, хоть и не социалистической вовсе, а более всего буржуазной — плебейской, ответив на угрозу себе массовым — немедленно ставшим и беспощадным — террором — *красным террором*, прямо-таки в клоновое подражание кровавым французским революционерам, чем поначалу подлила масла в огонь российской смуты, вызвав откровенную братоубийственную войну, ещё более осложнив при этом и своё собственное положение, а затем, добавив к террору жесточайшую тотальную системную диктатуру, одержала-таки победу над всеми своими принципиальными и альтернативными противниками, как правило, столь же беспощадными, что и сама

красная революция, а потом, уже вроде бы окончательно победив, революция принялась не менее жестоко и беспощадно расправляться... *сама с собой*, ища во внутриреволюционной схватке властно-приоритетных путей пореволюционного бытия с возможностью уцелеть, выжить и править, править, править! Революционный отбор, вполне и дарвиновский, продолжался и после отражения контрреволюции, но теперь он шёл среди победителей — за победу одних победителей над другими, ибо всем победителям в единогласии сойтись было никак невозможно: краснота их была разная, ожидания относительно будущего тоже разные, а стремление к главенству, наоборот, у всех было одинаковое. Хочешь, не хочешь, а выходило одно: схватка уже не за революцию, а за власть, а вместе с нею и за саму жизнь! Не соединительное тут «и» в приоритете, а разделительное «или»: или-или, либо одни лéво-красные, либо другие, но никак не все вместе. Таков закон любой революции — закон мировой революции! Красная революция вкупе с революционным же междуусобием ещё долго продолжалась, пока сначала верх не взяла к началу 1930-х гг. *сталинская* партия в большой революционной партии — ВКП(б), как бы национальная субпартия, более, скажем так, лояльная к своей стране, рассматривавшая СССР не как базу мировой революции, а как оплот «одностранового» социализма, а потом и не был в целом, хотя и вчерне, завершён *сталинский проект* новой страны — уже к концу 1930-х гг. партия неистового Троцкого, она же партия Интернационала, как и, хоть это и странно до сих пор звучит, партия «мечтателя» Ленина, оказалась в проигрыше и были подвергнута... э-э... революционной ликвидации. Ленин как знамя революции и символ нового строя устоял, но... в реальности у Сталина и сталинистов ничего существенно ленинского, как и существенно марксистского, не было. Сталин со товарищи, в отличие от кабинетных Маркса и Ленина, утопизмом не страдал и строил совершенно реальный *тотальный этатизм*, не имевший ничего общего с

марксистско-ленинским учением. Будь Сталин верным марксистом-ленинцем, он никогда бы не стал реальным властителем... *Сталиным!* Тут была измена марксизму-ленинизму, но при этом и измена... без измены, ибо марксизм-ленинизм никуда — на словах и с языка — не делся — как священное писание (вроде того же Ветхого Завета), как идеологическое прикрытие, как оправдательная предтеча, а потому здесь был лишь отказ от явного марксистско-ленинского утопизма, включая и главенствовавший некоторое время утопизм интернационалистический, как и отказ от фальшивой пролетарско-интернационалистской антигосударственности в пользу реальной национальной государственности, ещё и со скрытой от глаз и ушей имперскостью, хотя и уже не царской, не буржуазной, не феодальной, даже и не российской, а... тут-то и вопрос... не пролетарской же буквально, не коммунистической в полном смысле этого слова, а... да-да... национально-государственной, а ближе к реальности — номенклатурно-большевистской, хотя поначалу об этом и не помышляли, но реально-то опирались на сталинскую большевистскую партию («орден меченосцев», по признанию самого Сталина), на контрольно-репрессивные органы, на главенствовавший в стране государственный аппарат. Подавив сопротивление всех и вся, Сталин со товарищи, среди которых оказалось немало и национально настроенных бывших бундовцев (членов Всеобщего еврейского социал-демократического союза — БУНДа, самоликвидировавшегося в 1921 г. и частично вошедшего в ВКП(б)), построил режим партийно-энкавэдэшной диктатуры, в центре и во главе которой стоял большевистский Кремль с уже единственным и непререкаемым вождём — *Сталиным!* Вождь, партия и государство настолько слились тогда в одно управленческое целое, что не было уже никакого сомнения в том, что воцарившийся в стране режим был также и режимом практически безраздельной личной диктатуры. Сталин не был ни царём, ни императором, ни вообще никаким самодержцем,

он был... *вождём* — ведущим, но и вожделенным, и обладавшим такой по объёму и силе властью, которой мог похвастаться разве лишь Пётр Великий, да и то лишь в период расцвета своего гнетущего и будоражающего правления.

450

Нет, Сталин вовсе не узурпировал сам для себя власть, не сделал сам себя вождём партии, государства и народа, не поставил сам себя в положение диктатора — непреклонного, деятельного и жестокого, хотя без его личной инициации и личного участия тут, разумеется, не обошлось. Сталина сделала сама История — как глубинная российская, она же и имперская, так и ближайшая революционная. Сталин первым из большевистских вождей сообразил, что на путях кабинетно-библиофильского марксизма-ленинизма (вполне и наивно-утопического, хоть на практике оказавшегося и зверски непреклонным) ничего дельного, устойчивого и перспективного построить было нельзя — и в этом плане Сталин выступил как реальный противник неосуществимых социал-коммунистических идеалов, хотя в то же время он, этот безвестный выходец из беднейших слоёв втройне провинциального городка из окраинной Грузии, не отказался от проекта создания всё-таки особого общества, пусть и с управленческой иерархией, но — и это главное! — без частной собственности и частной эксплуатации человека человеком, в общем — общества исключительно трудящихся, в котором партийный функционер и государственный чиновник тоже входили в разряд трудящихся, следовательно, Сталин не отказался от проекта общества без нахлебников и паразитов, а посему не отказался и от марксистско-ленинской — пролетарской-де! — риторики, хотя и стремился приблизить её к текущей и перспективной реальности. А реальность эта, увы, требовала не смуголенных свобод, а решительных мер по наведению порядка в стране и её преобразованию не так даже из несоциалистической в социали-

стическую, как из по преимуществу аграрно-крестьянской в преимущественно индустриально-пролетарскую. Это-то Сталин понимал лучше всего: без современной индустрии, а точнее, без *ускоренной промышленной революции*, стране попросту каюк, а сделать это, как показал отрицательный для широкомасштабной индустриализации опыт нэпа, можно было только усилиями (сверх- и даже мегаусилиями) тотально огосударствлённого, закрытого для частных внешнеэкономических инициатив и неконтролируемой трансграничной миграции населения (специалистов, прежде всего), отобилизованного и армейски управляемого трудящегося общества, лояльного к дисциплине, тяжёлому, упорному и самоотверженному труду, к низкой, скромной или не очень уж высокой оплате труда и, в общем-то, к аскетическому образу жизни (не без кое-каких исключений, конечно). На место частной эксплуатации труда Сталин поставил эксплуатацию общественную, а точнее — государственную, что-то очень близкое пресловутому «азиатскому способу производства», когда-то очень неловко зафиксированному К. Марксом, — и сделал это Сталин с убеждением трудящихся в том, что они трудятся *на себя*, а не на государство, что, в общем-то, соответствовало чаяниям того же Карла Маркса. И Сталину со товарищи удалось многого добиться, разумеется, не без участия иностранного капитала и зарубежных спецов, в первую очередь из США (своей бурной индустриализацией СССР в 1930-е гг. фактически спасал американцев и европейцев от охватившего западную экономику острого долговременного кризиса). Достижение воистину грандиозных целей промышленно-урбанистического переустройства страны за короткий срок не могло произойти без... обильных... жертв — не столько даже материально-потребительских, сколько трудо-человеческих. Здесь не один лишь пониженный и насильно сдерживавшийся жизненный уровень населения, не только общее дисциплинарное давление и понуждение к невысокооплачиваемому труду, но и самые

настоящие репрессии, причём не только против уклонистов от праведного труда или же против каких-нибудь закоренелых махинаторов, но и против трудового крестьянства (насильственная коллективизация с расправой над «кулаками», а частично и над немалым числом справных крестьян — «средняков»), против лиц умственного труда: специалистов, учёных и деятелей культуры, не говоря уже о партийных и административных работниках, причём не так за упущения в работе, безделье или коррупцию, как за инакомыслие, противление, чуждость, а то и вовсе без всякой на то видимой причины. Новое устройство страны возникало не только под идеологическим (как бы марксистско-ленинским) прессом, но и под прессом откровенно репрессивным (террорным), что не означало, что все попадавшие под репрессии были совсем уж невинными, но что означало, что каждый в стране «гражданин» оказывался не только в ранге потенциально виновного — при этом *ни за что!* — а был реально виновен уже самим фактом своего личного, а уж, тем более, личностного, бытия. И дело тут не столько в количестве репрессированных, сколько в самом по себе тягостном прессе, подвиснувшем между небом и землёй над вроде бы послереволюционной, но всё ещё «граждански» воевавшей, страной. Не красные теперь шли на белых, даже не одни красные на других красных, а сама власть шла на всех сразу, в том числе и на участников самой власти. Сегодня ты вроде бы гражданин, каких много, а завтра, глядишь, уже и враг народа, каковых тоже оказывалось много, хотя были и реальные враги режима, и враги лично Сталина, и враги мобилизационной государственности, и враги навязанной сверху более чем странной, но всё-таки захватившей большие людские массы прогрессивной-де идеологии, и враги строящегося социализма, хотя были и всякого рода оккультисты, конспираторы и извращенцы, и ошарашенные священники с чересчур экзальтированными прихожанами, и недобитые старорежимники (дворяне, купцы, интеллигенты, офицеры), и про-

сто неумехи и разгильдяи, как и сами усердно служившие режиму репрессанты, дожидавшиеся своей репрессивной очереди, в общем, в разряд врагов народа попадали всякие персоны и любые массы — в чём-то виновные, в чём-то на взгляд режима запятнанные, чем-то режиму не угодившие, в чём-то режим не устраивавшие, а то и почему-то жестоким роком вдруг врагами назначенные. Отсидки, ссылки, трудовые лагеря, расстрелы! Социалистическая революция избавлялась от противников, «попутчиков», «старья», вообще всякого «хлама», а главное — от несогласных, не подходивших, не вписывавшихся. Чистка! И режим вовсе этого не скрывал — в социализм должны были вступить лишь отборные: трудоголики, верно-подданные, лояльные, единомышленные. И тут было не только избавление от идейных и «дельных» врагов, реальных и мнимых альтернативщиков, всяких там свободолюбцев и жизнелюбцев, иноверцев и диссидентов, но была и выработка совершенно уже нового человека — *советско-социалистического*, охваченного правильным общенародным мировоззрением и увлечённого столь же правильным общенародным делом, как и готового к любой личной жертве, включая и самой своей жизнью.

451

И за режимом... пошли, очень даже многие пошли, становясь не только советскими и социалистическими, но и... напрямую... *сталинскими*, безоговорочно Сталину верившими и не без удовлетворения его режиму служившими, как и с решимостью собою жертвовавшими. Здесь вроде бы загадка, ибо от одного репрессивного страха продуктивно не заработаешь, ничего нового не создашь, экзистенциального энтузиазма не получишь, но загадка всё-таки разрешимая. И дело тут не в одной коммунистической (большевистской и сталинской) пропаганде, хотя и в ней тоже (внедрение новых слов, новых текстов, новой речи; обновление сознания, его социализация,

обобществление, но при этом и очищение, возвышение; внушение — «кто был ничем, то станет всем»; обещание новой жизни, совершенно гуманистической, без иерархий, частной собственности и эксплуатации; акцентированное внимание к труду, техническому творчеству, образованию; подчёркивание человеческого достоинства, упор на мораль, на честность, на гражданственность, на героизм), — дело тут было и в позитивном отклике со стороны изрядно настрадавшегося от смуты, междуусобицы, бедствий и лишений, вопиющих неравенств и всяческих невозможностей не только широких людских масс, но и многих элитариев, увидевших в сталинском режиме не одно лишь восстановление государственного порядка, но и кое-какие реальные перспективы для себя и всей страны, в особенности по части обновления изрядно уже замшелого при царизме текущего бытия, модернизации хозяйства, преодоления бытового бескультурья, энергичного и неуклонного движения по пути научно-технического прогресса, индустриализации, разнообразного строительства, достижения всеобщей занятости, утверждения массового и специального образования, становления профессионализма, открытия социально-культурного лифта. Решительная борьба с криминалом, любого рода коррупцией, мздоимством, протекционизмом, паразитизмом, регулярное хождение властей предержащих в народ, прославление героев, внимание к трудовым достижениям, к школе, литературе, искусству, возвышение простого человека (простеца, по-старому), ограничение любого произвола (кроме, разумеется, репрессивного), контроль за элитой, партийным и государственным аппаратом, директоратом и т. п. «вещи» не могли не встретить сочувственного одобрения среди прежде всего трудящегося, законопослушного, лояльного к государству и действовавшей власти населения. Социально-государственные ценности, называвшиеся советско-социалистическими, проникали в сознание людей и шаг за шагом им овладевали. Тоталитаризм, диктатура и вождизм, куль-

ты партии и марксизма-ленинизма, даже безапелляционный культ личности Сталина никого особенно не смущали, ибо шло общее, массовое, целенаправленное, а главное — действенное, преобразование жизни, явно уведившее человека от «затхлой» истории, если уже не предыстории, человечества. Простым людям сталинский курс попросту imponировал, «лучшие» люди на него соглашались, находя для себя место в управлении, директорате, армии, науке, технике, культуре. Сталинское время — время не одной только массовой — как принудительной, так и энтузиазменной — работы, но и время явления необыкновенных шедевров — в управлении, хозяйстве, армии, науке, технике, культуре! И тут, пожалуй, самое главное: сталинскому режиму с его созидательной практикой и новой «просточеловеческой» идеологией удалось попасть, прямо как терапевтической иглой, в некую метафизическую точку, точнее, в центр ядра, сплетения, очага, обычно в устойчивых системах сдерживаемых, прикрытых, инертных, как бы дремлющих, но накапливающих и содержащих в себе огромную созидательно-экспансионную потенцию, ждущую для себя подходящей разрядки. Что-то подобное и произошло в СССР, при ВКП(б) и Сталине, но... непременно в ходе целенаправленной, радикальной и долговременной революции и по результатам ожесточённой гражданской междуусобицы, обеспечивших отрицание сдерживавших указанную потенцию социальных структур и устранение противодействовавших её раскручиванию сил (как для России внутренних, так и внешних). Большевикам со Сталиным, как и Сталину с большевиками, удалось сотворить несоизмеримо больше, чем Петру Великому со своими деятельными «птенцами» и исполнительными преображенцами, не говоря уже об Александре II Освободителе — явном «эволюционере». Накопленная ещё царской Россией, шаг за шагом реформируемой, но до конца так и не освобождённой от пут закосневшего самодержавия, одряхлевшего феодализма и вымороченной синодальной Церкви,

национальная созидательная потенция нашла весьма эффективное, хотя и весьма в ряде аспектов затратное, разрешение в связи и по инициативе как раз сталинского режима, пусть авторитарно-тоталитарного, жёсткого и жестокого, потогенного и кровавого, но оказавшегося тем не менее приемлемым для как бы ожидавшей его созидательно-исторической страновой энергии. Чудо, да и только!

452

Действительно — *чудо!* — обязанное своим появлением странному и в общем-то невозможному на первый взгляд симбиозу между: 1) отверженным на словах, но безусловно сохранившимся в народонаселенческой среде и решительно проявленным вдруг в созидательно-турбулентных обстоятельствах народным православно-христианским, можно сказать — и русским, духом; 2) восстановившейся и достаточно уже прочной государственностью, пусть и иначе, чем прежде, реализовавшей и именовавшей; 3) высвободившейся из-под гнёта косности, невнимания, непонимания и условностей трудо-творческой потенции российского народа; 4) обращённой к народу в целом, а не к какой-то его части (классу, сословию, «верху»), целостной социальной проективностью, пусть кое в чём и утопической, но в значительной мере и достаточно реалистической: одно дело — «царство коммунизма», заменявшее собой «Царство Божие на земле», совсем другое — текущая ликвидация безграмотности, всеобщее школьное образование, комплексное высшее образование, всеохватывающая индустриализация, масштабная урбанизация, эффективная наука и передовая техника, модернизация армии, культурная революция (вроде бы атеистическая и антицерковная, но вовсе не отвергшая той же христианской морали, вроде бы соцреализменная, но не распрощавшаяся насовсем с классическим наследием, наоборот, базировавшаяся на культурной классике и её даже продолжавшая). Особенно поразительным оказалось

сочетание имперIALности, социализменности и... православности, хотя строяемый образ жизни носил вроде бы совершенно светский, секулярный, гражданский характер. Многие в сталинском устройстве бытия было взято вовсе не только от армии, но и от Православной церкви (иерархия, единоначалие, авторитетность, ответственность, послушание, аскетизм, мораль, уважение традиции, регламентация, ритуальность, догматика, съезды (соборы), наличие непререкаемых писаний, даже такой момент, как регулярное песнопение). Несомненной удачей режима было его прямое обращение к народу, уважительное отношение к трудящимся и творцам, правда, политически к режиму лояльным. Вождь, член правительства и рабочий с крестьянином состояли в одной и той же *партии*, хоть и построенной иерархически (прямо как в Церкви или в тайном масонском обществе), но по составу вполне демократической. Режиму удавалось сочетать несочетаемое: диктатуру одного лица — вождя с диктатурой управляющего центра, диктатуру управленческого аппарата с привлечением к его легальным делам масс населения, а строгое командование сверху с убедительной дисциплиной снизу. Режим не ушёл от фактора веры — в тот же гуманизм-коммунизм, в царство светлого будущего, а весьма эффективно им воспользовался. Формально и на словах режим был строго секулярным, ещё и сциентическим, но по сути и на деле вовсе не был лишён метафизической окраски, мало в чём уступая обычной религиозности. Отсюда и лояльность к режиму со стороны покорённого и завлечённого им народа, пусть и поначалу вынужденная, затем в значительной мере компромиссная, но всё-таки лояльность, включая и оставшуюся в стране Православную церковь вместе с иными религиями и учреждениями, а также достаточно действенный союз между властью и народом, по крайней мере его значительной частью, а не просто симбиоз, как и мощнейший выброс созидательной энергии со стороны как управленцев, так и управляемых, и, наконец, само явление посреди бела дня

вполне реального *советско-социалистического чуда*: от сохи и телеги к развитому индустриализму, обозначившемуся созданием атомной бомбы и вырывом в космос, — и всё это за какие-нибудь четверть века!

453

Сталин, конечно, был революционером и революционером большевистским, бывшим и оставшимся в социал-коммунистическом и марксистско-ленинском мейнстриме, но, идя к власти, ставшей затем фактически и личной, он выступил не столько даже реформатором приоритетного для большевиков течения мысли и практического проекта, сколько их ненайвым отрицателем, разумеется, более не на словах, а на деле, ибо хорошо когда-то сообразил, что без имперской государственности и её связи с традицией, то бишь и с реальностью, ничего у мейнстрима, у партии и у него самого не получится. Сталин очень вовремя отыграл назад и в сторону, не свёртывая насовсем идеологического мейнстрима, его в целом риторически устраивавшего, но сопроводив его тем, что как раз отвергалось идеологическим и утопическим духом мейнстрима. Мало того, что он выступил фактически антимарксистом, а в чём-то и антиленинцем, но ещё и ортодоксальным антиреволюционером, построив то, что можно было бы назвать государственным социализмом в имперской форме — *империл-социализмом*, как раз тем самым «казарменным социализмом», против которого, полемизируя не на жизнь, а на смерть с К. Марксом, активно выступал когда-то анархист М. Бакунин. Нет, нельзя сказать, что Сталин тут сильно противоречил на словах Марксу и Ленину, но то, что он не следовал слепо на деле ни тому, ни другому, это уж факт: Сталин был и оставался *Сталиным!* Но вовсе не потому, что он лично был другим, хотя и это тоже имело место, а в том, что он, во-первых, быстро осознал многую утопичность и надуманность мейнстрима, во-вторых, вышел к власти в момент

расцвета в границах России самого настоящего апокалипсиса, преодолеть который, что он тоже хорошо понимал, можно было только апокалиптическим же образом: решительно, радикально, диктатно, деспотически, репрессивно, беспощадно, кроваво! Апокалиптические кони — рыжий, несший раздор и братоубийство, и бледный, несший ад и смерть, слишком уж разыгрались на просторах России, угрожая стране самоуничтожением, их следовало немедленно укротить и загнать в преисподнее стойло, а для замирения войны и восстановления жизни выпустить вперёд коня вороного, несшего меру, и понадеяться на коня белого, несшего победу и венец! Не Сталин сам по себе — а Сталин, заметим, это вовсе не Иосиф Джугашвили, а некий метафизический феномен в образе большевистского вождя и в функции красного диктатора — придумал российско-советский апокалипсис, не он сам по себе выпустил на простор коня рыжего и коня бледного, не он сам по себе решился на апокалиптическое же преодоление адово-смертоносной «жижи», в которой оказалась страна, как и не он сам по себе возжелал диктатуры, террора, репрессий, подавления, ликвидаций, чистки, хотя, конечно же, фактически безродный горийский мальчик, юноша-семинарист и начинавшийся поэт, молодой бунтарь и стойкий боевик, зрелый подпольщик и непреклонный профессиональный (!) революционер, а затем и конспирологический управленец и харизматический — задумчивый и немногословный — вождь, к тому же ещё много читавший, много писавший и во что-то *важное* явно посвящённый, вполне подходил для выпавшей на него исторической роли, которую он к тому же и сам себе выбрал, да что выбрал... начертал! Так сошлось воедино личное, коллективное, массовое, всё текущее, ситуационное и плывущее историческое, ежели при этом и не вечное тоже, — и вышло то, что вышло — *сталинизм, сталинский социализм, сталинская империя, сталинская цивилизация, сталинская эпоха*, а вместе со всем этим и... *сталинское чудо!*

Да, не потомственный или хотя бы наследный самодержец, никакой не представитель правящей династии, даже не аристократ, не крупный феодал и не известный победоносный полководец, а всего лишь... грузинский (вовсе не великоросский!) протест, вполне по происхождению и ничтожный (ниже было лишь подзаборье), а подишь ты — большевистский вождь великой страны, «отец народов», ещё и «вождь мирового пролетариата», неформальный, хоть и кое-кем оспаривавшийся, глава всемирного коммунистического движения! Ох-хо-хо, разве такое бывает? Оказывается... бывает! А всё благодаря Революции, мировому революционному движению, набросившимся на погрязшую в капитал-эксплуатации демократическую Европу и на сполна уже устаревшие, хотя ещё и не совсем одряхлевшие, европейские монархии. Нет, Революция вовсе не достигла своих благородных целей: свободы, равенства, братства, или того же торжества всеобщего труда без эксплуатации и паразитизма, но... мир-то в целом перевернула, конечно же, в сочетании с Мировой войной, которую никак не отделить от Мировой революции, как не отделить Мировую войну от Мирового империализма, как и саму Революцию не отделить от Мировой войны и Мирового империализма. Восставшие низы, как и победившие в войне армии, ударили тяжёлым молотом по части господствующих верхов, и верхи эти, в целом, конечно, уцелевшие, явились уже в иных составах, образах и персонажах, а в России так и совсем уж в иных, ибо рекрутировались прямо из средне-низовых слоёв. И победил тут в конце концов Сталин со своими сталинцами, состоявшими лишь частью из русских, а в значительной мере и из угнетённых-де нещадно при царе-батюшке инородцев. Так что покончено было в России не с одними Романовыми вместе с их злополучным дворянством и давно выжившей из державного ума *полу-, псевдо- и недо-*русской аристократией, но и с... государственной великороссией тоже, — и страна перестала

быть лично русской, даже и российской, хотя русскость насовсем не исчезла, уйдя куда-то с глаз долой — в глубину, в Навь, а российскость осталась лишь формально в паспортах этнических русских да в названии самой большой и холодной из придуманных большевиками-интернационалистами «союзных республик» — РСФСР (Российской Советской Федеративной Социалистической Республики). Формально СССР (Союз Советских Социалистических Республик), возникший на месте Российской империи и, кстати, вместо своей столь же надуманной предшественницы РСФСР, не был уже номинально ни империей, ни тем более российской империей, хотя по сути оставался и империей (теперь уже социал-империей), и российской (по особенностям организации и форме бытия — та же административность, та же армейскость, та же ордынщина, та же неЕвропа). Так что Сталин был по сути императором, ВКП(б) была партией вполне имперской, страна оставалась тоже имперской, да и вся внутренняя и внешняя политика была имперской. Третий или нет, но это был Рим, во всяком случае наследный Третьему Риму... очередной Рим, но вовсе не какой-нибудь четвёртый, а всё тот же... Третий, но в новом уже воплощении — как раз третьем — по собственному уже счёту.

455

Метафизика Восточной Европы и Евразии сделала своё дело: либо *Империя*, причём более ордынская, чем собственно римская, либо *ничего*! И Сталин это понял раньше и лучше других, отбросив иллюзии мирореволюционного интернационализма, прогрессивной европейскости и... осчастливливающего трудовые массы «букволюбского» социализма. Сталин был реалистом прежде всего, а потом уже воплощением утопических идей, а потому и предпочёл заняться проектом не чего-нибудь, а *росс-социал-империи* — без царя, аристократии и дворянства, без влиятельной церкви, но зато с вождём, пар-

тией, НКВД и государственной администрацией, как и, разумеется, со вполне имперскими (российскими по форме и русскими по духу) армией и флотом. Чего-чего, но это Сталин хорошо понимал: инициативный интернационализм, соблазнительный европеизм и последовательный социализм лишь уничтожат имперскую страну, что ничему из всего этого нельзя давать приоритета, что не страна и империя должны всему этому служить, а всё это должно послужить империи и стране, как и хорошо понимал, что без сильной страны-империи не будет ни эффективного интернационализма, ни полезного европеизма, ни удобоваримого социализма. Сталин, этот прирождённый и пригвождённый макиавеллист, умел извлекать уроки из давней и недавней истории, из текущей современности, из мнимых побед и реальных поражений. Он видел в Европе не только источник прогресса, но и очаг колониального империализма (вовсе ни на миг не забывая о той же интервенции европейских стран в объятую революцией, смутой, гражданской войной, разладом и разрухой Россию, как и хорошо знал о роли внешнеевропейского фактора во втягивании России в Первую мировую войну, в разжигании российской революции, в поощрении кровавой гражданской междуусобицы, в поддержке, а потом и в предательстве Европой той же Белой армии, в «цивилизованном» ограблении ослабленной междуусобицей и едва сводившей концы с концами России-СССР, вынужденной отдавать противнику свои территории, продавать культурные ценности, вывозить за бесценок природные богатства). Раскусил Сталин и мирореволюционный интернационализм, возглавлявшийся Интернационалом-Коминтерном, не только поучаствовавшем в российской-де революции, в гражданской войне, в красном терроре, но и собиравшемся принести Россию в жертву Мировой революции, а в итоге-то Мировой войне и всё тому же Мировому Империализму. Разобрался Сталин и с марксистско-ленинским социал-коммуноутопизмом, его практической невозможностью и исторической

никчёмностью, а главное, его крайней опасностью и вредностью в случае полной реализации для отечественной государственности, для империи, для страны. В общем: государственность, империя, страна или... смерть, что то же самое по сути: «*Отечество или смерть!*».

456

На беду стране и её народу, но на пользу в итоге Сталину и сталинизму случилось великое историческое событие — Вторая мировая война 1939—1945 гг., ставшая для СССР-России Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. (здесь обращает на себя внимание слово «отечество» — «Отечество или смерть!»). Война эта стала *событием и временем истины* — *большой исторической истины*, когда всё истинно историческое, как и исторически истинное, освободившись от политической, идеологической, философической, художнической, а также научной-де, интеллектуальной-де, умной-де мишуры, не говоря уже об обывательском словоблудии, вдруг обнажилось, обнаружилось и внятно о себе заявило. Вдруг стало ясно, что ни независимая государственность, ни современнейшая цивилизация, ни высочайшая культура, ни законы общечеловеческой морали, ни хитроумная дипломатия, ни межгосударственные договоры, ни признанные правила международных отношений, ни экономические выгоды, ни священная частная собственность, ни народы, ни нации, ни этносы, ни общечеловеческие ценности, ни гуманистические идеалы, ни религиозные достояния... в общем, ничто из благоприобретённого человечеством ради вроде бы человечности и самого человека не гарантирует от изначально-коренной зверскости и не мешает развязать совершенно людоедскую войну, в которой действует только один принцип: захватить, уничтожить, убить, покорить, а далее господствовать, господствовать и господствовать! Даже Сталин, сам вроде бы немалый людоед, не мог предположить, что Европа (именно Европа, а не од-

ни лишь германцы-фашисты с их послушными союзничками) поведёт с СССР тотальную войну на уничтожение — как раз ту самую, что сеет вокруг себя апокалиптический всадник на коне бледном. Смерть государству с цивилизацией, смерть культуре с идеологией, смерть истории с её сакральными преданиями и непререкаемыми ценностями, смерть людским надеждам и человеческим мечтам, не говоря уже о ликвидации всех «унтерменшей»! И стала эта война для СССР, где вроде бы царствовал пролетариат, не имевший-де отечества... *отечественной*, следственно, и российской, и русской, и евразийской, и имперской, а главное — *прочеловеческой*: за человека, за человечность и человечество, против зверя изчеловеческого, против античеловеческого сверхчеловека, против апокалиптического суперзла. Беспрецедентной по ярости и масштабам оказалась кровавая схватка, заключившаяся победой возникшей внезапно и вынужденно антифашистской международной коалиции в составе СССР, США, Англии и примкнувшей к ним Франции в лице французского Сопротивления и новой французской армии, — и победа эта спасла человечество, спасла СССР-Россию, спасла и сталинский режим, получивший неожиданно-негаданно от народа-победителя... *отпущение грехов*, причём прямо без адекватного благородному метафизическому жесту покаяния, спасла и российскую революцию, вовсе не собиравшуюся ни в чём перед народом и страной каяться, спасла и мировой социализм-коммунизм, немедленно присвоивший себе заслугу в победе и постаравшийся воспользоваться в своих целях её плодами, как и спасла, точнее, позволила спастись и Европе, породившей Мировую войну с Мировым империализмом, Мировую революцию с Мировым коммунизмом и Мировым фашизмом впридачу. Но главным открытием уроком войны было явление в людских цивилизованных-де массах первородного инстинкта — *убивать*: как для того, чтобы по-зверски господствовать, так и для того, чтобы по-человечески спастись! Фашиствующими европейцами овладе-

ло совершенно дьявольское, уже даже и не антихристово, а какое-то *за*-антихристово искушение беспредельного всадничества на боевом коне бледном, — и сопротивлявшемуся ему люду пришлось воссесть на боевого коня красного, чтобы уничтожить смертоносного врага человеческого. Война имела глубокий метафизический смысл, ибо через неё решалось, каким и под кем быть человечеству, — причём вовсе не так стать всюду однообразно европейским — классическим или обновлённым, а как дьявольски по-европейски раздвоиться: *вверху* и *в центре* — *сверх*-европейский мир, а *внизу* и по периферии — *под*-европейский мир! Европейские фашизированные господа и их повсеместные рабы — вот вам и весь еврогуманизм, зачатый Ренессансом, возвращенный Просвещением и доведённый до логического конца европейским социал-фашизмом! Разумеется, не вся фактическая Европа участвовала в этом воистину дьявольском деянии, нашлись и сопротивленцы — как традиционисты в глазах XX в., так и разного рода обновленцы, среди которых особенное место заняли социалисты-коммунисты, ставшие сами или же назначенные фашизмом его прямыми и наипоследовательнейшими врагами (обе обновленческие силы, оба обновленческих проекта — социализм и фашизм — претендовали на покорение Европы, захват мира и его запроектированное преобразование, на окончательное доминирование в нём, хотя и по-разному — одни чуть ли не похристиански, другие — прямо-таки по-римски). Но так или иначе, а очагом — как стали потом, уже после поражения фашизма, говорить — «человеконенавистнического проекта» оказалась именно Европа — гуманистическая, просвещённая, либеральная, «демократическая», правда, уже ухитрившаяся впасть в долговременный концептуальный кризис и превратиться — не вся, конечно, но заметной своей частью — в другую, уже во многом и антиевропейскую, Европу — невероятную, но ставшую реальной, антиЕвропу. Эта-то антиЕвропа, выросшая в Европе и её же отрицавшая, поставившая себе на

службу империализм, революцию, войну и, наконец, социнтерн с фашизмом, и вызвала страшный апокалиптический катаклизм, потрясший не одну только Европу, но и весь мир, а главное — немало Европу и мир изменивший (заставивший измениться).

457

Победа! Случилась большая война, случилась в ней и большая победа. Не было б войны, не было бы и победы! Но это была особого рода победа — мировая, как и сама война. Победа неожиданного союза двух противных миров — собственно европейского или же евроанглоамериканского, и советско-социалистического, или же попросту имперороссийского. Победа над маргинальным ультраевроантиевропейским, или же попросту фашистским, миром. Естественная-де Европа с помощью России и Америки одолела-таки искусственную-де антиЕвропу, а фактически-то преодолела саму себя, хотя ещё и не полностью, ибо оставался ещё победивший-де в войне социализм. Война не смелá социализм-коммунизм, хотя кое-кто в мире на это и сильно надеялся, более того, социализм-коммунизм даже укрепился в результате победного триумфа советского социализма, весьма быстро забывшего о православной русскости и той же российской имперскости, обеспечивших СССР не так, может, саму эту блистательную победу, как избежание унижительного в войне поражения. Мавр сделал своё дело, мавр может-должен уйти! И мавр ушёл, опять туда же — в Навь, хотя большинство людей, всюю называвших себя советскими людьми и даже коммунистами, были тогда людьми попросту русскими, православными российскими имперцами, в общем — людьми вполне историческими, а ежели и новыми, то так сказать, новыми по форме и при этом вполне традиционными по содержанию. Именно они, эти «братья и сестры», отстояли отчизну и привели к Победе, именно они полегли на полях Отечества и Европы, именно они спасли че-

ловечество от «коричневой чумы», именно они позволили выжить и укрепиться социализму-коммунизму, не только не прекратившему считать себя самым лучшим, передовым, прогрессивным, лучезарным из всех возможных и невозможных «измов», но и не переставшему, увы, мечтать о покорении всего мира. Сталин, «терпеть ненавидя» в глубинах своего сознания, накрепко уязвлённого угнетённо-местечковым личным происхождением, всю эту русскость вместе с русско-российской имперскостью впридачу, предпочёл, произнеся вынужденную хвалу русскому народу-бедотерпцу, выстоявшему в войне и обеспечившему в ней победу, отдать-таки пальму первенства в Победе безродному социал-коммунизму, фактически-то войну... скажем помягче... упустившему. Ах, слова, слова, которые суть ложь, но зато хоть есть дела, может, иной раз и ошибочные и ненужные, но в целом-то всё-таки действительные! Понимал хорошо Сталин, что на социализме-коммунизме с его безудержным и далёким от реальности краснобайством далеко не уехать, но, отрёкшись значительно от русско-христианской традиционности, был вынужден опираться уже на некий модернизированный традиционализм, включая и «христианское антихристианство», или же «антихристианское христианство», а может, и на традиционализированный модернизм, в общем — на какой-то секулярно-сакральный и этно-интернациональный суррогат, хотя и реально тогда сработавший и Сталину весьма позитивно послуживший.

458

Нельзя сказать, что коммунистическая идеология не захватила сознание и воображение по сути ещё православных и вполне русских людей, хотя по вредному внешнему навету вроде бы уже атеистических и как бы уже послерусских, что она не играла значительной роли в организации их жизнеотправления, — и захватила, и играла, ибо пройдя вместе со всем народом явно апокалиптическое испытание (революция,

«гражданка», бесконечная междуусобица, укрепление порядка, волевое строительство новой жизни, напряжённейшая война и в ней исключительно затратная победа), доказала свою внешнюю практическую приемлемость, превратившись для многих граждан прямо-таки во вполне органичную светскую религию. Идеология слилась с режимом, а режим вместе с идеологией вросся в социализм! И пока шло преодоление тяжёлого апокалиптического кризиса, явно обострившегося во время войны, но в ходе войны и неуклонно преодолевавшегося, социализм добровольно или вынужденно мирился в целом с внедрённым в него идейно-режимным коммунизмом — более мобилизационно-армейским, чем обиходно домохозяйственным, — но после победы, а это была именно ПОБЕДА, причём не только над внешним врагом и остатками внутреннего сопротивления, но и вообще над устаревшим прошлым, а главное — над апокалиптическим кризисом, столько времени издевавшимся над страной, как и победа над той же бледной смертью, столько времени свободно витавшей над ни в чём не повинным, но почему-то объявленным историей во всём и вся виновным российским народонаселением. Победа в войне, а вместе с нею и победа в предпринятой самонадеянным реконструкторским режимом переделке всего жизнеотправления, знаменовала собою возможность скачкообразного перехода к уже весьма иному, чем было до войны и в войне, хотя и коммунистически окрашенному и по-советски обустроенному, способу бытия — не «казарменному», не чрезвычайному, не инквизиторскому, не репрессивному, не искусственно-разделительному, как и не насильственно-объединительному, в общем — к какому-то заметно более уже человеческому (лояльному к человеку) образу жизнеустройства. И Сталин, судя по всему, это понимал, но... он понимал и кое-что другое, а именно... *невозможность*... такого вот не то что скачкообразного, но даже и сколько-нибудь плавного перехода: скачкообразного по причине вполне возможного поначалу хаоса, а по-

том и отвержения повинного во многих грехах и обильной крови режима, возникновения новой «гражданки», а плавного хотя бы потому, что означал бы такой переход в конечном итоге самый обыкновенный отказ не от одного только режима, но и вообще от... идеи коммунизма. Сталин со своим надвинутом на глаза коммунизмом попал в историческую ловушку: надо было многое, очень многое менять, а менять было нельзя, а потому выбрал он не более чем облегчённую и несколько очеловеченную казарму, пойдя лишь на некоторые частичные уступки, но удерживая всю конструкцию фактически неизменной. Режим вроде бы одержал всестороннюю победу, получив всенародное признание и даже обретя историческую легитимность, но как раз сама эта победа — ПОБЕДА!.. увы... не признала режим, более того, она его приговорила... к уходу с исторической арены! Сталин это хорошо понимал, отчего и не очень-то был весел после победы, и хоть провёл блестящий Парад Победы на Красной площади, но праздника Победы потом уже никогда не отмечал, стараясь не без оснований для своего режима не акцентировать внимания народного на этом во всех отношениях исключительном и многозначном событии. Ох, какая зловредная тут ирония Истории! Победа и... поражение; только-только победили, а надо... уходить; победительный вроде бы режим, а... ни к чёрту не годится! Победа не принимала... победителей!

459

Но нет, Сталин не мог уйти, не мог допустить фактического краха вроде бы победившего сталинизма, не мог пойти и на свёртывание социализма-коммунизма, тем более, что империя советская явно окрепла, обзавелась так называемым международным соцлагерем, оказалась во главе мирового коммунистического движения, вступила в союз с коммунистическим Китаем, срослась с национально-освободительным антиколониальным движением, а главное — укрепилась в намерении

пойти вкупе со своими союзниками на мировое доминирование, на обращение всего мира в социализм-коммунизм. За этот внешний фактор и уцепился Сталин, оправдывая сохранение социалистической казармы, тем более, что победительный наряду с СССР во Второй мировой войне Запад, ещё в 1945 г. остановивший Сталина от евросоциалистической авантюры (похода до Атлантики) не без посредства атомных взрывов в Японии, обозначил своего бывшего по войне союзника СССР своим главным врагом, объявил против СССР и международного коммунизма крестовый поход и стал готовиться к новой мировой войне, не исключая и ядерной. Коммунистический интернационал, жаждавший революционной экспансии в мире, и антикоммунистический Запад, стремившийся не допустить этой экспансии, сохранить уже имеющееся доминирование в мире и осуществить свою собственную, уже полную мировую экспансию, неслыханно помогли Сталину отстоять сталинизм и запустить его в новое, уже более всего под знаком борьбы с мировым империализмом, историческое плавание, оказавшееся в итоге очень и очень разнзначным: как некоторое время харизматически удачливым и даже стратегически успешным, так и проективно недалёковидным, поведенчески ошибочным и в исторической перспективе несостоятельным.

460

Европа, породив империализм, Революцию и Мировую войну, настрадавшись довольно от всего этого и, переходя ускоренно от Модерна к Постмодерну, ещё этого и не осознавая, передала после губительно-разорительной для Европы и оказавшейся исключительно выгодной для США Второй мировой войны мироимперскую инициативу Соединённым Штатам и, получив от США имперскую помощь, покровительство и защиту, возмечтала, несмотря на наличие весьма острых внутриевропейских политических и классовых противоречий, а то и благодаря им, о межгосударственном и даже межклассовом

мире в Европе, даже о каком-то её межнациональном единении, а также о социальной стабильности в странах Европы, их технико-экономическом процветании и потребительско-материальном благополучии (прямо как в США). И пошла не одна лишь заметная демилитаризация Европы, подталкиваемая вперёд не только нежеланием более воевать на европейском театре, но и активизировавшимся мировым национально-освободительным против империльной Европы движением. Нельзя сказать, что вся мировая деколонизация была мирной и полной, но она всё-таки возымела место, правда, реализуясь более всего как реколонизация, имевшая результатом такое вполне постмодерновое явление, как *неоколониализм*. Ведущие импероевропейские страны, такие как Англия и Франция, добровольно вроде бы отказались от внутриевропейских имперских притязаний, а Германия с Италией, естественно, не могли уже ни на что имперское открыто претендовать, будучи побеждёнными во Второй мировой войне, а Германия — ещё вдобавок и разделённой странами-победителями на оккупационные части (советскую, американскую, английскую и французскую зоны). И хотя Западная Европа весьма быстро оказалась в оборонительном-де против СССР и контролируемой Москвой Восточной Европы международном союзе во главе с США, называемом и поныне НАТО (Североатлантическим оборонительным пактом), миролюбивый объединительный процесс внутри Европы шёл-таки шаг за шагом, увенчавшись созданием не чего-нибудь, а прямо-таки *Европейского союза*. Нет, союз этот не только не стал федеративным, даже и конфедеративным, но... призрак Священной Римской империи или же той же наполеоновской Французской империи, пусть уже и не нового «тысячелетнего рейха», как-то вдруг ожил в Европе, нет, конечно же, нет, не в буквальной трактовке, а в очень приблизительной, метафорической, даже в мифологической, но... *всё же!* Удалось постепенно Европе справиться и с социально-классовой «проблемщиной», как пойдя навстречу

требованиям трудящихся масс и вводя в практику Европы свой особый *европейский социализм* (берштейнианский, а не сталинский), так и стимулируя развитие так называемого «среднего класса», послужившего главной опорой «классового мира» и социальной стабильности в Европе. Поддержанное США технико-экономическое развитие европейских стран в сочетании с массовым образованием и профессиональным обучением обеспечило общий и весьма приличный по количеству и качеству экономико-хозяйственный рост, а вслед за этим и повышение народного благосостояния. Наученная революциями и обжегшись на войнах, Европа предпочитала теперь поддерживать внутри самой себя и в бывших колониях, ставших для бывших метрополий государствами-сателлитами, мир, согласие, право, как и в необходимой дозе кое-какую «гуманистическую» мораль. Послевоенное время для Европы, вся вторая половина XX в. с заходом на начало XXI в. — *золотой европейский век*, в течение которого Европа не только была мирной, развивающейся, растущей, процветающей, но и стала объединённой, что не помешало, конечно, высказывать кое-каким проблемам и являться локальным кризисам, но зато не допускало никакого ужасного общеевропейского катаклизма.

461

Лидирующая роль в Западном мире окончательно перешла по итогам Второй мировой войны к *Соединённым Штатам Америки*, этой Новой Европе (заокеанской). Теперь на исторической авансцене оказалась не ослабленная и как бы отошедшая от ретивых мировых дел старушенция Европа, а молодцеватые, сильные и вполне имперIALные США, которые как раз и взяли на себя функцию общемирового импероперестроечного очага, противостоявшего в то же время другому подобному по общемировой претензии и переустроечному зуду имперскому очагу — советско-социалистическому. В

американском котле вываривался новый модерн, он же и, скажем так, либерально-буржуазный постмодерн, или даже ультрамодерн, который в любом варианте был явным наследником европейского модерна, а в советско-социалистическом котле — некий вроде бы антимодерн, но в то же время и, выразимся так, соборно-трудо­вой... постмодерн! Выходило два мира, две системы, два постмодерна, ну и, собственно, борьба между ними, что субъектно было выражено наиболее отчётливо в борьбе двух имперских лидеров — США и СССР (заметим, что один в виде «соединения», а другой — «союза», в кластерных, так сказать, образах). Да, то была межмировая война, названная «холодной», но признанная мировым сообществом и в качестве... *третьей мировой войны!* Оба лидера посостязались между собой в горячей Корейской войне начала 1950-х, а потом, не прекращая гонки вооружений и готовясь к ядерной между собой схватке, пошли на мировую сделку, правда, не избегши опаснейшего напряжения по случаю Карибского (кубинского) кризиса. По негласным условиям сделки наряду с сохранением статус-кво в масштабе обеих систем и их сфер влияния, соревнование между двумя блоками за овладение планетарным миром не прекращалось, как и не прекращалась гонка вооружений — в целях, так сказать, взаимного сдерживания, как и «продолжали случаться» локальные горячие войны с тем или иным участием упорно соревновавшихся между собой мировых лидеров — СССР и США. Однако имело место и вполне миролюбивое соревнование двух систем по поводу наилучшего образа бытия, а также научно-технического и производственного развития, как и покровительственного влияния на мировую периферию. В это время возникает и третий мировой фронт — движение «третьих стран», не присоединившихся к первым двум имперским блокам и не собиравшихся создавать никакого подобного имперального блока. В общем — два соревнующихся между собой мира-блока и попавший меж двух имперских огней совокуп-

ный нейтральный мир, бывший в то же время объектом влиятельного внимания двух лидировавших в мире систем. Главное — не состоялось убийственной для всей планеты новой горячей, уже с применением оружия массового поражения, всемирной, но при этом и межмировой войны. А ведь о возможности такой войны-Армагеддона совсем ещё недавно говорили всерьёз, просто и буднично! Баланс сил не позволял тогда надеяться на успех ни одной из сторон и предотвратил развязывание новой, уже и последней, миромасштабной войны. Внешне обе стороны стремились к взаимопониманию и даже сближению, но каждая из сторон надеялась на свою окончательную, вполне и «холодную», победу. И вот тут-то обнаружилось, что более молодой советско-социалистический мировой проект оказался стратегически заметно уязвимее, чем старый либерально-буржуазный! Ставка на лично-частную инициативу в сочетании с силой государства, всё более становившегося социальным, оказалась надёжнее, эффективнее и плодотворнее ставки на тотальное огосударствление, подпираемое нацеленным на общественные нужды личным и коллективным служением. «Афины» здесь оказались гибче, инициативнее и удачливее «Спарты», а лукавый «Карфаген» — удачливее грозного «Рима». «Четвёртый Рим», он же какой-то там по счёту Карфаген — частнособственнический, капитало-экономический, предпринимательский, потребительский, гражданский, демократический, межконфессиональный, этносмешанный, нетрадиционный, плюралистический, полифонический, изменчивый, либеральный — оказался приемлемее для человека, адекватнее бытию и перспективнее для истории, чем Третий Рим, принявший советско-социалистический образ, за которым маячили такие «штучки», как тотальный этатизм, административный централизм, неумный партократизм, неизбежная армейщина со службизмом, хозяйственная натуральщина с всеохватывающим планизмом, навязанный потребительский аскетизм, навязчивый атеизм, идейный монизм, вез-

десущая цензура, социальная инертность и неповоротливость, политическая статичность, какая-то отрешённость от живой, меняющейся реальности. Западно-индивидуалистическая система оказалась попросту реалистичнее и жизнеспособнее восточно-коммунистической, — и именно она взяла верх в холодной войне, правда, с учётом самосдачи и саморазвала впавшего в почти безысходный системный кризис советского социализма-коммунизма.

462

Сталинский строй, всё менее собственно марксистско-социал-большевистский и всё более имперо-государственно-административный, хотя и окрашенный внешне вроде бы по-советски и по-социалистически, оказался очень уж натужно и жертвенно жизнеспособным — лишь в чрезвычайных условиях и на короткое (взрывное, порывное и прорывное) время, в мобилизационной обстановке, при вдруг вспыхнувшей в обществе надежде на лучшую жизнь и её реальное достижение в видимой перспективе. Несмотря на дисциплинарно-репрессивный характер строя, он был в целом принят поверившими в его деловитость и созидательность не только трудящимися массами, но и образованным высшим слоем, включая и видных творческих личностей. Разразившаяся Вторая мировая война, если и поколебала на мгновение уверенность в строе, но вскоре подтвердила его эффективность, ибо строй этот, и без войны всюю военизированный, в наилучшей степени подходил к условиям горячих военных будней — как невиданных ранее боевых, так и необыкновенных до тех пор трудовых. Но вот для обычного демилитаризованного бытия, в особенности трудо-интеллектуального, как раз характерного для развитой индустриально-научной цивилизации, мобилизационно-военизированный строй, державшийся на репрессиях, комплотной (заговорной) замене властей предержавших, насильственной смене элит, беспрекословном повиновении тру-

дового населения и потребительском аскетизме, уже вовсе не подходил. Реальность требовала крупных перемен, почти или даже вполне революционных, схожих, хотя и отдалённо, с введением нэпа в 1920-е гг. Но беда сталинского строя состояла в невозможности такого рода перемен в рамках самого этого строя! Любые крупные изменения, не говоря о коренных, не только угрожали уязвимому в общем-то строю, но и означали по сути не что иное, как конечный ему погребальный приговор. На такую новую революцию сверху не мог пойти и не пошёл не только сам Сталин, этот главный фундатор и высшее знамя строя, но и сам этот строй, ловко Сталиным задуманный, крепко им сколоченный и очень экзистенциально консервативный, причём не пошёл даже после ухода кремлёвского владыки из жизни. Судьба строя была им же — этим самым строем — решена и предрешена — на вынужденное невесёлое продолжение и окончательную, как оказалось, совершенно внезапную и неожиданно мобильную, погибель.

463

Строй сам себя погубил! Строй сам погубил себя! Погубил себя сам строй! Вот и вся тут истина! Такого рода очень уж стройно устроенный строй не может быть долговечным: навязанные, искусственные и чуть ли не круговые ограничения, всеобщее долговременное напряжение, скорый моральный и физический износ социума и самого строя, а главное — несоответствие строя самой человеческой природе, которая не только не муравьиная, но вовсе и не праведная, которая в основе-то очень даже звериная и лишь в надстроечном моменте более или менее человеческая. Одни из бытующих людишек не хотят, да просто и не могут становиться муравьями, другие же — не желают быть вполне благонамеренными «людьми». И те и другие вдруг оказываются во врагах — что тоталитарному этатизму, что слишком уж требовательному к человеку социализму. Одни бегут от дисциплины, регламентации и повально-

го принуждения, другие — от очень уж невыносимой, в основе-то показной, праведности. Так или иначе, но сталинский строй был не только не для всех, но даже и для этих «не для всех» лишь явлением временным. Устройство бытия *людей*, а не *людоеев*, должно как-то соответствовать природе человека — что в аспекте известной людской свободы, что в аспекте немалых людских слабостей вроде потребительства, гедонизма, сластолюбия, любой вообще порочности. Человек не хочет, да и не может быть лишь винтиком в тотально огосударствлённой соцмашине, да ещё и винтиком не только совершенно правильным, но и очень уж праведным. Жёсткий тотальный этатизм и всеобщий «любвеобильный социализм» не могут обойтись без большой доли неоправданного насилия, вынужденного ханжества и неизбежного цинизма, как и попросту весьма обильной лжи, не говоря о вызывающей отвращение и иронический смех неумной ритуальности, рано или поздно подвергающейся сначала глухому, а затем и гласному поношению, а потом и небрежному отвержению. Люди так или иначе чают личной, семейной и коллективной самостоятельности, самодейственности, инициативности, предприимчивости, жизненной вариативности и даже рисковости, как и вообще всяких разных возможностей и невозможностей, равным образом и всякой экзистенциальной фанаберии — неправильностей, проступков, карнавальщины, безрассудства, безумства, бесовства. Культура и цивилизация в принципе ограничивают человека, организуют и определяют его бытие, но всё-таки не столь же тотально, не по-армейски, не по-монастырски, не совсем уж ханженски. Человек не нашёл в себе сил признать в качестве всеобъемлющего для себя руководства слишком уж требовательный к человеку тоталитарный христианизм, не смог он полностью и надолго принять ещё более тоталитарный и императивный социализм. Савонаролизм, может, иной раз и нужен, но лишь в меру и на мгновение — как что-то схожее с хирургической операцией. И оп-

ричина тоже бывает нужна, и ЧК с НКВД, но опять же в меру и на срок. И сталинизм пришёлся на некоторый срок к апокалиптическому отечественному двору, а вот для обычного, уже не столь кризисного, как и не столь уже фанатически революционного или же идеологически экзальтированного бытия, сталинизм уже никак не подходил, хотя и, частично смягчённый и очеловеченный, какое-то время всё-таки просуществовал.

464

Сталинский строй, несмотря на неоднократные попытки реформирования, самая радикальная из которых в области хозяйства вошла в историю как косыгинская реформа 1965—1970 гг., не смог сам преобразиться во что-то другое, не такое уже тотально-этатическое, натурально-хозяйственное, плано-административное, милитарно-армейское, служиво-подданическое, аскетическо-ограниченное, ханжески-праведное. Не смог и... не мог, ибо подлинное преображение требовало и подлинного отказа от сталинизма, партократизма, армейщины, ну и от надуманного марксизма-ленинизма. Выправить сталинизм всерьёз не удалось, несмотря на бойкую его критику хрущевизмом и попытку разбавить сталинизм жизнеспособным... э-э... антисталинизмом, но зато оказалось возможным довести сталинский строй, постепенно вольно или невольно его обескураживая и подтачивая, до достаточного для отрицания и самоотрицания маразматического состояния. В этой-то патологизации и даже паранойезации сталинизма преуспела более всего брежневская партгосноменклатура — то ли в основном бессознательно, сохраняя себя и охраняя выгодный ей самой строй, то ли частью и вполне сознательно, надеясь на какие-то будущие чудодейственные перемены. Строй сам обеспечил в итоге самого себя устранение, произведя на свет сразу две категории собственных могильщиков — безынициативных охранителей (Брежнев, Суслов, Устинов), не давших

позитивным реформаторам (Косыгин, Машеров) перейти к иному устройству сначала социализма, а потом и собственно всего отечества, и инициативных уничтожителей (Горбачёв, Яковлев, Ельцин), занявших так или иначе место возможных позитивных реформаторов и приведших в конце концов к краху, если его не намеренно вызвавших, не только отечественного социализма, но и самого социалистического отечества — СССР. Не до конца тут ясна роль Андропова, наверное — противника социализма, но как будто бы сторонника (!) великого имперского отечества (?). Как и в своё время Косыгин, Андропов оказался в каком-то историческом вакууме, одаренном надеждой и потенцией к позитивным переменам, но обойденном их фактической реализацией. Здесь большая личная драма так и не состоявшихся преобразователей (Косыгин, возможно — Андропов), обернувшаяся страшной трагедией сначала радикально не отреформированной, а затем и попросту брошенной в бездну произвола, насилия и распада уникальной страны. Сталинизм мог иметь сторонников, даже весьма ярких и без лести преданных, он мог порождать и всё время порождал и своих не менее ярких противников — скрытых и явных, но он не мог и не смог породить действенных и спасительных для страны и самого сталинизма *преобразователей*, пусть и весьма отошедших бы от оригинала, но для отечества сделавших бы что-то всё-таки не столь разрушительное, недоброкачественное и безнадёжное, какими на деле в итоге и по большому счёту оказались антисталинская-де горбачевская перестройка и уже вполне антиотечественное ельцинское... э-э... «реформирование». Тут были не просто поражение сталинизма и неудача советского социализма, что более или менее понятно, тут случилась и великая историко-системная катастрофа, причём не только катастрофа самого по себе СССР, даже не восточноевропейского, или же евразийского, исторического субъекта — Империи, а катастрофа концептуальная, культурно-идеологическая, метафизическая, не говоря уже о проектно-

стратегической. Сталинизм в советско-социалистической упаковке, или советский социализм в сталинской интерпретации-конструкции, завершился не только своим собственным, не только конкретно-государственным, не только формально-системным, а именно в полном смысле слова *цивилизационным крахом*, правда, состоявшимся не без помощи как недалёких сталинистов, так и бесноватых антисталинистов, как «угрюмых» автократов-тоталитаристов, так и восторженных либералов-демократов, а за всеми ними, или где-то между ними, засевавших в тени и ожидавших своего часа... э-э... *бесовеков* — политических, идеологических, экономических, «культурных», образовательных, даже и научно-технических, а главное — всюю криминальных, да не по отношению к советско-социалистическому строю и не перед лицом того же угасшего сталинизма, тоже ведь в немалой степени криминальных и бесноватых, а относительно человечества вообще, всякого гуманизма, любой цивилизации и культуры, общепризнанной морали и той же общепринятой гражданственности. Среди человечества, пусть и несовершенного, порочного, болезненного, вдруг на первый план вышло... *бесовечество* — иначе тут на скажешь! — причём вполне, знаете ли, здоровенькое: энергичное, целеустремлённое, беспреградное! Любопытнейшая тут получилась историческая каверза: очищенный-де и перевоспитанный-де сталинизмом социум, повергший в искреннее изумление весь планетарный мир своими невероятными трудо-творческими достижениями и боевыми победами, чуть ли не возвысившийся надо всем миром идейно, проективно и даже властно, вдруг ни с того, ни с сего мало что сворачивается в какой-то жалкий пустой кокон, но ещё и выдаёт на гора, причём в невероятном изобилии, самое настоящее, знаете ли... *античеловечество*, мгновенно покорившее уже успевшую вдруг одряхлеть первооткрывательскую страну и превратившее её в неслыханного доселе асоциального уroda! Вот тебе и Мировая революция, вот тебе и трудолюбивый социализм, вот

тебе и братский Интернационал, как и, конечно же, незабвенный марксизм-ленинизм — самое верное и вечно живое, к тому же и совершенно для человечества спасительное-де, учение!

465

Вообще в социализме, не слишком сдабриваемом идиотическим утопизмом и не подвергаемом тотально-этатическому (армейского образца) обустройству, немало в общем-то приемлемого для человеческого общежития, чему подтверждением послужил тот же социальный опыт... послевоенной Европы, весьма преуспевшей в социализации своего буржуазного бытия, не уничтожив при этом ни частной собственности с капиталом, фирмами и банками, ни демократических государств с их электоральностью, многопартийностью и парламентаризмом, ни частных аграриев-фермеров с их государственной поддержкой, ни правовой системы с её принципом разделения властей, ни разнообразной культуры с её живучей классикой и дерзким модернизмом, ни того, что Европа всегда не без гордости именуется либерализмом, плюрализмом и гуманизмом. Да, в Европе не состоялось никакого чистого социализма, который, собственно, и не мог в ней состояться, но зато состоялось... присутствие социализма... в капитализме, что и позволило заговорить о *европейском социализме*, как и о *европейском смешанном обществе*, отразивших некий компромисс между частно-буржуазным капитализмом и общественно-трудовым социализмом. Плохо ли, хорошо ли, но этот компромисс так или иначе состоялся, что позволило не только смягчить «звериный» имперо-капитализм, но и не допустить никакой не менее «зверской» социалистической революции. Победил умеренный и эволюционный реформизм, хотя и проходивший в обстановке, с одной стороны, нешуточной, но в целом всё-таки не боевой и не разрушительной классовой борьбы, а с другой — рядом с двумя ужасными евромировыми

войнами, под их противоречивым влиянием. Заметим особо, что состоявшаяся не без участия государственности классовая европейская компромиссность — несомненное достояние послевоенной, но при этом и постмилитарной, а также, что очень важно, постреволюционной и, как в конце концов выяснилось, посткоммунистической Европы!

466

Ничего подобного не было и не могло произойти в стране, называвшейся некогда Российской империей, а потом, уже при победившем советском социализме, именовавшейся СССР. Ни соответствующих традиций, ни потребных пониманий, ни подходящих желаний, ни вообще реальных возможностей. Европейский Восток — не европейский Запад! На Востоке мог быть и реально состоялся только сталинизм со всем его невероятным скачком в текущую Историю и вполне неизбежным краховым выпрыгом из Истории... либо в Вечность, либо же... в Никуда!

467

Откуда же эти бесовеки, целое море бесовеков, даже никакой не легион, а прямо-таки тьма тьмущая?! В принципе они, конечно же, везде и всегда, — и одними из первостепенных задач культуры, цивилизации, государственности являются если и не полное их изгнание из текущего бытия, что в принципе, видно, невозможно, то безусловное их обуздание, контроль над ними, отстранение от реальных жизнеотправительных процессов, изоляция, а то и, местами и временами, физическое устранение, разумеется... с участием всё тех же бесовеков. В нормальной жизни, вполне культурно развитой, включая и религиозность, цивилизованно оформленной и государственно обустроенной, бесовеков на поверхности в общем-то немного (прячутся по щелям), активность их невелика, влияние в социуме незначительно, а общественная значимость

практически нулевая. Их приоритетная стихия — любая патология: личностная, семейная, коллективная, половая, социумная, классовая, внутриэтническая, международная, журналистская, литературная, художественная, театральная, музыкальная, игровая, баррикадная, террористическая, как правило — *кризисная*. Существовая в нормальной ситуации более в призрачно-потенциальном, чем в реально-действенном образе, всё это звероподобное племя покидает укромные местечки, сбрасывая с себя всю вынужденную призрачность и обретая долгожданную реалистичность, как только какая-либо патология вдруг набирает где-нибудь и когда-нибудь силу, устремляясь к критической точке — точке невозврата. Патология появляется, конечно, не совсем и вовсе не всегда сугубо стихийно, ибо везде и всегда так или иначе поощряется бесовеческим племенем — как сознательно, так и не очень. Бесовек вообще-то сидит в каждом или почти в каждом человеке, хотя бы как неведомое ни самому человеку, ни другим человекам зёрнышко, как всего лишь маловозможная потенция, как спящий и до поры совершенно нейтральный незаметный микробчик. В ком-то и в чём-то бесовеческое начало вольно или невольно всегда проявляется, но... тут в его поддержку встают особенности личности, черты характера, состояние организма, болезненность, неустроенность, обстоятельства, да мало ли ещё что покрывает или оправдывает проявление бесовечности — лишь бы чего-то и где-то не произошло! А ежели всё-таки и случилось, но не перешло бы какой-либо меры, не заимело бы слишком тяжких последствий. От бесовечности обычно стараются отгородиться, её не замечать, как и с нею скомпромисничать, пойти на сделку, но и пустить её активность куда-нибудь вовне — на те же внешние завоевания, в пиратство, в колонии, в криминал. Этот последний практически не истребим и служит в цивилизациях и при государствах как раз для впитывания в себя подконтрольную в целом бесовечность. И полицейщина без оной не обходится, и экономика, и рестора-

ции, и публичные дома, и искусства, и словесность, и даже, пардон, религия с философией и наукой. Всегда есть какой-то паритет между человечеством и бесовечеством, разумеется, обычно в пользу первого, но вот в благоприятных для всякой патологии условиях шанс довольно выразиться возникает уже у второго, а дальше уже — как выйдет — не без воли или попущения Господа Бога: либо прямо-таки конец первому, либо укрощение первым второго, но никогда не полная над ним победа — тут тоже свой незыблемый закон бытия! А бесовечеству всё равно где, куда и сколько быть, в чём и как проявляться, какой патологии порадоваться и какой античеловечности услужить. Но что отрадно: бесовечество споспешествует не только разладу, распаду, разложению, разрушению, но и созиданию тоже, но... лишь в своих собственных — патологических и античеловеческих — интересах-целях. Бывает, что бесовечество даже выступает на стороне человечества и даже в его пользу, но, не унятое человечеством вовремя и надёжно, способно и здесь принести невообразимый вред человечеству со всей его культурой, цивилизацией, государственностью, как и обязательным нравственным кодексом. В общем, всё очень не просто с этим самым бесовечеством, тем более, что оно умеет рядиться во вполне человеческие одежды, да что рядиться в одежды — выступать от имени человечества, подменять его, имитировать, ну и, конечно же, о-бес-личивать. Глядя на человечество вообще, можно легко заметить его неуязвляющего контрагента, а можно и не заметить, как можно одно принять за другое, в особенности бесовечество за... человечество, ибо в последнем много, очень много, иной раз и невыносимо много бесовеческих наклонностей и возможностей. И всё тут во взаимности, в сочленении, в переплетении, частенько даже и в органике, а потому и в трудной различимости. Почти все герои той же великой русской литературы, за небольшим исключением, в той или иной степени бесовеки — от малых, худеньких, пошленьких бесенят до настоящих, крупных, жир-

ных бесов, — и все они не в одном лишь подражании человеку, но и в самих, знаете ли, человеках, в людях, или же людях, это уж кому как нравится, причём в таком с людьми, или людьми, единении, что можно всякое воображение сломать, да так ничего и не понять! Задача здорового общества-социума — не болеть, а ежели вдруг сильно и приболеть, то немедля и радикально вылечиваться, ибо в нездоровье — самая для бесовечества выгода, — тут она в безбрежном разгуле! Инквизиция бывает полезна, но... ежели сама она не от бесовечества, а то ведь прощай и всё под ней человеческое! И что особенно любопытно: конец человеческому приходит как-то вдруг в разгар... самого вроде бы человеческого, ибо где большое здоровье, там и рядышком, в притуле, под бочком и... нездоровье. Здоровому организму всего труднее оставаться здоровым, ибо не чувствует он ни меры здоровья, ни меры нездоровья, как не чует всех поджидающих его сладчайших опасностей. Некоторая нездоровость бывает даже важнее общей здоровости, — чтоб видно было, чтоб борьба внутри организма шла, чтоб здоровье за себя боролось. Бесовечество никуда насовсем не девается, как и хвори разные, как и пороки, как и грехи, как и те же соблазны. А уроки, они ведь на то и уроки, чтобы их повторять, повторять и повторять!..

468

Любая историческая форма, набрав поначалу жизненные обороты и достигнув в какой-то момент чуть ли не совершенства, раньше или позже обороты свои сбавляет, старея и ослабевая, попадает в кризисное состояние, непрестанно болея, пытается продлить существование, подлечиваясь, ищет возможность какого-то себя превращения и, не находя спасительного выхода, с исторической арены уходит — либо потихонечку, не привлекая к себе большого внимания, либо громко, в неистовой борьбе, через ожесточённую войну, пылая и грохоча. Ничегонеделание и беспечность — это тоже прояв-

ления бесовечности, как и многое другое на первый взгляд милое и безобидное вроде тех же провокационных ужимок, гримасок и смешков. Тут всё дело в ракурсе, в лицах, в обстоятельствах. Смотря кто, где, когда, как, а то ведь и увлекательные игрища покажутся вдруг бесовскими, а какое-нибудь воистину бесовское внезапное происшествие примется чуть ли не за экстренное благодеяние. Так что историческая форма возникает, бытует и погибает, ежели сама не преобразуется во что-то существенно *иное*, причём без обязательного участия на каждом этапе бытия разного по характеру и действиям, но непременно *своего* бесовчества. Это — во-первых. А во-вторых, бесовчество, будучи по природе своей шустрым, бесцеремонным и беспощадным, способно быстро и даже легко перехватывать историческую инициативу, преобразуя при этом под себя и самого человека, ослабляя, загаживая и коверкая его сознание, высвобождая обычно зажатые гнусности и звериные инстинкты, всю укромно сидящую в душах человеческих бесовечность.

469

Бесовчество, а это, в общем-то, античеловечество, внешне и поведенчески не очень-то, надо особо заметить, отличается от человечества вообще, хотя, как давно и хорошо известно — «Бог шельму метит!». Бесовеки — это те же человеки, нередко вполне вроде бы воспитанные, окультуренные, цивилизованные. Не надо думать, что бесовеки сильно отличаются от человеков, а человеки — от бесовеков. Главное здесь не во внешности и не в стилях поведения, а либо в признании и несении тяжкой ноши, называемой обычно человечностью, либо же в небрежении к ней, если не в презрении. Позитивная нравственность, трудолюбие, нестяжательство, аскеза, признание другого, уважение природы, жизни, социума, культуры, цивилизации, того же государства, в общем, всё то, о чём всегда мечтают основатели религий и позитивных фило-

софских систем, отцы народов и фундатеры государств, к чему стремится конструктивная интеллигенция, чем, несмотря на трудности и соблазны, обычно живёт основная, она же трудовая и ответственная, часть любого жизнестойкого и жизнетворного населения. Человечность восходит к человеколюбию, а любить — страдать за другого! Здесь господствует богоугодное сознание, признающее сакральный позитив и за него стоящее, отрицающее дьявольский негатив и против него сражающееся. Символ веры здесь: «Не всё позволено!», а дозволенным оказывается не столько вообще разрешённое, сколько нравственно выверенное и рассудочно обоснованное. Иной подход у бесовека, для которого как раз важна противоположность: «Всё позволено!», подкрепляемая, конечно же, частной выгодой, частным успехом, частной победой. Воспроизводство жизни, её гармонизация и эволюционное движение к совершенству — идеал, забота и дело человечества; жизненный раздрай, скачки, шараханья, смертоубийства — приоритеты бесовечества, включая сюда и частные, физического и порочного в основном свойства, выгоды. Важно различать обыкновенную бесовечность, всегда присутствующую в жизни человечества и даже находящую с нею какой-то — то вынужденный, то добровольный — компромисс, и экстремальную бесовечность, когда последняя особенно авантюрна, энергична, безрассудна, отчаянна, самозабвенна, что называется, на «лихом коне», впереди, по верхам, в раже! Такое случается в острокризисные, переломные, «вывертовские» моменты, когда обыкновенное и привычное, обузданное и надёжное внезапно истончается, колеблется, рушится, исчезает и на его место бешено вторгается странное и страшное «новое», неистово добивающее привычное и выверенное «старое» и взамен бросающее что-то ранее совершенно невообразимое, но зато круто замешанное на стихии, насилии и произволе. Классикой здесь — *великая революция*, когда все до единого социумные ограничения отменяются и вырвавшаяся на свободу торжест-

вующая бесовечность правит свой уже совершенно реальный, а не какой-то там призрачный, анархо-бессовестнический бал!

470

Бесовечество хоть и не в братском союзе, но явно в диалектическом единении с человечеством. Нет бесовечности, нет и человечности! Не приоритет тут, но и не задворки. И никуда от бесовечества человечеству не деться, как не деться ему и от самого себя. Хочешь быть человечеством — признавай бесовечество и борись с ним, то беря над ним верх, то ему уступая. Бесовечество само по себе всегда работает против человечества, для чего охотно бросается в ту или иную крайность. Не одна вовсе революция, как и её конспиративная подготовка, привлекает бесовечество, его влечёт и жёсткая диктатура — что революционная, что контрреволюционная, что предреволюционная, что послереволюционная. Бесовечность любит всякую маргинальность. Болезнь, кризис, катастрофа, но и неукоснительный порядок, железная дисциплина, беспрекословное подчинение, разумеется, не по случаю вынужденной справедливости, а всего лишь по какой-нибудь криминального свойства нужде. Бесовеки вовсе не только среди разбойников, пиратов, кондотьеров, конкистадоров и террористов, но и среди тех же властителей, разного рода господ, чиновников, даже и архиереев. Без бесовечества не обходится ни одна диктатура, ни одна война, ни один разбой, ни одно восстание, ни один карнавал, ни один театр, но без него не обходятся и всякие крутые, резкие, оглушительные и беспощадные перемены. Можно даже говорить о вынужденной бесовечности, пусть и управляемой, но всё-таки бесовечности, хоть и необходимой, и допустимой, даже и полезной. Сложно тут всё, неопределённо и загадочно, криптогенно, но... вещи должны называться своими именами, хотя в чистой и невинной университетской науке это не очень-то и принято.

Человечество многим обязано бесовечеству, очень многим, даже слишком многим, и прежде всего незастоем, нескукой, необолванностью, даже и недуростью, но зато при этом — изощрённым умом, эффективным знанием и въедливой пытливостью, ускоренным движением, бесконечным разнообразием, большими и стойкими переменами, бурным развитием, даже и изощрённым совершенствованием, как, конечно же, страданиями, кризисами, бедствиями, потрясениями, войнами, переворотами, междуусобицами, революциями, крушениями, то бишь — увлекательнейшим, хотя крайне и рискованным и всю смертоносным, бытием, как раз тем самым бытием, что бойкими, бесстрашными и адреналинолюбивыми натурами и почитается собственно за ЖИЗНЬ! Нет, не стоит всё реально занимательное увязывать лишь с бесовечеством, но что из себя представляла бы жизнь без этого замечательнейшего отвлратно-привлекательного начала-фактора-актора? Наверное... э-э... ничего, во всяком случае, ничего интересного, проблемного, волнующего, потрясающего, горячащего кровь и холодящего сердце... да-да, именно так — *ничего!* Так что не стоит сильно и безоговорочно осуждать бесовечность, — разумеется, упорно и... безнадежно... её при этом проклиная! Ведь на одном человечестве самому же человечеству далеко не уехать, как и бесовечеству не обойтись без человечества. Недаром же метафизические философы и строители религий столь всегда исходно диалектичны и так неопределёны в своих конечных суждениях: поди-ка узнай от них или с их помощью что-нибудь истинно-верное! Как всё-таки реалистичны обструганные веками народные предания, элитарные мифы, сакральные писания, как и значительная часть светской литературы, театра, кино, живописи, хоть и чепухи во всем этом последнем хватает, непотребного хлама и всякого пустозвонья. Примечательно, что вся ненормативная культура, она же и *суб-* и *анти-*культура, сплошь о бесовече-

442

ском, как и в немалой степени, кстати, и нормативная. Культура — лукавая вещь: вроде бы мир запретов, позитива и норм, то бишь общепризнанного и всюю вроде бы обоснованного *культы*, но при этом и мир аномального, негативного, обычно в нормальном социуме ограничиваемого и гонимого. Что бы сегодня представляла собой та же Европа, если бы не была охвачена всем бесовеческим, не отдавалась бы рьяно, беспардонно и в то же время вполне рассудочно многому, что любой окрепшей человеческой культурой не дозволяется? Никакого тебе экспансивного папы римского, никаких бойких клерикалов, никакой грозной инквизиции и пламенеющих ярко и искристо аутодафе, никаких религиозных войн, не говоря уже о буйноцветущем, в том числе и чертополошно, светском бытии, вряд ли когда-либо познавшем полную и устойчивую человечность. Ведь вся история Европы — как, разумеется, не одной только Европы — есть история прежде всего неурядиц, страданий, борьбы, сражений, крови, гибели, как и, конечно же, всего этому противоположного, но... всё-таки не в решающей мере! Так что же тут и чему же в реальности более служит: бесовечество человечеству или же человечество бесовечеству? Вопрос, на который, увы, не то что нет ответа, а на который как-то не очень и отвечать-то хочется — что благоразумному обывателю, что незаурядному мыслителю. Нет тут ответа, нет, хотя весь мир человеческий и без одного ответа знает истинный ответ, но... т-с-с!.. тут уже глубокомысленное молчание — самый, знаете ли, верный признак самого верного понимания!

472

Цивилизация в целом не против бесовечности, она сама от неё немало производна, в ней явно нуждается и всюю ею пользуется. Ну а бесовечество совсем не против цивилизации, которая его немало подкармливает. Бесовечество не против даже... самой религии, даже бывает и вполне за неё, если, конечно, текущий клерикализм довольно солидарен с бесовечно-

стью. История Европы, как и не одной только Европы, всё это очень даже хорошо подтверждает. Достаточно вспомнить тяжкое римское рабство, кровавые гладиаторские бои, гнуснейшие политические игры, гневные народные восстания, страдательные гражданские междуусобия, те же бесчеловечные, а может, как раз самые... человечные расправы язычников над христианами, а потом и расправы христиан над язычниками, грубый феодализм, беспечные королевские развлечения, нескончаемую борьбу за власть, папские проказы, крестовые походы, святую инквизицию, неистовых иезуитов, ту же Варфоломеевскую ночь, всякие гонения и войны, империализм и колониализм, стяжательный капитализм, укромное ростовщичество, да мало ли ещё что, причём и относящееся к учёности, оккультизму, мистицизму, как и к какому-нибудь масонству, даже и к самому Ренессансу с Просвещением. Многое тут можно вспомнить и перечислить, но достаточно обратить внимание, помимо самой бесноватой, если не взбесившейся Европы, на хотя бы европейскую, ставшую и мировой, революцию — со всеми её гуманизмами, капитализмами и социализмами, и на её — революции — собрата — европейский империализм, охвативший своими липкими щупальцами весь мир, а также на их — империализма и революции — славный сыновний продукт — европейский фашизм, тоже ведь возжелавший овладеть миром, хоть и не сильно в этом пока преуспевший.

473

Фашизм — безусловно европейское явление, разумеется, времени острейшего кризиса — вполне и апокалиптического — Европы. Фашизм затронул все ведущие и немало неведущих европейских стран, хотя убедительно победившим, пусть и на краткий срок, он оказался лишь в некоторых, но вполне при этом первостепенных, евроконтинентальных странах. Фашизм — отрицание Европы в самой Европе ради... Ев-

ропы! Совсем уже новой Европы — постренессансной и постпросвещенской, постгуманистической и постдемократической, даже и постгражданской, но по-своему и *нео*-ренессансной, но уже не афинского, а спартанского толка, александромакедонского, собственно римского, имперского, легионерского, а затем и рыцарского, крестовопоходного, инквизиторского. Важнейшая особенность фашизма в его нарочитой экстремальности и вседозволенности, в его запредельности. Фашистский порядок в социуме превосходил даже простой армейский, ибо помимо физического единения демонстрировал и единение идейное, а общая и несомненная ни для кого идея исходила прямо от земного бога — *вождя* (в Германии — фюрера, в той же Италии — дуче). Такой порядок исходил из освобождённого произвола и восходил к свободному произволению, прежде всего — «вождевому», и поддерживался любым потребным для самого порядка насилием. Фашизм — невероятная концентрация воли, силы и порядка, невообразимо и действительных — ради господства избранных сверхчеловеков над обречёнными недочеловеками. Фашизм — наивысшее достижение и наилучшая презентация вполне окультуренного и оцивилизованного бесовечества, но с той важнейшей поправкой, что бесовечество здесь напрямую сопряглось со зверовечеством. Зверь не только не смущал фашизм, наоборот, он был ему вполне адекватен, всю им и использован. Фашизм уничтожал замшелую, заплесневевшую, размягчённую, мягкотелую, слащавую, расслабленную и всю разлагавшуюся афино- и карфагеноподобную Европу — ради её же спасения и дальнейшего её же господско-имперского утверждения в мире, как и спасения всю уже погибавшей белой расы и её утверждения в наивысшем расовом образчике (раннеримском, тевтоновском). Фашизм — попытка зверобесовеческого прыжка в новую Европу, пусть уже во многом и антиЕвропу, в новый Рим, но не в Третий вовсе, а как раз в Первый, разумеется, в новой социо-культуро-технологической упаковке. Француз-

ская революция вместе с её империальным наследником Наполеоном Бонапартом бледнеют перед тем, что учредил в Европе фашизм, хотя и славная Французская революция, как и великий Наполеон Бонапарт, сами были из того же теста, что и фашизм, им-то, кстати, и наследовавший в первую очередь, но уже в гораздо большем отрыве от европейского гуманизма. Европейский фашизм оказался слишком, скажем помягче... brutальным что ли... для нововременской Европы, хоть и прикидывался он еврокультурой, евронационализмом, даже евросоциализмом, не говоря уже о еврокапитализме, который он не только не уничтожил, а прямо поставил себе на службу.

474

Нефашизированная ещё часть Европы поднялась во главе с Англией и при поддержке США против этого слишком уж неевропейского явления и, натравив его, как и когда-то сделала антибонапартистская Европа с зарвавшимся Наполеоном Бонапартом, на Россию, бывшую на тот момент СССР, а потом, когда СССР выстоял и пошёл походом на Европу, круша фашизм, одолела вместе с СССР и США «фашистского Левиафана», попытавшись даже вроде бы навсегда его уничтожить. Удалось это или нет, вопрос остаётся пока открытым, но вот что действительно Европе удалось, так это получить великий урок того, что же есть на самом деле абсолютная концентрация абсолютного зверобесовечества, к чему приводит столь же по сути зверобесовеческий апокалиптический кризис, не имеющий разумного человеческого разрешения и вынуждающий ко всеобщему античеловеческому насилию. Вступив на праведный путь осуждения и искоренения фашизма, Европа была вынуждена пойти на резкое ослабление, переформирование и даже некоторое очеловечивание своих коренных империализмов, колониализмов и милитаризмов, на социализацию капитализма, а также на добровольное единение Европы, нашедшее в конце концов выражение в образовании целостного,

хотя пока и не гомоморфного Европейского союза. Так что плодом фашизма оказались не одни только неописуемые деяния, затраты и жертвы, не одна общеевропейская милитарно-репрессивная катастрофа, но и явление объединённой Европы, пусть ещё и не Европейских Соединённых Штатов, но всё-таки уже общеевропейского межгосударственного союза. Вот вам и зверобесовечество, вот вам и реальная во всей красе история человечества — кто и что тут кому и чему более служит — большой вопрос, на который нет прямого и честного ответа, одни тут, понимаете ли, недомолвки, уловки и сомнения!

475

Большой соблазн подстерегает всякого независимого мыслителя поставить знак равенства между фашизмом и сталинизмом, но ежели можно легко обозвать сталинизм фашизмом, то гораздо труднее назвать фашизм... сталинизмом. У сталинизма с фашизмом немало общего — антиевропейского прежде всего, что и отличает их вместе от того же классического европеизма, но между ними есть и немало принципиальных различий: сталинизм, в отличие от фашизма, не ставил цели господства одних людей — полноценных-де — над другими — якобы неполноценными, а стремился, объединяя людей в единую трудовую и житейскую общность, избежать любого властно-эксплуататорского между ними иерархического соотношения, явно надеясь на возможность трудовой и общежитейской между людьми кооперации, включающей в себя и управителей, и управляемых; сталинизм базировался на реальном интернационализме и был весьма терпим к этническим спецификам, правда, находя их исторически временными и заслуживающими скорейшего преодоления, он не пытался один этнос ставить выше другого (других), как и всячески подавлял стремление к любой этнической исключительности; сталинизм, далее, хоть и был диктатурой с непогрешимым во-

ждём во главе, но не доходил до полной абсолютизации личной власти, как это случилось у фашистов с их всевластным вождизмом (Сталин — вождь народов, но вождь, который *при* народах, а вот тот же Гитлер — тоже вождь, но лишь германского народа, а сами германцы при этом лишь *при* вожде). Сходство между сталинизмом и фашизмом, безусловно, есть, ибо оба феномена отрицали нововременское европейство с его либеральным гуманизмом и были на стороне постевропейского авторитарного деспотизма — *корпоративного* у фашистов и *кооперационного* у большевиков. Однако между феноменами имелись и заметные генетические различия, ибо фашизм вышел из католической и протестантской Европы, воспылав любовью как к древнему имперскому Риму, так и к германскому имперству одновременно, а сталинизм, хоть и склонялся признательно к ордынщине, был вынужден, вдохновляясь по преимуществу западным марксизмом, считаться и с частично византийской по происхождению, но вполне русской по жизни православностью. Тевтонизм и та же ордынщина — не одно и то же, а что говорить в сравнении с жёстко агрессивным германизмом о стойкой и инертной русскости, которую хоть и попривчал большевизм, но вовсе не устранил, более того, не только к ней вынужденно приспособлялся, но и добровольно в себя впускал? Почвы у фашизма и сталинизма всё-таки разные, и «воздуха» друг от друга отличные, и семена этнографические тоже, и выросшие из них этнодеревья, а что говорить о вызревавших на них гуманитарных плодах? Похожие, конечно, пожалуй что, и однородные, но вовсе не одного поля ягоды — *разных!* Фашизм соблазнял своих адептов идеей сверхчеловека и возможностью обращения недочеловеков в полное и вечное рабство, сталинизм же увлекал своих сторонников общечеловечностью и возможностью равноправного трудо-творческого бытия, хотя оба не преминули привлечь себе на помощь массовые репрессии: один в адрес несогласных и явно недостойных не то что фашизма, но и самого на

земле существования, другой же тоже в адрес несогласных и якобы мешавших строительству новой жизни. В вопросе репрессий между деспотическими феноменами прослеживается заметная близость, хотя тут и была отчётливая разность в целях и задачах репрессий: у фашизма имело место более видовая чистка, у сталинизма же — классовая. Осудить обе системы за насилие, репрессии, чистки, концентрационные лагеря, людские потери, казни, жертвы, войны, рабство и тому подобные «вещи» сегодня легко и просто, как и поискать немалую разницу между двумя дерзкими явлениями, пытаясь очернить или же обелить одно перед другим, в чём-то каждое из них оправдать, как и немилосердно осудить, а в итоге отдать кому-либо оценочное предпочтение, но совсем не это главное — главное всё-таки в том, чтобы *всё это* понять: *что же* случилось с Европой и в Европе, как и с Россией и в России, *почему всё это* вообще произошло, закономерно ли это было или же всё как-то само собой «бабахнуло», линия ли тут геннообусловленная из глубины веков или же всего лишь мгновенно-спонтанная поверхностная девиация?

476

В исходе и в основании дело тут в большой судьбоносной ставке, которую сделала Европа на освобождённого от сакрального диктата и возвысившегося над природой человека, мало того — человека-демиурга, но реализовавшего себя в контексте открытого Ренессансом и Реформацией и закреплённого Просвещением Модерна отнюдь не всеобщее, не одинаково, не равномерно, может, и с кое-какой свободой, но не в братстве и вовсе не в равенстве, а совсем даже по-разному, с очень разными долями успеха и неуспеха, в результате чего сложилась новая внутривосточная и международная, уже модерновая иерархия, состоявшая как из выделившихся успешных, так и вышедших неудачниками, когда успешные — индивиды, группы, классы, страны — стали социально-

политически доминировать в европейском мире и экономически эксплуатировать неуспешных, а ведь эти последние тоже были свободные-де европейцы — индивиды, группы, классы, страны. Отсюда и неожиданно-ожиданный результат: неуспешные нижние, а это был отнюдь не один фабричный пролетариат и не только какие-нибудь колонии, мало на что вообще претендовавшие, а, с одной стороны, особый разночинный, он же и разношёрстный, средний слой, включавший явно обойденную Модерном часть европейского населения, а также столь же обойдённые Модерном отнюдь не второстепенные европейские страны, вполне претендовавшие не только на достойное место под модерновым солнцем, но и на в Новом мире доминирование, а ежели это было невозможным, то и на ликвидацию Модерна ради совсем уже *иного бытия*. В этих крайних обстоятельствах успешный модерновый верх шёл на жёсткую конфронтацию с низом, стремясь во что бы то ни стало сохранить и усилить своё глобальное превосходство. Что же касается всех недовольных состоявшимся Модерном, то они тоже не сидели, затмив умы и сложа руки, а активно втягивались в систематическую борьбу не только с успешными модерновыми субъектами, но и с... самим уже кризисно-загнивающим европейским Модерном. Так зарождались и усиливались такие нововременские «штучки», как империализм, Революция и Война, а наряду с этим возникали и укреплялись уже антимодерновые Социализм и Фашизм. Верх энергично сопротивлялся, ведя репрессии против революционного движения, не давая подняться отставшим-де странам — возможным конкурентам и развязывая спасительные-де для себя внутриевропейские и колониальные войны, но при этом и искал возможности лукавого сближения с новыми протестантами (уже во многом антихристианскими, атеистическими, безбожными), пытаясь влиять на них в свою пользу и использовать в своих интересах. Одной своей частью новое протестантство отвечало взаимностью (соглашательство, оппортунизм,

реформизм), а другой, наоборот, резким несогласием и произвольной экстремальностью (большевизм, терроризм, фашизм). В итоге общего кризиса Модерна и затянувшейся внутрисистемной и межстрановой борьбы, резко усиленных и ускоренных всеобщим милитаризмом, новое европейское протестантство не только вступило на дорогу всесторонней ожесточённой схватки, но и практически полного отрицания Модерна, как и самой современной Европы, а в той же отсталой-де России — российского *недо*-Модерна вместе с самой недо-модерновой, то бишь недоразвитой-де Россией. На повестку дня вышли Тоталитаризм и Экстремизм, чем и вдохновилась наиболее нетерпимая и решительная часть примодернового протестантства — та же большевистская для России и та же фашистская для Европы. И что интересно: то был бунт не просто вообще современного человека, а бунт уже совсем другого человека, чем в самом начале Модерна — совершенно, так сказать, отвязанного, не только освободившегося от Бога и возвысившегося над Природой, но ещё преклонявшегося перед собственно человеком (включая, увы, и бесовека), а теперь вот уже возвысившегося *над самим человеком*, мало того — решительно уже и *отрицавшего самого человека*, причём не только в его современном образе, но и *вообще человека* — как неполноценного, никчёмного и ненужного существа! На повестку выходил не какой-то там либерально-гуманистический проект равных-де возможностей, а проект крутой переделки человека и всего его бытия, сочетавшейся с подавлением и удалением не только проектом приговорённых, но и всех, так сказать, с проектом несогласных либо ему по тем или иным причинам мешавших, причём проект не постепенно-последовательного становления нового человека вкупе с новым бытием, а революционного внедрения уже заранее обдуманной и вполне-де обоснованной человеко-бытийной матрицы. Демиургировать так демиургировать, безо всяких там отнародонаселенческих инициатив и независимых от проекта процессов! Да, это было

уже ультрамодерновое, оно и постмодерновое, оно и антимодерновое, проектирование — социалистическое ли, фашистское ли, либо ещё какое-нибудь вроде того же анархического, — и в любом случае это было ещё и по-своему *вне-* и *анти-*историческое деяние, противостоявшее не только Модерну с его современной Европой и притулившейся к Модерну неомодерновой Россией, но и всей истории вообще, а вместе с этим и всему миру вообще, даже и всему человекообразному феномену вообще, всей вообще Вселенной! Исключительно амбициозно и претенциозно, уже не в Бытии, а как бы *вне* и *сверх* Бытия, ни с чем и ни с кем не считаясь, разве лишь с муравьями и термитами, хорошо организованное существование которых служило для новых демиургов примером идеального-де обустройства человеческого существования. Внутриевропейские межстрановые противоречия и противостояния (прежде всего Германии и Италии против Англии и Франции) только всему этому перерождению Европы и европейцев способствовали — вполне и бесовчески!

477

Так или иначе, но новая евродемиургия была нацелена не только на *ультра-* или *пост-*Модерн, но и на *пост-*человека, или же, по крайней мере, на *ню-*человека. Раз свободно переделывали весь жилой и уже пожилой мир, сооружая мир молодой, новый, ультраискусственный, то почему бы было не заняться переделкой и самого человека, его тоже весьма и нещадно омолаживая, обновляя, обыскуствивая. Для фашизма, устремлённого идейно более всего назад, в прошлое, к давно прошедшим цивилизациям (Египет, Вавилон, Рим), не говоря о германо-викинговском язычестве и том же вроде бы христианском рыцарстве, здесь не было ничего вообще особенного — что-то подобное в древности уже бывало, — требовался лишь крутой разворот к силовому, милитарно-жреческого пошиба деспотизму. Гораздо сложнее было социа-

лизму, ибо такого никогда ранее не существовало, не считая не имеющего касания к собственно социализму — тут ведь цивилизация всё-таки! — так называемого первобытного коммунизма — натурального, примитивного, наивного. Фашисты вдохновлялись вполне реальными имперскими образчиками, а социалисты-коммунисты — чистой утопией, обращённой в какое-то несусветное будущее. Фашисты оказались куда как реалистичнее своих красных оппонентов, ибо, вполне угождая зверобесовской природе человека, стремились к выведению на бытийную поверхность в общем-то уже бывавших в истории человеческих типов — хозяев жизни, с одной стороны, и принадлежавших хозяевам рабов — с другой стороны, как и к созданию толпо-элитарной иерархической конструкции уже постчеловеческого общежития. Социалисты же, впитав в себя утопическую идеологию общечеловеческого братства и равенства, были очень далеки от реальности, а потому и быстро скапались до куда более реалистичного — так сказать, полу- или недосоциалистического — сталинизма. Фашисты просчитались в своём стремлении заместить собою уже существовавшие и действовавшие господские элиты афино-карфагенского (финикийского) толка и со своей рабовладельческо-человеконенавистнической идеей сверхчеловечества, покоряющего всеобщее недочеловечество, ибо разбудили в отвергнутой фашистами части земного населения своего непримиримого врага и вызвали в нефашистской среде упорнейшее фашизму сопротивление — не на жизнь, а на смерть! Здесь фашисты проявили себя не менее наивными утопистами, чем социалисты, настаивавшие на исходной доброкачественности человека вообще и его непрременном желании оказаться в равноразмерной совместности. Сочетая социализм как учение с имперо-этатической практикой, сталинизм показал себя в общем-то немалым реалистом, но вовсе не полным, скорее, так сказать, полуреалистом, ибо и сталинизм не мог быть со своим общественно-государственным тоталитаризмом и дисципли-

нарно-принудительным социализмом вполне и надолго адекватным человеку, склонному к личной, семейной, коллективной, местной, вообще любой частной жизни, снабжённой необходимыми свободами и не пренебрегающей никакими исключениями. Вышло в итоге так, что фашизм встретил мощнейшее в мире сопротивление и был в конце концов разбит, а сталинизм, поучаствовав в разгроме фашизма по воле самого же фашизма, выжил, мало того, поимел на фоне поверженного и оказавшегося уже совершенно ужасным фашизма шанс не только немало укрепиться, но и заметно легитимироваться, более того, занять вполне ведущее и весьма перспективное место в мире — как в идейно-концептуальном, так и в импероцивилизационном аспектах.

478

Новую в XX в. евромирную войну, или, как принято ныне говорить — Вторую мировую войну, развязал фашизм — в лице прежде всего своего германского отпрыска. Но это была вовсе не только, а может, и не столько, собственно фашистская война — как война за фашизм как таковой, хотя всё это и было, а была война чисто *империльная* — как собственно германская (не без участия на стороне Германии её союзников), так и собственно европейская, хотя и более всего континентально-европейская, причём война не за одно лишь преобладание Германии в Европе, но и за господство германизированной (офашизированной) Европы в мире. По своей глубинной природе и исторической обусловленности эта война ничем не отличалась от войн Александра Македонского, Юлия Цезаря, Наполеона Бонапарта, а эти последние, как и многие другие великие делатели истории, мало чем отличались, кроме текущей риторики, общепринятых в их времена одежд и распространённых тогда же манер, от того же Гитлера, причём и от вполне фашиствующего Гитлера. Фашизм, хоть и явление XX в., но вовсе не изобретение XX в., — не принято говорить

о том же Бонапарте как о фашисте, но чем он, собственно, отличается, опять же кроме риторики, одежд и манер, от Гитлера и того же Муссолини? Бонапартизм — тот же империализм, только от лица не Германии, а Франции, с теми же войнами на европейском континенте, только по преимуществу в направлении с Запада на Восток, а не с Востока на Запад, с тем же соперничеством с империальной Англией и той же попыткой сокрушить всё ту же имперскую Россию, только во времена Гитлера называвшуюся СССР. Да, у Бонапарта вроде бы не было расизма и того, что ныне называется антисемитизмом, но разве не было у бонапартистов чувства превосходства Новой Франции надо всей Европой, да и не только над Европой? Разумеется, Бонапарт в прямом значении слова не фашист, но и Гитлер в прямом значении не бонапартист, хотя оба они явно из одной и той же исторической *мастер*-ской, конечно же, *крипто*-мастерской. Бонапарт, — и не только он, — предтеча Гитлера, а Гитлер, — и не только он, — верный последователь того же Бонапарта. И ежели Бонапарт-де не фашист, то Гитлер — вполне уже последовательный бонапартист. Однако не всё тут просто — Бонапарт не только явный основатель бонапартизма, но и вполне себе явленный предшественник... фашизма, хотя бы того же «италианского» или испанского, гораздо более мягких и, так сказать, цивилизованных, почти что французского образца. Германский фашизм со всем своим германским имперством — прямой наследник македонизма, цезаризма, карлизма, бонапартизма, но и папоцезаризма тоже, он верный сын империальной, захватнической, колониалистской Европы, и ежели отличался чем-то существенным от своих предшественников, то лишь своим прямолинейным и грубым маргинализмом, позволившим обратить лукавый еврогуманизм в почти что праведный евроантигуманизм. Фашизм, в отличие от своих более затейливых исторических аналогов, ушёл попросту дальше, дойдя в своем чуть ли не искреннем рвении до полной крайности — до расправы с человеком не

просто как вынужденным насельником земной территории, мешающим своим бытием другому человеку, а как с вредным и вообще ни на что воистину великое и возвышенное негодным существом, почему-то оказавшимся в огромных количествах на планете по имени Земля.

479

Сколько-нибудь внимательного чтения той же Библии, в особенности Ветхого Завета и Апокалипсиса, вполне достаточно, чтобы понять явление в истории не только капиталофиникийской Европы, но и таких социальных изобретений хитроумного еврочеловечества, как социализм и тот же фашизм. Ничего по сути нового! Общим фоном служит всё та же, то ли от чего-то падшая, то ли как-то вдруг подпорченная, то ли попросту изначально недоброкачественная природа человека, прямо со всеми её «достоинствами»: исходной и даже фундаментальной зверскостью, вполне звериной борьбой за существование и потребление, за неравенство и верховенство, за кормящую и укрывающую территорию; вполне сознательной эксплуатации всего и вся, включая и себе подобных, а потому и с насилием, соперничеством, подавлением, захватами, грабежами, разорениями, покорениями, истреблениями (о каннибализме тут можно и помолчать), в общем — с разнообразной и в общем-то тотальной *войной*, но при этом мотивируемой вовсе не только физически (физиологически, натурально, материально), но и метафизически (идеально, идейно, идеологически). Культура, а затем и цивилизация — следствие не одних лишь мирно-мировых согласий, но и ожесточённой борьбы. И везде одна и та же сакральная ставка — жизнь! Жизнь вроде бы продукт и следствие жизни, но при этом и продукт и следствие... смерти, как и в свою очередь смерть — продукт и следствие жизни. Хочешь жить — живи, но и... умирай, а не хочешь умирать — умри! Постоянное по ходу бытия смертоносное жертвоприношение — сначала более всего просто

обыденное, затем всё более сакрализованное, наконец — непосредственно сакральное! Жертвы, жертвы, жертвы! Да ладно бы из-за естественных потребностей физического выживания и материального благоденствия, а то ведь и по причине внедрения и борьбы идей, идеологий, культур, цивилизаций, в том числе и даже в первую очередь... религий! Уничтожение, причём-де и по прямой воле самого Господа Бога, целых народов по одной лишь религиозной причине (так называемых «неправильных» язычников, к примеру, теми же правильно-де верующими иудеями), не говоря уже о разного наименования людских масс, погрязших-де в грехе — действительном, наверное, но, наверняка, и мнимом тоже. История человеческая — история постоянного и весьма массового людского жертвоприношения, но не одна вовсе прошлая история, а и настоящая, как и, судя хотя бы по Иоанновому откровению, неизбежного будущего. Ничего удивительного нет ни в египетском, ни в вавилонском, ни в индийском, ни в китайском, ни в библейском, ни в римском рабствах, ни в беспощадном к инкам кортесианстве, ни в уничтожении коренных аборигенов в по-европейски уже обозванной земле — Америке, ни в отлавливании масс чернокожих африканцев и их последующей продаже в США в достойной роли недостойных рабов — «говорящих животных», ни в английских пиратстве, колониализме и пролетаризме, ни в ультрасовременной финансово-финикианской эксплуатации тех же китайцев и вообще всего «недоразвитого»-де мира. И почему же так уж плохи оказались вдруг беспощадные к своим противникам и любым сопротивленцам те же германский фашизм и советско-социалистический сталинизм? Чем германцы-фашисты или «советисты»-сталинисты хуже египтян, вавилонян, македонцев, иудеев, римлян, викингов, крестоносцев, татаро-монголов, турок-сельджуков, всяких там варваров, тех же англичан с испанцами, даже и самих пап римских, как, собственно, и орто-

доксальных византийцев, даже и мифологических амазонок?
Ничего тут для Истории, увы, нового!

480

Италийский папоцезаризм с ренессансным политиканством в самой его сердцевине — если и не совсем хорошо, то, во всяком случае — приемлемо, а вот гитлеризм со сталинизмом — мало того, что очень плохо, но совершенно, знаете ли, недопустимо! Отмечая факт того же фашистско-германского холокоста (истребления) относительно евреев, славян и иного «неполноценного» люда, неплохо бы иметь в виду и иные, совсем при этом и не малочисленные, холокосты, подаренные человечеству жертволюбивым ходом истории. Да, много плохого оказалось в проигравшем и подвергнутом остракизму фашизме, как и немало нехорошего выявилось в пережитом и отстранённом сталинизме, но почему же вдруг всё у этих «измов» случилось именно так: инквизиторски, карательно, избирательно, жестоко, беспощадно, каннибально, но при этом и подъёмно, и старательно, и энтузиазменно, и миссионерно, в общем — с исторической точки зрения очень и очень интересно?!

481

К личному злодейству гитлеров и сталиных всё тут не свести, даже и к злодейству соответствующих партий, группировок, кланов или даже банд, ибо всё это произошло вовсе не случайно, не само собой, не без жёстких благоприятствующих обстоятельств и въедливых провокационных идей. Что могло случиться другого во взбесившейся закатной Европе, давно уже распрощавшейся со своими богами и впавшей в мертвящий безбожный постмодерн, как и в потерпевшей поражение от мирового ревинтернационала России, умильно взиравшей долгое время на эту самую Европу и у неё старательно учившейся? А ведь в еврофашизме и в «россо»-сталинизме было

что-то и спасительное — как для Европы с её будто бы «гуманистическим» человеком, так и для России в её «варварским»-де людом. Антикризисное управление в разгар апокалиптических кризисов — что в Европе, что в России, вполне вынужденно ставшее не просто негуманным, но даже вполне и... античеловеческим! И ежели в Европе всё это творилось ради лишь европейского сверхчеловека — хозяина планеты, её госпоина, то в России-СССР ради сразу всех «планетариев», уверенно и беспощадно освобождённых от элитарных хозяев-господ и вольно-де трудившихся во благо собственного равномерного и размеренного бытия. Там и там был, конечно, миф, но миф-творец, приведший в одном случае к немедленному, вполне и огненному, поражению-возмездию, а во втором — к отложенному на время, но зато и совершенно тусклому, поражению-оборотню.

482

Конкретно-исторический фашизм в Европе вроде бы кончился, хотя фундаментальные потенции чего-то фашистенького вовсе из западного мира не ушли. Да и сам по себе еврофашизм не исчез насовсем в пучине истории, а попросту ушёл в тень, затаился, лёг на дно, законспирировался. Отлёживается где-то в нижних слоях бытия, вовсе при этом не околеваая. А что касается новизны, то она в общем-то тут как тут, но более всего уже на глобальном уровне, прямо на всемирном верху, хотя и под другими именами и с другими словесными эскападами. Нет, никакого буквального фашизма, никаких спартанских единений, но... с кое-каким всё же насилием, с кое-какой диктатурой, с кое-какой сегрегацией, с кое-каким господским доминированием, с кое-каким *рабо*-пользованием, с кое-какой пропагандой, с кое-какими войнами, с кое-каким империализмом... вот оно как!.. и, заметим, без особых и прикрас, хотя... свобода, демократия, единение, сотрудничество, общий дом... в общем — фашизм без фашизма, либо безфа-

шистский фашизм — этакий неофашизм с разнообразными тоталитаризмами, корпоративизмами, иерархизмами, «нетизмами», а в итоге — сложно устроенная и целеположенно реализуемая *мировая власть!*

483

Наибольшую, а во многом и исключительную выгоду из Второй евромировой войны, как и того же мирового экономического кризиса, извлекли в XX веке Соединённые Штаты Америки, они же Новая Европа и чуть ли не Новая Атлантида, во всяком случае — АтлантиЕвропа. США вышли из войны не только одним из победителей в составе военной антифашистской коалиции, но и самой сильной державой в мире, и самым настоящим главой всего ЕвроЗапада, включая и азиатскую Японию. Самая передовая и мощная в мире индустрия, сильнейшая экономика с доминирующим в мире монетаризмом-финансизмом, разнообразная наука и продуктивнейшая технология, эффективное внедрение научно-технических разработок в производство, высокопроизводительное сельское хозяйство, активно развивавшийся неоиндустриализм, а главное: изобретательные мозги, собранные чуть ли не со всего мира, новейшие технологии, оперативная — корпоративная в основе — система управления хозяйственной жизнью, гибкая — внешне демократическая, а на самом-то деле скрыто олигархическая — гражданско-государственная система. Ничего не скажешь — АМЕРИКА! Могучая, мобильная, прогрессивная, богатая! Сосредоточившая в себе в максимально чистом виде всю западную прагматику, весь новоевропейский рационализм, не отвергшая религий, но им не подчинившаяся, не ставшая полностью светской, но и не впавшая в зависимость от какой-либо «мистической» традиции, открыто устремлённая в будущее и непрерывно обновляющаяся. Дело, деньги, личный успех, право, закон! Либерализм! Но и корпорации всех мастей, государство в роли «ночного сторожа» и «скром-

ного» регулятора экономики, независимый-де суд и непреклонная пенитенциарность. Частная собственность, частная инициатива, частное присвоение! Но и итоговая общественная польза! В общем — Афины, ранний Рим, Карфаген. Но при этом и... *Империя!* По духу, по стилю, по амбициям. Не так, быть может, по идее, как по сути, не так по замыслу, как по факту. Этакая неоимпериальная империя! И не только по внешнему влиянию на мир, но и по характеру, даже и по убранству. Капитолий, титаническая архитектура с псевдоримскими колоннадами, портиками, конями, орлами — всё говорит об Империи, ей служит. Одни памятники отцам-основателям уникального государства чего стоят — гигантские, монументальные, неприступные, подавляющие. Нью-Йорк — это одна Америка: экономическая, финансовая, капиталистическая, но... вполне и империальная — по финикийской линии; Вашингтон — уже другая Америка: политическая, силовая, дипломатическая и... ещё более империальная — уже непосредственно по государственнической линии; обширная «местечковая» или территориальная Америка, со всеми своими мегаполисами, городами, поселениями, промышленностью, сельским хозяйством, это великая опора Нью-Йорка и Вашингтона, их тыл, их резерв, их ресурс, но как бы уже и третья Америка. А вместе все эти три Америки в одной Америке — колоссальной мощи имперское ядро, запущенное в мир человеческий не кем-нибудь, а Европой с её Ренессансом и Просвещением, масонством, гуманизмом и либерализмом, деньгами и капиталом, наукой и техникой, освобождённым от тенет Природы и опеки Господа Бога человеком-творцом-демиургом!

484

Америка (эти самые США) не только выиграла сама, став первой державой мира, причём державой-инноватором, идущей безудержно вперёд, но и обеспечила под своим не-

усыпным контролем и неустанным водительством послевоенное возрождение старушки Европы — как в её победительной (Англия, Франция), так и в побежденческой (Германия и Италия прежде всего) частях, присовокупив к Европе ещё и побежденную под эхо американских атомных бомбардировок Японию. Производственная база, технологии, наука, предпринимательство, менеджмент, золото, финансизм, капиталы, бизнес, потребление, достаток, богатство, высокий уровень жизни, неустанный оптимизм, свобода, демократия, вольнолюбивый джаз, умопомрачительная кинопродукция, но и авианосцы с летающими крепостями, атомная бомба... всё было у Америки и только у Америки, а уж никак у разорённых, ослабленных и растерянных европейцев с японцами. Американская помощь оказалась для западного мира не просто нужной и своевременной, но и чрезвычайно эффективной. Европа с Японией весьма скоро очухались от ужасной войны, подкрепили и, усиленно трудясь, вступили на путь ускоренного развития. Нет, не по-американски, совсем не по-американски, хотя в чём-то и по-американски, а более всего по-европейски и по-японски, но уже по-новому — по-новоевропейски и по-новояпонски. От экономического, технического, политического, идеологического и даже культурного доминирования Америки невозможно было насовсем уйти, хоть Европа и Япония старались всё время держать лицо, а потому в итоге получалось что-то компромиссное: Великая Америка, этот командор-управитель-опекун, и весь остальной Запад, включая Японию, а потом и иные страны, старающийся не отстать от передовой Америки, но сохранить при этом кое-какую важную для себя традицию вкуче с кое-каким, пусть и не слишком твёрдым, самостоянием.

485

В борьбе с мировым фашизмом, а потом и с вдруг явившимся по итогам Второй мировой войны мировым социализ-

мом во главе с СССР, имперо-демократический Запад, включив в себя милитарно провинившиеся и проигравшие в войне Германию, Италию и Японию, сплотился под руководящим покровительством неимоверно усилившихся Соединённых Штатов и вошёл в послевоенный исторический поток как весьма консолидированное межстрановое и межгосударственное содружество — как мировая имперо-капиталистическая система, скреплённая большим военно-оборонительным пактом (НАТО). С межимпериалистическими войнами было покончено, что не значит, что было покончено с империализмом как таковым, наоборот, западноевропейский, он же и евроамериканский, империализм лишь вошёл в новую фазу бытия — в фазу уже транснационально консолидированного, хотя и не без внутренних для себя противоречий, империализма, устремлённого, нужно особо заметить, к тому состоянию, которое было названо в начале XX в. *ультраимпериализмом*.

486

Вольные или невольные союзники США по мировому империализму весьма уверенно поднялись после войны экономически, технически, социально и политически, разумеется, по-разному и с разным успехом, но... все до одного поднялись... конечно же, при прямой и существенной материально-технической помощи США. Накопившая огромную мощь Америка не только не бросила на произвол судьбы никого из своих империальных союзников, но дала возможность не отстать от всестороннего развития, включая и таких «союзников», как Германия или Япония, которые, проиграв в пух и прах в войне, приняли все условия навязавшегося им «старшего брата» — США и, немало затаившись, пошли по пути демилитаризованного бытия, сосредоточив усилия на подъёме в своих странах передовой производительной экономики, включая научно-техническую сферу. Примерно тем же занялась и Италия, хотя и с меньшим успехом, чем Германия и Япония,

совершившие явно большой рывок, названный соответственно германским и японским «чудами». Важно заметить, что США не только не добивали побеждённые страны, но, наоборот, обеспечили их быструю модернизацию, общий подъём и вполне современное в научно-техническом плане *развитие*. О союзных странах-победительницах — Англии и Франции, точно так же получивших поддержку США, и говорить не приходится: всестороннее развитие, правда, без особых на то «чуд», не исключавшее, конечно же, и военной области, в которой эти страны, в отличие от побеждённых Германии и Японии, не заимели никаких ограничений.

487

Консолидированный под эгидой США (и в немалой степени Англии, продолжавшей влиять втихую на американский истеблишмент, хотя и в роли уже не так «старшего брата», как более всего «старого друга»), западный империальный мир, противостоя развивавшемуся самостоятельно и весьма усиливавшемуся социалистическому миру (по крайней мере так называвшемуся — *социалистическим*), смог, не утратив своей, скажем так, трудо-творческой предпринимательской энергии, как раз той самой, что пришла в Европу с Модерном, не только ослабить постигший его на рубеже XIX — XX вв. общий кризис, ознаменованный двумя мировыми войнами, но и обеспечить последовательное всестороннее и весьма устойчивое социо-хозяйственное развитие, причём вполне темповое. Всё это было необычно и неожиданно: вместо раздора, распада, падения и революционного сброса умиравшего-де имперокапитализма его — этого имперокапитализма — стабилизация, консолидация, общее, при этом ещё и весьма стремительное, обновление, развитие и рост, причём не без спадов и заминок, межстрановых противоречий, классовой борьбы (но уже преимущественно за потребительский пирог). Возымели место корпоративизация и социализация западного мира, подъём

всем уже явно довольного «среднего класса», утверждение, особенно в Европе и Японии, системы социальной поддержки и защищённости масс населения, а в некоторых странах типа Швеции, Норвегии, Финляндии, Австрии, произошло чуть ли не водворение социализма, правда, социал-демократического социализма — либерального, экономического, бернштейнианского. В общем, случилось в западном, европейском, империализированном мире какое-то всамделишное... *чудо!*, о котором как-то не принято говорить, но которое, тем не менее, случилось, да ещё и возымело немалые, столь же чудесные, последствия — вроде новой научно-технической революции, всемирной хозяйственной глобализации и новейшей постмодерновой цивилизации.

488

Европа, эта-то только что острокризисная, страстно-империалистическая и вовсю боевитая старушка Европа, вдруг занялась — после страшной разорительной войны и в ходе своего нового, уже вполне мирного, развития — не чем иным, как... *внутриевропейской интеграцией*, ослабив и во многом даже преодолев губительные для неё межимпериалистические противоречия, что означало движение Европы не к чему-нибудь, а прямо-таки к... *Соединённым Штатам Европы*, что нашло выражение сначала в образовании скромного «Объединения угля и стали», потом более претенциозного «Общего рынка», затем целостного Европейского экономического союза — ЕЭС и, наконец, вполне уже объёмного *Европейского союза* (ЕС). Вот такой геополитический финт выкинула вдруг омолодившаяся Европа: «Вперёд — к общеевропейской империи!» — ни больше ни меньше, точнее, не меньше, а может, и больше! Общезападный (атланти-европейский) глобализм во главе с США дополнился *общеевропейским глобализмом* — немножко и... антиамериканским! Да, Европа в лице ряда европейских государств-наций выступила в послевоенное время

непосредственной союзницей США, но, как и Англия, не стала совсем уж покорным сателлитом Америки, а, объединившись, заявила себя и весьма самостоятельным, вполне и империальным, игроком на мировой геополитической арене. Евроимпериализм вовсе не исчез с послевоенным преобразованием Европы, а, бытуя по-прежнему всего более в национальных квартирах, перелился в доброй мере и в сверхгосударственный империализм — в некий *региональный ультраимпериализм!*

489

С рубежа XIX — XX вв. до последней четверти XX в. в мировых интеллектуально-политических кругах, в первую очередь антиимперокапиталистического, главным образом социал-коммунистического, направления, было совсем не зазорно всячески гвоздить мировой имперокапитализм, в немалой степени и за дело, охотно указывать на его загнивание и умирание, ожидать нетерпеливо его гибели как от самого себя (кризиса, войны), так и от нарастающей-де мировой антикапиталистической революции. Но проклятый навеки вроде бы всеми прогрессивными силами планеты империализм, он же попросту *мировой империализм*, не только остался на земле, но ещё и перспективно преобразовался, найдя в себе резервы не просто для существования — как разумелось, последнего, но и для всестороннего, пусть и не без кое-какого загнивания и частичного отмирания, развития, причём на базе и по линии нового научно-технического прогресса, то бишь второй промышленной, или же *неоиндустриальной*, революции. Никто из здравомыслящих людей не отрицал и не отрицает факта общего кризиса капитализма, или западной цивилизации, или Модерна, постигшего Европу с Америкой, да и весь мир тоже, на рубеже XIX — XX вв. и продолжавшегося не одно десятилетие, включая две великие депрессии и две мировые войны, но вряд ли найдется реалистически мыслящий человек, который не признаёт факта заметного ослабления и даже некоторого

преодоления этого чудовищного кризиса, что сопровождалось и великой трансформацией имперокапитализма хотя бы в консолидированный, но при этом и развивающийся *ультраимпериализм*. Западный имперокапитализм оказался гибче, приспособительнее, энергичнее и умнее, чем представлялось его неустанным критикам. В чём же тут было дело? Критики эти то ли забыли кое о чём, то ли не придавали этому «кое-чему» значения, а именно — фактору *глобального предпринимательства*, изначально присущего Западной цивилизации, в особенности эпохи Модерна, и вовсе не исчезнувшего в ходе её — этой цивилизации — общего, острого и долговременного кризиса, практически апокалиптического. Какая-нибудь другая цивилизация от такого кризиса развалилась бы и энтропийно саннигилировала, а вот Западная, наоборот, экзистенциально отобилизовалась, борясь за выживание и своё продолжение, а то и за выход на новые исторические рубежи. Имперокапитализм, отчётливо когда-то разделившись и изрядно внутри себя передравшись, нашёл-таки возможность не только в основе уцелеть, но и весьма обновиться, усилиться и даже возвыситься — как над самим собою, перейдя в ультраимпериализм и освоив неоиндустриализм, так и над земным миром в целом, завершив дело подконтрольным ему *всемирным глобализмом*.

490

Особенность Западной, то бишь европейской, евроамериканской, атланта-европейской, цивилизации, характерных для неё социальной, хозяйственно-экономической, политической и государственной систем, состоит, как бы практически всё это ни строилось, в качественной динамике «снизу вверх», когда негэнтропия устремлена «снизу вверх», что предполагает постоянную и гибкую жизнеспособность «низа» (фундамента) и соответствующую лабильность «верха», а в итоге подвижность и изобретательность как «низа», так и «верха», как общества, так и власти, как населения, так и государства.

Иерархия имеет место, но не тотально диктатная, не разносторонне произволовая и не лимитарно статическая. Интеллект и инициатива не только не устраняются с любого иерархического уровня, но постоянно ими предполагаются. Кризисы не «погубляют» интеллект и инициативу, а, наоборот, вызывают их к активной жизни, усиливают и воодушевляют. Циркуляция жизненных токов как «снизу вверх», так и «сверху вниз» никогда не прекращается. Отсюда любого рода мобильность и изменчивость, обеспечивающие выживаемость, приспособляемость и обновляемость всего социумного целого, не только допускающего кризисы, но и в них нуждающегося, их эффективно, пусть иной раз и весьма затратно, даже жертвенно, использующего для преобразования и продления своего бытия. Кризис в такой цивилизации колюч, рискован, опасен, но... он вовсе не обязательно целостно и конечно эсхатологичен. Не будет большим преувеличением сказать, что Западная цивилизация... любит... кризисы, являющиеся залогом её регулярных превращений и бессрочного бытования. И ежели этой цивилизации суждено погибнуть как раз от самой себя, то не по причине имманентных ей бытийственных противоречий и кризисов, а либо вследствие полного отказа от национальных специфик и хомогенных этнокотлов в сочетании с переполнением Европы, включая и США, чуждым популяционным элементом; либо по причине полной отдачи себя в лапы гедонизма, феминизма, инфантилизма и так называемой сверхгуманистической толерантности (политкорректности) в сочетании с полным изнашиванием и старческой необновляемостью всего социального организма; либо вследствие глобального столкновения Запада со всем вселенским контекстом, которое они способны-таки вдруг спровоцировать, но при этом не обнаруживая способности предотвратить его разрушительных для себя последствий.

Прямой противоположностью Западной цивилизации, как и её главным на некоторое время альтернативным оппонентом, стала некая «евразийская цивилизация», возникшая на территории бывшей российской империи и в основном вблизи неё — так называемая *социалистическая цивилизация*, в сердцевине которой оказалась советско-социалистическая, а по сути-то — сталинская, цивилизация. Эта «евразийская цивилизация» со всеми своими подсистемами была устроена совершенно наоборот — не «снизу вверх», а «сверху вниз», когда негэнтропия задается не без систематического и системного насилия непосредственно сверху — от власти, овладевающей... и владеющей... народными массами. В ней тоже присутствует социальная иерархия, но уже другая, не очень-то склонная к переменам — что самопеременам «низа», что автопеременам «верха». Не текущая самодеятельность общества-населения задаёт тут общее житнетворчество, а спонтанная, часто ничем полезным и объективным не оправданная, как и профессионально не слишком мотивированная, вполне и произволовая, инициативность власти. Общество-население вершит то, что либо волюнтаристски и директивно навязывается ему верхом, либо достаётся ему «с остатку», оказываясь по большей части приспособительным к падающему сверху интенционизму или попросту выживательным на уровне самого низа. Если в Западной цивилизации имеет место «малая несвобода ради большой свободы», то в противоположной ей «евразийской цивилизации» присутствует более всего либо «несвобода для несвободы», либо же некоторая «малая свобода» при «большой несвободе», а в лучшем случае некоторая «свобода от несвободы». На Западе так или иначе реализуется гражданство, в «евразии» же... армейство; там — Афины и Карфаген, а здесь — Спарта и имперский Рим; там экономика, капитал и предпринимательство, здесь — натуральщина, понуждаемый труд и тягловое служение; там — творчество ради творчества

и из творчества, здесь же — творчество ради внешней относительно самого творчества цели, да ещё и по непрекращаемой необходимости. В общем, очень разные это цивилизации: с одной стороны, западная — предпринимательская и имперокапиталистическая, а с другой — «евразийская» — командно-исполнительская, как будто бы даже социалистическая, но при этом тоже империяльная, вдохновлявшаяся вполне глобалистической по духу и замыслу мировой социалистической революцией, возжелавшая напрямую потягаться с имперокапитализмом за имперское доминирование в мире.

492

Христианская, а лучше бы сказать христианизированная, Европа, в досталь заражённая к концу Средневековья антихристианством, далее только усиливавшимся вплоть до полного отрицания христианства, породила в эпоху Модерна не одну лишь экономико-капиталистическую, предпринимательскую, либерально-демократическую, чуть ли не идейно-плюралистическую цивилизацию — *еврокапитализм*, но и полного антитипа этой цивилизации, правда, более виртуально-проектного, чем реально-действенного, а именно цивилизацию натурально-хозяйственной и трудо-социальной ориентации, общественного самоуправления и идейного монизма — *евросоциализм*. Социо-хозяйственный демиургизм Европы выразился дважды и двойственно — как в пользу частного начала, так и в пользу общественного. И ежели первый евроцивилизационный проект, будучи первым по исторической очереди и достаточно для неохристианского и даже постхристианского евросоциума естественным, пережил бурное становление и последовательное развитие, дойдя до имперокапитализма, или мирового империализма, а потом и всемирного ультраимпериализма, или всемирного глобализма (капитало-глобализма), то второй евроцивилизационный проект, будучи и вторым в исторической очереди и не очень-то для всего евросоциума

подходящим в силу явной надуманности и искусственности, не получил ни полного внедрения в евробытие, ни возможности полностью заместить собою еврокапитализм, а потому либо реализовался в Европе лишь частично — как дополняющая и корректирующая еврокапитализм подсистема (социал-демократизм), либо реализовался на короткое время в крайне жёсткой интерпретации (социал-фашизм), либо вообще не реализовался (социал-коммунизм). Европа не допустила в своей среде торжества «подлинного» социализма, нуждавшегося в антикапиталистической (и антиевропейской!) революции, ещё и мировой, ещё и пролетарской, ещё и беспощадной, т. е. нуждавшейся в расчищении социального европоля — вплоть до уничтожения верхних («нетрудовых») классов. Зато Европа смогла, пойдя на две мировые войны и буйство фашизма — этого законно-незаконного дитяти империализма, социализма, национализма и расизма сразу, предотвратить наступление в Европе «социалистической эры», подавив свой внутренний радикальный социализм сначала через призывание на борьбу с ним фашизма, а потом и через победу над самим фашизмом, как и выдавив ранее из себя евросоциализм вовне, а именно — в Россию, в страну, которую Европе было совсем даже «не жалко»! Борьба с фашизмом, правда, потребовала от Европы политического компромисса... э-э... с «советским социализмом», совместной с ним борьбы с фашизмом и последующих за совместной победой над фашизмом уступок восточноевропейскому «союзнику» в виде отдачи в социалистическое, а на самом-то деле — сталинское, лоно ряда стран Центральной Европы, примыкавших к СССР, и которых тоже было «не очень-то жалко» (тому же хитроумному Черчиллю). На востоке Европы, так сказать — в Евразии, социализм воплотился, конечно же, не как собственно европейский, а как уже «евразийский», быстро превратившись с победой во Второй мировой войне и с образованием мировой соцсистемы в социал-империализм — параллельный мировому империализму и ему

противостоявший, с ним активно и последовательно борющийся — вплоть до возможной горячей (и даже с применением оружия массового поражения) мировой войны. Новейшее послевоенное время — эпоха противоборства двух мировых систем: имперокапиталистической и имперосоциалистической, а несколько иначе — евроатлантической и «евразийской». Сталинский «Третий Рим», бывший уже не христианским, а постхристианским, вполне и безбожным, внезапно расширившись за пределы Российской империи и распространившись на полмира, вступил во вдохновляющуюся европейской мировой революцией борьбу с... Европой же, давно уже включавшей в себя США и только что включившей в себя Японию, так что не совсем даже с Европой, а, скорее, с империльным Западом, тоже распростёршимся на весь мир. Ренессансная Европа породила, таким образом, как собственно современную Европу, так и современную анти-Европу, а эта последняя, не найдя себе в Европе достойного воплощения и места и уйдя из Европы на Восток — прежде всего на Восток Европы, стала реальной соперницей Европе — Западной Европе вкупе с США и примкнувшей к ним Японией, что и породило в итоге третью мировую войну, уже холодную — за доминирование на планете, если не за полное господство над миром. Выходит, что мировой империализм, мировой капитализм, мировая революция, мировой имперокапитализм, мировые войны, мировой социализм и даже мировой социал-империализм — продукты европейские, все они из одного и того же «семейного очага», все выходцы из одной христианско-антихристианской цивилизации, пусть и не равные, и не одинаково признанные, и даже частью незаконно рожденные, но... *евро-дети*, как и дети *Рима*, наследники вскормившей их империал-средиземноморской волчицы, причём вскормившей как собственно римлян, так и собственно карфагенян, а ведь империализм, заметим, бывает разный, совершенно и, знаете ли, либерал-демократический.

Вскормленный и захваченный интернациональным — одновременно еврогенным и антиеврогенным, но ещё и миром-империальным, как и антиимперороссийским — революционным социо-историко-поток, Сталин, участвовавший и в управлении им — сначала в российских, а затем и международно-мировых масштабах, этот воистину великий по умыслам, деяниям и свершениям персонаж *сверхчеловеческой истории человечества* — вполне нелицеприятной и не очень-то для доброго интеллекта удобоваримой, хотя и героической, и жертвенной, и кровавой, и титанической, осознав однажды истинную суть гремящего событиями мирового, как и российского тоже, революционного шквала, вполне заражённого евроимпериализмом, взял курс на возрождение в России-СССР великодержавья и имперства, не выходя насовсем из революционного потока, но уже управляя им в пользу национального восстановления, причём не в прошедшем и канувшем уже в историю виде, а в новом образе, как бы продиктованном всё ещё ревущим революционным потоком — социалистическом (трудо-обществен-ном), но не в соответствии с утопическими мечтаниями горе-теоретиков, а в соответствии с разверзшейся перед коммунистическим-де вождём суровой реальностью: без русского-де царя и исконного отечественного самодержавия, без дворянства, капиталистов-предпринимателей, торговцев и банкиров, без реакционных-де крестьянских масс, бестолковой самовлюблённой интеллигенции, консервативных церковников, но зато с верной партией («орденом меченосцев»), инквизиционно-репрессивными органами (типа ЧК, ГПУ, НКВД) и вовлечёнными в переделочно-демиургический процесс лояльными к власти спецами и управленцами. Веря лишь себе, конспирации и по-особому понятому макиавеллизму, Сталин, признавая только сильную государственную власть и подотчётный этой власти трудовой люд, повёл страну через посредство системы безоговорочной власти к строительству новой

цивилизации — государственно-социалистической, мобилизационной по духу и армейской по типу организации. И надо заметить, ему это удалось, чему, конечно, способствовали противостояние, но в то же время и компромиссное взаимодействие, с мировым империализмом, подготовка к новой мировой войне, сама Вторая мировая война и... практическое, хотя и не фразеологическое, забвение марксизма-ленинизма. И индустриализация Сталину удалась, и раскрестьянивание удалось, и культурная революция, и подъём полезной для страны науки, и освоение передовой техники, и массовый трудовой и идейный энтузиазм, и тотальное огосударствление, и становление новой большой армии, и милитаризация хозяйства и общества, всё это, как и многое другое, всё удалось! Новая цивилизация, называвшаяся Сталиным и его соратниками в угоду смотрящему в будущее революционному движению *социалистической*, была в кратчайшие сроки (за каких-нибудь четверть века) построена и зажила целостной самостоятельной жизнью, да так, что разрушенную в войне материально-техническую инфраструктуру с подорванным войной хозяйством восстановила за каких-нибудь пять-семь лет, и бомбу атомную произвела на свет, и в космос первая во всём мире прорвалась, и в мировой социал-империализм активно включилась, скототив немалую и неслабую международную систему, тоже поименованную *социалистической*. Мечтал Сталин об императорской короне или нет, как и собирался ли единолично забраться на мировую властную вершину — кто знает? — но то, что Сталин вошёл в историю как воистину могучий и вполне мирового масштаба... э-э... нет, нет... не деятель вовсе, даже не царь и не император, а... *вождь*, далеко вышедший за рамки какого-либо партийного, движенческого, национального, международного, межгосударственного и т. д. лидера, ибо реализовался он как подвижник-основатель-руководитель... э-э... если не прямо *нового мира*, то уж *новой цивилизации* точно, хотя и мира тоже, а в целом — *мира-*

цивилизации и цивилизации-мира, вовсе не так уж соответствовавших своим благостным наименованиям и благожелательным характеристикам, но... явно альтернативным Западному миру-цивилизации и Западной цивилизации-миру, мало того, ещё не преминувшим возможностью претендовать на земное будущее с земным же замещением своих западных предшественников. Можно, конечно, условно называть сталинские соц-продукты в противоположение «западным» вещам и «евразийскими», но суть всё-таки тут не в самом по себе концептуальном евразийстве, от которого сам Сталин, кстати, был далёк, а в том, что можно и должно обозначить не чем иным, как... *сталинизмом*, на крайний случай — *сталинским советским социализмом* — СССР!

494

И всё бы ничего, если бы... если бы сталинское устроение бытия оказалось... достаточно жизнеспособным, а точнее — *саможизнеспособным*, когда «способность» это идёт изнутри, от самого по себе устройства, причём с условием *самоперемен* и *саморазвития*. Ничего подобного в сталинском строе не было, ибо был он армейски-мобилизационным, а потому и заведомо краткосрочным. Сконцентрированная мощнейшим насильственно-репрессивным, хотя при этом и энтузиазменным, волевым усилием энергия становления и развития, умноженная тяжелейшей войной с невероятно тяжкой победой, начинает неуклонно убывать по мере завершения основного строительства и по достижении первых стратегических целей, как и по завершении войны, а источники энергии при этом непременно исчерпываются, как и ослабевают механизмы её сосредоточения и использования. За любой мобилизацией не только следует демобилизация, но и упорно маячит энтропия, могущая покончить не только с мобилизацией, но и с её объектом, субъектом и механизмом. Сталинский строй не нашёл в себе внутренней потенции не то что к переменчивому

развитию, но даже и к самосохранению. Даже такое армейско-мобилизационное население, как... российское, не смогло долго удерживаться в рамках сталинского порядка. Это понимал и сам Сталин, но отказаться от своей системы не мог, а заместившие Сталина наследники, понимая, что нужны *радикальные преобразования*, на таковые не решились, пытаясь лишь как-то либерализовать сталинский режим, что лишь способствовало его ослаблению, а затем и стимулировало его быстрое гниение с неизбежным крахом.

495

Сталин, может, и хотел свободной инициативы снизу — трудовой, предпринимательской, творческой, но пойти на её допущение не мог, ибо тогда ему надо было бы распрощаться... со сталинизмом и... со Сталиным! И дело тут не столько в том, что Сталин-Джугашвили боялся покинуть Кремль и попасть под суд народа, сколько в том, что он не верил в возможность правильной и достаточной инициативы снизу — этому его хорошо научила отечественная история. И, как показали лихие 1990-е гг., покончившие с уже впавшим в маразм «сталинизмом без Сталина» и вызволившие вроде бы антисталинскую инициативу, но в то же время и... антироссийскую, однако никакой созидательно-развитивной правильности в явившейся инициативе не случилось. Отсюда как раз великая сталинская дилемма: *продолжать нельзя реформировать*, когда запятую вокруг «нельзя» поставить попросту невозможно: и продолжать нельзя, не реформируя, и реформировать нельзя, ибо не то что не удастся продлить сталинизм, но и сохранить СССР невозможно, мало того, легко и Россию потерять!

496

Как внезапно пришёл на Землю сталинизм, так и должен был уйти внезапно! Ничего нельзя было тут поделать: ни с его приходом, ни с уходом — сталинизм должен был случиться, и

он случился, но потом он должен был непременно уйти, и он ушёл! Именно случился — как временное событие, пусть и воистину грандиозное, и именно ушёл, чем только подтвердил свою заведомую временность. Фашизм, кстати, тоже оказался временным событием, фактически даже кратковременным, ибо был разбит, а вот сталинизм... увы... сам ушёл, хотя и услужливо подталкиваемый с разных сторон к небытию. Спрашивается, что это было такое — *сталинизм*, почему и зачем, ради чего? Не коварный же Сталин-Джугашвили вдруг взял да устроил этот самый сталинизм, теща свою от рождения израненную бедностью и унижениями душу? Сталин, конечно, приложил свою личность к сталинизму, но не столько Сталин соорудил сталинизм, сколько «сталинизм» назначил под себя «Сталина», ибо сталинизм — вызванное самой историей, прежде всего её метафизикой, событие, в котором история нуждалась и которое она произвела на свет с участием некоего Иосифа Джугашвили и его назначением на роль *Сталина*. Здесь всё сошлось: и потребность, и событие, и личность! И чтобы что-то тут понять, нужно начать не с начала, а с конца: что же в остатке? что обрела история посредством сталинизма? И ответы здесь не такие уж простые, но всё-таки возможные. Во-первых, сталинизм спас от ликвидации если не саму по себе Россию, то «российскую государственность», а вслед за этим и... саму Россию. Во-вторых, сталинизм дал нужно-ненужный опыт (нужный как краткосрочный армейско-мобилизационный и ненужный как стабильно строевой, ещё и социалистический; нужный как доказавший, что имперский скачок возможен, а вот для длительного социального процветания, увы, ненужный; нужный, когда можно не очень-то считаться с запросами человека, коллективов, сообществ, социума в целом, и ненужный, когда не считаться с таковыми запросами уже никак нельзя). В-третьих, благодаря сталинизму (хотя и не только ему в том же СССР), история обрела победу — ПОБЕДУ, победу в тотальной мировой войне, что позволило исто-

рии остаться историей вроде бы даже всё-ещё-человечества (возникла даже вероятность исключения тотальной войны из истории — благодаря оружию массового поражения, созданному и сталинизмом тоже — в противовес объединённому имперокапитализму). В-четвёртых, усилиями сталинизма, хотя и не только в СССР, история вырвалась в космос — КОСМОС, в ходе титанического соревнования сталинского СССР с этатокapитало-предпринимательскими США. Вот, собственно, и всё! Ни об одном из этих следствий ни сам Сталин, ни большевики-интернационалисты во главе с Лениным, ни умная прослоечная интеллигенция, ни сознательный пролетариат с трудовым крестьянством, построив советский социализм, никак не думали. О чём угодно думали, но только не об этом, что и архиважно для уяснения скрытых интенций истории и её истинных плодов. Много было тогда выношено утопий и вынесено замыслов, а в реальности воплотилось то, что воплотилось, — и утопии были посрамлены и многие замыслы тоже, особенно, если принять во внимание ещё один результат сталинизма — пятый: вера в трансцендентное и то же христианство уцелели, а вот атеизм с наукой были скандально посрамлены, как и посрамлён был антихрист-зодчий, хоть он и выжил, даже и сегодня вновь процветает — что там, что здесь!

477

Сталинизм — как строй жизни — вещь трудно переносимая. Временно — да, но постоянно — нет! Такой строй в обыденности не устраивает очень многих: тех же производителей-трудоголиков, не имеющих возможности достаточно воспользоваться результатами своего труда, которых даже им и не бывает видно; возможных самопредпринимателей, обычно привязанных к своему частному делу, как и к благим для них результатам; потребителей, далёких от аскетизма, жаждущих обильного и разнообразного — жизнеутверждающего! — потребления; всякого рода инициативных творцов,

включая писателей, художников, театральщиков, музыкантов, издателей, телевизионщиков и т. д., не имеющих возможности творить и вытворять свободно и в соответствии со своими личными желаниями; всякого рода умников, склонных к самостоятельному и оригинальному мышлению, вполне и экстравагантному; особей всяких нетрадиционных ориентаций, чувствующих себя при таком строе преступниками и явными изгоями; разного рода «криминальцев» — воров, мошенников, разбойников, против которых при тотальных диктатурах обычно ведётся бескомпромиссная борьба; подлецов, лентяев и паразитов, не могущих как следует устроиться в «строгом» социуме и безмерно в нём благоденствовать. Сталинизм не устраивает в конце концов и его собственный правящий слой — номенклатурный, чиновничий, служивый, ибо строжайшая дисциплина, тяжкая ответственность, карающий меч над головой, непреходящий, чуть ли не животный, страх, реальная возможность заключения и смертной казни, ну и, конечно же, ограниченное потребительское благоденствие — ни дворцов тебе, ни усадеб, ни яхт, ни преуспевающих родосемейных гнёзд, ни больших личных богатств, ни возможности их законного-де наследования. Сталинизмом были так или иначе, в разное время и по различным поводам, недовольны не то чтобы все, но очень и очень многие! Вот он и исчез — подорванный, искалеченный, изъеденный, опозоренный. Героика закончилась прямо с выходом страны в космос, потом уже оставалась лишь отвратительная, липкая и жалкая обыденность. 1960—1970-е гг. — годы перехода от героического и гордого сталинизма к очень «низенькому» псевдосталинизму со скрытым в его мутном чреве обывательским антисталинизмом.

498

Героическое вообще недолговечно, более того, оно кратко, моментно, почти мгновенно. Жестокий, кровавый, беспощадный, но... *героизм!* И итоги были вполне героические, хо-

тя вовсе и не те, о которых мечталось, говорилось, болталось. Даже великий реалист и большой хитроумец Сталин не мог предвидеть случившиеся в действительности результаты — как возвышенно героические, так и низменно обыденные. Да, Сталин мог вызвать энергию созидания у значительной части населения, вызвать и ею проективно воспользоваться, достигнув невероятнейших результатов. Он смог навязать большинству населения и образ нового — советско-демократического — человека. Он смог даже внушить населению, что Царство Народное и Трудовое уже близко, хотя и, как великий реалист, поверить сам в это никак не мог, ибо хорошо знал природу человеческую — зверскую и антихристову! Никаких иллюзий у Сталина по этой части не было! Он никому не верил, ни перед чем, исключая разве свой интуитивный макиавеллизм, не преклонялся, ничему, кроме разве насилия, не поклонялся, и он, конечно же, никак не мог поверить в Царство Божие на земле, хотя и уверовал, надо полагать, в возможность Империи, которой, собственно, и служил. Ничто не мешает предположить, что Сталин предвидел неминуемое крушение *своей* империи, быть может, не такое скорое, как это реально произошло, но уйти от этого назойливого видения он не мог. Не выдюжат, не смогут, не продолжат! Так, собственно, и случилось, хотя вряд ли Сталин мог предвидеть, что конец его империи станет таким внезапным и... настолько уж... гнусным! Однако... стал же, чем и подтвердил неизбежность человеческой природы, которую вождь хорошо знал, вполне осознавая при этом, надо думать, что ей-то он своё историческое сражение обязательно проиграет.

499

Кто только не принял посильного участия в разрушении сталинской империи: мало того, что её скрытые противники, на неё обиженные, и её ненавистники, но и её попутчики, чуть ли не сторонники — до срока, как раз того самого, когда про-

бывает час всего героического, гигантского, великого и на повестке дня оказывается нечто совсем другое — мелкое, ничтожное, жалкое, но крайне зато привлекательное — расчленение, растаскивание, обглаживание и пожирание... нет, не организма вовсе, который уже заранее умерщвлён, а всего лишь... трупа, услужливо подаваемого изменщиками к столу ненасытной останкоядной живности.

500

Сталинская империя весьма скоростижно умерла, старательно при этом умерщвлённая — своими, чужими, друзьями, врагами. Вместе с нею умер и Союз Советских Социалистических Республик, не бывший реально, как выяснилось, ни союзом и ни республик, причём вовсе и не советских и не социалистических. Умер вполне реальный *сталинизм*, а вместе с ним и кое-какие большевистские химеры вроде того же СССР или той же мировой соцсистемы, тоже оказавшейся ни собственно системой, ни собственно мировой и ни собственно социалистической. Химеры, между прочим, тоже ведь реальность — ирреальная реальность или же реальная ирреальность, и они играют свою немалую историческую роль, вполне и завидную. Но зато исчезают внезапно, как, собственно, и возникают. Был ли химерой сам сталинизм? Был, конечно, но... очень действенной химерой, да и не весь он был химерой, ибо за сталинской химерой стояли аппарат и партия, дисциплина и энтузиазм, труд и творчество, в общем, стоял хозяйственный реализм, хоть и немало химерический. Сколько в сталинизме было всего утопического, надуманного, фантазийного, не от природы и жизни, а от придуманной нездоровым «идейным» сознанием неадекватности!

501

Но химера с химеричностью — вовсе не изобретение большевизма и товарища Сталина, это принадлежность созна-

ния, интеллекта, ноосферы. Сталин со товарищи породил вполне чаемую химеру, вышедшую из не им придуманной утопии. Но если сбросить со сталинизма химерную униформу, то откроется кое-что воистину реалистическое — индустриальная материально-техническая база, социальная инфраструктура, научно-технический корпус, армия с передовым вооружением, огромный оборонный комплекс. Не так уж и плохо для идейно-концептуальной химеры!

502

В гуще неумолимо и неукротимо стагнировавшего сталинизма (сталинского строя) весьма быстро вызревали антисталинские, а вместе с этим и анисоветско-антисоциалистические, в то же время и антиимперские, силы, они же туманные сгущения — от элитарных и идейных до криминальных и плотоядных, которые, в момент объединившись, сломали СССР, мировую соцсистему, КПСС, а вместе со всем этим и уже немало повреждённый и даже одряхлевший «сталинизм без Сталина». Вместе с крушением сталинского строя со всеми его геополитическими атрибутами из планетарного мира ушёл мощный, пусть и в чём-то химерный, мировой игрок — противник логично торжествовавшего тогда Запада. От бывшего СССР остались *Российская Федерация* как прямой наследник сталинской империи и ряд «независимых» стран, бывших в СССР «союзными республиками», всячески от бывшего СССР и бытовавшей вместо него Российской Федерации отрекшихся, правда, не избегших в большинстве своём химерического объединения с Российской Федерацией в Содружество Независимых Государств (СНГ). Судьба «независимых» стран сложилась по-разному, но что касается Российской Федерации, то она была брошена в беспрецедентную по резкости, глубине, наглости и мерзости реформу, вполне и революционную. Какую же? Разумеется, антисталинскую, но при этом и совершенно прозападную, мало того, глобалисти-

ческую, то бишь в реформу-революцию... для как бы побеждённой Западом страны. В итоге возымело место лишь приспособление страны к потребностям Запада — с «половинной» деиндустриализацией; резким сокращением и ослаблением армии и оборонно-промышленного комплекса; обретением полуколонинальной энерго-сырьевой и полуфабрикатной специализации; «полноценным» разрушением научно-технического сектора; массированным завозом в страну зарубежных товаров и активным проникновением в неё иностранного капитала; внезапной долларизацией российской экономики. В общем — перевод России в разряд субординационной относительно глобализма страны. Случилась поразительная и невыносимая для патриотического сознания добровольная — со стороны тогдашней властной верхушки — сдача великой страны... нет, не на милость победителю, которого перед страной не было, а всего лишь в угоду Западу и западной части вдруг откуда-то взявшейся новой российской элиты, пожелавшей не только прозападного пути для России, но и своего собственного присутствия на Западе — в райских финансово-потребительских куцах. Реформа-революция позволила очень малой части российского населения овладеть богатствами страны и её материально-техническим потенциалом и превратиться в присвоительно-потребительных, а вовсе не в предпринимательски-производительных... э-э... *наднациональных буржуа-рантье*. Таким оказался главный итог антисталинской-де реформы-революции!

503

Вина здесь обоюдная — как со стороны сталинского уклада-режима, так и со стороны антисталинской оппозиции. Дело в том, что сталинизм явился в своё время в отставшей от Европы в промышленно-техническом отношении стране, переживавшей большую гражданскую распрю и находившейся в достаточно враждебном зарубежном (вполне империальном)

окружении. Кто-то в Европе желал подчинения страны, её эксплуатации и, если возможно станет, колонизации, кого-то не устраивало вполне вероятное возрождение альтернативного конкурента, к чему всегда тяготела российская цивилизация; кто-то сгорал от ненависти к «совдепии», боясь становления новой — постевропейской — цивилизации, способной перекинуться и на Европу. Сталину со товарищи удалось, пусть и жёстко, насильственно, репрессивно, подавить очаги внутренней межгражданской борьбы, включая саму большевистскую партию, консолидировать общество вокруг проекта всестороннего развития страны и от мобилизовать все её ресурсы для скорого и развитивного подъёма, осуществлявшегося, правда... не без участия Запада, переживавшего хозяйственно-экономический кризис и заинтересованного в объёмном и расширявшемся советском рынке производства, производителей продуктов, технологий. Главным в тот критический исторический момент оказалась мобилизация прежде всего людских ресурсов страны, их конструктивное использование. Сами по себе трудовые ресурсы, доставшиеся Сталину — не заслуга Сталина, это заслуга отменённой мировой революцией Российской империи, — Сталину достались массовые народные и немалые интеллектуальные резервы дореволюционной России, в основном — русские. Что бесспорно удалось сталинизму — побудить эти людские ресурсы со всем их трудотворческим потенциалом, возникшим, повторяем, ещё в царской России, ко вполне деятельной и даже самоотверженной реализации. Сталинское поколение — поколение отчаянных работников, причём во благо общего дела, страны, СССР. И пока это поколение беззаветно трудилось, пока и оставался эффективным сталинизм (до 1970-х гг.). Однако население страны состояло не только из беззаветных тружеников во благо советско-социалистического общества, но и людей с прямо противоположными житейскими установками — частнособственническими, частноприсвоительными, частнопредпринима-

тельскими, не говоря уже об индивидуалистических, личнотворческих, в общем — не коммунальных. По мере настоячивых ударов со стороны «преемничков» Сталина по личности Сталина и феномену сталинизма, а также неуклонно нараставшей усталости от сталинского устройства бытия, людская оппозиция сталинизму мало-помалу множилась и набирала, в основном скрытно, силу. Брежневское заскорузлое правление немало этому — скорее невольно, чем вольно — поспособствовало. А тут ещё периодические антисталинские волнения в европейских соцстранах. В 1970-е гг. уже ясно обозначился реальный кризис сталинизма — «сталинизма без Сталина», а псевдосталинская власть не находила из этого тяжкого кризиса выхода. К этому моменту трудо-творческая активность поколения сталинских победителей уже угасла. Обозначилось обывательское перерождение элит, и стало фактом массовое разочарование в сталинизме. Надо было что-то срочно менять, но тогдашние партократы как раз ничего такого не делали, да и не могли делать — сказывалась неизбежно наступающая на пике могущества и славы любого армейски-мобилизационного режима властная оторопь. Это-та оторопь дорого обошлась в итоге не одному только рухнувшему внезапно сталинизму вкупе с советизмом и социализмом, но и самой по себе стране, её гражданскому, правоверному и трудовому населению. Правящая элита предала не один только сталинизм, но и страну с её народом, ввергнув СССР в развал и смуту, сдав мировому глобализму, хотя и всё-таки не полностью, ибо нашлась в стране и сила самоудержания и самосохранения — как духовное наследие русо-российских веков и прямое актуальное следствие... *сталинизма*... в образе того же оборонного ракетно-ядерного щита. Анти-Россия всегда присутствовала в России. Сталину, как оказалось, не удалось от неё полностью избавиться, хотя и удалось на время весьма приглушить. Обернувшись антисталинизмом, анти-Россия постаралась вновь одолеть Россию, и в немалой степени ей это удалось, но

не до конца: Россия осталась-таки быть, ибо сталинизм — во-все не Россия, а лишь её формное мгновение. Но поскольку время разбрасывать сталинские камни всё-таки пришло, то анти-Россия этим неплохо воспользовалась, поставив страну на грань полного исчезновения. Любопытно, что проделали это вполне вроде бы советско-социалистические по происхождению, образованию и воспитанию... людишки — уже никакие не титаны и не демиурги, а так — «шпана», хоть и немало образованная, и в охотку говорливая, и замечательно активная. То, что «шпана» всегда и везде есть, никто в том не сомневается, но как же она могла вдруг столь вольготно заняться историей страны, её судьбой, да не как-нибудь, а намеренно убийственно? Выходит, что... допустили, вполне при этом и сознательно, ради, надо полагать, полного перевоплощения страны — от социально-служивого сталинизма к частноэгоистическому либерализму, когда либерализм всего лишь фиктивное прикрытие для вовсе нелиберального ограбления страны и присвоения её богатств, инфраструктуры, производств, людей, природы, пространств. Крайность сталинизма породила в конце концов крайность не только антисталинизма и даже не только анти-России, но и, что особенно поразительно... крайность *антицивилизации*, да что антицивилизации — *античеловечности* тоже! В страну пришёл наглейший *антимир* со всей своей обильной и злостной *инфернальностью* — и на место человека явился вдруг... *зверь*, на место общества... *зверинец*, а на место бытия... *ад!*

504

Сталинизм подвела им же предположенная и устроенная *тотальная несвобода* — слишком уж большая даже для России — владетельная, собственническая, крепостническая, рабская, служивая. Да, вроде бы не было при коммунизме ни царя с помещиками, ни буржуев с кулаками, ни жандармов с сыскарями, но зато были абсолютное государственничество, ему

подданство, повинничество и податничество, беспрекословная тягловость, полное ему подчинение и непререкаемая для него исполнительность — и что было более или менее признаваемо и терпимо народом в критические для отбивавшейся, поднимавшейся и утверждавшей страны моменты, перестало быть таковым в мирно текущей обыденности. Сталинизм погиб от собственной несвободы, которой было в избытке, а не от, скажем так, своей свободы, которой почти что и не было, не считая потаённых уголков лично-семейной жизни. Кое-кто из постсталинских властей предрежащих понимал, конечно, что нужно всё больше и больше гражданской, хозяйственной и экономической свободы, но либо не решался трогать уже ставший священным сталинизм, либо боялся разрушить вместе со сталинизмом и вслед за ним и саму великую страну, либо страшился потерять свою собственную властно-владельческую привилегию. Так или иначе, но перестроить сталинизм, перейдя к концептуальному, а не временному, постсталинизму, так никому и не удалось: надо было ведь отказаться от самих основ сталинизма, а это было и тяжело, и чревато, и страшно! Но было и кое-что другое: надо было покончить не только со сталинизмом как таковым, но и советизмом-социализмом, с коммунизмом, с великим «красным проектом». А вот для этого-то и потребовалось довести сталинизм до абсурда, вызвав общее от него массовое неудовлетворение, а потом и, заведя пластинку о его перестройке, насовсем и навсегда всё сразу и ликвидировать — ради опять же европейского-де образца. Сама-то Европа не пошла по «красному проекту», ею как раз и придуманному, предпочтя даже недолгое торжество антикоммунистического фашизма, с которым в конце концов расправилась, но поначалу, пока Сталин не усилился, приветствовала «российский» социализм, убивавший Россию, а когда Сталин со сталинизмом вдруг набрали имперскую мощь, вновь возвысив... Россию, резко против Сталина и сталинизма развернулась, вознамерившись положить конец

теперь уже сталинской России. В итоге сталинизм был доведён до... *самоубийства*, — и было кому это сделать, если учесть «холодную войну», нараставшее недовольство сталинизмом внутри СССР и разрушительную деятельность услужливых зарубежных спецслужб, между собою тесно переплетённых и всегда ловко против российской державы взаимодействовавших. Нужно заметить, что и сам Сталин понимал опасность отсутствия достаточной свободы — идеологической, включая религиозную, политической, хозяйственной, потребительской, личной, в общем — любой гуманитарной свободы, той самой, которой нашлось место в Европе и в США, но которая была ситуационно всё-таки противна Сталину с его сталинизмом. Но не потому, что Сталин был по природе своей деспот и ненавидел всякую свободу, а потому что вся эта гуманитарная свобода тогда была очень уж враждебна большому и скорому подъёму имперской страны, её всестороннему развитию. СССР сделался Царь-страной благодаря вовсе не свободе, а как раз наоборот — несвободе, а вот удерживать Царь-страну в *развивающемся величии* должна была именно свобода, которой в стране так и не случилось, но зато её место через четверть века после Сталина стали занимать безразличие, расслабленность, расхлябанность, уклонизм, абсентеизм, «беженство», как и, разумеется, нигилизм с диссидентством. Если же учесть, к чему способна привести «большая свобода» на том же примере СССР-России 1990-х, то вряд ли придётся назойливо осуждать Сталина за его чрезмерный деспотизм — оказался этот сталинский деспотизм в какое-то время не просто потребным, но и исторически весьма уместным.

505

Свобода и несвобода, их оптимальное сочетание. Ох, как тут всё не просто! Христос даровал свободу человеку, а человек ею воспользовался, чтобы отдаться с потрохами... *анти-*

христу. Выходит, что всё решают человек, общество, элита, реальная история. Те же западные общества вовсе и не свободны — в них царствуют вездесущие деньги, всеохватывающее право и вкрадчивое, вполне и тотальное, управление сознанием. Но личный, коллективный и кое-какой массовый выбор всё-таки остаётся: несвобода там всё-таки при свободе, а не наоборот. Что говорить, Запад нашёл более соответствующий природе человека и его среднецивилизованному сознанию вариант сочетания свободы и несвободы, хотя и его изрядно от искушений свободы «колбасит». Люди со всего мира бегут всё-таки на Запад, а не от Запада, их не очень-то смущает западная несвобода, ибо реальная свобода там всё-таки есть, пусть и весьма оплачиваемая не слишком бросающейся в глаза сетевой несвободой. Запад это прежде всего человек (пока человек!) — человек-индивид, а потом и всё остальное, а вот Восток, вместе с тем же СССР, это сначала всё остальное, а потом уже... э-э... человек, но не человек-индивид, как на Западе, а всего лишь... человек-элемент. То же самое можно сказать и о свободе: на Западе в исходе свобода, а потом уже необходимое её ограничение, на Востоке же — в основе несвобода, а потом уже кое-какая допустимая несвободой свобода. Чего никогда не понимали и не понимают до сих пор коммунисты-марксисты, а именно то, что современный человек сначала личностное, а потом уже общественное... «животное», что не человек в обществе, а общество с человеком, что не общество в человеке, а человек — среди общества. Свобода — самое дорогое для современного человека, хотя и очень рискованное, но это как раз то, что можно сравнить с живой водой и живительным воздухом, с самой возможностью жить, работать, творить — по собственному разумению, хотя обществом и корректируемому, но всё-таки тотально не контролируемому.

Сталинизм вполне по-зверски подавил и держал в тисках всё в человеке зверское, подлое, гадкое, что могло бы выплёскиваться в общественную жизнь и ядовито её развращать, как и не столь уже по-зверски держал под контролем всё в человеке... э-э... спорное, остававшееся рудиментом от человеческой истории и частично позволявшееся ради строительства и течения новой жизни. Всем этим в значительной мере оправдывалась гражданская, политическая, деятельская несвобода, выпавшая на долю переформатировавшихся под социализм поколений. И нет ничего удивительного в том, что с резким концом сталинизма всё подавленное и утеснённое зверское мгновенно повылезло наружу, а всё действительно человеческое невольно отступило в сторону и в тень, — и вдруг оказалась, что человек-то «позднесталинский» совсем другой, вовсе не такой, каким казался на ещё недавнем миру, а гадкий, подлый, звероподобный, как раз такой, каким уже давно человека признала Европа, стараясь лишь его ограничить (умерить, урамить), но не глубоко внутренне переделать. Сталинская попытка позитивной-де переделки человека не только стратегически не удалась, но и сыграла вполне зловещую роль, ибо создала иллюзию возможности сформировать нового человека, лишённого привычных пороков, слабостей, любых негативных наклонностей. Ничего подобного! Дарованная вдруг человеку советскому свобода всё и выявила — как дрянную суть человеческую, так и тщетность позитивной-де «перековки» человека. Нет, даже Христу не удалось глубоко и масштабно изменить человека, а уж Сталину-то вовсе этого не удалось, хоть и гонял, и заставлял, и наказывал, и гнобил, и устранял. Человек по природе своей оказался сильнее Сталина с коммунистами — и как только возможность ему предоставилась, так и показал себя во всей своей уродливой красе. Велико было тогда разочарование в постсоветском человеке, его коммунистичности, гражданственности, социальности, стойкости, созна-

490

тельности, дееспособности. Однако было и восхищение теми, кто остался вполне нравственным и несломленным, кто не поддался на кривые соблазны лживых и жутких 1990-х, кто пронёс свою благоприобретённую человечность сквозь годы предательства, произвола, дележа и грабежа, тотальной преступности. Да, народ не поднялся против разрушителей страны, наглых воровских реформаторов и откровенных негодяев, он предпочёл житейский стоицизм и бытовое выживание — не без вспоминания жёстких сталинских уроков дисциплины, порядка и служения, — но он, во-первых, сохранился как единый народ, переживший ещё одно большое ненастье на своём историческом пути; во-вторых, смог сберечь свой культурно-психологический архетип (он же и код), ему вполне дорогой и всегда его выручавший; в-третьих, грозит непрошеным и непрощённым реформаторам *иным*, вовсе не «ихним», будущим, а *своим*, пусть и совершенно для него новым. Только великие испытания дают право на великие заключения — как положительные, так и отрицательные, и, заслужив немалое историческое порицание, народ российский заслуживает и великого исторического одобрения — уж не в последние ли перед Вторым Пришествием времена?

507

Глобализированный Запад чувствовал себя с развалом СССР и соцлагеря *победителем!* Да, он приложил много старания к гибели СССР, соцсистемы и вообще сталинизма, ведя многодесятилетнюю с ними «холодную войну», вполне и мировую. Навстречу Западу пришла из СССР внутренняя измена. Запад не просто вздохнул спокойно, он тут же впал в победительную эйфорию, тем более оправданную, что успел войти в новую волну научно-технического прогресса, в которую как раз не попал зазевавшийся поздний сталинизм. Запад — царь, царь мира и над миром, глобальная сверхдержава, всемирная империя, Четвёртый Рим, расправившийся с Римом

Третьим, чуть ли не включивший в себя этого последнего! Что оставалось делать Западу? Властвовать, господствовать, вести! Никогда Запад во главе с США не чувствовал себя столь могущественным, перспективным, оптимистическим, а главное — *судьбо-*носным, несущим суд и судьбу всему миру. Что говорить — круто! А ведь совсем недавно были мощные претенденты на мировое если и не господство, то доминирование: Англия, Франция, Германия, Россия, СССР с его сталинизмом. И их — как именно претендентов — уже не было, а был теперь только один мировой властитель — Запад во главе с США, или же США вкупе с Западом. Один! Это ли не победа — ПОБЕДА, расставившая все точки над мировой «i»! Окончательная реализация давнего европроекта по овладению миром и, что важно — без военных завоеваний, без насильственных захватов территорий, без покорений государств и цивилизаций, без формальной во все стороны колонизации — только за счёт монетарно-финансового, экономического, научно-технического, политического, информационного, культуртрегерского, военного и примеро-показательного могущества одного лишь мирового центра всяческой силы — США!

508

В победе мирового западнизма и поражении альтернативного ему мирового коммунизма был заложен великий смысл, однако не простой и не прямой, а сложный и «вихревой». Ясно, что явилась новая точка исторического отсчёта, вполне сравнимая с нулевой межэпохальной, когда одна эпоха сменяется другой, — и смена эта ещё вовсе не опознана человеком размышляющим, он совсем не знает, *что* на самом деле произошло, хотя и знает уже, что случилось *что-то* из исторического ряда вон выходящее! Западному человеку могло показаться, что мир теперь пойдёт только по западному, или на крайний случай — по прозападному, пути, но это было совсем не обязательно так, ибо своё историческое слово ещё не

сказал другой человек, скажем так — незападный, который есть одновременно человек Модернизации, которая от Запада, и человек Традиции, которая уже от не-Запада, ибо Запад навсегда утерял исходную традицию и вовсю барахтается в сетях глобального антитрадиционного Постмодерна. У Запада нет иного выхода, как только бежать без оглядки вперёд, а вот не-Запад располагает возможностью не бежать, а идти вперёд, оглядываясь непременно назад, — и ежели Западу предстоит вбежать в *пост*-человечество с *пост*-человеком, то не-Западу уготовано прийти, можно предположить, к чему-то *иному*, а именно — к какому-то *иному* человечеству с *иным* уже человеком. Мировой коммунизм, хоть и заявил себя *иным* относительно еврозападнизма, и немало, надо признать, достиг на пути к *иному*, но не обрёл внутренней потенции к динамическому бытию и качественному развитию на основе человеческой, а лучше бы сказать — *богочеловеческой*, свободы. Отрешение от свободы, причём свободы *богоугодной*, погубило мировой коммунизм, хотя он и стремился к некоему социальному идеалу — очень почему-то схожему, правда, с... муравейным. Победа западнизма — это победа свободы, динамики и развития над несвободой, статикой и неразвитием, или же — победа *не*-идеала над идеалом, что то же самое — жизни, пусть и внутренне порочной, над *не*-жизнью — пусть и внешне праведной. А в итоге — планетарная возможность новой экзистенциальной импровизации: либо к *западническому постчеловечеству*, либо к *незападному иночеловечеству*. Никакого здесь, знаете ли, конца истории, наоборот, очень мощный ток истории — сражение за *пост* или за *ино*, и никакого тебе жалкого вселенского благополучия!

509

Западный прогресс — научно-технический, физикалистский, материалистический — освоив и победив земную природу, обыскуствив её, а также осваивая вовсю космос, занял-

ся сегодня напрямую и самим человеком, убирая навсегда традицию, меняя культурные коды и заменяя архетипические установки, отрицая сакральное и природное в человеке, внедряя в него разное неприродное, искусственное, техническое, а потому расчеловечивая человека и его же как бы осверхчеловечивая. Идёт не что иное, как *отрицание человека человеком* — как особого животного вида и как конкретных осознанных особей, новому искусственному миру уже совершенно ненужных. Сверхчеловек, хочет он того или нет — уже не совсем человек, а скорее — *пост-человек*, ибо в нём мало что остаётся собственно человеческого, кроме, быть может, внешнего образа, ибо даже «рацио» в человеке становится слишком уж технизированным. Робот, киборг, чиповей, кто или что там ещё? *Сверхчеловеки* — как управляющая элита и *субчеловеки* — как рабочая масса! Тех и других останется, конечно же, в количественном оптимуме — лишних особей не надо ни тем, ни другим. Гигантское пересотворительное деяние: от природно-неприродного существа, обладающего дарованным ему свыше сознанием, а потому и называемым человеком, к неприродно-природной биомашине с вменённой ей повышенной или же, наоборот, пониженной сообразительностью. Прогресс выходит за пределы собственно человека как биоосознанного существа, устремляясь к биотехнообразному подобию собственно человека. Что же тогда на самом деле человек и какой же реальный образ ему более всего соответствует? Западная цивилизация, кажется, уже нашла свой *идеал* человека и человечества, а именно — *чиповея* и *чипосети*, и к нему, этому идеалу, провидчески устремлена, — и это не что иное, как уже явление призрака *идеаловой эсхатологии*, как раз очень схожего с призраком, погубившем мировой коммунизм. Не коммунизму, видно, было суждено создать счастливого человека-чиповея, сидящего в правильной чипосети, а другому-противнику коммунизма — современному западнизму, смело идущему гораздо дальше коммунизма, не располагавшего воз-

возможностью и не смогшего создать техно-социотехнологические средства осверхчеловечивания и осубчеловечивания человека, следственно, и его — человека — расчеловечивания.

510

В современной западной homo-мечте много похожего не столько даже на коммунистическую мечту — как выяснилось, чересчур уж утопическую, — сколько на... извините... еврофашистскую, ибо фашизм куда более, чем коммунизм, заботился о выведении нового человека, или же всего лишь некоего *человекообраза*, занимаясь этим напрямую как научно-физиологически, так и научно-психологически. Недаром же американцы-победители вывезли из побеждённой Германии в США всю возможную на этот счёт документацию и всех в связи с этим невозможных специалистов! Знали, видно, что пригодится, ибо генетику с кибернетикой и психоанализом очень, в отличие от «дремучего» Сталина, всё это нещадно гонявшего, очень уж уважали. Нет, не по тому вовсе пути шёл Сталин, надеясь лишь на моральное очищение и трафаретное перевоспитание человека как человека, а вот западнизм пошёл по совершенно другому пути, вторгшись в святая святых — в человеческий *пред-организм* и человеческое *пред-сознание*, готовя тем самым пересотворение уже не окружающего мира, что было характерно для Модерна, а самого человека, что стало возможным и неизбежным уже во времена Постмодерна — времена вполне перед Богом, Природой и Человеком безответственные, а потому и особенно для homo sapiens опасные и коварные.

511

Западный проект, если уже прямо-таки не *мега-проект* — не социальный, не экономический, не идеологический, а интеллектуально-технический, научно-исследова-

тельский, рационально-конструктивный. Не «красный проект» и не «либеральный проект», даже не «коричневый», не «зелёный» и не «синий», ибо это какой-то *вне-человеческий* проект, рождаемый идвигаемый вперёд уже неподконтрольной собственно человеку *научно-технической системой*. Теперь не человек с наукой и техникой, а наука и техника... нет, не с человеком, что совсем ещё и не плохо, а... прямо в человеке, вместо него, над ним. Науко-техника ныне — не вспомогательное при голове и в руках человека средство, а доминирующий над человеком монстр, — и не человеческая власть теперь над науко-техникой, а власть науко-техники... над человеком. Киборга вроде бы ещё нет, но он... *уже есть*, — и не в лабораторном ещё проекте, а прямо наяву, уже хотя бы потому, что не так человек более всего с компьютером, как компьютер... э... э... *в человеке*, но при этом и *вне человека*, даже и *без человека*. Человек уже по макушку свою в технической сети, и остаётся лишь его самого превратить в столь им любимое техническое средство. *Человек без техники — ничто, а вот техника без человека — всё!* Человек как человек, или всё-ещё-человек, даже мешает технике, и она его выдавливает не только из своего мира, но и из мира вообще, который на глазах становится миром не человека, а техники, следственно, миром роботов, киборгов, чиповеев, но никак уже не собственно людей.

512

А что, собственно, есть собственно человек? А-а, большая, хоть уже и не познавательная, а совершенно откровенческая, проблема! Когда, где и при каких параметрах человекообраз считался, или же считается, собственно человеком — ЧЕЛОВЕКОМ! Когда он, допустим, жил в природе, вполне, как любят говорить современные интеллектуалы, по-дикому, веря в духов и общаясь доверительно с фауной и флорой; или когда стал жить в городах, ремесленничать, торговать и, веря в богов, от нечего делать ещё и философствовать, сидя на не-

удобных базарных скамьях или возлежа комфортно на тёплых коврах по случаю банных релаксических симпозиумов; или когда бежал в катакомбы, поверив Христу и борясь с непреодолимыми людскими пороками; или когда наизобретал всякой техники, понастроил фабрик и понаделал всякой потребительской всячины, не веруя уже ни в Природу, ни в Бога, ни в богов, ни в духов; или когда, взорвав атомную бомбу, сел в большую ракету и, доверяя только себе, полетел... на Луну; или же сейчас, когда задумал, веря уже только технике, сделать из человека супертехнизированного постчеловека? А ответ тут может быть таков: всегда, когда имел *сознание*, а до того был всего лишь животным, как и всегда, когда бывал в *сознании*, а не в бессознании, хотя и, будучи всегда *осознанным*, не всегда бывал собственно человеком, а бывал и зверем, и всего лишь телом, и пустой погремушкой. Когда же человек был всего человечнее, наиболее себе самому соответствуя? О-о, на этот вопрос прямого ответа нет, а ежели и есть, то только один — *никогда!* Однако есть проблема: ежели был когда-то *до-человек*, *пред-человек* или же *недо-человек*, то почему же не явиться *пост-человеку*, *за-человеку*, *перечеловеку*? — и получится тогда, что человек в нынешнем понимании не более чем... *переходное человекообразное*... э-э... *существо*, которое, возможно, и не человек вовсе, а так... *иллюзия*, если попросту не *ничто!*

513

Вот вам и антропология с философией, вот вам и задачка без решения, вот вам и София Премудрость Божия со всей своей неразрешимой Тайной!

514

И всё-таки без *Софии* никуда! Факт! Вот и растёт в мире сопротивление евроамериканскому антихристу, доведшему дело до научно-технического преобразования человека в тех-

низированное homo-существо. И обращается человек к Софии — через обращение к Традиции, а Традиция — это вовсе не только обычаи и привычки, даже менее всего обычаи и привычки, включая и идеологии, а... великий софийный ресурс, как «висящий» над человеком — от Абсолюта, так и накопленный человечеством в разных местах планеты, в том числе и в Европе, как раз пытающейся от Традиции навсегда отказаться. Нет, доминирование ныне в Европе, как и в Америке, антихриста не отменило в Европе, как и в Америке, Христа, наоборот, обострило проблему Христа, который в православном христианстве и есть, кстати, сама София, и обострило не так даже эмоционально-психологически, как интеллектуально-метафизически, ибо и европейцу не очень-то хочется в антихристовый постмодернизм с его постчеловеческим зародышем, призванным, при соответствующем искусственном развитии, сменить трансмутационно человека на постчеловека. Однако задумавшейся над этим Европе, застрявшей в антихристианизме под опекой эйфорических США, избежать сей трансмутации почти что и невозможно. И обращается прозревающая Европа, уже гибнущая под натиском родного атеизма и пришлого иноверия, к дальнему, дольному и горнему Востоку, тому самому Востоку, где не ереси правят человеческим духом, а чуть ли не сам Дух Святой правит человечеством — через Традицию, посредством неисчерпанной ещё и вовсе не отвергнутой научно-техническим прогрессом мудрости, где есть достойное место Софии и где София находит возможность оставаться Софией, не замещаясь информацией, интеллектуальным продуктом, знанием-товаром, однеженным интеллектуализмом.

515

Восток переживает ныне особый этап бытия, когда в недрах его метафизических идёт большая предвосхитительная работа по перевариванию проникшего в лоно Востока инород-

ного евроамериканского семени и готовится, надо полагать, ответ, но уже не фронтально отрицательный — как прямое отвержение пришельца, а положительный — как его не прямое преобразовательное восприятие. Великая тут попытка синтеза, которая, перейдя в идейно-духовное контрнаступление, выдаст в итоге что-то вроде *нео*-человека и *нео*-человечества, когда *человек как человек* не отвергнут вовсе, но зато нов — *нео*-человек, способный вступить и вступающий в конце концов в великое небесно-поднебесное эсхатологическое сражение с *пост*-человеком и *пост*-человечеством.

516

Неочеловек — не китаец, не японец, не индеец, даже и не тибетец. Главное, что он противник постчеловеку, что он *контр*-постчеловек! Софийная традиция, которая вовсе не традиционная София, а вновь, вновь и с новью человеком воспринимаемая, непременно дарует возможность трансцендентного — вовсе не по науке, не по технологическому регламенту и не по медицинскому рецепту — перевоплощения человека в неочеловека, ибо есть почва, а необходимое семя в неё обязательно упадёт. Восток — дело тонкое! И не Восток спасительно оплодотворит Европу, ни к какому подобного рода оплодотворению уже в целом не способную, а амбициозная ЕвроАмерика, без устали тревожащая Восток, побудит его к... самооплодотворению, вполне и противоядовому!

517

Надежда человечества ныне, как кажется, всего более на Восток и на Востоке! Причём, само собой разумеется, не на самоуверенный и провокационный Ближний Восток. Увы! Здесь больше всего не софийного резерва, а антисофийного запала. Отсюда всё и начнётся, если уже не начинается. А всё это — как раз Армагеддон и есть, как его ни толкуй, как его ни поноси, как от него и не прячься. Тот самый, что уже прозор-

ливо предвиден... э-эх... Софией Премудростью Божией! Сначала похищение Европы, которое уже идёт, хотя там вовсю теперь разыгрывается Новый рейх — новый-де спаситель-де Европы, да вот успеет ли, сможет ли, спасёт ли? — потом пойдёт вдруг внезапное обрушение Америки, ныне нелегитимно, полулегально и не слишком здóрово правящей-де миром, который не столько управляется Америкой, сколько управляется сам с собой и... с Америкой тоже, втягивая её в незабвенный и явно для Америки эсхатологический Армагеддон (три «А»: Атлантида, Америка, Армагеддон, как и три «Е»: Египет (древний), Европа, Евразия, но не та Евразия — не азийская и даже не российская, а именно самая что ни на есть... европейская); потом... потом будет то, что будет — либо ничего *такого* не будет, либо будет какой-то *пост*-Восток, но уже не на одном только Востоке, а, впрочем, может, и не Восток вовсе, а что-то совсем другое, либо же не будет *вообще ничего*! Так что варианты есть, все они ожидаемы и все... *работают*!

518

История делает историю, как и история делается историей! Однако история делается людьми, точнее, сознанием, как и бессознанием, а история не преминует делать людей, формировать сознание, вытаскивать наверх и бессознание. Историо-людо-сознаниевый клубок-поток, в котором нет ни явного начала, ни ясного конца, как нет и определённого инициатора, движителя, пользователя. История идёт себе и идёт, она приходит, проходит и уходит, течёт, извиваясь и изменяясь, тускнея, мерцая, сверкая, горя, подгоняемая жизнью и укрощаемая смертью, питаясь страданием, потом и кровью, поигрывая покоем, счастьем и восторгом, ищущая устойчивого благополучия и преданная неустанному неблагополучию. Хочешь, не хочешь, а история решает сама, даже проходя сквозь сознание, реализуясь в деяниях людей, — и ничего не остаётся, как признать эту самую и самостоятельность Истории, её трансцен-

дентность, что вовсе не означает согласия ни на пассивный фатализм, ни на фатальный пессимизм, ибо сознание на то и сознание, чтобы искать свои собственные решения, столь же необходимые реальной истории, как и её собственные — уже сугубо исторические решения. Тут-то и потребна *мудрость*, питающаяся высшей мудростью — *Софией*, которая, не меняя хода истории, делает историю... *другой* — по качеству, по восприятию её человеком, по бесконечной и запутанной игре между сознанием и историей, которая хоть и сверхчеловеческое течение, но при этом и деяние человеческое, правда, более всё-таки *меж-человеческое* — стихийное, чем *внутри-человеческое* — разумное, а если учесть, что помимо мудрости и Софии есть ещё и безумство, и анти-София, то история предстаёт привлекательнейшей самозагадкой — упорно сознанием разрешаемой и промыслительно им же не разрешимой!

519

София — *тайна*! Она не собирается раскрываться ни перед чем земным, сторонним, суетным, хотя способна к творческому контакту с *про-софийным* или же прямо *софийным* сознанием, сообщая ему возможность кое-каких софийных откровений. Что же это за софийное сознание такое? Помимо того, что чистое в стремлении своём, ещё и соответственно подготовленное, причём более всего *само-*подготовленное, способное оказаться в софийных координатах, в их перекрестье, среди *до-словья*, или же *за-словья*, но никак не *после-словья*, воспринимать смыслы без слов, без участия Логоса, а потом уже — по жёсткой людской необходимости — переводя смысловосприятие в слова, улавливая смыслы словами, ограничивая и обедняя смыслы, искажая, хотя и насовсем не обезображивая. Здесь доминирует не слово-знак, не слово-определение, не слово-приговор, а слово-значение, слово-образ, слово-намёк, как раз то самое слово, доступное в общем-то восприятию немногих, да и то не само по себе, а со

скрывающимся за ним дословным или же засловным смысло- потоком. София нема, ей незачем болтать, да она и не субъект, чтобы болтать, ибо она — *субстанция*, ещё и *трансцендентная*, ещё и *до-мировая*, ещё и *нулевая*, если не *пред-нулевая*, что не мешает ей быть в мире, в людях, среди людей, в ноосфере. Что в мироздании без или вне Софии? Да ничего! Только не надо думать, что София это что-то райское, совершенное, законченное — ни в коей мере: София — жизнь, а не смерть, негэнтропия, а не энтропия, неблагополучие, а не благополучие! Иное дело, что София предпочитает меру, упорядоченность, ритм, такт, приличие, стойкость, лицо и личность, но не исключает ничего и другого, даже прямо противоположного, идущего уже с антисофийного фронта. А антисофийность разве по-своему не софийна? Раз «софийность», хоть и «анти», значит софийна, но непременно с негативом внутри, могущим ни с того ни с сего и в позитив перейти. София абсолютна *там*, где нас нет, а *здесь*, где мы, она относительна, что не исключает её исходной для нас и этого мира абсолютности.

§20

Зачем София? А как же без них — высшего смыслового источника и высшего корректирующего критерия, причём никак не задогматизированных, а всю открытую, так сказать — незанятых, свободных, незапятнанных, чистых, неограниченных, обильных, нестандартных, гибких... а-а... как? На разум лишь человеческий полагаться, так ведь от разума всё и идёт: правдивое и лживое, возвышенное и подлое, правильное и ошибочное; на сердце человеческое полагаться, так ведь от сердца всё и идёт: радость и горе, приятность и гадость, благость и мерзость; из быта людского исходить, так ведь он-то всё и демонстрирует: хорошее и плохое, доброе и злое, прочное и худое? А откуда тут это «и» — между тем и другим, уж не от Софии ли, которая всё и различает, показывая человеку, что нет его — единого и неделимого, а есть вот такой — раз-

двоенный и вовсю... бешеный, а ежели и не бешеный, то уже, глядишь, чуть ли не софийный? Нет, без Софии никак нельзя!

S21

Вот и Россия, софийно-бессофийная страна, да что страна — целый мир, в котором безусловно софийного лишь то, чего как бы и нет — *проект*, который никому не известен и который никак что-то не сбудется. Знаем только имя ему — РОССИЯ! И всё, более ничего не знаем, ибо замысел тут не только не на поверхности, но и вообще где-то в несусветной дали — то ли в глубине, то ли в вышине, то ли совсем в заповедье. И что София? А София... как раз с Россией, но не так в самой по себе России, как рядом с ней, над ней, может, при ней. София вместе с Россией, которая в реалиях при этом более всего не софийна, а антисофийна, что не мешает Софии не расставаться с Россией, её насовсем не покидать. Странно, но Софии куда как приемлемее быть в России, этой вовсю бешеной антиСофии, чем где-нибудь там, где больше сознательности, порядка, взаимоуважения, рассудительности, удобоварения. Странная тут привязанность Софии к России, ибо Россия — как идея — по большому счёту-то и есть София, разумеется, наша, своя, местная, но при этом и *вообще*-человеческая (не все-человеческая, а именно вообще-человеческая). Вслушайся, читатель, в это слово — РОССИЯ, и многое можно понять, хотя бы почувствовать! Самая недостойная Софии страна оказывается почему-то самой для Софии притягательной! Странность тут великая, а что в России, как и в самой Софии, не странность?

S22

Выходит, что есть какая-то трансцендентная надежда Софии Премудрости Божией на Россию, есть! Евроамериканцы со всей своей устремлённостью в эсхатологическое будущее вполне понятны; азиаты, удерживаемые от неизвестного

будущего традицией, тоже весьма понятны, даже и насквозь вроде бы таинственные тибетцы тоже в общем-то понятны; а вот россияне-русские, или русские-россияне, совершенно непонятны, никому не понятны и самим же русским или даже россиянам в первую очередь. Никто, ничто, ниоткуда, никуда — вот родные русам-русичам-русским-россиянам... в общем — от проторусов до новых русских с новыми россиянами... абстрактнейшие категории, которые вовсе и не категории, а так — божественное, оно же и софийное... э-э... *ничто*, в котором при этом сидит и какое-то *ничто*, а вот какое? И что же во всём этом плохого, ежели такая вот тут вездесущая... *ничевошесть*? А ведь *были, есть*, а главное — *будем*, это мы-то — полные, можно сказать, *ничевоки*, а может — очень даже и *чевоки*, только не эти, что всюду и везде, а совсем другие, идущие совсем иным путём, а может, и не путём, да и не идущие вовсе, а так... бывающие и бытующие... чуть ли не вне истории, хотя и в истории, кажется, но вот в какой? Ох! Ну и проектик, только вот чей и для чего? Любопытно, что без устойчивой и приказной традиции, но зато с экспериментами, а если и с экспериментами, но без всякого выхода на остойчивость: православыянина, рюриковщина, византийщина, татарщина, европейщина, интернациональщина, сталинщина, теперь вот сама глобальщина. Ведичество — язычество, христианство — православие, атеизм — марксизм, ну и, разумеется, некий доисторический, исторический и ультраисторический «русизм», в котором и арийство с гиперборейством, и скифство с сарматством, и хуннство с вандальством, и славянство с угро-финнством, и татарство с неметчиной, в общем... всего хватает! А в итоге «русскость» — странная, неприкаянная, никчёмная, окаянная, нестерпимая, а главное — *неотмирная*!

Нравится это кому-то или нет, но не от *мира сего* русскость, не от *этого* вовсе мира. И не шибко расположена она к сему миру, не очень-то он ей дорог, не слишком-то и нужен. Да, бытует, существует, даже вроде бы живёт, что-то плодит и сама плодится, но... не по-европейски и не по-азиатски, даже и не по-евразийски, а именно по-российски, то бишь... *никак!* Откуда же тогда, спрашивается, великие взлёты и победы — что имперо-пространственные, что техно-интеллектные, что культурологосные, что художественно-чувственные, как и почему же тогда нелепые падения до самого низа и обидные внезапные поражения, да ладно бы от внешних больших сил — могучих голиафов, а то ведь по большей части от совершенно худосочных, разве лишь очень уж хитроумных давидов? Отчего такая непрерывная дискретность, неустранимая импульсивность, беспричинная порывистость, при этом непременно сопровождающиеся сонным застоём, твердокаменной неповоротливостью, статуарной безжизненностью? От спада к падению, от смуты к мути, от провала к валу, но с выскакивающими откуда-то вырывами, подъёмами, взятиями. И всё неожиданно, внезапно, ни с того, ни с сего! Заполонившие всё вокруг безобразные рожи и мерзкие рыла вдруг сменяются пристойными лицами и светлыми ликами, страна преображается, превращаясь из падшей, валяющейся, зловерной, отвратной во вставшую, бодрствующую, действительную, благодетельную. Что за историческое течение такое? Или это вовсе никакое не течение, а лишь чередование выплесков истории, её бурных струй с застывшими в мимоисторическом бдении омутовскими половодьями, причём не так собственно исторический процесс, как какой-то вопрекиисторический, ведь такой тоже бывает, как раз именно в России и с Россией? Если в Азии история стоит, молчит, сопит, упорно накапливаясь в безмерной азиатской кладовой, а в Европе с Америкой неистово бежит, ревя, икая и искрясь, то в России.. э-э... в России,

она... идёт, криво и неуверенно, загибаясь и пятясь, в разные стороны пошатываясь, но что важно — параллельно: что недвижимой традиционной Азии, что подвижной обновленческой ЕвроАмерике. Тут вершится какая-то *параллельная история*, не совсем при этом и земная, не совсем даже тутошняя, а потому и не совсем история, как и не совсем и параллельная, может, попросту... э-э... *перпендикулярная!*

524

Сказать, что Россия совсем уж вне истории, причём земной истории, посюсторонней, тутошней, нельзя, но и утверждать, что Россия лишь с головой барахтается в этой самой истории, тоже нельзя. Россия как бы там и там, точнее — здесь и там, как и там и здесь, а где её больше и чему она роднее, кто знает? София, может, и знает, но ведь молчит, Россию почему-то не оставляя и даже за неё, кажется, крепко держась. Россия хоть и не софийная по явленному характеру и текущему бытованию страна, но зато... *страна Софии*, а что на сегодня лучше, никто из смертных не знает! А откуда у России такое прямо-таки неумеренное о себе суждение? Ясно, что от самой же России, её бытия-истории, всей её потрясающей странности, ибо ежели не София с Господом, тогда что и кто... кто и что с Россией, ибо России давно бы уже пора по земным меркам и житейским стандартам сгинуть навсегда, нырнув прямо туда — в Небытие. Россия же не только есть, но и есть неизвестно почему и зачем, без никакой сколько-нибудь чёткой местно-земной программы, а ежели проект «Россия» где-то и как-то существует, то это какой-то *сверх-* или *мета-*проект (сверхмировой и метачеловеческий), — и кому же тогда должен послужить такой проект — Западу или Востоку, а может, вовсе не тому и не другому, а чему-то совершенно *иному*, чего и сама Россия ещё не знает?

России милее всего не *это* — текущее, а *иное* — ещё не бытующее! Факт! Не прошлое, вполне и отвергаемое, хоть и с жалостью, не настоящее, дружно и последовательно ненавидимое, хоть и с сожалением, даже не будущее, предполагаемое всякими умниками, хоть и не без отчаянной веры. Никакой не *пост* и никакого не *нео*! России ежели что и мило, так именно *иное*, причем в квадрате, в кубе, в энной степени, как раз то самое *иное*, о котором ни подумать дельно, ни сказать внятно, ни даже помечтать в охотку. Раз не от сего мира, то, следовательно, от мира того, но при этом не того вовсе, а совсем *иного*, который ещё никем и не помыслен, разве лишь у Софии что-то там без всякой большой с её стороны надежды вырисовывается. В России нет сейчас ни явной гражданской войны (подковерные «боевые действия» не в счёт), ни тотального разрушительного кризиса, ни внезапно обрушившейся на страну смертной катастрофы. Нет ни голода, ни мертвящего холода, ни чумного мора. Проблемы всякие, вполне и острые, как и положено в большой и ещё не слишком упорядоченной стране, конечно, есть. Но есть при этом и кое-какое процветание. А вот жизни полноценной, полнокровной и полнонормальной нет, наоборот — доминирует какая-то странная плесенная нежить, а в целом — не жизнь тут, а какой-то житейско-нежитейский ад! Причём ад, самими «людьми» и устраиваемый, всё равно какими — верхними, средними, нижними; умными, глупыми, никакими; столичными, провинциальными, окраинными; аборигенными, пришлыми, завезёнными... Все вместе, каждый понемногу, друг от друга, друг перед другом, друг за друга, в общем — вполне и *соборно*! Вместо всеобщей любви — всеобщее же друг друга неприятие; вместо друг к другу уважения — друг на друга досада, усиливаемая неприязнью и раздражением; вместо взаимопризнания, дружелюбия и взаимопомощи — взаимоотталкивание, недружелюбие и пренебрежение. Разумеется, не всё, не всегда и не во всём так,

более того, совсем, наверное, и не так, но... так, всё-таки, так... увы... слишком, очень уж слишком невыносимо... так! И всё это после и, надо полагать, по итогам... увы... народно-го-де социализма с братской-де коммунистической идеологией — вот что в самом деле поразительно! А может, всего лишь один сатанинский садок, он же и адок — общественный-де — сменился попросту другим — частнодержательским, а когда-то ведь был, надо полагать, совсем другой садок, он же и адок — царско-феодально-имперский, а ещё раньше... э-э... а было ли ещё что-нибудь, кроме сменявших друг друга садков-адков в истории — или же антиистории — Руси-России-СССР-Российской Федерации, этой, в общем-то, *антистраны* с вселившимся в неё *антимиром*, — и может, нынешний-то садок-адок не самый и худший — всё-таки свобода, частность, личностность, выбор, инициатива, раскрепощение, движение... а-а?

526

Худо-бедно, но страна, всё ещё называемая Россией, сегодня явно в движении, причём не только в броуновском и не в сугубо энтропийном. Да, есть синергетика, но есть и управление, мало того, есть и управление управлением. Рождаётся, возникает, образуется какая-то *Новая Россия* с каким-то *новым россиянином* в своём кишасе чёрт знает чем чреве. Из одного ада тут в другой ад или же всё-таки из ада в какой-то невероятный антиад (не в рай же, разумеется)? В общем, Россия куёт себе из себя что-то как обычно непонятное, если не несуразное: то ли новый, более, наверное, откровенный и изысканный, чем прежде, адок, то ли, чем чёрт не шутит, что-то вроде антиада, то бишь уже какого-то примерного бытия со вполне жизненным его воспроизводством? И всё это в борьбе России со всё ещё очень активной анти-Россией, при молчаливом предательском попустительстве обширной и инертной не-России. Великая историческая схватка за Россию и россиянина: то ли в

сторону Запада, то ли в угоду Востоку, то ли всё-таки по направлению к России, но в перспективе уже к *Иной России*, которая пока ещё даже не в проекте, хотя, наверное, уже и в *идее*, разумеется, неявной, неясной, глухой, семенной, зародышевой, почвенной — то ли самой Россией сакрально выпестываемой, то ли ей сакралом свыше вменяемой. Однако *процесс* идёт — осеменения, вызревания, возрастания, он идёт незаметно, метафизически, трансцендентно, но... *идёт!*

527

Кто это всё, кроме самого Господа Бога со своей неразлучной Софией, знает? Никто! Но это не значит, что ничего важного и примечательного в России и с Россией не происходит. Обобранная, обруганная, осмеянная, да и попросту проклятая, приговорённая к исчезновению, она всё-таки стоит и даже... *поднимается*, уже и не с колен, а... нет, не во весь свой огромный рост, но... пусть ещё и согбенная, но уже явно... разгибающаяся. Как, почему, зачем? Это после столь убийственных реформ-эзекуций, старательного выветривания своеобычности, гнуснейшего морального опустошения, упорного расчеловечивания, въедливого разлагающегося бесовства, в общем — среди специально устроенного постмодернового ада? После и среди всего этого Россия находит в себе желание не только остаться Россией, но ещё и возвыситься! И это ещё не всё: она стремится при этом стать другой — *иной*, причём вопреки своим физико-бытийственным возможностям и потребностям! Не о возможностях и потребностях теперь речь, а о реализации исторического *предназначения*, которого вроде бы нет, но которое... будто бы... есть, ибо в противном случае отчего же в самом деле все эти «как», «почему», «зачем»?

528

Россия, как это ни странно, никогда или почти никогда не принадлежала собственно России, хотя и была, и возраста-

ла, и усложнялась, но, если так можно выразиться, без... собственно *российщины*: в Руси-России многое что бывало, но менее всего... собственно России, которая так и не нашла сколько-нибудь полно-целостной реализации. Имя ведь ещё не сама по себе поименованная этим именем вещь. Ничего удивительного, что в России всегда бытовала и до сих пор бытует не только не-Россия, особливо окраинная, но и анти-Россия, в особенности посредине — между вполне российским (русским) низом и вынужденно и лукаво пророссийским верхом (со всякого рода властителями, управителями, просветителями, учителями, инженерами человеческих душ, ну и развлекателями тоже). В России не сложилось достаточно подходящей для самоустойчивости и самопроцветания иерархической (вертикальной) и пространственной (горизонтальной) органики. Верховодившие верхи были обыкновенно по происхождению и по сути не так родные и свои, как внешние и чужие, хотя и приспособлявавшиеся к подопечному аборигенству, немало и обрусеваясь, но всегда остававшиеся *над* податным и эксплуатируемым им населением, даже и *вне* его; подвластное аборигенство никогда не воспринимало верховодивший верх как вполне *свой*, хотя и принимало его обычно за внешне пророссийский; из многонародного (разноэтнического) населения, включая и господствовавший верх, не сложилось достаточно единой нации, хотя Россия и воспринималась всеми своими насельниками как общее для всех место бытия (вряд ли как воистину общий дом!); Россия скреплялась всегда необходимостью, традицией и властью, то бишь в общем-то внешними узами, а не добровольной органикой, желанием всех насельников быть вместе, их стремлением к сообразному и взаимоплезному общежитию; отсюда и периодические исторические конвульсии в виде смут, восстаний, революций, реформ, кровавых междуусобиц, как и чередование оттепелей с подморозками, либерализаций с консерватизациями, послаблений с закручиванием гаек. А что сегодня, уже в XXI в.? А как раз всё

второе после всего первого: от анархии, так сказать, к порядку! К какому же? Да всё к тому же — *имперско-чужеродному*. Российская империя, побывав одно время советско-социалистической, или сталинской, надевает на себя, после краткого в полтора-два десятка лет периода разброда и шатаний, вызванного революционной прозападной реформой, новую имперскую одежду — на этот раз *глобалическую*. И опять в России ничего собственно российского!

521

А есть ли оно вообще — это самое российское... в российском? Не фантом ли это — Россия, не иллюзия ли, не прозрачная ли дымка, если не плотная ли мгла? Не так-то просто ответить на столь коварный вопрос, но ежели обратиться... нет, не к истории, якобы всем известной, и не к текущей действительности, ещё более всем де известной, а к сокрытому в недрах историческо-внеисторического феномена *метафизису*, разумеется, в его истоках, конечно же, трансцендентных, то и почуем вдруг неисчислимую древность природы, языка, культуры, их уже архетипичность, то самое, что надёжно запрятано историей и умело прикрыто текущей действительностью, а именно — что мы все — русо-русичи-русские-россияне — совсем не эти и не те, а *иные*, то бишь уже бывали *иными*... э-эх... хотя бы ведийцами-язычниками... кем там ещё?.. да не просто бывали, а и остались таковыми... пусть и только *субстанцией* в виде идеи, концепта, проекта, следственно, и фантома, и иллюзии, и дымки, и мглы. И коли уж говорить о будущем, в которое может вдруг устремиться Россия, то это будущее... не станет ли попросту... воспоминанием о давно прошедшем и возвращением к вроде бы навсегда уже ушедшему? А ведь очень похоже, очень! Недаром же идём, пошатываясь и озираясь, сквозь мерзости разверзшегося ныне бешенства, прозревая очумело вовсе не какой-то там рай земной, а всего лишь... *софийное иное*?!

Особенность момента не в том, что Россия возвращается к деспотизму — теперь вот глобалическому, а в том, что она вновь идёт через финансово-административный деспотизм к первичному для себя историческому деспотизму — *деспотизму обстоятельств*. Это только кажется, что впереди тишь да благодать, да возможность великого отдохновения — что для масс разнородных насельцев, что для властей предрержащих. Нет, нет и нет! Впереди сплошная железная необходимость, которая-то и выявит «ху из ху», отобрав нужных и выкинув ненужных, избавившись от беспечной дряни и оставив софийно дееспособных. Превращение только начинается, причём, заметим, разворачивается оно *само* — без всяких спасительных учений и переделочных идеологов, без явных субъективных намерений и резких субъективных волеизъявлений, без пугающего громогласия и смущающего нудного шипения, в общем — скрыто, тихо, мирно, почти что и понарошку. Превращение вроде бы ещё *по*-реформенное, но при этом уже и *пост*-реформенное. Смуте, анархии, не говоря о хаосе — конец, страна двинулась к порядку, организации, космосу! Тут действует закон негэнтропии, от которого ни одной жизнеспособной системе никуда не уйти (разве лишь в могилу!). Вот она — *синергетика*! А аттрактором тут кто или что, точнее, что и кто? Если *что*, то имманентное стремление социума к самому себе как к воспроизводственной и развивающейся целостности, а если *кто*, то власть, эта незабвенная, неотменная и всегда наличествующая в России *власть*, которая, погуляв по компрадорско-колониальным окаёмам, приступает к очередному обрусеванию, вновь становясь отечественной, национальной, тутошной. И ничего другого ни населению, ни власти не остаётся, как только вернуться побыстрее к России, но... уже к *новой России*, но вот какой же?

Кто ж знает? Никто ничего тут не знает, даже из погруженных в себя провидцев, не говоря уже о всезнающих образованцах: *никто* и *ничего*! Даже Господь Бог не знает, ибо свободу русичам-русским-россиянам дал: творите, мол, действуйте, может, и сотворите что-нибудь дельное, хотя от Софии Премудрости Божией никого из наследных ариев-гиперборейцев нисколько не отвратил. Вот и софийную философию-идеологию в России допустил, ещё и столь же *софийную философию хозяйства*, а там, глядишь, и саму *софиасофию* вполне попустит, не убоясь ни подрыва значения и авторитета Христа, ни вляпывания российского ума вместе с сердцем в какую-нибудь опасную ересь. Логос сам по себе — это ведь Логос и всё, а вот софийный Логос — это уже не совсем Логос, а Логос в единении с Софией, а потому Слово, которое ныне из России само течёт, это особое Слово, связывающее Россию с Софией, а потому и Россию беспредельно обогащающее — как идею, как феномен, как здание! И не так важно, какой Россия вскоре станет, главное сейчас то, что... пошла — к самой себе, но уже к новой... э-э... какой же?... да, да... *имманентно-солидарной*, чего, надо заметить, всего труднее нынешней России достичь, ибо тут потребны гражданское взаимоуважение, всеобщая ответственность, осознанная и вполне осознаниенная совместность. Достичь этого трудно, практически невозможно, а надо — иначе... *смерть*!

О нынешней России можно говорить всё, что угодно, кроме... чего-нибудь хорошего, если не считать традиционной сопротивленческой выживаемости, трудобедовой закалки и патриотического инстинкта. Так что ежели говорить о России внешней, ежедневной, обыденной, то всё тут крайне мерзко, а потому вся надежда, которой, в общем-то и нет, на трансцендентный метафизис, который, что бы там ни говорили, всё-

таки есть. И вот этот-то метафизис — *метафизис России* — и разворачивает ситуацию в сторону от омерзительного упадка, возбуждая интерес к позитиву и стремление к подъёму. Не слишком, быть может, заметно, но в стране поднимается-таки субстанция возрождения — поначалу не очень уверенно, а затем всё более убедительно. И субстанция эта пронизывает все слои российского социума: трудящихся, предпринимательство, чиновничество, армию, интеллектуальную элиту, спецслужбистов, правящие круги. Прежний — 1990-х — реформизм уже понят и проклят, на повестке конструктивный *пост*-реформизм, он же в некотором роде и *анти*-реформизм. Крайняя «падальная» ситуация выдавливает из страны свою противоположность, что исключительно сегодня потребно и абсолютно завтра неизбежно. Да, ситуация, сравнимая с германской и советской реальностями рубежа 1920—1930-х гг., когда в Германии и СССР произошёл резкий переход, скажем так, к тоталитарному инквизиционному авторитаризму, но... нынче на дворе всё-таки XXI век, а не XX-й, а потому чрезвычайщина в России проявит себя как-то иначе, хотя и не без... ой... не будем об этом, ибо то, что сегодня кажется невозможным и страшным, завтра может показаться — уже на хирургическом столе истории — вполне приемлемым и совершенно спасительным. Расходящаяся (от — разойдись плечо!) ситуация в стране, теснейшим образом сопряжённая с расходящейся (в разные стороны) ситуацией в мире, всё сделает сама, выбрав для себя и способ, и походку, и меру!

533

А пока проблема лидерства — точнее, руководства, а ещё точнее — властительства: что всей системы управления, что руководящего центра, что правящего субъекта, а в частности — *исторической личности*, которая не просто нужна, она уже совершенно необходима, а потому она либо уже есть, либо вскоре явится, а ежели уже на месте, или рядом, то лишь

должна вполне определённо проявиться. Любая властная игра, которая не в сторону и не на пользу России, не просто сегодня преступна, не просто даже глупа, а и... откровенно самоубийственна. Возможность и ресурс глобалического реформизма в России исчерпаны, а потому либо явный *пост*-реформный разворот, либо самоуничжительный сход, а вот куда всё-таки конкретно, подскажет сама реальность. С реальностью же нынче не то что пиарно шутить, но даже и легкомысленно заигрывать нельзя, ибо она уже полна жажды к конструктивным переменам, за которые и постоять готова — непреклонно и жестоко! Теперь уже «не быть или не быть», как у классика, а быть и только быть! — вот только когда, с кем и как?

534

Фантастика! Быть такого не может в разложившемся до предела и валяющемся привольно на дне истории родном отечестве! Не может! Что ж, возможно, и так, но история на то и история, чтобы всю попадать в истории, при этом ещё и фантастические. Что вообще в истории не фантастического: Македонский, Чингисхан, Наполеон, Гитлер, Сталин, Рузвельт с Черчиллем, Мао Цзедун, или те же Хрущёв с Кастро? Кого можно было заранее предсказать, вовремя узреть, не допустить до власти, ещё и на всякий случай своевременно ликвидировать? Это всего лишь люди, деятели, вершители истории. А что сказать о событиях, процессах, войнах, катастрофах, прогрессах? Разве вся человеческая история — ИСТОРИЯ — не фантастика? Да и вообще вся реальность, всё сознание, весь человек, всё мироздание? Что здесь не фэнтези, что не мистика, что не трансцендентность (умонепостижимость)? Так что впереди то, что... впереди, а тело и душа российские требуют выздоровления, восставания и возвышения, ибо падать уже некуда, да и неохота. А ежели случится подъём, то такой, какой в общем-то получится — и вот тут-то обычно и выходит... э-э... «дама пик», то бишь не свет, а темень, не благодать, а

злодейство, не честность, а коварство, как раз всё то, без чего никакого *вырыва* к свету, благу и чести никогда не происходит. Сначала туда — в темень и зло, ради тех же гнусных реформ и безумных перемен, а теперь вот обратно — через темень, опять же со злом и коварством, но уже ради тех же контрреформ, восстановления и движения вперёд. *Диктатура!* Но не диктатура произвола ради произвола, а диктатура воли ради... необходимости, а вот с чем более всего — с деньгами, законом или совестью, это-то и должна решить сама ужасно фантастическая и фантастически ужасная история. Россия ведь не что иное, как фантастика и мистика, полная немыслимость и очень проблемная выраженность, сама в себе и для себя ужасная трансцендентность! И почему это с любой завтрашней Россией должна быть сегодня у любого праздного россиянина великая ясность? Нет, нет и нет! Никакой тут ясности, кроме разве одной — Россия выходит за пределы совершенного предательски, антинародно и криптогенно реформизма и выходит на дорогу спасительного — конструктивного и развительного — *постреформизма*. Факт!

535

Идея России... в самой России! Никакой иной идеологии у России нет: ведичество, православность, коммунизм — всё это если и не одежды, то не более чем идейные облики, но никак не сердце, ибо сердце тут только одно — РОССИЯ, причём никак, собственно, не расшифровывающееся, ибо одна ЛЮБОВЬ тут, которая никакой расшифровке, даже и интеллект-трактованию, не подлежит. Никто из искренних (и от искры тоже!) россиян не знает, что это такое — Россия, да и знать не хочет, и не надо этого знать, ежели *она* — это самое *это* — с молоком матери у каждого искреннего россиянина прямо в сердце и сидит, как, собственно, у того или иного внутреннего антироссиянина замечательно сидит в его бледном сердце та же анти-Россия, частенько и вкупе с такой в

общем-то понятной к России ненавистью. Крестьянин, рабочий, любой вообще трудящийся, даже и очень учёный, Россию попросту любит, над этим особо и не задумываясь, хотя каждый хорошо знает, как трудна Россия, как страдательна Отчизна, как бывает к детям своим строга и беспощадна, даже и несправедлива; любят Россию, хотя и более осознанно, многие пришельцы, даже и гастарбайтеры, ибо находят в ней мать, а кое-кто и отца: ценят Россию и ею дорожат, благодарные; зато терпеть не может Россию местная (аборигенная) интеллигенция, вскормленная западным просвещением и с умилением вззирающая на Запад, а многие цветастые поэты с выкрутасными художниками и ваятелями Россию вполне чистосердечно ненавидят, что не значит, что поводов не имеют, как раз имеют, и очень много имеют — не выходит у них взаимности с Отчиной и не теплится в их помрачённых душах любви к Родине — тут уж ничего не поделать! России как идеи, а уже тем более идеи как России, для образованцев-просвещенцев не существует, что и понятно — не признавать же им за великую отменную реальность всю эту пустоту, это ничтожное ничто, эту жалкую иллюзию! Да, Россия была, есть и, по-видимому, ещё будет — эта большая внеисторическая несуразица, и с этим приходится считаться, но Россия эта вовсе не для тонких, сложных и вольнолюбивых-де персоналий, то бишь не для шибко калиброванных людей, а всего лишь для примитивных... э-э... росо-русичей-русских-россиян, предназначенных лишь для презрения, эксплуатации и ограбления. Где она — Россия — как страна, как тело, как душа? Нет её, нет, а есть лишь какое-то неживое пространство с мириадами его полумертвых насельников, даже не некрополь, не кладбище, а попросту застывший во мгле... *aud!* И бежать надо из России, бежать, лучше, ежели ещё и деньжат с собой прихватив, капиталец, золотишка какого, в общем — благ, которых на Западе просто так массе бегущих уже не раздобыть. И бегут, и несут с собой, и даже там как будто бы процветают!

На рубеже 1980—1990-х гг. в СССР-России свершилась великая антисоветско-антироссийская революция, она и глобалическая, но при этом ещё и антинародная, насквозь криминальная, ниже-хуже-чем-бандитская, абсолютно аморальная, а в общем-то — совершенно античеловеческая! СССР-Россия выблонул из себя самую откровенную и последовательную... дьявольщину, да так ловко и обильно, что под неё с головой и попал. Весь отечественный люд недоумённо ужаснулся, а просвещённый внешний мир... нет, не ахнул даже, а скорее... непонимающе подивился: «Надо же!». Зрелище было действительно потрясающим, что там в нынешнем обыкновении театр с «кином» да цирк с «ящиком»: *такого* ведь не выдумать! И однако *это* произошло, причём *это* были вовсе не готовившаяся десятилетиями «справедливая» революция, не возникший по жёстким обстоятельствам тоталитарно-авторитарный режим, даже не внезапное вражеское нашествие, а свой собственный «нутряной» выверт — явление адовского чрева, всего inferнального ресурса-резерва, обычно цивилизацией гонимого и контролируемого, да не просто всего этого появление, а и его возвышение, занятие им командных высот, самое настоящее воцарствование! Где вы, все исторические делегитиматоры, не идущие ни в какое сравнение с явившейся вдруг в СССР-России сворой хищных присвоителей-«прихватизаторов», для которых не то что совесть была пустым звуком, но и любой порядок, принцип, закон — всё было ничто, кроме лишь взятия любой ценой на свою утлую грудь громадного дармового богатства — взятия мгновенного, жадного, смертельного! Оказалось, что среди людей полно, знаете ли, нелюдей, в недрах цивилизации хватает всякой полулюдской «дичи», в культурном организме кишмя кишат вредные простейшие, а с развитым обществом прекрасно уживаются столь же развитые воры, бандиты и мошенники. Это было настоящим откровением! Не Иоанновым вовсе, страшающим бедного че-

518

ловека всякими немислимыми бедами, страшными испытаниями и ужасными катастрофами, а самым что ни на есть обыкновенным, заурядным, примитивным, но зато каким же жизненным! Ловкость ума и... сплошное мошенство! Теперь в героях был не варяг, не конкистадор, не ушкуйник и не пират, даже и не хитроумный финансист вкупе с ловким торговцем и старательным предпринимателем, а самый что ни на есть низкий и гадкий... *мошенник*, но при этом умный, образованный, профессиональный, даже и по-своему... уважительный! Не из грязи тут вовсе в князи, хотя и этого было в избытке, а из тёмного подполья в блестящий олигархат — вот это был ход! Причём совершенно, знаете ли, научный, материалистический, даже и математический, мало того — вполне и марксистский, ибо реальный марксизм, будучи атеистическим, антигуманистическим и антипредпринимательским, ещё и антитрудовым впридачу (кто же захочет задарма и много трудиться всю жизнь для какого-то мифического общего блага?), должен был рано или поздно выдать что-то совсем уж невероятное — дьявольское, захватное, паразитарное, — причём, заметим, не антимарксизм какой-нибудь, как многим до сих пор кажется, а именно самый что ни на есть настоящий *марксизм*!

531

Нововременская европейская цивилизация, хоть и бытовала разнообразной многострановой матрицей (международным кластером), но возростала и плодилась всё-таки как в целом именно *европейская цивилизация* — христианско-антихристианская, как раз та самая цивилизация, которая и породила современный мир, мало того, встала во главе него, правда, более уже в американском, чем в чисто европейском образе. Цивилизация бодрая, динамическая, экспансивная, экспрессивная, изобретательная, творческая, агрессивная, воинственная, как, собственно, и подобает прямой и не очень прямой наследнице римской имперскости, финикийской пред-

приимчивости и античной идейности. Христианство как раз и превратило Европу в Европу, а сопутствующее христианству антихристианство сделало из Европы как раз эту самую всемирного значения Европу, которую нынче весь мир знает как ЕвроАмерику, как Запад, как глобализм, как американскую империю. Ведомый интернациональным марксизмом социал-коммунизм, как и вдохновляемый национал-империализмом социал-фашизм, этот однопорядковый, но не линейный антипод социал-коммунизма, попытались было соорудить евро-антиевропейские цивилизационные альтернативы Европе, но проиграли этой самой Европе, правда, уже оказавшейся в образе ЕвроАмерики: еврофашизм проиграл в жестокой военной битве, причём в битве на два фронта, один из которых был представлен не без воли самого еврофашизма как раз коммуно-советской страдой, а социал-коммунизм проиграл уже в мирном соревновании с ЕвроАмерикой, правда, не без самоубийственной потенции и суицидной воли самого же социал-коммунизма, а также отравляющего и снедающего влияние сидевшего в социал-коммунизме его же собственного антипода — антисоциал-коммунизма. Здесь важно иметь в виду гуманитарную естественность новомировский ЕвроАмерики, обеспечившую ей победу и превосходство, и, соответственно, утопическую неадекватность человечеству обоих евро-антиевропейских альтернативных проектов. Заметим, что антихрист оказался естественнее Христа — это в судьбе евроамериканской цивилизации в целом, а вот псевдохристианская, а фактически антихристианская ЕвроАмерика пришлась куда как милее человечеству, чем её антихристианские же евро-антиевропейские антиподы. И если еврофашизм был одолен ЕвроАмерикой в союзе с СССР в открытом боевом столкновении, то коммуно-социализм сам вдруг ушёл — не без глубокой внутренней измены и коварного подталкивания извне — либо не увидев впереди себя явной и прочной перспективы, либо в плодах своих основательно разочаровавшись. Если в Европе

христианская антисистема, она же антихристианский фронт, сработала посредством Ренессанса, Реформации, Просвещения, а также посредством политической, экономической и научно-технической революций на прогресс Европы с Америкой, то в СССР-России антисистема сработала на ликвидацию СССР, советско-социалистического строя, мировой соцсистемы и на глобалическую (читай — проевроамериканскую, прозападную) переделку оставшейся от СССР Российской Федерации, её социума, хозяйства, экономики, государства, культуры, цивилизации.

538

История созидает, оживляет, учит, рушит, прекращает, ликвидирует, мертвит. История — Левиафан! Ей всё равно, ведь её на самом-то деле и нет! Где она, эта самая *история*? Это всего лишь фиксационно-трактоочный продукт коллективного сознания — в памяти, в писаниях, в текстах, в специальной науке, которая так вот одноимённо и называется — *история*, хотя это никакая не история, а всего лишь история истории, или история об истории, или история для истории, в общем, некая *историка*. Реальной истории нет (где, повторим, она?), ибо история есть непрерывное, проходящее мимо самого себя течение, но она всё-таки есть — как метафизис, как ноосфера (сфера сознания), как трансцендентность, как что-то, что за семью печатями, причём не от начала только и не в связи с концом, которые вообще неизвестны, а и в каждый текущий момент — что в самом деле знает человек о вокруг и мимо происходящем, для человека более даже мнимом, чем реальном? *Мнимо-* и *мимо-*история! Ист(есть), исток, ток, — не более того! Опять же ист (есть) — это ещё и истина, но где она эта «истина-есть», и какая? Человек, тем не менее, знает историю и знанием своим не только гордится, но и оперирует, всю им и манипулируя, а потому, обращаясь к *своему* знанию, ищет решений, которые суть догадки, но догадки ценные, не-

обходимые, важные, — и тут на помощь человеку приходит София, которая не рассказывает историю (историку), но обеспечивает её... э-э... понимание, разумеется, относительное, однако полезное — не у и не для всех, конечно, даже не у и не для немногих, а всего лишь у и для единиц!

539

Восточная Европа — не Западная Европа, и хотя Восточная Европа не Азия, может, — Евразия, где Европа переплелась с Азией, но никак вовсе не собственно Европа, а какая-то гиперборея, скифия, сарматия, вандалия, славяния, угро-финния, тартария, русь, руссия, россия, а теперь вот ещё и белоруссия, украина, кавказия, татария, казакия... в общем... не Европа, совсем не то, что Западная Европа. Но в Восточной Европе с некоторых пор (с Ренессанса, главным образом, хотя и ранее тоже) загнездились устойчивые настроения в пользу Европы, стимулируемые постоянной цивилизационной, культурной, идейной, интеллектуальной, поведенческой, бытовой неудовлетворённостью части восточноевропейских элит от своей чрезмерной-де азиатскости и, соответственно, неевропейскости, не говоря уже о западноевропейскости. Так или иначе византийское направление элитарных чаяний сменилось в Восточной Европе на западноевропейское (Рим, Париж, Вена, Лондон, Амстердам, Стокгольм, Берлин, даже Варшава с Прагой, но более всего, конечно же, Рим с Парижем!). Вся историческая судьба части восточного элитарного европейства эпохи Модерна тесно связана с этим навязчивым стремлением к Европе, хотя и, оговоримся, не в Европу, ибо стремление к Европе и даже притяжение со стороны самой Европы, хотя Европа всегда побаивалась включать в себя на равных Восточную Европу, сочетались, если не увязывались, с противоположной — и тоже достаточно элитарной — тенденцией — от Европы, а потому стремление к Европе постоянно наталкивалось на сопротивление как самому восточноевропейскому

тяготению к Европе, так и притягиванию Восточной Европы со стороны Западной. В чём же тут дело? А в том, что со времён ещё великой германо-славянской тяжбы за европейское жизненное пространство, когда германцы, частью уничтожив и частью германизовав славян, оттеснили западноевропейских славян на восток, вся Славянния вместе с угро-финнами стала рассматриваться Западом всего лишь как резервуар природных и людских ресурсов с очень неподходящим для нормальной цивилизации беспредельным пространством и слишком уж суровым климатом. Интересно, что такое отношение к Восточной Европе в основе сохраняется до сих пор, пусть и заметно видоизменённое. В свою очередь теснимые германцами славяне заняли относительно Запада не просто оборонительную позицию, но и вполне враждебную, нисколько не сомневаясь в агрессивно-захвато-колонизаторских устремлениях «западенцев». В итоге на европейском континенте сложились два взаимодействующих, но не сливающихся друг с другом в единое целое *евромира* — собственно европейский, он же западноевропейский, и евразийский, он же восточноевропейский. Слиянию этих двух евромиров не способствовали ни великая проевропейская революция истоково-неистового Петра I, ни нашествие на Россию (или же пришествие в Россию) Наполеона Бонапарта, ни александровские прозападные реформы второй половины XIX в., ни прозападные по сути революции 1917 г. — национально-буржуазная Февральская и интернационально-социалистическая Октябрьская, ни новое нашествие Европы в Россию-СССР в 1940-е гг., ни, наконец, глобалическая по сути, цели и размаху пробуржуазная революция 1990-х. И это всё воистину великие исторические события и процессы, а что говорить о более мелких — типа участия России в Семилетней войне в XVIII в. или той же Крымской войны середины XIX в.? Итак: образование и мирно-немирное сосуществование двух евромиров — западного и восточного; их разнообразное взаимовыгодное и не очень взаимодействие;

динамизм и образцовый уход вперёд западного мира и потребность восточного евромира в «догонянии» западного посредством своей вынужденной европеизации; устойчивое стремление западного евромира к подчинению восточного, его колонизации, и столь же упорное сопротивление всему этому восточного евромира, постоянное отстаивание своей самостоятельности и независимости (зависимой независимости) от западного евромира; неслиянность двух евромиров в единое целое. Характерно, что такому слиянию не поспособствовало даже воцарившееся по всей большой Европе единоверие — христианское, наоборот, само разделённое на западное католическое (латинское, римское) и восточное ортодоксальное (греческое, византийское), оно лишь подтвердило ещё дохристианское деление Европы на Запад и Восток, на римлян-германцев-готов и каких-нибудь гуннов-венедов-славян. Западная Европа так или иначе — наследница Первого (совершенно римского) Рима, а Восточная Европа — Второго (византийского) Рима, в общем, та и другая Европы — очень разные Европы, настолько, что одна — Западная — всё-таки по сути своей Европа, а другая — Восточная — как бы *недо-*Европа (ещё и *полу-*Азия), — и ежели для Западной Европы Восточная Европа не более как жизненно-естественный ресурс, годный лишь для эксплуатации, то для Восточной Европы Западная Европа — это искусственный источник, как и устойчивый пример для подражания (не превращения, а именно подражания). Восточная Европа, наиболее отчётливо выраженная в феномене по имени Россия, — всегда та или иная альтернатива Западной Европе, что-то вроде Спарты относительно Афин или Персии относительно Эллады, — и это несмотря на то, что европейский Восток долгое время уже вроде бы старательно учится у европейского Запада, что означает, что учится поверхностно, а не по сути, в лучшем случае феноменально, но никак не ноуменально. Восточная Европа не стесняется напяливать на себя западноевропейские одежды, но

почему-то «стесняется» становится всерьёз Европой. И здесь причиной не одни пространства с климатом, как и не только византийщина с ордынщиной, а и *что-то* другое, более глубокое и несомненно трансцендентное, восходящее к *началу, замыслу, проекту*, к возникновению *ноумена* под именем «Россия», а не только внешнего феномена, давно уже походя именуемого Россией, что-то уходящее прямо в *метафизис России*, а не сидящее только в её физическом организме и в способе текущего жизнеотправления. Тянется вроде бы Россия к Европе, а вот Европой никак не становится, более того, так или иначе отрицает Европу, её отвергает — как раз по сути, очень опасаясь Европы, её прямо-таки боясь, хотя и ровно настолько, чтобы не соблазниться ею окончательно и бесповоротно. Интересный тут выход: тяготение и отталкивание, заимствование и отторжение, любовь и... нет, не ненависть, конечно, но... всё-таки... стойкое неприятие!

540

Дело здесь не в том, что Россия будто бы не способна стать Европой, как многим обычно кажется, хотя в некоторой мере это и так, а в том, что Россия, тяготея к Европе по текущему жизнеотправлению, его форме, устремлена вовсе не к Европе, как и, разумеется, не к Азии, несмотря на свою феноменальную европейскость и свою подспудную азийскость, а к чему-то *иному*, диктуемому не так условиями практического бытия и конкретной реализацией социо-государственного феномена, как устремлённой в будущее трансцендентной телеологией Восточной, или же Российской, Европы. Россия не в прошлом и не в настоящем, она вся в будущем, а вот в каком — неизвестно! — ни самой России, ни Европе с Азией, ни всему миру. Явно *ино*-альтернативный момент присутствовал в том же СССР, но, как и когда-то имело место с византийщиной вплоть до Святой Руси, обусловлен он был не имманентной потребностью-кондицией Руси-России, а внешним факто-

ром — выходцем, кстати, из Европы. Любопытно, что даже подражательная Европе петровская реформация привела не к Европе в России, а всего лишь к европодобной альтернативе самой Европе, что подтвердилось затем в ряде военных столкновений России и Европы, включая большую наполеоновскую войну (1812—1814), победную для России, и малую наполеоновскую войну середины XIX в. (Крымскую), для России явно неудачную. И александровские, в общем-то прозападные, реформы второй половины XIX в. имели результатом лишь восстание опять же контр-европейской державы, которую Европе пришлось вновь пытаться громить военной силой и добивать силой революционной. И тут СССР — сначала вроде бы оплот мировой европейской, хоть и социалистической-де, революции, а потом, видите ли, оплот советского — читай, и российского! — социал-империализма, что то же самое — сталинизма. И опять альтернатива Европе, причём самая яркая, последовательная и мощная из всех уже в истории России промелькнувших. Теперь, уже в XXI в., как будто бы новая европеизация, а точнее сказать — глобоевроамериканизация России (Российской Федерации), и опять с почти немедленной альтернативизацией страны и её политико-экономического бытия: вроде бы всё на потребу западнизма, ан нет, российский неуклюжий ноумен всё там же — в метафизисе России, который опять почему-то перечит Западу и терпеть большого западного «брата» у себя в усадьбе отчего-то не хочет! Пока новая альтернатива более всего в потенции, она совсем ещё не выражена феноменально, совершенно не ясна, всерьёз себя ещё не проявила, но мало кому не ясно, что Россия, эта наследница СССР, ещё и наследница альтернативно-го — советско-социализменно-сталинского — глобализма, — и важно сейчас не то, какого по идее глобализма наследница, а то, что наследница глобализма вообще. Нет, Россия сегодня не претендует на роль глобального лидера в мире — пусть этим занимаются обречённые на это Соединённые Штаты, — но

Россия не может не быть в роли мирового... нет, не лидера, а... *мирового субъекта-актора*, притягивающего к себе внимание всего мира и обращающего уже своё внимание опять же на весь мир, мало того, действующего по-мировому — как мировая, а вовсе не региональная, держава. Конечно, тут важны размеры, местоположение и ресурсы страны, её история и прямое державное наследие, культурная значимость, как и наличие военной силы, оборонного комплекса и ракетно-ядерного щита, но... дело тут и в другом — в особом рода метафизическом предназначении восточно-европейского (евразийского, российского) мира, выраженного непосредственно и наиболее отчётливо русским началом, русской культурой, русским народом, как раз тем людским ресурсом, который сложился в России как этнокультурная данность, объединённая не одним вовсе языком и общежитием, а и кровью. Не станет русских по крови, не будет и России! Россия — страна прежде всего русских, что не значит, что русские в стране главенствуют, доминируют, господствуют — совсем нет, всё как раз наоборот: русские по преимуществу внизу, частью посредине и лишь частично наверху, причём так было всегда, насколько русские помнят себя фактологически. Российская империя — это именно российская, а вовсе не русская империя, ибо основатель Российской империи Пётр Великий совсем не думал о процветании русского начала, наоборот, Петру очень хотелось это начало как раз искоренить. Ничего или совсем мало русского было в СССР, при котором тоже очень хотелось властям обойтись без русского фактора. Даже во времена Святой Руси (от Ивана III до Ивана IV) в державе было больше византийства, чем русскости, от которой ведь тоже хотелось избавиться как от ведической, языческой, волхвовской. Странно всё это, но это, увы, так: несущий страну народ никогда не удовлетворял в идейно-культурном отношении страновую государственность, как правило, весьма чуждую русскости, и нужен был этой государственности лишь в качестве тяглого насельни-

ка, а попросту говоря — народа-раба. Странно тут и другое: народ русский, будучи в основном в физическом рабстве (варяжском, византийском, ордынском, святорусском, европейском, немецком, а теперь вот глобалическом), ухитрялся оставаться свободным в духе, метафизически, трансцендентно, живя либо легендарным прошлым (воспоминанием об ушедшей в небытие или же никогда и не бывшей наяву свободе), либо невыраженным никак конкретно, но возможным ни с того, ни с сего счастливым — и свободным! — будущим, либо же, что и наиболее значимо и весомо — *иномирьем*, однако не тем, что сулило христианство в загробной части бытия-небытия, а совсем другим — совершенно никак и не определённым (*иное* — и всё тут!).

541

Россия-то Россия, а вот бал властно-институциональный давно уже правит в России... не-Россия, а то и, что совсем уж парадоксально, анти-Россия! Вот так! И что примечательно: править-то правит, а выправить Россию в не-Россию, а то и в анти-Россию, никак не может. Россия не только удерживается Россией, но ещё и всегда не той Россией, какой бы хотелось видеть разного рода сверхроссийским и внероссийским благодетелям России, её на иностранный манер преобразователям и переустроителям. И никак не определится Россия с Россией, как и с не-Россией и с анти-Россией! Бесконечная, можно сказать, игра, она же и тяжба, она же и исторический суд — быть или не быть России, — и пока всегда пока быть — но при этом какой-то... нероссийской, точнее — нерусской, это, во-первых, а также, во-вторых, всегда не окончательной, не завершённой, не совершенной, а главное — не саму себя ободряющей, не саму себя ищущей и не саму себя находящей. Россия и её бытие — великий исторический парадокс (сумма парадоксов, парадоксовая матрица, пучок парадоксов), ждущий своего разрешения, а поскольку парадокс на то и парадокс,

чтобы разрешения не иметь, то, надо полагать, ежели оно всё-таки произойдет, то исключительно как... *парадоксальное*. Только парадокс разрешит парадокс! Какой же тогда может случиться парадокс? А самый невозможный — кривой, путанный и несуразный. Ничего не поделатъ: РОССИЯ!

542

Резко отказавшись от СССР с его сталинизмом и его претензией на мировое лидерство и соцпереустройство мира, страна, обернувшись в зауженную Российскую Федерацию, резко открылась за границе и сразу же нахлебалась «по самое не могу» глобо-евро-американизма, так и... *sic!*.. снова не став ни Европой, ни Америкой, наоборот, почувствовав острую аллергию на смердящий на весь мир Запад, призадумалась вдруг над собственной судьбой — вопреки, надо особо заметить, расцветшему в стране западнизму, весьма вольготно разгулявшемуся во властных верхах, в средствах массовой информации, в культурной-де сфере, как и в той же сфере образования, в виде или под видом этакой отличительно-наставительной «пятой колонны». Ничего удивительного: страна-то ведь была сдана на милость... нет, не победителю вовсе, а некоему... *превосходителю!* Сдана-то сдана, но... не полностью же, не со всеми же потрохами, ибо... ох, уж эта Россия!.. тёмная страна, поди-ка высвети её, да ещё и во всех её потаённых уголках! Тут что-то не то: вроде бы сдача, но и явная при этом недосдача, а чего больше, кто знает? Главное, войти в глобализм, в мировое закулисье, но войти крупным элитным собственником, с неограниченными средствами, с большущей мощью, о чём никто раньше и не мечтал — ни Пётр I, ни Александр I, ни весь дом Романовых. Получилось, не получилось, но «заява» есть, недаром же G-7 в G-8 внезапно переделалось. И кто тут к кому дверь шире открывал: СССР-Россия — Западу или же Запад — России? Совершенно новая для России стартовая ситуация — как интегрированной

в Запад антизападной страны. Опять парадокс! Но ничего другого от России ожидать не приходится, ибо она не от мира сего и на мир иной каким-то образом перспективно нацелена.

543

Земной же мир сильно ныне меняется. И дело тут не в одном научно-техническом прогрессе, который в чём-то весьма уже и замедлился, а в чём-то весело катится вперёд. Изменяется вся конструкция мира, по-новому складывается и система им управления. Многие правившие по миру царско-королевские династии поушли с исторической поверхности, хотя и не исчезли полностью, а отдельные их потомственные представители не «преминовывают» поприисутствовать в ныне правящих в мире и миром структурах. Кое-какие династии и ныне продолжают властвовать — пусть вроде бы номинально, но всё-таки! Не повезло российско-немецким Романовым вместе с «братскими» им Габсбургами и Гогенцоллернами, их вынудили уйти если не в полное небытие, то в весьма плотную тень, причём это произошло не без участия и поныне здравствующего английского королевского дома. На место царских династий пришли династии финансовые, а на место царских аристократий — политико-экономические кланы, а на место действовавших в масонском морально-интеллектуальном ключе управительских сообществ приходят разбойные стаи вполне уже аморальных постмодерновых хищников. И одно дело тут правительства, в том числе и мировое, другое — истеблишмент, как и одно дело явные (легальные) управленческие структуры, совсем другое — неявные (нелегальные, скрытые, тайные). Управление нигде и никогда не было и не является полностью открытым и вполне явным, более того, оно по большей части и по преимуществу *конспиративно*. Что касается управления большими системами, гигантскими аренами, масштабными историческими процессами и целыми мирами, то здесь управление уже по своей онтологической при-

роде не может не быть неопределённым, затемнённым и путанным. Неразберихи и тумана добавляет тут и скопище разных явных и неявных центров управления, осуществляющих явную и неявную управленческую работу. История движется вроде бы сама, — и это в значительной мере так, если судить по непредвиденным, неожиданным и нередко шокирующим любому предвоображению результатам, — но история ведь и активно делается, во всяком случае делаются события и производятся процессы, — и это производство истории ни в коей мере нельзя сбрасывать со счетов. Что-то происходит само собой, но ведь многое происходит вовсе не само собой, а по чьей-то вполне сознательной воле, которая восходит более даже не к явно правящим структурам, а к разного рода теневым управленческим центрам-комплексам, как и вообще к погруженным в конспиративную тень частям управленческих структур. Где-то, допустим, случается революция, а ведь кто-то из реально действующих субъектов истории, управления ею, если и не сделал её, то её свершению обязательно очень поспособствовал? Событийная ликвидация неординарного лидера, но кто-то же реально это заказал, организовал покушение, помог его осуществить? Многозначительная диверсия, но кто-то же её потихонечку подготовил и незаметненько обеспечил, если не исполнил? Уход, а чаще — сброс правительства, но кто-то этому событию благонамеренно споспешествовал? Отставка дельного министра, но кто-то же этому целеположенно пособил? Вопросы, вопросы, вопросы?! Над ними ломают головы свидетельствующие вроде бы событийники и бьются в учёной истерике всезнающие-де, но вовсе ни о чём не свидетельствующие историки. История как реальность — тайна, а история (историка) как чей-то текст — миф, нередко подлый, лживый и безобразный. Так что история — реальная и писанная — не более чем плод осознаниенного воображения, это всего лишь развёрнутое назад и ословесненное человеческое сознание, особым образом запечатлённая культура, но

никак не верифицируемая полностью и вполне достоверно реальность. Хотя и была, и есть, и будет, причём в сознании, с сознанием и через него, но при этом и без сознания, вне сознания и вразрез ему, а потому в историческом сознании будет оставаться всегда лишь в его, этого сознания, неудобоваримой версии.

544

Неважное по полезности и эффективности хозяйство — норма для России; бездарная по исполнению и ужасная по разрывам история — тоже; невыносимое тягло-крепостническое и каторжно-тюремное бытие — само собой. Одним словом — АД! И в этом аду россиянину, в особенности же русскому россиянину, надо не только воспроизводиться, держа на себе страну, но и оставаться... достойным человеческого звания земным человеком, братским коллективом, жизнеспособным сообществом! Обычно говорят о тотальном российском *неустройстве*. Правильно говорят, но не всё говорят, ибо говорить надо по преимуществу о российской *страде*, это самое неустройство компенсирующей (не преодолевающей, а лишь компенсирующей) и позволяющей народу быть, хозяйствовать, жить, сожалея о далёком будто бы вполне сносном предысторическом прошлом и мечтая о вот-вот вроде бы наступающем, хотя и несбыточном, но вполне уже благопристойном-де будущем. *Непреодолимое неустройство, бесконечная страда* и... *массовое подвижничество*! Российская экзистенция — подвижническая, а уж позитивная (по правде) экзистенция — неперемный житейский подвиг, всё равно какой — трудовой, первопроходческий, творческий, гражданский, служебный, арестантский, семейный, отцовский, материнский, личный. О воинских, пожарнических и иных чрезвычайных подвигах мы тут не говорим, только лишь о простых житейских. И бегут поэтому росо-русичи-русские-россияне во все стороны, да и что-то там — в тех сторонах — находят, то

тоскуя по родине, то о ней и не вспоминая, но более всего всё-таки в той или иной мере о ней печалюсь. Откуда эта странная русская ностальгия? Это по аду-то?! Так, может, и не ад вовсе в России, а что-то другое? Нет, конечно, — это ад, самый настоящий земной причеловеческий ад, но вот есть в этом аду что-то... нет, нет, не влекущее вовсе, а... оправдательное, что ли, как бы своя правда есть, восходящая прямо к... *иномирью!* Не будь этого ада земного, не быть и *человеку русскому*, способному и ад перенести, и подвиг житейский совершить, и человеком стать. Разумеется, обо всех русских так не скажешь, но ведь о многих же, о совсем и не малых их количествах! Трудно сказать, когда всё это адовое началось: со славян, варягов, греков, татар, немцев, но ведь началось же когда-то и... не кончается, никак что-то не кончается! Промысел ли тут странный, стечение ли обстоятельств, преднамеренный случай, непреднамеренный умысел, неотвратимое проклятье... мало ли что... но ведь так всё, именно так, совсем и не иначе? Зато какое на Руси стремление к *иному!* — что и понятно, ибо всё это сие — трудно, тяжело, страдно, смрадно, а главное — как-то очень и очень несправедно, какая-то здесь очень уж несправедная правда, а не всего лишь праведная неправда, — и всего этого так много, так по горло и по уши, что бегут многие в разные стороны, бегут, находя *там* что-то для себя приемлемое, может, попросту не столь уж адовое!

545

И ад-то весь российский от господствующего в России особенного сознания, может, и самого что ни на есть русского. Чего пока не свершилось в России, так это *сознаниевой революции*, вполне уже *человеческого края*, когда на место нелюдиевого выворота приходит вполне людская правь, которая ведь хорошо известна на Руси-России, даже и в немалости практикуется, да вот почему-то никак этой самой Русью-Россией вполне не овладевает. И ничто пока не помогает, а

главное — само сознание и не помогает, как раз то самое — массовое, а не отдельных лиц и их неопределённых количеств. Вот где проблема — *сознаниевая революция!* Может, нынешний прозападный ад как раз и поможет — через спасительное его отрицание, ибо очень уж он соблазнителен, коварен и смертоносен, — то бишь не благодейное на вид православие поможет, не светская благопристойная мораль, не чудодейственное воспитание в гуманистическом стиле, а именно прельстительнейшая, лживейшая и гнуснейшая западнизация, от которой, кажется, уже подташнивает и самого благосклонного к ней россиянина, а русского-то вообще выворачивает — прямо как при дурном похмелье? Да-а, западная сладчайшая отравка — этакое наливное надкусанное яблочко! — а потом... потом либо погибель, либо отрезвление с очищением, а там, глядишь, и новая жизнь под управлением *нового сознания*. Э-эх, где ты *новый человек*, а может... уже и *иночеловек*, то бишь не так новый, как *иной*? Не для того ли на русского-россиянина столько бед, коварств и соблазнов, чтобы... нет, не растворился он в гуще мирского бытия, как и не сгинул в пучине небытия, а... вышел бы к *новому свету*, что не значит вовсе, что к раю, а всего лишь к *земному спасению!*

546

В России ныне особенно хорошо для нелюдей: проходимцев, пройдох, бандитов, негодяев, лентяев, паразитов, как и очень плохо для человек, граждан, трудяг и... умниц! Это так: кому-то очень хорошо, а кому-то очень плохо, хотя есть и такие, кому попросту тепло, а кому всего лишь не очень холодно. И всё это на огромной евразийской площадке, полной природных богатств и неприродной эксплуатации, но зато крайне ущербной по части справедливости. Идёт послушная сдача национальных богатств алчной и жирующей за границе — ценой и посредством прельстительной перебежки владетельной элиты за кордон. Россия вычерпывается, обедняется,

опустошается, взамен получая западные постмодерновые побрякушки, почему-то называемые капиталом, техникой, информацией, знаниями... ещё и... ох!.. «культурой». Всё западное уродство ныне в России, а Россия уже тонет в этом уродстве, интенсивно вбрасывая в него и своё собственное. Так что уродство тут в квадрате, в кубе, в энной степени. Уродство к уродству, причём без обмена вовсе одного на другое, а лишь с односторонним приёмом от «заботливой» заграницы. Запад, как бы ни хорошился и ни прихорашивался, уже окончательно и бесповоротно обуродился — сам, вполне при этом сознательно и умно, прочно забывая что такое людская прямя, высокое искусство, спасительное слово, безвыгодная мораль, естественное поведение, простодушная социабельность. Рубикон человечности там уже пройден и впереди, увы, только постчеловеческое — овнешневлённое, обыскусствленное, пустое, погремушечное. Запад, может, ещё и не совсем гнилой, но всю гниющий, причём гниющий обновленчески и обновляюще! Это никакая не немощная старость, не смердящая труповидность, не вонючая дерьмовщина, а совсем даже наоборот — *расцвет!* — гедонизменный, гламурный, весёлый, карнавальный, заманчивый, прельстительный, вполне и парфюмный. Ничего страшного, хотя есть и отталкивающее, весьма и омерзительное. Красивое такое уродство, даже и прекрасное, но... *уродство*, ибо всё меньше творческой страстности, душевной сочности, любовной пылкости, в общем — жизни! Запад на то и Запад, чтобы с самого своего начала (и не важно какого и с какого конкретно времени) перманентно цвести, обновляться и... *гнить*... насовсем и не умирая. Но сейчас, правда, нарисовался вреднейший тупичок — Запад хочет всем только управлять, он не хочет уже много трудиться, рисковать, биться, жертвовать, ибо он уже на вершине, одной ногой в прозападном иномирье, где прежнему — историческому — человеку уже нечего делать, где на царствие приходит даже не человек-симулякр, а попросту симуляционный человекообраз.

И не отвернуть Западу с этого пути — пути в райское никуда! — и веру в первенствующее положение в мире Запад никак не теряет, лелея полное подчинение себе всего мира, его под себя переделку, оставление на планете только нужного ему и ему же вполне послушного, конечно же, весьма и урезанного. Что-то очень похожее на *фашизм*, но фашизм уже не первозданный, не дикий, а производный, цивилизованный, вполне и постмодерновый. Когда-то был ещё *национал-социал-фашизм*, к тому же жестокий и свирепый, а это уже не что иное, как *глобо-либерал-фашизм* — убаюкивающий, умиряющий, умеривающий, что как раз и позволяет ему переделывать не очень заметненько, но последовательно весь этот мир — под себя!

547

Эсхатология Запада идет прямо в соответствии с его телеологией — господство над миром, трансмутирование мира, трансгрессия в *иное*, но в научно-техническое иное, знаниевское, «оцифрованное». Тут является собирательная *сеть*, в которой не люди с их отношениями, даже не агенты с их автоактивностью, а впутанные в сеть элементы — такие сетевые бусинки, они же и киборги, чиповеи, чиповеды, кто там ещё? Западу надо паразитарно выжить, истекая гноем и гнилью, и успеть мир человеческий, обильно орошаемый этим гноем и гнилью, *пере-вратить*, то бишь не просто превратить в другой мир, а в мир абсолютно *пере-вёрнутый*, совершенно, так сказать, *из-вращ-ённый*. Вот почему на Западе верх берут, а может, уже и взяли, особого рода гуманоиды — *сверхчеловеки*, если уже и не *внечеловеки*, совершенно уже не обременённые никакой «человечиной», не говоря уже о какой-либо богоугодности. Сверхзадача их, прямо вытекающая из западной телеологии и эсхатологии одновременно — не высший гуманизм вовсе, а самый что ни на есть *постгуманизм*, или же *загуманизм*, когда мир человека на Земле завершается и наступает на Земле и в Космосе мир *постчеловека*, если уже

не *нечеловека*, возможно, с некоторой долей «человеков» в самом центре постисторического мира и на самом верху мировой постисторической пирамиды. Запад ныне в западне — в западне своего собственного мирового демиургического проекта, выйти из которого и из которой ему уже не суждено. Так что остаётся Западу только процветать, обновляться, гнить и не умирать — до поры!

548

Да-а, хотели с гниющим Западом покончить — каждый по-своему — еврофашизм и евроазиосоциализм, да вот не смогли: Запад как процветал, гния, так и гниёт, процветая! Как это ни прискорбно, но с Западом призван покончить... сам Запад, а потому и время нужно, и терпение, и спокойствие. Что же тогда — ждать? Ждать, но и видеть, и противиться Западу, как и не зевать, ловя свой последний шанс, ибо альтернативы Западу никто и никогда не отвергал, даже, видно, и сам сатана, ибо на Западе свет клином для Божьего противника вовсе и не сошёлся.

549

А тут Россия! Эта совершенно нелепая альтернатива Западу, хотя и ему — Западу — настойчивая подражательница, и служанка, и даже приспешница, но при этом и завистница, и недоброжелательница, и противница. Почему же всё-таки альтернатива? И какая? Запад, это ЕвроАмерика — телесность, вещьность, интеллектуализм, деловитость, экономизм с финансизмом, изобретательность, индивидуализм, личностность, морализм, уверенность, оптимизм, правозакон, порядок, размеренность, дисциплина, гражданственность, государственность, вообще всякая мера, ну и со временем — гуманизм, либерализм, «демократизм»; Россия же... о-о!.. Россия — прямая противоположность Западу, этой ЕвроАмерике, ибо в России и с Россией «душевность», переживательность, неделовитость,

тягловость, неустроенность, неуклюжая принудительная хозяйственность без всякого пиетета перед экономизмом-финансизмом, раздольная нужда, но и повышенная сообразительность, изворотливость, тяга к правству (от правды), «понятийству» (по понятиям), внезаконию, опять же вороватость, беспорядочность, порывистость, импульсивность, стихийность, леность, неуверенность, неудовлетворённость, ожиданчество, хандризм, пессимизм, надрывство, мистицизм, властолюбие, армейщина, деспотизм, холопство, бегловость, размытость, ускользаемость... что тут ещё? И ежели на Западе всё явно здóрово, то в России всё, мягко выражаясь, как-то не очень здóрово, если не вообще... отвратно! Запад — живой развивающийся организм, Россия — полумёртвая застывчатая массовидность. И тем не менее — *альтернатива!* Противоположность — да, но вот альтернатива?!.. Вся беда Европы с Россией, а лучше бы сказать — России с Европой, в том, что с некоторых, хотя бы рюриковско-византийских, пор в России весьма назойливо, почти что и прочно, хотя и не очень-то уверенно, сидит... Европа, — да, да, именно так — *Европа-с!* Мало того, что сидит, но и... правит, да мало, что правит, ещё и упорно переделывает под себя эту самую Россию. Так что Россия по гамбургскому счёту не более и не менее как ЕвроРоссия, а на сегодня так и вообще ЕвроАмерикороссия. И стоит только ЕвроРоссии начать становиться... э-э... россоевропой, так сразу же следует какое-нибудь скверное событие-процесс вроде смуты, реформы, революции, нашествия, мировой-де войны. Россия вообще-то не против Европы и даже её в себе всегда держит и лелеет (и без всякого на то Петра Великого), — и никакая русо-российская власть с никакой элитой против Европы как цивилизационного начала никогда всерьёз настроена не была, а совсем даже наоборот — всегда или почти всегда была за Европу как таковую и за Европу в России — российскую, так сказать, «европу». Европа — тело, дело и мысль, Россия — душа, чувство и мудрость! Россия всегда

нуждалась в теле, деле и мысли, а потому и принимала в себя Европу даже на началах её власти, порядка и дисциплины, то бишь её господства, но в полной мере Европой становиться не хотела, да и не могла: тут сказывалась и сказывается до сих пор *русскость*, восходящая к *коренной проторусскости*, себе никогда и ни при каких условиях не изменяющей. Тут вот действительно анти-Европа, всамделишной Европе долгое время совсем и не страшная, разве лишь весьма неудобная. Допускать-то допускала Россия в себя Европу, но захватить себя и до дна покорить никогда Европе не позволяла, либо открыто с ней сражаясь вместе со своей же российской «европой», либо приспособливая приходящую Европу под себя, её, так сказать, «обрусёвывая». И вот тут-то самое важное: российская «европа», полагавшаяся всегда на русско-российский фундамент, как раз и оказывалась более всего ближайшей реальной альтернативой всамделишной Европе — Западной Европе, ибо включала в себя как евротело с его делами и мыслями, так и россодушу с её чувствами и мудростью. Так что не сама по себе Россия (протоРоссия) стала альтернативой Европе, а европеизированная Россия со своей евророссией, или россоевропой, что никогда не исключало и не исключает до сих пор вредности для россоевропеизма живучего протороссийского фундамента. Что русскому благо, то немцу... смерть! Ну и наоборот: что немцу в сладость, то русскому... э-э... в гроб!

SS0

Евророссия, или же россоевропа, как уживается плодотворно с Россией, так и поощряет в России антиРоссию. Миссия Европы в России неоднозначна и разнонаправленна. Здесь и развитие России, и угроза её изничтожения, даже и непредусмотренного. И если принять во внимание столь же неодинаковое влияние на Россию — как непосредственно, так и через евророссию — всамделишной Европы (ЕвроАмерики), то борьба России с Европой и евророссией оказывается вполне

естественной и объяснимой. Именно отсюда почти все внутророссийские расколы, как и явления «западников» и «славянофилов» (точнее бы — «русофилов»), «чужебесов» и «почвенников», «космополитов» и «патриотов», короче — «ненаших, несвоих» и, наоборот, «наших, своих». Великая и нескончаемая раздвоенность России, — и не между Европой и Азией, как мнится многим, а между Европой вкупе с еврососисей и... собственно Россией. Россия ведь никакая не Европа и никакая не Азия, а... русость, россость, русскость, росскость... в общем — то самое, что между Европой и Азией, но что ни то, ни другое — не Европа и не Азия, а как раз то, что восходит... э-э... не то что к седой древности, к доистории, к предистории, а прямо-таки к НАЧАЛУ, к СОТВОРЕНИЮ, к ХОЗЯЙСТВУ БОГА, к СОФИИ! Вот почему реальная российская-де история не так история Руси-России, как история с Русью-Россией, некое затянувшееся *происшествие*, при котором историческая очередь до собственно Руси-России (или изначальной протоРоссии) никак не дойдёт, ибо русская протострана всё время в ожидании чего-то ИНОГО! А пока лишь восприятие Европы при неустанной с нею же борьбе — что против алчности внешней Европы, что против чрезмерности «европы» внутренней. Что есть то же русское православие? Это как раз и есть еврососсия, или россоевропа, кому как нравится, в России; это, конечно, христианство, но особенное, даже и не греко-византийское, а нашенское — *русское!* — вроде бы ортодоксия, да не совсем та, что пришла извне, а, так сказать, русо-российская ортодоксия, хотя все буквы писания на месте и никакого параллельного писания, никаких догматических реформ. В чём же дело? В духе, в сознании, в людях, в ноосфере, ибо в России, в её основе, центре и в сердце — *прото-Россия*, которую совсем не каждый русский осознаёт, но которой почти каждый русский невольно предан. *Метафизика-с!*

SS1

Россия — очаг, котёл, замес. Тут и многофигурность, и разносмысловость, и разнодейственность, и многоликость, мало того — какая-то даже квазицелостность при отсутствии единой и стабильной целостности. В России много всяких «Россий», включая и такие фантазмагорические феномены, как неРоссия и антиРоссия; таков он — российский мир — неопределённый, расколотый, ускользающий, несхватываемый. Не в том дело, что «умом Россию не понять», а в том прежде всего, что Россию не понять ни европой (как раз умом), ни азией (с тем же отключением ума через погружение в нирвану), а можно лишь понять... через саму Россию, которой в открытой реальности нет (или почти нет), а потому как бы и самого предмета понимания нет (или почти нет), что означает более всего, что нет не понимания предмета, а самого предмета понимания нет, — вот и вся тут онто-гносеологическая загадка, она же заковьяка!

SS2

Анти-Россия — вещь серьёзная, достаточно могучая и дерзкая, как раз настолько, чтобы, отрицая Россию, её будоражить, доводя до крайности, но при этом не настолько, чтобы расправиться с Россией раз и навсегда. Ни Петру Великому не удалось этого сделать, ни романовским немцам, ни интер-большевизму с его интернационализмом. Проницательный Сталин быстро сообразил, что лучше эффективно использовать фундаментальную русскость, чем глупо её отрицать, хотя вряд ли стоит почитать великого Сталина за великого русофила, — Сталин был трезвый политик, макиавеллист, и как таковой, он точно рассчитал, что без опоры на русскость он проиграет, а потому и обратился к этой последней, в особенности в минуту крайней опасности — в том же не победном вовсе, а вполне и пораженческом 1941-м. АнтиРоссия активна, амбициозна, агрессивна! Это вовсе не обязательно евроссия, как

и не непременно российское западничество, как, собственно, не обязательно и какое-то враждебное российской России азийство, нет, тут всё гораздо сложнее — антиРоссия питается и от самой же России, от той же русскости, и иной раз посильнее, чем от западничества с азиатчиной. Даже сама Россия не выдерживает России и возжаждывает вдруг с ней расправиться. Да, это так — Россия... *предаёт*... Россию! Факт! Отсюда и неугасающее стремление совокупной антиРоссии запродавать страну вместе со всей её природой и всем её людом — как раз Европе с Америкой, как и той же Японии, как даже и Китаю. И всё это отчётливо в истории российской просматривается: когда-то запродавали хазарам, «рурикам», византийцам; в Смутное время полякам, литве, шведам; в петровское время и в постпетровскую эпоху всяким европейцам — немцам, голландцам, англичанам; Аляску запродали Америке; интербольшевики торганаули Россией в пользу плутоинтернационала, за которым стоял всемирный интеримпериализм; нынешние «крутые» западники — в пользу Запада, тишайшие-де восточники — Востока, малодушные срединники — Юга. Продать, продать, продать — ничего в общем-то особенного! Россия как место бытия — не для слабаков, трусов, эгоистов и разных там любителей лёгкой жизни. Что же касается всякого рода стяжателей, подлецов, мошенников, негодяев и прочей сволочи, ими, как вообще везде водится, пруд пруди, и все готовы с удовлетворением споспешествовать самым подлым изменам и на редкость дешёвым распродажам. Сегодня неРоссия, включая и антиРоссию, старательно бежит из России, прихватывая с собою то или иное денежно-капитальное довольствие. Бежит! Ситуация в России, из которой вынужденно уходят и хорошо образованные, профессиональные, трудовые и вполне творческие персоналии, аховая. Такого, кажется, не было даже при интербольшевиках. Страна в действительной опасности, хотя и не в полной безнадёжности! В общем, опять упорная борьба за Россию — между антиРоссией — как своей (внут-

ренной), так и не своей (внешней), и собственно Россией. Так было всегда, так имеет место и сегодня! Не то негативная, не то позитивная, не то в общем-то никакая, вполне и маятниковая, карма России: быть и не быть — не быть и быть, а в итоге — *бытийствовать*, что всё-таки не совсем быть, как и не совсем не быть, а как бы... *мерцать* — вроде очень далёкой таинственной звезды!

SS3

Россия всегда изнутри проблемна, а потому всегда в борьбе с самой собою, хотя временами покойна и сонна; Россия всегда под угрозой извне, а потому всегда в борьбе с внешней угрозой, хотя временами и сама бывает относительно зарубежья, ух как, «хороша». История-судьба России — война и мир, а не мир и война, когда один год мира на два года войны. Не зря ведь «Война и мир» — этот великий эпос нововременской России, а не «Мир и война»! Смуты, разборки, войны. Россия всегда в борьбе, да не за российскую всего лишь выгоду, что понятно, а ведь и за саму Россию! Она разваливается и собирается; суживается и расширяется; отбивается и наступает. Дышащий огнём и пеплом мир, место бедствий и битв, пространство поражений и побед. Ад! Хотя и живой, и жизненный, даже и жизнеспособный. Но и смертоносный! Очаг и омут, лестница вверх и лестница вниз, чудесная высота и отвратный подол. И всё это то в медленном, то в ускоряющемся, а то и в бурном коловращении, а то и во внезапном разрывном падении-распаде. Зона то покойного беспокойства, чреватого коллизией и взрывом, то беспокойного покоя, не чуждого коллизии и взрыву, но менее всего покойного покоя, а главное — какого-то определённого *стратегического разрешения!*

SS4

Никак, никак и никак! Не Европа и не Азия, но и... не Россия! Россия никак не обретает... России, вбирая в себя Ев-

ропу и отталкиваясь от Азии, — и при этом никак не находя самую себя. А ведь это «самоё себя» есть и в самом деле что-то *иное*: то ли когда-то уже бывшее, может, лишь в зародыше, и навсегда ушедшее в небытие градом Китежем; то ли ещё только подступающее, вовсе и не обязательно реально возможное; то ли это попросту иллюзия, фантом, мираж, фантазия, дурь? Так состоялась Россия или нет? Опять же ответ тут один: и да, и нет! Как потенция к России — да, состоялась, но как сама по себе Россия — нет, — скорее, увы, нет, чем да!

SSS

Проникнуть извне в Россию, а Россия, заметим, что-то вроде восточно-европейской и северо-азиатской сельвы, как и покорить Россию, поставив на конвейер своей выгоды, хотелось и хочется разным внешним силам, что в России ни для кого не секрет. И алчные купцы-торгаши тут, и мощные воинственные армии, и упорные службисты всех мастей, и мастиные профессионалы, и ловкие разведчики, и умные дипломаты, и настойчивые миссионеры, и глубокомысленные советчики, и просвещённые книжники, и сосредоточенные на истине научники, и затейливые «культурники», и честноглазые банкиры-финансисты, и тайных деяний мастера-масоны, и постмодерновые ультраимпериалисты. Заграница всегда была влекома в Россию, как и всегда она — заграница — наличествует и в самой России, причём как важнейший для России... *внутренний*... элемент-момент-актор, разумеется, всегда так или иначе обрусёвываясь, становясь в России как бы русо-российской заграницей. И сама Россия привлекала с упоением заграницу, а заграница «честно» признавала Россию своею, крепко её иной раз даже любя, но почти всегда и люто ненавидя. Заграница вполне добросовестно России служила, как и не столь уж добросовестно ей вредила. Всякое тут бывало, но главное — всё-таки Россия так или иначе европеизировалась, приручалась Европой (а не Азией!), ею — Европой — неза-

метно как бы гипнотизировалась. Россия не столько европейская, сколько *при-* и *под-*европейская страна, не колония Европы, но некий ей (не *eë*, а именно *ей*) придаток. Недаром же тот же донской вроде бы казак Ермак Тимофеевич был изображён на собственном прижизненном портрете голландским художником в голландской же одежде, а такие русские-де бунтари, и тоже отчаянные донцы, как и Ермак — Болотников, Разин, Пугачёв — либо побывали до своих громких деяний за границей, как раз в Европе, либо имели те или иные сношения с иностранцами — как раз европейцами. Юный Пётр I пропал днём и ночами в Немецкой слободе у Лефорта, а потом, уже единовластным царём, проехался рисуночно по всё той же Европе. Екатерина Великая, хоть вроде бы и большая умница, и ловкая властительница, но ведь немка-узурпаторша, как, собственно, и Екатерина I, которая всего лишь прибалтийка Анна Скавронская, вытащенная из-под солдатской телеги графом Шереметьевым и переданная им фавориту Петра I Меншикову, а уж потом ставшая, фактически и незаконной, женой русского-де императора — императрицей Екатериной, не преминувшей к концу жизни Петра ему ещё и успешно изменить. Романовы после Екатерины Великой сплошь чистейшие немцы. А что говорить о биронах, берингах, крузенштернах, баркляях, витгенштейнах, бенкендорфах, нессельроде и прочих, прочих... дантесах. Почти все видные декабристы побывали в Европе, были и масонами. Взять те же аристократские некрополи России, в той же Александро-Невской лавре, что в Петербурге — как там много иноземных имён и заграничной масонской символики, но как же мало там русских фамилий и родных православных крестов!

556

Сталин, противостоя Европе, с ней и насмерть борясь, не слишком при этом любя и Россию, не смог преодолеть ни евроссии в России, ни самой по себе «России». Подвластный

контекст оказался сильнее вождя-инородца. Сталин лишь заигрывал с Европой, как он, собственно, заигрывал и с Россией, но по-настоящему терпеть мог лишь ордынщину, которую откровенно и воспроизвёл, доведя и до полной крайности. Сталинский Рим — ордынский Рим, хоть вроде бы и всё ещё Третий. Ордынщина — вот идеал Сталина, но, разумеется, нововременская, хотя при этом и антинововременская, ибо была таки идейно вскормлена и духовно овееана евроантиевропейской социальной утопией. Эта сталинская ордынщина со всеми своими ВКП(б)-КПСС и НКВД-КГБ в сердцевине не могла в конце концов не надоесть самим же сталинским (более всего послесталинским) ордынцам, — и как только возможность представилась, эти ордынцы, обернувшиеся вдруг «сизыми горлицами», сталинскую империю с корабля современности быстренько и сбросили, устремившись по небурному морю-океяну прямо и на всех парусах к старушке Европе с её молодецким пасынком — США. Пришлось им, как когда-то Петру и совсем не так уж давно интербольшевикам, кое-что сдать Западу, угождая ему в порыве истовой преданности, но при этом и кое-что себе оставить — уже в угоду самим себе, да не одну только собственность, но и кое-какую военную мощь, ибо понимали послесталинцы, а теперь уже чуть ли не неоевроамериканцы — по внешности, но те же ордынцы — по сути, они же и кривые круги на грязной воде, что лучше быть с силой, чем без неё, а потому и примерно договориться... э-э... с партнёрами-хозяевами, может, и временными, а иначе ведь... в полный колониальный расход, а так вот — с силой, глядишь и в общий миро-международный элитарный космополиткруг, пусть поперву и с краешку. Так что ожила в России евроссия, а Россия нежданно-негаданно оказалась в... самой что ни на есть Европе — пусть и по большей части нежеланно, обманно и миражно. Очередной тут прорыв Европы в Россию наряду с очередным вливом России в Европу. Евроссий-

ский, он же и россоевропейский, исторический маятник. Лента Мёбиуса — загадочная, сюрпризная, треклятая!

SS7

Ни тебе военного похода Европы в Россию (СССР-Россию) с НАТО в авангарде, ни тебе военного нашествия СССР-России вместе с мировой соцсистемой в арьергарде на Европу (ЕвроАмерику). И, однако, кое-какое с Западом единение — вполне мирное и чуть ли не взаимовыгодное. Тягались между собой долгое время, бряцая оружием и соревнуясь в воинственном остроумии, а вышло-то что... э-э... дружба-с? Конечно, не открытая, не откровенная, не братская, а с сокрытиями, пятнами, отклонениями, даже и злключениями, в общем — игровая такая дружба, как за карточным столом, с подозреньцем и не без обманности, черезполосная, краплёнистая, вполне и интрижная. А что делать? Европа есть Европа, она себе изменить не может и не хочет, а Россия, хоть и хотела бы частью своей полностью и навсегда себе изменить, радикально на европейский манер переделавшись, но в целом никак этого сделать не может, ибо, увы, Россия даже в гнусные 1990-е никуда не делась, а ведь ельцинизм вовсе не «петринизм» и не сталинизм, не того он поля ягода, — и Россия не только осталась, но и вдруг... голову свою зачуханную стала поднимать, беспокойно и алчно по сторонам озираясь. И что поразительно: приподняться России в тот момент именно Европа вкупе не только с США, но и с россоевропой как раз и помогла! Куда же Европе от России деться, как, разумеется, куда самой России деться от разных «европ»? И спасибо за это Европе и «европам», как и ЕвроРоссии, так и россоевропе! Неисповедимы пути ваши: Россия и Европа, Европа и Россия!

SS8

С момента краха СССР и нового выхода на историческую арену формальной России (вместе с сидящей в ней «ев-

ропой») мир планетарный интенсивно меняется. Запад доминирует, управляет, водительствоует, хотя и не слишком с планетой управляется, оказавшись, в общем-то, не самым эффективным обладателем и управителем Земли. Земля же шаг за шагом поднимается против Запада, прежде всего США, готовясь к своему, уже общеземельному, перевороту. Изрядно же подгнивший (не будем говорить, что прогнивший) Запад лихорадочно удерживает себя на ведущей позиции, подделывая (не будем говорить, что переделывая) под себя планетарный мир, запуская для этого повсюду лазутчиков, агентов, «спецов», устраивая перевороты, революции, реформы, войны, насаждая демократию и свободу, выделявая сторонников, союзников, «братьев». Глобальный центр достраивает всемирный «Хирамов храм», кладя в его вершину последние камни, которые почему-то никак не становятся воистину последними — вавилонская пирамида так и остаётся всё время усечённой, недостроенной, бесконусной — прямо как на долларовой бумажке. И даже отравление всего мира голливудоподобной ядовитой гнилью не помогает: «Янки, убирайтесь вон!». Так или иначе, но ПРОБЛЕМА — проблема вестернизации-западнизации мира, — нет, конечно, не превращения всей планеты в процветающий-де Запад, а всего лишь подстройки планеты под процветающий, хотя и упорно самогниющий, Запад. Колонизация планеты — вот что волнует евроамериканских глобалистов, достройка *глобальной евроамериканской империи*. И нет тут для мира никакого секрета: проект давний, ещё по меньшей мере римский, потом уже европейский, ренессансный, новомировский, а теперь вот и евро-атлантико-глобалический. Подобных миромасштабных проектов и соответствующих могучих деяний всегда хватало, как и реальных мировых империй, но сегодня на повестке как раз глобальная, евроамериканская, финансово-экономическая, научно-техническая, расчётно-математическая, информационно-оцифрованная, сете-паутинная, виртуально-реальная *универ-*

сальная империя, разумеется, светская, просвещенческая, антихристовая, опять же постмодерновая. И многое ведь удаётся глобальным имперотворцам, пусть и с погрешностями, недочётами, искажениями, компромиссами, но удаётся, хотя кое-что (пока лишь кое-что!) им всё-таки не удаётся: мировой контекст шире, глубже и выше глобального империального деяния, отчего и сбои, и неудачи, и даже провалы. Да и титанов мысли и дела среди нынешних глобальных управленцев что-то не видно, хотя совсем недавно ещё были (Рузвельт, Черчилль, Кеннеди, де Голль, Аденауер, Брандт, Моро, Пальме), но либо из жизни ушедших, либо заблаговременно от власти отстранённых, как и нарочито умалённых, а то и расчётливо уничтоженных. Теперь время не титанов, а пигмеев, не львов, а в лучшем случае, волков, если не лисиц с шакалами, не мудрых змей, а всего лишь юрких ящериц. И ничего тут не поделатъ: титаны ведь у оснований и остовов великих социальных конструкций, а пигмеи всегда где-то внутри и наверху — и *их* теперь время! Глобальный империальный проект, конечно же, рухнет... когда-нибудь, но сам по себе он не прекратится, ибо запущен, движется, вертится, он страшно инерционен, а главное — неустраним, неотвратим, неизбежен. Не только планетарный мир обречён на приятие циклопического проекта, но и весь Запад у него уже в полном залоге. Разогнавшийся неизвестно куда евроамериканский бронепоезд уже не остановить ни на каком полустанке, ни на какой станции, он бешено мчится, теряя управление, и замрёт только в конечном тупике, разлетевшись на куски. Такова судьба, совсем и незавидная, всех суперграндиозных проектов и деяний, среди которых не только, к примеру, какой-нибудь александромакедоновский, а и тот же совсем недавний мирокоммунистический!

SS9

Россия тоже ведь мировой проект и тоже немаленький, правда, не всемирный, а лишь для себя и в себе мировой, точ-

нее — мировой, ибо Россия — не страна, а мир, вполне большой, сложный и целостный мир! И он тоже весьма за последние пару-тройку десятилетий изменился, да что изменился, стал другим. Каким же? И опять всё та же песня: *ни-как-им!* Более миражным, чем реальным, однако же реально всё-таки существующим, причём не без денег, капиталов, труда, творчества, ракет, ядерных зарядов, космических аппаратов, как и не без криминала, коррупции, терроризма, болезней, бедности, смертности. Главное — не без АДА! Никакого общепринятого и общепонятного обозначения, никакого самодостаточного определения, никакой цельной характеристики. Не мир, а *мир-аж*; не страна, а *при-зрак*; не социум, а *фан-том!* И, однако, что-то есть, мало того, это *что-то* ещё и *что-то* о себе заявляет — более, конечно, без слов, мимо слов, позади слов. Э-эх, Россия! Одно это слово и есть, — и его почему-то вполне хватает, причём сразу всем и сразу на всё. Смута, смутность, смутота — и никакой надежды на прояснение! Общество — не общество, хозяйство — не хозяйство, государство — не государство. Бытие — не бытие вовсе, хотя и не полное небытие. Сплошная, недюжинная, неотступная и всю страшная страшность! Апокалиптическая куча-мала, бедовая кутерьма, разнузданный вертеп. И всё-таки жизнь, полная... э-э... пессимистического оптимизма, перемешанного с оптимистическим пессимизмом, — понятно? Разумеется, нет, не понятно, но... здорово! Инфернализм не объясняет, а... учит — и учит сразу всех и всему. Вот и Россия вновь выучивается — у ЕвроАмерики, тоже ведь весьма инфернальной, у себя самой — исторической и нынешней, у всего мирового контекста, никак не избегающего всё той же инфернальности. Весь мир на краю, а Россия... нет, уже не впереди, не первая к краю, хотя ещё и не сзади, не в самом тылу, где ей, собственно, никогда и не быть. В России вылупляется *новая Россия* — прямо из, через и посредством *инферно!* Вот так — *апокалиптически*, при

злой усмешке последнего кризиса, при полной уверенности планеты в спорой и окончательной гибели Руси-России!

560

Новая Россия! Какая же? На этот вопрос нет ясного ответа, даже у самого Господа Бога, ибо Он пока лишь свидетель, а не прямой конструктор. Если совсем недавно Россия была как бы на перепутье (никто не предполагал договорного заговора, исключавшего большой выбор), то уже пришло время, когда Россия оказалась перед твёрдой необходимостью, но уже не отказной от СССР и себя реформы-революции, а направленного на себя *позитивного перестроения*, за которым когда-нибудь может воспоследовать и... *преображение!* История — вещь сложная, путанная, внезапнистая и упрямястая. Сегодня вроде бы одно и как будто бы надолго, а завтра, глядишь, совсем-совсем другое — откуда-то, ни с того ни с сего и зачем-то вдруг берущееся. Да, был разбор, и была разборка, шли отчуждение и присвоение, вершился переход-перескок — в хаосе, посреди смуты, с неразберихой. В страну ворвался, как принято всё ещё говорить, капитализм — свой и чужой, национальный-де и глобалический; перетряхнул страну, выбив из неё, как принято было совсем недавно говорить, социализм и вбив в неё самого себя; из хаоса вышел в конце концов кое-какой порядок — вроде бы капиталистический, а на самом-то деле *произвольный административно-финансовый деспотизм*; вышел, стабилизировался, обосновался, заискрился и... залез в тупик — *тупик субзависимости и неразвития*. Хорошо вроде бы сидеть в липкой сети глобальной системы, но... ведь на второстепенном, субординационном, каком-то придворном месте, где-то в глубине сцены, в кордебалете, чуть ли не посреди массовки, да ещё и дань платить системе немалую, угрожающую и... полным истощением. Всё тут как-то унизительно, проблемно, не по шапке царской и не по имперскому рангу, да и очень уж небезопасно! В «се-

мёрку» в конце концов Россия попала... э-э... «восьмёркой» (хорошо хоть не шестёркой!), но... всё-таки Россия там не на равных, ибо всем ясно, что она *им* не своя, не только не западная, но даже и не в полном смысле слова прозападная, опять же со своей неуместно-уместной ракетно-ядерной спесью. Не успев стать у них своей, Россия почему-то вдруг прежней самостоятельности захотела, фактической суверенности, не удовлетворяясь отчего-то второразрядной позицией и третьеплановой ролью. Опять же движения вперёд и ввысь захотела, полноценного жизнеотправления, ясной национальной перспективы. Кое-какая российская элита, может, и продалась бы Западу с потрохами, но... нашлась и элита национальная, мало того, державная, ещё более — русо-российская, чуть ли не почвенная, вполне и адекватная народу-населению, полная при этом и законных имперских амбиций. Крутым оказалось социальное варево в преданной и проданной Российской Федерации, почему-то не забывшей ни о самости, ни о субъектности, ни о государственности, — и стала незаметно вывариваться *новая Россия*, совсем и не та, о какой мечтали ей изменники и её же продавцы, то бишь не провинциальная, не задворная и не затворная, не скукоженная. О-о, проблем в пореформенной России выше крыши, а ведь предательское реформирование ещё продолжается, идёт полная прессовка и вершится гнусная ломка, но... зов *пост-реформизма* уже отчётливо слышен, страна не просто устала от прозападных в ордынском исполнении реформ, а их уже определённно не хочет, жажда не покоя вовсе, а... *развития*, однако не вширь, а вглубь, не в количестве, а в качестве, не в нагромождение, а по смыслу. От всего пореформенного, за исключением свободы думать и некоторым образом вольно говорить, уже сильно воротит, особенно от закордонной псевдокультурной гнили и собственной античеловеческой мрази. Хватит! Страна зануждалась в... *стране*, а не во взбаламученном беспределе, бесправием, несправедливостью, криминалом и бессовестностью

адовом пространстве. Можно этого ещё не понимать (понимание — вообще слабое место у образованных-де россиян), но не чувствовать *этого* уже никак нельзя! Не сегодня произойдёт, так завтра; не *эти* сделают, так *другие*; не другие совершат, так иные — совсем уже *иные*! Что ж, пришло время нового Столыпина, вовсе уже не Ивана Калиты, а ежели попытаются без Столыпина обойтись, то до... нового, увы, Иосифа Виссарионовича можно вполне и допрыгаться. Так лучше уж Столыпин — как тип, конечно, не более чем схожий образ, — времена-то на дворе другие! И Сталин явится, если всё-таки явится, совсем уже другой, но ведь в некотором же типе, в подходящем образе, при достойном, знаете ли, исполнении! Непокойна, очень непокойна в глубине своей пореформенная Россия, вся напряжена, вся в ожидании, даже и в нетерпении. Не позавидуешь новым вторым Александрам и Николаям, что должны были... да вот не смогли... главного как раз не смогли, отчего и в некотором роде пали мучениками от рук никогда и ничем не удовлетворённых бешеных. Да, поначалу наглая еврореформа, огорошив страну, огорчила её и раздосадовала, но потом... потом, достигнув вроде бы всех своих целей, как когда-то интербольшевики со своей внезапной революцией и уже закономерной братоубийственной войной, оказалась один на один с... *новой страной*, как раз эту-то реформу-революцию отвергающей и тянущейся к *постреформизму*, то бишь к норме, порядку, устройению, перспективе. Вот и возник нежданно и скрытно новый текущий момент — *антиреформного перелома*!

561

Э-эх, опять опричнина, опять преображенцы, опять ГПУшники! Что за страна! И как же надобно её побыстрее раскассировать, разделить на куски и по этим-то кускам распродать?! Кто и что её держит, кому и чему она нужна, кому и чему предана? О-о, одни загадки! Казалось бы, такая удачная

присвоительная прихватизация, такой устойчивый приток богатств в частные руки, такое тотальное разложение презираемого всеми коренного населения, такое успешное разгосударствление в сочетании с криминализацией и инфернализацией всего бытия, такая лёгкая сдача на милость западному... э-э... предводителю! А тут мало того, что презренная аборигения поднимает голову, но и... о-о... открытие — Россия — целостная и даже вполне сильная, самостоятельная и динамичная — нужна... кто бы мог подумать!.. Западу, даже и ЕвроАмерике, даже и глобальному штабу, чуть ли не самому мировому правительству! Парадокс, очень скверный для ненавистников и похоронщиков России, но он... в силе, как и антихрист ныне в силе, даже и как сам сатана, кажется, в большой сегодня силе. Да-а, умом Россию не понять, — пусть так, но ведь Запад тоже, выходит, не понять, как и весь мир, давно вроде бы приговоривших упрямую Россию и непокорных русских к небытию, их-то как понять? О-о, безумный, безумный мир, какой же ты на самом-то деле, с кем ты, зачем ты, куда ты, чего же ты хочешь?..

562

Перед Западом и всем миром является — прямо из какого-то ничто — *другая Россия*, вполне и неожиданная, да ладно бы для Запада с целым миром, а то ведь и для себя самой тоже. Должна была вроде бы явиться *другая страна*, а не другая Россия, а тут, видишь ли, именно Россия, хоть и другая, а что тут заботистее и страшнее — «другая» или «Россия», кто ж из смертных знает? Вот и Германия уже другая, и Япония, и Италия — всё это как будто бы пораженцы во Второй мировой войне, но зато какие триумфаторы по итогам «третьей» мировой войны, пусть и «холодной»! Всё в мире меняется: что-то по субъективному желанию, что-то по обстоятельствам, что-то само собой. Что-то уходит, что-то рождается, что-то вдруг само является — прямо из ничего, да ещё чуть ли и не в полной

красе. Вот и Россия другая вдруг явилась: вроде бы *про-*, *ква-*зи- и *под-*западная, но какая-то особенная, всё ещё чересчур российская, чуть ли даже не... *большевицкая!* Капитало-«большевицкая», или же «большевицко-капиталистическая!» Интересно! А что тут в общем-то такого уж непонятного: сталинский большевизм, установив тотальный этатизм и внедрив новое всеобщее крепостничество, произвёл волевым образом *то*, что в политической экономии принято называть первоначальным накоплением капитала-капитализма с его целостной экономикой, развитой промышленностью, эффективным предпринимательством, большой наукой и динамичной техникой, громадной инфраструктурой, нововременскими культурой, литературой, искусством, как и с соответствующим капитализму буржуазно-пролетарским, или управленческо-трудовым, социумом. Недаром же многие обозреватели склонны именовать сталинский социалистический-де режим не более и не менее, как *государственным капитализмом*, пусть и более азиатского, чем европейского кроя. А что в самом деле получилось у Сталина со товарищи: капитализм не капитализм, но остов-то всё-таки вполне капиталистический; социализм не социализм, но организм-то более всего азиатско-этато-феодальный, чем собственно социалистический. Чего там не было, так это настоящей частной буржуазии, полноценного и полноправного финикийства, легального карфагенства. Не было всего этого в самой по себе системе, но зато всюду было *под* или *за* системой — вполне и реально (цеховики, мафиози, «законники», валютчики, «ювелиры», «антиквары», магазинчики, общепитовцы, «распределительщики», адвокаты, «услужники», «торгаши», фарца, те же взяточники — в общем — реальная *суб-*, *квази-* и *пред-*буржуазия) и было, конечно же, *над* системой, если не *в параллель* системе (*прото-*буржуазная номенклатура: управители, директора, «ка-пэ-эс-эсники» и «вэ-эл-ка-эс-эмщики», не исключая и «гебистов»). Теневая буржуазная и потенциальная предбуржуазия в соц-

системе таки были, и было их всех немало, а ещё более было всегда пробуржуазного (от мещанского до бизнесового) духа, который подавлялся соцэтатизмом, но искоренён всё-таки не был. Ловили, судили, сажали, даже расстреливали, но... истребить вполне органичный человеку дух (он же и душок) соцсистеме не удалось. Дело было за конкретным часом, и он, этот час, вдруг наступил: *перестройка* («катастрофка»); всенародные выборы президента СССР; отмена в Конституции пункта шестого о руководящей роли КПСС; появление в КПСС российской партии — РКП; выборы президента РСФСР (России-де); фарс с ГКЧП; беловежское предательство в сочетании с предательством со стороны президента СССР; развал СССР. А дальше... дальше пошло-поехало: пробуржуазное, проевропейское, проглобалическое реформирование; разгосударствление и приватизация-«прихватизация» созданного тем же сталинизмом головами и руками трудящегося населения громадного национального богатства; формирование класса частных собственников, включая не более и не менее как разбукших на дармовом присвоении... э-э... *олигархов*; повсеместное и всеуровневое внедрение капитализма; складывание системы произвольного административно-финансового деспотизма; формирование растерянно-самоуверенного среднего класса; новая пролетаризация трудящихся, служащих, всего почвенного населения; выращивание нового государства — вполне ордынско-чиновничьего, буржуазного по духу, в какой-то мере даже социального; строительство государственно-корпоративного доминационного и управленческого комплекса. И в результате всего этого системного революционного переворота, осуществлённого... *sic!*.. государством (в который в России уже раз!), на свет божий явилась новая (*новая-таки!*) Россия — буржуазно-глобалическая, субординационная, компрадорско-колониальная, зависимая, несамостоящая. Но случилось так, что эта-то новая Россия вдруг стала представлять перед всем миром и дорогим ей Западом какой-то... *другой*

Россией — как бы не совсем и пореформенной, даже с тенденцией стать в обозримом будущем вполне и *пост*-реформенной. Очередная тут, как говорится, историческая загогулина!

563

Да — предана, унижена, расфасована, присвоена, распродана! Да и ещё раз да! Так, пожалуй, ещё в истории не бывало: великая, могучая, совершенно субъектная, хотя и переживавшая внутренний кризис (вполне и объяснимый, и могший быть понятым, и вполне имевший шанс быть преодолённым, хотя и не без каких-то потерь, но зато без всего того воистину ужасного, что произошло в 1990-е)... эта-то великая, могучая, субъектная страна вдруг превратилась в какую-то «чёрную дыру», в страну-слизь, в страну-ничто, сразу же потеряв мощь и утратив величие, как и с трудами и лишениями нажитую субъектность, в общем — всё, кроме, на счастье, ракетно-ядерного, а может и ещё какого (почему нет?) оборонного щита. А ведь щит этот, как и всё растасканное и прихваченное национальное (народное!) богатство, был создан столь ненавидимым нынешними успешниками-прихватистами... товарищем Сталиным, нет, не Иосифом Джугашвили, хотя и им тоже, а великим тираническим феноменом по имени (названию, прозвищу) Сталин — СТАЛИН! Вот как! Ума и воли на скорую и энергичную трансформацию сталинизма в более адекватный человеку, миру, истории, Богу наконец, социохозяйственный строй у наследников («наследничков») Сталина не хватило, зато хватило дури, безволия, страха, а затем и коварства, наглости, стяжательства, чтобы бросить страну уже не в кризис, а в самую настоящую *катастрофу*, причём аморальную, пакостную, гнусную, совершенно и вонючую! Страна не российской к подобным изменам со стороны части правящей и неправящей элиты-антиэлиты, всегда в стране имевшейся и лишь угрюмо поджидавшей своего «чёрного часа», увы, было не привыкать («призвание»-де рюриков, потом гре-

ков-византийцев, потом поляков с Литвой и лжедмитриями, потом голландцев с немцами и французами, потом интербольшевиков, наконец, и интерглобалистов, без поддержки и участия которых ельцинский кульбит был бы попросту невозможен). Однако последняя измена и в самом деле из ряда вон выходяща, ибо такого внезапного, мгновенного и насквозь обманного присвоения великой, могучей и субъектной страны, всего её богатства, включая и население, никогда ещё не было! Явились откуда-то вдруг новые хозяева страны, присвоили её себе, а население бросили в новое рабство — денежно-долговое, совершенно, знаете-ли, финикийское (финикийцы землями и народами феодально не владели, но зато владели «людьми», закабалая их денежно-долговым образом, располагая при этом даже «добровольными» армиями — как раз из должников). Из страны, лишь притормозившей, в себе разочаровавшейся и несколько психологически приунывшей (это об СССР брежневского конца), вдруг в страну-казус, в страну-вертеп, в страну-дно! Вот тебе, бабушка, и реформа! Однако под покровом оборонного щита страна уцелела, выстояла, выжила, разумеется, уже другая сравнительно со сталинским СССР — буржуазно-глобалическая, хотя и со многими родименькими пятнышками что феодального самодержавия, что большевистского этатизма, что привычного для Руси-России произвольного деспотизма — ордынского по преимуществу. Выжила, выстояла, уцелела, эта в основе своей уже антистрана с революционным антимиром внутри и глобалической преисподней в сердцевине, — и называлась она Российской Федерацией, хотя не была по сути своей ни российской, ни федерацией, ни даже собственно страной. На повестку этого странного бытия-небытия встал с неизбежностью вопрос об остро необходимом — об *обретении страны!*

И опять всё то же самое: надо стать другой Россией, во-все не этой, не текущей! Как когда-то надо было что-то подобное сотворить ещё до рюриков, до византийцев, до немцев, до большевиков, а совсем недавно — до глобалистов-финикианцев. И не реформироваться теперь стране снова надо, тем более по чуждым замыслам и чужим лекалам, а стать другой вполне самостоятельно, в самодвижении, через органичное самотворчество, и стать совсем не этой — не *по*-реформенной, а как раз *пост*-реформенной. И тут могучая *концепция* нужна, а не одно лишь смутное стремление со скрытой потенцией и нетерпеливым ожиданием. Столыпин новый нужен со своей новой «столыпинщиной» (столыпинианством), как и Сталин новый нужен со своим новым сталинизмом (сталинианством), но никак не Пётр I и не Александр II, хотя вовсе и не жертвенный Столыпин и не столь уж роковой Сталин. О-ох, совсем тут другой потребен титан (будем надеяться, что не тиран), а где ж его взять, ежели титанство уже кончилось, а вокруг лишь одно пигмейство. Следственно — только всеобщая мобилизация, массовая самореализация, масштабное самодействие, пожалуй что, и всеми желаемое чудо! Однако «са́мо» в России всегда от *само*-держца, как раз главного держателя инициативы и вершителя самого хода самопревращения, опять же... (уже который раз!)... *само*-реформатора. У-у, этот ненавистный сегодня в народе субъект — *реформатор*, а потому не реформатор лучше сейчас, а *контр*-реформатор, но такой, задачей которого является, наряду с преодолением всего пореформенного уродства, достижение эффективного баланса между свободой и несвободой, открытостью и самостоятельностью, традицией и новизной, устойчивостью и развитием... но посредством... не так насилия и жёсткого правления, как предоставления — не без насилия и жёсткого правления — самой возможности перемен в сторону всеобщей, но никак при этом не идеальной, а

попросту жизненной, *социо-хозяйственной гармонии*. Разумеется, всё это... совершенно невозможно, но... увы... иного выхода у страны нет, как, собственно, и у всего мира, движущегося упорно к большой общепланетарной катастрофе, которая у мира, в отличие от России, ещё только впереди — Россия свою локальную катастрофу... нет, конечно, не пережила ещё насовсем, но, кажется, уже оставила позади!

565

Россия пережила и всё ещё остаточно переживает ныне собственную — от себя самой! — катастрофу, отказавшись в своё время от той же столыпинской реформы, грохнувшись в антироссийскую революцию и попав, по итогам кровавой усобицы, в уже модерновскую... ордынщину (как раз большевистскую, сталинскую). Эта-то ордынщина, имея немало позитивных социо-хозяйственных достижений и культурных достоинств, круто измотала — с учётом страшно напряжённой и всюю жертвенной Второй мировой войны — вполне ещё трудово и творчески способный российский люд, вышедший из Империи и воспринявший худо-бедно новую, очень уж тогда свою, хотя на пришлых словах и всюю заграничную, ордынщину. Надрыв СССР-России нельзя было не заметить и уж во всяком случае нельзя не замечать этого прискорбного факта сегодня. Пассионарная ордынщина сменилась ордынщиной сумеречной, а после некоторых «освободительных» мер страной вдруг овладела уже совсем иная пассионарность — частью, так сказать, сатанинская — сначала из подполья, из щелей, изо всех дыр, а потом и из державного центра, с государственного верха, из священного-де Кремля. Лжерыночная, ибо никакого такого самоорганизующегося и благодатного рынка нет и быть не может, лжереформа, ибо то была не реформа, а разгром со сдачей, раздача с присвоением, дискредитация с уничтожением, диссипация с гибелью! То была вполне сознательно сделанная и народной лженадеждой поддержанная

катастрофа — страны, социума, культуры, цивилизации, сознания, людей, человека. Выверт наизнанку, выплеск инферно, отключение вселенского света! Обычно думают, что катастрофу потерпели подреформные неудачники, но нет, совсем наоборот — неудачники поимели беду — вроде эпидемии, войны, нашествия той же саранчи, а вот катастрофу потерпели как раз... удачники, позарившиеся на чужое для них богатство, пошедшие на ложь, грабёж, измену, тотальное предательство всего и вся: страны, социума, культуры, цивилизации, человеческого сознания, соотечественников, вообще человека, а главное — самих себя... впрочем... как раз самим-то себе и не изменившие! И вот итог: сытое, очень сытое и сверхсытое бытование либо в зазаборных резервациях, либо в добровольной эмиграции, либо в вынужденных по белу свету скитаниях. В любом варианте — *нежизнь*, уже какая-то постчеловечность, если и не новая животность, какая-то навязчивая и неодолимая пустотность. Ничего не поделать — немедленное возмездие за величайший из возможных грехов — *предательство* — через жёсткое и беспощадное античеловеческое воздаяние. Тьма посреди света, кошмар среди бела дня, безумие вкупе с растревоженным разумием! И теперь Россия делает вполне уже жизнотворные выводы, очищая сознание и отрицая, пусть пока и не слишком действенно, предложенное ей inferнальное бытие. Это касается всех — неудачников-де и якобы удачников, жертв и зверей, человеков и бесовеков, а вот исходы тут совершенно разные — для одних одни, для других другие. Негромкая, очень напряжённая, по преимуществу сокрытая... *гражданская война*, переходящая из фазы большой антистрановой измены в фазу великих пророссийских перемен! И никуда от этой тотальной разборки России не деться — история российская тут и свидетель, и прокурор, и судья! Беззаконие сменяется... нет, пока ещё не законом, а всего лишь... *Судом!*

Нет, вовсе не трибунальным судом, не говоря о суде присяжных, хотя и ими тоже, а судом... да, да... возмездно-воздаятельным!

Суд судом, а жизнь жизнью! России надо полноценно жить! А что есть нормальная жизнь сегодня? Для изувеченной России — не такая, как сейчас, не по итогам реформ, а уже им вопреки. Надо разворачиваться — к человеку, социуму, Софии, Богу! Сознанием и делами, ежедневным житнетворчеством и текущей политикой, а для этого всем россиянам — всем! — очухиваться надо: что внизу, что наверху, что бедным, что богатым — и без всяких заведомых догматических идеологий! Россия ныне — страна идейно-сознаниевой импровизации. На месте не остаться, назад не вернуться, вбок не уйти — только вперёд, видя перед собой Россию, страну, человека, людей, семьи, сёла и города, социум в целом, нацию, государство, гражданство, культуру, цивилизацию, в общем — все ценности и всё ценное, не могущие пребывать на свете без уважения, внимания и участия. Концепция России в самой же России, в её феномене, однако в России, уходящей всё-таки от византизма, ордынщины, западнизма к... *самой себе*, а что есть сегодня Россия *сама по себе*? — нет, это не прежняя Россия, не древне-дремучая, даже и не недавняя, хотя непременно и имперская, и державная, и социальная, но теперь ещё непременно и *личностная* — прямо по подобию Божиему! Не надо ничего навязывать России, задуманной Провидением именно Россией, а не Римом или тем же Карфагеном, не Европой и не Азией, даже и не двусмысленной и нежизнеспособной Евразией. Только Россия значима, нужна и неизбежна для России, однако Россия изменившаяся — как к *себе*, так и... от *себя*. России не вредит самокритика, но не может нанести ей ущерба и стойкая себя защита. *Самосознание России — величайшее на*

сегодня российское самодаяние! Российскость в России — не норманнство, не византийство, не татарщина, даже не набившая оскомину православность, не говоря уже о европействе, коммунизменности или американстве. Россия как идея и как исторический феномен сама по себе, она вполне самодостаточна, просто надо всего лишь повернуться всему российскому миру к России лицом — то бишь передом, а не задом, причём лицом вполне российским. Осознать адовость нынешней России и осознать необходимость преодоления этой мерзкой адовости, причём без стремления к какому бы то ни было наново придуманному идеалу, в том числе и какому бы то ни было мессио-миссионерному. У России сейчас одна главная забота — Россия, что не исключает и соответствующей активности России на мировой арене. Иная Россия, родственная иномирию, сама придёт! Ориентир — Россия, — и ничего другого, ничего более, ничего и не менее! Выброс из России всяческой нероссийской-России чрезвычайно полезен для России, её воссоздания, — и особенно хорошо, что этот выброс сам и совершается. Остаток в России — остаток самой России, — и пусть этот остаток получит наконец-то возможность плодотворного себя утверждения! Шанс сохраниться и выйти к самой себе у России есть — дело тут не в кувалде петровско-сталинского размера, а в умном и деятельном споспешествовании. Вырыв из нынешнего ада — прорыв к будущему, а там, глядишь, и рывок к *иному* — столь уже исторически предопределённому и долгожданному. Почему нет? Россия — чудо, её ведь не понять, так пусть это чудо вместе с Россией и придет!

568

Мир человеческий всегда в той или иной мере неопределен, проблемен и античеловечен. Кутерьма, неразбериха, муть — если и не сплошная норма, то уж и не великое исключение. История человечества — история утверждения, но при

этом и отрицания человека, его выживания и восхождения, как и гибели. Сплошное тут жертвоприношение! Но вот кому: Богу, сатане, Природе, самому человеку? А может, просто Великой Неизвестности? Современность не лишена не то что проблем, а всего того, что принято почитать за inferнальность, хотя для прогрессивного — западного образца — человека она вроде бы максимально благоприятна: сытно, тепло, комфортно, весело! Это вам даже не первая половина XX в., а век XXI-й — век чуть ли не полной победы человека над природой и чуть ли не полной свободы человека от Бога, хотя, разумеется, и чуть ли не в полной зависимости человека-бесовека от господина хорошего... дьявола, но... дьявол-то понимающий, ласков, добродетелен, за что современный прогрессист ему чрезвычайно и признателен. Строители-каменщики, тамплиеры, масоны всякие, розенкрейцеры — кто там ещё? — добились своего, построив мир западный, как и частично не совсем западный, по лекалам некоего Хирама, — и пусть Храм Земной ими ещё не достроен, но в целом-то он уже есть, хоть и без завершающего верха, но зато с фундаментом (как раз inferнальным), со стенами, помещениями, транспортом, связью, в общем — с шевелящейся внутри него сокровенно-истинной гуманитарной матрицей, правда, почему-то вдруг развернувшейся... против своего же создателя и потребителя — *человека возвысившегося*. А ведь всё шло совсем и не плохо: экономика, деньги, капитал, предпринимательство, наука, техника, промышленность, инфраструктура; города, неживотный (технический) транспорт, невидимая (техническая) связь, полёты не только во сне, но и наяву; школы, университеты, академии, театры, синематограф; светская литература, земно-небесная музыка, отобразительное искусство, газеты и журналы, широкая и разнообразная книгопечать, право, политика, идеология, демократия (всё от человека и для человека). Современная-де человеческая (прямо от человека) культура и столь же человеческая (для человека) цивилизация!

Всеобщий гуманизм и его тотальное торжество! Из XVI в. в век XIX-й: подъём, восстание, взлёт человека и человечества — вопреки Природе и самому Господу Богу! Здорово, небывало, поразительно! Экспоненциальный Модерн: от дола резко к вершине путём знания, деяний, творчества. **Пересотворение мира!** И вот на пике, когда, казалось, ещё одно усилие и... счастье для остающихся бытовать за Западе, в Европе, в США будет окончательно достигнуто, вдруг неожиданный по всем параметрам срыв — в *тотальный антигуманизм!*

569

Гуманность, мораль, культура, цивилизация, да и сам великий перед самим собой человек, как вдруг... «цветы зла» — прямо внутри Мирового Храма, как и вокруг него — со злыми истребительными войнами, злыми истребительными текстами, злым истребительным искусством, злой истребительной политикой, злыми истребительными проектами, как и злой мечтой о муравьино-человеином социальном счастье. Цельный, стройный, могучий Модерн внезапно сменяется бесцельным, хаотическим, слизняковым Постмодерном. Расчеловечивание человека и человечества, ниспадение культуры в антикультуру, сброс цивилизации в антицивилизацию (если не в канализацию). Нашествие инферно, антимира, откровенного сатанизма. Культ сатаны! Правда, необыкновенные достижения в тотальной физике (естествознании, окончательно перешедшем в искусствотворение), а вместе с ними в потреблении, комфорте, гедонизме, но при этом и в патологии, извращениях, уродстве. На место насыщенной смыслами гуманности вдруг пришла лишённая смыслов антигуманная пустота. Теряющий человечность (как субстанцию) человек старается сохраниться в античеловеческом контексте агрессивных «суб», «ультра», «анти», «инферно», «пост» и т. д., но ему — *всё-ещё-человеку!* — всё менее это удаётся, шаг за шагом приходится уступать, чуть ли не готовясь к окончательной сдаче, которая

может стать совершенно внезапной, хотя... может вдруг и не случиться. Что же произошло с Модерном, почему он перешёл вдруг в разрушительный для человека и человечества Постмодерн? Дело тут, видно, в том, что Модерн, вовсе не создававший человека с его сознанием — эту миссию выполнил предшествовавший Модерну Премодерн, этот самый Модерн лишь высвободил человека, созданного Премодерном, но при этом высвободил и сидевшего под запретом в человеке... *античеловека* (зверя, демона, антихриста), — и вот оказалось, что античеловек в человеке помощнее собственно человека, и с победой человека над Природой и уходом от Бога античеловек и вышел на простор, переделывая под себя и сам Модерн, превращая его в антимодерн, то бишь в Постмодерн. Модерн, завораженный гуманизмом и заражённый демиургизмом, не то что прозевал зверя, он просто не мог ему ничем противостоять, ибо могли противостоять только Природа и Господь Бог, от водительства коих ренессансно-просвещенческий человек как раз убедительно и бесповоротно отказался. Джинн античеловечности сидел в человеке — человеке Премодерна, сидел запечатанным, а Модерн этого джинна выпустил на волю, сняв поставленную Премодерном запретительную печать. Бацилла постмодерна с самого начала присутствовала в Модерне, но Модерн её не замечал, не хотел замечать, надеясь на свой якобы крепкий и неуязвимый организм. Но, как водится, не то ошибся, не то недооценил, не то попросту вляпался! И сегодня на Западе царствует не Модерн, а Постмодерн, не реальность, а её симулякр, не иллюзия даже, а полное разочарование, не перспектива, а тупик, не надежда, а крах. Построенный человеком гуманическим мир отрицает не только гуманизм, но и самого человека, который не просто Постмодерном эвапоризуется (выпаривается), опустошается, обездушивается (опогрешивается), но и вообще выводится за рамки бытия, причём не только собственно человеческого бытия, но и бытия вообще. Человек Постмодерну просто не нужен — ни как прежний

человек, что понятно, ни как настоящий человек, что менее понятно, ни как и будущий человек, что уж совсем непонятно. И тем не менее это так: Постмодерн — самоубийство человечества!

570

Но самое поразительное здесь в том, что постмодерновое человечество не сможет уже свернуть с хирамового пути. Здесь уже чёткий ему приговор! Печально это или нет, но это факт! А потому на Западе уже весьма заметная нервная трясучка; противная, хоть и глупая, как бы подземная, навязчивая вибрация; системно нарастающее античеловеческое, системное же, безумие; плохо уже скрываемое вездесущее отчаяние. И адвокаты, психотерапевты, сексологи, врачи, фармацевты, наркодилеры и прочие консультанты от сатаны и помощнички от дьявола ситуацию тотальной скверны не только не спасают, а лишь ещё более усугубляют. Атака на пол, на мужской пол, на мужское лидерство, на отцов и родителей, на семью, на остаточную религиозность, на этноидентичность, на национальную принадлежность, на гражданственность, вообще на человеческую добродетель, на ту же гуманность — всё это признаки не просто злостной мутации, а и злодейского конца — конца человека, человечества, самого человеческого бытия! И раз всё это смертельное так усиленно проводится в жизнь, то значит, что это кому-то очень надо: чем быстрее конец, тем лучше! А как же Хирамов Храм? Может, он и был построен для эвтаназии человека, вроде какого-нибудь хосписа? Или строители всемирного храма (храмовники!) вдруг радикально развернулись, отвернувшись от человека Модерна, а сами при этом изящно-де перевернулись? Всё тут возможно, но факт остаётся фактом: движение к концу *кем-то* на Земле вполне осознанно ведётся и деловито всю стимулируется, а потому оно особенно мерзко, опасно и неотвратимо!

А тут ещё приход не *открывающих начал*, а *закрывающих пределов*. Постмодерн — не Модерн, он хоть и эпоха, но совсем другая, он не открывает, а закрывает, не выводит на простор, а ставит пределы. Теперь уже ясно, как предельна земная природа, что её ресурс не бесконечен; менее, но тоже довольно ясно, как предельно слово, которого вроде бы много, даже слишком много, но оно мало что уже значит — слово ради слова, а это уже явный предел; вполне уже ясно, что предельно искусство, скульптивнее в антиискусство, что предельна поэзия, уже ничего и никому не говорящая, что предельна музыка, переставшая быть «музой», лишившись мелодичности, но зато ставшая «обузой», положившись на бестолковую ритмику; не так сильно ещё ясно (не всем ещё ясно), что предельны и наука с техникой, остановленные макромиром и микромиром и ушедшие искать удачи в наномир и мегамир; почти уже ясно, что предельны бытие, сознание, умение, жизнь, даже и фантазии, не говоря о человеке, готовящемся кем-то и самоготовящемся к прыжку в постбытие, оно же, возможно, и венчальное небытие. Пределы городов-мегаполисов, транспортных средств и скоростей, сообществ и социумов, сооружений и инфраструктур, но так же и интеллектуализма, информатизма, когнитивизма, да и просто памяти, сообразительности, изворотливости, даже лени, ибо во круг уже царствуют беспамятство, примитивизация, механичность, безразличность, ну и, конечно же, особого рода *безумство*, восходящее не к патологическому сумасшествию, а к единственно возможному сегодня, вполне и рациональному, как и немало выживательному, *безумию*. Безумие как норма, как необходимая принадлежность, как протиестественная, но такая всюду необходимая субстанция! Всё вроде бы умно, рационально, расчётно, даже выверенно, а в итоге... э-э... совершенно... безумно! Предел сознанию, но что интересно — предел бессознанию тоже! Человек как бы вылезает из самого

568

себя, множится, мелькает, исчезает, ничтожится. Никому уже не нужны слова, восклицания, жесты, как и «чувства», «переживания», «впечатления». Тарахтит о чём-то «че-е-к»-погремушка («человек»-погремушка), а это уже никому из человекообразных не нужно, даже и самому «че-е-ку» не нужно. Вот он *постчеловек*, который вовсе не из какого-то там будущего, а из самого что ни на есть текущего настоящего, и, как уже весьма заметно, из кое-какого прошлого тоже. Человек Постмодерна — уже постчеловек, ну пусть *пред*-постчеловек, а вот когда окончательно станет искусственным бессмертным, ежели успеет, то это уже будет вовсе не человек, а совсем другое существо, может, ещё по виду и человекообразное. Так что постчеловек — уже современник, а вот радоваться этому или нет — пусть каждый человек сам и решает, ежели способен сегодня что-либо о себе в этом направлении восторженно думать!

572

Стоило СССР-России открыться внешнему миру, как полился в страну через край всюю уже гнивший, но зато приятно пахнувший и красивенько выглядевший Запад. Вся западная дрянь — увы, не так даже навозная, как смертельно ядовитая — оказалась в России, причём на правах и в образе опытной молодящейся наставницы. Вся! Идейная, политическая, денежная, финансовая, капитальная, биржевая, бесполоая, однополая, феминистическая, «голубая», сексуальная, пан-рок-пресли-битлз-шумовая, рекламная, развлекательная, гедонистическая, гламурная, упаковочная, побрякушечная, пустотная. Разумеется, не одна только дрянь, явилось и кое-что приемлемо-полезное, но дряни-то вылилось в избытке. И влилась она в лоно российское и заполонила его, и подхватила страждавших о ней, и понесла их в небытие — умных, прозорливых, авантюрных, ну и глупых тоже, доверчивых, безбашенных. В Россию пришёл Его Дрянное Ничтожество Постмодерн, со-

вершенно западный и по-западному совершенный. Ничего не поделаешь — открылась-то Россия не так даже Западу, как западным инферналиям, давно уже Запад уверенно разложившим, переделавшим и под себя подмявшим. Там уже никто из здравомыслящих и пикнуть не может против постмодерновых гениев-исказителей, грязных политехнологов и грозных вампфемин, сладострастных неординарцев и однополых искаженцев, а заодно и против лживых адвокатов, психологов, разного рода консультантов, журналистов, социологов, комментаторов, диспутантов, шоуменов, экспертов, девелоперов, посредников, рекламщиков... о-о... разве всех благодетелей рода евроамериканского тут перечислишь!

573

Производительность реально производительного труда ныне очень высокая, непрестижной чёрной работой есть кому заняться (одних китайцев видимо-невидимо), доходность капитала огромная, в финансовой кабале весь мир — какая же потрясная возможность свалилась на мир человеческий для абсурда, выверта и непрерывного инфернального безумства! Теперь господство симулякров, фикций, похожестей, подделок, ремейков, в общем — всякой придуманной наспех и хорошо продаваемой дряни. И всё это после взятых Модерном творческих высот и подтверждённого им величия творческого человека! Человек — это-де звучит гордо! Да, звучало какое-то время вполне гордо, пока человек-творец, он же и человек-демиург, сражался с Природой и воевал с Богом Творцом, а как только вышел человек один на один перед самим собою, то и выяснилось сразу, что в себе самом у человека ничего-то ценного, весомого и перспективного попросту нет: свобода, физическое благополучие, моральная безнаказанность и метафизическая отвязанность сразу же выявили крайне неприятный для гордого «*homo sapiens*» факт — внутреннюю пустоту, поведенческую безумность, творческую безобразность, собст-

венную ненужность. Человек вскрыл, раскассировал и разоблачил самого себя, он сам себя приговорил к самоотвержению и к... самоуничтожению! Пустая красота инсталляций и столь же пустое совершенство перформансов никак этот мир не спасают и не спасут, хотя и продлят на какой-то срок его обесмысленное квазисуществование.

514

А что человеки-демиурги, эти вольные каменщики и свободные архитекторы, хирамовы храмовники, что они-то, над чем думают и что задумывают, какую надежду питают, а может, и саму незыблемую уверенность? Понимают ли, что на самом-то деле происходит и что может в реальности случиться? Замечают ли нарастающий в мире апокалипсис? Очень сомнительно, что не видят, не осознают, не понимают. На очереди ведь очередной гигантский срыв, как раз подобный тому, что случился в XIV—XVI вв. с европейским христианством, а в XIX в. с Модерном, а в XX в. с теми же фашизмом в Европе и социализмом в России. Очередной крах очередного проекта, но не исключено, что даже и суперпроекта, под названием «ЧЕЛОВЕК». Теперь остаётся лишь проект под кодовым именем «ПОСТЧЕЛОВЕК». Долой Землю, Время и Материю, да здравствует Космос, Вечность и... Пустота! Вперёд-де к «лучистому человечеству»! А как же земное человечество? — да чёрт с ним, навоз он и есть навоз, что по нему благовествовать?!

515

Очень хочется кое-кому в России сделать Россию Европой, давно уже хочется, не первый век: и открывались, и предавались, и продавались, и внедряли, и вдалбливали, а Россия почему-то всё... не Европа, хоть и... не Россия тож. Но здесь никакое не перепутье, а всего лишь многовековое растроение: европейский и азиатский лики по сторонам — с Запада и Вос-

тока, а посредине, между Западом и Востоком, как и перед Югом тоже, не очень отчётливо выраженный, но зато крепко в родной почве сидящий русо-русско-российский лик, хотя, быть может, не лик сам по себе, лишь его не слишком пока выраженный образ, а может, и попросту нелепая образина. Три России в одном россиянском флаконе, — и ни одна из Рос-сий... не Россия! О-ох! И всё-таки эта троеликая Россия — Россия именно вот такая — неопределённая, сложная, расплывчатая. И вот эта-то Россия сегодня насильно вновь усиленно европеизируется, точнее — западнизруется. То ли парадокс, то ли абсурд, то ли бред! Который уже раз и который раз безуспешно, хотя и не без известных последствий, причём не только тлетворных, но и жизнетворных, хотя ныне всё-таки очень уж много вползает в страну гнилостного, тленного, трупного. Вполне естественно, что сея экспансия ЕвроАмери-ки порождает на Руси сопротивление, благодаря которому и выходит какая-то... э-э... обновлённая... Россия. И хотя Запад растлеивает нещадно Россию, к себе как бы приближая и приспособливая, но исчезновения России он в целом не хочет, ибо видит в ней всё ещё необходимую миру евразийскую целостность и даже рассматривает Россию как возможного союзника, а ежели и не союзника, то хотя бы преграды — от Китая, от мусульман, от Востока и Юга. Если Китай для Запада большой предел, как и главная геостратегическая угроза, то Россия — вовсе не предел, как и не угроза, ибо никому, кроме себя самой, она нынче не мешает. Но страшно Западу остаться без... европеизированной всё-таки... России, а потому не в интересах Запада убирать Россию. В его интересах как раз дружить с Россией — оттого и G-8, а не G-7. Россия тоже не хочет ссориться с Западом, но... остановить Запад на своей и сопредельной территории она, конечно же, хочет. Отсюда и неизбежная тяжба между друзьями-соперниками, не война и даже не соперничество, а всего лишь поиск приемлемого между большими игроками соотношения. Геостратегический кок-

тейль из Запада, Востока, немного Юга и... России, причём Россия, как ни странно, самый сейчас остренький компонент-ингредиент этого планетарного коктейля, никому, а самой России в первую очередь, *неизвестный*. Россия ведь для себя самой «чёрный ящик», если не «чёрная дыра», так откуда же тогда взяться ясности по её поводу у сторонних «доброхотов»?

576

Россия, устояв в жутком апокалиптическом кризисе и его уже проходя, вступает в новую конструктивную для себя эпоху, нравится это кому-то в России и в мире или нет, но это так, причём самой России на всё это «нравится — не нравится» совершенно наплевать, ибо у неё своя дорога, пусть и кривая, и в рытвинах, и замусоренная. На повестке дня консолидация страны, её под саму себя сосредоточение, ибо без этого не только нет и не будет России и её достославного народа, но и государства с элитой не будет, вообще ничего не будет. И ежели на Западе с каждым мгновением всё беспокойнее, всё нервознее, всё страшнее, то в России... э-э... пусть ещё неуверенный и пока более потенциальный, чем реальный, но... *подъём*, предполагающий и запуск развития, к которому стране нужно сегодня непременно *вырваться!*

577

Вырыв России к *развитию* — вырыв к самой себе и к будущей новой России! К какой именно, никто, конечно, не знает, но кое-что потребное из возможного представить всё-таки можно. Если России суждено остаться и быть далее Россией, то, хоть исторические аналогии и интересны, никакого возврата к прежним образам не будет, хотя традиция и обстоятельства и тянут страну назад. Но в том-то как раз и заковыка, что возврата к любого рода крепостничеству-рабству в России быть уже не может. Единственная и очень важная, даже фундаментальная, заслуга 1990-х — обретение страной и её на-

сельниками СВОБОДЫ — пусть и проблемной, тяжкой, дурной, но... *свободы*, с которой уже никто в стране расстаться не захочет и... не сможет. С чем-чем, а с крепостничеством-рабством Россия рассталась-расстаётся навсегда! Впереди так или иначе *Свободная Россия*, что не значит, что беспорядковая, стихийная, анархическая, нет, конечно — упорядоченная, хорошо осознаниенная, сплочённая, но, что особенно важно — уже не ордынская! Да, в страну нагрянула прославленная во всём мире финикийская кабала — финансово-капитальная, но, во-первых, это всё-таки не прежнее рабство с крепостничеством; во-вторых, она совершенно ясна и от этого для россиян особенно неприглядна; в-третьих, её можно унять, и опыта у современной цивилизации в этом вопросе предостаточно; в-четвёртых, она сама отдаёт положенное, ибо всего всё равно не удержит; в-пятых, не отдаст, так... понятно, что будет — национализация или же, попросту говоря, отбор. Частная собственность, как и частные корпорации, возможны, но в пост-социалистической и до сих пор ещё этатической, хотя уже и не тотально, как было при Сталине, России эта собственность не священна: как дали, так и возьмут, отчего и бегут россиянки-россиянские собственнички в заграничье — до поры, разумеется! Новая Россия рано или поздно непременно разберётся со всем этим экономическим безумием. Иной уже в стране народ, иные у него потребности, иные и ожидания! Народ раскрепостился (может, лишь раскрепощается), и это уже не тот народ, который был совсем недавно и который был только что жестоко обманут лукавыми реформаторами, — это уже другой народ — *народ-субъект*, хотя многим всё ещё кажется, что перед ними всё тот же *народ-раб*, *народ-быдло*, *народ-скот*, но здесь они уже роковым образом ошибаются. Да, не восстаёт, всё ещё терпит, почитая худой полугражданский мир за бóльшую ценность, чем бедовую гражданскую войну, но духом своим это уже не раб! И правящие круги это хорошо чувствуют, мало того, неплохо уже и понимают, как и догадываются, что без

кое-какого действенного единения со всем этим *иным* народцем — *ино*-народцем! — никак уже не обойтись. Вот почему в России, вроде бы ещё навязчиво прозападно реформируемой, уже весьма уверенно заявляет о себе *постреформизм*, несущий в себе и сильный относительно всего в стране содеянного контрмомент, однако направленный вперёд, к переменам, а не назад, к уже навсегда пройденному.

578

Попавший вроде бы под зонтик имперского глобализма, планетарный мир весь в движении: рост, развитие, обновление. Однако ни у кого в мире никакой уверенности в будущем нет, ибо будущее не то что неопределённо, а в него... э-э... просто страшно заглядывать: оно полно *такого* замечательного будущего, что и врагу не пожелаешь! Это будущее не неизвестно, оно как раз очень хорошо известно: *пост*, *пост* и еще раз *пост*, причём это «*пост*» можно приставлять к чему угодно: к истории, культуре, цивилизации, государству, стране, мало того — к человеку, обществу, миру в целом, всему бытию. Весь без исключения сколько-нибудь развитой мир охвачен беспокойством, тревогой, футурофобией. Весь! Повсюду ощущение предела, края, конца. Впереди — одна только бездна! Хотя ведутся разговоры о новых научно-технических достижениях, способных-де дать неограниченные источники энергии, небывалые материалы, искусственные органы, чудодейственные медикаменты, любое продление жизни, чуть ли не само бессмертие. Для кого же и для чего всё это? Да и состоится ли? Зато налицо сверхволнительные угрозы жизни, бытию, будущему. Уже сегодня! В будущем они станут только сильнее. В мир вселилась, неплохо себя чувствует и уверенно нарастает *субстанция безумия*, когда-то вызволенная на свет европейским Ренессансом, вполне пристойно поддержанная европейским же Просвещением и уже вполне уверенно подхваченная евроамериканским Постмодерном. И будущее

смотрится вполне уже безумным! Роботы, новые биосущества, торжествующие виртуальные сети, улёты сверхчеловеков в космос и уходы, уходы, уходы... в небытие... людей, человеческих масс, народов, стран, цивилизаций, культур, а там, глядишь, и самой матушки Земли. Будущее как страх людской, страх перед самими же людьми, самозабвенно, самодовольно и стремительно доводящими-таки дело до апокалиптического конца! Да, вроде бы ещё жизнь, ещё земная жизнь, ещё физическая, биологическая, организменная, но где же реальная возможность её длительно-дальнейшего продолжения, да ещё и со словами, языком, текстами, смыслами, звуками, музыкой? О-о, тут никакая фантазия не справляется, а любое воображение терпит поражение, ибо на ум приходят лишь одни... невозможности! Уж не тризну ли бесовскую по человеку и человечеству заранее справляет глобальный — слышите, не частичный, не долевым, а... глобальный! — Постмодерн — мелькающий, мельтешащий, ноющий, визжащий, грохочущий, на потребу пошлый и нарочито безобразный? Чему же они служили и потворствовали, все эти деятели-дельцы от литературы, искусств, науки и философии, модернисты и постмодернисты, абстракционисты и сюрреалисты, протестники и диссидентники, создавая, лелея и распространяя по миру под видом литературы, искусств, науки и философии всякого рода неисчислимыя уродства, выдавая их за реальность, благость и истину? Да, конечно, все они не более чем погребальные для мира человеческого предвестники, а может, и добровольные его похоронщики, — кто ж ещё? Хочешь, не хочешь, а мир человеческий на краю, да ещё и беспечным гедонизмом-гламуризмом совершенно изгаженный, обезображенный, опустошённый и обезоруженный. Мир как безумная пустота и человечество как пустотное безумие! И это всё умиительно зовётся идейными «передовиками»... *абсурдом*, которым они старательно и утешиваются!

Драка нужна, большая всемирная драка! Ох, как нужна! Но разве её ныне откроешь, ежели повсюду по миру ядерные и ракетные арсеналы. Вот и приходится мировым империальным игрокам ловчить, вести глухую подковёрную борьбу, сопровождаемую лишь допустимой россыпью локальных горячих войн. Западу надо во что бы то ни стало держаться наверху мировой пирамиды, управлять миром, иметь под контролем все мировые ресурсы и всё мировое хозяйство, эксплуатировать мир, присваивать мировое богатство, разумеется, с удержанием интеллектуального, знаниевого, информационного, технологического, психологического, масскультурного, даже и развлекательного, первенства. Запад — передовой, конструктивный, инновационный мир, и таковым он хочет ещё оставаться и оставаться, лишь приспособливая остальной мир под свои нужды, но никак не делая его тоже «западом». Отсюда весь западный, почти и не скрываемый, *глобальный империализм*, дообосновываемый ещё и тем обстоятельством, что мир западный сам по себе существовать уже не может, не будучи вовсе самодостаточным. И именно Запад более всего заинтересован сегодня в тотальной мировой войне — вовсе не в западной! — которая позволила бы Западу расчистить, перекроить и окончательно и бесповоротно подчинить себе не просто остальной, а уже попросту оставшийся, мир. Победная война всё гадкое, подлое и ужасное списала бы, а победителей, как известно, не судят. И вот этакая-то война сегодня совершенно невозможна, она самоубийственна для Запада и убийственна для всего планетарного мира. И *остальной мир*, противостоящий так или иначе Западу, на подобную войну тоже сегодня не пойдёт — да она ему и не нужна, ибо остальной мир — полузападный, четвертьзападный и незападный, а во многом попросту и антизападный — и так способен, развиваясь, освободиться от западного доминирования и по жизненной потенциальности его легко обойти. Запад вроде бы наверху, он ещё

господствует и даже чуть ли не управляет миром, но чаша исторических весов уже пошла в сторону от Запада, что понимает уже не только весь мир, но и сам Запад. И что интересно: не только никакой противозападной тотальной войны со стороны остального мира, даже и никаких настойчиво антизападных противодействий, а всего лишь один коллективный дипломатический ход — образование БРИК (договора между Бразилией, Россией, Индией и Китаем), а потом и БРИКС (с присоединением к договору одной из Новых Англий — Южно-Африканской Республики; а «с» всего лишь по-славянски английское «s» от Sud), — и Запад, нет, конечно, не на коленях (об этом нет сегодня и речи), но... в очень большом неудобии, близком если не к мату, то к очень уж красноречивому шаху. Не нокаут вовсе, даже и не нокдаун, но... предвестное потрясение, меняющее ещё не всё, но очень многое — безоговорочного политического доминирования Запада в лице США на планете больше нет!

580

На западный глобальный империализм, или же империльный западный глобализм, планета отвечает становлением новых мировых центров со своими базовыми зонами, как правило, международными. Западный моноцентризм если ещё и не закончен, то уже заметно подорван. На очереди планетарный полицентризм. И среди новых (заметим — новых!) мировых центров... э-э... Россия (заметим, не СССР, а именно Россия). Да, да, та самая Россия — подорванная, обобранная, униженная и оскорблённая прозападноглобалической реформой-революцией 1990-х. Вот она, *магика* истории: «и последние становятся первыми», хотя Россия не была вовсе последней и совсем даже не стала первой, однако почему-то вновь оказывается весьма заметной, влиятельной, внушающей кому надежду, кому страх, а кому-то и кое-какую гордость. Величие как бы спряталось на краткий срок от России, а потом вдруг

стало перед нею вновь показываться, чуть ли не прилепиться к стране, правда, более пока авансово, чем заслуженно! Россия это Россия, Россия есть Россия, Россия не может не быть Россией! И ничего тут не поделать! Хоть сегодня Россия и не прямой противник Западу, даже и кое-какой ему доброжелатель, но всё-таки не верный союзник, может, кое-какой партнёр, но никак не союзник, ибо кое-какое партнёрство всё-таки не безоговорочное союзничество. И приходится Америке не «дурака валять» относительно России, а вступать с ней в деловые — причём взаимоприемлемые — отношения. Не в полной ещё, конечно, мере, но самостояние России на мировой арене практически уже восстановлено. Да, есть проблемы, много проблем, нет еще необходимой силы, недостаточна потенция, но... дух есть, голова есть, движения кое-какие есть — великая держава таки возвращается!

581

Лукавая горбачёвская перестройка подготовила, а гнусная ельцинская революция обеспечила не только развал СССР, не только выведение России из СССР, но и вытаскивание России из-под СССР, то бишь из-под тогдашней — советско-социалистической, интер-большевистской, марксо-ленинской, ну и, разумеется, сталинско-ордынской — не-России. Что говорить, СССР хоть и был наследником Российской империи, но собственно Россией он никогда не был. А тут вдруг явилась вроде бы собственно Россия, пусть и усечённая, пусть и под искусственным названием Российской Федерации, но всё-таки — *Россия!* При СССР о России как субъектном феномене текущего настоящего вообще не говорили: СССР не был Россией, а подавленная Советским Союзом Россия попросту служила СССР, да так что никуда и никогда особенно не высывалась. А тут вдруг на историческую арену вышла сама по себе Россия, и вышла не как литература с искусством, а как... хотелось бы сказать — целостный национально-геополи-

тический организм, если не круче — как вполне исторический субъект, вершащий свою собственную судьбу, но, увы, один серваж — советско-социалистический, большевистский, он же сталинский — сменился в итоге горбачёвско-ельцинского переворота другим — теперь глобалическим, международно-финансовым, мироправительственным. Вот тебе и загогулина, вот и выворот, вот и прихоть историческая! Как была Россия в серваже, так и... да, да... вновь в нём оказалась и по-прежнему остаётся, но, мало-помалу очухиваясь и шаг за шагом укрепляясь, выходит из-под серважной вуали, во всяком случае — уже старается выйти, чая субъектного *возрождения* и организменного *воскрешения*. Пока брызжет на российское полуживое тело мёртвая вода, польётся в нужный час и живая!

582

В мире развернулась-разошлась большая геостратегическая игра, она же и мировая брань, в которой принимает сильное участие и Россия. Игроков тут немало множество — и это не одни только великие державы и международные организации типа ЕС, а и транснациональные финансовые, промышленные, торговые, коммуникационные, транспортные и прочие хозяйственно-экономические структуры, и разные идейно-политические организации, и тайные общества, и церкви, и националистические движения, и криминальные кланы, и террористические группировки. Большая практическая роль принадлежит в этой игре дипломатии и спецслужбам, разного рода тайным агентам всех влиятельных стран, народов, организаций и движений. Известное вспомогательное участие принимают в большой игре и интеллектуалы всех мастей, литераторы и деятели искусств, эксперты, журналисты, но и диссиденты, реформисты, революционеры, вообще разного рода протестники, как и, разумеется, предатели, изменщики, перебежчики. Громадный общемировой игральный дом-казино, он же и поле жестокой брани, он же и большой бордель — бес-

стыжий, беспощадный, кровавый! Но делать нечего: таковы пристрастия, вкусы и приёмчики цивилизованного общепланетарного бытия. Здесь право сильного, хитроумного, наглого, удачливого, но при этом непременно идейно и концептуально хорошо оснащённого. Пустоголовым тут делать нечего, разве лишь проигрывать! Не страсти вовсе, не чувства, не героизм, даже и не превосходный расчёт приносят в конце концов победу, пусть обычно и временную, а *идеи* и *концепты*, умело создающие мир и им без устали правящие. Даже военная сила с экономическим могуществом уступают интеллекту и ловкости, как хорошо когда-то доказал Давид в схватке с Голиафом или те же ахейцы великолепно продемонстрировали своим конным презентом в борьбе с доверчивыми троянцами. За Европой и Америкой, за их возвышением всегда стояли идеи и концепты, стоят они за их величием и сейчас. За Китаем и Индией тоже. Мусульманство поднимается за счёт своей идеологии и своеобразных концептуальных устремлений. То же было и в СССР. Большая идейно-концептуальная работа ожидает и новую Россию, ежели она хочет не проиграть, а выиграть — для себя!

583

Каждая азартная игра ведётся ради выигрыша, а уж большая геостратегическая — тем более! Выигрышей тут всяких множество, но главные либо господство, доминирование, владение, либо первозначимость, водительство, преобладание, либо самостоятельность, независимость, субъектность. Материально-вещественные гешефты вполне понятны и не заслуживают здесь особого размыслительного внимания. Гораздо важнее выигрыши метафизического свойства — социальные, политические, экономические, цивилизационные, культурные, знаниевые, информационные, отношенческие, поведенческие. Мир вообще не стоит на месте, он непрерывно движется и меняется, строится и перестраивается, разрушается и восстанавливается.

ливается, исчезает и возникает. Мир постоянно вибрирует, калейдоскопирует и трансформируется, меняя своё строение, свою организацию, свой образ. И игра тут не только не помеха, но, наоборот, самая действенная пособница, тем более что ведётся она без общих правил, хотя и с кое-какими полезными принципами, основана не на порядке вовсе, а на беззастенчивом и безостановочном произволе, а потому это даже не игра, а... что-то другое, чему и названия-то нет — пусть хотя бы будет... э-э... *метаигра*. Запад стремится к удержанию и наращиванию своего всестороннего превосходства, играя на всех полях и в любых координатах; Восток ведёт свою вполне змеиную, то бишь терпеливо-выжидательную, игру, стремясь не к явочному превосходству, а к неявному преобладанию; мусульманство сорвалось в атаку на весь мир, хотя главным образом на Запад, на США, на Европу, компенсируя тем самым какую-то закоренелую субъектную недостаточность; у тех же США цель одна — верховенство и водительство в мире в сочетании с его всесторонней эксплуатацией в свою пользу при недопущении его развития до уровня США; Европа, объединённая в ЕС, играет за себя, собственное процветание и удержание себя в верхней части мировой пирамиды, не исключая и возможности продления своего господского влияния на мир; та же Бразилия играет в великую державу, которой никогда не была, но, кажется, может стать, во всяком случае в пространстве южно-американского региона. У каждого субъекта-игрока своя игра и свой возможный либо уже реализуемый гешефт. Отсюда и разность мотивов, целей, методов и действий. Игра, конечно, в главном и по преимуществу конспиративная, вполне и бессовестная, безмерная, беспощадная. Мир в мире — не более чем необходимый для жизни и её производства компромисс, никогда не абсолютный. Так заведено на земле, так воспринято человеком, так им старательно воспроизводится! Мир в войне, война — в мире! И не мир на весь мир, а война ради мира во всём мире. Парадокс это или нет, но

это закон, а ежели не закон, то факт, а ежели не факт, то *пред-*расположение. Чьё? Нет, вовсе не одного только дьявола, ибо есть ещё Творец Мира, у которого с каким-то другим вариантом, видно, не вышло. Война в игре, и мир в игре, а в целом — человеческая в земном мире экзистенция, — и никуда от неё человеку не деться! Сдержки, конечно, есть — те же религии, те же законы, те же армии, но удержания мира в мире вне борческой экзистенциальной игры никак у человечества не получается, да, собственно, этого ему и не хочется — не то что не можетя!

584

Россия, как, собственно, и все большие мировые игроки, всегда в игре. Она и субъект игры, и её объект, участник игры и её же жертва. Такого положения, как «вне игры», никогда для Руси-России не было. Были отчаянные головоломки, были крутые завихрения, случались утягивающие в пучину воронки, как и выбрасывающие вверх коловороты; имели место страшные проигрыши-поражения, даровывались и великие выигрыши-победы. И главный многовековой приз в удачно-неудачной российской игре — РОССИЯ! Нет, не всеобщий рай, не Царство Божие на Земле, не даже устойчивая для всех житейская сносность, — Россия вовсе не символ покоя и благополучия, но зато символ необъяснимого выживания и более чем странного, какого-то прямо-таки неземного, бытия. Да, удивительнейшие взлёты и падения, сужения и расширения, крахи и восстановления. Россия — жизнь, но Россия — и нежить, мало того — смерть! Смерть в России всегда тут, она рядом, начеку, на подхвате. Ад так и не уходит никуда из России, хотя время от времени и суживается, иной раз и скукоживается, но, всегда готовый к вздутию, немедленно осчастлиливает страну своим зловредным присутствием. Россия — тяжкий игрок, она играет не слишком уверенно и не очень-то мастеровито, к тому же частенько и... «авосьно», но зато на редкость... нет, не удач-

583

ливо, но, скажем так... не без удачи, ибо Россия сохраняет себя, множит, усиливает, даже и изрядно себя иной раз возвышает. Ежели вся мировая геостратегическая игра — игра без правил, то российская игра, как правило, вообще вне всяких установочных параметров. Такая игра непредсказуема, непрочитываема, не угадываема, причём ладно бы для противников и партнёров, а то ведь и для самой России тоже, если не в первую очередь. И вряд ли от России можно ожидать чего-то другого, ибо помимо сложного и неопределённого генезиса, как и очень уж неясного характера, Россия всегда содержит в себе не только не-Россию, но и анти-Россию, а попробуй-ка поиграй с этим грузом в какую-либо большую судьбоносную игру? Но главное здесь всё-таки в том, что Россия «насквозь» рискованная, отчаянная, зигзагообразная страна — страна *не от мира сего*, а потому и столь не берущаяся даже для самой себя. Однако играет — и играет упорно, причём по преимуществу не ради своих собственных, от себя исходящих и себе служащих интересов, а в каких-то *иных* целях, самой России не очень-то и понятных. Телеология России — не просто тайна, а тайна очень большая, совершенно закрытая, вполне конспиративная, наглухо засекреченная, — так что игровая сверхзадача России никому из смертных не известна, а ежели что-то и кому-то известно, то лишь срочное, локальное, еле видимое, едва заметное.

585

Вот и современная — недопослеельцинская — Россия ведёт кое-какую свою геостратегическую игру. Не самую внятную, не очень ясно выраженную, мало кому понятную, хотя и кое в чём уже сориентированную-таки на интересы России. Вроде бы партнёр Запада, но в то же время и член БРИКС, и в не самом игровом согласии с Китаем, и противник многих западных интенций в мире; она в ВТО, но и в таких близких и выгодных России образованиях, как союз с Бело-

руссией и тот же ЕврАзЭС; чуть ли не часть глобальной атлантической империи, а при этом со своими особыми отношениями с Европой, включая Германию, Францию, Италию; самая большая от СССР часть с мощным, уникальным оборонным щитом (бывшая, в общем-то, основа СССР), не прекращающая «имперские замашки» держава (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах с Арменией, Таджикистан, Севастополь); приоритетный член всё ещё прозападной ООН, но борец против некоторых общих и за некоторые особые международные решения (одна или вместе с тем же Китаем); инициатор знаменитой мюнхенской президентской речи, не менее для мира значимой, чем фултонская британская (Черчиллиева). В общем, странная страна, ведущая и странную игру! Вроде бы вполне уже зависимая политически, экономически, технологически от Запада и глобального мирового центра, но при этом и «взбрыкивающая», своевольная, даже противодействующая. Одним словом — *Россия!*

586

Но дело тут не только в самой по себе России, её непросто архетипе и имперском норове, а и во внешнем контексте, в среде которого и весьма уже рисуночные если и не союзники, то хотя бы сторонники России, её партнёры по выживанию, развитию и стремлению к самостоятельности, так сказать — «друзья» — по противодействию агрессивно-империальному Западу, но также и... совсем не союзники и даже не сторонники России, но её, скажем так, вынужденные «благожелатели» прямо из западного мира, даже из самого глобального центра, ибо Запад и мировой центр вовсе не целокупны, не говоря уже о монолитности, отчего и отношение к России оттуда если не прямо противоположное, то весьма разное. Не все, короче, в мире и на Западе, даже в самом глобальном штабе, заинтересованы в немедленном крахе России, к тому же очень по последствиям непредсказуемом и крайне для

всех опасном, а многие в мире и кое-кто на Западе хорошо понимают, что Россия в принципе нужна миру и тому же Западу, причём в роли именно *великой державы*, способной структурировать и уравновешивать мировые силы, держать геополитический удар, удерживать и обихаживать северную евразийскую территорию, проявлять добротные «игровские» качества. Разумеется, вряд ли кто в мире хочет, кроме каких-нибудь Венесуэлы и Кубы, выхода России на первостепенную роль на планете, схожую с недавней ролью СССР с его соцлагерем, хотя очень многие заинтересованы в особой роли России в мире, ибо только Россия, как это ни странно, способна ныне не только замышлять, но и проговаривать что-то геополитически альтернативное — близкое, надо заметить, к текущей геостратегической правде. Конечно, кое-кому хочется на Россию опереться, получить от неё какие-нибудь преференции и бонусы, заполучить поддержку, опеку, защиту. Россия в мире не одна, что не значит, что ей доводится всю купаться в общем признании и всеобщей любви. Всерьёз рассчитывать Россия может только на себя, что не исключает, разумеется, возможности тех или иных для неё опор по всему миру, включая и высокий глобальный штаб.

587

Главная на сегодня геостратегическая задача для России — достижение ею... самой России, воссоздание страны и её возвышение, а мировое лидерство — вовсе ныне не российская задача! Россия совсем не обязана выдвигать какой-либо новый общепланетарный проект, тем более намеренно придуманный, да ещё и со своим собственным мировым лидерством. Иное дело, Россия должна принимать живейшее участие, в том числе и проективное, в строительстве нового планетарного мира, вполне разнообразного и вольно определяющегося, исключаящего при этом господство одних над другими, то бишь в строительстве *солидарного*, а не какого-нибудь ещё мира, не

исключающего, разумеется, локальных лидерств, но непременно свободного от чьего-либо на весь мир господства и от какого бы то ни было международного вассалитета. Ясно, что реальность не будет полностью соответствовать данной умозрительной конструкции, но образ её должен присутствовать в планетарной ноосфере и эффективно служить ищущему продолжения своего бытия земному человечеству. Западнизм, капитализм, социализм, глобализм, равным образом и восточный деспотизм — уже не примеры и не ориентиры, — обусловленное прошлым и опосредованное настоящим существование планеты связано более всего с будущим, каким бы странным, загадочным и туманным оно ни виделось сегодня, и идти человечеству надо именно в будущее — реальное будущее, а не в участливо поджидающую его бессрочную бездну. И Россия, пережившая только что образцовую социо-нравственную катастрофу, но всё-таки *выстоявшая*, может сказать вовсе не последнее в мире неординарное слово, если, конечно, выздоровеет, обретёт себя и существенно обновится!

588

Россия, в каком бы конкретно-историческом образе ни была, всегда играла заметную роль на международной арене, а в кое-какие моменты — вполне и решающую. Не утратила Россия насовсем своей геополитической значимости и в XXI в., хотя и освободилась в итоге сокрушающих страну реформных событий 1990-х от функции одного из двух мировых лидеров — глобальных империалистов. Россия по-прежнему империя, но в себе и для себя империя, не более чем большой империальный мир, в котором нет метрополии и нет колоний, хотя есть, конечно же, имперский центр и империальная периферия. Россия — *самодостаточная империя*, никому не угрожающая и никого никуда не ведущая. Нельзя сказать, что политика России совсем не империальная, но это вызвано не столько имперскими амбициями России, сколько империаль-

ной ролью России в евразийском регионе. Главная задача современной России вовсе не в потворстве своим или чужим имперским вождениям, а в сохранении и укреплении себя в качестве самостоятельного исторического субъекта и собственном социо-культуро-хозяйственном возрождении, способном дать России новый исторический образ, не слишком в то же время противоречащий сидящей в России архетипической данности. А поскольку это в общем-то непрояснённая данность, то движение в будущее и к новому образу должно происходить достаточно импровизационно — с необходимой свободой самовыражения своеобразного российского (русско-русского) корневого начала. Измены этому магнетическому началу — от рюриков до постсталинских коммунистов — всегда дорого обходились хоть и славной, и великой, но при этом и особо страдательной, восточноевропейской стране, её аборигенному славяно-россо-русскому народу и всему населению, той самой стране, которая побывала славянской (новгородской, киевской), рюриковской (варяжской), византийской, ордынской, европейской, коммунистической, а теперь вот почти что глобалической. Когда же, интересно, местная элита поймёт, что без движения к действительной Руси-России не может быть никакой устойчивой и жизнеспособной текущей России, а может случиться лишь очередной уродливый симбиоз, не обладающий необходимой эффективной витальностью? Недавний мировой социалистический проект — не российский вовсе проект, даже и не россо-немецкий, это вполне европейский (масонский, христианский, антихристианский, иудейский или ещё какой-нибудь) проект, а Россия оказалась той могучей страной, которую прогрессивным-де европеоидам было не жалко и которую можно было использовать в качестве экспериментальной и базисно-отправной площадки для реализации внешне вроде бы гуманистической, а по сути-то вполне и антигуманной, коммунистической утопии. Ради этого была разгромлена Российская империя, почти уничто-

жена российская Православная церковь, подвергнута остракизму русская культура, решительно искажена отечественная история. Напасть была огромная, тёмная и страшная! Да, Сталин со товарищи, продолжая вроде бы строить социализм, а на самом-то деле построя тотальный этатизм ордынского кроя (Сталин-Джугашвили, кстати — иноплеменник, и хоть не из Орды, но с Кавказа, пусть и ортодоксально-христианского, но всё-таки не европейского — южного), обеспечил некоторый возврат к отечественным основаниям империи, культуре, Церкви, но полного разворота не допустил, то ли не принимая всё местное архетипическое, то ли боясь его, то ли чего-то в нём недопонимая, то ли отложив его приятие на потом, то ли всё-таки всерьёз уверовав в какое-то новое, чуть ли не коммунистическое всемирное будущее. Так или иначе, но сталинизм не пришёл к достаточной страновой органике, довольствуясь насильно-искусственным симбиозом, бывшим не в пользу российской, а потому со временем и потерпел поражение, оставшись пусть и смягчённой, и гуманизированной, и обуржуазившей, и обмещанившей, но не органичной национальной почве надстройкой над полуживым отечественным базисом. Нельзя сказать, что мировой соцпроект не был совсем уж чужд советско-социалистическому сознанию, но он не был ни *его* проектом, ни *вполне адекватным ему* проектом, ни тем более *его главной целью*, а потому и легко отлетел от него — проект этот даже не пришлось громить, как тот же, заметим, имперо-российский! Так что сегодня для России и от России никаких мировых проектов, тем более — глобальных, тем более — утопических, тем более — «красных»! Хватит проективных надругательств над Россией: Россия должна развернуться лицом к... России, — вот и весь тут, понимаете ли, сказ!

589

О-о, в России ныне всё не просто, всё под вопросом, всё в смешении и неразрешимости! Однако надо — надо совер-

шить невозможное, помятуя при этом, что что-то происходит само собой, что-то вершится произвольной волей, а что-то всё-таки проективно создаётся. Ясно, что России не нужен ни завязтый крайний капитализм, который не может не быть сегодня ничем, кроме глобального колониализма; ни придуманный кем-то и где-то невнятный и неумный социализм; ни «деревянный» тотальный этатизм с его вынужденным и натянутым аскетизмом; ни царство денег с его прельстительным — разорительным и развращающим — гедонизмом; ни ушедшая в небытие самодержавная империя; ни какая-нибудь клерикальная цивилизационно-государственная конструкция. И частный капитал должен быть, и трудовая социальность тоже, и государственность, и гражданственность, и религия с церковью возможны, и светскость (секулярность) с театрами тоже, и от наций никуда не уйти, как не уйти от взаимосвязанного и взаимозависимого планетарного мира, и всемирная координация стран и народов должна иметь место, и какая-то ООН должна быть, и региональные союзы тоже, и общая международная за мир ответственность. Пусть цветут все цветы в саду человеческом, а не засыхают последние цветочки на могиле вдруг отвергнувшего себя человечества! Вот и Россия не может избежать всего необходимого, проверенного, выстраданного, полезного, приемлемого, потребного, разумеется, в неустанной борьбе с неустанно из преисподних нор вылезающими, а иной раз и вполне торжествующими, уродствами, деградациями, патологиями, бедами, катастрофами. Хуже всего, когда сама цивилизация превращается в свою хоть и внешне цивилизованную, но противоположность — как раз в антицивилизационную, как, собственно, было не только при головомойном фашизме и тех же головобойных большевиках, но и, пардон, при тех же беспардонных и беспощадных ельцинских реформистах.

Сейчас Россия возвращается к цивилизации, либо окончательно завязнув в сетях глобальной Западной цивилизации в качестве её неокOLONиального придатка, либо всё-таки выбравшись на свою собственную цивилизационную дорогу, давно ей уже провидчески начертанную, причём без подражательного обращения к прошедшему опыту. Тут возможны любые фантазии, но... есть всё-таки и кое-какие императивы. Первый из них — *свобода*, понимаемая не как вседозволенность, а как антирабство, антикрепостничество, антидеспотизм. До приемлемой (эффективной) свободы России ещё далеко, но семена посеяны, есть уже и кое-какие плоды, так что всё несвободное должно строиться теперь не на несвободе, как было прежде, а на свободе, на самоопределении, на самостоятельности, на самотворчестве людей-граждан, коллективов-граждан, нации-гражданки, всего гражданского социума, как и вполне гражданского государства. Против такого рода *гражданско-государственного общества*, уважающего свободу и к ней приравнивающего необходимую несвободу, никто из нормальных (полноценных) человек никогда не будет, как не будет возражать и против всеобщей (личной, семейной, коллективной, групповой, локальной, национальной, общепланетарной) *ответственности*. На разгулявшуюся от ложно понимаемой свободы и лживо представляемой несвободы почти тотальную безответственность будущее общество не может не ответить всесторонней ответственностью — выживут и продолжат бытие человеческое только *ответственные!* Ответственность сегодня — фактор не просто сносного существования, но фактического выживания, если уже не крайнего спасения. Лучше всего, конечно — *самоответственность*, но ежели её нет или она в явном дефиците, то обществу придётся не только воспитывать её, а непосредственно и требовать, не останавливаясь и перед чрезвычайным насилием. Есть свобода ответственности, но есть и ответст-

венность свободы, — и коли свобода вредит ответственности, то в дело вступает диктатура — да не одного лишь закона, а и... *совести!* Но лучше до этого не доходить: Сталин ведь вовсе не так уж волонтарно стал жёстким, непреклонным и кровавым диктатором, ибо... бессознательная безответственность, а с ней, увы — не только безразличие, расхлябанность и безделие, но и коварная измена, и горькое поражение, и слепая диссипация. Обломовщина никогда не была, в отличие от многих сегодняшних «инженеров человеческих душ», идеалом для работоспособного коммунистического вождя! Социум (здоровый, конечно) — не только общность, но и *солидаризм*. Любой деятельный социум угаснет рано или поздно и непременно развалится не только без достаточной свободы и потребной ответственности, но и без необходимой солидарности всех членов и составных частей социума, а чтобы была всеобщая солидарность, должны иметь место и такие феномены, как *справедливость*, равенство всех перед законом, гражданское уважение гражданина. *Уважение*, кстати — основа любого совместного бытия! Не любовь вовсе, а именно уважение — *уваж-ение*: любить всех, конечно, можно, но не обязательно, да и не очень-то получается, а вот уважать — это обязательно! Хочется это кому-то или не хочется. Не надо объятий, не надо слюней и даже слёз — извольте уважать, — разумеется, как самих себя! Что тут плохого? Ни-че-го! Не прикасаться, не толкать, не лезть в душу, не выливать свои миазмы на другого! Ага-а, следственно, перестать быть... русским?! Да, но вульгарно понимаемым и гнусно практикуемым русским. Русскому есть от чего избавляться и к чему идти, ибо взаимоуважение вовсе не отрицание корневой русскости, а её очищение и выправление. Да здравствует *правильная русскость*, замешанная на *вольности* (не на свободе, а именно на вольности) души, ума, сердца, сознания, той самой *вольности*, которая не вредит ни душе, ни уму, ни сердцу, ни сознанию, наоборот, всё это удерживает, сообразует, обогащает!

Легче всего призвать на помощь диктатуру... эту самую «диктатуру совести». Без наведения общего цивилизационного порядка ведь никак не обойтись. И силу применить придётся, однако не эту — не тоталитарную, ибо открыто нынче всё, открыто, а силу точного попадания, чтобы некомфортно было «отдельным элементам», а всем-то как раз было бы вполне приемлемо. Ничего не поделатъ: животворная поднимающаяся Новая Россия *опричь* морально устаревшей и дюже смертоносной — так сказать, тонущей — России. Фантазия! Да, фантазия, ровно такая же, какая родилась когда-то в голове Петра I или созрела в головах большевиков, перевернувших-таки Россию, хоть и не так, не совсем туда, как и вовсе не туда. Но дело тут не в методах и результатах, а в фантазиях, которые почему-то бывают склонны воплощаться в реальность. Выходит, что захотеть очень надо — получить Новую Россию, вполне и здоровую, ну и поработать изрядно для этого надо. Ха, титанов-простофиль, как и героев-дурачков нынче нет, все уже извелись, так что некому строительством Новой России бескорыстно и плодотворно заниматься! Да-а, нет, но должны быть, пусть не титаны и не герои, но и не «простофили» с «дурачками», а попросту умные целеустремлённые человеки, которые что-то важное понимают и ради чего-то важного готовы работать. В противном случае... конец, нет, конечно, не мира и жизни... пока, но для начала всего лишь своей России, своей Отчизны, своей Истории, своего Народа, а потому и... самих себя тоже. Отсюда либо в люди и для людей, либо в черви и для червей — выбор! И ничего нет отвратительнее усталых, измождённых, сдавшихся, хоть и ещё более отвратительны жрущие, хапающие, жирующие. Не-ет, Россия ещё есть, она жива и живёт, пусть и тяжело, и уродливо, и гадко, но разве историю, не человеком вовсе задуманную, кому-нибудь остановить? Россия своего последнего слова — как раз вполне и *российского!* — вовсе ещё не сказала, а в слове — СЛОВЕ, вполне

и *софийном*, не одна Россия сегодня остро нуждается, а и весь планетарный мир, порядочно заблудившийся под водительством самоуверенного, но уже давно сбившегося с гуманистического курса Запада.

592

История человечества — история человеческого блуда и безумия, страдания и отчаяния, это постоянный, неутомимый и неустрашимый источник беспокойства, неблагополучия и потерь. В реальной истории мало места для счастья — разве лишь непрерывно уговаривающий себя монах бывает счастлив или же принявший обет молчания пещерный отшельник — тогда для чего же вся человеческая экзистенция, ежели только уклонисты от живой реальности бывают... э-э... счастливы, да и то в ходе и по результатам физических над собой казней и психотерапевтических ауто-суггестий? Для чего вообще человек с его сознанием, словом, языком, чувствами, переживаниями, порывами, страстями, инстинктом выживания и стремлением к продолжению рода своего, ежели он может быть, или же может лишь казаться быть, счастливым только в отрешении от себя самого и своего вполне вроде бы человеческого образа? Однако история, эта разборчиво-неразборчивая бестия, не ждёт и не останавливается, а потому человек в ней непрерывно бьётся за себя и свою жизнь, ежемгновенно ею рискуя, что-то при этом обязательно находя и что-то непременно теряя, — радуясь, досадуя и убиваясь! Один лишь абсурд тут с точки зрения развитого сознания! Да, именно так — АБСУРД! Хотя и не совсем уж абсурд, ибо что-то всё-таки у человечества получается, как раз то, что, может, и даёт кому-то из человеков суетное удовлетворение, но никакого воистину правильного, доброго и долговременного счастья всё-таки не приносит.

Человек на Земле не для счастья, а для испытания, а ежели кому счастье всё-таки выпадает, то по преимуществу ценой лишь своего или чужого (компенсационного) несчастья, а вот какого — жизнь сама и непременно выказывает! Да, человек стремится вырваться из западни, в которой он пребывает по воле то ли самого Создателя, то ли его прямого конкурента — сатаны, то ли по своей собственной воле, а потому и рвётся он к удовольствиям и удовлетворениям, физической крепости, долгой жизни, почти что и к бессмертию, а теперь вот рвётся и куда-то с Земли долой — в космос, на другие планеты, в иные физические миры. История — история человеческих заблуждений, беснований и зверств, борьбы за существование, хотя при этом и спасительной взаимопомощи, и доверительных сплочений, и возвышенных подвигов. Низость, серость, обыденность всегда в актуальном наличии, они массовы и плотны, болотисты и вязки, как и упрямы, бесстрастны и беспощадны. И казнят, казнят, казнят — всех выделяющихся и слишком уж одарённых, а водители мира им упорно в этом подыгрывают, тоже казня и казня по преимуществу как раз исключительных. А ведь всё дело в самом человеке, в этом несносном продукте иного мира, занесённом в природу и ей немилосердно приданном. Ах, сознание, сознание, зачем ты и что от тебя, если ты так невыносимо, обременительно и откровенно ужасно?! Человек думающий и от дум невесёлых страдающий, пусть и дискретно, неплохо знает, что же в конце концов есть человек и что есть его история, — и человеку думающему и страдающему легче всего плюнуть на человека и его историю, как это делают жизнелюбивые обыватели, популярные бытописатели, энтузиастические гедонисты, отпетые разбойники, хитроумные отшельники, — ан-нет, человек думающий и страдающий жаждет каких-то позитивных перемен, которых, как он хорошо знает, никогда не будет, пока есть оно — человечество. Находятся и такие умники, которые

охотно желают человечеству полной гибели, утверждая, что чем человеку хуже, тем для мироздания лучше. Но мир человеческий — от своего начала до своего конца — трансцендентен, он — тайна, и никто из смертных ничего *такого* о нём не знает, а потому любому незаурядному смертному остаётся лишь... нет, не надеяться, а всего лишь возлагать надежду... как раз на эту самую трансценденцию, где в лидерах уже не ум человеческий, как и не его убогая мудрость, а сама София Премудрость Божия, к которой человек, реальностью вполне загнанный в угол, но оттого и горестно вопрошающий, вольно или невольно обращается, не получая никакого вполне удовлетворяющего его ответа, ибо... *не положено!*

594

София вовсе не враг человеку, она его хоть и не безусловная, но союзница. Да, ничего полного, ничего окончательного, ничего достоверного, но всё-таки кое-что *важное из возможного*, или же кое-что *возможное из важного*, София предоставить вполне может, хотя и по выбору, и иносказательно, и не без умысла! София вовсе не на службе у человека, но она всё-таки с человеком, и всё потому, что была когда-то рядом с Господом аж при *сотворении мира* — не более и не менее! София — кладовая смыслов и источник знания, лишь частично и косвенно — через Логос — человеку доступных. София содержит, приоткрываясь, человек интерпретирует, улавливая. Между человеком и Софией — непреодолимая дистанция, но не пространственная, а скажем так — обозначительная, ибо людские словеса, имена и значения вовсе не прямо софийны, а только косвенно, — и в них самих София попросту не нуждается. София — не Логос, она вне слов, имён и обозначений, здесь сплошная бессловесность, плотное молчание, не выражимая ничем тайна. Общение с Софией — бессловесное, молчаливое, конспиративное — и никаким другим оно быть не может! Словесно-понятийное выражение уловленного смыс-

ла — дело Логоса, а потому всякое обо-слов-ливание — не более чем у-слов-ность. Словленный смысл — слово, а слово — непременно словленный смысл, вроде бы схваченный, но и тут же утопленный. Отсюда важность заполучения и овладения смыслом без слов, его замечания за словами, восприятия в междусловье. Главное смысловое как раз менее всего словесно выразимо, ибо оно оттуда, из засловья, где нет слов, которые там вовсе и не нужны. Слово подуманное, а ещё и со смыслом изречённое, а ещё и вдруг ради смысла написанное — от смысла в отрыве. Вот почему читать тексты надо уметь, слушать речь надо с пронизательным вниманием, а думать... о-о... думать надо очень ответственно!

595

София не связывает себя ни пониманием человека, ни добротой к нему, ни любовью. Она совершенно нейтральна! Да и человек не обязан любить Софию, перед ней «дикое» преклоняясь, ей всячески угождая. София во всём этом не нуждается: с ней нет никаких чувственных отношений, не требуется и никаких аховых страстей. Здесь вполне бесстрастное взаимодействие, при котором человек не суетно, сосредоточенно и ответственно вопрошает, а София согласно воле своей отвечает, — и никакого тут не то что панибратства, но даже и «дружества»: София ничего подобного не прощает, она — Страх Божий, то бишь Тайна Божия, а потому и строга, и непреклонна и... беспощадна! Да-с, в любви к себе София не нуждается, но зато нуждается в совершенно осознанном уважении себя, отвечая уважающему её человеку с не меньшим же уважением.

596

Время Софии — вечность, а время софийного человека — молчание, переходящее порционно в молчаливое слово, становящееся вдруг для заговорившего человека тяжким бре-

менем, нередко и невыносимым. Страх Софийный — мера, а страх человеческий — вера, на том человек и сходится с Софией!

597

Бытие человеческое полно смысла, в том числе и смысла, человеку неведомого, во всяком случае в пределах его — чисто человеческого — бытия. Миссия человека идти за этим неведомым ему смыслом, питая иллюзии и делая ошибки, ужасаясь, опрокидываясь, погибая.

598

И Россия точно так же, как и человек вообще, идёт за таким вот бессмысленным *смыслом*, как время от времени бессмысленно топчась на месте, так и время от времени делая немислимые рывки — вперёд, назад, в стороны. София с Россией, но не по вопросу её бытового благоустройства, а по вопросу *пути* — прямо через ад, но уж никак не в рай, а... куда?.. знать бы, но... не положено, следственно — туда! — к Страшному Суду, а может, и прямо на Страшный Суд — Суд Божий! И не свернуть России с этого пути!

599

Вот почему Россия и есть София, хотя сама София вовсе никакая не Россия! Избранничество России не в устройстве Царства Божиего на Земле — этим как раз занимается ЕвроАмерика, а теперь, возможно, займётся и Китай, — а в приуготовлении чего-то совсем *иного*, о чём ещё никем, кроме Иоанна Богослова, и не помыслено как следует, но что может-таки родиться в забубённом русском — а не в российском! — сознании, — недаром же именно русское сознание занято более не собой, а «мировыми проблемами», то бишь мировым сознанием, его наполнением и исходом.

Нет, Россия *никакой ни для кого не пример*, она и для *себя самой не пример*, ибо менее всего занята собой. Миру доро́га Россия не физическая, хотя она и признаваема за факт, возможно, для кое-кого и сомнительный, а метафизическая, за факт пока никак вообще не признаваемая. Однако именно в России родилась *софийная философия*, она же и *софиасофия*, а в её сердцевине — *софийная философия хозяйства*, призванные обогатить, обновить, а может, и выправить человеческое сознание, но не через новое практическое и даже новое логосное знание, а через знание (точнее бы сказать — осознание!) *софийное*, прямо коррелирующееся и тесно увязанное непосредственно с Софией Премудростью Божией. И залогом всему этому идейно-духовному *вырыву* служат неопределённость, невыраженность, незавершённость России, её страдательность, её загадочная странность и убедительная неотмирность, её поражающая своей обыкновенностью трансцендентность, как и восходящая прямо к Божественной Софии её *Великая Тайна!*

Вместо метасловия

Осиливший эту книгу, но не вошедший в её смысловое нутро, задаётся, наверное, вопросом: «А причём тут София, ежели это всего лишь частное мнение автора текста?». Да, книга эта не более чем частное мнение автора, а софийно оно или нет, судить, конечно, не автору, но, увы, и не читателю. Лучший судия здесь, разумеется, время, но реального времени нет — ни у автора, ни у читателя, как нет его сегодня ни у кого вообще. Суждение — не прерогатива текущего момента, а потому или улавливаешь что-то, размышляя, либо не улавливаешь, скользя глазами по буквам. Разъяснить что-либо — последнее дело! Тут уж никакой перспективы! Так что оставим каждому из читателей возможность собственного суждения, а вот какого, пусть это как-то само и решается!

Человек сегодня очень много знает... ничего по сути не зная: наука не только не спасла человека узнающего, но, пожалуй, ещё более его запутала. Как был мир тайной, так ею и остаётся! Обращение к Софии Премудрости Божией — не попытка что-либо узнать из незнаемого, — это-то как раз делает наука, — а стремление войти в согласие с миром не то что незнаемым, а прямо-таки непознаваемым, причём в согласие, позволяющее через непознаваемое получше распознать... знаемое. Софиасофия — просвещение знаемого лучом непознаваемого, или же взгляд на знаемое через призму непознаваемого, то бишь прямо наоборотно науке, когда незнаемое просвещается знаемым или рассматривается через призму знаемого. И до такой вот софиасофии надо дойти, признав непознанность познанного и ставя задачу познания этого вроде

бы познанного. Софиасофия — познание познанного через посредство не непознанного, а именно непознаваемого, разумеется, познание, как и любое человеческое познание, ограниченное и относительное, но... *другое*, совсем не то, что рождается вне сознательного обращения к Софии.

Это-то *другое* и сидит в тексте то ли внимательно прочитанной, то ли всего лишь торопливо пролистанной книги, точнее, даже не столько в тексте сидит, сколько бытует за текстом, в междусловье, не только при этом не выпячиваясь, а старательно где-то прячась. Смысл вообще — не то, что нарочито является, а то, что тщательно скрывается, не то, что легко даётся, а то, что намеренно ускользает. Смысл не механичен и не технологичен, он вообще не функционален, а потому ловля смысла — охота за... ничто, лишь по прихоти Софии вдруг обращающееся в какое-нибудь нечто, да и то, во мгновение испаряющееся, ежели не принять, не понять, не полюбить!

Трансцендентное — не то, что нужно, согласно науке, упорно отрицать, а то, что следует, согласно метафизической философии, не говоря о религии, нарочито предполагать, мало того, с чем надо непременно взаимодействовать. Главный критерий истины (разумеется, всегда ограниченной и относительной) не факт вовсе, как учит наука, а его, этого факта, трансцендентность, что и пытается показывать терпеливо и неустанно метафизическая философия. Да, человек, к примеру, очень вроде бы определённый, если не точный факт, но что есть на самом-то деле человек, этот странный обладатель странного сознания — вовсе не такого уж определённого и точного факта? Да — человек, да — сознание, но... «воистину» истинной в том и другом факте является только их... э-э... *трансцендентность!*

С Софией можно договориться... на условиях Софии, не «влезая» в запретное и довольствуясь положенным, как раз тем самым *другим*, о котором только что было выше сказано. А этого всего *другого* случается совсем и не мало, ежели иметь

в виду не только и не столько обословленно сказанное, сколько словами невысказанное — то ли лишь подразумевавшееся, то ли попросту и неподуманное.

Читать не вширь, а вглубь, вычитывая непрочитанное, возможно — как-то предположенное, а скорее всего — и не предусмотренное. Важнее бывает не то, что сказано, а то, что не сказано, мало того, чего автору того или иного текста даже не мерещилось.

И ежели та же история есть постоянно пополняющийся развёртывающийся текст, то для метафизика-софиасофа значимее не так сам по себе этот текст, как *за-текст*, *под-текст*, *над-текст*, то бишь не текст как таковой, а *метатекст*, где как раз и находят приют все *метасмыслы* вроде бы хорошо изученной фактологически истории. То же самое можно сказать о человеке, обществе, хозяйстве, экономике, культуре, цивилизации, вообще о бытии.

Главное — обнаружение метасмыслов путём *метасмыслологии*; тогда-то и реализуется *метафизика*; тут-то и выходит на передний план *софиасофия*; здесь-то и вступает в дело *София Премудрость Божия*, разумеется, по своей и только своей воле!

Автор книги знает, что он мало что знает, хотя и знает, что он знает кое-что такое, что другие не знают, как и знает, что он не всё сказал в вышеприведенном тексте — из того, что ему было известно, ибо исходил из предположения, что заинтересованный читатель способен многое додумать сам, даже и то, что автору вовсе и не известно, как и исходил из предпосылки, что есть тексты (вместе с метатекстами) — просто так — из любопытства! — не берущиеся.

Смысл ведь любит труд — большой труд, которого, правда, очень не любит спешащая куда-то стремглав опустевающая современность!

Осипов Юрий Михайлович
Наедине с Софией. Метафизические реалии

Редакторы: Е.С. Зотова, Т.Г. Трубицына

Вёрстка, оригинал-макет С.С. Нипа

Подписано в печать 27.01.2014.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Печ. л. 38. Тираж 300 экз. Зак. №
Издательство «ТЕИС»
115407, Москва, Судостроительная ул., 59
Тел. (495) 939-32-28

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6